

Ю. М. ГАЛЕНОВИЧ

СТАЛИН И МАО

ДВА ВОЖДЯ

Ю. М. ГАЛЕНОВИЧ

СТАЛИН И МАО

Два вождя

**ВОСТОЧНАЯ
КНИГА**
Москва • 2009

УДК 929Сталин И. В.+929Мао Цзэдун
ББК 63.3(2)6-8Сталин И. В.+63.3(5Кит)6-8Мао Цзэдун
Г15

Галенович, Ю. М.

Г15 Сталин и Мао. Два вождя / Ю. М. Галенович. — М.: Восточная книга, 2009. — 574, [2] с.

ISBN 978-5-7873-0454-1

В драматической истории XX столетия И. Сталин и Мао Цзэдун занимают особое место. Лидеры двух великих держав, ввергшие свои народы в пучину глубочайших потрясений, эхо которых не утасло по сей день... Их взаимоотношения были крайне сложными. В большой политической игре нашлось место и взаимным подозрениям, и интригам, и вероломству.

В своей книге виднейший российский китаевед, автор многочисленных публикаций по новейшей истории Китая Юрий Михайлович Галенович подробно раскрывает подоплеку событий 1940–1950-х гг., показывая сложность и противоречивость того времени, всю неоднозначность мотивов и поступков вождей, вершивших судьбы сотен миллионов своих сограждан.

УДК 929Сталин И. В.+929Мао Цзэдун
ББК 63.3(2)6-8Сталин И. В.+63.3(5Кит)6-8Мао Цзэдун

© Ю. М. Галенович, 2009
© ООО «Восточная книга», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Коминтерн и суневец Мао Цзэдун	9
Сталин, Мао Цзэдун и Чан Кайши	13
Сталин, Мао Цзэдун и Киткомпартия	14
Сталин и родственники Мао Цзэдуна	42
П. П. Владимиров — нечаянный посредник между Сталиным и Мао Цзэдуном	51
Связной Сталина И. В. Ковалев и Мао Цзэдун	119
А. И. Микоян — «голос и ухо Сталина» и Мао Цзэдун	145
Сталин и посланец Мао Цзэдуна Лю Шаоци ...	204
Сталин и Мао Цзэдун накануне образования КНР	240
Встречи Сталина и Мао Цзэдуна в Москве (декабрь 1949 года — февраль 1950 года)	257
Сталин, Мао Цзэдун и В. М. Молотов	339
Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи (1950)	343
Сталин и издание работ Мао Цзэдуна	412
Китайская Чанчуньская железная дорога (КЧЖД)	417
Имущество в Маньчжурии	423
Кредит Пекину	428

Балет «Красный мак»	431
Соотношение валют и реальный характер отношений	441
Синьцзянская нефть	445
Кинофильм «Путешественник Пржевальский»	447
Сталин, Мао Цзэдун и Н. С. Хрущев	451
Монголия	453
Синьцзян	456
Хайнаньский каучук	458
Сталин, Мао Цзэдун и Гао Ган	460
Корейская война	485
Посмертная оценка Сталина и Мао Цзэдун	547
Послесловие	549
Примечания	552

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всего три с половиной года, с конца 1949 года по начало 1953 года, Сталин и Мао Цзэдун находились в равном положении, то есть обладали высшей властью и в своих партиях, и в своих государствах. Именно тогда, с их благословения, пропаганда обеих партий, и ВКП(б) — КПСС, и КПК, рисовала картину советско-китайских отношений самыми розовыми и радужными красками, внушая простому человеку мысли о нерушимости советско-китайской дружбы и о том, что у этих двух народов есть два вождя: Сталин и Мао Цзэдун; вожди были как бы равновеликими, их имена составляли один ряд, правда, в этом ряду имя Сталина ставилось перед именем Мао Цзэдуна.

В нашей стране была создана песня «Москва — Пекин», под которую каждую неделю с Ярославского вокзала уходили поезда в Пекин. Помнится, что в этой песне были такие слова:

Русский с китайцем братья навек.
Крепнет единство народов и рас.
Плечи расправил простой человек.
С песней шагает простой человек.
Сталин и Мао слушают нас! Слушают нас!

(С последней строкой первого куплета происходили метаморфозы вслед за переменами в политике партии. Когда Сталин умер, в текст внесли изменения, и он стал звучать так: «Сталин и Мао в сердце у нас! В сердце у нас!»; когда же Сталина в нашей стране раскритиковали, а Мао Цзэдуна не сочли единственным высшим руководителем межкомдвижения, тогда слова песни изменили еще раз, и они стали выглядеть так: «Дружба навеки в сердце у нас! В сердце у нас!» Итак, имена Сталина и Мао исчезли, а их место заняла «дружба», о которой ранее в песне слов не было.)

Припев:

Москва — Пекин, Москва — Пекин,
Идут, идут вперед народы.

За светлый труд, за прочный мир
Под знаменем свободы.
Слышен на Волге голос Янцзы,
Видят китайцы сиянье Кремля.
Мы не боимся военной грозы,
Воля народов сильнее грозы.
Нашу победу славит земля! Славит земля!
В мире прочнее не было уз,
В наших колоннах ликующий май.
Это шагает Советский Союз,
Это могучий Советский Союз,
Рядом шагает новый Китай! Новый Китай! [1]

В тексте песни была заложена важная тогда, с точки зрения Сталина, пропагандистская установка о необходимости сохранения мира, с чем вряд ли полностью и именно в такой формулировке был согласен Мао Цзэдун.

В заключительном куплете песни опять проводилась мысль о том, что Сталин хотел бы видеть Мао Цзэдуна в одном строю с собой, его государство в одном лагере, в одном строю с СССР, но при этом на первом месте, в голове колонны должен был всегда оказываться Советский Союз, могучий Советский Союз, а новому Китаю отводилось место рядом с СССР, но как бы чуть уступая ему первенство в движении и при принятии решений.

В КНР же, очевидно с благословения Мао Цзэдуна, в те же годы распевали свою песню:

Туаньцзе цзинь,
Туаньцзе цзинь,
Чжун Су жэньминь
И тяо синь.
Сыдалинь хэ Мао Цзэдун цзай линдао,
Баовэй шицзе чицзю хэпин.

Это означало:

Теснее ряды,
Теснее ряды,
У народов Китая и СССР единое сердце.
А во главе у нас Сталин и Мао Цзэдун,
Они защищают вечный мир на земле.

Мао Цзэдун скрепя сердце был вынужден мириться и с тем, что имя Сталина приходилось ставить перед его именем, и с

необходимостью вторить Сталину тогда, когда тот настаивал на тезисе о необходимости сохранять прочный мир во всем мире.

Миллионы людей в обеих странах на протяжении нескольких лет жили под гипнозом такого рода лозунгов и слов. При этом большинство искренне верило, что все это так и есть на самом деле. Прозрение пришло, но оно пришло в результате мучений, на которые именно Сталин и Мао Цзэдун обрекли народы.

Сталин и Мао Цзэдун. Два тирана, два диктатора двадцатого столетия. Погубители десятков миллионов жизней в своих странах, вожди двух крупнейших государств-соседей. Политические и государственные деятели, номинально или формально объединенные одной идеологией — марксизмом-ленинизмом — и фактически разъединенные и, более того, поставленные один против другого самой сутью своих воззрений и претензий на лидерство, на господство как в области идеологии, так и в геополитике. Сталин и Мао Цзэдун — это, так сказать, товарищи-соперники, это союзники поневоле.

В известной степени каждый из них выражал интересы своей нации, далее — своего государства-партии и, наконец, свои личные интересы. Ни один не желал, по сути дела, считаться с позицией другого. Компромиссы и соглашения между ними были вынужденными, появлялись как результат упорной борьбы. Мао Цзэдун считал, что он со Сталиным сыграл вничью. Думается, что Сталин видел себя победителем в игре с Мао Цзэдуном. Всю тяжесть их борьбы пришлось нести народам обеих стран. Если Сталин был горем России, то Мао Цзэдун — горем Китая.

Сталин был практически хозяином в своей партии и в государстве задолго до того, как таким хозяином в своей партии стал Мао Цзэдун, и намного раньше того, как Мао Цзэдуну удалось в результате поражения его внутривластного соперника Чан Кайши создать свое государство — Китайскую Народную Республику. Иными словами, Сталин пришел к власти в своей партии на пять-десять лет раньше, чем Мао Цзэдун — в своей, а к власти в своем государстве Сталин пришел на двадцать пять-тридцать лет раньше, чем Мао Цзэдун в своем. Правда, и из жизни Сталин, который был на 14 лет старше Мао Цзэдуна, ушел раньше на 23 года.

Сталин и Мао Цзэдун общались друг с другом только однажды; это произошло в конце жизни Сталина в Москве, куда был вынужден поехать с визитом Мао Цзэдун. Это было довольно длительное и далеко не простое свидание. Оно продолжалось почти два месяца.

До той поры они связывались между собой либо путем переписки, обмена телеграммами, либо через доверенных лиц, посредников. При этом сыграли свою роль некоторые политические фигуры. Существовал своего рода институт полномочных представителей. Отношения Сталина и Мао Цзэдуна осложняло то, что внутри КПК были деятели, которые делали ставку на помощь Москвы в своей борьбе за власть в КПК.

Две супруги Мао Цзэдуна, два его сына, его дочь либо провели в СССР по несколько лет, либо неоднократно бывали в нашей стране, что пытался использовать Сталин и чего не желал замечать Мао Цзэдун.

Уникальные это были лидеры, и уникальными были их отношения. Каждый из них был непоколебим в своем убеждении, что именно он и его партия, его идеология отражают коренные интересы не только его собственного народа, но и всего человечества, во всяком случае его трудящейся части. Они думали, что все, что они делают, осуществляется в интересах большинства простых людей. На самом же деле и тот и другой создали в своих странах тоталитарные режимы, партийно-государственные властные структуры, погубили миллионы и миллионы людей, своих сограждан, исторически отбросили свои страны и народы назад, задержали их развитие.

Сталин и Мао Цзэдун были несовместимы. Между ними не было и не могло быть взаимопонимания. Если казалось, что оно по каким-то вопросам существовало, то это было обманчивое, внешнее впечатление. Не было взаимопонимания, не могло быть и настоящей дружбы и тем более не могло быть искреннего союза.

Обстоятельства сложились таким образом, что войн или значительных военных столкновений между Россией (СССР) и Китаем (КНР) при Сталине и Мао Цзэдуне не было.

Отношения Сталина и Мао Цзэдуна важны и как контакты двух выдающихся личностей в мировой истории, и как связи лидеров двух крупнейших в двадцатом веке коммунистических партий и соответствующих государств, и как отношения руководителей двух великих держав, двух мировых наций. Это были сношения периода постепенного, крайне замедленного взаимного знакомства наших двух наций, взаимного узнавания, приближения к взаимопониманию, нахождения решений ряда вопросов, закладывания основы для нормальных двусторонних отношений, выработки принципов двусторонних отношений.

Под этим углом мы и предпримем попытку рассмотреть некоторые представляющиеся нам важными стороны взаимоотношений Сталина и Мао Цзэдуна.

КОМИНТЕРН И СУНЕВЕЦ МАО ЦЗЭДУН

В начале 1950-х годов советский академик И. П. Бардин, посетив родную деревню Мао Цзэдуна Шаошаньчун, оставил в книге отзывов такую запись: «Горы дали Советскому Союзу Сталина, горы дали Китаю Мао Цзэдуна. Да здравствует советско-китайская дружба!» Очевидно, он искал нечто общее у Сталина и Мао Цзэдуна. Они для него были горными орлами или сынами могучих гор, исполинами... Академик И. П. Бардин не одинок в своих представлениях о Сталине и Мао Цзэдуне. Действительность была, однако, весьма сложной и противоречивой, а основа их взаимоотношений вовсе не такой же непоколебимой, как горы, будь то в нашей или в соседней стране.

Сталин и Мао Цзэдун слышали один о другом в первой половине 1920-х годов, когда Сталину было уже за сорок, а Мао Цзэдуну — за тридцать лет... Это были вполне сформировавшиеся политические бойцы. И тот и другой приняли марксизм-ленинизм, по сути дела, как инструмент осуществления своей политики, как подспорье в достижении власти над людьми.

Тогда Сталин еще не был первым руководителем ни в партии, ни в государстве. Ему только предстояла ожесточенная схватка в борьбе за место преемника Ленина, дни которого были, по сути дела, сочтены.

Мао Цзэдун вообще был лишь одним из деятельных функционеров своей крайне немногочисленной тогда партии. Он не был ее руководителем и даже не входил в число тех нескольких человек, которые тогда определяли политику партии.

Жизнь постепенно ставила Сталина и Мао Цзэдуна в ситуацию, когда некое взаимоприспособление становилось с годами

неизбежным, так как оба они действовали в сфере политической и идейной борьбы, прежде всего каждый в своей стране, но и на международной арене, а наши страны были соседями, между ними была самая длинная в мире и одна из самых сложных в мире по своей истории сухопутная и речная граница. Кроме того, и в той и в другой стране в первой половине двадцатого столетия на арену идеологической и политической борьбы вынесло силы, которые имели между собой нечто весьма сходное или родственное.

В первой половине 1920-х годов имело место известное взаимодействие руководителей Коминтерна (фактически РКП(б)) и партии Гоминьдан Китая (ГМД). Одним из условий сотрудничества РКП(б) и ГМД была договоренность о разрешении членам КПК вступать в личном качестве в Гоминьдан и работать в его руководящих органах. Мао Цзэдун, будучи в то время одновременно членом двух политических партий, КПК и ГМД, заведовал одним из отделов ЦИК ГМД и старался закрепиться в этом положении. При этом он иной раз выступал как еще более правоверный гоминьдановец, чем иные «чистые» суневцы, как тогда называли сторонников Сунь Ятсена в нашей стране. Мао Цзэдун старался демонстрировать свою верность политике и принципам Сунь Ятсена.

В 1924 году член Дальневосточного секретариата Коминтерна, работник восточного отдела Исполкома Коммунистического интернационала молодежи С. А. Далин присутствовал на пленуме Центрального комитета Социалистического союза молодежи Китая, который был созван в конце марта в Шанхае. В работе пленума принимал участие Мао Цзэдун в качестве представителя ЦК КПК.

Судя по воспоминаниям С. А. Далина, Мао Цзэдун, выступая в ходе этого пленума, ссылаясь на новые «три принципа» Сунь Ятсена и утверждал, что Гоминьдан является революционной рабочей партией, которая должна быть принята в Коммунистический интернационал.

С точки зрения С. А. Далина, сам Гоминьдан на своем съезде в январе 1924 года даже не ставил вопрос о принятии его в Коминтерн. По уставу Коминтерна в каждой стране могла существовать только одна коммунистическая партия. Принятие Гоминьдана в Коминтерн означало бы признание его коммунисти-

ческой партией и ликвидацию той, членом ЦК которой являлся Мао Цзэдун.

С. А. Далин также отмечал, что в своем выступлении Мао Цзэдун решительно высказался против классового подхода к китайскому крестьянству, против выдвижения лозунгов, которые противопоставляли одну часть крестьянства (безземельных арендаторов) другой — богатым собственникам. Он трактовал все крестьянство — и арендаторов, и земельных собственников, больших и малых, — как единый класс, противостоящий капитализму и иностранному империализму.

И, наконец, писал С. А. Далин, в своем выступлении Мао Цзэдун ничего не сказал по центральному вопросу пленума — о работе среди рабочей молодежи. [2]

Воспоминания С. А. Далина позволяют увидеть семена будущих расхождений между руководителями советских и китайских коммунистов, в частности между Сталиным и Мао Цзэдуном.

Анализ высказываний Мао Цзэдуна, о которых писал С. А. Далин, свидетельствовал о том, что их автор отражал тогда — а это было время, когда Сунь Ятсен был еще жив, — мнение твердых суневцев, которые, исходя из договоренности о взаимодействии с Москвой, вполне логично выдвигали предложение о вступлении ГМД в Коминтерн.

Тем более что в 1923 году, всего за несколько месяцев до описываемых событий, руководители Коминтерна сами предлагали Гоминьдану вступить в Коминтерн. В Москве, в том числе и Сталин, принимали мысль о допустимости, исходя из условий Китая, существования и деятельности двучленной или двусоставной партии, так сказать гибрида ГМД и КПК. Мао Цзэдун, отражая интересы руководства КПК, полагал, что принятие ГМД в Коминтерн укрепило бы позиции коммунистов внутри ГМД. Позиция же Москвы была непоследовательной. Она то предлагала ГМД вступить в Коминтерн, то возражала против этого.

Далее, Мао Цзэдун выражал общий тогда для ГМД и КПК взгляд на китайское крестьянство как на силу, выступавшую, прежде всего, против двух врагов — капиталистов и иностранцев-империалистов. Здесь Мао Цзэдун опять-таки стоял на общих позициях ГМД и КПК, не переходя к пропаганде классово-вой борьбы, что немедленно привело бы к расколу между КПК

и ГМД. Иначе говоря, выступление Мао Цзэдуна свидетельствовало, что речь шла о лидере, который с самого начала ратовал за самостоятельность в отношениях с Москвой и за поиск общности внутри Китая перед лицом даже своего единственного заграничного союзника, которым тогда была Россия. Мао Цзэдун уже тогда не желал играть роль послушного исполнителя очередных конъюнктурных указаний из Москвы, которые были противоречивыми, так как тогда общая линия Москвы в отношении ГМД и КПК не представляла собой чего-то цельного.

Сталин в Москве в то время видел главную реальную силу, с которой следовало сотрудничать, в Гоминьдане. КПК он считал только небольшим подспорьем в этой работе. Во всяком случае, думается, что эти детали поведения Мао Цзэдуна говорили о вероятности столкновения в будущем мнений Сталина и Мао Цзэдуна как двух лидеров, которые претендовали на господствующее положение или, по крайней мере, на полную самостоятельность в своих высказываниях, решениях и действиях.

СТАЛИН, МАО ЦЗЭДУН И ЧАН КАЙШИ

В момент окончания Второй мировой войны Сталин связывал будущее Китая с Чан Кайши. При этом он полагал, что все жизненные артерии Китая как в области политики и экономики, так и в военной сфере находятся в руках Чан Кайши, который пользовался поддержкой и помощью со стороны США.

В то же время на практике Сталин продолжал оказывать всемерную помощь КПК и Мао Цзэдуну. СССР оставался тогда надежным тылом и арсеналом для вооруженных сил КПК.

По отношению к Чан Кайши Сталин проводил тогда политику, представлявшую собой сочетание маневров во взаимоотношениях одновременно и с Вашингтоном, и с Нанкином.

Сталин уверял Вашингтон в том, что в Москве не считают Мао Цзэдуна лидером, способным взять под свою власть весь Китай. Сталин заверял американских партнеров в желании иметь дело с Чан Кайши. Таким образом, он удерживал США от вмешательства во внутреннюю борьбу в Китае.

Политика Сталина представляется сегодня единственно возможной в условиях того времени и, главным образом, содействовавшей наращиванию своих сил Мао Цзэдуном, способствовавшей успехам КПК в ее борьбе против Гоминьдана, в определенной степени нейтрализовавшей действия США.

Политика Сталина позволяла сохранять нормальные мирные отношения между Россией и Китаем и в то же время оставаться в положении того, кто прямо не вмешивается в борьбу сил в Китае, сохраняя за собой возможность при любом повороте событий в Китае быть нужным обоим противоборствовавшим силам.

СТАЛИН, МАО ЦЗЭДУН И КИТКОМПАТИЯ

Сталин, будучи и по своей природе, и по подходу к вопросам политического характера, к оценке политических деятелей человеком крайне недоверчивым и подозрительным, не доверял Мао Цзэдуну.

Мао Цзэдун также и по характеру, и по стилю политической деятельности был столь же недоверчив и подозрителен, как и Сталин. Сталин не пользовался доверием у Мао Цзэдуна.

Отношения между ВКП(б) и КПК (включая сюда и все, что было связано с деятельностью Коминтерна) сложились таким образом, что не могло быть и речи о том, чтобы Мао Цзэдун мог полагаться на кого бы то ни было в руководстве ВКП(б) как на человека, близкого ему идейно, или как на проводника своих взглядов в целях оказания воздействия на ВКП(б) и Сталина. Для Мао Цзэдуна проблема Сталина оборачивалась ожесточенной и длительной борьбой против своих политических соперников внутри КПК, в которых он часто видел проводников влияния Сталина на ход китайских дел.

В КПК действительно были руководители, которые вели борьбу с Мао Цзэдуном за власть над партией и при этом стремились заручиться поддержкой Сталина.

Одним из них был Ван Мин (Чэнь Шаоюй). Он имел репутацию «большевика», пользовался определенным доверием Сталина. Ван Мин в свое время учился в СССР. На протяжении длительного времени он являлся руководителем делегации КПК в Коминтерне, был членом Исполкома Коминтерна, членом его президиума. В КПК, в окружении Мао Цзэдуна, на него смотрели как на главного эксперта Сталина по вопросам колониальных и зависимых стран.

Ван Мин родился в 1904 году. В 1925 году его приняли в КПК и вскоре после этого направили в Москву на учебу в университет имени Сунь Ятсена.

В университете на Ван Мина большое впечатление произвел тогдашний проректор П. А. Миф, который был сторонником Сталина и пользовался его покровительством.

Сталин считал разработку и проведение в жизнь политики в отношении Китая одним из своих главных дел в сфере внешних сношений. Он полагал, что вопросы Китая должны решаться только им одним. Даже члены Политбюро ЦК ВКП(б), а затем и КПСС, были информированы о состоянии дел в отношениях с Китаем только постольку, поскольку Сталин считал это нужным, то есть знали лишь часть того, что думал и делал Сталин относительно Китая.

При этом Сталин придавал большое значение подбору кадров, которым он доверял работу по Китаю. Это доверие не было абсолютным. Более того, Сталин предпочитал время от времени устранять практически всех тех, кто помогал ему в работе по Китаю, заменяя их новыми людьми, которых через определенное время заменяла очередная смена.

Так оказывалось, что Сталин и только Сталин как бы знал все, владел всей историей вопроса, а исполнители могли знать только часть истории.

При Сталине (да и позже, практически на протяжении всего советского периода истории России в XX веке) китаеведы или люди, занимавшиеся практической работой по Китаю, были искусственно разделены или даже разорваны на своего рода смены, на временные отряды, которые приходили на свои посты как на пустое место, а затем, через некоторое время, чаще всего просто исчезали и уступали место своим преемникам, не передавая им вахту, знания, опыт.

Провалы в китаеведении, провалы в практической работе по Китаю, имея в виду провалы во времени, возникали периодически. Это позволяло Сталину толковать политику в отношении Китая и его руководителей, ведущих политических сил по своему усмотрению.

В то же время это наносило ущерб и китаеведению, и политике в отношении Китая, да и национальным интересам России. Сталин, по сути дела, лишь временно использовал некоторых китаеве-

дов или практических работников, допускавшихся к китайским делам, но не извлекал целиком и полностью, а также в исторической последовательности и преемственности уроки из их опыта и знаний, особенно и главным образом в том, что касалось ситуации внутри Китая.

Вероятно, именно по этой причине Сталину, благодаря его природным способностям, политическому чутью и опыту, удавалось практически почти без срывов добиваться своих внешнеполитических целей в китайской политике; в то же время он неоднократно ошибался, когда речь шла о внутривнутриполитических процессах в Китае. Но это не наносило ущерба его видимому престижу как первого знатока китайского вопроса в партии и в стране, ибо людей, которые оказывались свидетелями его ошибок, быстро устраняли; они уходили в небытие или молчали до конца дней своих; их можно понять, ибо только так они могли сохранить свою жизнь. Так, кстати сказать, вели себя многие, в том числе Г. Н. Войтинский, М. М. Бородин; собственно говоря, и в наше время, на рубеже XX и XXI столетий, такого рода традиция умолчания о пережитом, очевидно и по инерции, сохранялась теми китаеоведами или практиками в работе по Китаю, которые были еще живы и могли бы многое рассказать, если бы сочли это необходимым и возможным.

Итак, при Сталине проводилась политика весьма придирчивого отношения к тем, кто ведал работой по Китаю. Их отстраняли от работы по Китаю, раскритиковав или без объяснения причин. Так произошло с Г. Н. Войтинским, М. М. Бородиным, Б. Ломинадзе. Китаеведение, особенно во всем том, что соприкасалось с политикой, было опасным занятием, опасным для самой жизни китаеведов.

Одних китаеведов устраняли. Им на смену приходили другие. Например, П. А. Миф занял пост заведующего китайским отделом восточной секции Коминтерна. Между П. А. Мифом и Ван Мином к тому времени, очевидно, сложились хорошие, доверительные отношения, так как во время поездки делегации Коминтерна в Китай в 1927 году именно Ван Мин выступал в качестве ее переводчика. Вполне вероятно, что П. А. Миф и Ван Мин были единомышленниками во взглядах на китайский вопрос.

В 1928 году П. А. Миф сменил К. Радека на посту ректора университета имени Сунь Ятсена. В марте 1928 года П. А. Миф стал заведующим восточной секцией Коминтерна.

С 18 июня по 11 июля 1928 года в СССР проходил шестой съезд КПК, работа которого в значительной степени определялась Н. И. Бухариным и П. А. Мифом, которые выступали в качестве представителей Коминтерна. Они принимали участие и в выработке документов съезда, и в формировании состава ЦК партии, выступали на съезде. При этом переводчиком им служил Ван Мин.

В апреле 1929 года Ван Мин возвратился в Китай, где работал в центральном органе партии — газете «Хун ци», опубликовав более 30 статей, которые, по сути дела, пропагандировали в КПК указания Коминтерна.

Одним словом, Ван Мин уже тогда твердо стоял на коминтерновских позициях, то есть исходил из необходимости неуклонно выполнять указания Сталина, что вызывало у ряда руководителей КПК антипатию к нему. Предлог для того, чтобы наказать Ван Мина, был найден довольно быстро. Ван Мин был раскритикован руководителями КПК Сян Чжунфа и Ли Лисанем за антипартийную линию и сектантство и на полгода поставлен под надзор в партии. Наряду с ним получили партийные взыскания Цинь Бансянь, Ван Цзясян и Хэ Цзышу.

23 июля 1930 года Исполком Коминтерна принял проект решения по китайскому вопросу, в котором содержалась критика в адрес Ли Лисаня.

В ноябре 1930 года Коминтерн направил П. А. Мифа в Шанхай в качестве своего представителя. 22 ноября на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК были приняты к исполнению указания Коминтерна, были также сняты взыскания с Ван Мина, Цинь Бансяня, Ван Цзясяна, Хэ Цзышу.

Поскольку Коминтерн осудил руководителя ЦК КПК Ли Лисаня, постольку пострадавший от Ли Лисаня Ван Мин оказался в роли героя борьбы против Ли Лисаня и настоял на созыве экстренного заседания ЦК КПК.

Во всех этих событиях большую роль играл П. А. Миф. 7 января 1931 года в Шанхае был созван четвертый пленум ЦК КПК шестого созыва. На пленуме были приняты документы, проекты которых подготовил П. А. Миф. Он настаивал на вводе Ван Мина в руководство партии. Ряд членов ЦК выступали против этого.

13 января 1931 года П. А. Миф, выступая в качестве представителя Коминтерна, провел совещание с выступавшими против

избрания Ван Мина в ЦК. П. А. Миф говорил им, что Ван Мин — настоящий большевик, обладающий самым высоким в КПК уровнем теоретической и политической подготовки; Ван Мин — это, по выражению П. А. Мифа, стопроцентный проводник линии Коминтерна; доверие Ван Мину — это доверие Коминтерну. П. А. Миф также заявил, что тот, кто выступит против решений четвертого пленума, будет считаться выступившим против Коминтерна и будет наказан в партийном порядке.

В результате Ван Мин, который до того не был даже членом ЦК, сразу же был избран членом Политбюро ЦК КПК. Сян Чжунфа был избран генеральным секретарем, однако практически работой ЦК КПК ведал Ван Мин, власть была сконцентрирована в его руках.

После четвертого пленума было реорганизовано и руководство комсомола. Его секретарем вскоре был назначен Цинь Бансянь (Бо Гу). Так руководство ЦК КПК и комсомола оказалось в руках Ван Мина. В июне 1931 года Сян Чжунфа был арестован и казнен. Ван Мин стал исполняющим обязанности генерального секретаря ЦК партии.

Однако спустя немного времени Ван Мин вернулся в Москву, где при поддержке П. А. Мифа стал руководителем делегации КПК в Коминтерне. В результате сложилась система или структура, при которой Ван Мин проводил из Москвы линию Коминтерна, а Цинь Бансянь выполнял его указания в Китае.

В сущности говоря, все это свидетельствовало о том, что после событий 1925–1927 годов в Китае, когда у Сталина оказались разорванными отношения с Чан Кайши, с Гоминьданом, с Китайской Республикой, он предпринял энергичные шаги, направленные на то, чтобы руководство КПК состояло из людей, которые беспрекословно выполняли бы его решения.

П. А. Миф был проводником такой политики Сталина. Ему удалось найти в КПК людей, на которых, во всяком случае по мнению П. А. Мифа, Сталин мог положиться. Этими людьми оказались, прежде всего, Ван Мин и Цинь Бансянь. Роли между ними были распределены так, чтобы и руководство китайской секцией Коминтерна, и руководство деятельностью КПК и китайского комсомола на месте, то есть в Китае, находилось в руках именно этих фактически доверенных людей Сталина. Так в конце 20-х — начале 30-х годов сложилась казавшаяся тогда

прочной связка: Сталин, П. А. Миф, Ван Мин, Цинь Бансянь. Это был в то время единственный рычаг воздействия Сталина на ход событий в Китае.

Однако жизнь не стояла на месте. Возникали новые осложнения, которые требовали принятия новых решений.

Международная обстановка становилась все более напряженной; в воздухе явно запахло порохом; перспектива войны становилась реальностью. Возникла существенная угроза интересам и Советского Союза, и Китайской Республики со стороны Японии. В этих условиях Сталин и Чан Кайши предпринимали усилия по восстановлению дипломатических отношений и налаживанию необходимого обеим сторонам сотрудничества.

Взгляды и интересы Сталина и Мао Цзэдуна в это время во многом, если не по существу, не совпадали. Ван Мин же следовал за Сталиным, а потому между Ван Мином и Мао Цзэдуном также существовали разногласия и велась борьба.

Сталин исходил из того, что в ходе исторического развития он занял положение высшего, причем единственного высшего, руководителя огромной политической силы мирового значения. Ядром этой силы было Советское государство, СССР. Следовательно, с точки зрения Сталина, исходя из глобальных интересов мирового развития всем сторонникам марксизма, ленинизма, коммунизма следовало беспрекословно подчиняться одному центру, ему лично, то есть Сталину, ибо только сохранение СССР, наращивание его военной и иной мощи могло обеспечить продвижение вперед общего дела Сталина и всех его сторонников, всех коммунистов земного шара. С точки зрения Сталина, лозунг «Защитим Советский Союз», «С оружием в руках отстоим Советский Союз» был в условиях того времени главным лозунгом. Решению именно этой задачи, то есть сохранению СССР как сильной державы, должна была быть подчинена деятельность всех коммунистов всего мира, ибо все они в представлении Сталина были объединены классовыми интересами, которые преобладали над всеми иными, в том числе и над частными национальными интересами, а потому коммунисты любой национальности, любой страны должны были защищать базу мировой революции — СССР. Без СССР, без него самого, то есть без Сталина, погибли бы и все коммунисты; только отстояв СССР, коммунист-

ты всех стран получали надежду на достижение впоследствии победы в своих странах. Такова была логика Сталина.

Исходя из такого подхода к вопросу Сталин и стремился найти в Китае таких коммунистических лидеров, которые бы понимали его позицию, подчинялись бы его слову. Ван Мин оказался таким человеком.

Мао Цзэдун по-иному смотрел и на ситуацию в мире, и на ситуацию в Китае. Он по-иному видел и роль СССР, и роль Сталина.

С точки зрения Мао Цзэдуна, следовало сохранять отдельность и самостоятельность Китая, китайцев, Компартии Китая от Сталина, считаясь при этом с необходимостью быть в одном лагере со Сталиным, а также используя возможность получения максимальной практической помощи со стороны Сталина. Мао Цзэдун, внешне до поры до времени признавая то, что Компартия Китая была секцией Коминтерна и должна была видеть в Москве и в Сталине центр и лидера мирового коммунистического движения, в то же время, проводя свою линию внутри КПК в ходе своего продвижения к руководству Компартией Китая, подчеркивал значение Китая, Компартии Китая, подразумевая при этом, что обе стороны, коммунистическая партия в СССР и коммунистическая партия в Китае, взаимно зависят одна от другой и взаимно заинтересованы друг в друге; причем со временем степень такого рода зависимости будет только ослабевать.

В позиции Мао Цзэдуна имелись и сильные, и слабые места. Ее сила состояла в том, что обращение к мысли о независимости и самостоятельности Китая и китайцев находило отклик у многих в Китае. Для этого были и объективные основания.

В то же время реальная ситуация сложилась таким образом, что в первой половине XX века Китай, стремившийся решать свои внутренние проблемы, в особенности вопрос об объединении страны, а также находясь перед лицом грозившей ему опасности национальной гибели, главным образом в связи с агрессией со стороны Японии, мог с надеждой и определенными основаниями обращаться лишь к одному потенциальному союзнику, к СССР: и когда речь шла о гражданской или внутренней войне в Китае в 20-х годах, и когда речь шла об отпоре японскому нашествию в 30-х годах. Общие или совпадавшие нацио-

нальные интересы сводили Россию (СССР) и Китай вместе. Обе стороны, каждая из них в отдельности, были заинтересованы во взаимодействии. В то же время и материально, и политически на мировой арене Москва могла дать тогда Китаю относительно больше, чем Китай мог дать Москве.

Объективно получалось так, что Мао Цзэдун хотел пользоваться помощью со стороны Москвы, особенно в борьбе за власть внутри Китая, и в то же время не попадать в полное подчинение Сталина. Это была трудная задача.

Ситуация была сложной и применительно к области внешней политики, и применительно к внутренним делам в Китае.

В сфере внешней политики Мао Цзэдун полагал, что в условиях японского нашествия ему и его сторонникам даже легче будет вести борьбу за власть в Китае, над Китаем. Японская агрессия в глазах Мао Цзэдуна имела и свои плюсы, ибо в этих условиях политический противник Мао Цзэдуна внутри Китая, то есть Чан Кайши, не имел возможности расправиться с Мао Цзэдуном и его вооруженными силами. Отсюда и расхождения в позициях Сталина и Мао Цзэдуна по этому вопросу.

В то время как Сталин требовал добиться национального единства в Китае, то есть временного прекращения внутренней или гражданской войны в Китае в интересах совместного оказания и правительством Китайской Республики, и армией КПК отпора японцам, требовал поставить Китай в качестве заслона на пути расширения японской агрессии и против всего Китая, и, особенно в дальнейшем, против Советского Союза, что было вполне вероятно, Мао Цзэдун не желал содействовать тому, чтобы задача борьбы за власть, за разгром Гоминьдана, была подчинена интересам оказания отпора японской агрессии. Мао Цзэдун вообще не верил в то, что война Японии против Китая — это смертельная угроза для Китая; что же касается СССР, то, по мнению Мао Цзэдуна, тот должен был прежде всего сам справляться со своими врагами, да еще и помогать Китаю. Мао Цзэдун исходил из того, что национальные интересы СССР заставят его оказывать Китаю помощь в борьбе против японской агрессии; более того, национальные интересы Советского Союза, по мнению Мао Цзэдуна, должны были заставлять его оказывать помощь именно ему, Мао Цзэдуну, как руководителю Компартии Китая, в расчете на то, что при власти Мао Цзэдуна и КПК в Китае Советскому Со-

юзу будет легче обеспечить для себя мир на своих границах с Китаем.

Применительно к внутривластной борьбе в Китае взгляды Сталина и Мао Цзэдуна также сильно расходились. Сталин желал национального единства в Китае, единства КПК и Гоминьдана, в целях оказания отпора Японии. Мао Цзэдун полагал, что главное — это, выдвигая лозунг сопротивления Японии, в то же время использовать ситуацию для того, чтобы свергнуть власть Чан Кайши, Гоминьдана и занять место верховного владыки Китая.

Ван Мин, находясь в Москве и отражая настроения Сталина, выступал против целого ряда предложений и шагов Мао Цзэдуна. Однако Сталин и Коминтерн оказались неспособны определять исход внутривластной борьбы в Компартии Китая. Ван Мин оставался главным представителем этой партии в Москве, но его сторонники в КПК были отстранены от власти Мао Цзэдуном.

Ван Мин утратил влияние и власть после совещания в Цзуньши в 1935 году. Мао Цзэдун занял тогда в партии руководящее положение.

Возможно, Ван Мин не сразу осознал то, что тогда произошло. Более того, он даже иной раз придавал преувеличенно большое значение частностям.

В 1937 году Ван Мин говорил в Москве Ван Цзясяну, что теперь уже П. А. Миф оказался у него в подчинении в качестве рядового работника и должен с уважением относиться к нему, Ван Мину. [3]

Итак, после того, как Мао Цзэдун фактически пришел к власти в КПК в 1935 году, Ван Мин еще оставался в Москве руководителем делегации КПК в Коминтерне. Он все еще считал, что, всегда выступая на стороне Сталина, он сохраняет важное место в руководстве КПК и потенциально имеет основания претендовать на место первого руководителя КПК по возвращении в Китай.

Сталин же понимал, что люди из КПК, находившиеся в Москве, к тому времени уже не могли определять развитие ситуации не только в Китае, но и в КПК, а потому был вынужден переориентироваться на работу с теми, кто находился внутри Китая, то есть на работу с Мао Цзэдуном.

Иначе говоря, сначала Мао Цзэдуну удалось своими силами, силами своих сторонников захватить руководство партией. Мао Цзэдун, несмотря на позицию Сталина, сумел добиться руководящего положения в КПК, и тогда Сталину пришлось, начиная с 1936—1938 годов, считаться с Мао Цзэдуном как с руководителем КПК. Правда, это означало лишь, что Сталин в одно и то же время и приспосабливался к особенностям Мао Цзэдуна как политика, и стремился проводить свою линию, заставляя Мао Цзэдуна и КПК считаться с его интересами. Так начался период сопоставления, столкновения и согласования интересов Сталина и Мао Цзэдуна.

В этой связи важно упомянуть о том, как произошло на практике признание Сталиным руководящей роли Мао Цзэдуна в Компартии Китая.

С 16 сентября по 6 ноября 1938 года в штаб-квартире КПК, небольшом городе Яньани, затерянном в горах на севере Китая, проходили заседания *шестого пленума ЦК КПК шестого созыва*. Это был важный пленум. В каком-то смысле его можно даже приравнивать к съезду партии. И дело было не только в том, что со времени шестого съезда КПК, проведенного, как уже упоминалось, в 1928 году на территории СССР, неподалеку от Москвы, прошло уже целых десять лет, и не только в том, что со времени предыдущего пленума истекло уже пять лет, но и в том, что коренным образом изменилась ситуация: началась широкомасштабная японская агрессия на территории собственно Китая, прекратилась, во всяком случае декларативно, гражданская война и налаживалось сотрудничество между двумя главными политическими силами Китая — Гоминьданом и Компартией Китая — в целях оказания всей мощью объединившейся китайской нации отпора Японии. Весьма существенно переменялась и обстановка внутри самой КПК, которая проявляла все большую самостоятельность. Наконец, немаловажным было и то, что Китайская Республика и Советский Союз оказались в результате развития исторических событий перед необходимостью укреплять двусторонние межгосударственные отношения, имея перед собой, по существу, общую угрозу со стороны агрессора — японского милитаризма. Мао Цзэдун говорил, что «шестой пленум ЦК решил судьбу Китая». [4]

На шестом пленуме ЦК КПК шестого созыва политический доклад «О новом этапе» сделал член Политбюро ЦК партии Мао

Цзэдун, выступавший от имени Политбюро. В конце пленума произошло событие, сыгравшее немалую роль и в истории партии, и в двусторонних отношениях Сталина и Мао Цзэдуна. Заключительную речь на пленуме произнес член Политбюро Ван Цзясян. Незадолго до пленума он возвратился из Москвы, общепризнанного тогда центра международного коммунистического движения и штаб-квартиры ВКП(б). Участники пленума с напряженным вниманием ожидали сообщения Ван Цзясяна о том, с чем он приехал из Советского Союза. Ван Цзясян не обманул их ожидания. В устной форме он довел до сведения членов ЦК КПК мнение Сталина и Г. М. Димитрова. Примерный смысл этого сообщения был таков: «Исходя из практики борьбы в ходе китайской революции, необходимо признать, что товарищ Мао Цзэдун является вождем Компартии Китая». [5]

Сталин и Мао Цзэдун ни в 20-х, ни в 30-х годах не встречались друг с другом. В отличие от многих руководителей компартий различных стран Мао Цзэдун не ездил в Москву, в Коминтерн, к Сталину за инструкциями и советами. До 1949 года Мао Цзэдун вообще не выезжал из Китая. Сталин же, проявляя большое и постоянное внимание к тому, что происходило в Китае, интересовался и политической деятельностью, и взглядами Мао Цзэдуна, сетуя иной раз на то, что он никак не может составить о них четкого представления. Гораздо лучше, чем Мао Цзэдун, Сталину были известны некоторые другие лидеры КПК, особенно те из них, кто работал в Коминтерне, бывал в Москве. В то же время Сталин общался с весьма узким кругом иностранных коммунистов и мало кто из китайцев мог похвалиться тем, что виделся лично со Сталиным. В общем, сведения о Мао Цзэдуне были у Сталина косвенными; практически никто из советских коммунистов не имел возможности долго наблюдать Мао Цзэдуна в 20-х и 30-х годах и представить Сталину развернутый портрет Мао Цзэдуна. Со своей стороны и Мао Цзэдун не имел возможности составить полное представление о Сталине, ибо посредников для общения со Сталиным у Мао Цзэдуна в 20-х и 30-х годах практически не было.

Сталин полагал своей прерогативой формирование высшего руководства многих зарубежных коммунистических партий; при этом зачастую все решало личное впечатление Сталина о том или ином деятеле. В случае с Мао Цзэдуном Сталин был вынужден действовать как бы с завязанными глазами.

И тем не менее в 1938 году Сталин принял решение признать Мао Цзэдуна вождем Компартии Китая. Существуют рассказы со ссылками на очевидцев о том, что Ван Цзясян перед отъездом из Москвы имел встречу с Г. М. Димитровым, формальным главой Коминтерна. Именно во время этой встречи Ван Цзясяну и было сказано, что Сталин признает Мао Цзэдуна вождем Компартии Китая. Но сказал это не сам Г. М. Димитров, а ответственный работник Коминтерна Д. З. Мануильский, который фактически был согладатеом Сталина в аппарате Коминтерна. Г. М. Димитров сидел молча, но само его присутствие свидетельствовало о том, что Сталин принял такое решение и всем, в том числе Г. М. Димитрову, оставалось лишь молча соглашаться с этим. Д. З. Мануильский же выступил в данном случае как «голос Сталина».

К 1938 году Мао Цзэдун, по существу, уже в течение более трех лет был высшим руководителем КПК, формально являясь лишь членом Политбюро ЦК партии. Таким образом, Сталин фактически был вынужден заочно согласиться с реально сложившимся в Китае, в КПК положением.

Мао Цзэдун, с одной стороны, обязан самому себе своим возвышением внутри руководства КПК. Он мог быть недовольным и тем, что Сталин на протяжении ряда лет (1935–1938) как бы не замечал того, что Мао Цзэдун уже занимает пост первого лица в КПК, или формально не признавал этого, а также продолжал оказывать слишком большое доверие Ван Мину; во всяком случае, Сталин своей позицией на протяжении нескольких лет держал Мао Цзэдуна в подвешенном состоянии, сохраняя скрытую угрозу вмешаться и изменить состав руководства ЦК КПК. В то же время, учитывая обстановку того времени, реальный вес Сталина в лагере коммунистов всего мира, Мао Цзэдун был и благодарен Сталину за то, что тот в конечном счете, как папа римский международного коммунистического движения, фактически короновал его официально в качестве вождя КПК в 1938 году. Таким образом, Сталин сохранил отношения: сюзерен — вассал, а Мао Цзэдун был вынужден принять тогда эти правила игры.

Сталин признал Мао Цзэдуна вождем КПК после того, как он убедился в том, что Мао Цзэдун, по крайней мере внешне, с подчеркнутым уважением относится к советам Москвы, советам Сталина.

В 1937 году Сталин говорил представителям КПК в Коминтерне Ван Мину, Ван Цзясяну, Кан Шэну и Дэн Фа, что не следует бояться того, что компартия может утонуть в национально-освободительной борьбе. Иначе говоря, Сталин и Мао Цзэдун далеко не были догматиками; они искали общий язык, который позволял им находить точки соприкосновения и получать по крайней мере тактическую свободу в рамках согласованных стратегических позиций. Вспоминая об упомянутой беседе, Ван Цзясян писал: «Когда Ван Мин поставил вопрос о стратегическом этапе китайской революции, Сталин ответил, что главное сейчас бить японцев, а обо всех этих предметах прошлого сейчас не стоит говорить. Когда разговор коснулся проблемы военной промышленности, Сталин сказал, что отсутствие артиллерии создает большие трудности и Советский Союз готов оказать помощь. Когда же в беседе был затронут вопрос о политической власти, Сталин сказал, что политическая власть будет в ваших руках повсюду, куда вступят ваши войска. При обсуждении стратегических проблем Сталин указал, что в войне с Японией не следует начинать с ударов по голове, а это практически означало, что надо вести партизанскую войну». [6] В целом было очевидно, что у Сталина и Мао Цзэдуна было много и общего в мышлении, в подходе к ряду важных проблем, а также что советы Сталина позволяли Мао Цзэдуну не только черпать ценные для него мысли в высказываниях Сталина, но и давали толчок к развитию ряда принципиальных положений. Мао Цзэдун волей обстоятельств оказывался в то время в положении ученика Сталина; он и на самом деле был последователем и учеником Сталина.

Говоря об отношениях между Сталиным и Мао Цзэдуну перед началом Второй мировой войны, следует упомянуть о том, что у них были некоторые общие позиции по вопросу о расстановке сил в мире и о политике компартий обеих стран. В частности, и тот и другой в течение определенного времени полагали, что следует налаживать отношения с Германией, Италией, Японией, а Мао Цзэдун прощупывал возможность установления связей с правительством Ван Цзинвэя, который сотрудничал с японцами.

В 1939 году по случаю 60-летия Сталина Мао Цзэдун счел необходимым выступить с речью на специальном торжественном собрании в Яньани, посвященном этому юбилею. В своей

речи он, в частности, сказал: «Обычно говорят: “С древности так повелось, что редко кому удастся дожить до семидесяти лет”. Да ведь вообще-то говоря, в нашем мире и до 60 лет дожить далеко не просто». «И все же, спрашивается, почему мы отмечаем юбилей только товарища Сталина? Да потому, что он-то как раз и есть то, что называют звездой спасения всех угнетенных». «Да именно потому, что он возглавляет великий Советский Союз, потому что он возглавляет великий Коммунистический Интернационал, потому что он возглавляет движение за освобождение всего человечества, он помогает Китаю воевать с Японией». [7]

Далее Мао Цзэдун высказался об обстановке в мире. Он отметил следующее: «В настоящее время в мире есть два фронта борьбы. С одной стороны, речь идет об империализме, который представляет собой фронт угнетения народов. С другой стороны, речь идет о социализме, который представляет собой фронт оказания сопротивления, отпора угнетению. Что же касается фронта национальной революции колоний и полуколоний, то кое-кто понимает это так, что он вроде как бы находится где-то в промежутке, посередине; и все же его острие направлено против империализма, он просто не может не привлекать на свою сторону в качестве своего друга социализм, не может не встать на сторону революционного фронта тех угнетенных, которые оказывают сопротивление. И на фронте революции, и на фронте контрреволюции должен быть кто-то главный, должен быть командующий. Кто является командующим фронтом контрреволюции? Да именно империализм, да не кто иной, как Чемберлен. А кто является командующим фронтом революции? Да именно социализм, да не кто иной, как Сталин. Товарищ Сталин — руководитель мировой революции. Это чрезвычайно важно. То, что у человечества есть Сталин, это великое дело. Потому что с ним и при нем легко делать дела. Вы знаете, что Маркс умер, Энгельс тоже умер, Ленин тоже умер; и если бы не было Сталина, то кто бы смог распоряжаться, отдавать приказы? Это поистине счастье, что в настоящее время в мире существует Советский Союз, существует коммунистическая партия и существует Сталин. Именно это облегчает наше дело. Чем же занимается руководитель или распорядитель революции? Он добивается того, чтобы каждый человек был обеспечен едой, одеждой, кровом, книгами; а для того, чтобы все это было так, необходимо руководить борьбой миллиардов угнетенных; при-

чем нужно довести это дело до окончательной победы. Вот что падает на долю Сталина. А раз это так, то мы должны поздравить его, поддержать его, должны учиться у него». [8]

В данном случае Мао Цзэдун претендовал на то, чтобы дать свою оценку ситуации, свою оценку Сталина и его роли. Мао Цзэдун хотел, чтобы члены его партии ориентировались на его оценку роли Сталина, а не на то, что предлагалось иностранцами, особенно из Москвы. Пожалуй, суть высказываний Мао Цзэдуна тогда состояла в том, что он признает руководящую роль Сталина, но не постольку, поскольку тот, прежде всего, защищает интересы своей партии и страны или общие интересы своей страны, и в частности Китая, а постольку и в той мере, поскольку и насколько Сталин отвечает требованиям Мао Цзэдуна и его партии.

Русский историк Д. А. Волкогонов отмечал [9], что Сталин не только ознакомился с вышеупомянутым выступлением Мао Цзэдуна, озаглавленным «Сталин — друг китайского народа» и датированным 1939 годом, то есть приуроченным к 60-летию Сталина, но и подчеркнул в этом документе следующие строки: «Чествовать Сталина — это значит стоять за него, за его дело, за победу социализма, за тот путь, который он указывает человечеству... Ведь сейчас огромное большинство человечества живет в муках, и только путь, указываемый Сталиным, только помощь Сталина может избавить человечество от бедствий». [10] В этой связи думается, что Сталин, прежде всего, увидел в словах Мао Цзэдуна то, что ему хотелось увидеть, или то, с помощью чего он как бы имел возможность воздействовать на Мао Цзэдуна, заставляя Мао Цзэдуна и его партию подчиняться своей воле; возможно, Сталин в то время лишь начинал ощущать всю потенциальную угрозу противостояния или конфронтации с Мао Цзэдуном в будущем.

Весной 1943 года, в напряженный период в ходе Великой Отечественной войны в нашей стране, японцы, продолжая агрессию против Китая, готовились и к тому, чтобы нанести с востока удар по Советскому Союзу. СССР и его армия оказались перед угрозой войны на два фронта. Сталин прислал Мао Цзэдуну телеграмму, заявив, что он готов предоставить оружие и снаряжение для нескольких дивизий армии КПК, и выразил пожелание о том, чтобы КПК направила своих бойцов на территорию Монгольс-

кой Народной Республики, где они получили бы упомянутое вооружение и снаряжение и смогли в случае необходимости дать отпор агрессии Японии с востока против СССР.

Рассуждая в своем кругу о содержании этой телеграммы Сталина, Мао Цзэдун с улыбкой говорил, что, конечно, хорошо, что они готовы предоставить нам вооружение и снаряжение; но таскать для них каштаны из огня, нет уж, увольте, ведь от этого толка не будет; то, что нам предлагается, результата не даст! Монголия — это огромная открытая территория, а у Японии много самолетов; да японцы даже запрятанную глубоко в горах Яньань своими бомбардировками превратили в развалины. Каким же образом предполагается, что мы получим это вооружение? Японская оккупационная армия — это действительно мощная армия, а наши силы малы. Таким образом, мы могли бы как-то взаимодействовать с армией СССР, которая ведет антифашистскую войну, только разворачивая на просторах Китая партизанские действия, благодаря чему враг увяз бы в трясине такой войны, не имея возможности выбраться из нее.

Вслед за тем Мао Цзэдун дал указания Люй Чжэнцао, Сяо Кэ, Ли Юньчану, Чэн Цыхуа в максимально короткие сроки перебросить свои силы в район Шаньхайгуаня, Великой Китайской стены и развернуть партизанские действия, сковывая силы японцев; однако Мао Цзэдун не дал согласия на то, чтобы направить людей в Монголию для получения оружия и снаряжения.

Сталин не согласился с рассуждениями Мао Цзэдуна и дал вторую телеграмму, прося ускорить решение вопроса.

Мао Цзэдун опять не согласился с предложением Сталина.

Мао Цзэдун полагал, во всяком случае на словах, что для него предпочтительнее воевать на просторах Китая мелкими партизанскими группами, имея при себе только винтовку и перекинутый через плечо узкий и длинный, напоминающий колбасу мешок с чумизой для пропитания. На самом же деле Мао Цзэдун ставил интересы своей борьбы за власть в Китае выше интересов военного разгрома внешних сил, грозивших гибелью обоим нациям, обоим государствам, в то время СССР и Китайской Республике.

В это время Ван Мин стал ратовать за то, чтобы «сформировать десятки дивизий, вооруженных новейшей военной техникой, превратив эти войска в костяк армии» КПК. Некоторые другие

руководители поддержали Ван Мина и стали уговаривать Мао Цзэдуна принять предложение Сталина. Мао Цзэдун считал, что не нужно подчиняться каждому слову Сталина. Направление людей в Монголию за вооружением Мао Цзэдун считал напрасным трудом. Он полагал, что бойцы там попусту погибнут. Поэтому Мао Цзэдун снова не согласился с предложением Сталина.

Сталин прислал в третий раз телеграмму, настаивая на выполнении своего предложения. Мао Цзэдун и на этот раз не согласился.

Несмотря на то что в это время в руководстве КПК были люди, которые предлагали Мао Цзэдуну поступить согласно предложению Сталина, то есть послать людей и получить предлагавшееся оружие. (Кстати сказать, тогда США хотели вооружить ГМД, а Сталин — КПК.) Мао Цзэдун в ответ только отрицательно качал головой.

Случилось так, что именно в это время центральные учреждения КПК в Яньани поразила эпидемия гриппа. Заболели и несколько телохранителей. У них появился кашель и поднялась температура. Врачи рекомендовали Мао Цзэдуну в целях профилактики принимать лекарства. Ши Чжэ тоже советовал Мао Цзэдуну принимать лекарства. В ответ Мао Цзэдун говорил, что все это чушь; зачем ему принимать какие-то лекарства, если он не болен? Нужно верить в силы сопротивления своего собственного организма. Он уделял внимание физической закалке и не заболел гриппом. Однако вскоре у него воспалилась десна, она сильно опухла, и уже началось нагноение.

Врач рекомендовал принять антибиотик.

Мао Цзэдун не желал делать этого. Он рассуждал так:

«Зубная боль — это не болезнь. Болезнь — это то, что грозит смертью!»

Мао Цзэдун отказывался, упирая на то, что в Китае тысячи лет обходились без пенициллина.

Мао Цзэдун настойчиво повторял, что следует опираться на собственные силы, а не на помощь (пусть лекарствами) из-за рубежа. [11]

Иначе говоря, Мао Цзэдун искал доводы, которые были бы убедительными для его сторонников и утверждали его правоту в отношениях со Сталиным. Мао Цзэдун стремился представлять перед своими соотечественниками в образе защитника незави-

симости и самостоятельности китайцев перед лицом Сталина, относительно нашей страны, хотя, по сути дела, в условиях войны против Германии на Западе и Японии на Востоке страны антифашистской коалиции имели своей главной задачей разгром военной машины Токио и Берлина.

Весной 1945 года Кан Шэн, который работал на протяжении некоторого времени в Москве в Коминтерне вместе с Ван Мином, выступая перед группой делегатов седьмого съезда КПК, отмежевываясь от Ван Мина, утверждая при этом, что он всегда был за Мао Цзэдуна и против Ван Мина. Авторы из КНР (уже после смерти и Кан Шэна, и Мао Цзэдуна) подчеркивали, что Кан Шэну удалось таким образом обмануть Мао Цзэдуна и влезть к нему в доверие. [12] В то время внутри руководства КПК складывался круг приверженцев и подручных Мао Цзэдуна, причем единение их происходило на основе осуждения Ван Мина, а по сути дела, на основе противопоставления самих себя во главе с Мао Цзэдуном Сталину.

С 1942 по 1944 год в Яньани Мао Цзэдун осуществлял кампанию, которая получила название движения за исправление стиля, то есть политического поведения, отношения к проблемам; по сути дела, это была кампания политической чистки партии от всех тех, кто не был согласен с Мао Цзэдуном, особенно по вопросу о взаимоотношениях с Коминтерном, то есть с ВКП(б) и со Сталиным. В КПК при этом утверждали, что это был важный этап во взаимоотношениях между революцией в Китае, то есть между КПК, и Коминтерном. Одновременно это был также важный этап сопоставления взглядов и мыслей Сталина и Мао Цзэдуна на проблемы революции в Китае, этап острого столкновения и борьбы двух подходов к китайской действительности и событиям в Китае, к вопросам революции в Китае, подходов Сталина и Мао Цзэдуна. Иначе говоря, Мао Цзэдун развернул широчайшую, охватившую практически всю его партию, Коммунистическую партию Китая, кампанию, в ходе которой от каждого члена партии требовалось отмежеваться от поддержки Сталина как вождя и поддерживать как вождя одного только Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун использовал ситуацию именно в тот период, когда Сталин был занят войной с Гитлером, заставил членов своей партии критически посмотреть на Сталина. А заодно и на ВКП(б), СССР, да и на Россию.

Еще на совещании в Цзуньи в 1935 году Мао Цзэдун подчеркнул то, что у него были расхождения со Сталиным (Коминтерном) и по политическим, и по военным вопросам. Тогда Мао Цзэдун представил себя своим сторонникам как руководителя, который оказывает сопротивление политике Сталина, полагая ее ошибочной в отношении КПК, Китая, советско-китайских отношений.

Когда же было развернуто движение за исправление стиля в Яньани, то Мао Цзэдун стал систематически, всесторонне выступать против политики Сталина, называя это борьбой против догматизации марксизма-ленинизма. Мао Цзэдун повел идеологическую борьбу против того, чтобы делать приемлемый для Китая шаблон из опыта СССР, против обожествления решений Коминтерна. Свою цель Мао Цзэдун видел при этом в том, чтобы устранить, отбросить контроль со стороны Сталина и Коминтерна над КПК в идейном и политическом плане. Мао Цзэдун все это делал под лозунгом отстаивания и развития независимости и самостоятельности, суверенитета КПК. Он называл это стремлением к истине на основе фактов. Мао Цзэдун именновал свою кампанию движением за раскрепощение или освобождение в духовном, идейном отношении.

Одним словом, годы Отечественной войны в СССР, годы, когда Сталин был занят и не имел возможности активно воздействовать на положение внутри КПК, в Китае, Мао Цзэдун использовал для того, чтобы вывести свою партию, своих сторонников из-под идейного и политического господства и контроля со стороны Сталина. [13]

Разъясняя позицию Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлай говорил в период движения за исправление стиля в Яньани: «Возникновение и развитие Коммунистической партии Китая связано с получением немалого числа указаний и помощи со стороны Коминтерна, однако опорой для Коммунистической партии Китая служит не Коминтерн, а народ Китая». [14] Смысл этого высказывания Чжоу Эньлая состоит в том, что Мао Цзэдун и его сторонники стремились отграничить себя от Сталина и его партии, внушить себе и другим, что на Сталина и его последователей нужно смотреть лишь как на внешнюю по отношению к Китаю силу, пытающуюся подчинить себе китайцев, но в то же время вынужденную заботами о самой себе кое в чем помогать КПК.

В одной из книг, изданных в КНР издательством Центральной партийной школы ЦК КПК, утверждалось, что около 4 часов утра 22 июня 1941 года в кабинете Сталина в Кремле собрались все члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Сталин нервничал. Он, в частности, стал разыскивать телеграмму, которую ему прислал некоторое время тому назад Мао Цзэдун из Яньани.

Маленков напомнил, что в свое время, получив эту телеграмму, Сталин охарактеризовал содержавшееся в ней сообщение как безосновательный вымысел.

Упомянутая телеграмма была короткой: «Гитлеровская Германия нападет на СССР 21 июня; надеемся, что своевременно будут приняты необходимые меры».

Китайский автор при этом подчеркивал, что направление такой телеграммы свидетельствовало о том, что, во-первых, Мао Цзэдун проявил тогда заботу о судьбе Советского Союза, его предложение было правильным и своевременным; во-вторых, Сталин не придал должного значения совету Мао Цзэдуна.

После нападения Германии на его страну Сталин, по мнению китайского автора, понял, что он допустил ошибку, и приказал Ворошилову: «Дайте от своего имени телеграмму главнокомандующему Чжу Дэ с выражением благодарности».

Ворошилов сказал, что он немедленно выполнит это указание.

Китайский исследователь также утверждал, что Сталин, оказавшись перед лицом смертельной угрозы его стране, имел за спиной братскую партию, огромные ресурсы Китая, его неистощимый людской потенциал. [15]

Тот же китайский автор полагал, что Мао Цзэдун и КПК оказали решительную поддержку и практическую помощь советскому народу в его Отечественной войне. 23 июня 1941 года Мао Цзэдун призвал партию создать широкий антифашистский международный единый фронт, оказав тем самым помощь СССР в отпоре фашистам, в священной Отечественной войне, а также предпринять практические действия в целях изгнания японского империализма из Китая.

Мао Цзэдун полагал, что вступление СССР в войну в огромной степени усилило мощь антифашистского лагеря. Указания Мао Цзэдуна представляли собой точный анализ ситуации, вдохновляли народ Китая на войну сопротивления Японии, оказыва-

ли моральную поддержку советскому народу в его Отечественной войне. [16]

10 сентября 1941 года Мао Цзэдун выступил с речью на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК. Он подробно раскритиковал то, что он называл «лево»-уклонистскими авантюристическими ошибками Ван Мина и их корнями. При этом Мао Цзэдун подчеркнул, что в прошлом в КПК на протяжении длительного времени господствовал субъективизм. Линия Ли Лисаня и «лево»-уклонистский оппортунизм, присущий заключительному периоду советского движения в Китае, все это и представляло собой субъективизм. Проявления субъективизма во время завершающего периода советского движения в Китае были наиболее серьезными; он проявлялся тогда всесторонне, господствуя в партии на протяжении самого длительного времени; результаты или последствия его были ужасающими. Так происходило потому, что сторонники такого субъективизма именовали себя проводниками «линии Коминтерна», рядились в тогу марксизма, а осуществляли фальшивый марксизм. [17]

Тогда Мао Цзэдун впервые и с точки зрения теории, и с точки зрения практической политики критиковал ошибки линии, которую проводил Ван Мин. Ван Мин же был представителем Сталина в Китае. Это был его «императорский посол», «высочайше уполномоченный» представитель в КПК. Поэтому-то все это, по сути дела, было не только критикой Ван Мина, но и представляло собой первую по счету систематизированную критику в теоретическом плане со стороны Мао Цзэдуна того, что ему представлялось субъективизмом Сталина в подходе к вопросам революции в Китае. [18]

После выступления Мао Цзэдуна некоторые сторонники Ван Мина начали каяться и выступать с самокритикой. Но сам Ван Мин не уступал Мао Цзэдуну.

Выступая на том же расширенном заседании Политбюро ЦК КПК 12 сентября 1941 года, Ван Мин не только не был самокритичен, как того хотелось бы Мао Цзэдуну, но, напротив, утверждал, что линия в свое время проводилась правильная. Ван Мин возложил ответственность за главные ошибки на завершающем этапе советского периода деятельности КПК на Бо Гу, подчеркнув, что в то время сам он, то есть Ван Мин, выступал против Бо Гу, находясь еще в СССР. [19]

1 февраля 1942 года Мао Цзэдун начал кампанию исправления стиля в КПК.

Ван Мин в этой связи выступил с осуждением политики и методов Мао Цзэдуна. Он полагал, что Мао Цзэдун выступал против ленинизма, Коминтерна, ВКП(б), СССР, против КПК. Ван Мин также считал, что Мао Цзэдун хотел бы всех и вся подчинить себе, поставить себе на службу, создать маоцзедунизм, учредить в партии свою единоличную диктатуру, ввести военную диктатуру, что Мао Цзэдун не желал видеть того, что осуществлявшееся им движение за исправление стиля наносило огромный вред и КПК, и народу Китая, вред международному коммунистическому движению и мировой революции.

Ван Мин и в 1942–1943 годах продолжал настаивать на своем, полагал, что вся эта кампания борьбы за исправление стиля развернута главным образом с той целью, чтобы подвергнуть репрессиям всех тех членов партии, которые вернулись в Китай после работы в Москве. [20]

В КПК — КНР подчеркивали, что, по сути дела, проводившееся в Яньани движение за исправление стиля было направлено именно на то, чтобы нанести удар по идеологии Сталина и его представителя в Китае Ван Мина, так как эта идеология считалась Мао Цзэдуном догматизмом, а борьба против нее расценивалась или называлась освобождением от идейных пут. Мао Цзэдун добивался в ходе этого движения того, чтобы его сторонники освобождались от того, что он именовал слепой верой в линию Коминтерна, в указания Коминтерна. Напротив, они должны были поверить в идеи Мао Цзэдуна, которые он преподносил им как сочетание теоретических положений марксизма-ленинизма с практикой революции в Китае. Именно это должно было, по мысли Мао Цзэдуна, стать компасом или руководящей идеологией для членов КПК. [21]

На самом же деле оказывалось, что Мао Цзэдун использовал трудное для Сталина время Отечественной войны против Гитлера для того, чтобы заставить всех членов Коммунистической партии Китая следовать за собой и видеть в Сталине силу, которую можно использовать в интересах Мао Цзэдуна, его сторонников, но которой никак нельзя доверять и которой не следует подчиняться. Идеальный разрыв Мао Цзэдуна и его сторонников со Сталиным произошел именно в годы Отечественной войны СССР против

Германии. Очевидно, тут сыграли свою роль два обстоятельства: во-первых, жизнь доказала, что Сталин допустил непростительную ошибку и не был готов к войне с Германией; во-вторых, на некоторое время у Мао Цзэдуна возникла даже мысль о том, что Сталин проиграет войну Гитлеру и что со Сталиным может быть покончено.

Мао Цзэдун хотел при этом добиться того, чтобы марксизм-ленинизм приобрел китайскую форму, был синизирован или китаизирован. Мао Цзэдун стремился поставить себе на службу терминологию и ряд положений из области теории, а также политической практики, которые были присущи марксизму-ленинизму, коммунистическому движению в разных странах, помимо Китая, прежде всего в СССР. В этом была и одна из главных причин, и одна из главных целей проведения кампании исправления стиля.

Взаимоотношения (заочные) между Сталиным и Мао Цзэдуном были в 1930-х и 1940-х годах сложными. Сталин, очевидно, предпочел бы видеть на посту руководителя КПК другого политика, отличавшегося от Мао Цзэдуна тем, что он в большей мере прислушивался бы к Сталину и, по сути дела, был бы, безусловно, надежным другом и союзником России (СССР).

Однако Сталин понял, что приходится считаться с реальным положением в КПК, с тем, что Мао Цзэдуну удалось взять верх в руководстве партии. Поэтому Сталин делал шаги по налаживанию отношений с Мао Цзэдуном. Очевидно, Сталин пришел к выводу о том, что применительно к Китаю оказывалось невозможным посадить во главе партии доверенного человека Москвы, деятеля, который на протяжении длительного времени находился в СССР и доказал свою лояльность Сталину. Во главе КПК мог быть только политик, практически не покидавший Китая и не «запятнанный» «близостью» к иностранцам, прежде всего в данном случае к СССР.

Поэтому Сталин предпочел не вступать в борьбу с Мао Цзэдуном в ходе внутривнутриполитических споров внутри КПК, а сделать хорошую мину при плохой игре, то есть перестать поддерживать свою прежнюю креатуру и выставить себя перед Мао Цзэдуном и всем руководством КПК в качестве иностранца, уважающего мнение, созревшее в Китае, и реалиста, прагматика, считающегося с ситуацией, сложившейся внутри КПК; более того, Сталин

таким образом, пожалуй, впервые предал своих людей внутри КПК, отдал их на растерзание Мао Цзэдуну, надеясь хотя бы такой ценой сохранить необходимые связи между собой и Мао Цзэдуном. Здесь Сталин продемонстрировал, что для него собственные интересы и в определенной степени интересы его государства важнее сохранения верности своим союзникам внутри КПК, внутри Китая, если эти союзники оказались недостаточно сильны для того, чтобы самим прийти к власти; Сталин фактически бросил их и не помог им в борьбе за власть против Мао Цзэдуна.

В ключевой момент борьбы внутри КПК за власть над партией Сталин поддержал Мао Цзэдуна, выступил за то, чтобы именно он занимал положение высшего руководителя партии. В то время авторитет Коминтерна был очень высоким, организационная дисциплина в Коминтерне была жесткой. При поддержке Коминтерна Ли Лисань, Ван Мин стали на некоторое время основными руководителями КПК. В 1937 году Ван Мин возвратился в Китай. В то время он занимал высокое положение в Коминтерне: был членом президиума ИККИ, его секретарем. В КПК его видели как главного эксперта Сталина по проблемам колониальных и зависимых стран, как возвратившегося на родину «императорского посла» или «высочайше уполномоченного» представителя Сталина, Коминтерна и Москвы. Он стал привлекать людей на свою сторону, пытался распоряжаться, занять место руководителя партии, которое тогда уже принадлежало Мао Цзэдуну. Деятельность Ван Мина привела к расхождениям во мнениях, которые проявились, в частности, на заседании Политбюро ЦК КПК в декабре 1937 года. И вот в этот ключевой момент, когда уже имели место смута и разброд, осенью 1938 года на шестом пленуме ЦК КПК прибывший из Москвы Ван Цзясян передал участникам пленума указания Коминтерна, которым руководил Сталин, то есть фактически указания Сталина, о том, что он со всей определенностью поддерживает Мао Цзэдуна в качестве вождя Коммунистической партии Китая. При этом Коминтерн, то есть Сталин, критиковал высказывания Ван Мина. Эта позиция Сталина сыграла большую и важную роль в деле упрочения положения Мао Цзэдуна в руководстве КПК.

Далее следует упомянуть, что в ходе проведения яньаньского движения за исправление стиля формально борьба шла против Ван Мина, однако, по сути дела, это была критика Сталина, его политики. Сталин был этим недоволен, однако он про-

явил выдержку и терпение. Он смолчал, не высказался. Вообще говоря, и Сталин, и Мао Цзэдун пользовались этим приемом. Очно или заочно они в ряде случаев, понимая, что партнер выступает с острой критикой или просто-напросто ведет борьбу, предпочитали отмолчаться, тем самым, с одной стороны, подвешивая вопрос, сохраняя за собой возможность впоследствии вернуться к обсуждению той или иной проблемы, и, с другой стороны, давая понять, что, несмотря на те или иные важные разногласия, существовали и другие обстоятельства, которые властно требовали от партнеров сохранять мосты в отношениях между ними. Так и в данном случае Сталин не стал выступать с протестами.

Вообще, необходимо отметить, что в свое время, а именно в 1948–1949 годах, Сталин с большим подозрением относился к КПК, не исключая того, что она может стать «второй партией, подобной Союзу коммунистов Югославии», а КНР может превратиться во «вторую Югославию», сам же Мао Цзэдун может оказаться «вторым маршалом Тито». С точки зрения Сталина, СКЮ, Югославия и Тито предали его, Сталина, и оказались во враждебном Советскому Союзу военном лагере. Сталин весьма опасался того, что и на Востоке Китай Мао Цзэдуна может оказаться в военном лагере, враждебном СССР.

Следует отметить, что Сталин принимал во внимание разницу, по крайней мере в численности населения и размерах территории, между Китаем и Югославией и никогда не был с Мао Цзэдуном и КПК столь груб, как в отношении к СКЮ и к Тито. Сталин хорошо знал о том, что Мао Цзэдун всемерно стремится действовать совершенно самостоятельно и отдельно от Москвы. Однако Сталин предпочитал не осложнять отношения и оказывал поддержку Мао Цзэдуну; этот мотив был преобладающим в действиях Сталина. Позиция Сталина, с одной стороны, позволила сохранять относительно тесные отношения между Сталиным и Мао Цзэдуном и, с другой стороны, дала возможность Мао Цзэдуну провести в Яньани движение за исправление стиля, то есть в определенной степени идейно отмежеваться от Сталина, а также провести чистку и партии, и армии от своих политических противников, которые в известной части, возможно, были ближе к Сталину и предпочитали видеть во главе КПК не Мао Цзэдуна.

И, наконец, позиция Сталина в конце 1930-х годов практически состояла в том, что он не поддержал, а бросил Ван Мина. Это имело несколько последствий. С одной стороны, и сам Ван Мин, и многие другие деятели в КПК поняли, что, во всяком случае на данном этапе развития событий, они не могут рассчитывать на поддержку Сталина в их борьбе против Мао Цзэдуна, что Сталин считается, прежде всего, с реальным соотношением сил внутри КПК (важно, что тогда Мао Цзэдун не пошел на прямое физическое устранение Ван Мина, который сохранил определенные, хотя фактически лишь номинальные, позиции в руководстве партии). С другой стороны, Мао Цзэдун был вынужден сохранять и видимость, да и в определенной степени и существо отношений со Сталиным. Мао Цзэдун полагал, что Сталин посчитался с реальной жизнью, с фактами. В то же время Мао Цзэдун считал, что Сталин поступил таким образом, то есть фактически предал Ван Мина и назвал Мао Цзэдуна вождем КПК, скрепя сердце, с болью отрывая Ван Мина от себя, иначе говоря, лишь вынужденно совершая справедливый, с точки зрения Мао Цзэдуна, поступок. Мао Цзэдун рассматривал развитие своих отношений со Сталиным всегда как результат борьбы; он видел себя и Сталина двумя политическими соперниками. Мао Цзэдун и его сторонники стремились трактовать, особенно для внутрипартийного потребления в КПК, процесс развития отношений между Сталиным и Мао Цзэдуном как историю, в ходе которой Мао Цзэдун был всегда прав, а Сталин совершал ошибки в отношении Мао Цзэдуна, КПК, но постоянно под давлением Мао Цзэдуна был вынужден исправлять их; при этом вся заслуга Сталина в глазах Мао Цзэдуна состояла в том, что он оказывался способен исправлять свои ошибки. Такая трактовка позволяла Мао Цзэдуну «сохранять лицо» перед своими сторонниками и в то же время унижать Сталина, который постоянно «терял и терял лицо». Мао Цзэдун при этом всегда стремился подчеркивать, что он хранит честь китайской нации, отстаивает ее интересы, выступает не как последователь Сталина, а ведет КПК и китайскую революцию по особому самобытному пути, который во многом не походит на советскую модель. Мао Цзэдун фактически предлагал своим сторонникам проявлять снисхождение к Сталину, который был вынужден Мао Цзэдуном, несмотря на всю свою подозрительность или сохраняя всю свою подозрительность (вообще говоря, Мао

Цзэдун не осуждал подозрительность, ибо это было то, что объединяло его и Сталина, так как здесь для того и для другого речь шла о бдительности в отношении классовых врагов, то есть их собственных недругов), все-таки оказаться способным проделать сложную эволюцию от подозрительности в отношении Мао Цзэдуна к поддержке Мао Цзэдуна, а затем и к восхищению Мао Цзэдуном.

Что же касалось конкретно оценки ситуации во время проведения в Яньани движения за исправление стиля, то, с точки зрения Мао Цзэдуна и его апологетов, важно было доказывать полнейшую правоту Мао Цзэдуна, а потому все происходившее трактовалось как результат осознания Сталиным того, что линия Ван Мина, а следовательно и его собственная линия, вела революцию в Китае к поражению, в то время как идеи Мао Цзэдуна сулили возможность поворота событий к успешному развитию революции; Сталин, по мысли Мао Цзэдуна, в этой ситуации с уважением отнесся к фактам, «отбросил» Ван Мина и поддержал Мао Цзэдуна. Оказывалось, таким образом, что Сталин выступал в роли «способного ученика» Мао Цзэдуна, по крайней мере в том, что касалось Китая и КПК. С точки зрения Мао Цзэдуна и его сторонников, Сталину в этой ситуации пришлось не только обуздать себя, холодным рассудком подавить свои чувства (к Ван Мину), но это потребовало от Сталина также повернуть в ином ракурсе привычные для него представления о расстановке сил в Коминтерне. Сталину пришлось это сделать и молчаливо признать, что критика Ван Мина во время яньаньского движения за исправление стиля, то есть фактически осуждение просчетов самого Сталина, является справедливой. Китайские авторы подчеркивали в этой связи, что позиция Сталина в то время показывала «широту его воззрений и поступков как пролетарского революционера». [22]

15 мая 1943 года Коминтерн был распущен. Получив телеграмму, Мао Цзэдун надолго замолчал и задумался.

26 мая 1943 года ЦК КПК принял решение, в котором одобрил роспуск Коминтерна, отметив при этом, что эта организация оказала КПК большую помощь, но в то же время партия способна сама решать все вопросы.

Мао Цзэдун охарактеризовал историю деятельности Коминтерна словами: «Начало и конец были замечательными, но вот серединка подкачала». При этом Мао Цзэдун оговорился, что

не все было замечательно и в начале и в конце, и не все было однозначно «в середине» деятельности Коминтерна.

Мао Цзэдун утверждал, что внутренние факторы играют основную роль в процессе изменений, а внешние факторы создают только условия для тех же изменений. Отсюда Мао Цзэдун делал вывод о том, что вне зависимости от того, допускал или не допускал бы ошибки Коминтерн, все-таки все решалось в КПК, в Китае, им самим и его сторонниками. Мао Цзэдун полагал, что когда сражаются две армии, то одна из них «непременно победит, а другая потерпит поражение, а потому вопрос о том, кто победит, а кто потерпит поражение, решается соотношением внутренних факторов». [23]

Итак, вся история взаимоотношений Сталина и Мао Цзэдуна применительно к связям между Коминтерном (ВКП(б)) и КПК была историей борьбы за отдельность и самостоятельность со стороны Мао Цзэдуна при учете обоими партнерами, то есть Сталиным и Мао Цзэдуном, того, что у них имелись совпадавшие интересы, по крайней мере временного характера. Эта же история свидетельствовала о том, что внутри КПК на протяжении нескольких десятилетий были силы, которые в большей мере ориентировались на Сталина, чем Мао Цзэдун, и Сталин по мере возможности, которую он сам определял, оказывал поддержку этим силам. Однако, как только Сталин понял, что внутри КПК Мао Цзэдун добился перевеса и занял руководящее положение, он твердо встал на позиции признания того факта, что дело применительно к КПК приходилось иметь исключительно с Мао Цзэдуном. В сфере межпартийных отношений Мао Цзэдун всегда исходил из необходимости иметь своим главным партнером в Москве Сталина, а Сталин постепенно пришел к пониманию того, что его главным партнером в КПК являлся Мао Цзэдун.

СТАЛИН И РОДСТВЕННИКИ МАО ЦЗЭДУНА

История сложилась таким образом, что территория государства, где властвовал Сталин, на два-три десятилетия оказалась тылом Мао Цзэдуна, где могли, в частности, в условиях относительной безопасности отсиживаться его родные, которые, в случае если бы они попали в руки политических противников Мао Цзэдуна в Китае, могли бы лишиться жизни.

В СССР за эти годы побывали брат Мао Цзэдуна Мао Цзэминь, две супруги Мао Цзэдуна Хэ Цзычжэнь и Цзян Цин, три сына Мао Цзэдуна — Мао Аньин и Мао Аньцин от его жены Ян Кайхой и оставшийся для нас безымянным младенец, которого родила и похоронила в Москве Хэ Цзычжэнь, а также дочь Мао Цзэдуна от Хэ Цзычжэнь Цзяоцзяо, или Ли Минь. Для Мао Цзэминя пребывание в СССР оказалось кратким, для Цзян Цин это были месяцы лечения и отдыха, а Хэ Цзычжэнь пришлось провести в Советском Союзе около восьми лет, причем почти половину этого срока в психиатрической больнице, почти по десять лет провели в СССР Мао Аньин, Мао Аньцин и Цзяоцзяо. Для них даже русский язык стал вторым родным языком. Родственники Мао Цзэдуна попадали в Советский Союз при различных обстоятельствах.

К 1937 году произошли изменения в некогда прекрасных отношениях между Мао Цзэдуном и его женой Хэ Цзычжэнь. Ее переместили с поста секретаря Мао Цзэдуна на работу в банк. Нужно также сказать, что после продолжительного и изобиловавшего трудностями перехода на северо-запад страны и прихода в Яньань Хэ Цзычжэнь в 1936 году родила дочь, которую сначала стали звать Цзяоцзяо, то есть «Прелесть», и которой

Мао Цзэдун впоследствии дал имя Ли Минь. В Яньани Хэ Цзычжэнь отдала дочь на воспитание в крестьянскую семью, а сама начала учиться в Антияпонском университете. Она фактически переселилась в общежитие этого учебного заведения.

В 1937 году Мао Цзэдун и Хэ Цзычжэнь все больше отдалялись друг от друга. Виной тому было и столкновение характеров, и стремление Мао Цзэдуна иметь свободу в связях с другими женщинами. Отношения между Мао Цзэдуном и Хэ Цзычжэнь стали холодными.

Состояние Хэ Цзычжэнь осложнилось тем, что в свое время она была ранена и из ее тела не были удалены все осколки. В Яньани не было нужных врачей. Она решила уехать сначала в Сиань, а затем в Шанхай для того, чтобы там сделать операцию и избавиться от осколков. И тут вдруг выяснилось, что Хэ Цзычжэнь снова беременна.

Несмотря на уговоры Мао Цзэдуна остаться, Хэ Цзычжэнь решила уехать из Яньани. В конце 1937 года Хэ Цзычжэнь тронулась в путь.

Когда она добралась до Сиани, Шанхай был уже в руках у японцев. Поездка к шанхайским врачам стала невозможной. Мао Цзэдун предлагал Хэ Цзычжэнь вернуться в Яньань, но она решила обратиться к врачам в СССР и сначала на машине переехала в Ланьчжоу, а затем в Дихуа (Урумчи), откуда на самолете прилетела в Москву в октябре 1938 года.

Врачи в СССР, к которым обратилась Хэ Цзычжэнь, установили, что остававшиеся у нее в голове, в спине и в груди осколки уже так затянулись, что предпочтительнее не трогать их и не делать операцию.

Затем Хэ Цзычжэнь родила ребенка. Спустя месяц после рождения младенца Хэ Цзычжэнь отдала его в ясли, а сама пошла на учебу в КУТВ.

После отъезда Хэ Цзычжэнь из Яньани в 1938 году в жизни Мао Цзэдуна появилась Цзян Цин. По решению секретариата ЦК КПК Мао Цзэдуну и Цзян Цин было разрешено вступить в брак при том, однако, условии, что Цзян Цин не будет принимать участия в политической деятельности. В конце ноября 1938 года Мао Цзэдун и Цзян Цин поженились. Это произвело разрушительное воздействие на психику Хэ Цзычжэнь, которая в результате коварства и бесчеловечного поведения Мао Цзэдуна была

вынуждена внезапно осознать, что она оказалась вдали от своей родины, без мужа, без дочери, без сына и вне своей политической партии.

Так, в конце 30-х годов супруга Мао Цзэдуна Хэ Цзычжэнь оказалась вдали от ставшего неожиданно для нее бывшим мужа в стране, где властвовал Сталин.

Сталину было прекрасно известно, что Мао Цзэдун в то время был заинтересован в том, чтобы Хэ Цзычжэнь не мешала его новому личному счастью с Цзян Цин.

Хэ Цзычжэнь в СССР попала под постоянный надзор органов внутренних дел Сталина. Сначала она находилась в Москве, где родила и вскоре похоронила сына, а затем была переведена в Иваново вместе с дочерью Цзяоцзяо, которую Мао Цзэдун, сойдясь с Цзян Цин и узнав о смерти младенца-сына в Москве, отправил в 1939 году к матери из Яньани. Кстати, в Ивановском интернациональном детском доме в это время оказались два сына Мао Цзэдуна от брака с его женой Ян Кайхой и дочь от его же брака с Хэ Цзычжэнь. Хэ Цзычжэнь проявляла заботу и о своей дочери, и о сыновьях Ян Кайхой.

Злоключения, особенно в личной жизни, так подействовали на Хэ Цзычжэнь, что она потеряла душевное равновесие. На несколько лет ее поместили в больницу для душевнобольных; при этом она продолжала находиться под наблюдением сотрудников сталинской политической полиции.

Одним словом, ситуация сложилась таким образом, что в конце 30-х годов и в первой половине 40-х годов XX столетия судьбой Хэ Цзычжэнь фактически распоряжались Сталин и Мао Цзэдун, а вернее, Мао Цзэдун и Сталин.

После окончания Второй мировой войны Мао Цзэдун решил вернуть Хэ Цзычжэнь в Китай. После некоторых проволочек Сталин удовлетворил желание Мао Цзэдуна. В 1946 году Хэ Цзычжэнь вместе с дочерью была переправлена в Маньчжурию и снова оказалась в полной власти Мао Цзэдуна.

В целом можно сказать, что Сталин оказал услугу Мао Цзэдуну, приняв у себя в стране его жену тогда, когда Мао Цзэдун, по сути дела, был рад избавиться от ее присутствия на некоторое время. Затем, очевидно по согласованию с Мао Цзэдуну, Сталин держал Хэ Цзычжэнь несколько лет в сумасшедшем доме, вернув ее затем Мао Цзэдуну по его требованию. Весь

этот эпизод мог лишь способствовать поддержанию отношений между Сталиным и Мао Цзэдуном, если не говорить о страданиях несчастной женщины, которая оказалась игрушкой или пешкой в руках и того и другого политика. Ни Сталин, ни Мао Цзэдун не проявили человеческого отношения или сочувствия к Хэ Цычжэнь.

Жена Мао Цзэдуна Цзян Цин в конце 40-х годов и в 50-х годах неоднократно бывала в Советском Союзе, проводила там по несколько месяцев подряд. В основном это были поездки, обосновывавшиеся необходимостью пройти курс лечения.

Мао Цзэдун и Цзян Цин были просто помешаны на своем здоровье. И действительно, в Советском Союзе Цзян Цин лечили хорошие врачи, которые, в частности, сохранили ей здоровье на долгие годы, несмотря на рак матки.

Мао Цзэдун не волновался из-за того, что его супруга неоднократно в 40-х и в 50-х годах подолгу находилась в Советском Союзе на лечении и отдыхе. В известные моменты это было ему даже политически выгодно, ибо снимало головную боль, которую вызывало постоянное желание Цзян Цин вмешиваться в политику. К этому времени Мао Цзэдун и Цзян Цин фактически не жили вместе, у каждого была своеобразная личная жизнь. В общем, Мао Цзэдун нисколько не опасался того, что Цзян Цин может оказаться заложницей в руках Сталина. Да и Сталин понимал, что жизнь Цзян Цин не могла служить инструментом воздействия на Мао Цзэдуна, но лишь позволяла лишний раз подчеркивать желание Сталина содействовать Мао Цзэдуну в устройстве его личных и семейных дел.

Мао Цзэдун не давал Цзян Цин во время ее пребывания в СССР почти никаких политических поручений, за одним, пожалуй, исключением. Когда в Москве в больнице долго и мучительно умирал бывший связной Сталина в Яньани в 1942–1945 годах П. П. Владимиров, тогда, вполне очевидно по поручению Мао Цзэдуна, Цзян Цин неоднократно навещала его в больнице, очевидно, в связи с тем, что Мао Цзэдун хотел удостовериться в том, что П. П. Владимиров действительно смертельно болен, и в том, что он умер.

Лишь однажды Цзян Цин, будучи в СССР, попыталась сыграть некую роль на политической сцене, но ее реплики оказались для нее крайне неудачными.

Дело было так.

В июле 1949 года, когда в СССР находилась делегация во главе с Лю Шаоци, Цзян Цин тоже была в Советском Союзе на лечении. 27 июля 1949 года Сталин устроил на своей даче в Кунцево прием для китайской делегации во главе с Лю Шаоци. Сталин пригласил на этот прием и Цзян Цин.

Во время банкета Цзян Цин долго не произносила ни слова. Это было удивительно, учитывая ее разговорчивость. Впоследствии переводчик этой делегации Ши Чжэ узнал, что перед банкетом Лю Шаоци наказал Цзян Цин помалкивать.

Однако Цзян Цин не удержалась. Перед приемом она советовалась со своей компаньонкой о том, какими словами лучше выразить уважение к Сталину. Во время обеда она выбрала подходящий, с ее точки зрения, момент и предложила тост: «Товарищи! Прошу всех поднять бокалы. Давайте все вместе выпьем за здоровье товарища Сталина! Здоровье Сталина — это наше счастье! Я желаю товарищу Сталину вечного здоровья!» Этот тост привлек внимание всех присутствовавших к супруге Мао Цзэдуна. Она же продолжила: «Прошу всех поднять бокалы. Прошу всех вместе со мной выпить за товарища Сталина!»

Сталин улыбнулся, чокнулся с Цзян Цин и осушил бокал.

Затем Сталин подошел к китайским гостям и сказал: «Я впервые слышу, что мое здоровье — это ваше счастье! Не перебор ли это?»

Цзян Цин зарделась.

Сталин отошел в другой угол комнаты, затем, поразмыслив, повернулся к присутствующим и заговорил:

«Самым важным для нас являются братская дружба и сплочение между нами (очевидно, Сталин имел в виду ВКП(б) и КПК. — Ю. Г.). Именно это имеет важное значение для мировой революции. А жив Сталин или нет, мы все равно по-прежнему должны быть сплочены. Наша сила в единстве! Наша сплоченность теснейшим образом связана с мировой революцией и судьбами человечества; именно это имеет важнейшее значение».

Тут все присутствующие начали провозглашать здравицы, желать Сталину вечного здоровья.

Сталина все это не очень-то обрадовало. Он поднял бокал и сказал, обращаясь к китайским гостям:

«Конечно, мне приятно слышать, когда мне желают долгих лет жизни и говорят другие прекрасные слова. Однако на самом-то деле человек смертен, человек в конце концов умирает! Никто не может жить вечно!

Я никогда не любил льстить кому бы то ни было, но вот другие все время мне льстят. Мне это надоело! Когда я говорю, что китайские марксисты обрели зрелость, что люди в Советском Союзе и в Европе должны у вас учиться, я не превозношу вас; это не просто вежливые слова. Ведь именно из-за того, что люди в Западной Европе возгордились, они после смерти Маркса, Энгельса отстали и центр революции с запада переместился на восток, а теперь перемещается дальше в Китай и на восток Азии». [24]

Вслед за тем Сталин поставил бокал и со всей серьезностью предложил Советскому Союзу и Китаю взять на себя определенные обязанности в мировом революционном движении, то есть должным образом поделить между собой работу, иначе говоря, сотрудничать, распределяя между собой участки работы. Он выразил пожелание, чтобы Китай впредь больше сосредоточивался на помощи национально-демократическим революционным движениям народов колоний, полуколоний и зависимых стран, потому что и сама китайская революция, и ее революционный опыт оказывают относительно большое влияние на них и они могут брать этот опыт на вооружение и воспринимать его. Что же касается СССР, то в данном случае он не имеет возможности оказывать такое же влияние и играть такую же роль, как Китай. Причины очевидны. Ведь и Китай находится в подобном положении, так как ему труднее, чем Советскому Союзу, оказывать влияние на Европу.

Мао Цзэдун был весьма недоволен этим экспромтом Цзян Цин. Он решил, что ее нельзя больше допускать до Сталина.

Автор одной из книг, изданных в КНР, бывший свидетелем описываемых событий, считал также, что, отправляясь в СССР для встреч со Сталиным, Мао Цзэдун именно по этой причине не взял с собой Цзян Цин. [25]

Что же касается Сталина, то он лично проявлял внимание даже к деталям организации пребывания Цзян Цин в СССР. Она находилась под усиленной охраной и наблюдением. Ее переводчица служила в МГБ и была одной из постоянных партнерш

Цзян Цин по игре в карты, а это было одним из любимых занятий Цзян Цин во время отдыха в СССР. По личному указанию Сталина, который считал, что обычный больничный халат будет слишком тяжел и неудобен для Цзян Цин, для нее был сшит легкий шелковый халат; кстати сказать, Сталин даже сам выбрал материю зеленого цвета для этого халата. Сталин также дал указание разместить Цзян Цин на его даче на черноморском побережье.

Сталин знал о том, что Цзян Цин не допускают к участию в политической жизни Компартии Китая, поэтому он не предпринимал никаких попыток привлечь ее в качестве посредника в его отношениях с Мао Цзэдуном.

Мао Цзэдун также не вовлекал Цзян Цин в межпартийные отношения, в том числе и в свои отношения со Сталиным.

Цзян Цин находилась в СССР и в тот период, когда шла подготовка к созданию КНР, и во время самой этой грандиозной церемонии провозглашения нового государства в Пекине. Это было предпочтительно, с точки зрения Мао Цзэдуна.

Случилось так, что Цзян Цин оказалась в СССР и тогда, когда умер Сталин. И опять ее не привлекли ни к каким политическим мероприятиям.

Одним словом, Цзян Цин не сыграла никакой роли в политических отношениях Сталина и Мао Цзэдуна, хотя Сталин сделал все возможное с той целью, чтобы было проявлено максимально возможное внимание к супруге Мао Цзэдуна во время ее лечения в Советском Союзе. Это также служило созданию благоприятной атмосферы в отношениях Сталина и Мао Цзэдуна.

Старший сын Мао Цзэдуна Мао Аньин в конце 30-х годов был вывезен под чужим именем через Западную Европу из Китая в Советский Союз. Благодаря этому и сам Мао Аньин получил возможность спокойно и в безопасности жить и учиться в СССР в свои юные годы, и Мао Цзэдун мог быть спокоен за жизнь своего старшего сына, с которым он время от времени переписывался.

Мао Аньин, которого в Советском Союзе стали называть Сережей, Сергеем, был помещен, как и другие дети руководителей и видных деятелей зарубежных компартий, в Ивановский интернациональный детский дом, где он стал практически дву-

язычным человеком; для Мао Аньина и китайский, и русский языки были родными.

Мао Аньин жил в Советском Союзе с пятнадцати до двадцати пяти лет. Здесь он получил образование, в том числе и высшее военно-политическое образование, а также политическое воспитание. Он провел в нашей стране и предвоенные годы, для которых характерными были сталинские политические репрессии, и трудное время Великой Отечественной войны, в которой ему даже довелось участвовать на ее последнем этапе в качестве офицера Советской армии и члена ВКП(б). После войны его направили на учебу на китайское отделение Московского института востоковедения.

Сталин лично следил за судьбой Мао Аньина. Во время Великой Отечественной войны Мао Аньин обратился к Сталину с письмом, в котором просил взять его в действующую армию и отправить на фронт. По поручению Сталина в Ивановский интернациональный детский дом приезжал для бесед с Мао Аньином секретарь Исполкома Коминтерна Д. З. Мануильский. Сталин сумел и удовлетворить просьбу Мао Аньина, и дать ему возможность побывать в рядах действующей армии, и в то же время сохранил на Великой Отечественной войне старшего сына Мао Цзэдуна живым.

В 1946 году Мао Цзэдун решил, что его старшему сыну пора возвращаться на родину. Сталин принял Мао Аньина перед его отъездом в Яньань и подарил ему личное оружие, пистолет с памятной надписью.

Можно предположить, что Сталин был бы не прочь иметь в лице Мао Аньина посредника при своих контактах с Мао Цзэдуном; кстати сказать, такой опыт у Сталина уже был, если вспомнить о случае с Чан Кайши и его старшим сыном Цзян Цзинго (Николаем Владимировичем Елизаровым, как его называли в Советском Союзе), который тоже провел более десяти лет в СССР, тоже окончил здесь военно-политическую академию, стал командиром Красной армии и членом ВКП(б).

Мао Цзэдун не захотел этого. У него были иные планы использования своего старшего сына.

Хотя, по некоторым сведениям, Мао Цзэдун в конечном итоге направил Мао Аньина служить под началом одного из руководителей своих спецслужб Ли Кэнуна, с которым Мао Аньин, как говорят, не раз приезжал в СССР для координации работы

соответствующих служб и органов, в том числе и перед началом корейской войны.

Во время самой корейской войны Мао Цзэдун отправил Мао Аньина в Корею, где он служил переводчиком в штабе командующего добровольческой армией Пэн Дэхуая и переводил беседы Пэн Дэхуая и руководителя ТПК и КНДР Ким Ир Сена. Вскоре после прибытия на корейский фронт Мао Аньин погиб при бомбардировке американцами штаба Пэн Дэхуая.

В целом отношение Сталина к Мао Аньину только способствовало поддержанию благоприятной атмосферы в его личных отношениях с Мао Цзэдуном.

П. П. ВЛАДИМИРОВ — НЕЧАЯННЫЙ ПОСРЕДНИК МЕЖДУ СТАЛИНЫМ И МАО ЦЗЭДУНОМ

В 1973 году в Москве в издательстве Агентства печати «Новости» вышла в свет книга: П. П. Владимиров «Особый район Китая. 1942–1945». Тексту было предпослано следующее пояснение:

«Петр Парфенович Владимиров родился в 1905 году. Свою трудовую жизнь начал на Воронежском заводе сельскохозяйственных орудий учеником слесаря, позже работал слесарем на паровозоремонтном заводе в Тихорецке. В 1927 году вступает в члены ВКП(б). С 1931 г. служил в рядах Советской Армии. После окончания военной службы поступил в Московский институт востоковедения имени Нариманова и успешно закончил его.

С мая 1938 г. до середины 1940 года П. П. Владимиров работал в Китае в качестве корреспондента ТАСС. С апреля по август 1941 года он снова в Китае по заданию ТАСС.

В мае 1942 года командирован в Яньань (Особый район) в качестве связного Коминтерна при руководстве ЦК КПК с одновременным исполнением обязанностей военного корреспондента ТАСС. Здесь он пробыл до ноября 1945 года.

В 1946 году перешел на работу в МИД СССР.

С 1948 года по 1951 год — генеральный консул СССР в Шанхае. С 1952 года — посол СССР в Бирме.

После тяжелой болезни скончался в Москве 10 сентября 1953 года.

В публикуемых дневниках П. П. Владимирова записи личного и служебного характера переплетаются. Это, видимо, не случайно. В условиях постоянной слежки, созданной главой кара-

тельных органов в Особом районе Кан Шэном, записная книжка-дневник была единственно удобным и безопасным местом хранения копий различных переводов, документов ИККИ, статей, сводок, служебных телеграмм и т. п.

Яньаньские дневники П. П. Владимирова, подготовленные к печати Ю. П. Власовым, публикуются с сокращениями.

Фото сделаны П. П. Владимировым». [26]

Итак, в 1973 году, в период накала политической борьбы между тогдашними советскими и китайскими руководителями, за три года до смерти Мао Цзэдуна и спустя двадцать лет после смерти Сталина, спустя почти тридцать лет после описываемых в книге событий, Москва решила раскрыть до того времени тайную страницу из истории взаимоотношений Москвы и Яньани, Сталина и Мао Цзэдуна.

Так всплыло имя П. П. Владимирова.

Хотя, в сущности, это не его собственная фамилия. Сталин и Мао Цзэдун считали неотъемлемой частью своей политической деятельности, да и вообще своей жизни, а также жизни своих подданных, секретность и тайны во всем. Псевдонимы, клички были в большом ходу.

Вот почему в Яньани появился П. П. Владимиров, который на самом деле был Петром Парфеновичем Власовым. Он был женат, у него были сыновья, один из которых и стал впоследствии известным в нашей стране человеком — Юрием Петровичем Власовым, в первой половине своей жизни великолепным спортсменом, штангистом, чемпионом мира по поднятию тяжестей, в течение ряда лет «самым сильным человеком планеты». Затем Ю. П. Власов проявил литературный талант, стал много писать.

Очень любя своего отца, Ю. П. Власов добился разрешения опубликовать книгу, составленную на основе тех материалов, которые его отец присылал в Москву из Яньани. Конечно, это произошло прежде всего и главным образом благодаря удачному стечению обстоятельств, то есть благодаря тому, что руководители ЦК КПСС, нуждаясь в аргументах в политическом споре со своими оппонентами в Пекине, решили воздействовать на читателей, прежде всего в своем собственном государстве, с помощью опубликования книги прямого свидетеля деятельности Мао Цзэдуна в трудные для нашей страны годы

войны (1942–1945). Но и настойчивость Ю. П. Власова сыграла при этом свою роль.

Итак, сначала об авторе книги. Мы будем называть его П. П. Владимиров, то есть тем именем, под которым он вошел в историю советско-китайских, да и русско-китайских, отношений.

Собственно говоря, этот сюжет позволяет нам сказать о китаеоведах, которым в той или иной степени довелось принимать участие в осуществлении контактов и связей между нашими странами и их руководителями в XX веке, особенно в советский период нашей истории.

Как бы человек ни относился к внутривполитическим событиям, то есть к тому, что происходило в его стране, что творил в свое время Сталин, если этот человек китаевед и если его профессия ставила его в такие условия, что ему приходилось работать в Китае и что все, как говорится, двадцать четыре часа в сутки он был занят только одним главным делом, участием в практике двусторонних отношений с Китаем, на первый план для такого китаеоведа-подвижника выдвигалась забота об обеспечении и защите интересов своей страны, своего народа, если хотите, своей нации. Знание Китая и китайцев, искренняя доброжелательность по отношению к ним только помогали осуществлять основную задачу, то есть содействовать сохранению условий для выживания своей нации на территории ее проживания, содействовать соответствующим взаимоотношениям с китайскими партнерами, прежде всего с руководителями этой страны.

Китаеведы, которым пришлось иметь дело с руководителями ЦК КПК, зачастую проходили более или менее длительный и сложный путь осознания того, что Мао Цзэдун и его сторонники и последователи лишь вынужденно имеют дело или даже сотрудничают с нашей страной, а на самом деле настроены глубоко враждебно по отношению к ней. Эти откровения, рано или поздно посещавшие многих китаеведов, были трагедией. Иные китаеведы замыкались в себе и не желали ни с кем рассуждать на эти темы. П. П. Владимиров оказался в исключительном положении. Судьба уготовила ему, компетентному китаеведу, роль единственного связного между Сталиным и Мао Цзэдуном на протяжении трудных военных лет: 1942–1945 годы.

П. П. Владимиров выполнял свои обязанности и доносил до Мао Цзэдуна то, что ему приказывала Москва. Одновременно он информировал Москву, прежде всего и главным образом Сталина (через Г. М. Димитрова), о действиях, настроениях Мао Цзэдуна, о Мао Цзэдуне как о политике и как о человеческой личности; в свое время это называлось характеристикой политических, деловых и личных качеств того или иного объекта изучения.

В этой роли П. П. Владимиров оказался человеком на своем месте. Прежде всего, это был китаевед из лучших в нашей стране. Он был талантлив и настолько владел китайским языком, и устным и письменным, что был способен без переводчика общаться с Мао Цзэдуном и другими китайскими руководителями.

Он оказался искусным дипломатом, который умел расположить к себе по-человечески многих китайских собеседников.

Наконец, он был патриотом своей страны и человеком с исключительно сильной волей и характером. Представим только себе, что ему приходилось непосредственно общаться с Мао Цзэдуном, самому решать вопросы, возникавшие в ходе, по сути дела, постоянных контактов с ним, и в то же время знать, что его информация предназначена, так сказать, на том конце провода, а вернее радиоканала, для такого подозрительного и недоверчивого политика и полновластного диктатора в своем государстве, каким был Сталин.

Что же это был за человек?

П. П. Владимиров родился в 1905 году, то есть за двенадцать лет до октябрьских событий 1917 года. Именно в эти годы он начал входить в жизнь. Мальчик был трудолюбив. Происхождение его было таково, что он пошел работать на завод слесарем.

Ум П. П. Владимиров был политически ориентирован. Политические события, политическая жизнь — вот что интересовало его. Он был идеалистом, верил в лозунги и вступил в ВКП(б) искренне, по влечению к тому, что ему представлялось правдой, во что он верил и что составляло для него главный интерес в жизни.

Таким образом, имея безукоризненное или, как тогда говорили, незапятнанное происхождение, а также рабочую биографию, П. П. Владимиров был принят в партию, а затем в Красс-

ную армию. Кадровики должным образом оценили его способности и потенциал. Его направили изучать китайский язык. В Московском институте востоковедения, лучшем учебном заведении, где способные молодые люди имели возможность получить прекрасную базу для того, чтобы в дальнейшем работать с китайским языком и по Китаю, П. П. Владимиров стал хорошим китаеведом, приобрел солидный багаж необходимых знаний о Китае.

Судя по всему, одновременно партия готовила его и как военного разведчика.

П. П. Владимиров был весьма разносторонним человеком и обладал многими талантами: он был и прекрасным китаеведом, и военным разведчиком, и хорошим журналистом. Но самое главное было в том, что он не мог жить без того, чтобы каждый день, каждый миг не плавать в море мыслей о нашей политике в отношении Китая, в море китайских политических страстей и перипетий. Политика, Россия и Китай и их политические отношения — вот главный интерес жизни П. П. Владимирова.

Ему повезло. Получив, как уже упоминалось, хорошую китаеведческую базу знаний в Москве, он провел несколько лет в Китае, где приобрел практические знания и навыки, окупился в китайскую действительность и оказался готов к самой трудной, но и самой интересной для него работе. Очевидно, неожиданно для себя он попал в центр того, что его интересовало. В самом расцвете сил, в возрасте 37 лет, его направили в Яньань, где он выполнил главное дело своей жизни, произвел работу, которая доставила ему величайшее удовлетворение. Хотя, конечно, нужно подчеркнуть, что взаимоотношения нашей страны и Китая, а точнее Сталина и Мао Цзэдуна, были в то время настолько сложными, что содействовать их нормальному развитию было, конечно же, делом далеко не простым. П. П. Владимиров пришел к пониманию того, что Мао Цзэдун в одно и то же время и вождь идейно родственной ВКП(б) политической партии, и политический деятель, враждебно настроенный по отношению к нашей стране. П. П. Владимиров откровенно докладывал в Москву обо всем этом. Сталин не заменил П. П. Владимирова. Такие китаеведы, как он, оказывались необходимы своей стране и любому ее руководителю, если этот руководитель отстаивал

интересы своей страны и не закрывал глаза на то, с кем приходилось иметь дело в Китае; особая нужда в таких Китаеведах возникала в те периоды, когда наша страна переживала большие трудности.

П. П. Владимиров не был интриганом. Он не применялся к частным настроениям ни Сталина, ни Мао Цзэдуна. Но он ощущал, что Мао Цзэдун способен на враждебные действия по отношению к нашей стране, а Сталин способен отстаивать жизненно важные интересы нашей страны в ее взаимоотношениях с Китаем, с Мао Цзэдуном.

Петр Парфенович Владимиров прожил всего 48 лет. Однако ему выпала судьба на протяжении почти трех с половиной лет быть фактически связующим звеном между Сталиным и Мао Цзэдуном. Волей-неволей он оказался вовлечен в сложнейшие отношения между ними во время Второй мировой войны, Великой Отечественной войны нашего народа, Войны сопротивления Китая японской агрессии. Он многое знал, причем, как говорится, из первоисточников.

К счастью, сохранились его сообщения в Москву из Яньани, остались его дневниковые записи, публикация которых его сыном Юрием Петровичем Власовым в книге «Особый район Китая» дала возможность получить сведения о взаимоотношениях Сталина и Мао Цзэдуна в тяжелые военные годы.

Настроения Сталина и Мао Цзэдуна, их взгляды на целый ряд военных и политических вопросов можно себе представить на основании внимательного прочтения записей П. П. Владимирова.

Накануне отъезда П. П. Владимирова в Яньань его приняли руководители ИККИ Г. М. Димитров и Д. З. Мануильский, которые подробно ознакомили его с обстановкой в КПК и в Особом районе.

Основная обязанность П. П. Владимирова в Яньани состояла в том, чтобы глубоко разобраться в действиях и взглядах Мао Цзэдуна, информировать о них Москву, Сталина, а также доводить до сведения Мао Цзэдуна сообщения, которые он получал из Москвы.

П. П. Владимирову пришлось работать в Китае в годы, когда Сталин находился в трудном положении в связи с ситуацией, создавшейся в ходе Великой Отечественной войны против гитлеровской армии.

Сталин был заинтересован в обеспечении максимально возможной степени безопасности восточных рубежей СССР. В этой связи П. П. Владимиров должен был внимательно следить, с помощью КПК, за поведением японской оккупационной армии в Китае, особенно на границе с СССР, а также за процессом оказания сопротивления японской агрессии со стороны единого фронта, в который тогда входили Гоминьдан и КПК.

П. П. Владимиров сумел проанализировать взгляды и политическую активность Мао Цзэдуна и прийти к четким выводам, информировать о них Сталина, Москву.

П. П. Владимирову также удалось нарисовать портрет Мао Цзэдуна, отразив в нем и его биографию, и поведение Мао Цзэдуна как политика и как человека.

П. П. Владимиров выяснил, что, помимо Москвы, у Мао Цзэдуна, по сути дела, в Яньани была постоянная связь с резидентом американцев, который выступал в Яньани под именем доктора Ма Хайдэ, а на самом деле был уроженцем Ближнего Востока Джорджем Хэйтемом.

П. П. Владимиров обратил внимание на то, что Мао Цзэдун считался только с силой, в частности с военной мощью немцев и японцев.

Отношение Мао Цзэдуна к Сталину, по наблюдениям П. П. Владимирова, представляло собой смесь внешнего намеренно подчеркнутого уважения, даже преклонения, с постоянными упреками и претензиями. В то время когда СССР выдерживал натиск германской армии, терпел поражения на фронтах, Мао Цзэдун и его сторонники позволяли себе издеваться над горем людей в нашей стране и одновременно выражать недовольство тем, что Советский Союз не поставляет им вооружение или не поставляет его столько, сколько им хотелось. Причем это оружие Мао Цзэдун имел в виду использовать исключительно в борьбе за власть внутри Китая против Чан Кайши. Мао Цзэдун не считался с тем, что представлялось П. П. Владимирову реальностью, то есть не желал видеть в Советском Союзе главную опору всего комдвижения. Мао Цзэдун не желал исходить из тезиса Москвы о том, что крах СССР означал бы неминуемый конец и КПК, Мао Цзэдуна. Здесь мнения Мао Цзэдуна и Сталина расходились.

В июне 1942 года П. П. Владимиров пришел к мысли о враждебности Мао Цзэдуна по отношению к нашей стране: «Разго-

воры некоторых руководителей КПК о своем дружелюбии, коим явилось-де предупреждение о нападении Германии, откровенно спекулятивны. Действительность — скрытая враждебность Кан Шэна, а возможно, и председателя ЦК КПК — Мао Цзэдуна...

Враждебность Мао Цзэдуна?! Нет, для меня теперь это отнюдь не такая уж еретическая мысль». [27]

3 июля 1942 года, когда положение Сталина и СССР было тяжелым на фронтах Отечественной войны, Мао Цзэдун в беседе с П. П. Владимировым сказал, что советское правительство может не беспокоиться, тревоги Сталина и советского народа понятны ему и китайскому народу, и поэтому «я отдал приказ подготовиться к ведению боевых операций против японских фашистов. Пусть только посмеют нарушить границы СССР! Прошу не беспокоиться. 8-я НРА ведет соответствующую передислокацию». [28]

Мао Цзэдун на словах выражал свое дружелюбие. На деле он, во-первых, не выполнял своих обещаний помогать Советскому Союзу в его Великой Отечественной войне и, во-вторых, настраивал своих сторонников на постоянную конфронтацию с Москвой, со Сталиным, на постоянную подозрительность к Москве и к Сталину; при этом внутри КПК дело было поставлено таким образом, что сторонники Мао Цзэдуна могли доказывать свою верность Мао Цзэдуну только при условии, что они проявляли на словах и на деле враждебность и подозрительность по отношению к СССР.

Сталин в этой ситуации считался с реальным положением дел и стремился к тому, чтобы удерживать Мао Цзэдуна хотя бы на формально благожелательных в отношении СССР позициях. (Попутно отметим, что такие коллизии в наших двусторонних отношениях повторялись и повторяются до сих пор.)

П. П. Владимирову было также известно, что в июле 1941 года Москва обратилась к КПК с просьбой сорвать концентрацию японских войск у советской границы; «особенно важно нарушать нормальное движение на железных дорогах»...

Эту просьбу, а также и другие — руководители КПК не выполнили. [29]

П. П. Владимиров констатировал, что для руководителей КПК «важно, что есть возможность отсиживаться в Особом рай-

оне. А какой ценой куплена эта возможность и где решается теперь будущее мирового революционного движения, им безразлично. Это факт». [30]

29 июля 1942 года П. П. Владимиров записал в своем дневнике: «Председатель ЦК КПК (Мао Цзэдун. — Ю. Г.) отзывается о советских руководителях пренебрежительно. Так, об И. В. Сталине, не скрывая презрения, заявил: “Он не знает и не может знать Китая, однако лезет обо всем судить. Все его так называемые положения о нашей революции — вздорная болтовня. И в Коминтерне болтают то же самое”.

У председателя ЦК КПК весьма смутное представление о Советском Союзе, все понятие о котором заключается для него в одном слове — “республика” — и больше ничего.

Председатель ЦК КПК никогда в Советском Союзе не бывал и, по-моему, даже щеголяет этим.

О Советском Союзе у него самое искаженное представление, очевидно, сформировавшееся не без влияния Кан Шэна.

И что самое удивительное, он никогда нас не спрашивает о Советском Союзе. Все, что происходит в нашей стране, для него лишено интереса. Его интересует только обстановка на советско-германском фронте.

В разгар битвы под Москвой в октябре-декабре прошлого (1941 г. — Ю. Г.) года председатель ЦК КПК заявил: “Вот Сталин доболтался, дальше некуда! Вот поглядеть бы, как этот вождь болтает сейчас там, в Москве”... [31]

30 августа 1942 года Мао Цзэдун в разговоре с П. П. Владимировым, у которого в Китае появилось и китайское имя Сун Пин, «выпытывал»: «“Сталин — революционер? А любит красный перец?.. Настоящий революционер обязательно ест красный перец”... Он отхлебнул из кружки и заметил: “Александр Македонский наверняка обожал красный перец. Он великий человек и революционер в своем деле. И Сталин, конечно, ест перец. Ешь перец и ты, Сун Пин. Давай, если ты революционер”...

Мао Цзэдун не морщась закладывал в рот стручок за стручком, сдабривая их глотками ханжи. Надо отдать должное: пьет он изрядно и не теряет контроля над собой». [32]

Из Москвы для ориентировки П. П. Владимирову были направлены документы Коминтерна 20–30-х годов. Очевидно, те-

леграммы П. П. Владимиров создали у Сталина ощущение, что его связной способен сообщать важные сведения о Мао Цзэдуна, который как бы «раскрывался» в моменты, когда СССР приходилось трудно во время войны с Германией, и проявлял свои подлинные настроения. Фактически Сталин нацеливал в это время П. П. Владимиров на критическое отношение к деятельности Мао Цзэдуна.

П. П. Владимиров отмечает, что «власть над армией — вот что было целью Мао Цзэдуна». У Мао Цзэдуна нет военного таланта. По собственному признанию Мао Цзэдуна, одной из любимых книг его молодости была «Великие герои мира». Он в восхищении перед знаменитыми завоевателями, царями и всеми, кто сумел утвердиться на вершине «человеческой пирамиды»... [33]

15 сентября 1942 года П. П. Владимиров писал в своем дневнике: «Все здесь в Яньани убеждает меня, что скрытые подспудные политические процессы в руководстве КПК вступили в новую фазу. Эта политическая фаза стимулируется ослаблением роли Коминтерна в результате мировой войны и тяжелым положением Советского Союза». [34]

В сентябре-октябре 1942 года П. П. Владимиров, основываясь на собственных фронтовых наблюдениях, констатировал, что война КПК с японскими захватчиками «носит ярко выраженный пассивный характер. Это не война регулярной армией, а война партизанскими отрядами.

Невольно складывается такое впечатление, что 8-я НРА ждет итоги столкновения фашистской Германии с Советским Союзом и что здесь, в Особом районе, равнодушны к борьбе советского народа.

Руководство КПК не принимает сколько-нибудь эффективных мер по связыванию японских экспедиционных сил на севере страны. Это бесспорный факт. Все просьбы Москвы к руководству КПК любым путем помешать японцам готовиться к войне против СССР остались без последствий.

...

Доктрина Мао Цзэдуна: война на сохранение собственной живой силы, отнюдь не на истребление захватчика. Осуществляется сие за счет ослабления сопротивления врагу и сдачи новых территорий.

...

Из поездки на фронт я вынес твердое убеждение в том, что руководство КПК сражаться с японцами не намерено, а войну рассматривает как благоприятный момент для создания своих баз. И не своими силами, а силами противоборствующих сторон: японцев и гоминьдановцев.

Японцы наносят поражение гоминьдановцам — власть центрального правительства колеблется. В этот район сразу проникают части 8-й НРА. Если надо, они добивают своих соратников по единому антияпонскому фронту, но власть захватывают.

Отступая перед захватчиками, Мао Цзэдун ищет случая поживиться на столкновениях войск центрального правительства и японцев. В условиях народного горя, бедствий, неисчислимых жертв, покорения страны фашистами — тактика более чем коварная...

О какой интернациональной политике тут говорить, ежели для Мао Цзэдуна и собственный народ — всего лишь материал в борьбе за власть! Кровь, страдания, беды миллионов для него понятия абстрактные.

О, роль личности в истории! Как хрестоматийно просто мы порой толкуем ее!» [35]

Из наблюдений П. П. Владимирова следовало, что Сталин был хорошо знаком с Мао Цзэдуном как политиком и человеком уже по описаниям своего представителя в Яньани.

Очень многое разделяло Сталина и Мао Цзэдуна. Прежде всего, разное представление о своей собственной роли, о роли своего государства, армии, партии в мире и в двусторонних отношениях.

Их разделяло также отношение к войне, опыт войны, полное непонимание партнера по такому важному вопросу, как война.

Донесения П. П. Владимирова также создавали у Сталина устойчивое мнение о том, что в военном плане Мао Цзэдун и его армия являются слабыми. Возможно, отсюда и столь продолжительное, даже ошибочно затянутое, представление Сталина о Мао Цзэдуне как о политике, который не способен взять в свои руки власть над Китаем.

Когда обозначились военные успехи СССР в войне с Германией, Мао Цзэдун тут же отреагировал. Смысл его реакции

в оценке П. П. Владимирова состоял в следующем: «На всякий случай не терять равнения на СССР!» [36]

Мао Цзэдун пришел к выводу о необходимости считаться со Сталиным не в силу внутренней борьбы в Коминтерне, не в результате перипетий борьбы внутри КПК, а вследствие военной победы Сталина, СССР над германской военной машиной.

П. П. Владимиров также отмечал: «Мао Цзэдун, довольный помощью СССР чунцинскому правительству, полностью игнорирует тот факт, что эта помощь не лично Чан Кайши, но армиям, которые в этой части света ведут неравную борьбу с японской военщиной — одной из главных сил мирового империализма». [37]

До П. П. Владимирова доходят новые высказывания Мао Цзэдуна о Сталине: «Мао Цзэдун все более груб со своими оппонентами.

Когда в споре один из них сослался на статью Сталина, Мао Цзэдун крикнул: “Вы, «москвичи», если Сталин даже испортит воздух, готовы нюхать и восторгаться!”

А перед нами Мао рассыпается в похвалах Сталину. И это тоже не без умысла. В расчете, что я передам это в Москву. Ведь расположение Сталина сулит Мао Цзэдуну немалые выгоды в будущем». [38]

По случаю 25-й годовщины Октября, отмечал П. П. Владимиров, Мао Цзэдун направил в Москву телеграмму:

«С большой радостью приветствую годовщину Октября. Я уверен, что эта годовщина является поворотным пунктом не только в войне Советского Союза с Германией, но и поворотным пунктом к победе антифашистского фронта над фашизмом во всем мире...

Отныне задача мирового антифашистского фронта в том, чтобы поднять все силы для наступления против фашизма и нанести ему решительный удар.

Красная Армия в боях под Сталинградом показала всему миру образцы народного героизма. Она является детищем Октябрьской революции. Знамя Октябрьской революции непобедимо. Контрреволюционный фашизм будет уничтожен.

Мы, китайский народ, приветствуем победу Красной Армии и отмечаем свою победу. Мы сами ведем освободительную вой-

ну против Японии. Наши успехи хотя и являются еще малыми, но мы уверены в грядущей победе...

Победа над фашизмом является делом не только определенным, но и недалеким. Задача китайского народа в том, чтобы напрячь все усилия и разбить японский фашизм». [39]

Сталин, с одной стороны, мог быть удовлетворен или, вернее, мог довольствоваться тем, что Мао Цзэдун вынужден выступать с ним на одной стороне в ходе Второй мировой войны. Вместе с тем Мао Цзэдун подчеркивал тезис о том, что он сам, отдельно и самостоятельно, то есть без помощи Сталина и СССР, ведет борьбу в интересах Китая. Мао Цзэдун также не придавал должного значения роли нашей страны в разгроме держав оси. Это не могло радовать Сталина.

Характеризуя выводы, к которым приходили те несколько человек из СССР, которые находились в те годы в Яньани, П. П. Владимиров писал: «Крутые ситуации второй мировой войны выявляют политический облик Мао Цзэдуна. В борьбе за власть он избрал путь политических спекуляций. Это факт.

Поелику возможно, он пытается сорвать куш с тех, кого называет “братьями по классу”, не гнушаясь демонстрацией заплат на своем даньи (летней одежде). И ему плевать, что “братья по классу” истекают кровью.

В той или иной мере такие взгляды разделяют все наши товарищи.

Южин, отмечая “недостатки” Мао Цзэдуна, считает его коммунистом, но с левацкими загибами. Всю идеологическую борьбу в КПК Игорь Васильевич определяет как типичную борьбу за власть и только». [40]

В январе 1943 года П. П. Владимиров писал: «Я не должен знать пошады к себе. Я должен писать правду. Я не должен лгать себе, искать компромиссных путей. Будут мои корреспонденции печатать или нет и как отнесутся к моим докладам в Москве — меня не должно волновать. Моя обязанность — писать правду. Я в долгу перед тысячами людей, которые гибнут в борьбе с фашизмом». [41]

18 января 1943 года в беседе с П. П. Владимировым Мао Цзэдун заметил, что «опыт ВКП(б) не пригоден и вреден для КПК». По мнению П. П. Владимирова речь идет о недоверии к ВКП(б),

о пренебрежении ее опытом, более того, о том, чтобы карать за симпатии к ВКП(б). [42]

В феврале 1943 года П. П. Владимиров пришел к выводу о том, что «Мао Цзэдун рассматривает СССР не в качестве идейного союзника и друга, а как попутчика, которого следует любыми средствами “доить”»... [43]

В июле 1943 года возникла угроза захвата Особого района войсками центрального правительства. Мао Цзэдун в этой связи подчеркивал свою лояльность по отношению к Москве и просил остановить Чан Кайши. П. П. Владимиров констатировал, что «Москва приняла меры. Руководители Гоминьдана публично отказались от намерения вторгнуться в Особый район». [44]

15 августа 1943 года Мао Цзэдун заявлял: «Мы честно и активно боролись с японской армией, не получая ни от кого никакой помощи. Гоминьдану помогали Советский Союз, Англия и США. Лучше мы накопим силы, разгромим Чан Кайши, захватим власть в Китае, и тогда с поддержкой указанных стран разгромим японских захватчиков»... [45]

В сентябре 1943 года в записях П. П. Владимирова появляется мысль о расчетах Мао Цзэдуна «и поживиться территориально за счет Гоминьдана, и поглубже втянуть в конфликт КПК — ГМД Советский Союз, а при случае заставить СССР воевать и с Чан Кайши, и с японцами, укрепляясь самим при этом». [46]

После роспуска Коминтерна в мае 1943 года П. П. Владимиров был оставлен Москвой в Яньани по договоренности с руководством ЦК КПК до окончания войны. [47]

Здесь важно отметить, что представителем Коминтерна П. П. Владимиров был лишь на протяжении примерно одного первого года своего пребывания в Яньани, а более двух последующих лет он формально оставался военным корреспондентом ТАСС, но, по сути дела, был уполномоченным или личным представителем Сталина в расположении центральных учреждений КПК и при Мао Цзэдуне. П. П. Владимирову за первый год своей работы в Яньани удалось поставить себя таким образом, что и Сталин, и Мао Цзэдун предпочли иметь его посредником в своих контактах до конца Второй мировой войны.

Радист из группы П. П. Владимирова, военный разведчик Николай Николаевич Риммар вспоминал: «Когда в мае 1943 года

появилось заявление о самороспуске Коминтерна, Мао Цзэдун решил переименовать Коммунистическую партию Китая в Народную. И аргумент — в нем суть его взгляда на партию: из крестьян эта партия и в крестьянской стране. Тут ключ для понимания революции в Китае и самого Мао Цзэдуна...

Мао Цзэдун вошел в контакт со Сталиным. Тот не одобрил — и сорвалось переименование. А сам факт примечательный. Не была, не будет эта партия, по мысли Мао Цзэдуна, коммунистической. И, кроме того, готовился он к союзу с американцами. Тем другое название партии больше по душе. В общем, прикидывал будущее председатель ЦК КПК, готовился»... [48]

В октябре 1943 года П. П. Владимиров сопоставлял Мао Цзэдуна и Чан Кайши: «Два националиста с разных позиций одержимы идеей власти. Но один в Чунцине делает это откровенно, и во всяком случае сопротивляясь иностранной оккупации, а другой, — позабыв о чести и страданиях родины, обманывая свою партию и уничтожая ее заслуженных руководителей»... [49]

П. П. Владимиров мучительно переживал происходившее в Яньани, тяжелые мысли одолевали его в связи с вопросом о том, каким может быть отношение к его работе в Москве. Он писал в своем дневнике: «Как бы ни оценивали в Москве мою работу, буду писать о том, что вижу.

В конце концов, разве дело во мне?»... [50]

В ноябре 1943 года Мао Цзэдун дал приказ изменить отношение к советским представителям в Яньани. П. П. Владимиров отмечал: «Чем больше успехи нашей Красной Армии, тем восторженнее заверения руководителей КПК в дружбе с Советским Союзом. Каждый день я слышу поздравления тех, кто еще вчера издевался над нашими бедами. Кан Шэн и тот снял слезку за мной»... [51]

Тогда же П. П. Владимиров писал: «Не перестает удивлять отношение ответственных работников ЦК КПК к Советскому Союзу. Скрытое и вечное недовольство, что Советский Союз не поставляет Особому району оружие, снаряжение и просто различные товары. Здесь или не понимают, или не хотят понять, что наш народ ведет жесточайшую войну в своей истории, что советский народ истекает кровью, что экономике СССР нанесен колоссальный ущерб...

Происходит автоматическое перенесение представлений об Америке на СССР. Но на земле Америки не взорвалась ни одна бомба, не горели города и враг не оккупировал целые промышленные области. Ее народ не уничтожали планомерно и безжалостно.

И хотя Америка воюет, ее экономика развивается в исключительно выгодных условиях. Отсюда ее возможности оказывать помощь по ленд-лизу странам антигитлеровской коалиции.

Для СССР любая помощь — это перенапряжение и без того подорванной экономики. Здесь смотрят на СССР как на бездонную бочку, из которой можно и нужно черпать различного рода материальные средства. Но даже в эти годы наше государство оказало руководству КПК помощь в виде крупных валютных сумм. Это была помощь из последних сил.

Я сам был свидетелем подобных операций. И Мао Цзэдун это отлично знает. Он лично получал эти весьма крупные суммы»... [52]

По случаю 26-й годовщины Октябрьской революции, отмечал П. П. Владимиров, Мао Цзэдун направил в Москву следующую телеграмму:

«Товарищу Сталину, ЦК ВКП(б), Красной Армии, народам СССР.

Представляя Китайскую компартию и китайский народ, я горячо приветствую и поздравляю Вас с 26-й годовщиной Октябрьской революции и с великими победами Красной Армии в антифашистской войне...

Китайский народ, воодушевляемый Вашими победами в течение 26 лет, всегда будет рука об руку вместе с Вами сплоченно шагать вперед, единодушно добиваться окончательной победы в антияпонской национально-освободительной войне»... [53]

По сравнению с тем, что писал Мао Цзэдун год назад, видна существенная разница. Мао Цзэдун понял, что победа в войне с Германией будет за нашей страной. Поэтому он уже не подчеркивал тезис об отдельности своей борьбы, напротив, он стремился подтвердить желание идти вместе со Сталиным. Мао Цзэдун также намекал на то, что он снова принимает тезис Сталина о необходимости вести войну против японских агрессоров в Китае объединенными усилиями и ГМД, и КПК. Мао

Цзэдун в этой связи назвал антияпонскую войну не просто освободительной, как в 1942 году в подобном же документе, а национально-освободительной. Одним словом, ощущалось, что Мао Цзэдун был вынужден в конце 1943 года внешне в большей степени считаться со Сталиным, чем прежде, в 1941–1942 годах. Еще одна особенность телеграмм Мао Цзэдуна по случаю советских ежегодных праздников — это подчеркнутое самомнение, выпячивание своей роли, даже известная нагловатость, что не могло вызывать симпатии у Сталина, расположения к Мао Цзэдуну. В тот момент такое поведение Мао Цзэдуна было даже оскорбительным, если исходить из того, что делал и чего не делал Мао Цзэдун в ходе Второй мировой войны.

Москва, Сталин защитили в телеграмме, направленной в Яньань, работников КПК, которые побывали в СССР и по возвращении в Китай испытали на себе тяжелые удары в ходе внутривластной кампании, организованной Мао Цзэдуну.

4 января 1944 года Мао Цзэдун в этой связи беседовал с П. П. Владимировым.

Мао Цзэдун сразу повел речь о своем уважении к Советскому Союзу, ВКП(б), И. В. Сталину.

Мао Цзэдун также сказал, что он питает искреннее уважение к китайским товарищам, которые получили образование или работали в СССР.

Мао Цзэдун говорил также о значении СССР для существования Особого района, о важности единого антияпонского фронта, о политической роли бывшего Коминтерна для КПК.

Мао Цзэдун также сказал, что он получил телеграмму от товарища Димитрова по вопросам коминтерновской политики. Телеграмма вызвала у него большие раздумья, взволновала и очень близка ему тревогами, заботами. Он понимает глубокое, искреннее стремление товарища Димитрова помочь руководству КПК и ценит эту помощь, ибо она всегда оказывалась мудрой. [54]

8 января 1944 года Мао Цзэдун посетил П. П. Владимирова в его доме и в личной беседе один на один сказал, что «в едином антияпонском фронте он видит мощную силу, способную противостоять японской агрессии, что он искренний сторонник объединения всех национальных сил и делает все возможное для укрепления и развития антияпонского блока. Однако он счи-

тает, что необходим твердый кулак для сдерживания агрессивности Гоминьдана. Такой кулак способен нейтрализовать активность врагов Особого района.

После каждой фразы председатель ЦК КПК повторял, как он глубоко чтит опыт товарищей Сталина и Димитрова.

О Ван Мине председатель ЦК КПК вдруг повел речь в совершенно другом тоне, почти дружелюбно! Я даже сразу не понял, что он говорит о Ван Мине», — отметил П. П. Владимиров.

«Визит закончился весьма неожиданным образом. Председатель ЦК КПК попросил несколько листов бумаги. Сел за стол и тут же набросал текст телеграммы для товарища Димитрова. Телеграмму он вручил мне, — писал П. П. Владимиров, — с просьбой срочно “отстукать” ее в Москву. Мао выглядел обеспокоенным, в движениях его сквозила напряженность и нервозность.

На прощанье председатель ЦК КПК сказал, что до сих пор он и другие китайские работники явно недостаточно помогали нам в работе. И пообещал исправить этот промах.

...

В своей телеграмме Димитрову, как бывшему руководителю Коминтерна, Мао Цзэдун просит понять правильно внутрипартийную политику руководства КПК. Просит не волноваться товарища Димитрова, успокоиться, ибо все переживания товарища Димитрова дороги и сердечно близки ему. Суть беспокойства его и Димитрова одна и та же, так как у них одни и те же мысли.

Мао Цзэдун сообщает, что, кроме телеграммы, посланной в Москву второго января, он хочет еще раз указать на основные принципиальные вопросы, за проведение которых борется руководство КПК.

В телеграмме от второго января была разъяснена точка зрения по данным вопросам, но необходимо еще раз определить существо задач и политики. Мао Цзэдун благодарит бывшего руководителя Коминтерна за помощь, за предупреждение о недопустимости раскола единого антияпонского фронта и недопустимости в современных условиях антигоминьдановской политики. Мао Цзэдун заверяет бывшего руководителя Коминтерна в своем искреннем уважении.

Далее он сообщает, что с июля 1943 года и по нынешний день энергично проводились меры по укреплению единства партии. В результате внутривнутрипартийная обстановка резко улучшилась. Суть этой внутривнутрипартийной политики — объединение и сплоченность. Что касается Ван Мина, к нему относятся, исходя из тех же главных положений внутривнутрипартийной политики: объединение и сплочение.

Политика по отношению к Гоминьдану неизменна. Она исходит из необходимости единого антияпонского фронта, и руководство КПК всегда строго ее придерживалось. Суть этой политики — сотрудничество с Гоминьданом, необходимость сотрудничества. В нынешнем 1944 году в характере взаимоотношений КПК и ГМД нужно ожидать улучшения. Мао Цзэдун подчеркивает, что он на это рассчитывает».

Разъясняя свое отношение к этой акции Мао Цзэдуна, П. П. Владимиров писал:

«Да, есть над чем поразмыслить. Мао, безусловно, понял мое отношение к политическим событиям в Особом районе. Визит председателя преследовал цель не только убедить Москву в дружественности руководства КПК, но и разъяснить, наконец, мне, как следует понимать его — Мао — политику. Это попытка сбить меня с моих позиций. И если не сбить, то поколебать. Значит, Мао будет разворачивать действия в прежнем духе и попытается заранее обеспечить себе свободу таких действий. Действий по существу антисоветских». [55]

Итак, Сталин предпринял попытку сдержать деятельность Мао Цзэдуна, направленную на то, чтобы, используя отсиживание в тылу, полностью подчинить себе партию и ее вооруженные силы, настроить их против Москвы как потенциального, да и нынешнего, противника, а также на решительную борьбу в скором будущем против Гоминьдана. При этом Сталин сам непосредственно не выступил с открытым забралом. Он сделал это через Димитрова, хотя формально тот уже не являлся политиком, имеющим какое-либо отношение к КПК и Мао Цзэдуну. Между Сталиным и Мао Цзэдуном оказались два посредника — Димитров и П. П. Владимиров. Мао Цзэдун был вынужден заверить формально Димитрова, а фактически Сталина в том, что он приостановит выкорчевывание из своей партии Ван Мина и людей, которые в той или иной степени ориентировались на

Москву или исходили из того, что их и Сталина объединяют общие интересы, которые определяют политику КПК. Мао Цзэдун также был вынужден заверять Сталина в том, что он будет поддерживать политику сотрудничества с Гоминьданом, с Чан Кай-ши.

П. П. Владимиров, исходя из внутренней убежденности в правильности своей оценки действий Мао Цзэдуна, как направленных против его родины, против России, то есть, по терминологии того времени, действий антисоветских, не поколебался. Вполне очевидно, что именно такая позиция П. П. Владимирова в то время была приемлема с точки зрения Сталина. Итак, в 1944 году Сталин и Мао Цзэдун оказались на грани серьезного столкновения взглядов. Сталин оказал нажим на Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун был вынужден, по крайней мере внешне, несколько отступить от своих намерений; однако это было лишь оттягивание грядущих столкновений политических взглядов Сталина и Мао Цзэдуна.

П. П. Владимиров писал: «Сообразив, что действительное положение в КПК известно в Москве до мельчайших подробностей, Мао Цзэдун и его сторонники перестраиваются. Они понимают, что без помощи СССР им не выжить. Наглость, с которой они вели себя, сменяется особым вниманием к маскировке своей сектантской политики.

Мао Цзэдун и его сторонники никогда не откажутся от политики, за которую боролись столько лет и которая сейчас окончательно выкристаллизовалась и восторжествовала, — это один из выводов, который я довел до сведения Москвы.

Телеграммы Мао Цзэдуна — дань вежливости. Заигрывание со мной и услужливость — маска!

Я на долгом, непрекращающемся трагикомическом спектакле». [56]

В связи с вышеупомянутыми событиями Н. Н. Риммар вспоминал о том, что Мао Цзэдун устроил «ради нас» обед. «Конечно, не ради нас. Обед он дал вскоре после телеграммы Димитрова в связи с травлей Ван Мина как лидера интернационалистов в КПК. Владимиров передал в Москву содержание рецепта, по которому давали лекарства Ван Мину. Центр ответил, что формально микстура составлена верно, но при хранении [а такую именно прописали Ван Мину] разлагается на свои ртутис-

тые части. Они и вызывают токсическое поражение организма. Дабы разрядить обстановку, рассеять сомнения, задобрить нашу группу, которая стала свидетелем попытки убийства политического оппонента председателя ЦК КПК, и был устроен тот обед. Правда, ему предшествовали попытки Мао Цзэдуна обработать в «доверительных» беседах Владимирова. Я тогда передал серию обширных сообщений Петра Парфеновича для Центра». [57]

Н. Н. Риммар также вспоминал, что в ответ на вопрос, знает ли он иностранный язык, Мао Цзэдун, «как обычно, в неторопливой манере ответил:

— Нет, мне вполне достаточно китайского. А кто из иностранцев не понимает, — пусть изучает китайский.

Сказано это было как о вещах само собой разумеющихся.

Потом Мао Цзэдун заявил, что не повторит ошибку Сталина. Не помню, с кем он говорил, но вот смысл его речи:

— Сталин допустил ошибку, даже серьезную ошибку, когда подверг репрессиям только часть делегатов семнадцатого съезда ВКП(б), надлежало эту акцию распространить на всех делегатов за ничтожным исключением; нет, мы такую ошибку не допустим! Мы пойдем дальше!» [58]

Из сообщений П. П. Владимирова в первой половине 40-х годов Сталину становилось ясно, что Мао Цзэдун — это политик, нацеленный на конфронтацию с внешним миром, в том числе с СССР, что это вождь компартии, который намерен идти еще дальше Сталина в борьбе за власть и уничтожении своих соперников и вообще всех, кого он считал инакомыслящими, руководитель партии, который стремился использовать все методы, уже применявшиеся Сталиным на пути к высшей власти в партии и в стране, и далее — перешагнуть во всем этом Сталина.

21 января 1944 года Мао Цзэдун при новой встрече с П. П. Владимировым заметил: «Для Китая политика США — вопрос первостепенной важности». [59]

Мао Цзэдун в своих стратегических расчетах всегда стремился к тому, чтобы играть на противоречиях национальных интересов России (СССР) и США, сталкивать и срамливать их между собой, чтобы самому пользоваться создавшейся в их отношениях ситуацией.

П. П. Владимиров, изучая Мао Цзэдуна и его политику, пришел к выводам о том, что «порабощенные народы обращаются

к национализму как протесту, как самоутверждению, как к силе, стихийно объединяющей страну. Но всего лишь шаг — и “протестующий” национализм уже шовинизм и расизм!

...Спекуляция на дорогах каждому человеку идеалах отечества — для Мао Цзэдуна отличное средство против интернационалистической сущности марксизма-ленинизма. Патриотизм в КПК незаметно подменяется национализмом.

Исторический обман и подлог — вот метод захвата власти Мао Цзэдуном.

Именем социализма Мао предаёт социализм, именем Коммунистической партии он уничтожает Коммунистическую партию, именем демократии — утверждает террор». [60]

К концу февраля 1944 года П. П. Владимиров пришел к заключениям, которые, с его точки зрения, давали ответ на вопросы о том, почему Мао Цзэдун «отважился» на борьбу с Коминтерном, подавление друзей Советского Союза и ВКП(б).

Здесь сыграли свою роль благоприятные для личных планов Мао Цзэдуна обстоятельства: резкое возрастание обособленности Особого района; ослабление роли Коминтерна; тяжелая война СССР с Германией; «факты не оставляют сомнений — Мао решил, что нам конец», — писал П. П. Владимиров. К лету 1942 года Мао Цзэдун окончательно утвердился в мысли о том, что поражение СССР предreshено. Мао Цзэдун считал самым благоприятным для себя обстоятельством войну: «мир поглощен войной, мир захлебывается кровью, мир разобщен войной»...

«Однако случилось нечто для него непредвиденное. Советский Союз выстоял и побеждает. Военно-политическая обстановка в мире круто меняется. Следует приспособливаться. Новая обстановка не оставляет времени для подобных кампаний. К тому же чжэнфын свое дело сделал, да и нецелесообразно теперь обращать на себя внимание неблагоприятным поведением. Все внимание председателя ЦК КПК поглощает будущая расстановка сил в Китае и те силы, которые могут повлиять на эту расстановку». [61]

В апреле 1944 года П. П. Владимиров констатировал: «Не получив от Советского правительства оружие в 1941 году, Мао Цзэдун затаил недовольство. Понять политику СССР он реши-

тельно отказывается, да и просто не хочет. Финансовую и военную помощь Советского правительства китайскому народу он в расчет не принимает. Его интересует то оружие, которое можно применить для завоевания власти в стране. В этом плане позиция СССР в 1941 году его озлобила. Он и до этого отличался различного рода уклонами, но после 1941 года пошел на разрыв идейных связей с ВКП(б) и антисоветизм, как обязательный элемент своей политики. Тяжелое положение СССР в 1941 и 1942 годах окончательно развязало ему руки. Военное поражение СССР представлялось для него фактом бесспорным.

...

Однако блестящие победы СССР в прошлом году и начало агонии гитлеризма не вызвали у него растерянности. ...в главном он не изменился. Та же политика, но другими методами и средствами. И существеннейший элемент этой политики — антисоветизм.

Сближение с Америкой и Великобританией сулит Мао выгоды не только военные. Он рассчитывает создать надежный политический противовес СССР на Дальнем Востоке». [62]

В ночной беседе с П. П. Владимировым, состоявшейся 15 июля 1944 года, Мао Цзэдун заявил о том, что «отныне генеральный курс Компартии — полная самостоятельность, рассчитанная на противопоставление Гоминьдану. По его замечаниям, — писал П. П. Владимиров, — я понял, что нынешняя ситуация в стране — радостная неожиданность для руководства КПК. Теперь очевидно, что режим чунцинского правительства во главе с Чан Кайши в преддверии кризиса и страха. Поэтому метод переговоров изжил себя. Переговоры больше не нужны, они отголосок прошлого...

“Позиция Америки играет огромную роль для нашего будущего”, — сказал председатель ЦК КПК.

Он и его сторонники уверены в неизбежности сближения Америки и Великобритании с Особым районом... Союзникам ничего не остается, как признать Особый район (а за ним и другие советские районы) единственной реальной силой в Китае.

Мао ни словом не обмолвился о Советском Союзе, о его заинтересованности в решении дальневосточной проблемы, несмотря на то, что советские дальневосточные границы уже не

раз были районами военной напряженности или кровавых конфликтов.

...

Мао Цзэдун и его сторонники явно полагают шантажировать союзников мифом об агрессивности СССР, который якобы мечтает поглотить Китай (особенно Маньчжурию). В будущих отношениях с союзниками это пугало будет одним из самых важных аргументов в пользу сближения Соединенных Штатов и Великобритании с Яньанью.

Однако и это еще не вся правда. Председатель ЦК КПК не только намеревается заполучить оружие и оттеснить Чан Кай-ши, но и признанием Америкой и Великобританией Особого района исключить сколь-нибудь эффективное участие СССР в решении дальневосточной проблемы. И вообще нейтрализовать любые дипломатические усилия СССР.

Мао намеревается с помощью США и Великобритании обрести ту силу, которая поможет ему заполучить власть над всем Китаем и вести политику, отвечающую лишь его собственным интересам».

В ходе бесед с Мао Цзэдуном П. П. Владимиров ощущает, «как неприятен я ему и как в сущности он далек от нас». [63]

П. П. Владимиров обобщает свои наблюдения: «Опыт общения с Мао убеждает меня в том, что он правдив лишь тогда, когда это отвечает его интересам. Для него не существует моральных норм. Есть сила или возможность чего-то добиться (пусть самыми грязными средствами) — делай! Доводы найдутся потом!

...ни один человек, ни миллионы не интересуют Мао Цзэдуна. Важно продвижение к власти. Какие жертвы будут в том или ином случае, авантюра это или нет, можно ли добиваться большего с меньшими затратами — сие его не трогает. Можно сказать, совсем не трогает — и это не преувеличение. Народ он рассматривает лишь как сырье для осуществления собственных планов. Иногда в его беседах со мной проскальзывает нечто мессианское. Он — над человечеством, над законами, моралью, страданием. Увлекаясь, Мао порой говорит именно в таком тоне. Он совершенно черств. Понятия добра или зла для него преломляются в понятие целесообразности для него лично. Увле-

каясь, он становится красноречив и говорит, говорит... Тогда и следа не остается от его вялости». [64]

П. П. Владимиров имел возможность близко наблюдать Мао Цзэдуна на протяжении спрессованных трудных военных лет. Но он не имел возможности наблюдать Сталина. Вероятно, характеристика, данная П. П. Владимировым Мао Цзэдуну, точно рисовала этого политика; она же приложима и к Сталину. Нечаянным посредником между двумя такими подобными одна другой фигурами и оказался П. П. Владимиров. Это было феноменальное явление. На таком посту оказался не высокопоставленный номенклатурщик, а честный человек, добросовестный специалист по Китаю и талантливый военный разведчик с прекрасными дипломатическими способностями. Собственно говоря, он искренне защищал интересы своей страны и видел враждебность Мао Цзэдуна к его народу и стране. Деятельность П. П. Владимирова пришлась на те трудные военные годы, когда и Сталин был вынужден в отношениях с Мао Цзэдуном прежде всего думать о том, как защитить главные интересы своей страны, своей нации, ибо на карту было поставлено ее выживание. С точки зрения Мао Цзэдуна, вопрос о выживании не стоял: ни для его нации, ни для него самого; что же до нации-соседа, то Мао Цзэдуну ее не было жаль.

22 июля 1944 года в Яньань прибыли сотрудники американской миссии. П. П. Владимиров отмечал, что это — «день высшего торжества для Мао Цзэдуна!

...

В конце концов, все равно, признают ли американцы или нет КПК ведущей силой Китая (именно таким было настроение Мао Цзэдуна накануне), главное — заполучить оружие, побольше оружия! А как обращаться с оружием, председатель ЦК КПК знал и знает — власть захватывают силой...

Оккупация страны японцами, потворство агрессии, предательство интересов Советского Союза, борющегося именем всех революционных сил с фашизмом, — это для Мао лишь «тактические условности», не больше»... [65]

В августе 1944 года П. П. Владимиров подчеркивал, что Мао считает, что Коминтерн — «иностранный орган, который навязывал свою волю, враждебен китайским особенностям революции и не раз вредил ей». [66]

Н. Н. Риммар вспоминал:

«Как-то осенью 1944 года я менял аккумулятор приемника “Родина”. Он тогда уже находился в средней комнате (в пещере, где жили Мао Цзэдун и Цзян Цин. — Ю. Г.). Была еще и Цзян Цин.

— Товарищ Ли (Мао Цзэдун называл Н. Н. Риммара “товарищем Ли” или “Ли Маэром”. — Ю. Г.), скажите, видели ли вы Сталина? Где и когда?

Я оглянулся на голос. Мао Цзэдун стоял, полистывая книгу. Я ответил, что видел неоднократно, ибо родился и вырос в Сочи, а Сталин не реже раза в год приезжал на отдых. Правительственный санаторий севернее парка Ривьера — там моя старшая сестра Валентина работала бухгалтером. Вход в санаторий строго ограничен, но я проходил свободно как представитель райкома комсомола. В такие посещения я много раз видел Сталина. Он гулял в одиночестве или в обществе Молотова, Калинина. Много раз встречал Сталина в городе. Еще чаще по дороге в Мацесту, куда он ездил на ванны. Сталин всегда ездил в открытой машине рядом с водителем. И сейчас помню: в черной кожанке, такого же цвета кожаной фуражке, строгий взгляд только перед собой...

Поточнее переводить мой рассказ помогала Цзян Цин. Мао Цзэдун задумчиво ходил дорожкой: три-четыре шага и назад. Потом остановился, не обращаясь ни к кому из нас, сказал:

— Сталин уже стар, да-да, стар, но и я не молод, — помолчав с минуту, добавил: — А потом кто? Не вижу! Нет, не вижу!

Это было сказано без рисовки. Стоял он какой-то миг и снова заходил. Лицо его еще больше окаменело. Он молча ходил, глядя куда-то поверх нас. Я с Цзян Цин сидел за столом. Так продолжалось довольно долго. Затем Цзян Цин шевельнулась, встал и я. Прощание ничего не изменило в Мао Цзэду. Руку он подал, но это все равно если бы я взял в ладонь полотенце: мягкая, безвольная, однако теплая. Никто из нас не проронил ни слова. Цзян Цин по обыкновению проводила меня до наружной двери. При расставании она сказала, что теперь Мао Цзэдун будет очень долго и много думать». [67]

12 августа 1944 года Мао Цзэдун, очевидно в связи с прибытием в Яньань американской миссии связи, сказал П. П. Владимирову: «Мы подумываем о том, чтобы переименовать нашу партию. Именовать ее не “Коммунистическая”, а как-то по-дру-

тому. Тогда для Особого района сложится более выгодная обстановка, особенно среди американцев»... [68]

По мнению П. П. Владимирова, «у руководства КПК и американцев — “медовый месяц”. Те и другие усердно обхаживают друг друга». [69]

19 августа 1944 года П. П. Владимиров записал в своем дневнике: «Сегодня на дороге мне встретились два бойца, которые толкали ручную тележку. В тележке на рулонах полотнищ с лозунгами лежали портреты Сталина, Черчилля, Рузвельта и английского короля Георга. Портрет короля Георга значительно крупнее остальных. Куда и зачем везли портреты и лозунги, не знаю. Скорее всего готовится прием новой группы иностранных корреспондентов и, судя по размерам портрета, — англичан»... [70]

В 1944 году по распоряжению Мао Цзэдуна в Яньани была написана пьеса под названием «Товарищ, ты пошел по ложной дороге!». Пьеса осуждает Ван Мина, тех партийцев, которые допускали возможность сотрудничества с Гоминьданом и с Чан Кайши. [71] Это явно камень в огород Сталина.

По мнению П. П. Владимирова, «Мао Цзэдун считает, что СССР ослаблен войной. Это предубеждение заставляет его не активизировать политику защиты интересов СССР, а переориентироваться на Соединенные Штаты. Создается впечатление, что ему даже было бы на руку наше действительное ослабление.

Вместо честного сотрудничества с Москвой, основанного на идейной общности, игра»... [72]

По свидетельству Н. Н. Риммара, «осенью 1944 года Цзян Цин подготовила к постановке пьесу Корнейчука “Фронт”. Меня пригласили для консультаций на один из просмотров. Цзян Цин и артистов интересовали наш быт, отношения, форма одежды...

После просмотра я сказал, что артисты представляют офицеров Советской Армии суетливыми, фальшиво энергичными, крикливыми и... расхлябанными. Особенно меня поразил герой пьесы Орлов (не наш, конечно, хирург Андрей Яковлевич). Орлов из пьесы — это совершенно невоспитанный и грубый тип.

Этот китайский Орлов из пьесы мог запросто в штабе фронта усесться на письменный стол или развалиться в кресле, закинув ногу на ногу, улегшись на локоть, и рассуждать, покуривая

и сплевывая на пол, — и это в разговоре с офицерами, равными или даже старшими по чину!

Помню, я возмущился. Однако чувства сдержал. Поразмыслив, решил подступить с другой стороны. Как можно спокойнее и равнодушнее я попросил их проиграть акт из пьесы местного драматурга на военную тему. Артисты изобразили человека, достойного уважения, настоящего коммуниста-командира. Он говорил мало, но весомо и вел себя безупречно: ни крика, ни плевков, ни каншэновской заносчивости. Даже когда пленный японский офицер с бранью кинулся на него, он, сохраняя достоинство, лишь жестом указал на дверь. Пленного увели. Зашли младшие командиры, командующий армией — все как в хорошо организованном штабе армии, где командиры — коммунисты. Я остановил артистов и спросил:

— Кем можно назвать русского коммуниста Орлова после того, как зритель посмотрит обе пьесы?

Тягостным молчанием был ответ.

Моя критика не принесла результат. Цзян Цин что-то изменила, что-то смягчила, но в целом все сохранила, как прежде. После двух представлений пьесу сняли под нажимом Владимира. Кстати, Мао Цзэдун не мог не быть информирован обо всем. Однако ни словом, ни жестом не проявил отношение к пьесе “Фронт” в исполнении яньаньской труппы, хотя слыл знатоком театра. Впрочем, такая “постановка” и была “отношением”... [73]

Столкновением взглядов, позиций, даже проявлением скрытой борьбы Сталина и Мао Цзэдуна были постановки в Яньани этих двух пьес: китайской «Товарищ, ты пошел по ложной дороге!» и пьесы А. Корнейчука «Фронт».

Следует иметь в виду, что, с одной стороны, Сталин особо отметил пьесу А. Корнейчука «Фронт». Она даже была напечатана в центральной газете «Правда». Корнейчук выполнял, по сути дела, заказ Сталина. Он своей пьесой доказывал, что в поражениях Красной армии были виноваты некоторые ее военачальники, которые отстали от времени и пытались руководить военными действиями так, как это они привыкли делать еще во времена Гражданской войны в нашей стране. В армию приходили новые военачальники, которые начинали побеждать немецких захватчиков. Пьеса должна была доказывать, что Сталин

и военачальники его типа способны разбить армию Гитлера. Вероятно, имея в виду такие соображения, Москва и порекомендовала поставить в Яньани эту пьесу.

Мао Цзэдун был вынужден согласиться с рекомендацией Москвы. Формально он выполнил ее пожелание. Мао Цзэдун даже отрядил для постановки пьесы свою жену — специалиста в области драматического театра.

В то же время Цзян Цин наверняка руководствовалась если не прямыми указаниями Мао Цзэдуна, то духом его отношения к Сталину, к нашей стране и к нашей армии. Поэтому Цзян Цин при попустительстве Мао Цзэдуна, а если точнее, то просто с ведома и по наущению Мао Цзэдуна, представила Красную армию в самом неприглядном виде. Именно по этой причине П. П. Владимиров и настоял на том, чтобы спектакли были прекращены.

С другой стороны, тогда же, в том же 1944 году, на сцене того же яньаньского драматического театра, конечно же по прямому указанию Мао Цзэдуна, была поставлена пьеса с красно-речивым названием: «Товарищ, ты пошел по ложной дороге!» Речь в ней шла о руководителях КПК, уклонившихся от пути, по которому партию вел Мао Цзэдун; всем в Яньани без слов было понятно, что они пошли «по московской», или «по сталинской», дорожке.

Таким образом, Сталин, используя пьесу Корнейчука, попытался внедрить в Яньани представление о мощи своей армии, хотя его попытка, из-за саботажа Мао Цзэдуна, оказалась безуспешной. Мао Цзэдун, со своей стороны, используя спектакль по пьесе «Товарищ, ты пошел по ложной дороге!», внушал яньаньским зрителям мысль о том, что частью главного содержания работы партии в то время была борьба против влияния Сталина и Москвы на деятельность Компартии Китая.

Если Сталин пытался хоть как-то спланировать обе партии на основе военной борьбы против, по сути дела, общего врага, то Мао Цзэдун стремился вносить в души людей в своей партии и в своей стране враждебные чувства по отношению к России, ее людям, ее армии.

В истории взаимоотношений Сталина и Мао Цзэдуна осознанно или случайно не раз возникали столкновения в сфере литературы и искусства; политическая борьба Сталина и Мао Цзэдуна переносилась и в эту сферу, проявлялась в ней.

В сентябре 1944 года П. П. Владимиров дал Мао Цзэдуну следующую характеристику:

«У председателя ЦК КПК нет друзей. Есть нужные люди, но друзей нет. Для него имеет ценность лишь тот, кто ему сейчас необходим. Все, что не полезно для него, — безразлично или вредно. К тому же он допускает опасное смешение понятий полезности лично для себя и “своей” революции. Революцию он не представляет иначе как свою собственность. Вне сферы личных интересов для него ничего не имеет смысла. В том числе и революция...

Это особенное честолюбие. Он довольно равнодушен к жизненным удобствам. Все воплощает власть. Пути к наивысшей власти — единственно праведные. Его облик, образ жизни — презрение к тому, что ограничивает власть. Все прах, кроме власти. Жизнь великих мужей истории для него пример именно с этих позиций.

Его увлекают великаны прошлого именно безраздельностью своей власти. По Мао Цзэдуну, власть — это единственно стоящий смысл жизни, это оправдание всего, это праздник, это все-все...

Партия и народ — всего лишь фикции (некие абстрактные величины), которые служат его целям.

Мао общается со многими людьми, но он удивительно нелюдим. По сути дела, он одинок. Черство одинок. Окончательно одинок. Опасно одинок.

Его сила в интуиции. Он не столько понимает, сколько чувствует непреоборимость марксизма в революционных потрясениях нашего века. Он умело прикладывает свой “марксизм реальности” для расчистки пути к власти. Он заходит к власти со стороны революционной бури. Он калечит марксизм каждый раз, когда философия этого учения приходит в противоречие с его личными взглядами. Он прикрывается демагогией и калечит...

В основном его деятельность — это лихорадочный подбор наиболее подходящей тактики в продвижении к власти. Принципы для него имеют значение лишь как обязательства других перед революцией. Это очень удобно для него. Это делает людей подвластными его воле. Принципы связывают миллионы людей, он выступает от имени принципов, но сам чувствует себя свободным от этих принципов.

“Марксизм реальности” — это и есть его философия. Философия моральной скудости и гипертрофированных амбиций»... [74]

П. П. Владимиров оказался на своем посту в Яньани в такое время и в таких условиях, когда его страна вела смертельный бой с внешней агрессией, угрожавшей существованию русских, россиян как нации. Поэтому можно понять убежденность П. П. Владимирова в абсолютной или почти абсолютной правоте Сталина, Москвы, СССР в их взаимоотношениях с Мао Цзэдуном. Мао Цзэдуна П. П. Владимиров видел глубоко, а его сообщения из Яньани в Москву давали возможность при желании составить довольно полное и точное представление о Мао Цзэдуне и как о политике, и как о личности. У Сталина такая возможность была.

22 сентября 1944 года Мао Цзэдун в беседе с П. П. Владимировым высказал следующие соображения:

«Американцы не в состоянии одни решить китайский вопрос и тем более весь комплекс дальневосточных вопросов. Выступление Москвы в решающий момент неизбежно. Такое выступление, наряду с урегулированием жизненно необходимых интересов на восточных границах Советского Союза, сможет заодно “развязать и китайский узел”. Чан Кайши, безусловно, будет против выступления Москвы.

СССР понес громадные потери и, очевидно, ощущает недостаток в живой силе. Мы готовы помочь. Руководство КПК подобрало бы свыше десяти тысяч командиров и отправило для переподготовки в Сибирь. Этот комсостав возглавил бы нашу новую огромную армию, которая действительно помогла бы войскам Советского Союза и в Маньчжурии, и в других районах, занятых японцами.

Когда нависла угроза над советским Дальним Востоком, КПК без единого слова выделила два своих лучших полка. То же самое может быть и в будущем, но в несравненно более солидных масштабах.

Смысл этих высказываний настолько прозрачен, что комментарии излишни», — писал П. П. Владимиров. [75]

27 сентября 1944 года П. П. Владимиров писал:

«Призрак власти для Мао Цзэдуна выше любых партийных интересов. За спиной Советского Союза он пытается на свой лад разрешить дальневосточный вопрос.

Спекулируя на военных поражениях Чан Кайши, председатель ЦК КПК жаждет укрепиться за счет американцев, чтобы впоследствии против их же воли стать ведущей силой Китая. Ради этого он согласен не только изменить название партии, но и предать интересы Советского Союза.

Мао Цзэдун считает Советский Союз слишком обескровленным борьбой с фашистской Германией и потому неспособным на скорые и эффективные военные действия на Дальнем Востоке. А раз так, не стоит себя обременять... Для него шансы американцев гораздо предпочтительнее, и он с усердием набивается к ним в партнеры.

Для Мао бесспорно, что сейчас предопределяется судьба Дальнего Востока и Китая. И главный арбитр — только США!» [76]

Очевидно отражая позицию Сталина, П. П. Владимиров писал в своем дневнике о том, что Мао Цзэдун проводил линию на раскол страны; раскол страны — основная причина успеха японцев; политика Мао Цзэдуна явно в интересах японской военщины; с Чан Кайши же возможно сотрудничество в рамках единого антияпонского фронта; и он к этому стремился; он неоднократно приглашал Мао Цзэдуна на переговоры — тот их отвергал или проваливал; Мао Цзэдун добивается ослабления Чан Кайши любой ценой, пусть даже японцы захватывают китайскую землю.

«Мао Цзэдун называет себя коммунистом. Как же коммунист может содействовать оккупации своей родины захватчиками, разграблению ее национальных богатств?! И он отнюдь не заблуждается насчет единого антияпонского блока. Он отлично знает, что это действительно сила, но он предпочитает оставлять Чан Кайши один на один с японцами и марионетками, а сам участвует в сопротивлении, ограниченном партизанской войной». [77]

П. П. Владимиров полагал, что Мао Цзэдун стремился добиться того, чтобы США признали Особый район, а в результате «столкнуть интересы двух великих держав и поживиться за счет и тех и других — это его четкая тактика»... [78]

В ноябре 1944 года в Яньани было получено сообщение о намерении Чан Кайши направить в Москву для встречи со Сталиным своего сына Цзян Цзинго. Это известие встревожило Мао

Цзэдуна, который попытался «устаами» П. П. Владимирова «вводить в заблуждение Москву». П. П. Владимиров передал в свою столицу сообщение Мао Цзэдуна, но сопроводил телеграмму своим мнением, указав на то, что Мао Цзэдун сообщает надуманные цифры, ибо действительная численность вооруженных сил КПК гораздо меньше; Мао Цзэдун опасается быть уличенным в неискренности; Чан Кайши располагает данными о фактическом отношении руководства КПК к единому антияпонскому фронту; миссия Цзян Цзинго вообще может вскрыть ряд неблагоприятных моментов в политике руководства КПК; Мао Цзэдун стремится заранее выгородить себя. [79]

П. П. Владимиров видел, что Мао Цзэдуна «раздражает необходимость отношений с Москвой. Он готов порвать все свои связи с нами, если бы только»... [80]

П. П. Владимиров, конечно, прекрасно представлял себе свое положение в Яньани. Он записывал в своем дневнике: «Да, жизнь изобилует здесь западнями. Можно сказать, что мое естественное состояние — непрерывное напряжение. Попытки одурачить или скомпрометировать меня (спойти, вывести истинное отношение Москвы к яньаньским событиям, бесконечность каверзных вопросов — самых невинных с виду, соблазнить покладистостью девиц, стремление навязать свои измышления и, наконец, купить доверие) — это не столько, чтобы избавиться от меня, сколько обратить в свою веру. Нет, не завербовать, а сделать “своим” в полном смысле слова. Убедить и принудить меня поверить во все, что отстаивает Мао, представить в своих отчетах Москве политику Мао как непогрешимую и защищать его интересы. Здесь на это бьют!

Пожалуй, они уже верят, что я усвоил их образ мыслей. Именно поэтому председатель ЦК КПК столь часто “исповедуется передо мной”. Но это не откровения с товарищем — Мао Цзэдун из тех, кто взвешивает каждое свое слово и поступок...

Я пользуюсь его “доверием”. Это игра в доверие»... [81]

Отношение к П. П. Владимирову и было, собственно говоря, отношением к Сталину, с известными поправками на различия в положении этих двух людей. В замечаниях П. П. Владимирова ощущалось и отношение Сталина к Мао Цзэдуну.

22 декабря 1944 года Мао Цзэдун в беседе с П. П. Владимировым, в частности, заявил, что в случае необходимости он сфор-

мирует в Особом районе «свое правительство. Пусть тогда Чан Кайши попляшет в своем Чунцине! И Особому району плевать, признают ли такое правительство Советский Союз (!), Соединенные Штаты и Великобритания. Будут благоразумны — не станут привередничать. Откажутся налаживать межгосударственные отношения — КПК не пропадет. Десять лет, двадцать лет, целый век не будут признавать нашего правительства, а потом все равно пойдут на мировую и пришлют своих послов. Все признают! Хоть на сто первый год, а признают! Никуда не денутся — признают!»

Сообщая о высказываниях Мао Цзэдуна, П. П. Владимиров обратил внимание Москвы на то, что Мао Цзэдун, особенно в беседах с американскими представителями в Яньани в 1944 году, «явно рассчитывал разрешить внутривнутриполитические вопросы в стране, заручившись поддержкой и помощью Соединенных Штатов. Конечно, он и словом не обмолвился о том, что рассчитывал и рассчитывает противопоставить Москве Белый дом.

С помощью американцев Мао пытался заранее придать будущему столкновению с Гоминьданом выигрышный для себя характер. На деле все эти месяцы он предлагал Белому дому себя вместо Чан Кайши. Он не мог не сознавать, что американцы согласились бы на такого рода союз лишь на строго определенных политических условиях, и в первую очередь на условиях изоляции Советского Союза в дальневосточной политике.

Фактически в торге за оружие стоит именно это стремление Мао Цзэдуна. Он, разумеется, осознает все трудности подобного сближения. Однако надежду лелеял и, возможно, лелеет по сию пору. Ведь недаром Чжоу (Чжоу Энлай. — Ю. Г.) перед самым вылетом Баррета (руководителя группы связи США в Яньани. — Ю. Г.) передал ему новое письмо Патрику Хэрли (послу США в Чунцине. — Ю. Г.).

Именно предпочтение американцами Чан Кайши заставляет Мао сейчас искать опору в Москве, не порывая окончательно с Белым домом. На это рассчитаны секретная переписка, сцена с Барретом, которую он мне изобразил, и другие факты. Во всяком случае Мао перестраховывается — это так. Москва в его планах вроде запасного варианта. Конечно, худшего для него варианта...

В таком духе я, — писал П. П. Владимиров, — и составил доклад для Москвы». [82]

Очевидно, что отношение Сталина к происходившим тогда в Китае событиям, и в частности к политике Мао Цзэдуна, было выражено в статье «Положение в Китае» (Обзор. Автор П. Крайнов), опубликованной 2 декабря 1944 года в газете «Известия». В Яньани к этой статье проявили повышенное внимание. По словам П. П. Владимирова, «Мао Цзэдун воспринял статью по-своему. Для него она — доказательство будущей активности СССР на Дальнем Востоке».

П. П. Владимиров полагал, что в статье была указана основная причина военного поражения — раскол Китая, раскол национальных сил; Москва, по сути дела, предупреждала, что не позволит Гоминьдану прибегать к военной силе в отношениях с КПК; статья также доказывала, что не отождествляет судьбы китайской революции и китайских коммунистов с курсом Мао Цзэдуна; в статье выражалась надежда, что здоровые силы китайского общества возобладают в политике единого антияпонского фронта.

В статье содержался весьма примечательный тезис: «Причиной создавшегося критического положения... является наличие значительного влияния в правящих кругах Китая реакционных элементов, которые вместо политики укрепления национального единства и демократии в стране проводят политику разъединения национальных сил... Губительная подрывная политика reactionеров и капитулянтов еще не пресечена». [83]

Мао Цзэдун мог воспринимать эти упреки Сталина в свой адрес. П. П. Владимиров мог, благодаря такой постановке вопроса в Москве, утверждаться в мысли о том, что его оценка ситуации принимается Сталиным.

Вполне очевидно, что Мао Цзэдун намеренно через П. П. Владимирова доводил до Сталина свое отношение к Чан Кайши (особенно имея в виду роль, которую Сталин сыграл в свое время при освобождении Чан Кайши из-под ареста в Сиани в 1936 году). П. П. Владимиров отмечал: «Мао не может спокойно произносить имя Чан Кайши. Мало того, что он обычно присовокупляет к нему набор бранных слов, он к тому же не устает повторять, что рано или поздно доконает чунцинского правителя ("пусть тот не

обольщается — я не остановлюсь ни перед какими методами и средствами!»). [84]

В декабре 1944 года Мао Цзэдун рассматривал как компромиссный в развитии его отношений с американцами вариант создания Объединенного штаба всех вооруженных сил Китая, в котором будут заседать представители вооруженных сил Компартии, Гоминьдана и США во главе с американским генералом. Белый дом мог выдвинуть такой проект, и Чан Кайши поневоле пришлось бы с ним согласиться.

Этот проект Мао Цзэдун заранее ненавидел.

П. П. Владимирову стало известно, что Мао Цзэдун в кругу своих единомышленников сказал, что «вариант с Объединенным штабом хуже цепей еще и потому, что если Советский Союз денонсирует советско-японский договор о нейтралитете и начнет военные действия против Японии в Маньчжурии или Внутренней Монголии, то 8-я НРА может оказаться перед заслоном из американских десантных частей где-то в стороне от боевых операций советских войск. Это явится непростительной ошибкой, ибо власть там должна захватываться КПК. Однако американцы при такой ситуации этого категорически не допустят. В итоге КПК не воспользуется результатом побед советских войск, так как пути просачивания в такие районы будут заблаговременно перекрыты союзниками». [85]

План Мао Цзэдуна в ситуации, когда отвертеться от варианта с Объединенным штабом не удастся, предусматривал обязательство КПК выставить не менее сорока своих полнокровных полков. В этой связи П. П. Владимиров замечал: «Невольно напрашивается другое сравнение: если бы руководители КПК выделили хотя бы половину этих сил в поддержку позиции Советского Союза на Дальнем Востоке в 1941–1942 годах! Тогда они просто наплевали на все наши беды! А в телеграммах клялись в дружбе. Не скупилась на слова»... [86]

29 декабря 1944 года П. П. Владимиров передал в Москву следующее:

«Последние события доказывают, что Мао Цзэдун и его сторонники спешно перестраиваются и затевают нечестную игру с Советским Союзом. Их цель — выжать для себя все из будущей активности СССР на Дальнем Востоке ради своих корыстных планов». [87]

Накануне нового 1945 года П. П. Владимиров записал в своем дневнике следующее:

«Я не имею права болеть, не смею уставать, не смею проявлять своего настроения. С рассвета и до глубокой ночи я на ногах. Я должен угадывать и прочитывать то, что скрыто за информацией, поставляемой мне канцеляриями Мао Цзэдуна и шефа цинбаоцзюй (разведывательного управления Мао Цзэдуна. — Ю. Г.). Кстати, ложь в цифрах стала здесь нормой.

От меня во многом зависит, как будет прочтена ложь, которую Мао Цзэдун старается внушить своими телеграммами Москве, и ложь, распространяемая агентством Синьхуа и местной печатью.

Своими откровениями — долгими беседами с глазу на глаз, доверительной посылкой телеграмм советскому руководству через нашу радиостанцию — Мао пытается превратить меня в соучастника своей нечистоплотной игры.

Я чувствую глубокую и затаенную неприязнь ко мне председателя ЦК КПК (я знаю слишком много!), но он мастерски разыгрывает роль искреннего друга. Для него и всех остальных я почетный гость. Меня всячески обхаживают и подчеркивают, что я “свой человек”... [88]

Особенность положения П. П. Владимирова состояла в том, что он должен был иметь постоянно на протяжении нескольких лет дело с одной стороной в этих чрезвычайно непростых отношениях, то есть с Мао Цзэдуном. Из Москвы (не непосредственно от Сталина) П. П. Владимиров получал лишь редкие указания, отдельные материалы. П. П. Владимиров действовал на свой страх и риск. Он понимал, что его деятельность одобряется Сталиным, лишь на основании сообщений из Москвы о том, что ему предписывают находиться в Яньани до конца войны.

В лице П. П. Владимирова в историю двусторонних отношений наших стран вошел человек уникальный: не принадлежащий к партийно-государственной номенклатуре, честный, любящий свою родину, не общавшийся близко со Сталиным, но умный, знающий, профессионально (как разведчик и дипломат) грамотный, трудолюбивый и ответственный перед своей страной, твердо защищавший ее интересы так, как их понимали идеалисты и патриоты России, а в то время Советского Союза.

П. П. Владимиров оказался на перекрестке связей и противоречий Сталина, Мао Цзэдуна, Чан Кайши, Рузвельта. Он должен был понять тайные пружины дипломатии всей этой четверки. П. П. Владимиров переиграл Мао Цзэдуна, не пойдя у него на поводу, что было далеко не просто. Еще до прихода Мао Цзэдуна к власти в Китае П. П. Владимиров тонко и точно обрисовал его в своих сообщениях, направленных в Москву, фактически Сталину, как политика и человека; благодаря телеграммам П. П. Владимирова Сталин имел возможность составить себе полное представление о Мао Цзэдуне уже в первой половине 1940-х годов.

1945 год, год победы в Великой Отечественной войне нашей страны, год победы во Второй мировой войне, год победы в Войне сопротивления Китая Японии, стал последним годом работы П. П. Владимирова в качестве связного Москвы при Мао Цзэдуне.

5 января П. П. Владимиров отмечал: «Председатель ЦК КПК опять подчеркнул мне, что для революционного преобразования Китая не обязательно знание марксизма-ленинизма. Важно знать Китай, его нужды, обычаи, историю...

Мао Цзэдун избегает в разговорах даже простого упоминания о ВКП(б). К опыту нашей большевистской партии (хотя он любит ссылаться на него) не проявляет ни малейшего интереса.

После окончательного утверждения своей безоговорочной власти в поведении Мао еще более заметно желание слыть непререкаемым авторитетом во всех партийных и государственных делах.

Соответственно своему положению Мао выработал и манеру поведения. Говорит едва слышно — поэтому все должны напряженно вслушиваться. В движениях медлителен. Часами почти неподвижен в своем кресле.

Во всех своих поступках и каждом слове он учитывает психологию Китая. И обидчив, очень обидчив»... [89]

В январе 1942 года П. П. Владимиров добился от Мао Цзэдуна согласия на то, чтобы впредь информацию ему передавал не Кан Шэн (шеф цинбаоцзюй, которого П. П. Владимиров охарактеризовал Москве как отступника от марксизма-ленинизма и палача китайских коммунистов-интернационалистов), а Е Цзяньин. [90]

В этой связи представляется уместным высказать следующие соображения. П. П. Владимиров был резидентом советской военной разведки в Яньани. До его прибытия туда и в первое время после начала его работы в Особом районе Мао Цзэдун представил ему в качестве партнера по разведывательной работе Кан Шэна и его службу. В каком-то смысле можно сказать, что ведомство Кан Шэна было аналогом НКВД и его разведывательных органов. П. П. Владимиров, очевидно ссылаясь на специфику своих задач, то есть на то, что его интересуют главным образом военные разведывательные сведения, сумел настоять на том, чтобы его партнером стала военная разведка Мао Цзэдуна, руководителем которой в то время и был Е Цзяньин.

П. П. Владимиров сообщал в Москву о том, что Мао Цзэдун «убеждал союзников в полной национальной независимости КПК (!) и всячески давал им понять, что изоляция СССР на Дальнем Востоке отвечает не только американским интересам. В Вашингтоне не приняли его авансы всерьез. Там решили, что Мао хочет просто пожить за их счет». [91]

Мао Цзэдун был заинтересован в том, чтобы мировое общественное мнение оказывало давление на Вашингтон с тем, чтобы США отказались от поддержки Чан Кайши. В этой связи Мао Цзэдун в середине января 1945 года через радиостанцию П. П. Владимирова отправил в Москву телеграмму, в которой сообщал о своих планах оказания нажима на Лондонский конгресс профсоюзов.

П. П. Владимиров констатировал, что Мао Цзэдун «окончательно выбрал меня в качестве своего передаточного звена в переписке с Москвой. Он уверовал в эту тактику...

...Тщательное сопоставление цифр (характеризовавших численность профсоюзов в районах, находившихся под властью КПК. — Ю. Г.) и сам факт, как составлялась эта телеграмма в Москву, привели меня к убеждению, что телеграмма не что иное, как преднамеренная дезинформация. Одна из многих за последние годы...

Я дополнил телеграмму председателя ЦК КПК своим мнением. Я сообщил Москве, что телеграмму можно принять лишь как документ, свидетельствующий о желании ввести руководителей ВКП(б) в заблуждение.

Никакого совета у руководства ВКП(б) Мао Цзэдун получить не рассчитывает. Такой совет его не интересует, так как он уже давно приступил к действиям, не подумав согласовать их с программной платформой прогрессивных профсоюзов мира.

Задача председателя ЦК КПК в том, чтобы через конгресс профессиональных союзов еще раз попытаться решить свои внутривластные задачи, прямо противоречащие интересам борьбы с Японией. При этом председатель ЦК КПК упирает на то, что он якобы борется за единство всех национальных сил страны. В действительности его деятельность направлена на раскол и кризис власти в стране. Изгнание японских захватчиков из Китая он возлагает на внешние силы (СССР и США).

Количество членов профессиональных объединений определено произвольно. Составитель данной телеграммы член политбюро Чжоу Эньлай. Можно без преувеличения сказать, что это перлы его бессонного служебного рвения. Чжоу Эньлай автор большинства внешнеполитических документов. По отношению к Москве полностью поддерживает недобросовестный курс председателя ЦК КПК». [92]

П. П. Владимиров верно ориентировал Сталина, давая точные политические характеристики руководителей КПК, в том числе и Чжоу Эньлая.

6 февраля 1945 года П. П. Владимиров пришел к заключению, что «Мао Цзэдун не прочь заморозить все дипломатические акции с Чунцином и Вашингтоном. Но боится оказаться в проигрыше: вдруг СССР не начнет войны с Японией!

Укрепление позиций Советского Союза на Дальнем Востоке, в связи с этим новая расстановка сил и неизбежное укрепление позиций КПК — эти вопросы не дают покоя ее руководству. На кого ставить: на Америку или СССР?»... [93]

В феврале 1945 года П. П. Владимиров писал: «И Яньань и Чунцин мечтали о союзе с Соединенными Штатами. Обе стороны пытались рассчитаться друг с другом американским оружием и долларами. Обе стороны предлагали за это свою страну на откуп заокеанским торгашам. Вашингтон предпочел Чан Кай-ши, и теперь Мао Цзэдун напоминает Москве о классовой солидарности: американцы и Чан сговорились и это угрожает Особому району.

Чтобы озлобить Москву, Мао насыщает телеграмму фактами о “политической проституции Гоминьдана” (выражение Мао из беседы со мной)». [94]

П. П. Владимиров пришел к выводу о том, что «тактика развала антияпонского фронта уходит своими корнями едва ли не ко времени подписания Сианьского соглашения. Ее цель — разрыв с Коминтерном и затем последовательное уничтожение партийцев, связанных с Коминтерном, признающих тактику и авторитет Коминтерна. Это породило чжэнфын.

В таких условиях Мао Цзэдун, не колеблясь, поставил на карту судьбу Особого района и Компартии — только бы добиться своих внутривластных целей... (в июле сорок третьего года антигоминьдановской кампанией и отводом частей 8-й НРА с фронта Особый район был поставлен под угрозу разгрома). ...Но и риск не был совершенно безрассуден! Председатель ЦК КПК полагал, что Советский Союз не позволит гоминьдановцам расправиться с китайскими коммунистами. И, однако, я стал свидетелем панического настроения Мао Цзэдуна в дни июльского кризиса 1943 года. Мао вдруг засомневался: а если СССР, поглощенный борьбой с гитлеровцами, не сможет заступиться?! Это потрясло Мао Цзэдуна. Тогда я впервые узнал о том, что Мао подвержен хроническому заболеванию, в насмешку прозванному русским народом “медвежьим”...

Безответственность Мао и жизни сотен тысяч коммунистов? Для СССР и не могло быть выбора. Готовящаяся расправа была решительно пресечена демаршем Советского правительства. Этот факт Мао Цзэдун скрыл от партии...

Однако и эти объяснения до конца не раскрывают степени риска. Мао Цзэдун знал, что такое для СССР 1943 год — год тяжелейших военных и экономических испытаний, переломный год войны. На этот счет я передавал ему полную информацию. Мао пренебрег этим обстоятельством, рискуя втянуть СССР в конфликт на Дальнем Востоке.

Этот конфликт ставил под угрозу и совместные американо-советские усилия по борьбе с гитлеризмом. Ведь Соединенные Штаты не остались бы безучастными к конфликту Москва — Чунцин, ибо гоминьдановский Китай связывал значительные японские силы и был (и остается) плацдармом для броска

непосредственно на Японию, не говоря уже о политико-экономической ценности Чан Кайши для США.

СССР должен сейчас, по мнению, вызревающему в руководстве КПК, вступить в войну против Японии и своими силами и средствами очистить территории, которые КПК затем превратит в свои опорные базы. Вооруженные силы КПК в основном и сохраняются для этого будущего раздела страны в споре с Чан Кайши. Войска КПК должны лишь содействовать будущим операциям советских или союзных войск, которым отводится основная роль в разгроме японцев. Этот момент упустить нельзя, им следует воспользоваться — вот ключевой пункт планов, вынашиваемых верхушкой КПК». [95]

После Ялтинской конференции глав трех союзных держав — СССР, США, Великобритании — Мао Цзэдун стремился выпытывать у П. П. Владимирова ответ на вопрос о том, будет ли СССР воевать с Японией; «по Мао Цзэдуну, Советский Союз обескровлен, советская экономика дезорганизована, людские ресурсы исчерпаны»; Чжу Дэ и другие военные «уверены, что Советский Союз пакт с Японией денонсирует и выступит против Японии»; «в верхушке КПК самые противоречивые суждения».

«Гибкая и скупая на слово советская дипломатия сбивает с толку Мао. Он не может не осознавать, что с определенного момента Москва избегает держать его в курсе своих важных решений. Сдержанность Москвы угнетает Мао. Он не может не догадываться, чем она вызвана»... [96]

П. П. Владимиров писал также о том, что Чжоу Эньлай «наведывался в Москву осенью 1939 года (лечил больную руку). Он мельком сообщил (19 февраля 1945 года в разговоре с П. П. Владимировым в Яньани. — Ю. Г.) о своих впечатлениях того времени. Не всех, конечно. Революция в Китае, которую сделает советское оружие, — вот цель тогдашнего визита Чжоу, инспирированного Мао Цзэдуном. Если не напрямую, но именно эти вопросы выяснялись в Москве осенью 1939 года. На этот счет я был в свое время проинформирован. С удовольствием слушал совершенно иную версию визита...

Там же, в Москве, Чжоу уточнял позиции ИККИ, которые ему были и без того известны: объединенный отпор со стороны всех национальных сил Китая японской агрессии. И вообще прошупывал настроение Советского правительства по дальне-

восточным проблемам, пытался определить направление этой политики, возможность вступления СССР в войну против Японии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я теперь достаточно знаю Чжоу. Не сомневаюсь, главным в том визите было стремление узнать вероятность разрыва СССР с Чунцином ради всеобщего вооружения войск КПК.

Это было полным игнорированием военно-политической обстановки в начале войны! Только свои планы, только свои интересы, а что до военных осложнений для СССР, никого из них это не интересовало. Жизнь все это доказывает... [97]

Н. Н. Риммар также дал свою характеристику Чжоу Энляю:

«Чжоу привлекал внимание к себе подвижностью. Отрывисто взмахнет рукой, и кажется, вот вспорхнет, и нет его. В разговоре создавалось ощущение, будто он физически жаждет проникнуть в тебя. И еще поражала способность мгновенно изменяться. Со стороны представлялось, будто в мире нет для Чжоу важнее собеседника. Но стоит обратиться к нему другому, как собеседник превращался как бы в пустое место.

Здоровался он своеобразно. После приветствия и рукопожатия, в котором чисто по-мужски отдавал свою ладонь всю без остатка, произносил:

— Коньяк? — и загадочно подмигивал.

Людьми, расположением которых Чжоу Энлай дорожил, как драгоценностью, являлись Мао Цзэдун и Чжу Дэ. С повышенным вниманием относился к Цзян Цин, Кан Шэну, Эми Сяо и Е Цзяньину.

С неинтересными собеседниками Чжоу Энлай прерывал разговор при любом поводе. В подобном случае он демонстрировал учтивость и деликатность. Тому, кто отвлекал его, говорил: “Одну минуточку”, а собеседнику: “Извините, мы так мило беседовали, но”... Незаметно кивая головой в сторону, разводил руками: мол, ничего не поделаешь. И уходил. Всегда и везде он показывал свою доброжелательность, готовность выслушивать самым прилежным образом.

Когда я пригляделся к нему, стало ясным его актерство. Он играл и играл, прямо скажем, отменно. Соглашался с Владимировым в оценке лиц и их позиций в одной обстановке — чаще так бывало, когда он приходил к нам по своим делам, — а спустя ничтожное время, но уже в другой обстановке, утверждал

совсем обратное и вел себя иначе. Осознание этой черты делало его понятным.

Мне трудно представить Чжоу Энълая иначе, как ищущего лошадку, на которую можно поставить. Он выделялся умом, энергией, организаторскими способностями, но волей духа, принципиальностью и этакой настойчивостью или напористостью, граничащей с жестокостью, был обделен. Он не верил в свои силы, робел и не смел отстаивать свою точку зрения, тем более неуклонно проводить ее в жизнь, например, как это делал Мао Цзэдун до последнего своего дня. Он всегда заглядывал Мао Цзэдуну в рот. Он лучше всех понимал, что Мао Цзэдун та самая лошадка, которая принесет успех, если ее держаться. При всем том он выступал и со своими идеями. Как правило, они лежали между идеями противоборствующих сторон. Он являлся мастером компромисса. Председателю ЦК КПК это нравилось. Во-первых, Мао Цзэдун не хотел упустить работника, который четко работает на любом посту, а во-вторых, подобная линия Чжоу Энълая демонстрировала демократичность верхушки партии. Своей терпимостью председатель ЦК КПК как бы поощрял демократический принцип в руководстве, которым в действительности не пахло. Чжоу Энълай был удобен Мао Цзэдуну как буфер для смягчения столкновений противоборствующих сторон». [98]

В феврале 1945 года Мао Цзэдун говорил: «Китай будет очищен от японцев в ближайшие два, три года». [99] Иначе говоря, Мао Цзэдун, как и многие мировые лидеры, не предвидел возможности быстрого разгрома японской армии в Маньчжурии силами Советской армии.

21 февраля 1945 года Мао Цзэдун впервые четко сформулировал свое отношение к решениям Крымской конференции (главным образом в части, касающейся возможности участия СССР в войне против Японии).

«Никаких сомнений быть не должно, заявил Мао, Советский Союз определенно примет участие в боевых действиях против Японии. Необходимо это твердо усвоить!»

По мнению Мао Цзэдуна, КПК «должна всеми средствами добиваться от руководителей антигитлеровской коалиции определенных решений по Китаю, как члену антифашистского блока. Перед такой силой, как Рузвельт, Черчилль, Сталин, глава

чунцинского режима определенно спасует. Тогда он окажется в ловушке! Ему ничего не останется, как уступить, но это будет уступка нам! Мы постараемся опереться на самые мощные политические силы. Поэтому не исключено, что Чан Кайши реконструирует свое правительство. И эта реконструкция должна быть коренной!»

По мнению П. П. Владимирова, «позиция Мао Цзэдуна предельно ясна. Главное — “доконать Чана”, т. е. развязать гражданскую войну! Все остальное лишь обработка общественного мнения, которая должна дать выигрыш времени Компартии для полной мобилизации».

«По-настоящему смущает Мао нечто другое (а не вероятность того, что США усилят военную помощь Гоминьдану. — Ю. Г.). Он до конца не уверен, что Советский Союз выступит против Японии. Вроде бы заявляет, что СССР будет воевать, но сам колеблется. Это факт. Именно отсюда все оттяжки решительных внешнеполитических и внутривнутриполитических акций руководства Компартии до второй половины апреля. Что ж, похоже на Мао! Даже перед своими соратниками до конца не искренен».

П. П. Владимиров сделал вывод о том, что «у Мао Цзэдуна нет выбора. Другого союзника, кроме СССР, у КПК нет. Никакие обещания Мао не рассеяли подозрений руководителей американской политики. США укрепляют Чан Кайши. Это и определяет поведение председателя ЦК КПК».

Союз с Москвой в борьбе против Японии может объективно сыграть положительную роль в оздоровлении КПК, и особенно — в формировании нового поколения коммунистов-интернационалистов». [100]

П. П. Владимиров также констатировал, что руководство в Москве, «несмотря ни на какие политические махинации Мао, твердо держит курс на поддержку КПК». И далее: «В освобожденном Китае СССР обретет могучего друга, союз с которым поставит лагерь социализма в исключительно выгодное положение». [101]

П. П. Владимиров, наблюдая за действиями Мао Цзэдуна на протяжении длительного периода времени, отмечал, что политику Мао Цзэдуна «часто называют таинственной восточной дипломатией, каверзной, туманной...

Но это всего лишь бульварное представление. На самом деле подобная политика логична и последовательна.

Такой логичностью и последовательностью отличается и политика председателя ЦК КПК. Меняются условия, и он, приспособливаясь, непрерывно меняет внешние формы борьбы, но не ее существо. Главное остается. В данном случае — это полный отказ от единого антияпонского фронта, антисоветизм, искоренение “догматизма”.

И никакой таинственной восточной хитрости здесь нет. Да, он изменяет обещаниям, договорам. Унижает и возвышает людей, рядится в одежды народолюбца, а в своих апартаментах — вельможа. Разыгрывает спектакли перед Барретом, иностранными репортерами, подсовывает мне чушь, обманывает Москву.

Вздор! Чепуха! Никакой восточной мудрости и хитрости нет. Это бульварщина и выдумки! Если и есть здесь особая, так называемая восточная дипломатия, то она в циничности средств!» [102]

В феврале 1945 года Мао Цзэдун направил Сталину поздравление в связи с очередной годовщиной создания Советской (Красной) армии. П. П. Владимиров, говоря об «изворотливости» Мао Цзэдуна, подчеркивал: «В тексте и следа нет от той циничной насмешливости, которой Мао Цзэдун развлекал своих сторонников осенью 1941 года. Сейчас 1945 год! И Мао Цзэдун льстит Сталину». «Теперь Мао Цзэдун уверяет Сталина, что его гениальный опыт вселяет веру в победоносность окончания величайшей освободительной борьбы»... [103]

В конце февраля 1945 года Мао Цзэдун в беседе с П. П. Владимировым заговорил о смерти, неизбежности смерти, неотвратимости судьбы. Он рассуждал о бренности бытия, бессмертии. Чувствовалось, что «мысль о смерти угнетает его». Реагируя на высказывания и вопросы Мао Цзэдуна, П. П. Владимиров сказал: «...в поселковой школе еще до революции на уроках закона божьего нас просвещали по части священного писания. Так, в писании о смерти сказано: “...ибо прах ты и во прах возвратишься”...

Мао усмехнулся и швырнул сигарету на пол.

На прощанье он вдруг спросил: “Неужели вы не приглядели здесь ни одной милой женщины? Не стесняйтесь на этот счет”...

Я отделался шуткой», — сказал П. П. Владимиров. [104]

5 марта П. П. Владимиров продолжил записи на эту тему в своем дневнике:

«“Ведь есть привлекательные девушки, — сказал мне председатель ЦК КПК, заканчивая очередную беседу. — И совершенно здоровые. Сомневаетесь? Пусть такую осмотрит Алофу (окитаизированное имя А. Я. Орлова). А может, есть на примете?”...»

Вот не предполагал за Мао Цзэдуном таланта сводника! Я обратил все в шутку. И мы расстались.

А ближе к вечеру в нашем доме появилась девушка. Появилась мягко, неслышно. Застенчиво поздоровалась и сказала, что пришла убрать дом.

Одета она была грубо, как все, но поверх ватника белел воротничок, столь редкий здесь. И талию перехватывал солдатский ремень. Тонюсенькая талия. Щеки плотные, упругие. Кожа чистая, смуглая. Лоб правильный, открытый. Черные до плеч волосы с цветком вместо заколки. Большие узкие глаза...

Да, на скудном пайке выглядят несколько иначе.

Я вынес табуретку. Поставил под нашим единственным деревом возле дувана. Она напряженно присела, улыбаясь. Потом приветливо отвечала на вопросы, а сама настороженно ждала, поджав маленькие изящные ноги в плетеных тапочках.

Я отснял несколько кадров и проводил ее.

Слов нет, девушка удивительной красоты!

По дороге она рассказала, что учится в университете, только поступила. Она совсем девочка.

Господи, как все это гнусно! Поскорее бы домой! За стол и чтоб вокруг родные лица!» [105]

Мао Цзэдун был не только сводником, но эта область человеческих отношений представляла для него один из существенных интересов его повседневной жизни. Он опустил до того, что сам попытался перенести стиль поведения в своей внутрикитайской деятельности на отношения с представителем Сталина, другой страны, нашей страны. Здесь сквозит полное непонимание Мао Цзэдуном лучших качеств человека, как китайца, так и русского. Подлость и изменность души Мао Цзэдуна через эту бытовую сценку проявляется во всей своей отвратительной наготе.

1 марта 1945 г., «совершенно неожиданно для себя, Мао Цзэдун получил ответную телеграмму И. В. Сталина. Председатель ЦК КПК немедленно созвал совещание»... [106]

В яньаньской газете 4 марта 1945 года аршинными иероглифами набрана ответная телеграмма И. В. Сталина на поздравления Мао Цзэдуна и Чжу Дэ. [107]

П. П. Владимиров полагал, что «в Мао Цзэдуне поражает убежденность, что жестокость есть следствие справедливости, что, собственно, жестокости нет! Есть справедливость — и только! Он никогда не ставит под сомнение справедливость своих решений. И тогда эта убежденность в жестокости превращается в насилие. Это характерный стиль его работы...

Я ни разу не слышал, чтобы он кому-нибудь выразил сочувствие, разве только в беседах с иностранными гостями, делегациями других баз... Тут он может потолковать о своей скорби к униженным народам, посетовать на жестокость японцев, облакать словом “простого человека”»... [108]

Человечность, высокая нравственность и культурность П. П. Владимирова позволяли ему, с одной стороны, глубже разглядеть сущность политики и характера Мао Цзэдуна и, с другой стороны, возвыситься и над Сталиным, и над Мао Цзэдуном в своем общем взгляде на проблемы мировой политики, двусторонних межпартийных и межгосударственных отношений, а также отношений между людьми.

По мнению П. П. Владимирова, «в переговорах с Патриком Хэрли (посол США в Чунцине. — Ю. Г.) председатель ЦК КПК разоблачил себя. Ведь он рассчитывал на понимание американцев... Председатель ЦК КПК предлагал Америке свой союз, гарантировал независимость Яньани от политического курса Москвы и т. п.». [109]

П. П. Владимиров пришел к выводу о том, что «на ближайшие годы председатель ЦК КПК сделал выбор. Вынужден был сделать. Перед Чан Кайши ему не устоять. За Чан Кайши вся мощь США. Значит, равнение на Советский Союз. Именно в этом плане перестраивается вся работа в Компартии.

Канкан Мао перед Москвой сменяется глубоким почтительным реверансом и потоком самых правоверных марксистских фраз.

Мао ставит на интернационалистические принципы ВКП(б). Ставит хладнокровно, расчетливо... Партийцы принимают все

это за чистую монету. Искренне радуются победам СССР. Пресса, радио, выступления политработников создают обстановку повышенной доброжелательности к СССР». [110]

«В Яньани от рядового партийца до работника самого высшего ранга считают само собой разумеющимся, что советские вооруженные силы решат все задачи, которые были до сих пор не по плечу Яньани. Они освободят Внутреннюю Монголию для КПК, они разгромят Квантунскую армию в Маньчжурии, и лавры побед советского оружия достанутся Яньани. Мао рассчитывает превратить Особый район в огромную территорию, которую для него отвоюет Советский Союз»... [111]

Состоявшийся в 1945 году седьмой съезд КПК «окончательно убедил» П. П. Владимирова «в циничной расчетливости Мао Цзэдуна.

Вторая мировая война — бедствие для всех народов мира, в том числе для Китая. Мао Цзэдуну же она — благо! В горе, бедах, конфликтах, политических кризисах политические цели Мао Цзэдуна легче прокладывают путь. Путь к власти!

Древние греки мудро говорили, что человек есть мера всех вещей. В этом смысле Мао предельно точно воспроизводит свой мир (политикой, приемами, ложью). Безотрадный мир, в котором нет ничего, кроме национализма и его неотъемлемого придатка — насилия». [112]

25 мая 1945 года П. П. Владимиров записал: «На торжественном приеме в Кремле в честь советских военачальников Сталин провозгласил великолепный тост за здоровье русского народа». [113]

25 мая 1945 года Мао Цзэдун, выступая на съезде партии, говорил: «Ленин и Сталин в прошлом сотрудничали с оппозиционерами. Это было в пору, когда оппозиционеры возглавляли определенные течения в рабочем классе. Но когда эти течения иссякли, с оппозиционерами было порвано.

Теперь Коминтерна нет. Единого руководящего мирового коммунистического движения как будто нет, но на самом деле это не так.

Коммунистические партии всего мира смотрят на своего вождя, слушают все, что он говорит. Коммунисты всего мира уделяют огромное внимание каждому слову этого вождя и руководствуются этими словами. Это руководящие идеи — курс, кото-

рым идет весь мир. Одним из таких коммунистов являюсь я». [114]

Комментируя эти высказывания Мао Цзэдуна, П. П. Владимиров писал: «В речи Мао Цзэдуна 25 мая есть слова, адресованные Сталину. Хорошо зная его циничные отзывы о Сталине, верить в искренность Мао невозможно. Для меня это двоедущие Мао не столь ново. Просто без помощи СССР Особому району не выстоять в грядущей гражданской войне.

Но в панегирике Мао угадываются скрытые притязания на такой же авторитет, каким пользуется И. В. Сталин. Амбиции у этого хунаньца беспредельны!» [115]

П. П. Владимиров считал, что «теперь уже можно утверждать, что борьба Мао Цзэдуна с Коминтерном началась с января 1935 года — времени его выдвижения на пост руководителя КПК. После выступлений Мао 25 мая и 10 июня сомнений на этот счет быть не может: с конференции в Цзуньи начался коренной поворот курса КПК». [116]

25 июня 1945 года П. П. Владимиров записал в своем дневнике высказывание президента США из его заключительной речи при закрытии конференции в Сан-Франциско и подписании Устава Организации Объединенных Наций: «Фашизм целиком не исчез... Легче убрать тиранов и уничтожить концентрационные лагеря, чем убить идеи, которые привели к их возникновению и дали им силу»...

И далее П. П. Владимиров высказал свою мысль: «Захват власти в стране во что бы то ни стало — главная цель Мао Цзэдуна. Партия интересуется его постольку, поскольку может обеспечить эту власть. Отсюда весь набор вроде бы справедливых лозунгов и фраз, ссылки на Маркса, Ленина»...

В этой связи приходит на ум мысль о том, что искренние и честные, верившие в идеалы люди из нашей страны, работавшие в Китае, в его районах, находившихся под властью Мао Цзэдуна, с течением времени нередко приходили к мыслям о родстве тиранов и диктаторов двадцатого столетия, в частности о сходстве Гитлера и Мао Цзэдуна; другое дело, оценивали ли они при этом соответствующим образом и действия Сталина.

28 июня 1945 года в дневнике П. П. Владимирова появилась следующая запись:

«Начальник генерального штаба китайских войск Хо Инцин заявил:

— пока американцы не высадятся на китайском континенте, чунцинские войска не в силах изгнать японцев;

— для изгнания оккупантов с помощью американцев тоже понадобится очень много времени, несмотря на то, что морская связь между Китаем и Японией, возможно, окажется прерванной;

— опираясь на военные ресурсы Маньчжоу-Го, японские войска смогут долго и упорно защищаться”...

...

В Москву прибыл Сун Цзывэнь — председатель Исполнительного юаня национального правительства и министр иностранных дел Китайской Республики. Накануне решающих событий на Дальнем Востоке Гоминьдан старается наладить отношения со своим могучим соседом.

* * *

Съезд КПК — подготовка к гражданской войне. О чем бы ни говорили делегаты, в конце концов, все сводилось к вопросу о борьбе с Гоминьданом.

Съезд пошел за Мао Цзэдуном — это результат ожесточенного подавления “московской группы” и практического разрыва с идеологическими принципами Коминтерна.

Деятельность Мао и Ко в годы смертельной схватки Советского Союза с фашистской Германией объективно шла на пользу японским милитаристам. Зато сейчас, когда от Советского Союза зависит решение дальневосточной проблемы и когда “скоби” не прочь разгромить Компартию, Мао Цзэдун прикидывается верным интернационалистом и другом моего народа. Что же, политическая ситуация на международной арене и в самом Китае не оставляет другого выбора этому великому мастеру разрушения единства»... [117]

Когда в начале июля А. Я. Орлов поздравил Мао Цзэдуна с двадцатичетырехлетием КПК, Мао Цзэдун четко и твердо ответил: «Если бы не было СССР — не бывать Компартии Китая!»... [118]

П. П. Владимиров все больше убеждался в том, что «уже со времен Цзуньи Мао Цзэдун с недоверием и враждебностью

относится не только к Коминтерну, но и к Советскому Союзу. Для него Москва имела (и, конечно, имеет) ценность лишь как сила, которая должна помочь свалить Чан Кайши...

***
О победе Советского Союза над гитлеровской Германией говорят много, но из всего этого следует недвусмысленный вывод о том, что Советский Союз тот "друг, который поможет КПК набрать силу и мощь для уничтожения режима Чан Кайши". Об этом не заявляют открыто, но все это подразумевают и с нетерпением ждут начала войны СССР с Японией»... [119]

9 июля 1945 года П. П. Владимиров записал в дневнике: «Тема, которая всегда волнует Мао, — это власть Чан Кайши и сам Чан Кайши.

Упрямо склонив подбородок к груди, Мао готов ругать его в любое мгновение. И каждый раз Чжоу может сообщить что-то новое, и всегда точно по настроению Мао». [120]

«Вы становитесь китайцем, — сказал мне (записывал П. П. Владимиров. — Ю. Г.) Мао. — Настроение ваше даже для близких ничего не говорит». [121]

П. П. Владимиров пришел к выводу о том, что «шовинизм в КПК — одна из трагедий развития национального самосознания Китая». [122] Со своей стороны хотелось бы отметить, что национальное самосознание в Китае отравлено мыслью о превосходстве китайцев (ханьцев) и Китая над всеми народами и странами мира. Причем многие китайские политики двадцатого столетия, в том числе, может быть, прежде всего Мао Цзэдун, эксплуатируют эту генетическую предрасположенность китайцев позитивно воспринимать все рассуждения на эту тему. Они присовокупляют сюда мысль о том, что Китай обидели иностранцы за те десятилетия или век, полтора века, когда Китай стал знакомиться с внешним миром, и за эти обиды иностранцы рано или поздно должны поплатиться и расплатиться. Дело усугубляется агрессивностью размышлений китайских лидеров нашего столетия на эти темы; они всегда предпочитают быть в наступлении, предъявлять те или иные претензии внешнему (с точки зрения Среднего царства, то есть Китая) миру. Все бурление, происходящее в Китае на протяжении всего двадцатого столетия, питается, как одной из главных, мыслью о необходимости нанесения ударов по иностранцам, на это же направлены и лозунги или призывы

к «возрождению Китая» или к «модернизации Китая». Речь идет для целого ряда китайских руководителей, прежде всего для Мао Цзэдуна, о выводе Китая на современный или самый передовой научно-технический и особенно военный уровень для того, чтобы «восстановить справедливость», то есть наказать окрестные народы и страны, сначала ближние, а потом и дальние.

5 августа 1945 года в дневнике П. П. Владимирова появляется запись:

«Мао Цзэдун предпринимает лихорадочные попытки разузнать намерения Москвы и одновременно как-то вынудить Москву в будущей войне с Японией активно вмешаться во внутренние дела Китая. Его мечта — с помощью Красной Армии подвергнуть разгрому и гоминьдановский военный и административный аппарат в районах, сопредельных с зоной боевых действий. Он рассчитывает втянуть СССР в конфликт с Гоминьданом. Если же это не получится, то за спиной Красной Армии развернуть новые армии КПК, перевооружиться и осесть на новых обширных территориях Китая. Так или иначе все эти варианты предполагают военный конфликт Советского Союза с чунцинским правительством.

Для Мао Цзэдуна мы не идейные союзники, а оружие, которым он рассчитывает пользоваться для решения собственных целей. В беседах со мной председатель ЦК КПК налегает на то, что мы “заинтересованная сторона в урегулировании тихоокеанских проблем”.

За всем этим вырисовывается угроза столкновения Советского Союза с США.

Мао Цзэдун опьянен обстановкой, в которой, как он считает, можно стремительно продвигаться к собственным целям»... [123]

С 9 августа 1945 года СССР считал себя в состоянии войны с Японией. «Вступление Советского Союза в войну вызвало замешательство руководства КПК. Никто здесь не ожидал столь быстрой переброски наших войск из Германии на Дальний Восток и не предполагал от них ударов такой мощи. Красная Армия сокрушила японскую оборону.

В этом замешательстве особенно проявилась застарелая “болезнь” руководства КПК — недооценка возможностей Советского Союза. И это отнюдь не заблуждение, а именно “болезнь”,

порожденная идеологической чужеродностью интернационализму и отрицанием советской действительности.

Руководство КПК лишь механически взвешивало шансы Советского Союза: раз потери в войне с Германией велики — значит, СССР обескровлен и неспособен в столь быстрые сроки подготовиться к войне с Японией». [124]

В связи с вступлением СССР в войну против Японии Чан Кайши направил телеграмму Сталину, в которой писал, что «объявление Советским Союзом войны Японии вызвало у китайского народа глубокое воодушевление» и что с самого начала оборонительной войны Китая «СССР первым оказал нам величайшую моральную и материальную помощь, за которую наш народ преисполнен признательности». [125]

«Военное наступление Красной Армии в Маньчжурии и Забайкалье парализует волю председателя ЦК КПК. Нужны срочные и ответственные решения — впереди крутая перемена обстановки в Китае, а председатель ЦК КПК пребывает в полнейшей растерянности, граничащей с прострацией.

В эти дни особенно проявляется одно из качеств его натуры — трусливость. В нем ничего не осталось от обычной императорской величавости. Я встречаюсь с маленьким слабовольным человеком. И к тому же страдающим по всем признакам “медвежьей болезнью”... [126]

Любопытным представляется то, что Сталин и Мао Цзэдун практически почти одинаково реагировали на события, которые выбивали их из привычной колеи, и тогда обнаруживалась ничтожность их сути как «человеков».

К концу своего пребывания в Яньани П. П. Владимиров пришел к общим выводам относительно Мао Цзэдуна и его отношения к нашей стране:

«В беседе со мной Мао Цзэдун заявил, что Советский Союз должен безвозмездно помогать КПК сейчас и в будущем. И именно от этого зависели и будут зависеть отношения между КПК и ВКП(б)...

У Мао Цзэдуна органическая неприязнь к Советскому Союзу. В Советском Союзе, несмотря на все его заявления о дружбе, он видит идейного недруга. Это не причуда — неприязнь к Коминтерну, ВКП(б) — и отнюдь не личные обиды. Существенно другое: этот антисоветизм имеет уже десятилетнюю историю. С того

времени, когда он послал в Москву Ван Цзясяна для выяснения “прокапитулянтских” настроений Коминтерна, Мао Цзэдун считал, что Коминтерн и Москва плодят “догматиков”. Планомерно, шаг за шагом, с конференции в Цзуньи Мао Цзэдун вбивал клин между ВКП(б) и КПК. В соответствии со своими планами он и преобразовывал КПК.

Он видел в деревне главную революционную силу и расхожился в этой оценке с Коминтерном. И он добился своего — КПК осела в сельских районах. Здесь процесс принял свой логический характер. КПК стала вырождаться в аграрную партию с присущей ей идеологией. Все это происходило, разумеется, не без борьбы между интернационалистическими и националистическими, марксистскими и мелкобуржуазными течениями в КПК. В известной мере эта борьба не закончилась и до сих пор.

Таким образом, “марксизм реальности” (думается, что это то же самое, что выражается формулой: “стремление к истине на основе фактов”, а далее и “социализм со спецификой [или своеобразием] Китая”. — Ю. Г.) — не результат деятельности удачливого политика — это система философии, опирающейся на солидную идеологическую и экономическую базу. Что бы ни говорили на съезде о пролетарском духе — им в партии и не пахнет. Под пролетарским духом здесь понимают солдатскую покорность всех воле Мао Цзэдуна. Итак, круг замкнулся. Деревня “села КПК”. Мао Цзэдун, действительно, стал вождем, но отнюдь не передовой пролетарской партии. Все соответствовало классической формуле: “бытие определяет сознание”.

Таким образом, “марксизм реальности”, этот “чжэнфынный марксизм”, — не каприз истории, не причуда истории, а отражение объективных процессов. Эти процессы действовали, действуют и будут действовать. И суть их проистекает из всего уклада жизни страны, ее экономики, соотношения классов, традиций и т. п. Из среды, сформированной этими факторами, черпала и черпает свое пополнение КПК.

Поэтому становится понятной неприязнь к Советскому Союзу, Коминтерну, ВКП(б) не только Мао Цзэдуна, но и других вожаков партии.

Не они двигают историю, а их двигают объективные процессы этой гигантской крестьянской страны. В данном случае не в их

власти “давать направление стопам своим”, ибо они концентрированное выражение настроений той среды, которая преобладает в стране. Они крайнее выражение философии мелкого собственника со всеми его националистическими амбициями. Этот процесс трансформации КПК может принимать различные формы, но не менять сущности и направления.

Я знаю правду их действительного отношения к Советскому Союзу и ВКП(б). Даже при нынешней вынужденной доброжелательности их высказываний о большевизме их поведение поразительно напоминает сцену в ресторане при встрече вождей немецких социал-демократов, свидетелем которой был и описание которой оставил Максим Горький: “Пили рейнское вино и пиво; вино было кислое и теплое, пиво хорошее; о русской революции и партии с.-д. говорили тоже кисловато и снисходительно, а о своей немецкой партии — очень хорошо! Вообще — все было очень самодовольно, и чувствовалось, что даже стулья довольны тем, что их отягощают столь почтенные мягкости вождей”. Своим “марксизмом реальности” лидеры КПК управляют не только свою партию и народ...

Оценку “марксизма реальности” я даю с позиций ортодоксального марксизма, ибо другого философского подхода не признаю. Основаниями для моих выводов послужили факты. Факты, а не слова или работы Мао Цзедуна типа “О новой демократии”...

Здесь уместно вспомнить замечание Розы Люксембург об оппортунистах: “Вы не стоите на марксизме, а сидите, даже — лежите на нем”...

А о Мао Цзедуне и его сторонниках в КПК я бы сказал еще резче»... [127]

Капитуляция Японии, по свидетельству П. П. Владимирова, «потрясла руководство КПК. Япония, по их мнению, должна была обороняться еще несколько лет (во всяком случае, не менее двух)». [128]

«Руководство КПК считает, что при определении театров военных действий СССР взял на себя только Маньчжурию, предав забвению интересы КПК и ее вооруженные силы. Брюзжания по сему поводу хоть отбавляй!» [129]

П. П. Владимиров писал, что он «случайно ознакомился с телеграммой из штаба Новой 4-й НРА. Из этого донесения ста-

новится совершенно ясно, что существует постоянная связь между руководством Компартии и главным командованием японскими экспедиционными силами. Текст телеграммы не оставлял сомнений в том, что сообщения о контактах с японским командованием регулярно поступают в Яньань.

Потом я выяснил, что эта связь между штабами войск КПК и японских действует давно. Конечные пункты связи: Яньань — Нанкин». [130]

В этой связи П. П. Владимиров также подчеркивал, что Мао Цзэдун «долго объяснял мне причины, которые побудили руководство Компартии установить связь с японским оккупационным командованием.

Факт позорный, и Мао Цзэдун старался поубедительнее аргументировать свои объяснения.

Из беседы выяснилась вся неприглядность этой картины. Отношения с японским командованием были установлены давно и находились под строгим секретом. Всего несколько человек в руководстве КПК знали о ней. Агент Мао Цзэдуна (или “связист”, как называл его Мао) был вроде прикомандированного к штабу генерала Окамура в Нанкине. По мере необходимости он беспрепятственно сновал между Нанкином и штабом Новой 4-й НРА, тщательно охраняемый японской контрразведкой.

В штабе Новой 4-й НРА этого агента (японца по происхождению) ждала соответствующая информация от председателя ЦК КПК. Сведения агента из штаба Новой 4-й НРА немедленно передавались кодом по радио в Яньань». [131]

В этой связи вспоминается попытка Сталина в ходе Великой Отечественной войны вступить в опосредованный контакт с Германией через болгар. При всем различии ситуаций Сталину и Мао Цзэдуну было присуще общее стремление к политическому беспределу, выходу в своих личных интересах за все мыслимые и немыслимые рамки политической и человеческой деятельности.

В конце августа 1945 года до сведения руководства КПК было доведено «решение Советского правительства о невмешательстве во внутренние дела Китая.

Мао Цзэдун был вынужден дать согласие на встречу с Чан Кайши в Чунцине.

Решение Москвы о невмешательстве означает отказ от поддержки авантюрной политики Мао Цзэдуна, которая породила ситуацию, чреватую мировым конфликтом.

Сейчас проблема вышла за рамки чисто национальные, китайские. Фактически действия Мао создали предпосылки для военного столкновения США и СССР.

Москва ответила решительным отказом втянуть себя в подобный конфликт. Это расстраивает личные планы Мао Цзэдуна. Рушит всю его стратегию воевать и действовать чужими руками, не считаясь с реальной обстановкой. А обстановка такова, что сейчас на земле Китая добивают остатки японцев Красная Армия и войска США. Продолжение политики Мао Цзэдуна в данной ситуации неизбежно приводит КПК к столкновению с Гоминьданом. За спиной Гоминьдана Соединенные Штаты. Заключая договор с Чунцином, Советский Союз исходил из реальной обстановки как в Китае, так и в мире.

Москва объявила, что будет выполнять условия договора, заключенного с китайским правительством в июле сего года. Для Мао это удар!

Он рассчитывал на свободу действий, обеспеченную военной мощью Советского Союза. Больше того, он мечтал о той конфликтной ситуации, которая возникла сейчас.

Вопреки желанию руководства Яньани, в эти две недели в высшей степени проявилась подноготная его политических приемов. Нас подталкивали на драку, всячески создавали условия, при которых избежать новой драки было бы невозможно. А то, что эта драка не что иное, как мировая война, на это плевать хотели с яньаньской колокольни.

Подход Москвы — это учет реальной обстановки не только в Китае, но и в мире. Это решительный отказ от новой мировой войны»... [132]

Мао Цзэдун был вынужден лететь в Чунцин для встречи с Чан Кайши. «Мао Цзэдун еще раз просил подтвердить готовность Советского правительства гарантировать его личную безопасность в Чунцине. Он просил в случае угрозы его безопасности предоставить ему убежище в советском военном представительстве в Чунцине. Я подтвердил ему, что его личная безопасность гарантирована, что он может рассчитывать на убежище в советском военном представительстве. Однако всякие

сомнения излишни. Чан Кайши не посмеет посягнуть на его жизнь. Это твердая гарантия Москвы»... [133]

Сталин дважды в истории выступил в качестве гаранта личной безопасности и жизни лидеров Китая: сначала в 1936 году во время событий в Сиани в отношении Чан Кайши, а затем в 1945 году в Чунцине в отношении Мао Цзэдуна. Позиция Сталина заставила Мао Цзэдуна дважды в истории пойти на переговоры и соглашения с Чан Кайши; тем самым Сталин дважды добивался единства китайской нации, нации Чжунхуа.

П. П. Владимиров записал в своем дневнике в конце августа 1945 года: «Судя по отношению председателя ЦК КПК, он думает, что с 1944 года я целиком под его влиянием, понимаю и разделяю его политику. Он уверен, что саботаж единого анти-японского фронта и борьбы с японцами, постоянная дезинформация Москвы, торговля с Белым домом, попытка изолировать Советский Союз в дальневосточной политике — это его тайна». [134]

«Характерная черта яньаньской политики — выжимать все экономические и политические выгоды. Идеиные соображения при этом в расчет не идут. Главное — выжать все из ситуации»... [135]

Одна из последних записей П. П. Владимирова в Яньани, датированная 2 сентября 1945 года:

«В значительной мере благодаря Мао Цзэдуну единый анти-японский фронт в стране был фактически развален. Углубление раскола между Гоминьданом и КПК поставило Китай на грань национальной катастрофы. Боевые действия последних лет развивались трагически и предвещали победу фашистской Японии.

Однако такой поворот событий не тревожил Мао. Учитывая политическую обстановку в мире, он сосредоточил все усилия на захвате власти в стране, переложив заботы по разгрому Японии на плечи СССР и союзников. Мао маневрировал политически и не вел активной борьбы с оккупантами, выжидая момента, когда после разгрома Германии СССР и союзники обрушат весь свой боевой потенциал на Японию. Страна опустошалась оккупантами, народ бедствовал, погибал, вымирая с голоду, но Мао выжидал своего часа, чтобы двинуть всю свою военную силу на захват власти.

Разгром фашистской Японии, главным образом США и Советским Союзом, устранил угрозу порабощения Китая захватчиками и ликвидировал опасные последствия тактики развала антияпонского блока. Но эта нечистоплотная политика Мао дорого обошлась китайскому народу, понесшему неисчислимые людские и материальные потери в результате попустительства японскому нашествию...

Зато сейчас Мао Цзэдун хотел бы пожинать все выгоды своей тактики накопления силы, за которой было фактическое ожидание событий». [136]

Регулярные записи в дневнике Петр Парфенович Владимиров прекратил 4 сентября 1945 года.

16 ноября 1945 года все радиооборудование бывшего тассовского корпункта было передано местным китайским властям.

17 ноября Владимиров, Орлов и Риммар вылетели из Яньани на советском самолете в Чанчунь (Маньчжурия) и в тот же день прибыли в Читу.

26 ноября Владимиров, Орлов и Риммар вернулись в Москву из яньаньской командировки.

Н. Н. Риммар вспоминал, что через два дня после возвращения всем троим вручили правительственные награды. «В тот раз домой не отпустили и Владимирова. Предполагался вызов к Сталину. Но из-за приезда в Москву высоких иностранных гостей эта встреча не состоялась. Сталин был занят.

10 декабря Мао Цзэдун прислал Сталину телеграмму с просьбой вернуть Андрея Яковлевича (врача Орлова. — Ю. Г.). Причина: недомогание самого Мао Цзэдуна, некоторых руководителей и невозможность получить квалифицированную медицинскую помощь, а также и недоверие к китайским врачам. После отдыха Андрей Яковлевич отправился второй раз в Яньань.

...

...Он погиб в авиационной катастрофе через четыре года после нашего возвращения из Яньани». [137]

Судьба П. П. Владимирова и отношение Сталина к его работе в Яньани, к его позиции относительно Мао Цзэдуна позволяют лучше понять политику Сталина применительно к Китаю, внутрикитайским политическим силам, и в частности к Мао Цзэдуну.

Петр Парфенович Владимиров нечаянно-негаданно оказался в роли посредника между Сталиным и Мао Цзэдуном. Причем в такие годы, когда решались и вопросы о выживании и той и другой нации, и дальнейшая политическая судьба и Сталина, и Мао Цзэдуна.

П. П. Владимиров не был направлен в Яньань лично Сталиным или даже по прямому указанию Сталина. Более того, ни до поездки в Яньань, ни после нее П. П. Владимиров никогда не встречался со Сталиным. Сталин имел намерение или планировал вызвать к себе П. П. Владимирова и его коллег после их возвращения из Яньани, но этого так и не произошло. Возможно, в этом нашли свое отражение странные духовные связи между Сталиным и П. П. Владимировым. Иначе говоря, Сталин втайне, в душе был удовлетворен тем, что он читал в посланиях П. П. Владимирова из Яньани, но он инстинктивно ни с кем не хотел говорить на эти темы. Позиция П. П. Владимирова отвечала настроениям и интересам Сталина, но самым тайным, не предназначенным для их обсуждения с кем бы то ни было. Телеграммы П. П. Владимирова из Яньани в Москву были теми материалами, которые определяли некоторые политические решения Сталина, который, однако, предпочитал не говорить об этом даже с самим П. П. Владимировым.

Вообще представляется, что Сталин считал отношения нашей страны с Китаем настолько важными, что никому не позволял не только принимать решения в этой области, но даже прикасаться к процессу выработки решений и шагов в двусторонних отношениях с Китаем.

Сталин исходил из необходимости обеспечения интересов нашей страны в отношениях с Китаем. Отсюда следовал вывод о необходимости побудить или заставить политические силы внутри Китая идти на союзные отношения с СССР в той или иной форме. Юридическое оформление тех или иных союзных отношений было необходимо, с точки зрения Сталина, в двусторонних отношениях Китая и России (СССР). В то же время Сталин не доверял китайским лидерам, полагая, что только временно и под давлением обстоятельств они соглашались на те или иные союзные отношения с СССР и что такого рода соглашения оставались договоренностями главным образом на бумаге.

Сталин не доверял Мао Цзэдуну. Он всегда допускал и имел в виду возможность того, что Мао Цзэдун способен сговориться с какими-либо силами внутри Китая и за его пределами в ущерб интересам СССР, если Мао Цзэдун счел бы это выгодным. В этой связи Сталин считал целесообразным использовать существовавшие в то время межпартийные отношения, а то и просто марксистско-ленинскую фразеологию для поддержания благоприятного климата в двусторонних отношениях и в то же время заставлять Мао Цзэдуна не выступать против интересов СССР.

Сталин вполне разделял убеждение П. П. Владимирова в том, что Мао Цзэдун, по сути дела, внутренне, генетически настроен враждебно в отношении СССР, хотя обстоятельства заставляли Мао Цзэдуна играть роль друга нашей страны.

Судьба П. П. Владимирова сложилась таким образом, что к 1942 году он был одним из ведущих специалистов по Китаю в Генеральном штабе Красной армии с трехлетним опытом работы в Китае и в звании батальонного комиссара.

Очевидно, что именно поэтому и в то же время случайно именно он был назначен в 1942 году на должность начальника группы военных корреспондентов ТАСС и связного Исполкома Коминтерна при ЦК КПК.

Сын П. П. Владимирова (настоящая фамилия которого была, напомним, Власов) Юрий Петрович Власов в своей «Повести об отце» [138] рассказал о многом, что осталось за рамками книги «Особый район Китая».

На П. П. Владимирова во время его командировки в Яньань в качестве военного корреспондента и связного Коминтерна было также возложено исполнение «ряда специальных задач, главная из которых — контроль за состоянием Квантунской армии: дислокация, численность, штабы, приказы. Решение задачи требует охвата наблюдением не только Маньчжурии, но и всего Северного Китая. При назначении отцу было тридцать пять лет», — подчеркивал Ю. П. Власов.

К тому времени П. П. Владимиров «был более чем сведущ в делах Китая. Он объездил верхом на лошади, в автомобилях и жалких переполненных поездах, исходил пешком почти всю страну (кроме самых южных провинций), да еще в пору японского нашествия, скрытой, но кровавой гражданской войны

между Гоминьданом и КПК, самоуправства могущественных феодальных клик». [140]

Напомним, что перед выездом в Яньань с П. П. Владимировым беседовал Г. М. Димитров. Он был тогда председателем Исполкома Коминтерна. В этой беседе участвовал и секретарь Исполкома Коминтерна Д. З. Мануильский, который был высшим функционером из числа членов ВКП(б) в Коминтерне в то время.

Г. М. Димитров и Д. З. Мануильский были теми двумя высшими руководителями, которые имели над собой в делах Китая только Сталина.

При этом Д. З. Мануильский точно выполнял все указания Сталина и не позволял себе ни самостоятельности в мышлении, ни инициативы в действиях.

Это вовсе не означает, что Г. М. Димитров шел вразрез с мнением Сталина, однако он был весьма самостоятелен при принятии политических решений. Г. М. Димитров и Сталин были самыми высшими авторитетами в вопросах политики в отношении КПК, во всяком случае, если не Китая в целом, и размышляли о таких сторонах этой политики, о которых никто кроме них больше не размышлял, но лишь выполнял указания сверху.

Г. М. Димитров был действительно значимой фигурой при выработке и проведении политики Коминтерна в отношении КПК. Позиция Г. М. Димитрова при этом определялась всем его жизненным и политическим опытом, а за его плечами было знакомство с тем, что собой представлял нацизм в Германии.

Сталина и Г. М. Димитрова объединяло общее, весьма настороженное отношение к Мао Цзэдуну, сформировавшееся на основе их многолетнего изучения людей, работавших в Китае, в том числе членов КПК, а также поступавших в их распоряжение материалов о положении в Китае и КПК.

Выше уже упоминалось о том, что в 1936 году член руководства КПК Ван Цзясян, работавший тогда в Коминтерне, перед отъездом в Яньань был принят Г. М. Димитровым и Д. З. Мануильским. При этом Д. З. Мануильский, сославшись на мнение Сталина и Исполкома Коминтерна, поручил Ван Цзясяну уведомить ЦК КПК о том, что Москва признает Мао Цзэдуна в качестве вождя Коммунистической партии Китая. Весьма характерно, что Г. М. Ди-

митров лишь молча присутствовал при этом, сам не проронив ни слова.

Это вовсе не означает, что между Сталиным и Г. М. Димитровым были некие существенные разногласия по проблемам КПК и относительно Мао Цзэдуна. Просто Сталин (да, очевидно, и Г. М. Димитров) пришел к выводу о неизбежности такого шага в целях поддержания своего собственного авторитета для КПК, хотя здесь Сталин был лишь вынужден мириться с реальным положением в КПК. Подчеркнем еще раз, что такое сообщение представителю КПК передал не лично Сталин и даже не Г. М. Димитров, а лишь Д. З. Мануильский. (Об этом мне довелось услышать от человека, которому рассказывал об этой сцене присутствовавший при ней Ван Мин.)

Судя по воспоминаниям П. П. Владимирова, которые сохранились в памяти его сына, беседа с Г. М. Димитровым перед отъездом в Китай произвела на П. П. Владимирова большое впечатление.

Дело было в том, что оба они исходили из необходимости в первую очередь защищать интересы СССР и ВКП(б). При этом они оба понимали, что руководители КПК делятся на две части. Одни готовы считать себя членами одного общего отряда коммунистов Земли и исходить из того, что защита и сохранение СССР, особенно в условиях Второй мировой войны, — это первостепенная задача и первое условие успехов коммунистического движения в других странах; другая часть руководителей КПК отделяла себя от СССР и ВКП(б), Коминтерна и полагала, что они должны заботиться главным образом о своих интересах, в этой связи они хотели бы только «доить» СССР в своих интересах.

В этой связи представляется уместным сказать о том, что все первые лица нашей страны (и СССР, и России) заинтересованы в защите интересов своей страны. Эти интересы обеспечиваются, в частности, поддержанием нормальных мирных отношений с Китаем. Более того, при необходимости возможны в разных формах союзные отношения с Китаем в целях отпора угрозе интересам и той и другой страны. Ради поддержания такого рода, по крайней мере внешне, нормальных и мирных отношений с Китаем лидеры нашей страны готовы идти на всевозможные шаги и действия. Вместе с тем все наши первые

лица понимали и понимают в разной степени, что Китай способен на акции, враждебные в той или иной степени по отношению к нашей стране. Не допустить таких акций, защитить свою страну — эта задача существует наряду с первой, уже указанной задачей, то есть с сохранением и поддержанием нормальных мирных отношений с Китаем, всегда, но она находится по временам на первом плане, но по большей части в тени.

Что же касается тех должностных лиц нашей страны, которые на практике осуществляют внешние сношения с Китаем, то среди них можно выделить две категории людей. Причем эти должностные лица могут находиться на любых самых высоких постах, исключая только пост высшего руководителя страны.

Одна категория — это люди, которые на первый план ставят интересы своей страны, защищают интересы своей страны. Другая категория должностных лиц — это люди, которые, по сути дела, подлаживаются к мнению китайской стороны, готовы в той или иной степени идти на ущемление интересов своей страны. Должностные лица, относящиеся к первой категории, в большей мере ориентируются на защиту национальных интересов. Должностные лица, относящиеся ко второй категории, ориентируются на поиски компромисса в отношениях с китайскими руководителями, причем за счет ущемления интересов своей страны.

Г. М. Димитрова и Сталина объединяла забота о защите интересов СССР, России. П. П. Владимиров был твердым сторонником именно этой линии в политике.

По свидетельству Ю. П. Власова, «к сожалению, высокая общая культура и идейная убежденность оказывались уже тогда скорее исключением — многие известные деятели проявляли на своих государственно-партийных постах и узость, и ограниченность, и патологическую склонность к интригам и подозрительности. Отец вспоминал встречи с другим работником, тоже, можно сказать, первой величины, — секретарем ЦК по международным делам. Наивность его вопросов и рекомендаций, порой и явное невежество до последних дней жизни вызывали у отца презрение и насмешку, но все это происходило уже позже, когда отец стал генеральным консулом в Шанхае, а затем — послом в Бирме. Отец едко замечал:

— И все достоинства лишь в длинном росте...

Воспоминания о желчности, вельможной распушенности и служебной неосведомленности этого руководителя международной политики, будущего многодесятилетнего члена Политбюро, даже спустя годы оскорбляли отца, погружая в угрюмую задумчивость на долгие часы. То был Суслов.

Без преувеличения, Димитрову Владимиров обязан и жизнью (ее продлением до сорока восьми лет), и пониманием задач там, в Москве, на решение которых он так неожиданно для себя вышел, и не только пониманием, но и деятельной поддержкой. Димитров оказался его опорой в Москве. Без поддержки на таком уровне немыслимой оказалась бы сама попытка овладения всей совокупностью вопросов, неразрывно сплетенных в яньаньском узле». [141]

В Яньани П. П. Владимиров возглавлял группу из шести, а затем из трех человек, считая его самого. Примерно через год после его прибытия в Яньань в группе наметилось размежевание. Кое-кто попытался из карьерных соображений подставить под удар Москвы П. П. Владимирова. «С их точки зрения, радиogramмы начальника группы об обстановке в высших партийных органах КПК, особенно критическая оценка председателя КПК, давали достаточно убойного материала. И впрямь, Мао Цзэдун — авторитетнейший деятель международного революционного движения, член высших международных организаций, лидер китайской революции. А кто такой Владимиров? Как смеет какой-то батальонный комиссар совать нос в подобные “сферы”? Ведь двое руководителей группы на протяжении почти пяти лет до него ничем подобным себя не обременяли, скрупулезно следуя инструкциям: изучению японского военного присутствия в Маньчжурии и Северном Китае — и только». [142]

В конце 1943 года из Яньани в Москву улетели трое из членов группы. В Яньани остались всего трое: хирург Орлов, радист Риммар и Владимиров — по-прежнему начальник группы.

«Несколько человек из группы, уже в Москве, составляют доклады на превышение полномочий Владимировым, его политическую близорукость, вредную поддержку Ван Мина, вмешательство и занятие делами, совершенно не входящими в круг его обязанностей! Особенно беспощадно разоблачителен некто А. Если бы он знал, что ему готовит судьба! Он забыл китайскую поговорку: если ты собрался мстить — не забудь вырыть

вторую могилу. Поговорка исполнилась буквально, но только с задержкой...

Этих людей срочно принимает Димитров. Он дает слово каждому. Совещание длилось около двух часов. Димитров подвел итог кратко. Он определил доводы этих работников (доносчиков, по существу, потому что ничего подобного они не говорили Владимирову в Яньани, а только “копили материал”) как лишённые смысла, ребяческие, связанные с непониманием обстановки в Китае и удивительно близорукие. Само их обращение он назвал постыдным. По его предложению эти работники были откомандированы на фронт (начальниками различных армейских спецслужб). В Яньань же на имя Владимирова пошла телеграмма, в которой, по существу, выражались доверие и благодарность за смысл, направленность работы и достигнутые результаты. Димитрова настораживают внутрипартийная борьба и обстановка в Политбюро ЦК КПК, в которых Владимиров сумел вскрыть столько тайно враждебного, мелкобуржуазного, раскольнического. Внимание Димитрова привлекают политические портреты Мао Цзэдуна и его ближайшего окружения. Это дает ключ к пониманию событий — не показных действий, деклараций, а сути политики, направления подлинного движения партии.

Для “какого-то” батальонного комиссара это была высшая из наград. Владимиров начинает распутывать яньаньский узел на свой страх и риск. В строго ограниченном своде обязанностей (и полномочий) категорически отсутствовали требования оценок состояния КПК и его руководства — это было делом Коминтерна, его Исполнительного Комитета. Задачи Владимирова чисто посреднические, передаточные — по Коминтерну и самостоятельные — по Квантунской армии.

Зорге ценою жизни определил, что Япония отказывается от нападения на Советский Союз, но это не значило, будто Япония исключала это нападение из своих дальнейших планов. Она выжидала. Определяющим моментом становился Сталинград. Падет — не миновать войны на два фронта. На Владимирова ложилась ответственная задача: наряду с другими службами (о них он, разумеется, ничего не знал, таков закон) следить за состоянием Квантунской армии, по возможности знать японские директивы. Яньань открывала для этого широкие возможности.

Она, как наблюдательная вышка, торчала над северными провинциями Китая. В Яньань стекалась информация — японские тылы были доступны по всем направлениям, китайские коммунисты посылали своих людей, они добывали необходимые сведения. То была налаженная и эффективно действующая система сбора информации. По тону, по кратким замечаниям уже смертельно больного отца я видел: он гордится своей работой. Трудно сказать, сколько из этих людей уцелело после 1949 г., когда Мао Цзедун под вымышленными предлогами в несколько дней истребил тысячи своих соотечественников как предателей (они содействовали военным усилиям Советского Союза). Имена их стали известны из приказа Сталина. Он их, что называется, выложил Мао... И была беспощадная бойня. Уцелеть было невозможно. Это мучило отца и годы спустя. Смысл происходящего не укладывался в его сознании».

СВЯЗНОЙ СТАЛИНА И. В. КОВАЛЕВ И МАО ЦЗЭДУН

Институт связных, уполномоченных или эмиссаров возник как необходимость в советско-китайских отношениях. Хотя следует сказать, что и во времена Николая II такой прием, как направление в Китай доверенного уполномоченного самим русским монархом, применялся.

Однако только в 20-х, 30-х, 40-х и в начале 50-х годов этот институт, во всяком случае с советской стороны, стал как бы непременным штрихом общей картины двусторонних отношений.

Отношения сии были сложными, прежде всего, потому, что в Китае на протяжении всего этого времени практически существовало двоевластие или многовластие. Москва должна была иметь дело не с одной, а с несколькими политическими силами Китая одновременно. Так возникала необходимость помимо или наряду с официальным дипломатическим представителем, полпредом или послом СССР в Китайской Республике или Китайской Народной Республике, иметь еще и представителя при другой или других властных структурах в Китае.

Дело было и в том, что в указанный период просто не было возможности иметь между сторонами межгосударственные отношения в чистом их виде, то есть ограничиваться только одним посольством при одном правительстве.

В Китае в эти три десятилетия вели между собой борьбу различные политические силы. Официально признанное на мировой арене центральное правительство Китая почти всегда не было единственным правительством в стране, единственной властью

для всего Китая. Москве приходилось иметь дело со всеми, чаще всего с двумя, реальными властными структурами внутри Китая. При каждой из этих структур у Москвы были свои представители. Кто-то из них выступал в качестве полпреда или посла, кто-то в качестве политического советника, кто-то в качестве военного советника, кто-то в качестве военного корреспондента и связного Исполкома Коминтерна, кто-то в качестве уполномоченного по восстановлению железнодорожной сети и т. д. Суть, однако, при этом была одна: все эти официальные и неофициальные представители имели в Москве одного хозяина — Сталина.

Хотя, учитывая специфику ситуации внутри Китая, да и внутри Советского Союза (а это было связано с существованием в 20-х — начале 40-х годов Коммунистического интернационала в Москве), дела с Китаем, с различными политическими силами внутри Китая велись как бы параллельно или независимо друг от друга по государственной (или по нескольким государственным) и по партийной линиям.

Здесь существовала даже борьба или некая квазиборьба на определенном чиновничьем уровне между представителями нескольких ветвей чиновничьего аппарата в Москве: коминтерновской, дипломатической, других госструктур, а также военной разведки и внешней разведки органов государственной безопасности. Взаимоотношения этих ведомств были весьма сложными; сама система, существовавшая, в частности, при Сталине, их сталкивала, ибо таким образом Сталин рассчитывал получать разную информацию по различным каналам и формировать объективную картину происходившего в Китае; кроме того, Сталин никому не доверял, а потому натравливал одни ведомства на другие, заставляя их ревниво следить друг за другом.

Однако повторим и подчеркнем еще раз: все нити во всех случаях сходились в руках у Сталина, который намеренно формировал и сохранял такую структуру отношений с Китаем, пользовался этой структурой.

Институт связных, уполномоченных, особоуполномоченных, эмиссаров, советников и т. п. возник как естественная реакция на исторически возникшую необходимость. С появлением на всей территории континентального Китая одной государственной структуры, то есть с образованием КНР, не сразу, но довольно скоро этот институт прекратил свое существование.

И все же в первые месяцы существования КНР Москва имела в этом государстве и своего посла Н. В. Рощина, и личного представителя Сталина в лице И. В. Ковалева.

Со стороны Сталина была предпринята попытка сохранить отдельно от совпосла в КНР и специального представителя партии, ВКП(б), однако Мао Цзэдун отверг эту попытку, предложив, чтобы эти функции выполнял посол, который одновременно был бы членом ЦК партии.

Стороны договорились о том, что каждая из них будет иметь в соответствующей столице соседнего государства только одного высшего официального представителя, то есть посла. Все остальные представители партнера должны были выступать в составе посольства. С советской стороны на протяжении некоторого времени по инерции (ибо фактические межгосударственные отношения начались еще при отсутствии посольств, когда по линии министерства внешней торговли СССР уже были установлены связи в Маньчжурии с властями КПК), а также отражая тяготение работников внешней торговли к определенной самостоятельности в своих операциях за рубежом, предпринимались попытки отстаивать самостоятельное положение торгового представителя, или торгпреда, в КНР (была воздвигнута даже стена с воротами между территориями посольства и торгпредства СССР в КНР), но эти попытки со временем заглохли.

Что же касается связей между партиями, то Сталин и Мао Цзэдун условились иметь прямые связи между Центральными комитетами двух партий. В этих целях контакты имели место через послов, которые обращались непосредственно в ЦК соответствующей партии по поручению ЦК своей партии.

Когда связи между партиями оказались разорванными, тогда отпала на время эта функция в деятельности послов. Когда же стороны в 1989 году предприняли усилия для нормализации межгосударственных отношений, тогда были восстановлены и связи между партиями. В то время, во всяком случае в составе своего посольства в Москве, китайская сторона, ЦК КПК считал необходимым на определенное время иметь специальных сотрудников, которые были работниками центрального аппарата КПК.

Вернемся, однако, к вопросу о том времени, когда и сама обстановка в Китае, и ситуация, сложившаяся в двусторонних

советско-китайских отношениях требовали появления при Мао Цзэдуне связного, уполномоченного или личного представителя Сталина.

Таким представителем далеко не случайно стал Иван Владимирович Ковалев. Он выполнял эту работу в 1948–1950 годах.

Иван Владимирович Ковалев родился в 1901 году. Он участвовал в больших и малых войнах, начиная с гражданской, поднялся до высших ступеней в государственной иерархии. В 1937 году он был назначен начальником стратегически важной Западной железной дороги, в 1939 году стал начальником управления Наркомата путей сообщения (НКПС), в том же году был командирован в Монголию в качестве уполномоченного Совета Народных Комиссаров СССР по транспортному обеспечению операций комкора Г. К. Жукова под Халхин-Голом, в следующем году отвечал за организацию транспортных перевозок во время войны с Финляндией. Великую Отечественную войну И. В. Ковалев встретил в должности заместителя комиссара государственного контроля СССР. На третий день после начала войны И. В. Ковалев был вызван к Сталину и получил от него задание «развязать» транспортные пробки на западном направлении, где сложилась тяжелейшая ситуация. Вскоре после успешного выполнения задачи И. В. Ковалев был назначен начальником Управления военных сообщений Генерального штаба Красной армии. В этом качестве он сыграл выдающуюся роль в организации контрнаступления под Москвой. В начале 1942 года по докладу И. В. Ковалева было принято решение об организации Транспортного управления Государственного комитета обороны СССР и он стал его членом.

И. В. Ковалев принимал самое активное участие в руководстве крупнейшими операциями войны, включая такие из них, как Сталинградская и Курская битвы, сражение за Днепр, штурм Берлина. В декабре 1944 года И. В. Ковалев был назначен наркомом НКПС, в июле — обеспечивал проезд на конференцию в Потсдам советской делегации во главе со Сталиным, а сразу же после этого — организовывал беспрецедентную по масштабам операцию по переброске советских войск на Дальний Восток для войны с Японией.

Журналист Н. Хлебодаров, который последним из его коллег встречался с Г. К. Жуковым, писал, что на вопрос о том, чьи

имена среди творцов Победы следует называть первыми, Г. К. Жуков ответил: «Пожалуй, первым я назову генерала Ковалева. Без хорошо работающих железных дорог мы не смогли бы осуществлять не только большие оперативные перевозки, но и бесперебойный подвоз материально-технических средств на большие расстояния. Именно Ковалев организовал эту гигантскую работу так, что ни одна крупная военная операция не была разгадана противником, хотя у него под носом перебрасывались целые армии. Искключительную роль железнодорожный транспорт сыграл в первые тяжелые месяцы Великой Отечественной войны, справившись с эвакуацией и переброской войск к линии фронта. Думаю, что роль и значение этой отрасли в нашей Победе практически не оценены по достоинству. Попробуйте его разговорить. Ему есть что вспомнить». [162]

Из всего этого следует, что в тот момент, когда Мао Цзэдун более всего нуждался именно в том, чтобы железнодорожный транспорт обеспечил операции его армии в ходе войны внутри Китая против войск Чан Кайши, Сталин отрядил, совершенно очевидно, лучшего специалиста в этой области И. В. Ковалева в помощь Мао Цзэдуну. Одновременно Сталин уполномочил И. В. Ковалева быть его личным представителем при Мао Цзэду.

Отвечая на вопросы китаеведа С. Н. Гончарова, И. В. Ковалев следующим образом охарактеризовал основные этапы своей работы в Китае:

«В середине мая 1948 года я был приглашен в ЦК партии, где имел беседу со Сталиным. Он показал мне только что полученную телеграмму от Мао Цзэдуна, содержание которой я дословно помню до сих пор. Мао писал, что в сфере вооруженной борьбы Компартия Китая накопила определенный опыт. Одновременно Мао подчеркивал, что совершенно отсутствует опыт управления экономикой, что КПК не способна управлять многосложным хозяйством больших городов. В связи с этим Мао просил ЦК ВКП(б) командировать в Китай группу специалистов для решения экономических задач, а также для восстановления железных дорог в освобожденных районах страны. Решением Политбюро я был назначен руководителем этой группы, с которой и отбыл в Китай в начале июня.

Официально я именовался тогда представителем Совета Министров СССР по делам Китайской Чанчуньской железной доро-

ги, которая находилась в совместном владении Китая и нашей страны. Это было сделано для того, чтобы не афишировать нашу помощь КПК. Вся наша работа происходила в обстановке строжайшей секретности.

Все, что касалось Китая, Сталин держал в своих руках. Даже самые мелкие, локальные просьбы Мао Цзэдуна направлялись только ему, только в его адрес. Так, в начале 1949 года по ряду вопросов я обратился к Молотову и Вышинскому. Вместо ответа я получил и от того и от другого телеграммы, где говорилось: “Впредь по всем вопросам, связанным с Вашей миссией в Китае, обращайтесь только к Филиппову” (псевдоним Сталина, которым он пользовался в зашифрованной переписке с руководством КПК).

На первом этапе деятельность нашей группы, состоявшей из примерно 300 инженеров и квалифицированных рабочих, была сконцентрирована на Северо-Востоке Китая, в Маньчжурии. В сотрудничестве с китайцами мы отремонтировали 1300 км железнодорожных путей и 62 моста. Это в очень большой степени способствовало победе коммунистов в этом стратегическом важном районе.

В декабре 1948 года я вернулся в Москву, где доложил об обстановке в Китае лично Сталину. В январе 1949 года я снова отбыл в эту страну, сопровождая А. И. Микояна, который провел исключительно важные секретные переговоры с ее высшими руководителями. Во время этих переговоров я впервые лично познакомился с Мао Цзэдуном, Лю Шаоци и Чжоу Эньлаем, с которыми в дальнейшем поддерживал самые тесные рабочие контакты.

С этого момента в содержании моей миссии в Китае произошли важные изменения. Ранее я основное внимание сосредоточивал на организации технической помощи китайским коммунистам — теперь же одной из главных задач стало информирование Сталина о ситуации в руководстве КПК, в стране в целом, поддержание связи между Мао и Сталиным.

В марте 1949 года китайское правительство переехало из деревни Сибайпо около города Шицзячжуан (пров. Хэбэй) в Пекин. Мне выделили дом в районе гор Сяншань, в окрестностях Пекина, в 800 метрах от резиденции Мао. С этих пор мы с ним стали общаться почти ежедневно.

Весной-летом 1949 года шла интенсивная работа по подготовке к созданию нового китайского государства. В связи с этим была организована комиссия Политбюро ЦК КПК по экономическим вопросам, куда вместе с Мао, Лю Шаоци и Чжоу Эньлаем входил и я. Таким образом мне довелось участвовать в обсуждении важнейших вопросов будущего устройства КНР.

В июле-августе 1949 года я сопровождал делегацию во главе с Лю Шаоци во время ее секретного визита в Москву. Тогда состоялись переговоры со Сталиным по важнейшим проблемам двустороннего сотрудничества и международной обстановки. Вернулись в Китай мы вместе с Лю Шаоци, привезя с собой еще 250 советских специалистов. В это время число советских специалистов, работавших в Китае, превысило 600 человек.

Пожалуй, наиболее важным эпизодом моей работы в Китае явилась поездка с Мао Цзэдуном в Москву в декабре 1949 — феврале 1950 годов. После затяжных и непростых переговоров со Сталиным тогда был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двумя странами, другие важные документы.

Таким образом, мне посчастливилось участвовать в ключевых событиях, связанных со становлением Китайской Народной Республики, с началом нового этапа в советско-китайских отношениях. Очень многое из происшедшего тогда до сих пор остается неизвестным для широкой публики». [163]

Участвовавший во всей этой деятельности один из личных переводчиков Мао Цзэдуна Ли Юежань писал о работе И. В. Ковалева в Пекине в 1949 году следующее: «Военный совет ЦК КПК часто присылал к (месту проживания) Ковалева “кожаную папку”, полностью заполненную совершенно секретными телеграммами, среди которых были сообщавшие об обстановке в боевых действиях на юге. Даже такой переводчик, как я, и то не имел к ним доступа. Переводили их пять переводчиков, которых Ковалев привез с собой. Накануне образования Нового Китая и после этого Ковалев за время, проведенное в Китае, проделал немалую работу, внес свой собственный вклад в развитие дружественных отношений между Китаем и Советским Союзом». [164]

И. В. Ковалев дал свой ответ и на вопрос о роли «ядерного фактора» в советско-китайских отношениях. Дело в том, что

премьер Госсовета КНР Чжоу Энлай в 1967 году заявлял, что «...многие были напуганы атомной бомбой. В то время даже Сталин испытал психологический шок и был обеспокоен возможностью начала третьей мировой войны»... [165] В связи с этим в КНР делали вывод, что Сталин заботился прежде всего о том, чтобы не быть втянутым в прямое столкновение с США из-за гражданской войны в Китае, и потому проявлял сдержанность в военной поддержке китайских коммунистов, даже был готов идти на компромиссы за счет их интересов (так излагал вопрос С. Н. Гончаров). [166]

И. В. Ковалев в этой связи высказал следующие соображения:

«Это действительно важный вопрос. Отвечая на него, хочу прежде всего отметить, что во время гражданской войны в Китае действительно возникали ситуации, казалось бы грозившие перерасти в глобальный конфликт. Так, в конце апреля 1949 года, как раз в тот момент, когда силы НОАК форсировали Янцзы, в районе одной из переправ появился английский фрегат “Аметист”. Он получил серьезные повреждения в ходе артиллерийской дуэли; та же участь постигла и крейсер “Лондон”, прибывший, дабы “наказать коммунистов”. [167] В связи с этим срочно было созвано заседание британского парламента, в ходе которого консерваторы требовали объявить войну красному Китаю, высадить морскую пехоту, пустить тяжелые бомбардировщики на Пекин; подобные настроения нашли определенную поддержку за океаном, в США. И по настроениям, царившим в Пекине, и по реакции Москвы на мои доклады я чувствовал, что наступил критический момент. Советские войска на Ляодунском полуострове, военный флот в Порт-Артуре, на других тихоокеанских базах были приведены в полную боевую готовность. К счастью для всех, столкновения тогда удалось избежать, однако вероятность его была весьма высока.

Теперь — непосредственно о том, как Сталин относился к угрозе ядерной войны и как это влияло на его политику в отношении Китая. С этим вопросом мне пришлось непосредственно столкнуться несколько раз, впервые — в конце марта — начале февраля (апреля? — Ю. Г.) 1949 г.

Началось все с того, что ко мне зашел товарищ из китайской военной разведки, сказавший, что, если меня интересуют

секретные сведения из штаба Чан Кайши, он поможет мне встретиться с коммунистом-подпольщиком из Шанхая. После того, как я дал утвердительный ответ, такая встреча была организована в пригороде Шэньяна (Мукдена) с соблюдением всех правил конспирации. Звали этого подпольщика Лю Сяо. Помню, на меня он произвел сильное впечатление своими отвагой, хладнокровием, прекрасным знанием обстановки. Позднее, в 50-х — начале 60-х годов Лю Сяо был Послом КНР в СССР.

Помимо прочих важных сведений, Лю Сяо сообщил мне, что его друзьям удалось добыть сверхсекретные планы “азиатского варианта” развязывания третьей мировой войны, разрабатываемые американцами. По словам Лю Сяо, этот вариант предусматривал заключение военного союза между США, Японией и чанкайшистским Китаем. Затем американцы должны были высадить трехмиллионную армию в портах Северного и Северо-Восточного Китая, японцы — возродить распущенную императорскую армию, а гоминьдановцы — мобилизовать новые миллионы солдат, дабы подкрепить действия американских войск. Генеральному наступлению всех этих войск на север должен был, по сведениям Лю Сяо, предшествовать внезапный ядерный удар по более чем ста заранее отобраннным объектам в Маньчжурии, советском Приморье и Сибири. После разгрома НОАК и советской группировки на Дальнем Востоке планировалось развивать дальнейшее наступление в общем направлении на Урал.

Даже сейчас, когда многое стало известно об американских планах нанесения превентивного ядерного удара по СССР, мне трудно судить о том, насколько достоверными были эти сведения Лю Сяо. Тогда же, спустя всего лишь три с небольшим года после окончания второй мировой войны, мне просто невозможно было убедить себя в их реальности. Тем не менее я, конечно, тут же доложил о них в Москву. Обычно Сталин быстро отвечал на информацию подобного рода, но тут ответа долго не было. Телеграмма от “товарища Филиппова” пришла лишь после того, как я неоднократно докладывал ему аналогичную информацию, полученную из других источников. Поскольку этот документ исключительно важен для понимания того, как же на самом деле оценивал в то время Сталин ситуацию в мире, приведу здесь соответствующую цитату из него:

“Война не выгодна империалистам. Кризис у них начался, они воевать не готовы. Атомной бомбой пугают, мы ее не боимся.

Материальных условий для нападения, для развязывания войны нет.

Сейчас дело обстоит так, что Америка меньше готова для нападения, чем СССР для отпора. Так обстоит дело, если анализировать с точки зрения нормальных людей — объективных. (Л. И. Брежнев говорил С. Г. Лапину перед его отъездом в качестве посла СССР в КНР в 1965 году: «Мао Цзэдун — маньяк». — Ю. Г.)

Но в истории есть ненормальные люди. Военный министр США Форрестол страдал галлюцинациями.

Мы готовы к отпору”. (Следует отметить, что приводимые сведения об оценке Сталиным ядерной угрозы в общем совпадают со сведениями, которые сообщает на сей счет В. М. Молотов. Согласно рассказам Молотова Сталин не рассматривал угрозу ядерного нападения как непосредственную, поскольку число таких бомб у США было ограниченным, а также потому, что СССР уже достаточно далеко продвинулся к тому времени в реализации собственной ядерной программы. [168])

Думаю, что в этой телеграмме выражено реальное отношение Сталина к возможности вспышки мировой ядерной войны. Он неоднократно в разных формах повторял такую оценку. Например, во время переговоров с Лю Шаоци в июле 1949 года Сталин заявил, что “Советский Союз сейчас достаточно силен для того, чтобы не испугаться ядерного шантажа США”.

Таким образом, никак нельзя говорить о том, что послевоенная стратегия Сталина определялась его страхом перед американским ядерным оружием, напротив, он скорее недооценивал серьезность изменений, которые внесло в мировую стратегию это оружие.

Вместе с тем Сталин достаточно трезво оценивал соотношение сил в мире и стремился избежать любых осложнений обстановки, способных привести к столкновению с США, к новой мировой войне. (И в этом случае сведения, приводимые И. В. Ковалевым, в общем совпадают с сообщениями Молотова, который также указывал на то, что Сталин заботился прежде всего о том, чтобы “не перейти грань” в отношениях с главными противниками и не спровоцировать их на конфликт.) [169]

Это также ярко проявилось во время визита в Москву делегации во главе с Лю Шаоци.

Китайская сторона в то время попросила нас поддержать планируемое ею наступление на Тайвань советскими авиацией и подводными лодками. Когда 11 июля 1949 года Сталин впервые принял Лю Шаоци, то дал развернутый ответ на этот вопрос.

Прежде всего он подчеркнул, что в результате войны экономике СССР нанесен колоссальный урон, страна опустошена от западных границ до Волги. Советская военная поддержка нападения на Тайвань будет означать столкновение с американскими авиацией и флотом, создаст предлог для развязывания новой мировой войны. “Если мы, руководители, пойдем на это, — заявил Сталин, — русский народ нас не поймет. Более того. Он может прогнать нас прочь. За недооценку его военных и послевоенных бед и усилий. За легкомыслие”... Конечно, в этих сталинских рассуждениях о русском народе присутствует привкус демагогии, столь характерной для этого деятеля, однако сделанный им анализ международного положения и ситуации в стране следует признать в целом верным.

Сталин предложил тогда детально обсудить вопрос на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) с участием военных и некоторых министров. Еще до этого заседания Лю Шаоци неоднократно связывался с Пекином и 27 июля 1949 года, когда такое заседание состоялось, заявил о согласии с аргументами Сталина и о том, что уполномочен отозвать обращения Политбюро ЦК КПК по Тайваню и Гонконгу. (С. Н. Гончаров в этой связи отмечал, что сведения, приводимые И. В. Ковалевым, косвенно подтверждаются сообщением видного руководителя КНР Бо Ибо о том, что во время визита данной делегации именно 27 июля “Лю [Шаоци], Гао [Ган] и Ван [Цзясян] вместе со Сталиным, Булганиным и Василевским провели переговоры о военных планах”... [170] Вместе с тем сведения о содержании переговоров, приводимые И. В. Ковалевым, в этом, как и во многих других случаях, совершенно уникальны, они просто отсутствуют в самых последних китайских исследованиях на данную тему, в которых привлекаются новые ценные архивные материалы [171].

Впоследствии, уже при Хрущеве, у нас снова были с китайцами разногласия по поводу путей решения тайваньской проблемы.

Я все же считаю, что Сталин тогда поступил правильно, что его решение помогло избежать мировой войны». [172]

В своих беседах с И. В. Ковалевым историк-китаевед С. Н. Гончаров выяснял мнение собеседника о том, какую роль отводил Китаю Сталин в своей глобальной стратегии, как оценивал значение победы революции в Китае для судеб мира, а также как мыслил себе Сталин основное содержание сотрудничества между двумя государствами и партиями после победы революции в Китае, существовали ли у него какие-либо долгосрочные планы относительно «разделения ответственности» за судьбы мира между двумя коммунистическими гигантами?

И. В. Ковалев дал следующие разъяснения: «Этот вопрос слишком серьезен для того, чтобы, отвечая на него, пересказывать сталинские тезисы по памяти, здесь важна каждая формулировка. Поэтому я буду часто цитировать свои дневниковые записи тех лет, а также некоторые важные документы из моего личного архива.

Сталин, конечно же, придавал огромное значение победе китайской революции. В мае 1948 года, сразу же после того, как он показал мне телеграмму Мао Цзэдуна с просьбой о помощи, он заявил: «Мы, конечно, окажем новому Китаю всю возможную помощь. Если социализм победит и в Китае и наши страны пойдут одним путем, то победу социализма в мире можно считать обеспеченной. Нам не будут угрожать никакие случайности. Поэтому мы не можем жалеть сил и средств для помощи китайским коммунистам».

Такой подход он подтвердил спустя несколько дней, во время беседы, состоявшейся накануне моего отъезда в Китай. Помню, что на столе у него среди множества книг и бумаг лежал томик Ленина. Он полистал, нашел нужное и прочитал мне несколько фраз о роли китайской революции в деле победы социализма во всем мире.

Такая оценка Сталиным роли китайской революции, конечно же, ставила вопрос о том, как должно в общестратегическом и практическом плане строиться взаимодействие между двумя партиями в новых условиях. Много внимания обсуждению этого вопроса было уделено во время визита в Москву делегации во главе с Лю Шаоци в июле-августе 1949 года.

Тогда я вел подробные записи всего, что говорил Сталин, не только для себя лично, но и для предстоящих бесед с Мао Цзэ-

дуном. К тому времени я уже хорошо знал, что Мао никогда не бывает удовлетворен сведениями, исходящими из одного источника, будет перепроверять данные своих людей в разговорах со мной.

Сохранился у меня любопытный документ — 21 страница, плотно исписанная от руки. Когда на памятном заседании Политбюро 27 июля 1949 года Сталин разбирал письменный доклад Лю Шаоци, то Лю по-китайски, а я и Ши Чжэ — по-русски записывали его замечания и советы. Потом мы решили проверить друг друга, сопоставили свои записи, и выяснилось, что слушали мы одно и то же, а записали по-разному. Здесь я буду использовать свою версию того, что в этом и в других случаях говорил Сталин.

Прежде всего о том, как тогда Сталин оценивал значение китайской революции. Во время одного из приемов в честь Лю Шаоци Сталин провозгласил тост в честь победы китайской революции, за здоровье Мао Цзэдуна и других китайских руководителей. Затем он сказал: “Я никогда не любил льстецов, и, когда мне много льстят, я чувствую к этому отвращение. То, что я говорю об успехах китайских марксистов и о том, что советский народ и народы Европы должны учиться у вас, вовсе не означает, что я заискиваю перед вами или говорю вам комплименты.

Вследствие зазнайства лидеров революционного движения Западной Европы, после смерти Маркса и Энгельса, социал-демократическое движение на Западе стало отставать в своем развитии. Центр революции с Запада переместился на Восток, а сейчас он переместился в Китай и Восточную Азию.

Я говорю, что вы уже играете важную роль и вам, конечно, не следует зазнаваться. Но одновременно я утверждаю, что и ответственность, возложенная на вас, еще более возросла. Вы должны выполнить свой долг по отношению к революции в странах Восточной Азии.

Возможно, что в общих вопросах теории марксизма мы, советские люди, несколько сильнее вас. Однако, если говорить о применении марксистских принципов на практике, то вы обладаете таким большим опытом, что нам стоит поучиться у вас. В прошлом мы уже многому научились у вас.

Один народ должен учиться у другого. Пусть даже это очень маленький народ — у него всегда имеется много такого, чему нам стоит поучиться”...

(Приводимая И. В. Ковалевым речь Сталина в общем совпадает с версией китайского участника событий — Ши Чжэ — в той части, где советский лидер говорит о перемещении революционного центра в Азию, в Китай. Ши Чжэ при этом сообщает, что Сталин, имея в виду Китай и СССР, выразил надежду на то, что “младший брат превзойдет старшего брата”. В целом же И. В. Ковалев излагает выступление Сталина куда более подробно. Следует отметить, что Ши Чжэ указывает на то, что Сталин одновременно выразил сожаление в связи с тем, что мешал китайской революции, ибо недостаточно разобрался в происходившем. [173] “Нисколько не пытаюсь опровергнуть реальность этого сообщения, — отмечал С. Н. Гончаров, — можем лишь констатировать, что не можем подтвердить его достоверность — в личном архиве И. В. Ковалева подобных записей не сохранилось”. [174])

Разбирая представленный доклад Лю Шаоци, Сталин особо остановился на своем подходе к отношениям между партиями. Тогда в этом была особая необходимость, поскольку китайцы, опасаясь подозрений в том, что они “пошли по пути Тито”, заявили о том, что Компартия Китая будет следовать решениям ВКП(б).

(Сообщение об этом предложении КПК подтверждается сведениями, приводимыми в книге О. Владимирова [О. Б. Рахманина] — ответственного сотрудника ЦК КПСС, который имел доступ к архивам. [175] Так комментировал высказывания И. В. Ковалева С. Н. Гончаров. [176].)

В ответ на это Сталин сказал: “В своем докладе китайская делегация заявила, что КПК будет подчиняться решениям Компартии Советского Союза. Это кажется нам странным. Партия одного государства подчиняется партии другого государства. Такого никогда не было, и это непозволительно. Обе партии должны нести ответственность перед своими народами, взаимно совещаться по некоторым вопросам, взаимно помогать друг другу, а при возникших трудностях тесно спланиваться — это верно. Вот сегодняшнее заседание Политбюро с вашим участием явилось своего рода связью между партиями. Так и должно быть”...

Все, что говорит здесь Сталин, верно, не придерешься, но поступал-то он совсем иначе, пытался подчинить себе всех —

и Югославию, и партии других социалистических стран. Высказавшись о ведущей роли КПК в Восточной Азии, а также о принципах межпартийных отношений, Сталин не мог не конкретизировать свой подход к последней проблеме. Сделал он это, отвечая на вопрос Лю Шаоци о возможности вступления КПК в Коминформ. Приведу пространный отрывок из своих записей, ибо из него ясен подход Сталина не только к самому этому вопросу, но и его оценка характера китайской революции.

Итак, отвечая на вопрос, может ли КПК вступить в Коминформ, Сталин заявил: "Может. Но я полагаю, что не совсем нужно. Почему? Потому, что между положением стран новой демократии Восточной Европы и положением Китая существует коренное различие. Вследствие этого и проводимая политика в обоих случаях не должна быть одинаковой. На мой взгляд, два момента отличают Китай от стран Восточной Европы.

Первый момент. Китай долгое время находился под ярмом империализма, который, я полагаю, сейчас еще не отказался от угроз Китаю.

В настоящее время Китаю нужно прилагать колоссальные усилия, чтобы противостоять давлению со стороны империализма. В этом самая характерная особенность нынешнего положения Китая. Для стран новой демократии этот момент не характерен. Второй момент. Китайская буржуазия и буржуазия стран Восточной Европы не одно и то же. Буржуазия стран Восточной Европы опозорила себя тем, что в период фашистской оккупации сотрудничала с фашистами, а затем вместе с ними эвакуировалась. Вследствие этого пролетариат смог установить свою диктатуру и получил все основания для того, чтобы конфисковать предприятия, принадлежавшие буржуазии. После этого он быстро вступил на путь социализма.

Фактически в странах Восточной Европы существует не диктатура пролетариата, а народная демократия, парламент и отечественный фронт являются формами ее проявления.

Совершенно иное положение в Китае. Китайская буржуазия в период японской оккупации не капитулировала перед японцами и не эвакуировалась вместе с японцами. Когда китайский народ поднялся на борьбу с Америкой и Чан Кайши, она также не сотрудничала ни с американцами, ни с Чан Кайши. Поэтому у китайского революционного правительства не было оснований к

тому, чтобы выступить против национальной буржуазии и взять в свое управление ее предприятиями.

В Китае еще нельзя устанавливать революционную власть диктатуры пролетариата. Существующая сегодня в Китае революционная власть по существу является демократической диктатурой рабочих и крестьян, а единый национальный фронт, Политический консультативный совет являются формами проявления ее. Это коренным образом отличается от фактически существующей в странах Восточной Европы диктатуры пролетариата, выступающей в форме народной демократии, парламента и отечественного фронта.

Два вышеуказанных момента обуславливают собой возможность существования немалых различий между политикой, проводимой в Китае, и политикой, проводимой в странах Восточной Европы. Вследствие этого вступление КПК в Коминформбюро не соответствует моменту.

Обстановка в странах Восточной Азии имеет много общего с положением в Китае и допускает возможность организации союза компартий Восточной Азии. Это более необходимо и своевременно, чем вступление КПК в Коминформбюро.

Возможно, что сейчас еще преждевременно организовывать союз компартий Восточной Азии; поскольку СССР является страной, расположенной и в Европе, и в Азии, постольку он будет принимать участие в союзе компартий Восточной Азии”.

Китайские руководители были окрылены поддержкой и заявлениями Сталина о том, что центр революционного движения переместился с Запада на Восток, что китайские коммунисты должны стать во главе народов Восточной Азии и повести их за собой. В связи с этим Мао Цзэдун и Лю Шаоци вскоре занялись разработкой своеобразной стратегии и тактики революционного движения в странах Азии. Вместе с тем они практически проигнорировали предложение Сталина о создании азиатского Коминформа.

Все это проявилось во время подготовки и проведения конференции профсоюзов стран Азии в Пекине в ноябре 1949 года. Там с докладом выступил Лю Шаоци, который провозгласил китайский опыт революционной вооруженной борьбы универсальным для азиатских стран. С этим выступлением связан один эпизод, который воспроизвожу здесь по своим дневниковым записям.

Я получил текст доклада Лю Шаоци заранее и дней за 15 до конференции доложил его в шифровке Сталину. Ответа из Москвы до самой конференции так и не последовало, поэтому я на нее ходить не стал, а отправил туда одного из своих сотрудников.

Советские профсоюзы на конференции представлял секретарь ВЦСПС Соловьев. Прослушав доклад Лю Шаоци, Соловьев не поддержал основные его тезисы. Сталин, узнав об этом, прислал телеграмму, где назвал Соловьева “двурушником” и вообще резко осудил его. Этот вопрос обсуждался на совещании у Мао Цзэдуна, где Соловьев признал допущенную им ошибку. Мао после этого отправил Сталину письмо с просьбой не осуждать Соловьева, ибо он не причинил никакого вреда.

Хоть я и не обладаю документальной информацией, но мне кажется, что вряд ли Сталин поступил так, поскольку он был полностью согласен с докладом Лю Шаоци, скорее наоборот.

Он, наверное, просто не хотел портить отношения с Мао накануне предстоявших переговоров и, как и в случае с Гао Ганом, пожертвовал ради этого невинным человеком». [177]

(С. Н. Гончаров комментировал эти высказывания И. В. Ковалева следующим образом:

Соображения И. В. Ковалева о том, что Сталин отнюдь не был в восторге по поводу содержания речи Лю Шаоци, косвенно подтверждаются тем, что она была опубликована в «Правде» лишь 4 января 1950 года, более чем через месяц после ее произнесения, между тем важные речи китайских лидеров, содержание которых устраивало Сталина, появлялись в этой газете практически немедленно. Момент данной публикации также был выбран не случайно — она должна была продемонстрировать удовлетворение Сталина в связи с прорывом на переговорах с Мао, который был достигнут в ночь со 2 на 3 января 1950 г.

Кроме того, как сообщил известный историк-китаевед Ю. М. Гарушянц, по сведениям, полученным от советских специалистов, участвовавших в подготовке и проведении профсоюзной конференции в Пекине, после ознакомления с выступлением Лю Шаоци Сталин дал указание усилить изучение в СССР работы Ленина «Детская болезнь “левизны” в коммунизме». Возможно, это свидетельствует о том, что он рассматривал китайские теории как «левацкий уклон». [178])

Попутно необходимо отметить, что для Сталина «его люди» не представляли никакой ценности; если он считал это выгодным, если он находил в этом возможность «доказать» Мао Цзэду, что искренность и доверительность в их двусторонних отношениях он ставит превыше всего, что он, Сталин, безусловно поддерживает Мао Цзэдуна на посту высшего руководителя КПК и КНР, Сталин «выдавал» Мао Цзэдуну всех тех людей — советских и китайских, которые или как-то выступали против Мао Цзэдуна, или пытались настроить Сталина против Мао Цзэдуна. Этот прием Сталин использовал неоднократно, и он перестал быть необычным в отношениях Сталина и Мао Цзэдуна. Весьма характерно то, что Мао Цзэдун, в свою очередь, не следовал этому примеру Сталина, то есть не «выдавал» ему «своих людей».

В беседах с И. В. Ковалевым С. Н. Гончаров поставил также вопрос в связи с подходом Сталина к отношениям Китая с ведущими государствами Запада, прежде всего такими, как Соединенные Штаты Америки. При этом С. Н. Гончаров исходил, по его словам, из того, что в исторических трудах распространено мнение о том, что советский лидер очень опасался нормализации отношений между Новым Китаем и этими странами и потому стремился создать препятствия подобному развитию событий. Существуют два основных примера, которыми подтверждаются такие выводы.

В начале ноября 1948 года, вскоре после освобождения Шэньяня войсками НОА, новые коммунистические руководители города встретились с местным американским консулом Эгньюсом Вардом. В беседах Вард выражал заинтересованность в сотрудничестве и в усилении контактов с новыми властями, представители КПК также продемонстрировали аналогичную заинтересованность и выражали надежду на взаимные дружбу и помощь в дальнейшем. [179] Однако вскоре консульство США было блокировано войсками НОА, Вард был фактически изолирован от внешнего мира, что самым негативным образом сказалось на перспективах установления отношений с США. Некоторые специалисты полагают, что решение об изоляции Варда было принято под давлением со стороны СССР.

Второй случай относится к маю-июню 1949 года. После захвата силами НОА Нанкина советский посол Рошин покинул

бывшую гоминьдановскую столицу и последовал на юг, в Гуанчжоу, вслед за правительством Китайской Республики. Американский же посол Лейтон Стюарт остался в Нанкине для того, чтобы налаживать контакты с КПК. Ранее Стюарт был ректором Яньцзинского (Пекинского) университета, имел хорошие связи в стране. Стюарт провел ряд встреч с Хуан Хуа — начальником управления внешних сношений военной администрации Нанкина — и его бывшим студентом. В ходе переговоров Стюарт выразил пожелание провести свой день рождения в Пекине и встретиться там с руководителями КПК. На это было получено согласие Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, однако визит не состоялся, поскольку не был санкционирован Государственным департаментом США и президентом США. В это же время, в самом конце июня 1949 года, когда Мао Цзэдун опубликовал свою статью «О демократической диктатуре народа», в которой сформулировал курс на союз с СССР, власти КПК в Шэньяне предприняли дополнительные репрессивные меры против упоминавшегося 192-го генконсула США Варда. Американские разведывательные ведомства сообщали тогда, что подобное резкое изменение китайской позиции — от попыток завязать связи с США к враждебности к ним и однозначной ориентации на союз с Москвой — было вызвано тем, что в Пекин прибыл специальный представитель Сталина и оказал сильнейшее давление на Мао Цзэдуна. [180]

С. Н. Гончаров в этой связи и обратился к И. В. Ковалеву за разъяснениями, как к одному из немногих людей, которые обладали реальной информацией о позиции и роли нашей страны во всех этих событиях.

Отвечая на поставленные вопросы, И. В. Ковалев заявил:

«Эти вопросы не только сложные, но еще и очень деликатные, острые. Тогда мы считали американский империализм своим главным противником и никаких вопросов здесь для нас не было. Я не принадлежу к тем людям, которые стремятся исторические факты подгонять под современные взгляды, и потому постараюсь изложить все как было на самом деле. В этой проблеме нужно выделить две части — общая позиция Сталина в отношении связей китайских коммунистов с США и другими капиталистическими странами и два конкретных эпизода, о которых вы упомянули.

В моем дневнике сохранилась запись, имеющая непосредственное отношение к заданному вопросу. Выглядит она так:

“15 марта 49 г.

Ответ тов. Ф(илиппова) министру экономики Маньчжурии Чэнь Юню.

Передайте т. Чэнь, что мы, русские коммунисты, стоим за то, чтобы китайские коммунисты не отталкивали от себя национальную буржуазию, а привлекали к сотрудничеству как силу, способную помочь 193 в борьбе с империалистами. Поэтому советуем поощрять торговую деятельность национальной буржуазии как внутри Китая, так и вовне. Скажем, торговлю с Гонконгом или с другими иностранными капиталистами.

Китайские коммунисты должны сами решить, какие товары покупать и какие продавать”.

Такой линии на одобрение торговли Китая с капиталистическими государствами Сталин придерживался и в дальнейшем. Его отношение к политическим контактам между КПК и этими странами было более сложным. Так, в телеграмме, присланной им Мао Цзэдуну в апреле 1949 года, он писал:

“...Мы считаем, что демократическому правительству Китая не следует отказываться от установления официальных отношений с некоторыми капиталистическими государствами, включая США, если эти государства официально откажутся от военной, хозяйственной и политической поддержки чанкайшистского гоминьдановского правительства. Это условие необходимо по следующим мотивам:

В настоящее время политика США направлена на раздробление Китая на Южный, Средний и Северный, с тремя правительствами. При этом США поддерживают Южное и Среднее правительства Гоминьдана — как видно, не прочь поддержать и Северо-Восточное демократическое правительство с тем, чтобы эти правительства дрались между собой и ослабляли друг друга, а США могли бы извлечь из этого пользу. Поэтому, если вы хотите иметь единый Китай во главе с коммунистами, нужно установить официальные отношения только с теми капиталистическими правительствами, которые официально откажутся от поддержки Кантонской и Нанкинской группировок.

Мы считаем, что не следует отказываться от иностранного займа и от торговли с капиталистическими странами при определенных условиях. Все дело в том, чтобы условия займа и торговли не налагали таких экономических и финансовых условий на Китай, которые могли быть использованы для ограничения национального суверенитета демократического государства и для удушения национальной промышленности”...

Еще более четко Сталин высказался на этот счет во время заседания Политбюро 27 июля 1949 года, когда комментировал доклад Лю Шаоци: “Вы не должны беспокоиться о получении признания со стороны империалистических государств, тем более по поводу того, как они к вам относятся. У вас есть хорошая линия поведения — торговля с империалистическими странами. У них уже начался экономический кризис. Я полагаю, это ускорит признание. А сейчас с ними надо торговать”... Все эти мысли совпадали с уже упоминавшимся высказыванием Сталина о том, что основная задача Китая — противостояние империализму.

Такое, мягко говоря, не самое позитивное отношение Сталина к установлению дипломатических отношений между Китаем и империалистическими державами определяло и мой подход к этому вопросу. Не буду скрывать, любые шаги КПК в этом направлении вызывали обостренную реакцию. Это и понятно — ведь в разгаре была “холодная война”. В качестве примера нашего тогдашнего отношения к этой проблеме могу привести свой доклад, который я представил Сталину в декабре 1949 года, после того, как приехал вместе с Мао в Москву. В разделе двенадцатом, посвященном проблемам внешней политики, сообщалось:

“Вы (то есть И. В. Сталин) советовали, что новому правительству не следует отказываться от установления дипломатических отношений с капиталистическими государствами, включая Америку, если эти государства официально откажутся от военной, экономической и политической поддержки Чан Кайши, гоминьдановского режима в целом.

Между тем, несмотря на то, что Англия и Америка активно поддерживали и поддерживают Чан Кайши, руководство ЦК КПК до ноября 1949 г. было заражено иллюзиями быстрого признания этими странами Народной Республики Китай.

Как отражение этих настроений Лю Шаоци и Ли Лисань высказались против участия в конференции профсоюзов азиатских стран Японии, Индии и др., подвластных или связанных с англо-американским блоком, для того чтобы не вызвать раздражения со стороны Америки и Англии...

В плане таких же настроений находится и отрицательное отношение Чжоу Энляя к посылке групп советских специалистов в Шанхай и Тяньцзинь, поскольку в этих пунктах сосредоточены большие экономические интересы Америки и Англии.

Подобные настроения являются результатом давления на ЦК со стороны буржуазных демократов и других капиталистических элементов внутри страны, которые желали и желают скорейшего признания Америкой и Англией нового Китая для того, чтобы, опираясь на империалистические государства, китайская буржуазия могла предотвратить дальнейшую демократизацию Китая и не допустить укрепления и расширения дружбы между Китаем и Советским Союзом”...

Опасения такого рода возникали и позднее, уже во время пребывания Мао в Москве. У меня было устойчивое впечатление о том, что китайцы особенно озабочены вопросом о признании со стороны США, что они рассчитывают на скорое признание. В январе 1950 года в беседе со мной Мао Цзэдун заявил, что допустить дипломатические миссии в Китай они хотели бы лишь после заключения с Советскими Союзом Договора о дружбе, военно-экономическом и политическом союзе, о кредите, о торговле и других.

“Опираясь на договоры с Советским Союзом, мы могли бы, — заявил Мао, — немедленно приступить к пересмотру и аннулированию неравноправных договоров, заключенных чанкайшистским правительством с империалистическими странами”.

О содержании этой беседы я доложил Сталину. По моему мнению, Мао в этой беседе торопил Советский Союз отказаться от всех своих интересов в Китае и в зависимости от этого ставил вопрос о пересмотре и аннулировании неравноправных договоров, заключенных чанкайшистским правительством с империалистическими странами. Он уклонялся от предъявления США условий отказа от поддержки Гоминьдана и режима Чан Кайши, высказанных в советах Сталина.

Таким вот был наш общий подход к этой проблеме. Теперь — о конкретных вопросах. Сначала — об изоляции американского консула в Шэньяне.

Еще перед освобождением этого города встал вопрос о том, как быть с иностранными консульствами, в частности с американским. Китайцы обратились ко мне за советом. По моим сведениям, консульство располагало мощной радиостанцией, там находился американско-чанкайшистский разведцентр, за его стенами отсиживались непосредственно участвовавшие в боях с НОА военные советники. Никаких официальных указаний или специальных установок на сей счет я не имел и потому выразил свое личное мнение. Я посоветовал: генеральное консульство США в Мукдене блокировать и его сотрудников не выпускать. Всем другим консульским работникам жестко ограничить право выезда, а при выездах установить сопровождение. Если у китайских товарищей есть уверенность в том, что в ряде мест имеются и продолжают работать радиостанции, произвести их изъятие.

После этого Мао Цзэдун отправил телеграмму Сталину, спрашивая совета о том, как быть с американским генконсульством. Мао писал, что товарищ Ковалев советовал изолировать консульство от внешнего мира и отобрать радиостанцию, но мы не решились. Особенно его волновал вопрос о конфискации радиостанции — ведь для этого пришлось бы вступить на территорию консульства. [Просим Ваших указаний, как нам поступить], — так заканчивалась телеграмма. Сталин попросил рассказать эпизод в подробностях, а когда я закончил, то спросил, по какой причине я посоветовал изолировать только консульство, но не радиостанцию. Я ответил: “Заметил у китайских товарищей занятную тенденцию — они не хотят ссориться с американцами, хотят, чтобы ссорились мы. Лично я на их месте поступил бы с консульством в Мукдене так, как поступают на войне с вражеским штабом. Но советовать этого китайцам не хотел, они ж потом сошлются на мой совет”.

Сталин рассмеялся и одобрил мою позицию. На телеграмму Мао он отвечать не стал.

Вообще у нас складывалось впечатление, что китайцы слишком уж деликатно действуют в отношении американцев. Вызывало, например, удивление то, что они не предприняли никаких

шагов по изгнанию военного флота США из порта Циндао. Китайцы делали вид, что не замечают присутствия в их территориальных водах и на китайской земле американского флота и их баз.

Теперь о контактах Лейтона Стюарта с китайскими представителями. Здесь хотел бы прежде всего подчеркнуть, что с Мао Цзэдуном у нас были доверительные отношения, мы с ним обсуждали самые острые вопросы вполне откровенно, и своих подходов к установлению отношений с капиталистическими странами он от меня не скрывал. У меня сохранилась ученическая тетрадь, в которой я законспектировал содержание беседы с Мао 24 апреля 1949 года — сразу же после того, как НОА форсировала Янцзы. Мао тогда, в частности, сказал следующее:

“Американцы сократили охрану посольства в Нанкине с 40 человек до 6. Вообще Америка за последнее время стала вести себя осторожно. Англия еще не имела с Компартией соприкосновения и потому допускает глупости.

Послы не уехали из Нанкина для того, чтобы установить контакты с Компартией, так как у них в Нанкине и в Шанхае главные интересы”.

Из этих слов вполне понятно, что и КПК была совсем не против того, чтобы пойти на контакты с Америкой. Помню, что еще в середине апреля 1949 года, незадолго до начала операции по форсированию Янцзыцзяна, ко мне пришел Чжоу Эньлай и рассказал, что американский посол Лейтон Стюарт стремится связать КПК с американскими коммерсантами с чисто деловыми целями. По крайней мере так обставляет свою деятельность. Стоит ли Центральному Комитету пойти на такие контакты?

Я уже тогда привык к тому, что самые щекотливые вопросы Мао зондирует через Чжоу Эньлая. Несомненным было для меня и то, что и на сей раз Чжоу Эньлай пришел ко мне не сам по себе, а по поручению Мао. И второе я тоже знал: Стюарт к тому времени уже имел связи с ЦК КПК. Так что вопрос о деле был задан уже после того, как дело было уже сделано — хотя бы частично. И третье, что мне было известно: Стюарт был самый подходящий человек для установления таких контактов: долго жил в Китае, был ректором Пекинского университета, имел широкие связи во всех кругах китайского общества. Да и собственная его позиция в отношении коммунистического Китая, пожалуй, отличалась от официальной правительственной.

С другой стороны, Мао Цзэдун не мог, да и не хотел нарушать дружеские отношения с СССР ради проблематичных отношений с Америкой, памятуя, что если Америка что-то дает, то взамен требует вдвое. Эта двойственная ситуация и привела ко мне Чжоу Эньлая.

Дело ваше внутреннее, ответил я, но у меня есть к вам несколько вопросов. А именно: как руководство КПК расценивает попытки США спасти режим Чан Кайши и расчленить Китай на несколько Китаев? Как ваши с ним контакты соотносить с подготовкой последнего удара по войскам Чан Кайши? Что ожидает КПК от встречи с американскими коммерсантами в условиях продолжающейся вооруженной борьбы с чанкайшистами? Может, американцы субсидируют вашу борьбу?

Чжоу вздохнул, развел руками и перевел разговор на другую тему. Но несколько дней спустя, видимо понукаемый Мао Цзэдуном, опять пришел с теми же вопросами, и опять я ответил ему то же. Уже после форсирования Янцзы и вступления войск НОА в Нанкин я узнал, что там встретились и побеседовали Стюарт и доверенный человек Мао Цзэдуна (если память не изменяет — Хуан Хуа).

Вот так было дело. Что же касается приезда какого-то специального советского представителя, который якобы прибыл с целью оказания давления на Мао, то мне об этом ничего не известно — а я информирован обо всех наших мероприятиях в Китае». [181]

В целом представляется, что отношения Сталина и Мао Цзэдуна находились в 1948–1950 годах в состоянии перехода от главным образом межпартийных связей, подкрепляемых в ряде случаев определенными контактами между государственными учреждениями обеих сторон, к прежде всего по форме межгосударственным отношениям. При этом И. В. Ковалев как уполномоченный Сталина, занимавший в свое время в правительстве СССР пост народного комиссара путей сообщения, то есть выступавший в качестве чиновника министерского уровня, был тогда подходящим передаточным звеном в отношениях Сталина и Мао Цзэдуна. Тем более что он был прекрасным специалистом, с помощью которого решались важнейшие военно-стратегические задачи переброски войск Мао Цзэдуна по территории континентального Китая, чем обеспечивались реальные

победы Мао Цзэдуна в войне против Чан Кайши. В то же время он не был китаеведом, не владел китайским языком, не был способен вести беседы с китайцами без переводчика. Судя по воспоминаниям И. В. Ковалева, он не сумел проникнуть в глубину позиции Мао Цзэдуна. Он, скорее, был просто связным между Сталиным и Мао Цзэдуном, хотя и обладал важной информацией.

Время побед в гражданской войне в Китае оказалось сложным периодом, когда и Сталин, и Мао Цзэдун проявляли сугубую осторожность, ибо их связи начинали выходить и на уровень официальных двусторонних межгосударственных отношений и вызывать реакцию на мировой арене.

А. И. МИКОЯН — «ГОЛОС И УХО СТАЛИНА» И МАО ЦЗЭДУН

Когда завершилась Вторая мировая война, сначала на Западе, а потом и на Востоке, Сталин мог испытывать удовлетворение по крайней мере официальным состоянием двусторонних отношений с Китаем. Ему удалось побудить и вынудить президентов США Ф. Рузвельта, а затем и Г. Трумена заставить руководителя Китайской Республики Чан Кайши пойти на подписание с Советским Союзом договора о дружбе и союзе. Благодаря этому Сталин обеспечивал на годы по крайней мере формальное состояние мира на своем восточном фланге, а также фактически получал возможность выстроить защитный пояс вдоль границ Советского Союза с Китаем, включая благоприятное, с точки зрения России, решение вопроса о Монголии, которая становилась общепризнанным в мире, в том числе и Китайской Республикой, отдельным и самостоятельным государством, представлявшим собой своего рода буфер между Россией и Китаем. Одним словом, Сталин мог быть доволен существованием договора с Китаем, с Китайской Республикой, и в общем и целом состоянием двусторонних межгосударственных отношений с ней.

Однако очень скоро ситуация начала стремительно меняться. Не говоря уже о том, что иным стал характер отношений между СССР и США, превратившись из союзнических во время Второй мировой войны в отношения противостояния, «холодной войны», что, конечно же, отразилось и на степени надежности советско-китайского договора и предвещало трудную борьбу за сохранение приемлемых отношений с Китайской Республикой, внутри Китая уже в 1946 году вспыхнула широкомасштабная внутренняя

война между войсками центрального правительства Китайской Республики и армией Коммунистической партии Китая.

В ходе этой внутренней войны Чан Кайши имел поначалу некоторые успехи; его войска даже вынудили Мао Цзэдуна покинуть его многолетний опорный пункт в горах на севере страны, город Яньань. Затем положение изменилось. Уже в 1947 году становилось все более ясно, что Чан Кайши потерпит поражение в войне на континенте Китая, а Мао Цзэдун победит и создаст свое государство.

Перед Сталиным встала задача очень сложная по своему дипломатическому характеру. Он, конечно же, продолжал не только поддерживать секретные связи с Мао Цзэдуном и Компартией Китая, но и оказывал ей, особенно ее вооруженным силам, весьма существенную помощь. В то же время Сталин стремился сохранять по мере возможности определенные межгосударственные связи с правительством Китайской Республики, с Чан Кайши. При этом Сталин был весьма озабочен тем, чтобы ничто не осложнило его и без того непростые отношения с США.

И все же в ходе внутренней войны в Китае, по мере приближения развязки, победы вооруженных сил Коммунистической партии Китая, все более настойчиво заявляла о себе необходимость приступить к строительству новых отношений с Коммунистической партией Китая, имея в виду, что она и ее руководители, прежде всего Мао Цзэдун, выйдут на мировую арену не только в качестве одного из самых могущественных, по крайней мере потенциально, государств, но и как сильный сосед Советского Союза.

Одним словом, возникала необходимость менять характер двусторонних отношений с политическими силами внутри Китая, по крайней мере на первых порах их формы, то есть постепенно прощаться с Чан Кайши как с главным партнером в Китае и знакомиться с новым основным китайским партнером, то есть с Мао Цзэдуном.

Сталин понимал неизбежность новых шагов в этом направлении, но он был при этом предельно осторожен и нетороплив.

Необходимость новых отношений со Сталиным осознавал и Мао Цзэдун. При этом он был заинтересован в том, чтобы получить от Сталина максимально возможную помощь как воо-

ружением, так и вообще материальную помощь и в то же время заставить Сталина пойти на такие шаги, которые разрушали бы отношения Сталина с Чан Кайши, с Китайской Республикой, обостряли бы отношения Сталина и СССР не только с Чан Кайши и Китайской Республикой, но и с США и их союзниками. Мао Цзэдун был намерен заново строить все здание межгосударственных, да и межпартийных, отношений с СССР и КПСС. В частности, с его точки зрения, предстояло искать и определять новые основы связей между сторонами, а следовательно, вырабатывать и заключать новый договор между ними взамен старого, подписанного представителями СССР и Китайской Республики в 1945 году. Сталин же был бы удовлетворен и простым подтверждением того факта, что прежний договор сохраняет свою силу. Или, во всяком случае, Сталин желал получить вместо старого договора точно такой же новый и сохранить в этом плане характер отношений между партнерами.

В 1947 году Мао Цзэдун поставил перед Сталиным вопрос о личной встрече, выразив желание прибыть в СССР. Он предполагал добраться на автомашине до советско-китайской границы, откуда выехать в Москву.

Вообще говоря, Сталин, понимая, что в конечном счете такая встреча может стать неизбежной, не доверял Мао Цзэдуну, полагал, что тот предпримет меры с целью доведения до сведения и Чан Кайши, и американцев, что такая встреча со Сталиным состоялась. В то же время Сталин уже не мог прямо отказаться от предложения Мао Цзэдуна, хотя это, с его точки зрения, было предпочтительнее. Мао Цзэдун спешил создавать более выгодные для себя условия и в двусторонних отношениях, и на мировой арене, а Сталин предпочитал как можно дольше оттягивать момент личной встречи с Мао Цзэдуну.

Отвечая на предложение Мао Цзэдуна, Сталин 15 июня 1947 года писал своему фактическому представителю тогда при Мао Цзэдуне и одновременно личному врачу Мао Цзэдуна советскому медику А. Я. Орлову: «Передайте Мао Цзэдуну, что ЦК ВКП(б) считает желательным его приезд в Москву без каких-либо разглашений. Если Мао Цзэдун также считает это нужным, то нам представляется, что это лучше сделать через Харбин. Если нужно будет, то пошлем самолет. Телеграфуйте результаты беседы с Мао Цзэдуну и его пожелания». [182]

Очевидно, Сталин продолжал с различных сторон оценивать возможные последствия своей личной встречи с Мао Цзэдуном. Ведь это была бы встреча с лидером вооруженной оппозиции, что могло бы серьезно осложнить отношения с государством, с которым у СССР существовали дипломатические отношения, то есть с Китайской Республикой. Сталин, вероятно, все-таки не верил в то, что его возможная встреча с Мао Цзэдуном останется тайной; Сталин предполагал, что сами китайские коммунисты намеренно сделают тайное явным, так как это было в их интересах. Возможно, именно в этой связи спустя пятнадцать дней Сталин направил А. Я. Орлову следующую телеграмму: «В виду предстоящих [военных] операций и в виду того, что отсутствие Мао Цзэдуна может плохо отразиться на операциях, мы считаем целесообразным временно отложить поездку Мао Цзэдуна». [183]

Переписка Сталина и Мао Цзэдуна продолжалась. Было условлено, что Мао Цзэдун отправится в Москву в середине июля 1948 года. Мао Цзэдун решил поторопиться. 26 апреля 1948 года он уведомил Сталина: «Я решил раньше срока отправиться в путь в СССР. Намечено выехать в первых числах из уезда Фоупин (100 километров севернее [г.] Шицзячжуана) пров. Хэбэй и под прикрытием войск перейти железную дорогу Бэйпин — Калган... Возможно, в первых числах или середине июня можно прибыть в Харбин. Затем из Харбина — к Вам. ...Я буду советоваться и просить указаний у товарищей из ЦК ВКП(б) по политическим, военным, экономическим и другим важным вопросам. ...Помимо этого, если будет возможность, то хотелось бы проехать в страны Восточной, Юго-Восточной Европы, где изучить работу народного фронта и другие виды работы». Вместе с собой Мао Цзэдун собирался взять членов Политбюро ЦК КПК Жэнь Биши и Чэнь Юня, а также двух секретарей и несколько других работников-шифровальщиков, радистов. «Если Вы согласны с намеченным планом, то будем действовать по нему. Если Вы не согласны с ним, тогда остается выход один — ехать одному». [184]

29 апреля 1948 года Сталин ответил: «Ваше письмо от 26 апреля получено. Можете взять, кого Вы считаете и сколько считаете нужным. Оба русских врача должны выехать вместе с Вами. С оставлением одной радиостанции в Харбине согласны. Об остальном поговорим при встрече». [185]

Спустя пятнадцать дней Сталин вновь останавливает Мао Цзэдуна: «В связи с возможным развитием событий в районах Вашего пребывания и, в частности, с начавшимся наступлением войск Фу Цзои (один из генералов армии Китайской Республики. — Ю. Г.) на Юйсянь, т. е. в направлении тех районов, через которые Вы намерены следовать к нам, нас беспокоит, не отразится ли Ваше отсутствие на ходе событий, а также насколько безопасен Ваш переезд.

Исходя из этого, не следует ли Вам несколько отложить поездку к нам. В случае, если Вы решите свой выезд не откладывать... просим сообщить, куда выслать самолет, и когда. Ждем Вашего ответа». [186] Мао Цзэдун ответил тут же, 10 мая: «Тов. Сталин. Сегодня получил Ваше письмо. Весьма благодарен Вам. При настоящем положении, целесообразно на короткое время отложить мою поездку к Вам. ...Нуждаюсь в отдыхе на короткое время, после чего могу лететь на самолете. Место аэродрома и порта сообщу после выяснения». [187]

Борьба по вопросу о поездке продолжалась. Мао Цзэдун настаивал на выезде в СССР и 4 июля 1948 года писал Сталину: «Состояние моего здоровья, по сравнению с двумя месяцами тому назад, значительно лучше. Я решил в ближайшее время поехать к Вам. Есть три пути следования к Вам: воздухом, морем и по суше. Но во всех случаях мы должны проехать через Харбин, так как мне нужно поговорить с рядом ответственных товарищей из Маньчжурии... Надеемся, что самолет около 25 числа сего месяца прилетит в Вэйсянь... Если решите перевезти нас морским путем, то надеемся, что судно в конце этого месяца придет в назначенный порт... Если же воздушный и морской пути невозможны для перевозки нас, то мы все равно выезжаем около 15 числа этого месяца на север». Мао Цзэдун сообщил, что вместе с ним выезжают 20 человек, и просил, в случае поездки воздухом, прислать два самолета. [188]

Сталин ответил 14 июля следующим сообщением: «ТЕРЕБИНУ. (Теребин — подлинная фамилия А. Я. Орлова. — Ю. Г.) Передайте Мао Цзэдуну следующее: «В виду начавшихся хлебозаготовок, руководящие товарищи с августа месяца разъезжаются на места, где они пробудут до ноября месяца. Поэтому ЦК ВКП(б) просит тов. Мао Цзэдуна приурочить свой приезд в

Москву к концу ноября, чтобы иметь возможность повидаться со всеми руководящими товарищами»». [189]

В своей телеграмме в Москву 14 июля 1948 года А. Я. Орлов писал, что Мао Цзэдун просил передать следующий ответ: «Тов. Сталин. Согласен с Вашим мнением, изложенным в телеграмме от 14 июля. Отложим поездку к Вам до конца октября — начала ноября». [190] Докладывая о содержании и своих впечатлениях от разговора с Мао Цзэдуном, состоявшегося во время передачи ему упомянутой телеграммы Сталина, А. Я. Орлов отмечал, что Мао Цзэдун не принял всерьез ссылок на занятость советских руководителей хлебозаготовками. «Неужели, — сказал он, — в СССР придают такое большое значение хлебозаготовкам, что на них выезжают руководящие лица ЦК партии?» А. Я. Орлов добавлял: «Насколько я знаю Мао Цзэдуна, более шести лет, его улыбка и слова “хао, хао — хорошо, хорошо” в то время, когда он слушал перевод, отнюдь не означали, что он доволен телеграммой. Это достаточно ясно было видно. По моему личному убеждению, Мао Цзэдун считал, что в худшем случае ему будет отказано в присылке самолета или судна. Но даже это было для него маловероятно, тем более что самолет был предложен из Москвы. Он был уверен, что именно сейчас он поедет. Видимо, поездка для него самого стала нужной. С большим нетерпением ждал он ответа... Чемоданы Мао Цзэдуна упаковывались, даже были куплены кожаные туфли (он, как и все здесь, ходит в матерчатых тапочках), сшито драповое пальто. Вопрос не только о самой поездке, но и о сроке им был уже решен. Оставалось только, каким путем ехать. Он сейчас внешне спокоен, вежлив и внимателен, чисто по-китайски любезен. Истинную же душу его трудно видеть. Жэнь Биши производит впечатление, что он не ожидал отсрочки поездки. Мельников (второй советский врач при Мао Цзэдуне; работник из ведомства Л. П. Берия. — Ю. Г.) мне говорил, что 15 июля Мао Цзэдун задал ему аналогичный вопрос о хлебозаготовках». [191]

28 августа 1948 года А. Я. Орлов сообщил Сталину о беседе с Мао Цзэдуном, в ходе которой руководитель КПК перечислил вопросы, которые ему хотелось бы обсудить со Сталиным:

«Мао Цзэдун говорил, что если в 1947 году он не спешил с поездкой в Москву, то сейчас в 1948 году обстановка изменилась и он хочет поскорее поехать в Москву. О многом хочет по-

говорить там, по некоторым вопросам попросить совета, по некоторым — помощи, в пределах возможного.

Вопросы, по которым Мао Цзэдун намерен говорить в Москве, суть:

1. Об отношениях с малыми демократическими партиями и группами (и демократическими деятелями).

О созыве Политического консультативного совета.

2. Об объединении революционных сил Востока и о связи между коммунистическими партиями Востока (и другими).

3. О стратегическом плане борьбы против США и Чан Кайши.

4. О восстановлении и создании промышленности в Китае, в том числе (и в особенности) военной, горнодобывающей, путей сообщения — железных и шоссейных дорог. Сказать там, в чем мы (КПК) нуждаемся.

5. О серебряном займе в сумме 30 миллионов американских долларов.

6. О политике (линии) в отношении установления дипломатических отношений с Англией и Францией.

7. По ряду других важных вопросов.

Подытоживая сказанное, Мао Цзэдун подчеркнул: «Надо договориться о том, чтобы наш политический курс полностью совпадал с СССР»». [192]

В телеграмме в Москву от 28 сентября 1948 года Мао Цзэдун писал: «По ряду вопросов необходимо лично доложить ЦК ВКП(б) и главному хозяину. [Чтобы] получить указания, я намерен приехать в Москву согласно времени, указанному в предыдущей телеграмме. Сейчас пока в общих чертах докладыывая изложенное выше, прошу Вас передать это в ЦК ВКП(б) и товарищу главному хозяину. Искренне надеюсь, что они дадут нам указания». [193]

В телеграмме, посланной 21 ноября 1948 года, Мао Цзэдун, сославшись на небольшое заболевание, а также на занятость вопросами, связанными с операциями на фронтах войны, попросил перенести время своего приезда в Москву на конец декабря 1948 года. [194]

14 января 1949 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение вновь отложить приезд Мао Цзэдуна в Москву и вместо этого направить в Китай члена Политбюро ЦК ВКП(б), заместителя председателя Совета Министров СССР А. И. Микояна.

А. И. Микоян должен был посетить Мао Цзэдуна в качестве полномочного представителя Сталина, имея своей главной задачей выслушать соображения Мао Цзэдуна с тем, чтобы по возвращении в Москву доложить о них Сталину.

А. И. Микоян 22 сентября 1960 года представил в Президиум ЦК КПСС Записку о своей поездке в Китай. Ниже приводится полный текст этого документа, цитируемого по публикации А. М. Ледовского [195]:

**Записка А. И. Микояна в Президиум ЦК КПСС
о поездке в Китай в январе-феврале 1949 г.
Подлежит возврату**

Разослано членам Президиума в ЦК КПСС
ЦК КПСС и кандидатам в члены (Общий отдел, 1-й сектор)
Президиума ЦК КПСС № П2375
Сов. Секретно
ОСОБАЯ ПАПКА
ЦК КПСС

В связи с выявившимися расхождениями между компартией Китая и компартиями других стран и предстоящим обсуждением этих вопросов, считаю необходимым разослать членам Президиума и кандидатам в члены Президиума ЦК в целях ознакомления текст сообщений, переданных мною в январе-феврале 1949 г. во время поездки в Китай, а также указаний ЦК, посылавшихся мне в тот же период.

Сообщения эти передавались шифром из Сибайпо, где тогда находились Революционный комитет (такого органа не существовало. — А. М. Ледовский; имелся, однако, революционный военный совет народа Китая. — Ю. Г.) и ЦК Компартии Китая, и приводятся без каких-либо изменений или дополнений, в точной копии. При Мао Цзэдуна были тогда два советских армейских врача — Теребин (погиб впоследствии при аварии самолета в Советском Союзе) и Мельников, лечившие Мао Цзэдуна и его семью. Они имели радиостанцию и выполняли функции связи.

Считаю также необходимым коснуться некоторых обстоятельств, относящихся к моей поездке, и хода переговоров.

В 1947–1948 годах происходил обмен мнениями между нашим ЦК и Мао Цзэдуном о его приезде в Москву. В Москве он ни разу не был, и приглашение с нашей стороны было ему передано еще в июне 1947 года, выражалась готовность принять его для обсуждения вопросов китайской революции, проблем, которые встанут перед КПК после военной победы, в том числе и советско-китайских вопросов.

Однако сроки поездки неоднократно оттягивались из-за трудностей в средствах сообщения в связи с отдаленностью мест пребывания Мао Цзэдуна, из-за его болезни, осложнений в боевых действиях китайской революционной армии и по другим причинам.

К концу 1948 года боевые действия китайских коммунистов развивались быстрыми темпами и в благоприятном направлении. В Северном Китае шли решающие бои. Китайская революционная армия, получившая оружие японской Квантунской семисоттысячной армии, которое было нами полностью передано Китаю, двигалась к центру Китая в направлении Пекина.

14 января 1949 года на заседании Политбюро ЦК при обсуждении ответа Мао Цзэдуну на запрос о времени его приезда Сталин высказал соображение о том, что приезд Мао Цзэдуна в данное время вряд ли целесообразен. Он находился в то время в роли партизанского руководителя, и хотя намечался его приезд инкогнито, но скрыть поездку было невозможно, сведения об его отъезде из Китая наверняка бы просочились. Поездка его, без сомнения, была бы истолкована на Западе как посещение Москвы для получения инструкций от компартии Советского Союза, а сам он назван московским агентом. Это нанесло бы ущерб престижу КПК и было бы разыграно империалистами и кликой Чан Кайши против китайских коммунистов.

Между тем, вскоре могло быть образовано официальное революционное правительство Китая, которое мог возглавить Мао Цзэдун. Тогда он получал уже возможность поездки не инкогнито, а официально в качестве главы правительства Китая и в целях переговоров с соседним государством. Это, наоборот, повысило бы престиж и авторитет китайского революционного правительства и приобрело бы большое международное значение.

Хотя такая отсрочка визита Мао Цзэдуна в СССР оттягивала обсуждение назревших вопросов, но эту отрицательную сторону можно было устранить командированием в Китай одного из членов Политбюро нашего ЦК.

В то время все было уже подготовлено к приезду Мао Цзэдуна. Политбюро, обсудив этот вопрос, одобрило предложения Сталина, и он тут же продиктовал телеграмму Мао Цзэдуну, в которой говорилось:

«Мы все же настаиваем, чтобы Вы отложили временно Вашу поездку в Москву, так как Ваше пребывание в Китае очень необходимо в настоящее время. Если хотите, мы можем немедленно послать к Вам ответственного члена Политбюро в Харбин или в другое место для переговоров по интересующим нас вопросам».

Мао Цзэдун сообщил на это, что он решил временно отложить поездку в Москву и что они приветствуют направление члена Политбюро в Китай, высказав одновременно пожелание, чтобы его приезд состоялся в конце января или в начале февраля и не в Харбин, а к месту их нахождения.

Сталин предложил поехать в Китай мне.

Чтобы иметь минимум трудностей в переговорах в Китае и быть лучше подготовленным, исключить лишние запросы Москвы, я набросал список возможных вопросов, которые китайцы могут поставить перед нами, обдумал возможные ответы и обсудил их со Сталиным и другими членами Политбюро.

К этому времени выявились два вопроса, которые были дискуссионными и к которым проявился различный подход — нашего ЦК и ЦК КПК.

I. О несогласии нашего ЦК с точкой зрения КПК, считавшей, что после победы китайской революции все партии, кроме КПК, должны уйти с политической арены. В телеграмме Мао Цзэдуна от 30 ноября 1947 года говорилось: «В период окончательной победы китайской революции, по примеру СССР и Югославии, все политические партии, кроме КПК, должны будут уйти с политической арены, что значительно укрепит китайскую революцию».

В ответной телеграмме нашего ЦК, подписанной Сталиным 20 апреля 1948 года, по этому поводу, в частности, было сказа-

но: «Мы с этим не согласны. Думаем, что различные оппозиционные политические партии в Китае, представляющие средние слои китайского населения и стоящие против гоминьдановской клики, будут еще долго жить и киткомпартия вынуждена будет привлечь их к сотрудничеству против китайской реакции и империалистических держав, сохранив за собой гегемонию, то есть руководящее положение. Возможно, что некоторых представителей этих партий придется ввести в китайское народно-демократическое правительство, а само правительство объявить коалиционным, чтобы тем самым расширить базу этого правительства в населении и изолировать империалистов и их гоминьдановскую агентуру».

Как известно, в связи с этим советом КПК изменила свою политику в отношении буржуазных партий.

II. Об отношении к предложению нанкинского правительства Советскому правительству принять на себя посредничество между нанкинским правительством и КПК о прекращении войны и заключении мира.

9 января 1949 года была получена нота нанкинского правительства, которое предложило правительству СССР (а также правительствам Франции, Англии и США) принять на себя посредничество между нанкинским правительством и КПК о прекращении войны и заключении мира.

В телеграмме Мао Цзэдуну наш ЦК сообщал:

«Мы думаем ответить таким образом: Советское правительство всегда стояло и продолжает стоять за прекращение войны и установление мира в Китае, но раньше, чем дать свое согласие на посредничество, оно хотело бы знать, согласна ли другая сторона — китайская компартия, принять посредничество СССР. Мы думаем так ответить и просим сообщить, согласны ли Вы на это. Если не согласны, подскажите нам более целесообразный ответ.

Мы думаем также, что Ваш ответ, если Вас попросят, должен быть примерно таким: китайская компартия всегда высказывалась за мир в Китае, ибо гражданскую войну в Китае начала не она, а нанкинское правительство, которое и должно нести ответственность за последствия войны. Китайская компартия стоит за переговоры с Гоминьданом, однако без участия тех военных преступников, которые развязали гражданскую войну в Китае. Ки-

тайская компартия стоит за непосредственные переговоры с Гоминьданом без каких-либо иностранных посредников».

К этой телеграмме от 10 января Сталиным 11 января 1949 года было сделано разъясняющее дополнение:

«Как видно из сказанного выше, наш проект Вашего ответа на предложение Гоминьдана рассчитан на срыв мирных переговоров. Ясно, что Гоминьдан не пойдет на мирные переговоры без посредничества иностранных держав, особенно без посредничества США. Ясно также, что Гоминьдан не захочет вести переговоры без участия Чан Кайши и других военных преступников. Мы рассчитываем поэтому, что Гоминьдан откажется от мирных переговоров при тех условиях, которые выставляет КПК. В результате получится, что КПК согласна на мирные переговоры, ввиду чего ее нельзя обвинять в желании продолжать гражданскую войну. При этом Гоминьдан окажется виновником срыва мирных переговоров. Таким образом, мирный маневр гоминьдановцев и США будет сорван и Вы можете продолжать победоносную освободительную войну. Ждем ответа».

12 января Мао Цзэдун послал ответ, в котором говорилось, что правительству СССР на ноту нанкинского правительства следовало бы ответить следующим образом: «Правительство СССР всегда желало, а также желает видеть мирный, демократический и единый Китай. Однако каким путем достичь мира, демократии и единства Китая — это собственное дело народа Китая. Правительство СССР, основываясь на принципе невмешательства во внутренние дела других стран, считает неприемлемым участие в посредничестве между обеими сторонами в гражданской войне в Китае...

...Только СССР имеет крайне высокий авторитет среди народа Китая, поэтому, если СССР в ответе на ноту нанкинского правительства займет такую позицию, как было изложено в Вашей телеграмме от 10.1, то это приведет к тому, что США, Англия и Франция могут считать, что участие в посредничестве является должным и приведет к тому, что Гоминьдан получит повод для оскорбления нас как воинственно настроенных элементов. А широкие народные массы, которые недовольны Гоминьданом и питают свои надежды на скорую победу НОА, будут в отчаянии...

...Сейчас мы склонны к тому, чтобы со всей правотой отклонить мирный обман Гоминьдана, так как сейчас, исходя из

того, что соотношение классовых сил в Китае уже имеет коренное изменение и международная общественность тоже не в пользу нанкинского правительства, а НОА летом сего года уже может перейти реку Янцзы и наступать на Нанкин.

Как будто нам не потребуется предпринимать еще раз обходный политический маневр. В настоящей обстановке, от проведения еще раз обходного маневра, больше вреда, чем пользы».

На это последовала подписанная Сталиным телеграмма Мао Цзэдуну от 14 января, в которой, в частности, говорилось: «Как можно ответить на такой маневр нанкинцев и США. Возможны два ответа. Первый ответ: прямо и неприкрыто отклонить мирные предложения нанкинцев и тем самым провозгласить необходимость продолжения гражданской войны. Но что это будет означать? Это значит, во-первых, что вы выложили на стол главный козырь и отдаете в руки гоминьдановцев такое важное оружие, как знамя мира. Это значит, во-вторых, что вы помогаете вашим врагам в Китае и вне Китая третировать компартию, как сторонницу продолжения гражданской войны, и хвалить Гоминьдан, как защитника мира. Это значит, в-третьих, что вы даете возможность США обработать общественное мнение Европы и Америки в том направлении, что с компартией мир невозможен, так как она не хочет мира, что единственное средство добиться мира в Китае — организовать вооруженную интервенцию держав, вроде той интервенции, которая проводилась в России в течение четырех лет с 1918 года по 1921 год».

Далее говорилось о втором, гибком варианте ответа в духе уже изложенных в первой телеграмме советских предложений. В тот же день, 14 января, Мао Цзэдун заявил в своей телеграмме, что «в основном курсе (срыв мирных переговоров с Гоминьданом, продолжение революционной войны до конца) мы с Вами совершенно едины», а также сообщил, что они в этот день опубликовали 8 условий, на которых согласны вести мирные переговоры с Гоминьданом. В связи с этим Мао Цзэдуну было сообщено, что из его последней телеграммы «видно, что между нами установилось единство взглядов по вопросу о мирном предложении нанкинцев и что Компартия Китая уже начала “мирную” кампанию. Значит, вопрос надо считать исчерпанным». [196]

* * *

В Китай я направился под фамилией Андреев и так и подписывал телеграммы, адресуя их на вымышленную фамилию Филиппова (Филиппов — псевдоним, употреблявшийся И. В. Сталиным в эти годы в шифрпереписке.). Сделано это было по инициативе Сталина на случай, если бы из Китая просочилась информация о моем пребывании там.

Вылетел я в Китай 26 января, прибыл туда 30 января и пробыл до 8 февраля 1949 года. Со мной вместе были в Китае б. Министр путей сообщения Ковалев (Ковалев И. В. (1901—1993). В 1948—1949 гг. — руководитель группы советских специалистов по экономическим вопросам, представитель ЦК ВКП(б) при ЦК КПК.), намечавшийся тогда в качестве нашего представителя при ЦК КПК, и переводчик, работник аппарата ЦК тоже по фамилии Ковалев (Ковалев Е. Ф. (1907—1996), в то время — ответственный работник аппарата ЦК ВКП(б).).

Из Порт-Артура вылетели рано утром до рассвета и к рассвету прибыли на бывший японский военный аэродром около Шицзячжуана. Встречали главком Чжу Дэ (Чжу Дэ (1886—1976), в то время член Политбюро и секретариата ЦК КПК. Главком НОАК.), член политбюро Жэнь Биши и переводчик Ши Чжэ (Ши Чжэ (1914—), в то время работник аппарата ЦК КПК.). Отсюда на трофейном додже ехали километров 160—170 к местонахождению ЦК партии и ревкома — Сибайпо, расположенному в горном ущелье.

Первые два дня Мао Цзэдун вводил в курс истории китайской революции и имевшей место фракционной борьбы внутри китайской компартии. Позже, при следующих встречах, также возвращался к этим вопросам истории КПК, много говорил, как тяжело ему было бороться против левого и правого уклонов, как партия была разбита и армия разгромлена из-за деятельности Ван Мина (Ван Мин (Чэнь Шаоюй) (1904—1974), в то время член ЦК КПК, зам. Председателя Политико-юридического комитета.), которого поддерживал Коминтерн, как потом удалось исправить ошибки, как фракционеры уничтожали кадры китайских коммунистов, и что он сам едва жив остался, его арестовывали, исключали из партии, хотели уничтожить. Но с того времени, как Ван Мина и Ли Лисаня (Ли Лисань

(1899–1967), в то время член ЦК КПК, зам. Председателя Всекитайской федерации профсоюзов.) удалось разоблачить, Мао Цзэдун, по его словам, работает хорошо со своими товарищами, положил конец уничтожению партийных кадров. Он был и остается сторонником проявления терпимости внутри партии, считает, что не надо выводить из ЦК за разногласия, не надо преследовать.

Вот Ван Мин, говорил Мао Цзэдун, сыграл плохую роль, но мы его оставили в ЦК, он находится в расположении ЦК, хотя никакой работы фактически не ведет. Он очень подробно говорил об ошибках Ван Мина, видимо, хотел проверить, как мы к нему относимся и нет ли у нас попыток на него опереться или слушать его советы. Мне было известно о разногласиях между Мао Цзэдуном и Ван Мином, и я не поддерживал разговоров о нем. Еще в Москве условились, что с Ван Мином я встречаться не буду, на беседах же у Мао Цзэдуна он ни разу не присутствовал и не пытался встретиться со мной.

Заслуживают внимания некоторые вопросы, обсужденные с Мао Цзэдуном и другими членами Политбюро КПК:

1. На мой вопрос, когда думает Мао Цзэдун завершить захват основных промышленных центров Китая — Нанкин, Шанхай и др., он сказал, что с этим не торопится. Он говорил, например, что «потребуется еще 1–2 года для того, чтобы мы были в состоянии целиком политически и экономически овладеть Китаем», давал понять, что до этого война кончиться не может.

При этом он высказал и такую мысль, что они избегают брать крупные города, а стараются захватить сельские районы. Например, не хотят брать Шанхай. Шанхай — мол, крупный город, а у китайской компартии нет кадров. Компартия в основном состоит из крестьян, а в Шанхае коммунистическая организация слабая. Наконец, Шанхай живет за счет привозного сырья и топлива. И если они возьмут Шанхай, то привоза топлива не будет, промышленность остановится, разрастется безработица, все это ухудшит положение населения. КПК должна подготовить кадры, к чему уже приступили, и в свое время, когда кадры будут готовы, они займут Шанхай и Нанкин.

Руководствуясь позицией нашего ЦК, выработанной еще до моего отъезда из Москвы, я оспаривал это, доказывал, что чем скорее они займут большие города, тем лучше, кадры вырастут

в ходе борьбы. Рано или поздно вопрос о продовольствии и сырье для Шанхая все равно встанет. Зато занятие Шанхая серьезно ослабит Чан Кайши, даст пролетарскую основу коммунистам.

II. Мао Цзэдун не придавал необходимого значения пролетарской прослойке в составе компартии, и внимание КПК к городу и рабочему классу было слабее, чем к крестьянству. Эта позиция коренилась в старом времени, когда компартия и армия действовали в горах, далеко от рабочих центров. Времена изменились, а отношение к рабочим осталось прежним.

Из записей бесед видно, например, что Мао Цзэдун «с удовольствием подчеркнул, что компартия пользуется безраздельным влиянием в деревне, там у нее нет конкурентов. В этом коммунистам помог Чан Кайши своей политикой в отношении крестьянства. Другое дело в городах. Здесь если среди студенчества компартия пользуется сильным влиянием, то в рабочем классе Гоминьдан сильнее компартии. Например, в Шанхае после победы над Японией, когда компартия работала легально, ее влияние распространялось примерно на 200 тыс. рабочих из 500 тыс. рабочих, остальные шли за Гоминьданом».

Заслуживает внимания и такое высказывание Мао Цзэдуна: «Китайские крестьяне сознательнее всех американских рабочих и многих английских рабочих».

III. Руководствуясь указаниями ЦК, я уговаривал Мао Цзэдуна не откладывать образования революционного правительства Китая, создать его быстро на базе коалиции, что будет выгодно. Скажем, сразу после занятия Нанкина или Шанхая объявить о создании нового революционного правительства. Это было бы выгодно и в международном отношении — после этого коммунисты действовали бы уже не как партизаны, а как правительство — и это облегчило бы дальнейшую борьбу с Чан Кайши.

Мао Цзэдун считал, что не следует торопиться с созданием правительства, говорил даже, что им выгоднее жить без правительства. Если, мол, будет правительство, то будет коалиция, значит, и перед другими партиями нужно будет держать ответ за свои дела, что внесет сложность. Пока же они действовали как революционный комитет, независимый от партий, хотя и поддерживали связь с другими партиями. Это, утверждал Мао Цзэдун, помогает очистить страну от контрреволюционных элемен-

тов. Он упорствовал в этом деле, доказывал, что правительство надо организовать не сразу после взятия Нанкина (предполагалось в апреле), а лишь в июне или июле. Я же настаивал на том, что лишняя оттяжка образования правительства ослабляет силы революции.

Как известно, правительство было образовано 30 сентября.

IV. О Порт-Артуре. Мао Цзэдун рассказал, что к нему приходила одна женщина — буржуазный общественный деятель и поставила вопрос о том, что когда революционное правительство придет в Китае к власти, то Советскому Союзу уже не будет смысла сохранять военно-морскую базу в Порт-Артуре и что для Китая получить обратно эту базу будет великим делом.

Мао Цзэдун сказал, что, по его мнению, такая постановка вопроса неправильна, эта женщина не понимает политики, что в Китае коммунисты и в Советском Союзе коммунисты, но это не исключает, а вполне допускает, чтобы осталась советская база в Порт-Артуре. Поэтому они, китайские коммунисты, стоят за то, чтобы эта база сохранилась. Американский империализм сидит в Китае для угнетения, а Советский Союз сидит в Порт-Артуре для защиты от японского милитаризма. Когда Китай настолько окрепнет, что будет в состоянии защищаться от японской агрессии, тогда СССР сам не будет нуждаться в базе в Порт-Артуре.

Наш ЦК и Сталин имели иной подход к этому вопросу: не нужно иметь там базу, если правительство в Китае будет коммунистическим. Я изложил китайским товарищам эту позицию. Получив мое сообщение о китайской позиции в этом вопросе, Сталин писал в телеграмме для Мао Цзэдуна 5 февраля 1949 года:

«...С приходом к власти китайских коммунистов обстановка меняется в корне. У Советского правительства имеется решение отменить этот неравный договор (Имеется в виду Договор о дружбе и союзе, подписанный 14 августа 1945 г. в Москве представителями правительств Советского Союза и Китайской Республики. Одновременно были подписаны соглашения о Китайской Чанчуньской ж. д. [предусматривало совместную эксплуатацию]; о Порт-Артуре [предусматривало использование обеими сторонами в качестве военно-морской базы, оборона которой вверялась СССР]; о Дальнем [предусматривало объявление Дальнего портом, свободным, открытым для торговли и

судоходства всех стран и передачу части пристаней и складских помещений Советскому Союзу в аренду]. Договор был аннулирован советской стороной в связи с подписанием 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР.) и увести свои войска из Порт-Артура, как только будет заключен мир с Японией и, следовательно, американские войска уйдут из Японии. Однако если Компартия Китая сочтет целесообразным немедленный вывод советских войск из Порт-Артурского района, то Советский Союз будет готов исполнить это пожелание КПК».

Мао Цзэдун настаивал на своем, но видно было, что у него какие-то свои тактические соображения, которые он не раскрывал.

V. О Синьцзяне. Этот вопрос также представляет интерес. У Мао Цзедуна были подозрения в отношении наших намерений в Синьцзяне. Он говорил о том, что в Илийском округе Синьцзяна существует движение независимости, которое не подчиняется урумчинскому правительству, и что там существует коммунистическая партия. Рассказывал, что когда он в 1945 году встречался с Бай Чунси (Бай Чунси (1893–1966) — в то время видный деятель правительства Китайской Республики.) в Чунцине, тот передал, что в Илийском округе местные повстанцы располагают артиллерией, танками и самолетами советского производства.

Я ему четко заявил, что мы не стоим за движение независимости синьцзянских народностей и тем более не имеем никаких притязаний на синьцзянскую территорию, считая, что Синьцзян входит и должен входить в состав Китая.

Мао Цзэдун внес предложение о постройке железной дороги между Китаем и СССР через Синьцзян. Жэнь Биши, в качестве варианта, предложил построить такую дорогу через Монголию. Позже, когда обсуждался этот вопрос в Москве, Сталин высказался за то, чтобы строить дорогу через Монголию, поскольку путь короче и строительство дешевле, а во вторую очередь строить дорогу через Синьцзян.

VI. О Монголии. Мао Цзэдун по своей инициативе спросил, как мы относимся к объединению Внешней (Имеется в виду МНР.) и Внутренней Монголии (В то время — районы, населенные монголами на территории ряда провинций Северного и

Северо-Восточного Китая.). Я ответил, что мы такое объединение не поддерживаем, так как оно привело бы к потере значительной территории Китая. Мао Цзэдун сказал — он считает, что Внешняя и Внутренняя Монголия могли бы объединиться и войти в состав Китайской Республики. На это я ему заявил, что это невозможно потому, что Монгольская Народная Республика давно пользуется независимостью. После победы над Японией и китайское государство признало независимость Внешней Монголии. МНР имеет свою армию, свою культуру, быстро идет по пути культурного и хозяйственного развития, она давно поняла вкус независимости и вряд ли когда-нибудь добровольно от независимости откажется. Если она когда-нибудь и объединится с Внутренней Монголией, то в результате наверняка образуется объединенная независимая Монголия. Присутствовавший на беседе Жэнь Биши подал при этом реплику, что во Внутренней Монголии три миллиона населения, а во Внешней Монголии — один миллион. В связи с этой моей информацией Сталин прислал мне телеграмму для ознакомления Мао Цзэдуна, в которой указывалось:

«Руководители Внешней Монголии стоят за объединение всех монгольских районов Китая с Внешней Монголией под знаком независимости объединенного монгольского государства. Советское правительство высказывается против этого плана, так как он означает отрыв от Китая ряда районов, хотя этот план и не угрожает интересам Советского Союза. Мы не думаем, чтобы Внешняя Монголия пошла на отказ от своей независимости в пользу своей автономии в составе Китайского государства, если даже все монгольские районы будут объединены в автономную единицу. Понятно, что решающее слово в этом деле принадлежит самой Внешней Монголии».

По ознакомлении с этой телеграммой Мао Цзэдун сказал, что он принимает ее к сведению и что «они, конечно, не защищают велико-китайскую шовинистическую линию и не будут ставить вопрос об объединении Монголии».

VII. О признании будущего революционного правительства другими странами. У Мао Цзэдуна было два варианта на этот счет — первый, чтобы иностранные государства и первым СССР сразу признали новое правительство Китая. Второй вариант, которому Мао Цзэдун явно отдавал предпочтение, заключался

в том, чтобы не добиваться немедленного признания нового правительства, а если иностранное правительство заявит о своем желании признать его, то не отвергать, но и согласия пока не давать, продолжая такую тактику примерно в течение одного года. Выгоды второго варианта, говорили китайцы, заключаются в том, что, имея свободные руки, новое правительство легче сможет нажимать на все иностранное в Китае, не считаясь с протестами иностранных правительств.

* * *

Мао Цзэдун все время говорил, что они, ЦК КПК, ждут указаний и руководства от нашего ЦК. Я ему отвечал, что ЦК нашей партии не может вмешиваться в деятельность ЦК Коммунистической партии Китая, не может давать никаких указаний, не может руководить Компартией Китая. Каждая из наших партий самостоятельна, мы можем давать только советы, когда нас об этом попросят, но указаний давать не можем.

Мао Цзэдун упорствовал, заявлял, что ждет указаний и руководства от нашего ЦК, так как у них еще мало опыта, нарочито принижал свою роль, свое значение, как руководителя и как теоретика партии, говорил, что он только ученик Сталина, что он не придает значения своим теоретическим работам, так как ничего нового в марксизм он не внес и проч.

Это, я думаю, восточная манера проявления скромности, но это не соответствует тому, что на деле Мао Цзэдун собой представляет и что он о себе думает.

В подтверждение сказанного выше приведу некоторые выдержки из имевших тогда место бесед с Мао Цзэдуном. Уже во время первой беседы он заявил:

«Прошу учесть, что Китай сильно отстал от России, мы слабые марксисты, делаем много ошибок (подчеркнуто в оригинале), и если к нашей работе подходить с меркой России, то окажется, что у нас ничего нет».

Я ответил, что «эти слова, возможно, свидетельствуют о скромности лидеров ЦК КПК, но с ними трудно согласиться. Нельзя 20 лет руководить гражданской войной в Китае, привести ее к такой победе, будучи слабыми марксистами. Что касается ошибок, то они бывают у всех активно действующих партий.

И наша партия совершает ошибки, но она твердо держится правила беспощадно вскрывать свои ошибки, чтобы их не повторять и учиться на них. Мао Цзэдун добавил, что ошибки они совершают честно и исправляют честно, и привел пример. В 1946 году ЦК КПК совершил ошибку в проведении земельной реформы. Когда стали разбираться, оказалось, что еще в 1933 году о земельной реформе им было написано совершенно правильно [197], о чем забыли в 1946 году. Если бы снова в 1946 году это прочитали, этих ошибок не совершили бы. Они вновь перепечатали в 1946 году то, что было написано о земельной реформе в 1933 году, и открыто объявили крестьянам об этой своей ошибке, взяв на себя ответственность за ошибки, ибо руководство отвечает за ошибки низовых работников, хотя само руководство этих ошибок не совершило.

Я заметил, что нельзя соглашаться с утверждением Мао Цзэдуна о том, что если подойти к китайской революции с российской меркой, то окажется — ничего нет:

Во-первых, китайская революция представляет из себя великое историческое событие, во-вторых, было бы неправильно применять российскую мерку без учета той конкретной действительности, в которой протекает революция в Китае.

Как бы в подтверждение этого, Мао Цзэдун сказал, что КПК в 1936 году (Видимо речь идет о первой половине 1930-х гг.) в советских районах проявила догматизм, копируя советские методы, что привело тогда к серьезному поражению».

Далее Мао Цзэдун заявил, что «одной из больших задач КПК является марксистское просвещение кадров. Раньше у них считалось, что кадры должны прочитать всю марксистскую литературу. Теперь убедились, что это невозможно, ибо кадры учатся у них, одновременно ведя большую практическую работу. Поэтому они решили обязать свои кадры прочитать двенадцать марксистских произведений. Перечислив эти произведения (Манифест. От утопии к науке. [Имеются в виду “Коммунистический Манифест”, “Развитие социализма от утопии к науке”.] Государство и революция. Вопросы ленинизма и другие.), он не назвал ни одного китайского марксистского произведения.

Я тогда спросил Мао Цзэдуна, считает ли он правильным, что в списке 12 книг для партпросвещения кадров КПК нет ни одного

произведения лидеров КПК, теоретически освещающего опыт китайской революции.

Мао Цзэдун ответил, что он, лидер партии, ничего нового не внес в марксизм-ленинизм и не может ставить себя в один ряд с Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным.

Подняв бокал за здоровье товарища Сталина, он подчеркнул, что в основе теперешних побед китайской революции лежит учение Ленина — Сталина и что Сталин не только учитель народов СССР, но и учитель китайского народа и народов всего мира. О себе Мао Цзэдун сказал, что он ученик Сталина и не придает значения своим теоретическим работам, что они только претворяют в жизнь учение марксизма-ленинизма, ничем его не обогащая.

Более того, он лично послал на места строгую телеграмму, запрещающую называть его фамилию вместе с фамилиями Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина (документ не опубликован. — *А. М. Ледовский.*), хотя об этом ему приходится спорить со своими ближайшими товарищами.

Я ответил, что это говорит о скромности Мао Цзэдуна, но с ним нельзя согласиться. Марксизм-ленинизм применяется в Китае не механически, а на основе учета особенностей, конкретных условий Китая. У китайской революции свой путь, дающий ей облик антиимпериалистической революции. Поэтому освещение опыта КПК не может не представлять теоретической ценности, не может не обогатить марксистскую науку. Разве можно отрицать также, что обобщение китайского опыта имеет теоретическую ценность для революционного движения стран Азии. Конечно, нельзя.

Мао Цзэдун заметил, что у них сильное ударение на особенности Китая делали сторонники Ван Мина для борьбы против линии партии (В действительности в те годы и позднее в документах КПК и историографии КНР Ван Мина обвиняли в догматизме, копировании советского опыта, в непонимании необходимости учитывать особенности Китая и китайской революции. — *А. М. Ледовский.*).

На это я ответил, что обычно националистические элементы конкретные исторические особенности своих стран используют для того, чтобы свернуть партию на путь буржуазного перерождения, марксисты же учитывают эти особенности; чтобы

по-марксистски-ленински руководить революцией, с чем не стал спорить Мао Цзэдун».

В моей телеграмме от 5 февраля 1949 года сообщалось, что в одной из бесед Мао Цзэдун «подчеркнул, что при разработке вопроса о характере китайской революции он основывался на высказываниях товарища Сталина, относящихся к 1927 г., и на его позднейших работах о характере китайской революции.

Мао Цзэдун сказал, что для него особенно ценным оказались указания товарища Сталина о том, что китайская революция является частью мировой революции, а также критика национализма Симича (Симич, Станое. В то время министр иностранных дел Югославии.) из Югославии.

Мао Цзэдун несколько раз подчеркнул, что он является учеником товарища Сталина и держится просоветской ориентации».

* * *

Во время последней беседы, состоявшейся 7 февраля, Мао Цзэдун выразил удовлетворение проведенным обсуждением важнейших вопросов и горячо благодарил Сталина за заботу о китайской революции.

«Когда я прибыл во Владивосток, туда позвонил Поскребышев и по поручению Сталина сообщил, что Политбюро очень довольно проделанной мной работой в Китае. Каждый день на Политбюро зачитывались и обсуждались мои телеграммы. Сталин просил поскорее прибыть в Москву и рассказать обо всем поподробнее.

Приехав в Москву, я действительно узнал, что Сталин и другие члены Политбюро были довольны и считали, что я хорошо выполнил свою миссию.

Прилагаются тексты моих телеграмм из Сибайпо и полученных мной ответов на них из Москвы.

А. Микоян». [198]

В ходе бесед А. И. Микояна в Сибайпо обсуждались вопросы, связанные с предложением правительства Китайской Республики правительствам Советского Союза, Великобритании, Франции и Соединенных Штатов Америки выступить посредниками в целях приостановки военных действий и прекращения войны в Китае между вооруженными силами правительства

Китайской Республики и войсками Компартии Китая. Это обращение содержалось в документах правительства Китайской Республики, датированных 8 и 9 января 1949 года.

Чан Кайши пошел на этот шаг, желая если не получить помощь и поддержку в интересах сохранения сложившегося на то время положения, то, по крайней мере, для того, чтобы заставить все заинтересованные стороны сделать более ясным свое отношение к происходившим в Китае событиям, к явно надвигавшемуся военному поражению правительства Китайской Республики на континенте Китая и к приближавшейся победе во внутренней войне Компартии Китая и Мао Цзэдуна.

Сталин считал необходимым вступить с Мао Цзэдуном в обсуждение возможных позиций Советского Союза и Компартии Китая. Мао Цзэдун сначала был настроен только на прямой и демонстративный отказ от каких бы то ни было переговоров и хотел, чтобы Советский Союз просто отказался от посредничества, предлагавшегося ему Нанкином. Однако затем, под давлением аргументов Сталина, Мао Цзэдун был вынужден заявить, что Компартия могла бы пойти на переговоры, но при определенных, как представлялось и Сталину, и Мао Цзэдуну, неприемлемых для правительства Китайской Республики, условиях.

Пока Сталин и Мао Цзэдун согласовывали свои позиции, США, Великобритания и Франция активно стремились как можно быстрее узнать о том, каково будет отношение СССР и Компартии Китая к предложению Нанкина.

Сталин и Мао Цзэдун согласовали свои позиции путем обмена телеграммами 14 января 1949 года. Министерство иностранных дел СССР дало послу Китайской Республики в Москве ответ, соответствовавший существу договоренности между Сталиным и Мао Цзэдуном, 17 января 1949 года. [199]

Сталин считал необходимым привлечь внимание Мао Цзэдуна к тому факту, что США и другие западные державы дали ответ Нанкину 13 января 1949 года, то есть еще до окончательного достижения договоренности между Сталиным и Мао Цзэдуном, в тот момент, когда позиция Москвы была уже известна Мао Цзэдуну, а сам он еще не дал Сталину окончательного ответа относительно своего отношения к предложениям Москвы. Из этого Сталин, очевидно, сделал вывод о том, что Мао Цзэдун мог допустить или намеренно осуществить передачу соответ-

ствующей информации США, другим западным державам. Советский Союз оказывался при этом в положении единственной из четырех великих держав, которая все еще колебалась и не отказалась выступить в роли посредника в то время, как три западные державы уже заняли четкую позицию по этому вопросу и заявили о ней. 13 января 1949 года посол США в Нанкине Дж. Л. Стюарт передал правительству Китайской Республики официальный ответ правительства США, в котором, в частности, говорилось, что «при нынешней обстановке попытки выступить в роли посредника не принесут желаемых результатов». [200] Опубликованная позже дипломатическая переписка, как отмечал российский исследователь архивов А. М. Ледовский, в частности телеграмма Стюарта из Китая в Госдепартамент, показывала, что он был убежден, что Советский Союз не согласится принять участие в посреднической акции. [201]

А. М. Ледовский также отмечал, что и Москва, и наше посольство в Нанкине были весьма удивлены столь быстрой и негативной реакцией США, поскольку имелись веские основания полагать, что предложение Нанкина о посредничестве было согласовано с представителями правительства США. В этой связи в Москве возникло подозрение, что это произошло в результате утечки информации о переписке между Сталиным и Мао Цзэдуном. Об этом А. И. Микоян сказал Мао Цзэдуну в беседе 3 февраля 1949 года, при которой присутствовали также Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Чжу Дэ и Жэнь Биши. Он напомнил, что в телеграмме от 10 января по поводу обращения нанкинского правительства Сталин предупредил о необходимости сохранения обмена мнениями между Москвой и ЦК КПК по этому вопросу в строгой тайне. А. И. Микоян сказал Мао Цзэдуну и его коллегам: «Нам известно, что Англия, Америка и Франция стояли за то, чтобы взять на себя функции посредничества между Гоминьданом и КПК. Позже, каким-то образом узнав, что СССР и КПК против иностранного посредничества, эти державы, не желая осрамиться, изменили свою позицию и отказались от посредничества. В связи с этим необходимо серьезно заняться вопросами конспирации и заинтересоваться, нет ли среди окружающих КПК болтающих людей, через которых эта информация могла попасть к американцам». [202] В телеграмме в Москву об этой беседе А. И. Микоян писал: «Мао Цзэдун совершенно

отклонил такую возможность, ибо, как он заметил, такие серьезные вопросы и, в частности, переписка с Москвой бывают известны только присутствующим членам ЦК, одному переводчику Ши Чжэ и тов. Терebinу. Указанные лица совершенно надежны, и в них он не сомневается. Что касается данного случая, он заявил, что англо-американцы еще до того, как была известна наша позиция, открыто писали, что СССР и КПК будут против посредничества. Я ответил, — подчеркнул А. И. Микоян, — что тогда это могло быть только их предположением, однако западные державы поспешили отказаться от посредничества после того, как они получили достоверные сведения о нашей позиции. Мао Цзэдун повторил, что не исключена (Так в тексте. По смыслу следует: исключена.) возможность просачивания информации из окружения КПК». [203]

При встрече А. И. Микояна с Чжоу Энъяем и Чжу Дэ 1 февраля 1949 года Чжоу Энлай попросил разъяснить мотивы, которыми руководствовался СССР, дав указание советскому послу передислоцироваться в Гуанчжоу вместе с правительством Китайской Республики, оставившим Нанкин.

А. М. Ледовский вспоминал, что 18 января 1949 года МИД Китайской Республики известил все посольства и миссии зарубежных стран, что 21 января правительство Китайской Республики переезжает из Нанкина в Гуанчжоу и предлагает им последовать туда же. Из всех глав дипломатических представительств только советский посол последовал этому предложению. Вместе с послом в Гуанчжоу переехала основная часть работников посольства. В Нанкине была оставлена небольшая группа сотрудников МИД и некоторых других советских ведомств, которая находилась там вплоть до образования КНР. Дипломатические представительства других стран оставались в Нанкине. В частности, там находился вплоть до августа 1949 года, то есть уже тогда, когда Нанкин был под властью КПК, и посол США Дж. Л. Стюарт.

А. И. Микоян в упомянутой беседе с Чжоу Энъяем «разъяснил, что это закономерно, ибо в Китае пока имеется только одно правительство, при котором аккредитован наш посол, и естественно, что он переехал вместе с китайским правительством в Кантон (Гуанчжоу), оставив часть посольства в Нанкине. По существу это не только не нанесет ущерба нашему общему делу, а, наоборот, поможет ему». [204]

А. М. Ледовский также отмечал, что важное место в беседах А. И. Микояна в Сибайпо занимало обсуждение планов военно-политической деятельности КПК и НОАК, вопроса о средствах и источниках их материально-технической поддержки.

В первой же беседе с А. И. Микояном, состоявшейся 30 января 1949 года, Мао Цзэдун заявил: «Чтобы наверняка победить в районе Нанкина и Шанхая, нужно будет войска Линь Бяо, являющиеся лучшими, направить из района Бэйпина на Юг и Запад, чтобы лишить Гоминьдан возможности перебросить отсюда подкрепления в район Нанкин — Шанхай. Положение в районе Бэйпина сложное, и потребуется некоторое время, чтобы здесь закрепиться». [205]

В той же беседе Мао Цзэдун подчеркнул: «Коммунисты строят свои планы из расчета на худшее. Они готовятся после некоторой передышки и подготовки силой взять эти города (т. е. Нанкин и Шанхай). Мирный исход событий у Бэйпина (21 января Фу Цзю [Командующий войсками Китайской Республики в Бэйпине.] подписал соглашение с представителями КПК о мирной сдаче Бэйпина [Пекина]. 31 января НОАК без боя вступила в Бэйпин.) сократил сроки для отдыха и подготовки этих войск к наступлению. Время нужно не только для отдыха, но и:

а) для переваривания и воспитания тех сотен тысяч пленных гоминьдановцев, которые за последнее время влились в Народно-освободительную армию;

б) для подтягивания тылов и восстановления разрушенных железных дорог, питающих фронт;

в) для накопления патронов и снарядов из текущего производства, ибо запасов мало. Дело осложняется тем, что нужны боеприпасы для оружия американского, японского, чехословацкого и советского образцов;

г) нужно время также и для подготовки кадров по управлению районами Шанхая и Нанкина. Там мало продовольствия, надо запастись им. Мы не успеваем печатать деньги для этих районов...» [206]

Судя по словам Мао Цзэдуна, войска Линь Бяо получили в Маньчжурии от советского командования не только японское трофейное оружие, но также оружие чехословацкого и советского производства. По понятным соображениям, подчеркивал А. М. Ледовский, руководство КПК старалось это не афиширо-

вать. Мао Цзэдун в беседе 5 февраля 1949 г. сказал А. И. Микояну, что когда после капитуляции армии Фу Цзои в Бэйпин входили подразделения войск Линь Бяо, у них было полностью изъято «все советское вооружение и заменено американским вооружением». Мао Цзэдун сказал, что КПК хотела показать таким образом, «как Чан Кайши снабжает войска НОАК американской техникой»... [207]

Здесь, конечно, сказывалось и постоянное стремление Мао Цзэдуна преуменьшать, если не сводить на нет, при всякой возможности, значение поддержки и помощи со стороны Сталина и СССР.

В беседах неоднократно поднимался вопрос о роли и помощи Коммунистической партии Китая со стороны Советского Союза и в предыдущие годы вообще, и в период подготовки НОАК к новому этапу военных действий в Китае в 1949 году.

В обобщенном виде этот вопрос рассматривался в беседе А. И. Микояна с Мао Цзэдуном 4 февраля 1949 года. При этой беседе присутствовали Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Чжу Дэ. В телеграмме в Москву о содержании этой беседы А. И. Микоян, в частности, писал: «Далее Мао Цзэдун подчеркнул, что Сов. Союз оказал и оказывает большую помощь КПК и за это последняя очень признательна ВКП(б). Китайская революция, продолжал Мао Цзэдун, является частью мировой революции. В связи с этим частные интересы должны подчиняться общим. Это мы всегда учитываем, когда обращаемся за помощью к Сов. Союзу. И если, предположим, Сов. Союз и не дал бы чего-либо, то мы не будем на него в обиде. Когда перед отъездом в Москву Ло Юнхуан (Так в тексте. По-видимому, имеется в виду Ло Жунхуань (1902–1963), в то время политкомиссар войск НОАК в Северо-Восточном Китае, первый политкомиссар 4-й полевой армии НОАК, впоследствии маршал.) спрашивал меня, как ставить вопрос о помощи нам со стороны Сов. Союза, я сказал ему, что не надо изображать положение так, что мы погибаем и что у нас нет своих возможностей, но подчеркнул, что нам желательно получить от вас соответствующую помощь, касающуюся Маньчжурии. С 1947 года и Линь Бяо часто запрашивал Москву об оказании помощи по тем или иным вопросам. Я, сказал Мао Цзэдун, дал указания Гао Гану о том, что за все, что мы берем у СССР, обязательно ему оплачивать и, кроме того, разрешать нехватку в тех или иных материалах за счет гоминьдановских районов. Китайские товарищи должны

рационально использовать помощь Сов. Союза. Если бы не было помощи со стороны Сов. Союза, подчеркнул Мао Цзэдун, мы едва ли могли бы одержать нынешние победы. Это, однако, не значит, что мы не должны опираться и на свои собственные силы. Но нельзя и не считаться с тем фактом, сказал Мао Цзэдун, что военная помощь Сов. Союза в Маньчжурии, составляющая 1/4 всей Вашей помощи, играет весьма существенную роль». [208]

В беседе 4 февраля 1949 года обсуждались также вопросы о формах связей между ВКП(б) и КПК, а также о кандидатуре будущего посла КНР в СССР. Мао Цзэдун подчеркнул, что «КПК нуждается во всесторонней помощи от ВКП(б). Нужно двух советников: одного по экономическим, другого по финансовым вопросам». [209] Чжоу Энлай, говоря о партийном советнике, сказал, что «по главным вопросам КПК хотела бы непосредственно связываться с ЦК ВКП(б)», и подчеркнул, что «основные вопросы будут решаться в Москве». [210]

Таким образом, был сделан шаг к размежеванию межгосударственных и межпартийных отношений. Мао Цзэдун не пожелал иметь в Пекине представителя ЦК ВКП(б) по чисто партийным вопросам, то есть агента Сталина, который получил бы возможность общения не только и, может быть, не столько с Мао Цзэдуном, сколько с другими руководителями КПК, с аппаратом ЦК КПК. Это снимало вопрос о постоянном присутствии в Пекине ответственного работника ЦК ВКП(б), который как бы имел всегда доступ в ЦК КПК. Мао Цзэдун предполагал, что посольство не должно непосредственно заниматься связями между партиями. Возможно, Сталин на каком-то этапе и предпочел бы иметь представителя ЦК ВКП(б) в Пекине, хотя скорее всего тут он желал по форме идти навстречу любым пожеланиям Мао Цзэдуна, тем более что в будущем в этой связи мог встать вопрос о появлении в Москве на паритетной основе представителя ЦК КПК.

Мао Цзэдун в беседе с А. И. Микояном 4 февраля 1949 года предложил направить в Москву в качестве посла Ван Цзясяна. (Ван Цзясян (1906–1974), в то время член Бюро ЦК КПК по Северо-Восточному Китаю, с марта 1949 г. член ЦК КПК.) Характеризуя его, Мао Цзэдун сказал, что «в прошлом он допускал ошибки вместе с группой Ван Мина». Указав, что в 1937 году Ван Цзясян находился в Москве, Мао Цзэдун отметил, что

«в июле 1937 года он вернулся к нам с указаниями Коминтерна, которые соответствовали нашей политической линии. Эти указания помогли нам в преодолении своих ошибок». [211] А. И. Микоян ответил, что «у нас нет возражений по вопросу о кандидатуре будущего посла в Москве». [212]

Таким образом Мао Цзэдун ввел традицию назначать в качестве посла в СССР члена ЦК партии.

Советский дипломат, работавший в то время в Китае, А. М. Ледовский, характеризуя ситуацию, в частности, писал, что после завершения военных действий в Маньчжурии она стала служить главной тыловой базой обеспечения военных операций НОАК по овладению Северным Китаем и другими районами Китая. Необходимо было организовать переброску из Маньчжурии и через Маньчжурию из СССР оружия, боеприпасов, продовольствия и многого другого. Важнейшую роль в этом сыграло восстановление железнодорожных линий, ведущих в Северный Китай и далее к реке Янцзы. В этой работе участвовало большое число советских инженерно-технических работников — служащих КЧЖД. Советские железнодорожники, будучи высококвалифицированными специалистами широкого профиля, оказывали помощь коммунистическим властям в Маньчжурии в восстановлении не только железных дорог, но и многих других отраслей народного хозяйства.

Для координации работы по оказанию советской помощи по просьбе руководителя Северо-Восточного Бюро ЦК КПК Гао Гана, поддержанной Мао Цзэдуном, советское руководство в конце 1948 года направило в Маньчжурию группу советников-специалистов. Руководителем этой группы был назначен генерал И. В. Ковалев, который в годы Великой Отечественной войны был министром путей сообщения СССР. [213]

Руководители КПК в беседах с советскими представителями высоко оценивали работу, проделанную группой специалистов под руководством И. В. Ковалева. Еще до приезда А. И. Микояна в Китай Мао Цзэдун направил И. В. Сталину следующую телеграмму:

«Здравствуйте, товарищ Сталин!

Мы очень благодарим Вас за то, что Вы откомандировали к нам товарища Ковалева для оказания нам помощи по восстановлению железных дорог и других экономических работ!

При помощи товарища Ковалева и других советских товарищей пути сообщения железных дорог в Маньчжурии в основном уже восстановлены. Сейчас тов. Ковалев совместно с китайскими товарищами разработал план по восстановлению железных дорог всего Северного Китая, т. е. в области севернее от р. Янцзы, с протяжением более трех тысяч километров, на 1949 год. Если к зиме сего года этот план будет выполнен, тогда мы будем иметь 18000 километров железных дорог (включая сюда железные дороги в Маньчжурии), которые будут пущены в эксплуатацию. Для осуществления этого плана потребуется ряд самых необходимых материалов, также потребуются паровозы, машины, инструменты, масло и др. материалы для восстановления железных дорог в Северном Китае. Но, кроме того что мы можем себе обеспечить, мы нуждаемся в неотложной помощи с Вашей стороны, т. е. получить от Вас большую часть из этих материалов, тогда только сможем начать работу по восстановлению железных дорог.

Прилагая при этом два списка заказов материалов, в приобретении которых нам нужна Ваша помощь, как об этом указывалось выше, прошу Вас пересмотреть эти списки, и если мы сможем получить утверждение с Вашей стороны, а также если Вы распорядитесь скорейшим образом отпустить нам в порядке кредита и с возможной быстрой погрузкой и отправкой, то мы будем очень признательны Вам.

С Большевицким приветом и наилучшим пожеланием Вашему здоровью!

МАО ЦЗЭДУН

8 января 1949 г». [214]

В беседах в Сибайпо А. И. Микоян информировал руководителей КПК о том, что предпринимается в СССР для выполнения различных просьб китайской стороны.

1 февраля 1949 года в ходе беседы с А. И. Микояном Чжу Дэ и Чжоу Эньлай изложили целый ряд пожеланий и просьб. Весьма характерно, что Мао Цзэдун редко присутствовал в тех случаях, когда речь шла о просьбах к Москве; более того, Мао Цзэдун иной раз пытался создавать впечатление, что он и его подчиненные добиваются успехов сами, без какой бы то ни было помощи со стороны СССР. Реальная ситуация была иной. И Сталин, и Мао Цзэдун хорошо знали об этом.

А. И. Микоян после беседы 1 марта докладывал И. В. Сталину: «Мы, сказал Чжоу Эньлай, ощущаем большой недостаток в противотанковых орудиях, которых у нас всего 150 штук, в связи с чем мы хотели бы просить Сов. Союз дать нам некоторое количество противотанковых орудий. У нас неблагополучно и с танками. Имеющиеся танки — преимущественно легкие, самый тяжелый — 15 тонн. Под Сюйчжоу мы захватили до 70 танков, но в большинстве уже основательно потрепанных. У нас не хватает сырья, и мы хотели бы получить от Сов. Союза тротил для производства боеприпасов. Мы хотели бы просить Сов. Союз дать нам также специалистов и оборудование для производства вооружения, а также командировать советников по организации армии, по военно-учебным заведениям и организации тыла, включая промышленность вооружения.

Я ответил, что мы в принципе согласны помочь организацией производства вооружения и дать советников, по вопросу же о зенитных и противотанковых орудиях ничего сказать не могу и сообщу в Москву для рассмотрения. Далее Чжоу Эньлай сказал, что они хотели бы получить от нас стальные рельсы, газолин, около 5000 автомашин и ряд других машин и материалов, на что я ответил, что по всем этим заявкам надо войти с ходатайством в наше правительство». [215]

Вопросы, касавшиеся оказания помощи со стороны СССР, были чрезвычайно важны тогда для руководителей КПК. 2 февраля 1949 года Чжу Дэ и Жэнь Биши «особое внимание уделили вопросам промышленного развития Китая и сотрудничества в этом деле между Китаем и СССР. При этом особую роль в советско-китайском сотрудничестве они отводили Маньчжурии». В телеграмме об этой беседе А. И. Микоян, в частности, сообщил следующее:

«Жэнь Биши подчеркнул, что в своих народнохозяйственных планах они большое место уделяют Маньчжурии с целью превратить ее в кузницу обороноспособности страны. Она должна производить автомашины, самолеты, танки и другие виды вооружения. Тут же он сказал о том, что в промышленном освоении Маньчжурии они надеются на помощь со стороны Сов. Союза. Он назвал следующие формы этой помощи:

- 1) Совместные советско-китайские экономические объединения.

2) Займы от СССР.

3) Концессии, предоставляемые Сов. Союзу.

Жэнь Биши сказал, что помощь СССР нужна для эксплуатации таких редких ископаемых, как уран, магний, молибден и алюминий, которые находятся около Мукдена, Цзиньчжоу и в провинции Жэхэ. В свое время японцы вывезли одну тонну урана. Если эти ископаемые представляют интерес для Сов. Союза, то можно было бы поставить вопрос об их эксплуатации на совместных началах или предоставить специальную концессию Сов. Союзу.

Жэнь Биши подчеркнул, что промышленное освоение Маньчжурии требует высококвалифицированных специалистов. На Аньшаньском металлургическом комбинате они вынуждены пользоваться услугами японских специалистов. В связи с этим, сказал Жэнь Биши, мы просим дать нам из Сов. Союза не менее 500 специалистов по различным народнохозяйственным вопросам». [216]

В беседе с А. И. Микояном 3 февраля 1949 года Лю Шаоци, касаясь вопроса о промышленном развитии Китая, заявил:

«Создание промышленной базы в освобожденном Китае немыслимо без помощи Советского Союза и стран народной демократии. Эта помощь должна сыграть решающую роль для нас. Мы представляем, что формами этой помощи могут быть:

1) Передача опыта социалистического переустройства хозяйства.

2) Снабжение нас соответствующей литературой, командированием к нам советников и техников по различным отраслям хозяйства.

3) Предоставление нам капиталов.

Мы считаем, что Советский Союз, страны народной демократии и Китай должны оказывать друг другу взаимную экономическую помощь. С помощью Советского Союза мы быстрее придем к социализму, если, конечно, не будем допускать ошибок. Для нас ясно, что без помощи Советского Союза мы не сможем восстановить Аньшаньский комбинат в Маньчжурии. В связи с этим мы хотели бы заранее знать возможные размеры помощи нам со стороны Советского Союза, чтобы предусмотреть ее в наших народнохозяйственных планах». [217]

Мао Цзэдун был вынужден и сам во время заключительных бесед с А. И. Микояном 6 и 7 февраля поднять важнейшие вопросы, касавшиеся помощи со стороны Советского Союза Коммунистической партии Китая. Мао Цзэдун обратился к Москве с просьбой предоставить заем в размере 300 млн американских долларов и в счет этого займа поставить ряд необходимых материалов, машин и проч. Он упомянул, в частности, о поставках серебра для выпуска китайской твердой валюты, нефтепродуктов и 3000 автомобилей. В телеграммах об этих беседах говорилось: «Мао Цзэдун сказал, что 300 млн. — это наша потребность, мы не знаем, можете ли вы дать нам эту сумму, меньше или больше ее, но если и не дадите, то мы в обиде на вас не будем». [218] «Он выразил пожелание получить названную сумму в течение 3 лет, начиная с 1949 года, равными долями, и сказал, что в будущем этот заем будет выплачен Китаем вместе с начислением соответствующего процента». [219]

«До сих пор, — говорил Мао Цзэдун, — мы получали вооружение бесплатно. Но нам известно, что в производство советского вооружения вложен труд советских рабочих, который следует оплатить». [220] По словам Мао Цзэдуна, ЦК КПК уже подготовил список потребных машин и материалов, однако неизвестна их общая стоимость и будет ли она укладываться в заем. Не ясен вопрос о том, чем должен оплачиваться этот заем. Мао Цзэдун сказал, что если вопрос о займе решится положительно, то ЦК КПК направит в Москву делегацию для подписания соответствующего соглашения. Он выразил также пожелание послать в СССР группу работников для ознакомления с работой советских банков». [221]

В ходе бесед в Сибайпо А. И. Микоян обсуждал с Мао Цзэдуном и другими руководителями КПК целый ряд проблем внешней политики.

А. М. Ледовский отмечал в этой связи, что содержание обмена мнениями по вопросу о советско-китайском договоре и соглашениях 1945 года было частично изложено в Записке А. И. Микояна. Представляется, однако, важным привести полностью запись беседы А. И. Микояна с Мао Цзэдуном по этому вопросу, которая содержалась в его телеграмме в Москву в то время.

В телеграмме говорилось:

«О СОВЕТСКО-КИТАЙСКОМ ДОГОВОРЕ

По вопросу о советско-китайском договоре я сказал, что мы считаем советско-китайский договор о Порт-Артурском районе неравным договором, заключенным для того, чтобы помешать сговору Гоминьдана с Японией и США против СССР и освободительного движения в Китае. Этот договор, сказал я, принес известную пользу освободительному движению в Китае, но теперь, с приходом к власти китайских коммунистов, обстановка в стране в корне меняется. В связи с этим, продолжал я, у Советского правительства имеется решение отменить этот неравный договор и вывести свои войска из Порт-Артура, как только будет заключен мир с Японией. Но если китайская компартия, сказал я, сочтет целесообразным немедленный вывод войск, то СССР готов пойти на это. Что касается договора (Так в тексте. Правильно: соглашения.) о Китайско-чанчуньской железной дороге, то мы не считаем его неравным договором, так как эта дорога была построена главным образом на средства России. Возможно, сказал я, что в этом договоре принцип равноправия не вполне проведен, но мы готовы обсудить этот вопрос и решить его с китайскими товарищами по-братски.

Оценка договора как неравноправного была настолько неожиданной для Мао Цзэдуна и членов Политбюро, что вызвала у них откровенное удивление. После чего Мао Цзэдун и члены Политбюро почти враз заговорили о том, что сейчас не следует выводить советские войска из Ляодуна и ликвидировать базу в Порт-Артуре, так как этим мы только поможем США. Мао Цзэдун заявил, что вопрос о выводе войск из Ляодуна мы будем держать в секрете и что договор можно пересмотреть только тогда, когда в Китае будет разбита политическая реакция, народ будет мобилизован в наступление на иностранный капитал с целью его конфискации, когда с помощью Советского Союза «мы приведем себя в порядок». Китайский народ, сказал Мао Цзэдун, благодарен Сов. Союзу за этот договор. Когда мы окрепнем, тогда «вы уйдете из Китая» и мы заключим советско-китайский договор о взаимопомощи наподобие советско-польского договора.

Далее Мао Цзэдун сказал, что в определении принадлежности имущества КЧЖД наблюдаются мелкие неполадки, которые можно разрешать на месте. Например, гоминьдановские войска

забрали часть предприятий КЧЖД, а с приходом НОА они были последней вновь переданы КЧЖД. В народе говорят, что гоминьдановцы взяли эти предприятия согласно советско-китайскому договору, а НОА, как бы в нарушение договора, отдает их КЧЖД. Мао Цзедун высказался за то, чтобы Гао Ган и Ковалев И. разобрались в этом вопросе и доложили КПК и ВКП(б)». [222]

А. М. Ледовский отмечал, что важное место в беседах заняли такие темы, как перспективы развития политической и экономической ситуации в Китае, политика КПК в городе и в деревне, ее отношение к различным социальным группам и партиям, к иностранному капиталу.

В Записке А. И. Микояна отмечалось, что еще в 1947 и 1948 годах выявились определенные расхождения в подходах Москвы и ЦК КПК к вопросу о роли различных партий Китая (кроме КПК) в политической жизни страны на заключительном этапе внутренней войны и после ее завершения. Напомним, что в Записке А. И. Микояна приводился фрагмент из телеграммы Сталина в ЦК КПК от 20 апреля 1948 года. Представляется весьма существенным привести опущенную в Записке часть телеграммы Сталина. В ней говорилось: «Надо иметь в виду, что китайское правительство после победы Народно-освободительной армии Китая, будет по своей политике, по крайней мере в период после победы, длительность которого сейчас трудно определить, национальным революционно-демократическим правительством, а не коммунистическим.

Это значит, что не будут пока что осуществлены национализация всей земли и отмена частной собственности на землю, конфискация имущества всей торговой и промышленной буржуазии от мелкой до крупной, конфискация имущества не только крупных землевладельцев, но и средних и мелких, живущих наемным трудом. С этими реформами придется подождать на известный период.

К Вашему сведению, — писал далее Сталин, — в Югославии кроме коммунистической партии существуют другие партии, входящие в состав народного фронта». [223]

Вопрос о содержании и перспективах политики КПК неоднократно затрагивался и в беседах в Сибайпо. В Записке А. И. Микояна отмечалось, что он обратил внимание лидеров КПК на слабость позиций партии в городах и передал сообра-

жения руководства ВКП(б) о том, что скорейшее занятие больших городов обеспечит КПК «пролетарскую основу». В телеграммах в Москву из Сибайпо А. И. Микоян сообщил, что руководители КПК отмечали отсутствие у кадров партии опыта работы в городах. В одной из бесед Мао Цзэдун говорил о том, что на протяжении последних 20 лет в руках КПК не было крупных городов, что впервые она получила, благодаря Советской армии, такие крупные центры, как Харбин. [224]

Другие руководители КПК, говоря об отсутствии опыта и ясной политики в городах, рассказывали А. И. Микояну о том, что поначалу в ряде городов новые власти «передали в руки рабочих конфискованные торговые предприятия, они делили между собой товары этих предприятий, распродавали их, а помещения разбирали». [225] В ответ на информацию и запросы А. И. Микояна по итогам бесед из Москвы поступило несколько телеграмм и по вопросам политики в городах. В этих телеграммах Сталин высказал ряд рекомендаций и обращал внимание руководства КПК на необходимость усиления работы среди рабочих, а также среди молодежи, женщин, подчеркивал необходимость ускоренной подготовки соответствующих кадров. По вопросам политики в отношении рабочих в одной из телеграмм из Москвы рекомендовалось «не запрещать забастовок, иначе КПК лишится доверия рабочих». В телеграмме в Москву о беседе 5 февраля 1949 года А. И. Микоян сообщал, что этот совет «вызвал заметное недоумение у Мао Цзэдуна и у присутствовавших членов Политбюро». В целом же, писал А. И. Микоян, телеграммы из Москвы с советами по упомянутым вопросам (о рабочих, молодежи и др.) «произвели хорошее впечатление. Во время их изложения Мао Цзэдун и члены Политбюро дружно поддакивали, и Мао Цзэдун сказал, что советы будут выполнены». [226]

Особо обсуждались вопросы об отношении к иностранному капиталу и к национальной буржуазии. По поручению Сталина А. И. Микоян заявил руководителям КПК: «По вопросам иностранной собственности мы придерживаемся того мнения, что надо национализировать собственность японскую, французскую и, по возможности, английскую. В отношении американской собственности надо вести осторожную политику, чтобы создавать у американцев мнение, что их интересы будут учтены новыми [коммунистическими] властями». [227]

В беседе с Лю Шаоци, состоявшейся 3 февраля 1949 года, большое внимание было уделено вопросу об отношении к национальной буржуазии. «Лю Шаоци заявил, — говорилось в телеграмме А. И. Микояна об этой беседе, — что они будут проводить конфискацию предприятий компрадорской буржуазии под видом конфискации бюрократического капитала. Что касается частных предприятий национальной буржуазии, то через 1–2 года можно поставить вопрос об их судьбе в плане национализации». На это А. И. Микоян сказал: «Осторожная политика в отношении национальной буржуазии является правильной. Пока не следует говорить о национализации ее предприятий. Лучше присмотреться к ней и, когда власть окрепнет, поднять вопрос о ней»... Лю Шаоци выразил полное согласие. [228]

В той же беседе Лю Шаоци говорил: «Основной вопрос нашей политики — это вопрос о том, куда пойдет Китай. Самой сложной проблемой для Китая является вопрос о мелких товаропроизводителях: пойдут ли они по кооперативному пути, то есть к социализму, или к капитализму. Мы всегда помним указания Ленина, — подчеркнул Лю Шаоци, — о том, что мелкобуржуазное хозяйство является источником, порождающим капитализм...

Наша цель — это постепенный переход к социализму путем усиления планового начала в хозяйстве. Переход к социализму будет носить длительный характер по времени и ожесточенный по борьбе. У нас также встанет вопрос кто — кого, как в свое время его ставил Ленин.

По нашим подсчетам, для полного наступления на капиталистические элементы в нашем хозяйстве придется переждать 10–15 лет, после чего мы возьмемся за передачу промышленных и торговых предприятий в руки государства и этим самым ускорим движение Китая к социализму.

Перевод сельского хозяйства на социалистические рельсы, — сказал Лю Шаоци, — мы мыслим только лишь при условии подведения индустриальной базы под сельское хозяйство». [229]

Характеризуя различные тенденции в партии в отношении общих перспектив политики КПК, Лю Шаоци говорил: «Во-первых, в партии есть люди, которые считают, что надо всемерно развивать капитализм и опираться на него. По существу это

означает уступку капиталистическим элементам, капитуляцию перед капитализмом. Эти люди хотят создать из Китая обычное буржуазное капиталистическое государство, т. е. восстановить полуфеодальные и буржуазные порядки. Во-вторых, в партии есть люди, которые склонны по-левацки, авантюристически поспешно строить социализм. Эта тенденция выражается в том, что кое-кто составляет необоснованные планы, не учитывая наших возможностей. В результате эти тенденции наносят вред союзу рабочего класса с крестьянством. Надо, — сказал Лю Шаоци, — решительно бороться с этими тенденциями, и в этом отношении мы просим советов со стороны СССР». [230]

Существенно отметить и рекомендации Сталина в отношении национальной политики КПК. В Записке А. И. Микояна уже приводились данные об обсуждении в Сибайпо вопросов о Монголии и о Синьцзяне. В то же время в ней опущены упоминания о рекомендациях Москвы относительно общих принципов будущей национальной политики КНР. В телеграмме в Москву о беседе с Мао Цзэдуном 4 февраля 1949 года А. И. Микоян писал: «Я передал Мао Цзэдуну, что наш ЦК не советует Китайской компартии чересчур размахиваться в национальном вопросе путем предоставления независимости национальным меньшинствам и тем самым уменьшения территории Китайского государства в связи с приходом к власти китайских коммунистов. Следует дать национальным меньшинствам автономию, не независимость.

Мао Цзэдун обрадовался этому совету, но по его лицу было видно, что он не собирался давать независимость кому бы то ни было». [231]

В заключительной беседе с А. И. Микояном 7 февраля 1949 года Мао Цзэдун изложил свой общий подход к вопросам экономической политики КПК после ее прихода к власти. Он, в частности, заявил: «В Китае имеется 90 миллионов крестьянских дворов, объединяющих 360 миллионов человек, среди них 10 процентов (Так в тексте. По-видимому, это опечатка. В то время, по оценкам, принятым в КПК, бедняки составляли 60–70 % населения деревни. — А. М. Ледовский. (Можно также предположить, что Мао Цзэдун имел в виду только беднейшее крестьянство, упоминая о 10%.)) бедняков — союзников рабочего класса. Руководство принадлежит пролетариату. Крестьянству мы

дали землю, но не дали товаров, в которых оно нуждается и которых у нас нет. Если мы не разовьем промышленность, то не обеспечим крестьян товарами, а значит, потеряем руководство ими.

Мы рады тому, что СССР оказывает нам горячую поддержку и помощь, но нельзя победить, надеясь только на помощь извне. Поэтому, защищая интересы рабочих, через профсоюзы, через вмешательство государства и торговлю с целью снижения цен путем продажи зерна, топлива и товаров для рабочих и городского населения, защищая бедняков в деревне путем вовлечения их в производственную и сбытовую кооперацию, мы должны также дать возможность развиваться и частным предприятиям. Мы намерены использовать два лозунга Сунь Ятсена:

1. Ограничение капитала путем контроля.
2. Вытеснение ростовщического капитала, который вреден народу.

Мы считаем возможным и необходимым разрешить свободную конкуренцию на внутреннем рынке Китая. Мы должны, поскольку мы еще слабы и отстали в экономическом отношении, использовать частный капитал, но не допуская здесь «торпливости». Далее Мао Цзэдун сказал, что при наличии более высокого уровня промышленного и общего экономического развития дореволюционной России Советскому Союзу потребовалось 12 лет перехода к социалистическому преобразованию сельского хозяйства. В Китае, по словам Мао Цзэдуна, при его экономической отсталости, переходный период будет тоже длительным. «Для сокращения переходного периода, — заявил Мао Цзэдун, — мы будем нуждаться в экономической помощи. Мы считаем возможным получить эту помощь только от СССР и стран новой демократии. Нам необходим заем на 3 года (1949–1951 гг.) на сумму 300 млн американских долларов, по 100 млн долларов в год с оплатой процентов. Мы хотели бы получить заем частично оборудованием, нефтью и др. товарами, а также серебром, необходимым нам для укрепления юаня». [232]

По просьбе Мао Цзэдуна А. И. Микоян провел ряд многочасовых бесед с членами Политбюро ЦК КПК по вопросам экономического положения в Китае и экономической политики КПК. После этого многие проблемы обсуждались с участием Мао Цзэдуна. По итогам этих обсуждений А. И. Микоян в теле-

грамме в Москву сообщил: «Необходимо отметить, что члены Политбюро, с которыми я беседовал, вполне компетентны и держат себя уверенно в вопросах общеполитических, партийных, в крестьянском вопросе и в общеэкономических вопросах. Однако очень слабо подкованы в хозяйственных вопросах. Они имеют очень смутное представление о промышленности, транспорте, банках. Например, не имеют никаких данных о японской собственности, конфискованной после войны Гоминьданом, не знают, какие важнейшие иностранные предприятия имеются в Китае и каким государствам они принадлежат. Не имеют также сведений о деятельности иностранных банков в Китае... Они не знают также, какие предприятия принадлежат бюрократическому капиталу, которые они хотят конфисковать, сколько их находится на освобожденной территории и в каком состоянии. ...Все их хозяйственные планы носят характер общих установок без попытки конкретизации даже в отношении того, что находится под их властью в освобожденных районах. Сидят в глухой деревне и оторваны от действительности... В процессе беседы выяснилось, что у них нет конкретных планов относительно того, что они собираются взять в свои руки в качестве экономической опоры государства (крупные банки, крупная промышленность и другие)». [233]

А. И. Микоян предложил руководителям КПК представить в Москву свои конкретные заявки на предмет получения от СССР соответствующей помощи. Мао Цзэдун просил ускорить осуществление различных поставок по предыдущим заявкам КПК, связанным с решением задач оперативного характера. Для заключения соглашения о займе и обсуждения других проблем, возникавших в ходе быстро развивавшихся событий, руководство КПК, сказал Мао Цзэдун, имеет в виду через некоторое время направить в Москву специальную делегацию.

Как отмечалось в приведенной выше телеграмме Мао Цзэдуна Сталину от 8 января 1949 года, китайское руководство просило ускорить рассмотрение и осуществление поставок по предыдущим заявкам КПК. Для обсуждения вопросов дальнейшей экономической и военной помощи, а также вопроса о займе, как отмечалось в ряде бесед и соответственно в телеграммах А. И. Микояна в Москву, руководство КПК намеревалось направить в СССР специальную делегацию.

Такая делегация во главе с секретарем ЦК КПК Лю Шаоци посетила Москву в секретном порядке в июне-июле 1949 года и вела переговоры со Сталиным и другими советскими руководителями. [234]

Русский историк-китаевед С. Н. Гончаров в беседе с И. В. Ковалевым поставил следующий вопрос:

«Начиная с 50-х годов китайские руководители, а вслед за ними и историки, журналисты стали часто упоминать один эпизод, связанный с поездкой Микояна. По их утверждениям, во время бесед с Мао Цзэдуном советский представитель по поручению Сталина посоветовал не развивать дальнейшее наступление против Чан Кайши на Юге Китая, не форсировать реку Янцзы и остановиться на ее северном берегу. Давая свое объяснение подобной рекомендации Сталина, китайцы приводят несколько главных возможных причин ее появления на свет: недооценку советским лидером потенциала китайской революции, неверие в возможность быстрой и окончательной победы в гражданской войне; боязнь того, что в случае наступления коммунистов на Юге Соединенные Штаты открыто вмешаются в конфликт на стороне Чан Кайши, что в свою очередь способно было привести к развязыванию третьей мировой войны; высказывались и предположения о том, что Сталин вообще не был заинтересован в создании единого мощного Китая под контролем коммунистов, что он хотел раздробить эту страну, сохранив Юг за Чан Кайши, чтобы затем утверждать советское влияние, используя противоречия между Севером и Югом. Вполне понятно, что все эти версии вызывали в Китае крайне негативное отношение, неприятие. До сих пор в КНР идут дискуссии по данному вопросу, причем одни специалисты утверждают, что Микоян вообще не говорил ничего подобного, другие же продолжают утверждать, настаивать на том, что сталинские рекомендации все же были им изложены. Что вы можете сказать по этому вопросу, как один из немногих непосредственных участников переговоров?» [235]

Отвечая на вопрос С. Н. Гончарова, И. В. Ковалев говорил следующее:

«Да, я действительно участвовал во всех переговорах А. И. Микояна с китайскими руководителями. Они продолжались неделю и проходили в уже упоминавшейся деревне Сибай-

по, около города Шицзячжуан. Сначала Микоян, по просьбе китайских товарищей, сделал доклад о международной обстановке. Затем начались переговоры, затрагивавшие в основном вопросы советского содействия в восстановлении и развитии экономики нового Китая. Насколько помню, никаких советов о том, чтобы прекратить наступление против Чан Кайши на берегах Янцзы, Микоян не излагал.

Это вовсе не значит, что во время переговоров не возникало острых ситуаций или разногласий. Так, например, Мао Цзэдун, ссылаясь на мнение некоей “руководительницы революционного крыла партии Гоминьдан”, сообщил, что там бытует мнение о необходимости добиваться от Советского Союза выполнения двух условий: безвозмездного возвращения Китаю советской доли имущества Китайской Чанчуньской железной дороги (бывшей КВЖД) и согласия СССР на включение Монгольской Народной Республики в состав Китая. По словам Мао, в случае выполнения этих условий левое крыло Гоминьдана готово было порвать с Чан Кайши и заключить с коммунистами союз для борьбы против него. Микоян, насколько я помню, ответил, что он не уполномочен обсуждать подобные проблемы. Есть основания полагать, что ссылкой на “руководительницу революционного Гоминьдана” Мао и другие китайские руководители прикрывали собственные позиции, позднее они не раз возвращались к упомянутому выше вопросам.

Что касается вопроса о сталинских рекомендациях относительно наступления китайских коммунистов на юге страны, то мне доподлинно известно следующее. В апреле 1949 года (то есть накануне переправы через Янцзы) Сталин, в ответ на запросы китайских руководителей и мою информацию, прислал Мао пространную телеграмму, имевшую очень большое значение. В основном там излагались советы, как лучше организовать различные стороны жизни Нового Китая; в разделе седьмом этой телеграммы Сталин давал свою оценку военно-политической ситуации в стране.

Сталин подчеркивал, что хотя военные успехи Народно-освободительной армии Китая (НОАК) являются блестящими, кампании против Чан Кайши ни в коем случае нельзя считать завершенной. По мнению Сталина, “англо-франко-американцы” страшатся того, что выход НОА к границам сопредельных с Китаем

стран создаст в них, а также на занимаемых чанкайшистами островах революционную ситуацию. В этих условиях они могут пойти на любые меры — от блокады до вооруженных столкновений с Китаем для того, чтобы сохранить острова и Азию. Сталин отмечал, что особенно возросла опасность высадки англо-американских войск в тылу у главных сил НОАК, ушедших на юг. В связи с этим Сталин излагал три рекомендации, которые я сейчас приведу дословно, по тексту документа:

“а) Не торопиться и серьезно подготовить поход НОА на юг для выхода к границам с соседними странами.

б) Выделить из главных сил НОА, идущих на юг, две хорошие армии, перебросить их в районы портов, пополнить и держать в готовности для предупреждения войск врага.

в) Не сокращать пока войска НОА”.

Как видим, Сталин здесь не ведет речь о том, чтобы пресечь наступление НОАК на юге, он лишь рекомендует, как лучше его организовать.

Мне неизвестно о каких-то других рекомендациях Сталина остановить наступление. Возможно, позже китайцы ошибочно приписали вышеупомянутые советы ко времени визита Микояна. Сейчас трудно сделать окончательные выводы, это станет реальным, когда откроются архивы». [236]

В КНР дали свою трактовку поездки А. И. Микояна в Китай в начале 1949 года. При этом, прежде всего, утверждалось, что «Сталин послал Микояна в Китай за тем, чтобы выслушать мнение Мао Цзэдуна». [237]

Ход событий при этом интерпретировался так: в апреле 1948 года Мао Цзэдун с частью учреждений ЦК КПК перебазировался в провинцию Хэбэй. Приближалась победа во внутренней войне против армии Китайской Республики. Полагая, что существовали важные вопросы, которые требовалось обсудить при личной встрече со Сталиным, Мао Цзэдун принял решение совершить поездку в Советский Союз. Он предполагал сначала добраться на автомашине до советско-китайской границы, откуда и направиться в Москву.

Однако оказалось, что Сталин придерживался иного мнения.

В ответ на предложение Мао Цзэдуна и его просьбу о встрече Сталин прислал телеграмму, в которой говорилось о том, что

в решающий момент в ходе революционной войны в Китае Мао Цзэдуну было бы нецелесообразно покидать свой пост. Если же имелась необходимость обсудить важные вопросы, то Сталин предполагал направить в Китай одного из членов своего Политбюро в качестве полномочного представителя, чтобы этот представитель выслушал мнение Мао Цзэдуна; Сталин также выражал надежду на то, что Мао Цзэдун еще раз обдумает свое предложение.

Мао Цзэдун принял предложение Сталина.

В мае того же года Мао Цзэдун обосновался в деревне Сибайпо уезда Фупин провинции Хэбэй и был готов принять гостей из Советского Союза. Однако обстановка в ходе боев осложнилась. Учитывая возросшую опасность, советская сторона предпочла отложить визит.

В декабре 1948 года Сталин переслал Мао Цзэдуну письмо, которое правительство Китайской Республики направило правительству СССР. В этом документе содержалась просьба к СССР выступить в качестве посредника с тем, чтобы добиться приостановки войны между войсками правительства Китайской Республики и войсками Мао Цзэдуна, прекратить внутреннюю войну. В письме имелись выражения такого рода: «братоубийственная война», «все еще» существующая необходимость «оборонить страну от агрессии». Эти выражения трактовались как просьба к советской стороне уговорить КПК отказаться от ведения войны.

Однако Сталин, учитывая военный перевес сил КПК, не поддался на удочку Чан Кайши. Правда, советское правительство ограничилось только тем, что передало письмо (текст письма на русском языке) КПК и при этом не выразило своего мнения. Ши Чжэ перевел текст письма на китайский язык и передал его Мао Цзэдуну.

Иначе говоря, в материалах, которые опубликованы в КНР, их авторы старались создать впечатление, что Сталин как бы отстранился от того, чтобы занять определенную позицию, особенно позицию поддержки в общем и целом действий Мао Цзэдуна. Судя по приведенным выше документам, это сознательное и намеренное искажение фактов.

Китайские авторы также отмечали, что, получив перевод письма правительства Китайской Республики правительству

СССР, Мао Цзэдун только чуть улыбнулся и не придал этому значения. [238]

Далее утверждалось, что только тогда, когда в январе 1949 года войска КПК взяли Тяньцзинь, уничтожили противника под Баодином и обстановка на фронтах прояснилась и стала устойчивой, Сталин послал А. И. Микояна с секретной миссией в Китай. С А. И. Микояном поехали замминистра путей сообщения СССР, ответственный за восстановление КЧЖД И. В. Ковалев, китаевед Е. Ф. Ковалев и сотрудник охраны.

А. И. Микоян был членом Политбюро ЦК партии, заместителем председателя Совета Министров СССР. Это была импозантная фигура. Он вылетел с советского аэродрома в Дальнем и приземлился в Шицзячжуане. Его встретили Ши Чжэ и Ван Дунсин, которые и препроводили А. И. Микояна в Сибайпо. По пути А. И. Микоян неоднократно требовал остановить автомашину, заходил в дома простых крестьян, разговаривал с мужчинами и женщинами, со старыми и малыми. Он и не старался держать в секрете свою миссию.

Будучи обеспокоен этим, Ши Чжэ пытался остановить А. И. Микояна, а затем, увидев тщетность своих попыток, спросил: «Если вы хотите сохранить поездку в тайне, почему вы бегае­те куда попало и демонстрируете себя?»

А. И. Микоян ответил: «Да разве тут у вас что-либо может быть сохранено в тайне?! Думаю, что завтра-послезавтра агентство Рейтер, или ЮПИ, или другое телеграфное агентство передаст сообщение об этой поездке: причем они не только будут рассказывать о том, что я посетил Китай, но, вероятно, станут утверждать, что русские дьяволы занимаются в Китае подрывной деятельностью. А раз это так, то к чему все эти меры предосторожности?»

Ши Чжэ дал ему свои разъяснения, но А. И. Микоян их не слушал. Однако спустя два года А. И. Микоян, встретившись с Ши Чжэ, принес свои извинения: «Вплоть до настоящего времени ни одно иностранное информационное агентство, ни Рейтер, ни ЮПИ, так и не опубликовало сообщения о моей поездке в Шицзячжуан и Сибайпо. Это свидетельствует о том, что вы действительно пустили глубокие корни в массах и народ верит вам, слушается вас, идет за вами. Ваши сила и влияние являются беспримерными. Вы знаете, этого мы в СССР добиться не мо-

жем. Если у нас где-нибудь появится иностранец, это сразу же становится известно во всей округе».

А. И. Микоян находился в Сибайпо неделю. В общей сложности он три полных дня провел в беседах с пятеркой: Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Энлай, Чжу Дэ, Жэнь Биши. Остальное время заняли отдельные беседы, отдых, развлечения.

По приезде А. И. Микояна в Сибайпо Мао Цзэдун принял его и представил секретарей ЦК КПК. А. И. Микоян, со своей стороны, передал приветы от Сталина и всех членов Политбюро ЦК ВКП(б), пожелания Компартии Китая добиться скорейшей победы, полностью освободить Китай. Затем он вручил Мао Цзэдуну подарок Сталина — отрез шерстяной материи. При этом А. И. Микоян сказал, что Сталин проявляет большую заботу о развитии революции в Китае и «направил меня сюда для того, чтобы выслушать ваше мнение. Я доложу по возвращении Сталину о том, что будет вами сказано; принимать же решения будет Сталин».

На следующий день начались официальные переговоры, в ходе которых говорил главным образом Мао Цзэдун. Чжоу Энлай, Жэнь Биши бросали реплики, делали некоторые пояснения. Мао Цзэдун подряд говорил целых три дня, то есть 1, 2 и 3 февраля 1949 года.

Мао Цзэдун высказал следующие соображения:

Вплоть до настоящего времени революция в Китае развивается довольно быстро, относительно быстро развивается и военная ситуация. Возможно, тут не понадобится слишком много времени. Иначе говоря, очевидно, потребуется меньше времени, чем мы предполагали ранее, и мы сможем форсировать реку Янцзы, а дальше окажется возможным развивать наступление на юг. Предполагаем, что после переправы через реку Янцзы нам не понадобится особенно много времени, как мы уже окажемся в состоянии взять Нанкин, овладеть Шанхаем и другими большими и важными городами. После овладения несколькими важными городами южнее реки Янцзы мы не ожидаем, что у врага сохранятся какие-либо значительные реальные силы.

Мао Цзэдун продолжил:

Наша армия обладает сильной волей, ее боевой дух высок. Главные особенности нашей армии: хороший классовый состав,

высокая сознательность; бойцы и командиры относительно молоды, подвижны. Они полны энтузиазма, обладают высокой боеспособностью. Они не только способны преодолевать трудности, есть, как говорится, горькое, они способны также развивать свои преимущества, инициативу и гибкость при принятии решений и в действиях. Поэтому, при том условии, что руководство будет на высоте, если мы в области стратегии, в тактике, в оперативном плане не допустим больших ошибок, у нас есть гарантия того, что мы одержим полную победу.

Мао Цзэдун подчеркнул:

Наши лозунги, наши политические установки целиком и полностью отвечают интересам и требованиям широких народных масс, люди их поддерживают, они им нравятся. По всей стране массы рабочих и крестьян, а также и слои передовой интеллигенции, образованных людей, выступают вместе с нами. Реакционные элементы из числа последних, то есть из числа интеллигенции, образованных людей, большей частью уходят с Гоминьданом, или на Тайвань, или за границу. Можно сказать, что сегодня сердца людей обращены к нам, симпатии народа на нашей стороне. Это благоприятные условия и прекрасная возможность для того, чтобы мы целиком и полностью разгромили Чан Кайши, Гоминьдан. «Надо ловить момент, больше такой возможности может не быть!» Нельзя упустить такой случай. А ведь и в действительности дело обстояло именно таким образом: после того, как в 1947 году армия Чан Кайши захватила Яньань, мы, находясь тогда в Северной части провинции Шэньси, в октябре того же года выбросили лозунг, призыв: «На Нанкин, живьем взять Чан Кайши!»; а вслед за тем мы бросили еще один лозунг, еще один призыв: «Форсировать реку Янцзы, освободить весь Китай!» Вот наши стратегические руководящие лозунги, причем мы должны будем постепенно претворить их в жизнь. Когда мы оставляли Яньань, то говорили: он захватил Яньань, а мы сумеем взять Нанкин. Наши методы в отношении Чан Кайши: действовать острием против острия, не уступать ни пяди земли.

Вслед за тем Мао Цзэдун проанализировал три проблемы, которые стояли тогда перед КПК:

Во-первых, проблема создания новой политической власти после победы в войне. На повестку дня уже встали такие воп-

росы, как характер этой власти, ее формы, структура, наименования органов власти. Эти вопросы уже обсуждались в партии. Прежде всего, кратко охарактеризовать существо этой власти можно следующим образом: это демократическая диктатура народа на основе союза рабочих и крестьян, причем ее сутью является не что иное, как диктатура пролетариата. Однако когда речь идет о таком государстве, как наше, то тут наиболее подходящим, наиболее рациональным и лучше всего эмоционально воспринимаемым будет именно такое наименование, как демократическая диктатура народа.

Далее стоит вопрос о структуре, о составных частях этой власти. Мы полагаем, что она должна представлять собой коалиционное правительство. Формально она не будет именоваться так, но по своей сути это должно быть именно коалиционное правительство. В настоящее время в Китае помимо Коммунистической партии существуют также несколько различных демократических партий и организаций, некоторые из них сотрудничают с нами на протяжении многих лет. Хотя они и не могут считаться мощными организациями, да они и не многочисленны, хотя они и не обладают каким-либо влиянием ни в массах рабочих и крестьян, ни в вооруженных силах, однако они пользуются определенным влиянием и в кругах интеллигенции, и среди наших соотечественников за рубежом. Мы намерены продолжать спланировать их, проявлять о них заботу, оставить для них некоторые посты в правительственных учреждениях. Однако руководящая власть в государстве должна находиться в руках Коммунистической партии Китая. Это определено и не подлежит пересмотру, тут недопустимы какие бы то ни было колебания.

Окажется ли возможным сплотить людей и добиться единства действий, если речь идет о такого рода власти, имеющей коалиционный характер? Это вопрос практических действий, это вопрос, касающийся методов работы и создания определенных структур. С одной стороны, структуры, порядок можно постепенно создавать и совершенствовать, оздоравливать; методы работы тоже можно в процессе работы постепенно согласовывать и совершенствовать. Что же касается трудностей и трений, возникающих в ходе работы, то они непременно будут появляться, однако их также непре-

менно можно преодолевать и улучшать ситуацию. Одним словом, структура правительства в основном будет такой, как об этом только что было сказано. Коммунистическая партия Китая — это ее ядро, ее костяк. Новая власть должна непрерывно усиливать и расширять сферу работы, направленной на обеспечение единого фронта.

Во-вторых, непосредственно после победы встает именно такая задача, как восстановление производства и экономическое строительство. Как только закончится война мы тут же не только должны взяться за восстановление производства, но и должны создавать совершенно новую, современную, мощную экономику страны. Тут не обойдешься выдвиганием неких лозунгов, призывов; эту задачу невозможно выполнить принятием нескольких решений. Здесь необходима правильная политика. Мы сейчас как раз изучаем в качестве подспорья для себя опыт двукратного восстановления хозяйства в Советском Союзе (после Октябрьской революции 1917 года и после окончания Второй мировой войны). Население Китая составляет 500 миллионов человек. Только на словах легко привести это население в движение, организовать и упорядочить. Перед нами в настоящее время стоит именно следующая актуальная задача: мы должны решить вопросы, касающиеся обеспечения народа одеждой, питанием и жильем, а также вопросы, касающиеся налаживания производственного строительства.

Мао Цзэдун указал:

Народные массы обладают героической силой, силой могучей, силой наиболее надежной и непобедимой. Наши профессиональные организации рабочих, организации женщин, молодежные организации в годы войны сыграли огромную роль. Они могут также сыграть еще более полноценную и великую роль в производственном строительстве. В настоящее время в масштабах всей страны массы еще не организованы в полной мере, а это ставит перед нами очень трудную задачу. Что же касается нынешних форм, то у рабочего класса есть собрания представителей рабочих и служащих, у женщин есть федерации женщин; что же касается молодежи, то тут речь идет почти о половине населения всей страны, поэтому помимо такой формы организации, какую представляет собой союз молодежи, пожалуй, надо будет создавать и развивать другие подобные

организации, а именно такие, как федерация студентов и прочие формы молодежных организаций.

А. И. Микоян здесь вставил свое слово:

Не приведет ли создание нескольких различных молодежных организаций к распылению и даже расколу сил молодежи? Не вызовет ли это противоречия и трения в работе с молодежью? Не лучше ли было бы иметь для молодежи только одну организацию, что облегчило бы организацию молодежи, упорядочение ее рядов, руководство ею?

Мао Цзэдун помрачнел:

В Китае молодежи более ста миллионов. Как же можно загнать их в один загон с помощью одной только организации? А если даже мы их всех загоним в один такой загон, то как с ними работать? Формы и методы работы с молодежью должны быть соответствующими, должны быть гибкими, поэтому вполне естественно, что тут необходимо также гарантировать, что молодые люди сыграют при этом должную роль.

А. И. Микоян поспешил заявить:

Я приехал только за тем, чтобы послушать, только со своим ухом; у меня нет права высказывать мнение.

В дальнейшем А. И. Микоян больше не вставлял свои реплики, когда говорил Мао Цзэдун.

В-третьих, анализируя проблемы, стоявшие тогда перед КПК, Мао Цзэдун остановился на вопросе об армии.

Далее он рассуждал о международных проблемах и об общем курсе внешней политики Китая. При этом он привел образное сравнение. С его точки зрения, сначала следовало подмести и прибраться в своем доме и только затем приглашать в него гостей.

Мао Цзэдун говорил:

В нашем доме сейчас довольно много мусора. Так получилось в силу того, что империалистические элементы натоптали там своими железными копытами. И если допустить, чтобы некие бесцеремонные, ничего не смыслящие в приличиях и нормах поведения гости плюс к тому, что мы имеем, намеренно и осознанно нанесли к нам и еще всякий мусор, тогда вообще будет трудно что-либо сделать для исправления положения. А ведь они заявляют: «В вашем доме изначально была одна сплошная грязь, ведь так? Чего же вы тут еще и выступаете с вашими протестами?!» При таких обстоятельствах нам с ними

просто не о чем разговаривать. Мне представляется, что ситуация, при которой друзья входят в двери нашего дома и между нами устанавливаются дружественные отношения, является совершенно нормальной, да и просто необходимой. А если еще плюс к тому они еще и согласятся протянуть нам руку помощи, то это будет еще лучше, разве не так?! Что касается этого вопроса, мне хотелось бы на этом сегодня закончить. Однако нам хорошо известно, что существуют и такие, кто хотел бы проникнуть к нам украдкой, подсмотреть в замочную скважину, своими железными копытами они хотят топтаться в нашем доме; несмотря на это, мы пока, временно все еще не имеем возможности дать им достойную отповедь. Что же до империалистических элементов, то они преследуют неблагоприятные цели. С одной стороны, они хотели бы прихватить кое-что в нашем доме, урвать там для себя кое-что; в то же время они действуют так для того, чтобы мутить воду. Ведь в мутной воде легче выловить рыбку. Нам не нравится, когда к нам являются такие вот люди.

В настоящее время мы все еще не освободили половину нашей территории. В континентальной части страны справиться с этой задачей относительно легче. Тут вопрос решается простым продвижением наших войск. Что же касается островных территорий в морях, то дело обстоит сложнее. Здесь необходимо применить другие, более гибкие методы для того, чтобы освободить эти территории. Или применить метод мирного перехода; иначе говоря, при этом потребуются относительно длительное время. В таких обстоятельствах нет особого смысла спешить с освобождением Сянган, Аомэня. Напротив, следует использовать изначальное положение этих двух районов, особенно Сянган; это благоприятное условие для развития нами отношений со странами, которые лежат за морями. Это предоставляет нам удобства при ведении экспортно-импортной внешней торговли. Одним словом, следует принимать окончательные решения, исходя из развития ситуации.

Тайвань — это территория Китая. Тут спорить не о чем. В настоящее время, оценивая ситуацию, можно прийти к выводу о том, что все остатки сил Гоминьдана отступают туда и в дальнейшем создастся ситуация противостояния между нами и ими через морской пролив; при этом не будут поддержи-

ваться какие бы то ни было отношения. К тому же тут существует и такая проблема, как США. По сути дела, Тайвань находится под защитой и прикрытием со стороны американского империализма. Таким образом, вопрос о Тайване оказывается еще более сложным, чем вопрос о Тибете. Для того чтобы освободить Тайвань, потребуется еще больше времени.

В настоящее время в ходе освободительной войны мы одерживаем одну победу за другой и продвигаемся вперед. При этом вплоть до сего момента мы еще не встретились с серьезными попытками империализма вмешаться или ставить нам преграды. Мелкие столкновения случались неоднократно. Например, кое-где в окрестностях Тяньцзиня, в окрестностях города Циндао в провинции Шаньдун имели место конфликты. Во всех такого рода случаях они просто-напросто пытались испытать нас. Получая с нашей стороны отпор и ощущая наши удары, они уползали назад, вели себя как черепаха, которая прячется под свой панцирь. А вслед за тем они впадали в панику и бежали, отступали, их и след простыл, они предпочли за благо убраться. Будут ли иметь место такого рода ситуации южнее реки Янцзы, я пока не знаю.

Опыт, который у нас накопился к настоящему времени, свидетельствует о том, что американские вооруженные силы не имеют намерения быть вовлечены непосредственно во внутреннюю войну в Китае. Они лишь косвенно как бы суют свой нос в наши дела. Они в больших количествах поставляют армии Чан Кайши вооружение и боеприпасы (военное имущество и снаряжение, которое осталось после окончания Второй мировой войны); они питают надежды на то, что эти отбросы сыграют свою роль. Прочие империалисты в настоящее время похожи на глиняного Будду, который переходит реку вброд. Он заботится при этом только о самом себе, они готовы поступиться честью ради спасения своей шкуры; каждый из них думает лишь о собственной безопасности, никто из них не желает, да практически и не может, не имеет сил для того, чтобы пуститься в авантюры. В настоящее время мы сталкиваемся именно с такой ситуацией на мировой арене. А это также является одним из условий, благоприятствующих достижению нами полной и окончательной победы в войне освобождения. В истории Китая просто трудно найти подобную

ситуацию. Мы ни в коем случае не можем упустить такой случай.

Мы еще предъявим счета империалистам по нескольким реестрам. Во-первых, они должны целиком и полностью отменить все свои привилегии в Китае. Во-вторых, вооруженные силы империализма, его полицейские силы должны покинуть Китай. Что же касается проживания на территории Китая выходцев из других стран, то мы будем решать этот вопрос в соответствии с общими правилами проживания иностранцев и с международными обычаями. Империалистические элементы никогда еще не считали китайцев за людей. Вот и придется их проучить; пусть они протрезвеют, пусть у них в голове прояснится.

Помимо этого Мао Цзэдун говорил в беседах с А. И. Микояном о вопросах национальной политики, аграрной реформы, политики по отношению к национальной буржуазии. Он также ознакомил А. И. Микояна с положением в Коммунистической партии Китая. При этом он особо остановился на том, какой политики придерживается наша партия в отношении тех своих функционеров, которые допустили ошибки. Он привел пример: такие деятели, как Ван Мин, Ли Лисань, несмотря на то что они допустили ошибки в вопросе о линии партии и несмотря на то что их деятельность нанесла огромный урон партии, избраны членами ЦК партии. Это произвело на А. И. Микояна глубокое впечатление. Когда А. И. Микоян присутствовал в 1956 году на восьмом съезде КПК, он специально отметил, что доложил Сталину об этом обстоятельстве, однако Сталин никак не отреагировал на это. [239]

Впоследствии в разговоре с Ши Чжэ А. И. Микоян рассказывал о том, какое впечатление произвел на него Мао Цзэдун. А. И. Микоян считал, что Мао Цзэдун дальновиден, твердо проводит свой курс, он мудрый стратег; это незаурядный руководитель. А. И. Микоян имел также в Сибайпо беседы с Чжоу Эньлаем и Жэнь Биши.

Рано утром 7 февраля 1949 года А. И. Микоян в сопровождении Чжу Дэ и Жэнь Биши выехал в Шицзячжуан. Осмотрев город, он улетел на своем самолете. Поездка А. И. Микояна в Китай — это случай, когда Сталин впервые направил прямо в Китай члена Политбюро с той целью, чтобы разобраться в ситуации и непосредственно выслушать мнение Мао Цзэдуна. Это также первая личная встреча: встреча лицом к лицу важных ру-

ководителей двух партий — ВКП(б) и КПК. Все это сыграло важную роль в процессе знакомства Сталина с Мао Цзэдуном и революцией в Китае. Так оценивали в КПК — КНР визит А. И. Микояна в Китай в январе-феврале 1949 года. [240]

В литературе, изданной в КНР, особо выделяется следующий момент. В начале февраля 1949 года в дни пребывания А. И. Микояна в Сибайпо Мао Цзэдун однажды вечером нанес ему визит. На сей раз Мао Цзэдун высказал свои соображения по вопросу о независимости и суверенитете, самостоятельности в решениях.

При этом он, в частности, сказал:

И во время Войны сопротивления Японии, и во время Войны за освобождение страны наша партия на всех этапах проводила политический курс, для которого были характерны независимость, самостоятельность в принятии решений, суверенность, опора в ходе развития на собственные силы. Факты свидетельствуют о том, что этот наш политический курс является правильным, а шаги, которые мы предпринимали, были обоснованными, хотя мы и встретились с немалыми трудностями, и при продвижении вперед нам на пути встретятся еще большие ухабы и рывки. Несмотря на все это, мы по-прежнему полны уверенности и твердой поступью идем вперед к намеченным нами целям. Мы не остановимся и не будем делать передышку до тех пор, пока не добьемся победы. У нашей партии есть и решимость, и уверенность в этом; в равной степени такая решимость и уверенность есть и у нашего народа. Тут мы абсолютно непоколебимы.

Затем Мао Цзэдун в ходе этой беседы с А. И. Микояном перешел к изложению своих взглядов на дружбу, на отношения дружественного характера, проанализировав вопрос о настоящих и мнимых друзьях. Он сказал:

Мы полагаем, что чем ближе мы к победе в своем движении вперед в ходе Войны за освобождение страны, тем больше мы нуждаемся в друзьях. При этом я имею в виду настоящих друзей. Одновременно мы тем более нуждаемся в сочувствии и поддержке со стороны друзей. Существует различие между настоящими и фальшивыми друзьями. Настоящие друзья нам сочувствуют, поддерживают нас и помогают нам, проявляя при этом искренние чувства дружбы. Фальшивые друзья внешне дружественны, однако они либо кривят душой, либо действуют, имея дурные на-

мерения, а добившись того, что люди попадают на их обман, они злорадствуют и радуются чужой беде. Однако мы вполне способны проявлять бдительность в этом плане.

Согласно наблюдениям Ши Чжэ, который переводил эту беседу, А. И. Микоян сосредоточенно выслушал рассуждения Мао Цзэдуна, на его лице отразилось некое беспокойство, однако он сдержался, понимая, что у него нет возможности постичь всю глубину намеков Мао Цзэдуна, предназначенных для сведения Сталина. Поэтому А. И. Микоян никак не выразил своего отношения к тому, что сказал Мао Цзэдун, ограничившись тем, что, вероятно, по возвращении доложил обо всем услышанном Сталину.

Ши Чжэ подчеркивал, что, по сути дела, рассуждения Мао Цзэдуна представляли собой критику великодержавного шовинизма, который, по мнению Мао Цзэдуна, был присущ Сталину. [241]

Мао Цзэдун стремился даже в быту, используя его мелочи, давать понять, что он видел в действиях советской стороны, Сталина попытки унижить его, проявить великодержавный шовинизм, и давал резкий отпор в этих случаях.

Мао Цзэдун всегда подчеркивал, что для него всякие поползновения, направленные на то, чтобы внести в обыденную жизнь некие аристократические замашки, да особенно если это в его сознании связывалось с проявлением великодержавного шовинизма иностранцами, и прежде всего советскими (русскими), совершенно нетерпимы.

В 1949 году внимание Мао Цзэдуна привлекло то, что А. И. Микоян прибыл в Сибайпо в добротной, если не роскошной, шубе с большим меховым воротником и в дорогой меховой шапке (вероятно, знатоки Китая предупредили о том, что в этом путешествии следует беречься от простуды; с другой стороны, А. И. Микоян был одет так, как обычно одевалась верхушка в СССР). Мао Цзэдун также полагал, что самой своей походкой, жестами, всей манерой поведения А. И. Микоян намеренно демонстрировал свое высокое положение.

Мао Цзэдун сначала проявил необходимое внешнее уважение к посланцу Сталина. Однако затем, как свидетельствовал китайский очевидец, и внешний облик А. И. Микояна, и его повадки, представлявшие Мао Цзэдуну проявлением и высокомерия, и великодержавного шовинизма, вызвали у Мао Цзэдуна антипатию к А. И. Микояну. [242]

По случаю пребывания А. И. Микояна в Сибайпо в 1949 году Мао Цзэдун трижды устраивал в его честь приемы. В Сибайпо в условиях того времени еще не было возможности сделать эти банкеты роскошными. Повар, который готовил обед, особенно гордился тем, что к столу была подана свежая речная рыба, приготовленная в красном соусе (кстати, одно из любимых блюд Мао Цзэдуна). А. И. Микоян со своей стороны припас к столу много разнообразных консервов, водку и виноградные вина.

По утверждению сторонников Мао Цзэдуна в Китае, А. И. Микоян был не дурак выпить. Причем он пил не рюмочками, а большими фужерами или стаканами. Он брал такой стакан, наливал туда больше половины китайской водки «Фэньцзю» и выпивал этот стакан одним махом в несколько глотков. Мао Цзэдун такое превосходство советского гостя над китайскими хозяевами удручало. Он не хотел уступать ни в чем, даже в этом. Сам Мао Цзэдун от алкоголя быстро краснел. Он пригубливал и не пил рюмку до конца. Чжу Дэ, Лю Шаоци, Жэнь Биши пили мало. Только Чжоу Эньлай был способен как-то помериться силами с А. И. Микояном. Но в несколько глотков выпить стакан ему было не под силу. Он тоже пил умеренно, подчеркивали авторы воспоминаний из КНР.

Будучи обеспокоен тем, что в способности выпить китайцы уступали А. И. Микояну, Мао Цзэдун постарался переключить внимание на то, что было подано к столу, настойчиво потчuya гостей: «Кушайте, кушайте. Отведайте вот рыбку из Хутохэ, из нашей речки!»

А. И. Микоян попробовал китайские яства и похвалил их: «Всем известно, что в Китае еда вкусна. Мы так приготовить не можем. Вот революция в Китае победила, теперь нам надо бы прислать людей в Китай учиться готовить по-китайски, чтобы разнообразить нашу кухню».

Тут Мао Цзэдун чрезвычайно обрадовался. Он был рад потому, что А. И. Микояну пришлось признать превосходство китайцев. Далее Мао Цзэдун положил А. И. Микояну кусочек рыбки, приготовленной в красном соусе, и, улыбаясь, сказал: «Мне думается, что есть две вещи, два великих вклада Китая в мировом масштабе: во-первых, это лекарства китайской медицины, а во-вторых, это блюда китайской кухни!»

Переводчик с советской стороны спросил: «Это свежая рыба?» Только получив утвердительный ответ, А. И. Микоян попробовал эту рыбу.

Мао Цзэдун огорчился.

На этом, с нашей точки зрения, вроде бы совершенно незначительном примере видно, каким было отношение Мао Цзэдуна к Сталину, его посланцу, людям из СССР (России) и насколько разнились советские и китайские собеседники. В СССР никогда не придавали такого важного значения подобным мелочам жизни. В то же время в СССР не думали о том, что каждая деталь в умах Мао Цзэдуна и его сторонников рассматривалась прежде всего как часть политической борьбы против всех иностранцев, в данном случае против людей из СССР, из России.

Да, в нашей стране традиционно различают свежую и уснувшую, тем более мороженую, рыбу. В этом ничего особенного нет. В то же время вряд ли стоило обращать внимание именно на это во время обеда у Мао Цзэдуна. Здесь советская сторона допустила ляпсус. Хотя, впрочем, Мао Цзэдун все равно, при его настрое в отношении Сталина и СССР, России, нашел бы что-то иное, чтобы выразить свое недовольство гостями из СССР, из России. Они были виноваты уже тем, что прибыли из России.

Не исключено также, что переводчик был вынужден задать этот вопрос по просьбе А. И. Микояна или зная его привычки. Он должен был уверить А. И. Микояна в том, что на столе блюдо из живой рыбы, ибо только такую рыбу ел А. И. Микоян.

При нормальных отношениях с этим следовало считаться, не следовало воспринимать это как проявление некоего особого, приправленного великодержавным шовинизмом высокомерия и деланного аристократизма (так сказать, буржуазности), брезгливости. Однако Мао Цзэдун искал любую зацепку, чтобы убеждать себя и своих сторонников в том, что Сталину, советским, русским присуще национальное высокомерие по отношению к китайцам, а следовательно, Мао Цзэдун сознательно и последовательно на протяжении всей своей политической карьеры или ее большей части возбуждал в своих соотечественниках ненависть к русским как к нации.

Мао Цзэдун был весьма злопамятен, особенно в таких случаях.

В декабре 1949 года Мао Цзэдун прибыл в Москву. Давая указания приехавшему с ним (кстати сказать) его личному повару (в

том, что касалось обслуживающего персонала, да и вообще обслуживания высоких руководителей, КПК — КНР не только не отличалась от КПСС — СССР, но и могла еще дать несколько очков вперед; Мао Цзэдун, на словах будучи скромнейшим из скромных, на деле пользовался, по сути дела, рабским трудом весьма многочисленной челяди и вел жизнь в таких роскошных условиях, какие, может быть, и не снились советским руководителям), Мао Цзэдун велел: «Вы должны готовить для меня только блюда из живой рыбы. Если же они (советские) пришлют уснувшую рыбу, швырните им ее назад!» [243]

Когда доставили рыбу к столу Мао Цзэдуна под присмотром полковника из советской охраны, повар, увидев, что рыба уснула, и, выполняя указание Мао Цзэдуна «швырнуть ее им обратно», отказался принимать эту рыбу.

Послали за переводчиком, и тогда выяснилось, что Мао Цзэдуну нужна только живая рыба. Недоразумение мгновенно уладили. Тут же доставили взамен уснувшей живую рыбу. Обо всем этом мгновенно доложили и Мао Цзэдуну, и Сталину.

Мао Цзэдун полагал, что таким образом он добился того, что с ним стали считаться в Москве люди и на высшем, и на низовом уровне. В 1957 году перед приездом Мао Цзэдуна в Москву Н. С. Хрущев, давая указания о том, как принимать китайского гостя, в частности, говорил: «С Мао Цзэдуном дело иметь не просто. Он уснувшую рыбу не ест». [244]

Если сопоставить оценки, которые давала визиту А. И. Микояна в Китай советская и китайская сторона, то становится вполне очевидно, что существовало значительное недопонимание между ними. Они лишь нащупывали некоторые точки соприкосновения. У них были различные представления и о себе, и о партнере. Существовали объективные обстоятельства и интересы, которые заставляли обе стороны делать шаги навстречу друг другу, но существовали и весьма значительные расхождения между позициями руководителей ВКП(б) — СССР и КПК.

Визит А. И. Микояна в Китай был важной составной частью процесса подготовки к личной встрече Сталина и Мао Цзэдуна.

СТАЛИН И ПОСЛАНЕЦ МАО ЦЗЭДУНА ЛЮ ШАОЦИ

Существует выдвинутая в КПК — КНР версия, согласно которой Сталин в 1949 году никак не хотел, чтобы войска Мао Цзэдуна переправлялись через реку Янцзы. При этом можно себе представить, что обуянный своей подозрительностью и патологической или генетической ненавистью к России (СССР) Мао Цзэдун мог рассуждать и таким образом: Сталин одновременно и ненавидел Китай, и боялся его, поэтому Сталина устраивал Китай, разделенный, подобно Германии, Корее или Вьетнаму, на два государства: на «Северное царство» Мао Цзэдуна и «Южное царство» Чан Кайши; Сталин исходил из того, что при таких обстоятельствах границы СССР были бы защищены более успешно, вдоль границ Советского Союза на востоке был бы создан защитный пояс из зависящих от Москвы стран; китайцы были бы заняты своими проблемами, а ему (Сталину) было бы легче иметь дела одновременно, но порознь с двумя китайскими государствами, с каждым из двух китайских лидеров, то есть и с Мао Цзэдуном, и с Чан Кайши; при этом и тот и другой оказался бы в трудном положении и нуждался бы в поддержке Сталина.

Мао Цзэдун действительно был иррационален и опасно агрессивен в своих размышлениях, стратегических и тактических планах и даже, частично, практических действиях, когда дело касалось, в частности, России (СССР). В одной из бесед 11 апреля 1957 года Мао Цзэдун вспоминал: «Вплоть до 1949 года, то есть вплоть до того момента, когда мы должны были уже вот-вот форсировать реку Янцзы, находился кое-кто, ставивший преграды на этом пути; говорили, что этот некто считал, что ну ни в коем случае нельзя переправляться через Янцзы, ибо фор-

сирование реки Янцзы, дескать, непременно приведет к тому, что США введут в бой свою армию, а в результате в Китае может создаться ситуация, при которой будут одновременно существовать два царства, две династии: “Северная династия и Южная династия”. Однако мы этого некто не стали слушать, не стали ему повиноваться. Мы форсировали реку Янцзы, а США так и не решились пустить в ход свою армию; в результате в Китае так и не возникла ситуация одновременного существования “Северной и Южной династий”. А вот если бы мы послушались его, вот тогда действительно могли бы появиться “Северная династия” и “Южная династия”». [245]

В литературе, изданной в КНР, также утверждалось, что этим «некто» был Сталин, который якобы имел такого рода мысли, причем замыслы Сталина проявлялись во внешнеполитических действиях СССР. Ссылались на то, что в момент подготовки НОАК к переправе через реку Янцзы, когда правительство Китайской Республики в панике готовилось к передислокации из Нанкина на Тайвань, Москва продолжала «показывать», что она «не желает искренне поддерживать народно-освободительное движение, находившееся под руководством Мао Цзэдуна и КПК», а хотела бы «явно или тайно различными методами защищать господство гоминьдановского правительства». Эти тенденции Сталина и советского правительства «проявились в нескольких фактах»:

Во-первых, в январе 1949 года, когда временным президентом Китайской Республики был Ли Цзунжэнь, посольство СССР в Китайской Республике выработало с Ли Цзунжэнем проект двустороннего соглашения, стремясь тем самым продемонстрировать, что Советский Союз желает «по-настоящему сотрудничать» с Китайской Республикой, при том условии, что это государство в будущем при любых ситуациях будет занимать нейтральную позицию и устранять воздействие США на ход событий в Китае. Это соглашение оказалось невозможно подписать только по той причине, что правительство США сочло «нелогичным», чтобы в одно и то же время Ли Цзунжэнь просил о помощи США и вел с Москвой переговоры об устранении влияния США в Китае. Рассуждая на эту тему, автор из КНР подчеркивал, что, с его точки зрения, фактом остается то, что в последний момент, когда НОАК уже свергала гоминьдановское

правительство, Москва стремилась «по-настоящему сотрудничать» с гоминьдановским правительством.

Во-вторых, версия автора из КНР содержала утверждение о том, что накануне освобождения Нанкина в апреле 1949 года в отличие от всех остальных дипломатических представителей посол СССР Н. В. Рощин оказался единственным членом дипкорпуса, который сопровождал правительство Китайской Республики при его переезде из Нанкина в Гуанчжоу.

Далее говорилось, что, когда руководимая КПК НОАК вошла в Нанкин, советского посольства уже не было в Нанкине. На самом же деле, согласно свидетельству тогдашних работников советского посольства, часть его сотрудников оставалась в Нанкине в эти дни, причем они тут же вступили в контакт с руководителями частей НОАК; посол Н. В. Рощин действительно с другими советскими дипломатами выехал вместе с правительством Китайской Республики, при котором он был аккредитован, в Гуанчжоу.

По мнению автора из КНР, такое поведение посла СССР говорило о подлинном и, что само собой подразумевалось, очевидно негативном отношении СССР к народной освободительной войне, которая велась под руководством Компартии Китая.

Зная о реальном, хотя и скрытом тогда, по крайней мере формально, от внешнего мира взаимодействии Сталина и Мао Цзэдуна, о чем свидетельствовали, по крайней мере, документы, связанные с визитом А. И. Микояна в Китай в начале 1949 года, никак нельзя согласиться как с вышеуказанными утверждениями автора цитируемой работы, так и с намеками, содержащимися в вышеприведенных словах Мао Цзэдуна. На самом деле на протяжении всего довольно продолжительного времени перед образованием КНР шла напряженная практическая работа, в ходе которой Сталин оказывал Мао Цзэдуну всестороннюю реальную поддержку и помощь, хотя при обсуждении ряда проблем стороны занимали самостоятельные и отличавшиеся одна от другой позиции.

Пять месяцев спустя после визита в Китай А. И. Микояна, то есть в июле 1949 года, Мао Цзэдун поручил Лю Шаоци возглавить делегацию, которая была направлена в СССР. Специально давая свои разъяснения в связи с вышеупомянутыми фактами, Сталин говорил в то время в беседе с Лю Шаоци, что посол СССР в Ки-

тайской Республике Н. В. Рощин последовал за гоминьдановским правительством в Гуанчжоу потому, что «мы хотели наблюдать за обстановкой в Гоминьдане». С точки зрения упомянутого автора из КНР, это было разъяснение, которое можно охарактеризовать известным выражением: «На воре и шапка горит». Разъяснение было неубедительным. Ведь в то время НОАК имела явное преимущество, Гоминьдан разваливался, не мог оказывать сопротивления, «мирные переговоры» завершились крахом. «Да разве была хотя бы минимальная необходимость того, чтобы в ситуации того времени направлять посла “следить” за обстановкой в Гоминьдане в Гуанчжоу?» — задавал риторический вопрос автор из КНР. Он не желал принимать во внимание твердое и обоснованное намерение Сталина не дать в руки ни США, ни партии Гоминьдан Китая, Китайской Республики никаких формальных поводов для обвинения Советского Союза во вмешательстве во внутреннюю борьбу в Китае. Более того, такое поведение Сталина способствовало укреплению тезиса Мао Цзэдуна о том, что всех своих побед КПК добилась в опоре на собственные силы, без помощи из-за рубежа. Сталин, фактически всемерно содействуя Мао Цзэду и КПК в их борьбе против Чан Кайши, в то же время был согласен оставить суть дела, подлинный характер взаимоотношений и помощи со стороны ВКП(б) и СССР Мао Цзэду и КПК в тайне от всего мира, включая даже народы СССР и Китая.

Наконец, автор из КНР считал, что к вышеуказанному можно присовокупить «еще один убедительный факт», а именно то обстоятельство, что вплоть до мая 1949 года, то есть вплоть до того момента, когда Гоминьдан потерпел уже полное поражение на материке, СССР все еще вел с правительством Чан Кайши переговоры по торгово-экономическим вопросам, касавшимся Синьцзяна.

Однако, принимая во внимание и ту роль, которую и советы Сталина, и действенная реальная помощь со стороны СССР в переброске частей НОАК в Синьцзян на самолетах ВВС СССР сыграли в овладении Мао Цзэдуном Синьцзяном, никак нельзя считать объективными и доказательными такого рода рассуждения. Все они направлены лишь на то, чтобы, извращая факты, любой ценой создавать у читателей в КНР впечатление о том, что Сталин всегда, и особенно в 1949 году, был противником

победы Мао Цзэдуна, его армии и партии во внутренней войне в Китае. Такие утверждения направлены на то, чтобы как можно глубже разобщать Россию и Китай, народы наших двух стран.

Тем не менее автор из КНР подводил следующий итог этих своих рассуждений: все эти факты со всей ясностью показывают отношение Сталина и правительства СССР к Мао Цзэдуну и руководству Компартии Китая, а также их отношение к чанкайшистскому Гоминьдану. Поэтому-то Мао Цзэдун и говорил, что «в 1949 году и в 1950 году, на протяжении этих двух лет», Сталин и Советский Союз «оказывали на нас очень сильное давление». [246]

Именно в этом ключе толковался в КПК — КНР и визит в 1949 году делегации во главе с Лю Шаоци в СССР. При этом акцент делался на том, что поездка делегации Лю Шаоци была главным образом предназначена для того, чтобы подготовить личную встречу Сталина и Мао Цзэдуна.

Конечно, вопрос о личной встрече Сталина и Мао Цзэдуна назревал. Обе стороны нуждались в том, чтобы готовиться к такой встрече и готовить ее. И все же отношения между Сталиным и Мао Цзэдуном, между ВКП(б) и КПК в то время носили характер такого активного и многостороннего взаимодействия и союзнических связей, что главным тогда было решение многочисленных практических вопросов, которые возникали как в процессе завершения вооруженной борьбы против сил Чан Кай-ши на континенте Китая, так и особенно в связи с необходимостью восстановить экономику Китая, оказать ему помощь по целому ряду направлений. То, что два лидера, две партии, два государства (СССР и КНР) естественным образом оказывались в роли союзников, было очевидно и бесспорно для большинства всех тех, кто активно участвовал в огромной работе по практическому сотрудничеству и оказанию помощи Китаю (КНР) со стороны России (СССР). Только в воспаленном мозгу Мао Цзэдуна вся ситуация рисовалась иначе. Даже Сталин был, в общем-то, настроен не столь подозрительно, как Мао Цзэдун, в тот момент. Конечно, настрой Мао Цзэдуна накладывал тогда и со временем стал накладывать все больший отпечаток на характер взаимоотношений, делая их фактически отношениями товарищей или союзников поневоле, отношениями союзников-соперников. Что же касается Сталина, то, столкнувшись, теперь уже

в практике двусторонних межгосударственных отношений, с подозрительностью Мао Цзэдуна (в которую тот и играл намеренно, очевидно, полагая, что это еще один рычаг давления на Сталина и отстаивания своей независимости), он предпринимал целый ряд действий, которые, без учета указанного обстоятельства, выглядели просто неразумными или явно направленными во вред национальным интересам своей страны; Сталин стремился делать все возможное и невозможное, чтобы рассеивать подозрения Мао Цзэдуна, демонстрировать разумным людям в Китае, что такого рода подозрения относительно нашей страны лишены оснований. Подчеркнем также лишний раз, что отношения Сталина и Мао Цзэдуна всегда были окрашены взаимной подозрительностью и недоверием.

Вернемся, однако, к поездке делегации во главе с Лю Шаоци в Советский Союз летом 1949 года.

В начале мая 1949 года Мао Цзэдун принял решение направить в Москву с секретной миссией делегацию во главе с Лю Шаоци. В состав делегации были включены будущий посол КНР в СССР Ван Цзясян, руководитель Северо-Восточного Китая Гао Ган, а также Дэн Лицзюнь, Гэ Баоцюань и другие. Первоначально Мао Цзэдун полагал, что задача этой группы должна была состоять в подготовке его поездки в СССР. Однако затем, под давлением реальной жизни, миссии был придан самостоятельный характер. Слишком много возникло серьезных вопросов, которые требовали огромной работы и согласования их обеими сторонами. Конечно, попутно перед делегацией Лю Шаоци стояла и задача готовить будущую поездку Мао Цзэдуна в СССР.

Мао Цзэдун поручил Лю Шаоци быть его посланцем, доверил Лю Шаоци от имени Мао Цзэдуна вести переговоры со Сталиным и ЦК ВКП(б), согласовывать и решать важные вопросы. Выбор Мао Цзэдуном для этих целей именно Лю Шаоци был далеко не случайным.

Дело в том, что к тому времени Лю Шаоци утвердился в роли фактического первого заместителя Мао Цзэдуна или фактически второго человека в КПК. Таким образом, формально Мао Цзэдун сохранял лицо. Внешне это могло восприниматься так, что в напряженный момент перед образованием КНР, когда Мао Цзэдуно было трудно вырваться из Китая и посетить Москву, он направил

туда в качестве своего представителя самую высокую после себя фигуру в своей партии.

Однако дело было не только и не столько в этом. Ведь Мао Цзэдун мог, например, направить в Москву для бесед со Сталиным Чжоу Энляй, который был, безусловно, самым преданным сторонником Мао Цзэдуна. Однако Чжоу Энляй был известен Сталину как «тень Мао Цзэдуна», причем «тень», которая по поручению Мао Цзэдуна предпринимала маневры для установления контактов с администрацией США накануне образования КНР. Мао Цзэдун знал, что Сталин не будет доверять Чжоу Энляю, но он может проявить некое доверие к Лю Шаоци. Мао Цзэдун хотел направить в Москву того из руководителей ЦК КПК, который сумел бы внушить Сталину определенное доверие к себе. Фигура Лю Шаоци в этом свете представляла как нельзя более подходящей. Лю Шаоци полагал, что ВКП(б) и КПК должны связывать прочные товарищеские отношения, а будущую КНР и СССР должны были связывать союзнические отношения. Для Лю Шаоци не существовало колебаний в вопросе о том, в каком лагере должна была находиться КНР после своего создания. Мао Цзэдун и Чжоу Энляй предпочли бы сохранять дистанцию от всех мировых сил, не склоняться ни в одну из сторон, во всяком случае не быть ближе к СССР, чем к США. Однако, с одной стороны, в Вашингтоне не восприняли и не приняли игру Мао Цзэдуна, не поверили ему и не были готовы вступать с ним в некие хотя бы формально нормальные дипломатические (или скрытые) отношения. С другой стороны, внутри КПК, да и в самом Китае, в то время большинство людей, имевших отношение к активной политической жизни, были довольно твердо настроены в пользу развития особых дружественных и союзнических отношений с традиционным уже в XX веке союзником — Советским Союзом. Мао Цзэдун был вынужден считаться с реалиями Китая и мировой арены, стараться сохранить лицо, объявить, что он — сторонник того, чтобы стоять на одной стороне с СССР, склоняться в сторону СССР. («Склоняться в одну сторону», то есть в сторону СССР, — формула, по сути дела, выдававшая подлинные настроения Мао Цзэдуна; из этой формулы следовало, что для Мао Цзэдуна любое «склонение» или отклонение от золотой середины, от своего эгоцентризма, в том числе и в сторону СССР, являлось только вынужденным

и временным.) Исходя из всех этих причин, Мао Цзэдун сам даже, очевидно, несколько опасался ехать тогда в Москву. Ему было понятно, что Сталин мог знать о его маневрах и заигрывании с Вашингтоном. Поэтому Мао Цзэдун предпочел отправить в Москву Лю Шаоци, чтобы показать Сталину лидера той фракции или, вернее, той части руководителей КПК, которая действительно, исходя из рациональной оценки обстановки, полагала, что в интересах Китая, КНР, КПК вступить в тесные товарищеские, дружественные, союзнические отношения с СССР и с ВКП(б). Направляя Лю Шаоци в Москву, Мао Цзэдун подавал Сталину сигнал о том, что, несмотря на горечь от определенного характера отношений в прошлом, отныне открывается перспектива выгодных для обеих сторон, для обоих государств и обеих партий двусторонних отношений. Согласно замыслу Мао Цзэдуна, поездка Лю Шаоци должна была в какой-то степени развеять у Сталина подозрения в отношении самого Мао Цзэдуна и расчистить путь для его приезда в Москву.

Визит делегации Лю Шаоци в СССР был важным, имел глубокий смысл. Он состоялся накануне образования КНР. Это был большой внешнеполитический шаг, а не только поездка делегации по партийной линии. По сути дела, это была поездка первой партийно-правительственной делегации КПК на высоком уровне. Если же учесть то обстоятельство, что с советской стороны в переговорах участвовал Сталин, а с китайской стороны Лю Шаоци выступал от имени Мао Цзэдуна, представляя Мао Цзэдуна, то эту поездку следует видеть и как первую советско-китайскую встречу на высшем уровне, состоявшуюся в СССР. Лю Шаоци был первым высокопоставленным руководителем КПК, который посетил СССР уже не в качестве представителя одной из компартий, входивших в Коминтерн, а в качестве одного из главных лидеров самостоятельной и независимой политической партии, которая победила в ходе вооруженной борьбы в своей стране и готовилась создать новое государство, в котором должна была занять место правящей партии. Иначе говоря, в лице Лю Шаоци Сталин впервые увидел перед собой китайского партнера из числа руководителей Компартии Китая, победившей на китайском континенте и представлявшей, по сути дела, и сильнейшую в мире после ВКП(б) коммунистическую партию, и крупнейшее в мире среди социалистических стран после СССР

государство. Сталину и Лю Шаоци, как посланцу и представителю Мао Цзэдуна, предстояло решать не только важные проблемы двусторонних партийных и государственных отношений, но и рассматривать мировые проблемы, особенно касавшиеся ситуации на Дальнем Востоке.

Сталин и Мао Цзэдун, несмотря на всю их взаимную подозрительность и настороженность, придавали важнейшее значение отношениям друг с другом. Поэтому Сталин с такой осторожностью и вниманием отнесся к приезду Лю Шаоци в Москву. Мао Цзэдун еще в сентябре 1948 года, выступая на заседании Политбюро ЦК КПК, говорил: «Что касается окончания подготовки к переходу от новой демократии к социализму, то в этом деле Советский Союз действительно оказывает нам помощь и прежде всего это находит свое выражение в содействии развитию нашей экономики». [247]

В этой связи Мао Цзэдун придавал особое внимание налаживанию отношений с СССР, со Сталиным. После окончания этого заседания Политбюро ЦК КПК Мао Цзэдун уведомил Сталина о его результатах, причем особенно подчеркнул, что по целому ряду вопросов он хотел бы доложить Сталину и ЦК ВКП(б), в связи с чем Мао Цзэдун желал бы в конце ноября 1948 года выехать в Москву. 16 октября того же года Мао Цзэдун телеграфировал Сталину: «По таким вопросам, как созыв Политической конференции, создание временного центрального правительства, мне было бы желательно посоветоваться и определиться в конце ноября, когда я встречу с вами».

Хотя к тому времени Коминтерн уже не существовал, но КПК видела в ВКП(б) все еще старшего брата и по крупным вопросам советовалась с ней, отмечал один из видных членов руководства КПК Бо Ибо. [248] 30 декабря 1948 года Мао Цзэдун в телеграмме Сталину писал о том, что в настоящее время в распоряжение ЦК КПК вызваны Гао Ган, Жао Шуши, Бо Ибо, Лю Бочэн, Чэнь И, Ло Жунхуань, Линь Боцуй. При встрече будет обсуждаться вопрос о стратегическом курсе в целом на 1949 год и о подготовке к созыву (весной 1949 года) второго пленума ЦК КПК седьмого созыва. После совещания с вышеупомянутыми Мао Цзэдун предполагал выехать в Москву, чтобы по возвращении оттуда созвать второй пленум ЦК КПК седьмого созыва.

Однако Сталин, очевидно зная о разногласиях внутри руководства КПК, особенно по вопросу о будущих отношениях КНР с СССР и с США, решил не давать Мао Цзэдуну такого козыря, то есть не позволить ему съездить в Москву и, вернувшись, предстать перед своими коллегами в качестве лидера, позицию которого якобы одобрил сам Сталин. Сталин направил для бесед в Сибайпо А. И. Микояна. Мао Цзэдун всесторонне обрисовал положение в Китае и рассказал о наметках работы по различным направлениям. Когда А. И. Микоян возвратился в Москву, по утверждению автора из КНР, политика Советского Союза по отношению к Гоминьдану и Чан Кайши, характеризовавшаяся некой неясностью, расплывчатостью, представлявшая собой флирт с неблагоприятными целями и совершенно явную попытку «политического балансирования на стальной проволоке», вовсе не претерпела изменений: советский посол Н. В. Рошин не только отправился вслед за правительством Гоминьдана в Гуанчжоу, но, мало того, уже после того, как Народно-освободительная армия Китая взяла Нанкин, СССР все-таки по-прежнему вел переговоры с гоминьдановским правительством по вопросу о заключении «соглашения о продлении деятельности совместной советско-китайской авиакомпания (о полетах по трассе «Хами — Алма-Ата»)».

25 марта, после того как учреждения ЦК КПК передислоцировались в Бэйпин, когда вот-вот должен был решиться вопрос о создании государства, позиция СССР, который выступал в качестве главы лагеря социализма, была для Нового Китая ключевой в том, что касалось отношений с внешним миром; по этой причине Мао Цзэдун и ЦК КПК приняли решение как можно скорее отправить делегацию в СССР, чтобы провести соответствующую работу со Сталиным и с ВКП(б). Вскоре было решено, что в СССР выедет делегация во главе с Лю Шаоци. [249]

Сталин воспринимал желание Мао Цзэдуна направить в Москву для переговоров Лю Шаоци как вполне естественный в тех условиях шаг в начинавших складываться новых отношениях двух больших соседних государств, как понимание того, что существуют реальные интересы обеих наций, обеих сторон, конкретика установления и первых шагов в развитии отношений между двумя странами на новой основе, когда партнеры исходят из того,

что жизнь и мировая ситуация заставляют их быть союзниками на мировой арене, по крайней мере, на десятилетия. Вместе с тем для Сталина приезд в Москву делегации во главе с Лю Шаоци был первой возможностью лично познакомиться с рядом руководителей Коммунистической партии Китая, партии-победительницы в почти четвертьвековой вооруженной (по большей части) борьбе против Чан Кайши. Это было знакомство с руководителями нового китайского государства.

Мао Цзэдун, вероятно, очень нервничал, отправляя в Москву Лю Шаоци. Конечно, при иных обстоятельствах он предпочел бы сам начинать и вести дела со Сталиным. Однако ситуация сложилась таким образом, что проблемы требовали немедленного обсуждения и решения, а Мао Цзэдун еще не был готов перейти к решению конкретных вопросов; он жил в мире своих общих представлений о взаимоотношениях двух наций, о взаимоотношениях его самого и Сталина; при этом Мао Цзэдун хотел иметь за плечами полную победу во внутренней войне в Китае, поражение Чан Кайши, прежде чем вступить в личный контакт со Сталиным. За несколько лет до победы в гражданской войне, даже за год до нее, встреча со Сталиным носила бы иной, так сказать, промежуточный характер и позволяла бы отложить постановку принципиальных, с точки зрения Мао Цзэдуна, вопросов на более позднее время, нежели теперь, на пороге образования КНР; Мао Цзэдун предпочел провести такую встречу уже за этим порогом, выступая в качестве главы нового государства.

Мао Цзэдун был весьма озабочен тем, чтобы правильно, со своей точки зрения, настроить Лю Шаоци. Мао Цзэдуну представлялось, что предстоявшие переговоры следует рассматривать как очень тонкую материю, как обсуждение проблем, от решения которых зависит не только ближайшее, но и весьма отдаленное будущее. Отсюда требования Мао Цзэдуна твердо отстаивать то, что он считал принципиальными позициями; однако при этом требовалось и уважать «старшего брата», не ранить чувства товарищества. Это была сложная задача. Ведь когда Мао Цзэдун говорил о принципах, то речь, по сути дела, шла о согласовании или об отстаивании каждым из партнеров своих национальных и личных интересов. Мао Цзэдун и Сталин, что вполне естественно, в весьма значительной степени по-разному представляли себе и свои интересы, и ин-

тересы партнера. Мао Цзэдун был вынужден вводить тезис о необходимости уважительного отношения к «старшему брату». В этой формулировке заключалось большое противоречие, ибо, с точки зрения Мао Цзэдуна, Сталин, его партия и государство либо вообще не были «старшим братом», либо с такой ситуацией приходилось вынужденно считаться временно, на некоторый срок. Более того, Мао Цзэдун сам (либо его аппарат) изобрел этот термин — «старший брат» — и сам же его эксплуатировал, исподволь, а то и прямо внушая своим сторонникам, что им предстоит преодолеть отношение к себе со стороны Сталина как отношение вышестоящего к нижестоящему, что они должны быть нацелены на борьбу за это. В равной степени тезис о товарищеских чувствах в двусторонних отношениях был тоже двусмысленным в устах Мао Цзэдуна, ибо он-то всегда был озабочен тем, чтобы, по сути дела, толковать позицию советской стороны, позицию Сталина как стремление под прикрытием разговоров о товарищеских отношениях и чувствах товарищества (братских коммунистических партий) навязывать китайцам свою волю. (Вообще следует сказать, что обычным приемом Мао Цзэдуна было конструирование, измышление позиции партнера, представление этой позиции своим сторонникам как единственно правильной и нацеливание этих сторонников на борьбу против вымышленного противника и его вымышленной Мао Цзэдуном позиции.)

Именно в этой связи Мао Цзэдун далее считал необходимым со всей твердостью в ходе переговоров подчеркивать тезис о независимости и суверенитете Китая. Мао Цзэдун также требовал проводить в жизнь в ходе переговоров привычные для него политические установки, соответствовавшие тому, что П. П. Владимиров именовал «реальным марксизмом» Мао Цзэдуна, или принципу «стремления к истине на основе фактов», а это означало, что Лю Шаоци и другим было необходимо использовать толкование фактов истории для защиты правильности позиции КПК, которая в целом ряде случаев не совпадала с видением ситуации Сталиным.

Одновременно Мао Цзэдун предлагал Лю Шаоци самым внимательным образом выслушивать соображения Сталина, советской стороны, их предложения и при этом прилагать все силы для того, чтобы добиваться помощи из-за рубежа. Для Мао Цзэ-

дуна внимание к рассуждениям Сталина, его предложениям должно было быть использовано в качестве рычага для обеспечения получения как можно большей помощи из Советского Союза.

Мао Цзэдун неоднократно беседовал с Лю Шаоци, высказывая свое мнение и растолковывая свой принципиальный подход к ведению переговоров.

1 июля 1949 года Мао Цзэдун провел в Чжуннаньхае специальное совещание с участием всех членов делегации. Во время этого совещания он всесторонне изложил свое видение задач делегации и ее действий. Мао Цзэдун при этом особо подчеркнул следующее положение: «Наибольшей убедительной силой обладают факты. Приводите факты и разъясняйте наши принципиальные подходы. Случается и так, что только тогда, когда факты делают ситуацию понятной, оказывается возможным довести до партнера нашу принципиальную позицию. Итак, факты, факты, факты, максимально используйте факты». [250]

Перед самым началом переговоров со Сталиным Лю Шаоци и Гао Ган высказали в беседе с сопровождавшим их делегацию И. В. Ковалевым соображения, касавшиеся важной области интересов сторон.

И. В. Ковалев доложил Сталину о том, что в разговоре с ним Лю Шаоци и Гао Ган подчеркнули желательность более тесных контактов в работе советских и китайских разведывательных учреждений, а также объединенной программы действий против империалистов и реакционеров, то есть, прежде всего, против США и Чан Кайши.

При этом Лю Шаоци и Гао Ган сделали упор на том, что многие из тех, кто был в свое время рекомендован КПК для работы в советских разведывательных организациях, а в равной степени и из тех китайцев, которые были самостоятельно завербованы советскими разведывательными организациями, оказались вне контроля со стороны Компартии Китая, разложились, а в ряде случаев были перевербованы разведками США или Гоминьдана. Учитывая эти обстоятельства, Лю Шаоци и Гао Ган считали, что советская и китайская стороны должны совместно провести чистку применительно к этим людям. При этом Гао Ган сослался на пример Маньчжурии, где власти КПК выявили и конфисковали 300 радиопередатчиков, в том числе 40 предпо-

ложительно советских, однако, по сути дела, они работали в интересах Гоминьдана и США. По мнению Гао Гана, это стало возможным из-за отсутствия необходимых контактов между органами информации и разведки обеих сторон, то есть СССР и Компартии Китая. [251]

В связи с этим демаршем Мао Цзэдуна, произведенным им через посредников, то есть через Лю Шаоци, Гао Гана и И. В. Ковалева, перед Сталиным встала необходимость сделать первый серьезный шаг в области новой компоновки системы двусторонних отношений в ее, возможно, наиболее деликатной и чувствительной части. Раньше, на протяжении десятилетий, в 20-х, 30-х и 40-х годах, считалось как бы само собой разумеющимся, что все коммунисты земного шара составляют единый военный лагерь с центром или штабом в Москве, и все они при необходимости должны быть агентами, разведчиками в стане врага, общего врага. В Китае существовала мощная разветвленная разведывательная сеть советских агентов или агентов, которые работали на общий центр, на Москву. С 1936 года одна из главных резидентур такой сети находилась в Яньани. Ее-то на протяжении нескольких лет возглавлял П. П. Владимиров, а затем А. Я. Орлов. И вот наступило время, когда перед самым образованием КНР Мао Цзэдун поставил вопрос о необходимости фактически полностью размежеваться в этой сфере деятельности, перейдя на чисто деловые отношения в тех случаях, когда партнеры нуждаются один в другом в связи с осуществлением той или иной частной операции. (Кстати сказать, такого рода сотрудничество впоследствии действительно имело место.) Сталин давно уже исходил из того, что двусторонним отношениям его самого с китайскими лидерами и всех соответствующих учреждений следует основываться на полном признании независимости и самостоятельности каждого из партнеров. Поэтому, получив этот сигнал Мао Цзэдуна, Сталин предпринял конкретные шаги. Он, в частности, принял решение передать во власть Мао Цзэдуна всю советскую агентуру в Китае: и ту, которая была совместной с КПК, и ту, которая была до той поры вне власти КПК и Мао Цзэдуна. Получив списки этой агентуры, через некоторое время Мао Цзэдун уничтожил этих людей. Да, Сталин оказался предателем в глазах очень многих сведущих работников, в том числе П. П. Владимирова. В то же время необходимо

понимать, что это был ультиматум со стороны Мао Цзэдуна, да даже со стороны Китая, китайской нации как независимой и самостоятельной нации, и Сталин был вынужден поступить таким образом; у него не было иного выхода. С точки зрения взаимоотношений двух наций, это было нормальное развитие событий, исправление своеобразного перекаса. Однако, с точки зрения отношения к человеку, к людям, и Сталин, и Мао Цзэдун показали себя бесчеловечными людьми. Сталин не потребовал от Мао Цзэдуна гарантировать личную неприкосновенность, жизнь этим отважным и ценным для обеих наций людям. Мао Цзэдун (как и почти всегда в его отношениях со Сталиным, с нашей страной) поступил еще хуже, так как именно он отдал приказ уничтожить, истребить этих людей, практически патриотов Китая, за то, что они в его глазах были национальными предателями, так как, видите ли, «замарались», прикоснувшись к чуждой и враждебной, с точки зрения Мао Цзэдуна, стране. В этом акте ярко проявилась ненависть Мао Цзэдуна к русским, к России (к СССР), ко всем китайцам, которые позволили себе, руководствуясь своим пониманием национальных интересов своей страны и будучи ее патриотами, вместе с русскими, с Россией (СССР) бороться против общего врага двух наций, то есть против японских агрессоров.

2 июля 1949 года делегация во главе с Лю Шаоци выехала из Пекина. На поезде она прибыла в Дальний, откуда на советском самолете была доставлена в Хабаровск. Полет проходил над территорией Кореи. Из Хабаровска делегация летела, делая остановки в Чите, Красноярске, Новосибирске, где местные руководители устраивали торжественные приемы. Поэтому полет в Москву занял почти целую неделю, шесть дней.

Для Лю Шаоци это было третье по счету посещение Советского Союза. Он бывал в Москве в 20-х и в 30-х годах. Лю Шаоци чувствовал себя уже не пилигримом, который искал в свое время в СССР революционные истины, а одним из великих вождей Нового Китая. (Не случайно впоследствии Лю Шаоци говорил: «Если в Европе был МАРкс, то почему бы в Китае не быть ЛЮрксу».)

На следующий день после прибытия в Москву, то есть утром 10 июля 1949 года, делегация во главе с Лю Шаоци была приглашена на дачу Сталина в Кунцево. Сталин, а также члены

Политбюро ЦК ВКП(б) Молотов, Ворошилов, Маленков, Булганин, Берия, Каганович, Микоян встретили делегацию.

Сталин и Лю Шаоци обменялись рукопожатиями и приветствиями. Так началась встреча двух великих политических деятелей, уроженцев Грузии и Хунани.

Сталин представил Лю Шаоци членов Политбюро ЦК ВКП(б) и пригласил делегацию к столу. Это был необычный, с точки зрения китайских гостей, жест. Они восприняли его как желание Сталина сразу же создать теплую атмосферу. Банкет был роскошным. Обычно застолья у Сталина затягивались надолго. Этот прием продолжался почти четыре часа. Беседа во время банкета была непринужденной, и возникло ощущение теплоты.

Место Лю Шаоци было рядом со Сталиным. Сталин говорил медленно, четко произнося слова, вел себя скромно, на его лице играла улыбка. Он излучал дружелюбие. В ходе беседы ставились и весьма существенные вопросы. Члены делегации сожалели о том, что обстановка не позволяла им фиксировать на письме обмен мнениями.

После возвращения в отведенную для него резиденцию Лю Шаоци тут же собрал делегацию и восстановил содержание беседы со Сталиным. При этом Лю Шаоци выделил вопросы, по которым ему удалось достичь взаимопонимания со Сталиным, вопросы, по которым сохранялось непонимание, и вопросы, которые требовали дальнейших углубленных бесед. Таким образом закладывалась основа для ведения переговоров в дальнейшем.

Ван Цзясян предложил, чтобы Лю Шаоци подготовил в письменном виде доклад о положении в Китае. По мнению Ван Цзясяна, это позволило бы придать своего рода плановый характер предстоявшим переговорам. Ван Цзясян при этом также сказал, что если положить такого рода доклад в основу переговоров, то удастся более глубоко обсудить вопросы, это также позволит Сталину и его людям более глубоко и систематизированно понять ситуацию и проблемы Китая. Благодаря этому окажется возможным не только со всей полнотой обсудить проблемы, но и можно будет не ходить кругами, возвращаясь к одним и тем же вопросам.

Лю Шаоци принял предложение Ван Цзясяна. Такой доклад был быстро подготовлен и при следующей встрече передан Ста-

лину, который внимательно изучил его и разослал для ознакомления членам Политбюро ЦК ВКП(б) и военачальникам, потребовав от них высказать свои соображения и внести предложения.

В 10 часов вечера 11 июля 1949 года Сталин пригласил делегацию во главе с Лю Шаоци в свой кабинет в Кремле, где обычно происходили заседания Политбюро ЦК ВКП(б). С советской стороны наряду со Сталиным присутствовали Молотов, Маленков, Берия, Микоян, Каганович, Булганин, Шверник, а также Сулов, начальник Генштаба, высшие военачальники.

Сталин сам председательствовал на заседании. Он сказал:

«Это совещание проводится в соответствии с пожеланием делегации Компартии Китая. Дело в том, что в докладе делегации Компартии Китая довольно много места уделено военным вопросам, освещению хода военных действий, войны. Поэтому мы пригласили наших военачальников, чтобы они познакомились с ситуацией». Сталин взял в руки доклад Лю Шаоци и сказал: «Доклад товарища Лю Шаоци написан весьма ясно и точно. Наши товарищи прочитали его, и у них не возникло никаких вопросов».

Лю Шаоци проявил большое уважение к Сталину. Он сказал: «Хотя революция в Китае скоро одержит победу, однако Новый Китай еще не создан, нам предстоит решать еще более великие, еще более трудные задачи. В нашем докладе мы высказали некоторые соображения общего порядка. Совсем не обязательно, что мы тут во всем правы. Мы бы хотели получить на сей счет указания товарища Сталина». Вслед за тем в ходе обмена мнениями Лю Шаоци еще раз повторил эту формулировку: «указания товарища Сталина».

Сталин улыбнулся и, сделав отрицательный жест рукой, сказал: «Товарищ Лю Шаоци, когда же это было, чтобы я “давал указания”? Наши партии — это братские партии, у нас тут нет вышестоящих и нижестоящих. Как же я могу “давать указания”? И именно потому, что наши партии — это братские партии, мы и проявляем заботу друг о друге. Когда речь идет о некоторых вопросах, касающихся наших китайских братьев, мы высказываем кое-какие соображения, вносим некоторые предложения на ваше рассмотрение, для вашего сведения. Верны ли наши соображения и предложения? Совсем не обязательно. И вы ни в

коем случае не обязаны воспринимать их как некие “указания”; если же вы будете относиться к ним, как к чему-то, что следует всенепременно исполнять, то из этого ничего хорошего не получится, ничего хорошего не получится!»

Лю Шаоци высказал свое восхищение скромностью Сталина и его равноправным подходом и, начиная с этого времени, внес соответствующие исправления в свои формулировки. Сталин рассмеялся. Атмосфера в ходе переговоров стала еще более теплой. [252]

Во время визита делегации в Москву Сталин и Лю Шаоци встречались и беседовали шесть раз. В ходе первых пяти встреч происходил обмен мнениями. Шестая встреча была прощальной.

В соответствии с указаниями Мао Цзэдуна Лю Шаоци прежде всего рассказал Сталину о конкретной ситуации в Китае, с фактами и цифрами в руках показав, что в стране происходят необратимые громадные перемены. Поражение Чан Кайши предопределено. Никто больше не должен питать никаких иллюзий в отношении Чан Кайши. Лю Шаоци говорил, что в ходе народной освободительной войны, которая ведется в Китае под руководством Компартии Китая, к настоящему времени уже в основном одержана победа; немного времени понадобится для того, чтобы можно было завоевать полную победу. К концу мая 1949 года Народно-освободительная армия Китая уже освободила обширные районы Китая общей площадью в 2 млн 900 тыс. квадратных километров, что составляет 30 % всей территории Китая. Население освобожденных районов уже достигает 275 млн человек, что составляет 57 % всего населения страны. Освобождены 1043 города, начиная от уездных центров и кончая такими крупными городами, как Шанхай, Нанкин, Бэйпин, Тяньцзинь, Ухань; иначе говоря, освобожден 51 % всех городов страны. За три года войны, которая началась в июне 1946 года, Народно-освободительная армия Китая уничтожила 5 млн 500 тыс. солдат и офицеров армии Гоминьдана. В гоминьдановской армии к настоящему времени осталось, включая все тыловые учреждения, всего около 1 млн 500 тыс. солдат и офицеров. Причем из них только немногим более 200 тыс. человек — это действительно более или менее боеспособные войска. Что же касается Народно-освободительной армии, то ее численность уже составила

3 млн 900 тыс. человек. В том числе численность четырех полевых армий достигла 2 млн 400 тыс. человек. Летом и осенью 1949 года Народно-освободительная армия в ходе боевых операций рассчитывает освободить Фуцзянь, Хунань, Цзянси, Шэньси, а зимой планирует освободить Гуандун, Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань, Сикан, Ганьсу, Нинся, Цинхай. Таким образом окажется возможным в основном завершить войну против Гоминьдана. Остаются острова Тайвань и Хайнань, а также Синьцзян и Тибет. Вопрос о Тибете необходимо решать политическими методами. Освобождение островов Тайвань и Хайнань, а также Синьцзяна придется отложить до будущего года. Помимо того что мы добились громадных военных успехов, мы также одержали полную победу в политическом отношении; все демократические партии и группы в Китае выступают на стороне Коммунистической партии Китая.

В КНР считали нужным подчеркнуть, что Сталин выразил свое громадное доверие и уважение к Лю Шаоци. Он внимательно выслушал его. По ходу изложения говорил: «Хорошо!», «Хорошо!». Он дал высокую оценку революции в Китае. Он со всей искренностью отметил политическую зрелость Мао Цзэдуна и других руководителей Компартии Китая. Сталин сказал: «В Китае имеется большой ценный опыт воплощения в практику общих марксистских истин, этот опыт заслуживает изучения в Советском Союзе. В прошлом мы уже очень многому учились у вас; в будущем мы должны усилить такого рода учебу. Усилить сплочение на основе марксизма». [253]

Казалось, что это высказывание Сталина не только свидетельствовало об общности позиций партнеров по переговорам, но даже льстило китайской компартии. Однако Лю Шаоци, исходя из указаний, которые дал ему Мао Цзэдун, с недоверием и подозрительностью отнесся к этим словам Сталина.

Дело в том, что, с точки зрения Мао Цзэдуна, которую тогда отражал и Лю Шаоци, хотя и в Китае, и в СССР говорили о марксизме, однако Сталин, проявляя на словах заботу о революции в Китае или говоря о революции в Китае, рассчитывал на то, что революцию в Китае будут развивать в соответствии с советской моделью. Мао Цзэдун же полагал, что его главная задача в деле отстаивания независимости Китая, как он ее понимал, состояла в том, чтобы не поддаваться именно на такого рода улов-

ки со стороны Сталина, не допустить того, чтобы в Китае дела велись по советской модели, а точнее, чтобы в КПК не допускалась и мысль о том, что в Китае что-то может делаться, скажем, вслед за СССР, за ВКП(б).

Собственно говоря, многое так и делалось. По сути дела, Мао Цзэдун во многом шел по стопам Сталина и даже перешеголял его во многих своих действиях, которые нанесли ущерб китайскому народу, унесли жизни миллионов людей, но на словах все это должно было, с точки зрения Мао Цзэдуна, выглядеть «чисто китайским», трактоваться как имеющее китайское своеобразие. Одним словом, позиция Мао Цзэдуна состояла всегда в том, чтобы не только быть начеку в отношении Сталина и вообще ВКП(б), КПСС, советских руководителей, России как нации, но и сознательно создавать, практически по большей части из воздуха, противоречия между двумя странами, обострять их и доводить до взрыва, вплоть до применения оружия.

Мао Цзэдун полагал, что он должен и в теории, и на практике внушать членам своей партии, вообще китайцам, что Сталин и СССР хотят навязать свой контроль Китаю и китайцам и что, противодействуя этому, дела в Китае должны вестись по китайским правилам, и здесь Мао Цзэдун использовал свою формулировку: соединение общих принципов марксизма-ленинизма с практикой революции в Китае. С точки зрения Мао Цзэдуна, именно эта его формула и вызывала у Сталина недоверие и возбуждала подозрительность. А это находило свое выражение в действиях Сталина — так считал Мао Цзэдун. Он любые действия Сталина стремился толковать в соответствии с таким своим пониманием и ситуации в двусторонних советско-китайских отношениях, и отношения Сталина к нему лично и к Китаю. Именно в этой связи, как считал Мао Цзэдун, СССР во время народной освободительной войны в Китае и проводил свою политику «балансирования на стальной проволоке» в отношении Китая, в отношении Мао Цзэдуна и Чан Кайши.

Исходя из такого подхода Мао Цзэдуна к этим вопросам, Лю Шаоци в ходе бесед со Сталиным разъяснял те вопросы, которые касались строительства Нового Китая, то есть нового китайского государства, будущей тогда КНР. Основная задача Лю Шаоци состояла в том, чтобы показать Сталину, что Мао Цзэдун и КПК будут действовать по-своему и не допустят вмешательства во

внутренние дела Китая. Вместе с тем было вполне очевидно, что, по сути дела, и Мао Цзэдун, и Лю Шаоци восприняли и приняли многие советы Сталина по этим вопросам, но желали бы внешне, на словах подчеркивать свою полную оригинальность и независимость. В целом такая трактовка вопроса, очевидно, устраивала и Сталина. Вообще говоря, в создавшейся ситуации манера Сталина состояла в том, чтобы сносить длинные тирады китайских лидеров, не отвечать на намеки, исходя из того, что многие утверждения Мао Цзэдуна и его, так сказать, «контрудары» основывались на подозрениях в отношении Сталина и его позиции, и сосредоточивать внимание на решении конкретных проблем.

Лю Шаоци же тогда говорил:

«Мы намерены созвать новую политическую консультативную конференцию и создать центральное правительство. Новая политическая консультативная конференция будет созвана не одной только Коммунистической партией Китая или, скажем, лишь немногими, несколькими партиями, а всеми демократическими партиями и группами, а также народными (то есть общественными, как это понималось в СССР. — Ю. Г.) организациями и представителями национальных меньшинств и китайцев, проживающих за границей. Все они совместно будут вести подготовительную работу по созыву конференции. Уже создан комитет по подготовке и проведению такой конференции. Политическая консультативная конференция Китая — это та организационная форма, которая является привычной с точки зрения народных масс в качестве организации единого революционного национального фронта Китая. Мы готовимся к тому, чтобы превратить ее в постоянно действующий орган. Там, где это будет необходимо, мы создадим ее органы на местах, то есть создадим местные политические консультативные конференции. Что касается всекитайской политической консультативной конференции, то мы предполагаем, что на ней будет принята общая программа, которую будут уважать все партии и организации, будет избрано центральное правительство, будет обнародована декларация и будут приняты документы о государственном флаге, гербе и гимне».

Касаясь вопроса о структуре органов государственного управления и о политической системе в стране, Лю Шаоци дал следующие пояснения:

«Новое государство будет государством демократической диктатуры народа, руководимым пролетариатом (классом неимущих, то есть китайских, прежде всего сельских, люмпенов. — Ю. Г.) и основанным на союзе рабочих и крестьян. Рабочий класс — это руководящая сила этой диктатуры. Союз рабочих, крестьян и революционной интеллигенции (буквально: людей, которые обладают знаниями и настроены революционно. — Ю. Г.) — это основная сила этой диктатуры. Одновременно мы будем спланировать максимально большее число представителей, а также политических партий и групп из числа мелкой буржуазии и национальной буржуазии, которые способны с нами сотрудничать, для участия в этой диктатуре. Демократическая диктатура народа в Китае и “демократическая диктатура рабочих и крестьян”, положение о которой Ленин выдвинул в 1905—1907 годах, имеют сходные черты. Между ними имеются и различия. Общее между ними в том, что они находятся под руководством пролетариата, а их основу составляет союз рабочих и крестьян. Отличие заключается в том, что демократическая диктатура народа в Китае включает в себя представителей и группы той национальной буржуазии, которая желает бороться против империализма, феодализма и бюрократического капитализма. Форма демократической диктатуры народа в Китае — это система собраний народных представителей (представителей народа. — Ю. Г.), это не парламентская буржуазная система; напротив, она близка к системе советов. Однако, у нее есть и отличия от системы советов при диктатуре пролетариата. Дело в том, что в собрания народных представителей входят и представители национальной буржуазии. Вот некоторые говорят так: “После свержения власти Гоминьдана или после осуществления земельной реформы противоречия между пролетариатом и буржуазией в Китае тут же становятся главным противоречием, а потому борьба рабочих и капиталистов должна немедленно превратиться в главную борьбу”. Мы полагаем, что такая постановка вопроса является неверной. Ведь в этом случае мы просто силком загнали бы на сторону империализма ту национальную буржуазию, которая в настоящее время все еще способна сотрудничать с нами. Если бы в современном Китае началось осуществление такого рода политики, это была бы опасная авантюра. После свержения политической власти Гоминьдана противоречия между трудом и капиталом объективно про-

должают существовать и напряженность в этом плане будет постепенно усиливаться. Поэтому рабочий класс будет вести против буржуазии необходимую борьбу в соответствующих формах. Только при этом условии возможно защитить интересы рабочего класса и интересы демократической диктатуры народа. Однако в то же самое время в отношениях с национальной буржуазией также совершенно необходимы определенные уступки, соглашения и коалиция в соответствующих формах с той целью, чтобы, сконцентрировав силы, противостоять внешним врагам и преодолевать отсталость Китая. В Китае, начиная с сегодняшнего дня и до осуществления национализации обычного национального капитала, нужно будет пройти еще много этапов, и на это потребуются довольно длительное время. Продолжительность этого периода будет в конечном счете определяться различными внешними и внутренними условиями. Можно предположить, что на это уйдет от десяти до пятнадцати лет».

Сталин проявил большой интерес к внешней политике Нового Китая. В этой связи Лю Шаоци сделал специальные разъяснения. Он сказал, что все права контроля над Китаем, которыми пользовались все и всякие империалистические силы, включая право контроля над военными делами, в политической области, в сфере экономики и культуры, должны быть в равной степени целиком и полностью ликвидированы. Такое решение принято вторым пленумом ЦК КПК седьмого созыва. Оно является твердым и изменению не подлежит. Что же касается дипломатической деятельности в будущем, то она будет осуществляться в соответствии со следующими принципиальными положениями: (1) вести борьбу со всеми империалистическими государствами, имея целью осуществление полной национальной независимости Китая; (2) в межгосударственных вопросах выступать на одной стороне с Советским Союзом и различными государствами новой демократии против угрозы новой войны, отстаивая мир и демократию во всем мире; (3) использовать противоречия, существующие между теми или иными капиталистическими государствами; (4) в условиях мира и взаимного благоприятствования развивать торговые отношения Китая с иностранными государствами, делая при этом особый упор на развитие торговых связей с Советским Союзом и странами новой демократии.

Лю Шаоци сказал, что никто из дипломатов, которые в то время находились в Китае, не будет признаваться имеющим дипломатические привилегии, их будут рассматривать только как иностранных граждан и соответственно обращаться с ними. В результате такой политики народ ощутит, что Китай уже встал на собственные ноги, что Коммунистическая партия Китая не боится империализма; это также избавит Новый Китай от множества хлопот. После создания нового центрального правительства немедленно встанут вопросы об установлении официальных дипломатических отношений с различными государствами, об участии в деятельности ООН, в других межгосударственных организациях и межгосударственных форумах. Те или иные империалистические государства, вероятно, на протяжении некоторого времени либо будут не замечать Новый Китай, либо выдвинут некие условия, связывающие его по рукам и ногам, в качестве цены за дипломатическое признание. «Конечно же, для нас эти условия будут неприемлемы. Если же те или иные империалистические государства станут проводить политику признания нового правительства Китая, то мы будем готовы установить с ними дипломатические отношения. В этот момент нам хотелось бы надеяться на то, что Советский Союз сможет признать Новый Китай прежде упомянутых государств. Мы будем проводить политику «склонения в одну сторону», занятия позиций на одной стороне, то есть будем стоять вместе с Советским Союзом в лагере борьбы против империализма. Лю Шаоци также отметил, что Мао Цзэдун готов в момент установления китайско-советских дипломатических отношений посетить Москву с официальным визитом; в этой связи было бы желательно, чтобы советская сторона рассмотрела вопрос о сроках и форме этого визита. Что касается предоставления Советским Союзом займа в триста миллионов американских долларов, то это следует осуществлять в соответствии с мнением товарища Сталина; мы благодарны Советскому Союзу за помощь».

Сталин выслушал Лю Шаоци с большим вниманием, одобрительно покачивая время от времени головой. Он выразил одобрение соображений относительно государственного устройства Нового Китая, его политической системы и политических установок. Со всей ясностью он указал на то, что все это свидетельству-

ет о том, что и Мао Цзэдун, и Коммунистическая партия Китая являются совершенно зрелыми в политическом отношении. Он также заявил, что Советский Союз будет со всей решительностью поддерживать Новый Китай.

Сталин сказал следующее:

«Как только будет создано правительство Нового Китая, так СССР немедленно признает его. Советско-китайский договор 1945 года — это неравноправный договор. Так случилось потому, что в то время мы имели дело с Гоминьданом и не могли поступить иначе. После появления Нового Китая Мао Цзэдун может приехать в Москву. Мы решим этот вопрос после прибытия Мао Цзэдуна в Москву».

Сталин также пояснил, что советские войска, расквартированные в Порт-Артуре, предназначены для сдерживания вооруженных сил США и Чан Кайши; они находятся там также с той целью, чтобы защищать СССР, а также защищать интересы революции в Китае.

Сталин сказал далее следующее:

«В свое время мы приняли в ЦК ВКП(б) закрытое решение о том, что после подписания мирного договора с Японией и вывода США своих войск из Японии СССР может рассмотреть вопрос о выводе своих сил из Порт-Артура. Если китайские товарищи пожелают, то Советский Союз может вывести эти войска прямо сейчас. Дальний должен в едином порядке подпадать под юрисдикцию властей Северо-Восточного Китая. В настоящее время порт Дальний должен использоваться в интересах обоих наших государств. Таково реальное положение дел».

Во время этих бесед Сталин и Лю Шаоци достигли предварительного устного согласия по целому ряду вопросов. Например, по вопросу о приглашении в Китай советских специалистов для оказания помощи в строительстве экономики, о направлении в Советский Союз на учебу китайских студентов, о сотрудничестве и взаимопомощи в сфере здравоохранения. По всем этим вопросам было достигнуто единство мнений. В соответствии с потребностями восстановления производства в Китае было подписано соглашение об условиях оплаты работы советских специалистов в Китае; при этом в предварительном порядке стороны договорились о направлении в Китай специа-

листов в различных областях; эти специалисты должны были направляться в Китай отдельными группами и на определенные сроки. [254]

Во время одной из бесед Лю Шаоци специально остановился на вопросе о поражении Гоминьдана.

Сталин проявил особый интерес к этому вопросу. Он сидел, курил трубку, сосредоточенно слушал и просил повторить те положения, которые представлялись ему неясными.

Лю Шаоци говорил следующее:

«Наши отношения с Гоминьданом — это, с одной стороны, борьба и, с другой стороны, союз. Во время первого по счету сотрудничества Гоминьдана и Компартии Китая Гоминьдан и Чан Кайши совершили предательство, к которому мы тогда ни в малейшей степени не были готовы, поэтому нам пришлось пережить много временных неудач, поражений. Во время второго по счету сотрудничества Гоминьдана и Компартии Китая мы уже четко представляли себе ситуацию, поэтому когда после завершения Войны сопротивления Японии Чан Кайши совершил предательство и вознамерился развязать внутреннюю войну, мы уже были к этому готовы и встретили его, как говорится, «острием против острия»; мы оборонялись и в то же время наносили контрудары, повели народную освободительную войну, в результате которой Гоминьдан и Чан Кайши были свергнуты».

Сталин выслушал это в задумчивости. По наблюдениям и воспоминаниям китайского переводчика этой беседы Ши Чжэ, на лице Сталина отразились угрызения совести. Очевидно, как полагал Ши Чжэ, он ясно помнил, что в августе 1945 года Гоминьдан и Чан Кайши хотели начать внутреннюю войну, замыслили, как говорится в Китае, «поднять нож мясника», чтобы уничтожить членов Коммунистической партии Китая. Мао Цзэдун повел тогда, как толкует эти события КПК, свою партию и революционный народ на оказание сопротивления и нанесение ответных ударов, на вооруженный отпор; так, собственно говоря, и началась внутренняя война в Китае. И именно в этот момент Сталин направил в ЦК КПК телеграмму, в которой говорилось, что если в Китае вспыхнет внутренняя война, то это может привести к исчезновению китайцев как нации! И вот теперь само историческое развитие оказалось противоположным его тогдашним предсказаниям;

история доказала, что он был не прав. И сегодня делегация КПК в его присутствии излагает эту историю. Вот в связи с чем Сталин и ощутил неловкость и замешательство. Он глубокомысленно заметил: «Тут враги дали нам урок, болезненный урок!» И вдруг Сталин спросил:

«А как вы полагаете, мы нанесли вам урон?»

Лю Шаоци из вежливости ответил:

«Нет».

Сталин отрицательно покачал головой и сказал:

«Нет, мы вам нанесли урон, навредили. Мы не очень хорошо разобрались в том, что происходит в Китае. Иной раз, исходя из добрых побуждений, совершали ошибки».

Сталин произнес эти слова совершенно серьезно, искренне, они выдавали его глубокие внутренние терзания.

В комнате повисла тишина.

Все погрузилось в глубокие раздумья.

Сталин добавил:

«Когда Мао Цзэдун поехал в Чунцин, это было опасно. Существовала вероятность того, что Си-Си-сты (СИ-СИ — специальная служба при Чан Кайши. — Ю. Г.) и другие агенты спецслужб попытаются убить его!»

Лю Шаоци пояснил: «Последствия поездки Мао Цзэдуна в Чунцин были весьма благоприятными, так как мы немедленно захватили политическую инициативу».

Сталин заинтересованно спросил:

«Не потерпели ли вы урон тогда, когда вместе с американцами приняли участие в мирных переговорах? И не помешали ли мы вам в этом?» [255]

Лю Шаоци ответил: «В ходе мирных переговоров ЦК КПК смотрел на вещи совершенно трезво. Здесь мы понесли лишь незначительный ущерб. Однако все эти мирные переговоры, которые велись в то время, оказались весьма необходимыми, так как США и Чан Кайши были изолированы, а в результате нам удалось свергнуть Гоминьдан, свергнуть Чан Кайши. Никто не сказал, что мы были совершенно не правы, когда поступали именно таким образом».

Сталин улыбнулся и сказал:

«Победителей не судят. Все, что приносит победу, оказывается верным. Вы поступили правильно. Вы победили».

Сталин понял, что Лю Шаоци отвечал ему отрицательно на его вопрос из вежливости, делая уступки из приличий. Помолчав, Сталин, снова мучаясь угрызениями совести, сказал:

«Китайские товарищи — люди вежливые, соблюдающие приличия. Откровенно говоря, мы ощущаем, что мы вам помешали. И у вас есть в этой связи критические соображения, только вы не хотите их высказывать. Конечно, вы должны обращать внимание на то, правильно мы говорим или нет, потому что мы зачастую недостаточно понимаем суть того, что происходит у вас, и, вероятно, мы в своих словах допускаем ошибки. Однако, если мы в наших высказываниях ошибаемся, то вы все равно соглашаетесь. Мы обратили на это внимание». [256]

Такая постановка вопроса Сталиным оказалась неожиданной для Лю Шаоци и членов делегации. Она выходила за рамки инструкций и указаний, полученных ими от Мао Цзэдуна, который наказал Лю Шаоци говорить в том духе, что китайские товарищи несут главную ответственность, когда речь идет о вопросах революции в Китае. По мнению Мао Цзэдуна, не нужно было высказывать в адрес Сталина никаких критических соображений и замечаний, тем более Мао Цзэдун не требовал от Сталина выступления с самокритикой.

Однако Сталин, вопреки ожиданиям Мао Цзэдуна, открыто при встрече с Лю Шаоци и членами его делегации занялся самокритикой.

Сталин высказался следующим образом:

«Вы правильно действуете, когда решили сотрудничать с национальной буржуазией и привлечь ее в правительство. Национальная буржуазия в Китае отличается от национальной буржуазии в странах Восточной Европы и в Германии. Там буржуазия во время войны сотрудничала с Гитлером, сама себя покрыла позором, а затем была вынуждена бежать вместе с Гитлером, оставив свои предприятия. Поэтому после победы в войне с Гитлером в указанных странах остался лишь вопрос об этих предприятиях, но не о их владельцах. Не такова национальная буржуазия в Китае. Во время войны с Японией она не капитулировала перед Японией и, следовательно, не бежала вместе с японцами при их отступлении. Хотя после капитуляции Японии часть этой буржуазии при поддержке Чан Кайши попыталась наладить отношения с американцами, получить помощь со стороны США,

однако оказалось, что после заключения китайско-американского договора о торговле и мореплавании это было не только экономически не выгодно для китайской буржуазии, но не было выгодно даже с точки зрения морских перевозок. Это был очень большой удар по китайской буржуазии. И вот тогда китайская национальная буржуазия повернула против США и Чан Кайши. Компартия Китая использовала антиамериканский настрой национальной буржуазии. Курс КПК на долговременное сотрудничество с этой буржуазией является правильным. Он необходим для того, чтобы побудить китайскую национальную буржуазию встать в антиимпериалистический лагерь. Это и потребовало выработки такой политики, которая была бы в интересах национальной буржуазии. Например, в том, что касается таможенного протекционизма, политики в отношении между трудом и капиталом».

Сталин также конкретно анализировал противоречия между трудом и капиталом и методы их разрешения. Он сказал, что противоречия между трудом и капиталом существуют объективно. Для того чтобы избежать ситуации, при которой борьба рабочих разрушала бы наше сотрудничество с буржуазией, необходимо, чтобы капиталисты и рабочие заключали между собой договоры, в которых имелись бы гарантии интересов рабочих, следует убеждать капиталистов становиться цивилизованными капиталистами, которые с уважением относятся к интересам рабочих, добиваться того, чтобы наше сотрудничество с буржуазией смогло существовать на протяжении относительно длительного времени.

Лю Шаоци выразил свое согласие с позицией Сталина и с его анализом.

Сталин спросил, какие еще вопросы имеются у китайской делегации.

Лю Шаоци поставил несколько вопросов, подготовленных заранее. Это были главным образом два вопроса: во-первых, о вероятности третьей мировой войны; во-вторых, об оценке сил мировой революции, об оценке двух лагерей.

Сталин ответил так:

В настоящее время вероятность третьей мировой войны не слишком велика. Дело объясняется тем, что сейчас никто не обладает для этого достаточной мощью. Силы же революции

находятся в процессе развития, силы народа стали мощнее, чем они были до войны. Империализму, если он замыслит начать мировую войну, по крайней мере понадобятся лет двадцать на ее подготовку. Если народ не захочет войны, война не начнется. Что же касается вопроса о том, насколько долго удастся удерживать мир, то это будет зависеть и от наших усилий, и от развития обстановки. В силу того что мы заинтересованы в строительстве, для нас важен мир; необходимо прикладывать усилия, чтобы обеспечить побольше мирных лет. Конечно же, никто не может гарантировать того, что в мире не найдутся безумцы, не найдутся военные маньяки. Далее Сталин привел пример. Он обратился к событиям, которые имели место за несколько дней до этой беседы. Некий американский военный в связи со слухами о том, что «Советская армия высадилась на Аляске», выпрыгнул из окна высотного дома и покончил жизнь самоубийством.

В ходе этой беседы Лю Шаоци сказал Сталину: «Мы рассчитываем создать центральное народное правительство 1 января 1950 года».

Сталин в этой связи сказал:

«Очень скоро вы форсируете реку Янцзы. Где вы учредите правительство? Государство не может на протяжении длительного времени жить без правительства».

Лю Шаоци ответил: «Мысль товарища Мао Цзэдуна заключается в том, что не следует торопиться в вопросе о создании правительства. Дело в том, что в свое время в городе Жуйцзине мы уже создавали центральное советское правительство, однако в силу того, что условия для этого тогда не созрели, это не сыграло большой роли».

Сталин с сомнением покачал головой: «Сегодня так, а завтра — по-другому. Время несется быстро. Наш опыт свидетельствует о том, что без правительства нельзя жить долго, партия не может подменять правительство. В противном случае, если срок, когда не будет правительства, окажется длинным, империалисты могут использовать это обстоятельство и вмешаются, дело тогда может дойти и до вмешательства целой коалиции. Когда ночь длинна, тогда одолевают многочисленные сны, в голову приходят разные фантазии. А уж если империалисты вмешаются, тогда можно попасть в пассивное положение».

Вслед за тем Лю Шаоци поставил вопрос о признании Нового Китая на мировой арене. Позиция Сталина по этому вопросу была совершенно ясной: решительная поддержка.

Незадолго до этого некоторые страны Восточной Европы полагали, что Мао Цзэдун, будучи на эмоциональном взлете, проявит очень сильные национальные чувства, и если дело обернется плохо, то Китай может стать второй Югославией, а Мао Цзэдун может превратиться во второго Тито. В этой связи в этих странах Восточной Европы раздавались призывы к бдительности. Поэтому в КПК полагали, что нет гарантии признания Нового Китая на мировой арене. Ведь капиталистические страны совершенно определенно не стали бы торопиться с признанием Нового Китая, а подлинное отношение к этому Советского Союза до этого момента, как полагал Мао Цзэдун, еще не было прощупано до самого дна. И вот сейчас позиция Сталина оказалась такой ясной. Это вдохновляющим образом повлияло на делегацию во главе с Лю Шаоци, который направил в ЦК КПК телеграмму, а ЦК КПК ускорил шаги по созданию центрального народного правительства. Первоначально планировалось создать центральное народное правительство 1 января 1950 года. Однако затем, учитывая эти обстоятельства и желание народа, срок создания передвинули на 1 октября 1949 года.

Сталин придавал очень большое внимание вопросу о сплочении народов и о взаимопомощи.

Во время четвертой беседы с Лю Шаоци Сталин подчеркивал:

Сплочение, взаимопомощь и сотрудничество между народами являются чрезвычайно важными. Предварительным условием для сплочения, взаимопомощи и сотрудничества выступает взаимное доверие народов, искренность в отношениях друг к другу. Конечно, все это не может заменить собой политику и стратегию, и все же это — действительно норма дружественных отношений.

После обмена мнениями во время этой беседы Сталин пригласил делегацию на просмотр кинофильма. Кинопросмотр состоялся тут же, в зале переговоров. Стоило Сталину только произнести слово, и тут же погас свет, началась демонстрация кинофильма. Сначала был показан документальный кинофильм об испытаниях ядерного оружия, о взрыве атомной бомбы. Вероятно,

испытание было проведено где-то на севере Советского Союза у полярного круга. На экране появилась бескрайняя пустыня, засыпанная снегом. Показался самолет и сбросил бомбу, поразил цель, поднялось облако; взрыв был неимоверной силы, строения просто смело... В фильме конкретно был показан процесс испытания ядерного оружия, взрыва атомной бомбы, ее мощь и масштабы действия. Говорили, что этот документальный фильм иностранцам в СССР был тогда показан впервые.

В КПК тогда такого рода жест Сталина воспринимали следующим образом: в то время мир был разделен на два лагеря, СССР и США вели между собой борьбу за то, чтобы стать гегемоном, то есть временным властителем мира, не по праву присвоившим себе эту роль. США осуществляли ядерный шантаж. Сталин пригласил китайскую делегацию на просмотр этого фильма с той целью, чтобы на фактах, которые приводились в этом фильме, показать, что у него тоже есть атомная бомба и потому не следует слепо полагаться на Запад. Если враг действительно захочет нанести удар с применением атомных бомб, то Советский Союз сумеет дать надлежащий ответ, а нашим друзьям будет обеспечена защита в виде имеющегося у СССР ядерного оружия.

После просмотра этого документального кинофильма люди приглушенными голосами обменивались впечатлениями о мощи ядерной бомбы.

Сталин, пребывая в приподнятом настроении, сказал членам делегации, что наука и техника развиваются семимильными шагами, движутся с такой скоростью, что иной раз это превосходит все ожидания. Однако, когда речь идет об испытаниях атомной бомбы, то есть оружия массового поражения, никто не говорит об этом открыто, этим занимаются за закрытыми дверями, тайно, секретно; в этой связи атомную бомбу называют иногда «секретным оружием». Китайская делегация восприняла эти рассуждения Сталина как намек на то, что он подразумевал под этим, что в СССР тоже работают над еще более новыми видами вооружений.

27 июля Сталин устроил банкет на втором этаже своей дачи в Кунцево. Он пригласил членов делегации и Цзян Цин.

После того как Цзян Цин предложила тост, Сталин чокнулся со всеми и был, очевидно, рад. Цзян Цин сказала, что «здоровье

товарища Сталина — это наше счастье!». Очевидно, что ее слова задели Сталина за живое. В этой связи он отметил, что центр революции перемещается на Восток. Он сказал: «Люди на Западе возгордились и после смерти Маркса, Энгельса отстали. Центр революции с Запада переместился в СССР, а теперь перемещается дальше — в Китай».

Сталин подчеркнул: «Что касается марксизма, то, возможно, мы в Советском Союзе и раньше вас ознакомились с общетеоретическими положениями, возможно, что прочитали побольше литературы. Однако если говорить о воплощении основных принципиальных установок марксизма в практику, то тут нам есть чему у вас поучиться, у вас тут есть значительный опыт, заслуживающий изучения».

Сталин далее сказал:

«Сегодня вы называете нас старшим братом. Хотелось, однако, пожелать, чтобы младший брат догнал и перегнал старшего брата. И это не только наше общее пожелание, оно также отвечает закономерностям развития; ведь новое всегда превосходит старое! А теперь прошу всех поднять бокалы и выпить за то, чтобы младший брат обогнал старшего брата!»

Эти слова Сталина прозвучали искренне. Лю Шаоци, слушая его, очень нервничал и никак не мог согласиться принять тост.

Сталин пояснил:

«С перемещением центра мировой революции лежащая на вас историческая ответственность станет тяжелее. Я высказываю наше искреннее пожелание!»

Лю Шаоци все же не принимал тост. Он сказал:

«Старший брат — это все-таки старший брат. Младший брат — это все-таки младший брат! Мы всегда будем учиться у старших!»

Присутствовавшие при этом советские руководители наперебой уговаривали Лю Шаоци выпить:

«Младший брат догонит и перегонит старшего брата; это закон. Надо выпить за предложение товарища Сталина!»

Лю Шаоци все же не соглашался, он нервничал, покраснел.

Так получилось, что Сталин предложил тост за перемещение центра мировой революции, пожелав, чтобы младший брат

перегнал старшего брата, но Лю Шаоци со всей решительностью не принял этот тост. Долго все препирались. И все-таки Лю Шаоци так и не выпил.

Советские руководители не могли взять в толк, почему Лю Шаоци так поступил. Они исходили из того, что по кавказским обычаям в тостах проявляется искренность и высказываются добрые пожелания. Почему же Лю Шаоци не выпил?

Европейцы зачастую не понимают характер наций Востока, которые подвергались гнету и находились в рабстве. Лю Шаоци был одним из вождей народной революции в Китае. На протяжении длительной революционной борьбы в бесчисленных сражениях он оттачивал и свой разум, и свою волю и смелость. Однако в глубине души все еще оставались отпечатки гнета и рабства. В характере человека Востока были и трудолюбие, и искренность, и терпение, и скромность, то есть многочисленные прекрасные качества. Но перед «великими фигурами» человек Востока никак не мог выпрямить спину до конца.

Лю Шаоци посетил Москву по поручению Мао Цзэдуна и от имени Мао Цзэдуна встретился со Сталиным. Задачи, поставленные перед ним Мао Цзэдуном, он выполнил в соответствии с поручением. От имени Мао Цзэдуна он сделал то, что было необходимо. Однако, как полагали в КПК сторонники Мао Цзэдуна, Лю Шаоци не мог передать характер Мао Цзэдуна, своим поведением продемонстрировать, что такое абсолютно негибаемый характер Мао Цзэдуна. В КПК гадали, как поступил бы в такой ситуации Мао Цзэдун, и приходили к выводу, что Мао Цзэдун, наверное, не был бы слишком уж скромным, он полностью разогнул бы спину. Мао Цзэдун многократно ратовал за то, чтобы сбросить с плеч давившее на них бремя прошлого гнета и рабства, смело думать и смело действовать, смело выходить вперед, делать то, чего никто раньше не делал, чего не делали предшественники!

Мао Цзэдун много раз критиковал проявления рабства в характере людей. Он выступал против того, чтобы гнуть спину перед старшими, склонять голову, не решаться сесть в их присутствии. Мао Цзэдун говорил, что «у раба стоять вошло в привычку».

Лю Шаоци был, с точки зрения сторонников Мао Цзэдуна, чересчур осторожен. Он не выпил, когда Сталин предложил тост.

Такова была разница в характерах Лю Шаоци и Мао Цзэдуна. Она проявилась еще больше во время поездки Мао Цзэдуна в СССР, состоявшейся несколько месяцев спустя. Тогда встретились две равноценные фигуры. В этом было отличие Мао Цзэдуна от Лю Шаоци. [257]

Так трактовались в КПК — КНР события, происходившие во время поездки делегации Лю Шаоци в СССР в 1949 году.

В сущности же, Лю Шаоци оказался в безвыходном положении, когда только отмалчивание и недействие могли дать ему возможность более или менее сохранить лицо по возвращении в Китай. Дело было в том, что Лю Шаоци прекрасно знал о том, что обо всех его словах и даже обо всех его эмоциях, обо всем, что выразится на его лице, будет непременно доложено Мао Цзэдуну, причем в духе критики поведения Лю Шаоци. Если бы Лю Шаоци был свободен от подозрительности Мао Цзэдуна, он повел бы себя иначе. Лю Шаоци отличался огромной самостоятельностью в своих действиях и решениях, будучи, однако, ограничен объективно сложившейся ситуацией, то есть культом Мао Цзэдуна и его подозрительностью, болезненной мнительностью, особенно тогда, когда речь шла об отношениях со Сталиным. Лю Шаоци в данном случае сумел все же точно выполнить инструкции Мао Цзэдуна, будучи поставлен, кстати сказать, в весьма затруднительное положение по вине, в частности, супруги Мао Цзэдуна.

Пожалуй, можно подчеркнуть, что эта поездка показала: обе стороны оказались способны решать многочисленные и важные вопросы практического характера. Вместе с тем недоверие одной стороны к другой, недопонимание в целом ряде важных проблем создавало очень сложный фон для отношений, где Сталин пытался приспособиться к Мао Цзэдуну, но в то же время не допустить ни полного отрыва КПК и КНР от СССР и ВКП(б), ни навязывания Мао Цзэдуном своей интерпретации всей истории двусторонних отношений. Уступки, на которые шел Сталин, были в одно и то же время как бы весьма существенными, ибо он в своих выступлениях даже занимался не только самокритикой, но и самоуничижением, но в то же время он подспудно вел линию на то, чтобы в основе своей сохранять положение, при котором Китай оставался бы не только в числе союзников СССР, но и, хотя бы молчаливо, признавал, что СССР — сила, за

атомным плечом которой Китай так или иначе, но укрывается. Визит Лю Шаоци несколько прояснил для каждой из сторон позиции партнера, двинул вперед развитие отношений на практике, но в то же время оставил под вопросом многое в двусторонних отношениях. Становилось ясно, что, несмотря на все уже проделанное, только встреча Сталина и Мао Цзэдуна, их беседы могут сыграть главную роль в формировании характера двусторонних отношений, по крайней мере на относительно длительный срок.

СТАЛИН И МАО ЦЗЭДУН НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ КНР

Накануне образования КНР, то есть тогда, когда стало очевидно, что обеим сторонам, обоим лидерам придется иметь дело с соседним государством, а не только с идейно родственной партией, стала со все большей остротой вставать проблема взаимных отношений двух соседних государств, правящими в которых были коммунистические партии, а высшими и бесконтрольными руководителями которых были Сталин и Мао Цзэдун.

Вполне очевидно, что у Сталина и Мао Цзэдуна были отличавшиеся одно от другого представления и о своем, и о соседнем государстве.

Сталин, безусловно, считал себя если не величайшим, то не уступающим никому по величию, по государственной мудрости (и хитрости) руководителем. Государство, во главе которого он стоял, он видел как мировую державу, равной которой по военной силе могли быть только США. Отсюда его взгляд на все другие государства как на в определенном смысле второстепенные по сравнению с СССР. Это, однако, ни в коей мере не означало, что Сталин с презрением относился к настоящей и особенно к будущей мощи ряда других государств: Германии, Японии, Китая.

В межгосударственных отношениях с Китаем Сталин, имея за плечами опыт связей с Чан Кайши и Китайской Республикой, стремился прежде всего обеспечить интересы безопасности СССР, принимая во внимание и саму фигуру Мао Цзэдуна, и возглавлявшиеся им политические силы. На практике Сталин ни в малейшей степени не ущемлял китайцев, ханьцев как

нацию, однако он вел линию на то, чтобы заставлять соседнее китайское государство находиться в военном союзе с СССР. Это могло по-разному восприниматься людьми в Китае.

Мао Цзэдун считал такую линию поведения Сталина проявлением того, что он именвал великодержавным шовинизмом.

Однако, с точки зрения Мао Цзэдуна, когда он говорил о великодержавном шовинизме, дело было не только и не столько в оценке конкретной государственной политики, проводившейся Сталиным по отношению к Китаю.

Мао Цзэдун, по сути дела, всегда был склонен исходить из мысли о том, что Китай и он сам, как лидер Китая, должны занимать главное место на планете.

Положение, престиж, даже военную мощь Сталина, а затем и других советских руководителей и их государства Мао Цзэдун считал незаслуженно присвоенными ими, раздутыми, узурпированными, причем в ущерб ему, Мао Цзэдуну, то есть Китаю.

Мао Цзэдун (уже после смерти Сталина, но это не должно смущать, ибо в этом вопросе и практическая политика Мао Цзэдуна, и его мысли были последовательными и при жизни Сталина, и вплоть до смерти самого Мао Цзэдуна) утверждал:

«СССР не таков, как мы. Во-первых, царская Россия представляла собой империализм (руководствовалась в своей политике принципами империи); во-вторых, затем (на смену царской империи, царской России) пришла Октябрьская революция, в результате чего многие люди в СССР очень уж возгордились; они очень высоко подняли свой хвост». [258]

Итак, по Мао Цзэдуну, оказывалось, что Россия виновата исторически перед Китаем в том, что она проводила имперскую политику. Мао Цзэдун не допускал мысли о том, что и Россия, и Китай были империями, их политику на разных исторических этапах их развития можно называть имперской; у них могут быть, при таком подходе, претензии друг к другу.

Здесь, пожалуй, важно то, что в сознании Мао Цзэдуна Россия была изначально виновата перед Китаем и должна была вернуть ему свои долги, в том числе и территориальные. Китай же был безупречен в отношениях с Россией.

Сталин никогда не ставил вопрос таким же образом: он не говорил о вине Китая перед Россией, сам вопрос о чьей-то

исторической вине не существовал для Сталина. Вот это-то и было, очевидно, дополнительным стимулом для Мао Цзэдуна, заставлявшим его утверждать, что Россия совершила в отношении Китая историческую несправедливость и должна расплачиваться за свои преступления.

Далее, Мао Цзэдун полагал, что вина России усугублена тем, что в ней произошло то, что он именовал Октябрьской революцией (имелся в виду вооруженный политический переворот в октябре 1917 года). С точки зрения Мао Цзэдуна, на старую вину России перед Китаем после Октября 1917 года наложилась новая вина (или к старым долгам добавился новый долг России перед Китаем), а именно то, что люди в России якобы слишком возгордились, незаслуженно возгордились, почувствовали себя выше людей других стран, выше людей Китая, что, по мнению Мао Цзэдуна, совершенно нетерпимо.

С этим утверждением также никак нельзя согласиться. Противопоставление наций, столкновение их — вот основная черта политики Мао Цзэдуна в этом вопросе. Во всяком случае, при всех недостатках и преступлениях Сталина у него не было политики, которая сталкивала людей России и Китая. Преступления и ошибки Мао Цзэдуна усугублялись тем, что он сознательно вел (и довел) дело к столкновению двух наций — России (СССР) и Китая (КНР), причем довел развитие событий не только до стадии идеологического противостояния, когда в Пекине допустили мысль о возможности вооруженного столкновения, применения оружия, начала «пограничной войны» (термин Чжоу Энъяла, вероятно, либо позаимствованный им у Мао Цзэдуна, либо отражавший настроения и мысли Мао Цзэдуна) против СССР, но и на практике начали такие вооруженные столкновения, то есть применили оружие, убили на границе русских людей, людей России.

Что же касается своей задачи, то ее Мао Цзэдун видел, прежде всего, в том, чтобы заставить Сталина, СССР, людей России «поджать (незаслуженно поднятый ими) хвост», занять приниженное положение относительно Мао Цзэдуна и Китая, знать свое место, которое, конечно же, по мысли Мао Цзэдуна, было подчиненным по отношению к Китаю, к нему самому, то есть к Мао Цзэдуну.

Мао Цзэдун также говорил в этой связи следующее:

«Под давлением обстоятельств (складывавшейся обстановки) эти своего рода твердолобые упрямы в Советском Союзе все еще осуществляют великодержавную шовинистическую политику, но этот номер у них с нами не пройдет. Наш курс в настоящее время заключается в том, чтобы все-таки попытаться помочь им, а конкретный метод, с помощью которого мы могли бы оказать им помощь, состоит в том, чтобы прямо в лицо говорить им об их недостатках. На сей раз (очевидно, имелись в виду двусторонние переговоры делегаций двух коммунистических партий — КПСС и КПК — в Москве в 1964 году) наша делегация поехала в Москву и там выложила все начистоту, разоблачила их и вскрыла перед ними некоторые проблемы. Я в телефонном разговоре сказал товарищу Чжоу Эньлаю (возглавлявшему в Москве делегацию КПК), что эти люди (советские руководители) руководствуются только своей выгодой и в то же время у них наблюдается помутнение разума; это ослепленные алчностью политиканы, у которых голова вскружилась от жадности, которые зарвались и в погоне за наживой потеряли голову; поэтому лучшим методом в общении и разговорах с ними может быть только один — отругать их на чем свет стоит, крыть их последними площадными словами». [259]

В этой же связи так называемая полемика между КПСС и КПК, а по сути дела, противостояние и борьба двух партийно-государственных машин с использованием всех средств, имевшихся в их распоряжении, за исключением военных (до 1969 года), и вооруженные столкновения (1969 года) на советско-китайской границе практически в КПК — КНР, отражая точку зрения Мао Цзэдуна, рассматривались тоже как своего рода критика великодержавного шовинизма, присущего, по мнению того же Мао Цзэдуна, Сталину, последующим советским лидерам, КПСС, СССР и людям СССР, России.

Так, Мао Цзэдун, выдвинув бездоказательное, чисто умозрительное, а по сути дела, лживое обвинение в адрес не только Сталина, но и вообще России, русских людей в том, что они относились к китайцам с позиций великодержавности и шовинизма, хотя этим русские люди, как нация, не грешили, по крайней мере в отношении Китая и ханьцев, не ограничивал себя после этого ничем, выбирая средства борьбы против России и русских людей, полагая применение оружия против них,

начало войны против них на границах Китая (КНР) и России (СССР) вполне приемлемым средством, с помощью которого только и можно было, по мнению Мао Цзэдуна, поставить Россию и русских на место, заставить их поджать хвост, смиренно пойти за Мао Цзэдуном, Китаем, ханьцами.

В 1949 году накануне образования КНР Мао Цзэдун заявил: «Человек Китая встал во весь рост!» [260]

Так Мао Цзэдун провозгласил исходное положение при осуществлении внешней политики нового государства, то есть КНР. Он подчеркнул, что это государство будет бороться за независимость и самостоятельность своей внешней политики, будет устранять все остатки отступлений от этой политики, не допустит никаких новых отклонений от нее. Мао Цзэдун также подчеркнул, что новое государство будет стремиться отражать интересы человека Китая, то есть будет представлять интересы китайской нации, нации Чжунхуа. Из этого следовало, что интересы нации, в понимании их Мао Цзэдуном, оказывались при этом выше, чем, так сказать, абстрактные положения марксистской, ленинской теории, выше идеологии, которая, как многим тогда представлялось, особенно в Советском Союзе, играла первенствующую роль, скрепляя отношения русских и китайцев; интернационализм, во всяком случае в его сталинском понимании, оказывался при этом менее важным для Мао Цзэдуна; для него преобладали интересы нации Чжунхуа, в том числе и необходимость «восстановить справедливость и равенство» в отношениях с северным соседом КНР. вполне естественно было ожидать, что такая позиция относится ко всем внешнеполитическим партнерам КНР, в том числе и, возможно, прежде всего к СССР.

В этой связи представляется вполне логичным заявление Мао Цзэдуна на торжественной церемонии провозглашения Китайской Народной Республики от имени ее центрального правительства: «Настоящее правительство является единственным законным правительством, представляющим народ всей страны — Китайской Народной Республики. Настоящее правительство желает установить дипломатические отношения (внешние связи. — Ю. Г.) с любыми правительствами, которые намерены уважать такие принципы, как равноправие, взаимная выгода, а также взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета». [261]

Из этого следовало, что Мао Цзэдун распространил принципы мирного сосуществования на отношения КНР с любыми правительствами, то есть на все государства. Он последовательно проводил линию на то, чтобы не выделять страны той или иной системы, чтобы не связывать вопрос о социально-экономическом строе в той или иной стране с вопросом о межгосударственных отношениях и тем более не подчинять вопрос о межгосударственных отношениях вопросу о классовой солидарности социалистических стран, а говоря еще конкретнее, чтобы не считать, что в межгосударственных отношениях страны социалистической системы исходят, прежде всего, из идеи о пролетарском интернационализме, подчиняются единому руководящему центру всех мировых социалистических сил [во всяком случае, в ситуации или до той поры, когда такой центр находится не в КНР, а в СССР], подчиняются интересам классовой солидарности, которая в одно и то же время и превращает их в единый военный лагерь, общие интересы которого выше интересов каждого отдельного социалистического государства, и противопоставляет их как единое целое, как единый военный лагерь, странам капиталистической системы как единому враждебному лагерю, как общему военному врагу. В то же время Мао Цзэдун четко отделял сферу межгосударственных отношений от сферы идеологии; это относилось и к отношениям с Советским Союзом. Особенно ярко это проявлялось тогда, когда речь шла о столкновении национальных интересов.

Что касается дружбы, то это понятие, с точки зрения Мао Цзэдуна, не относилось к сфере межгосударственных отношений. Это была область отношений, отдельных от межгосударственных отношений; это была часть отношений между народами, причем понятие «народ» здесь виделось Мао Цзэдуну в классовом понимании. Он полагал, что существовали некие общие классовые интересы трудящихся (а только они и входили в понятие народа) обеих стран; народ СССР, с точки зрения Мао Цзэдуна, поддерживал лидеров в КПК — КНР в их борьбе за «восстановление справедливости» в отношениях между нациями — Китаем и Россией.

Мао Цзэдун объяснял выдвижение на первое место среди внешних связей КНР в 1949 году межгосударственных отношений с СССР и государствами, которые назывались странами

народной демократии, тем, что это диктовали тогда международная обстановка, а также исторические условия. [262] Тем самым подчеркивалась мысль о временном характере создавшейся ситуации, о тактических ходах, которые была вынуждена совершать тогда только что образовавшаяся КНР.

Именно особые условия и ситуация в мире в то время и были теми обстоятельствами, которые побудили Мао Цзэдуна совершить поездку в СССР в конце 1949-го — начале 1950 года. Такая поездка была вынужденной, с точки зрения Мао Цзэдуна; она представляла собой, по сути дела, отступление от провозглашенных им в день создания КНР, то есть 1 октября 1949 года, принципов внешней политики нового государства китайской нации, нации Чжунхуа.

Мао Цзэдун тогда полагал, что КНР должна была развивать связи и сотрудничество с социалистическими государствами. [263] При этом речь не шла ни о братских, ни о дружественных отношениях между государствами (идеологический элемент, теоретические установки марксистской теории при этом отсутствовали), но лишь об отношениях сотрудничества, лишь о развитии связей. Во всяком случае, именно это было предпочтительным с точки зрения Мао Цзэдуна.

Даже само наименование того договора, который был подписан в Москве во время пребывания там Мао Цзэдуна 14 февраля 1950 года, также было вынужденно принято китайской стороной. Мао Цзэдун предпочел бы говорить не о дружбе и союзе в отношениях СССР и КНР (как это первоначально предложила советская сторона, то есть предложил Сталин) и даже не о взаимной помощи (а это была поправка Чжоу Энляя, направленная на то, чтобы хоть как-то уравнивать партнеров), а о сотрудничестве и о развитии связей на основе полного равноправия и взаимной выгоды. Не случайно он упоминал и об уважении территориальной целостности и суверенитета. Здесь содержался намек, как показало развитие событий, на неурегулированность «прошлых счетов» и на недовольство политикой и действиями советской стороны на границе между двумя странами.

Даже тогда, когда речь шла о внешней торговле в 1949–1950 годах, когда КНР находилась в изоляции, Мао Цзэдун подчеркивал, что хотя, принимая во внимание сложившуюся ситуацию, Советский Союз и занимал первое место во внешнеторго-

вых связях КНР, однако, с точки зрения Мао Цзэдуна, даже в эти годы следовало готовиться и вести торговлю с другими странами, в том числе с Англией, США. [264]

В целом направленность внешней политики Мао Цзэдуна в момент образования КНР, постановка им вопроса о необходимости искать пути развития связей с возможно более широким кругом стран представляется разумной. Однако, анализируя состояние отношений между Сталиным и Мао Цзэдуном, нельзя пройти мимо тенденции Мао Цзэдуна выражать недовольство сложившимися к тому времени советско-китайскими отношениями, подчеркивать временный характер связей, возникших между СССР и КНР сразу же после образования КНР. Очевидно, с точки зрения Мао Цзэдуна, этим связям были присущи, по крайней мере, два недостатка: неравноправие партнеров с перевесом в сторону Москвы и смешение идеологических установок и межгосударственных отношений; и то и другое, как полагал Мао Цзэдун, ущемляло интересы КНР — КПК, нации Чжунхуа и должно было носить временный характер.

Вполне очевидно, что в момент образования КНР это новое государство продолжило политику предшествовавших государств китайской нации (в этом смысле КНР продолжила политику Китайской Республики, а Мао Цзэдун соревновался с Чан Кайши, стараясь показать, что он «лучше» борется за равенство в отношениях с СССР). Основными задачами этой политики было стремление решить вопросы территориального характера, то есть добиваться «восстановления исторической справедливости» путем пересмотра договоров о границе и возвращения Китаю «утраченных» китайской нацией в истории территорий, а также проведение совершенно независимой и самостоятельной внешней политики. Это предполагало отделение основанных на всеобщих мировых юридических принципах, как и со всеми другими государствами планеты, нормальных межгосударственных отношений с СССР от своеобразных или особых отношений между коммунистическими партиями и народами соответствующих стран. При этом отношения между партиями и народами должны были, с точки зрения Мао Цзэдуна, помочь ему заставить Сталина, его государство «исправить» «историческую несправедливость» в отношении Китая. Мао Цзэдун был нацелен на борьбу за изменение временно складывавшегося под

давлением упомянутых обстоятельств характера двусторонних связей между СССР и КНР. Поэтому прямо с октября 1949 года эти отношения стали в его глазах отношениями, для которых были в одно и то же время характерны и сотрудничество, и борьба, а точнее и борьба, и сотрудничество.

Организатором конкретной работы в сфере внешней политики был поставленный Мао Цзэдуном на этот пост премьер ГАС КНР и по совместительству министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай. Он же выступал в качестве члена высшего руководства КПК: члена Политбюро ЦК КПК, члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, заместителя председателя ЦК КПК. Одним словом, именно Чжоу Эньлай выражал и конкретизировал внешнюю политику Мао Цзэдуна, в том числе и прежде всего в отношении ВКП(б) — СССР.

При этом исходная позиция Чжоу Эньлая состояла в том, чтобы «отстаивать независимость» китайской нации. [265] В весьма значительной степени благодаря усилиям и дипломатическим способностям Чжоу Эньлая, который выполнял стратегические замыслы Мао Цзэдуна, были осуществлены большие изменения во внешней политике КПК — КНР в отношении СССР и США, если брать в целом все, что было сделано с 1949 по 1976 год: китайско-американские отношения были от противостояния через диалог доведены до учреждения на взаимной основе миссий связи в столицах обеих стран (косвенным следствием этого явился приход представителей Мао Цзэдуна в ООН), а китайско-советские отношения были от союза через период раскола приведены к противостоянию. В КПК — КНР это расценивалось как проявление в полной мере идеи Чжоу Эньлая (а по сути дела, Мао Цзэдуна) о независимой внешней политике КНР. [266]

Здесь Мао Цзэдун, очевидно при помощи Чжоу Эньлая, использовал вопрос о принципе суверенитета. И в СССР, и в КНР было нечто общее при взгляде на этот вопрос: в обеих странах полагали, что принцип суверенитета — это необходимый принцип международных отношений, что все страны должны уважать его, что на суверенитет никто не имеет права посягать. По крайней мере номинально, в декларативном плане, и Сталин, и Мао Цзэдун одинаково смотрели на этот вопрос. Очевидно, они полагали выгодным, ссылаясь на такой принцип, требовать

невмешательства зарубежных стран во внутренние дела СССР и КНР, а также проводить свою особую внешнюю политику.

В то же время у Сталина и Мао Цзэдуна, особенно сразу же после образования КНР, возникли и начали углубляться разногласия по этому вопросу.

Сталин полагал, что тогда, когда речь шла об отношениях между собой социалистических государств (а даже в наименованиях двух государств, СССР и КНР, это нашло в каждом случае свое выражение, ибо применительно к СССР присутствовало само слово «социалистический», а применительно к КНР слово «народный», что, с поправкой на период после Второй мировой войны, означало также характеристику классовой природы государства), то ряд принципов международных отношений, в том числе и принцип суверенитета, безусловно, как бы сами собой, подразумевались; более того, характер отношений между ними вполне естественно изначально приобретал черты дружелюбия, братства, глубочайшего идейного единства. Одним словом, отношения между странами с различным общественным строем находились на той ступени, когда важно было добиваться соблюдения ряда принципов, в том числе и принципа суверенитета. Очевидно, с точки зрения Сталина (а в данном случае и Мао Цзэдуна), обращение к принципам международного права, в частности к принципу суверенитета, было одним из приемов классовой борьбы на международной арене против враждебных социализму империалистических государств.

Сталин также полагал, что отношения социалистических стран находились на иной, более высокой — с точки зрения теории, которой он руководствовался, — ступени развития, где речь не шла об абстрактном, оторванном от классового содержания суверенитете по той, казалось бы, простой причине, что это (как бы) само собой разумелось, а главное, значительно более важное, чем суверенитет, состояло в том, чтобы развивать отношения классовой дружбы, а в необходимых случаях и союза, взаимной, в том числе военной, помощи социалистических стран как составных частей единого социалистического лагеря.

Мао Цзэдун видел ситуацию по-иному. Он полагал, что именно принадлежность социалистических стран к некой общности, отнесение ими самих себя к социалистическим странам, признание ими, что они, каждая в отдельности и все вместе,

являются странами с социалистическим общественным строем, влекли за собой ущемление принципа суверенитета. Мао Цзэдун исходил из того, что навязанное Сталиным превалирование интернационализма (социалистического интернационализма) над принципом суверенитета, вознесение интернационализма над суверенитетом, требование подчинять свои национальные интересы неким общим социалистическим интересам, а по существу, интересам одной страны — Советского Союза, то есть сама практика отношений между государствами, и заставили КПК — КНР выступать в защиту соблюдения принципа суверенитета в отношениях между социалистическими странами.

По сути дела, Сталин выносил принцип суверенитета за границы социалистического лагеря; Мао Цзэдун настаивал на внешности принципа суверенитета внутри социалистического лагеря. Сталин под прикрытием тезиса о пролетарском интернационализме стремился подчинить себе другие нации; Мао Цзэдун под прикрытием принципа суверенитета пытался освободиться от опеки Сталина. По сути дела, Сталин был с точки зрения классовой теории более последователен, чем Мао Цзэдун. В то же время и Сталин, и Мао Цзэдун лишь прикрывали теоретическими рассуждениями свою практическую политику, в которой каждый из них ставил превыше всего свои личные интересы, а также по-своему понимавшиеся ими интересы своих наций. Сталин маскировал классовой теорией свой национализм, ущемление национальных интересов других стран. Мао Цзэдун же до поры до времени поднимал знамя суверенитета, чтобы освободиться от зависимости от Сталина, СССР, КПСС. В то же время такая позиция Мао Цзэдуна была временной и ограниченной по месту действия, так как она была предназначена для того, чтобы изменить характер взаимоотношений между КНР и СССР. Когда Мао Цзэдун ощущал свою силу, он сам стремился выступать в роли такого же «старшего брата», что и Сталин. Так было, в частности, в отношениях Мао Цзэдуна с севером Кореи, такие попытки он делал и в отношениях с севером Вьетнама. Более того, когда Сталин умер, Мао Цзэдун стал претендовать на его место и теперь уже сам попытался поставить в зависимость от своей воли национальные интересы Советского Союза.

Весьма характерным в этой связи представляется признание в КПК — КНР того факта, что в 50-х годах Чжоу Эньлай считал,

что в условиях противостояния двух лагерей — лагеря социализма и лагеря империализма, — имея в виду такую цель, как оказание сопротивления главной угрозе для независимости и суверенитета КНР, которую тогда создавали США, заключение КНР союза с СССР (то есть договора, датированного 14 февраля 1950 года) было необходимым; можно было понять, почему обе стороны пошли на самоограничения. [267]

Таким образом, вполне очевидно, что для Мао Цзэдуна и Чжоу Энляя вступление одной социалистической страны в союзные отношения с другой социалистической страной трактовалось как обоюдное ограничение суверенитета, которое можно было понимать как временное и вынужденное обстоятельствами.

Именно в этой связи, также отражая взгляды Мао Цзэдуна, Чжоу Энлай неоднократно указывал на то, что «нельзя терять независимый характер своей партии и государства». Он также говорил, что «не нужно опираться на чужую помощь», не нужно «слепо копировать их опыт». Чжоу Энлай выдвигал также следующее положение: «Хотя стратегически и оставаться в союзе, но в тактическом плане нельзя не критиковать их (СССР. — Ю. Г.)». [268]

Следовательно, Мао Цзэдун в своих взаимоотношениях со Сталиным в момент образования КНР видел свою задачу в том, чтобы, прежде всего, отстаивать независимый характер как нового государства, так и своей политической партии. Иначе говоря, Мао Цзэдун тогда повел борьбу за независимость и партии, и государства в отношениях с КПСС и СССР. Дело, однако, осложнялось для Мао Цзэдуна двумя обстоятельствами: враждебным отношением к КНР со стороны США и других ведущих капиталистических стран, а также сформировавшимися исторически и носившими своеобразный характер отношениями с СССР и ВКП(б), которые в одно и то же время и были необходимыми Мао Цзэдуну в его борьбе за создание КНР, и, с другой стороны, как полагал Мао Цзэдун, связывали КПК и КНР, ограничивали их свободу и независимость.

Необходимо отметить, что отношение к опыту СССР и ВКП(б), к опыту Сталина, также носило у Мао Цзэдуна двойственный характер. С одной стороны, он нуждался и в этом опыте, и в помощи со стороны Сталина. С другой стороны, Мао Цзэдун

стремился в принципе сразу же представить обращение к этой помощи, к этому опыту как что-то временное и вынужденное обстоятельствами. Причем намерение вести дело к отказу от этого опыта и этой помощи представлялось как борьба за независимость и самостоятельность.

Не случайно и то, что в трактовке Чжоу Энляя (а следовательно, и Мао Цзэдуна) задачи КНР в области межгосударственных отношений СССР и КНР носили двойственный характер. В условиях враждебного отношения к КНР со стороны США и их союзников (особенно важно, что среди них была и Япония) Пекину, исходя из стратегической расстановки сил на том этапе развития обстановки на мировой арене, в первые годы после образования КНР приходилось оставаться в союзнических отношениях с СССР.

Однако перед КНР всегда стояла задача изменить ситуацию, содействовать переменам в обстановке на мировой арене, добиваться создания возможностей для полной самостоятельности КНР от всех союзных отношений, в том числе и с СССР. Этой цели должна была служить политика, при которой по конкретным вопросам, по частным проблемам, КНР, оставаясь в стратегическом союзе с СССР (а по сути дела, под стратегией здесь имелись в виду временные, обусловленные обстоятельствами тактические ходы), должна была критиковать его; Чжоу Энлай говорил при этом о критике «в тактическом плане», хотя, по сути дела, речь шла как раз, наоборот, о критике, которая выражала стратегическую ориентацию КПК и КНР на выход из союзнических отношений с СССР и ВКП(б). Такая критика была предназначена для того, чтобы прокладывать путь к установлению отношений независимых субъектов между СССР и КНР, давать определенные сигналы и Советскому Союзу, и странам Запада, прежде всего США.

Даже в период, когда имел место по крайней мере внешний декларативный подъем в области советско-китайской дружбы, то есть в первой половине 50-х годов, Чжоу Энлай со всей твердостью, как отмечали в КНР, «исходил из принципа невмешательства во внутренние дела, неущемления суверенитета, решительно отвергал замыслы и попытки СССР включить КНР и ее внешнюю политику в колею своей стратегии и военные дела». [269] Из этого, в частности, следовало, что для Мао Цзэдуна и

Чжоу Энъяла речь шла не о тактике, а о стратегии, когда они выступали против тех или иных аспектов во внешнеполитической деятельности, в частности, Сталина.

В 1956 году Чжоу Энъялай критиковал внешнюю политику Сталина во время Второй мировой войны за то, что в ней «были и неудачи, например (в СССР. — Ю. Г.), непременно хотели раздвинуть хоть немного свои территории». Чжоу Энъялай также говорил, что «внешнеполитический курс (СССР. — Ю. Г.) после войны не был целиком и полностью таким, каким ему следовало быть; возможно, победа в войне вскружила голову... привела к росту тенденции великодержавной идеологии и националистических тенденций». [270]

Таким образом, Мао Цзэдун и отражавший его мнение Чжоу Энъялай исходили из того, что Сталин в результате Второй мировой войны в своей внешней политике в еще большей степени, чем ранее, скажем до Второй мировой войны, выражал интересы нации и в то же время руководствовался великодержавной идеологией, проявлял националистические тенденции, в том числе и при подходе к территориальным вопросам. В КНР при этом имели в виду то, что происходило почти по всему периметру границ СССР в результате или после Второй мировой войны: пребывание советских войск в Корее, Китае, Иранском Азербайджане, в странах Восточной Европы, а также определенные изменения границ в районах, примыкавших к СССР. Все это требовало, с точки зрения Мао Цзэдуна, особых усилий для отстаивания внешнеполитической независимости нового китайского государства.

В этом плане нельзя не затронуть и вопрос о соотношении связей в сфере идеологии и межгосударственных отношений, когда речь шла о двух мощных государствах, провозглашавших свою принадлежность к лагерю социализма.

В письме, датированном 20 октября 1949 года и адресованном Сталину, Мао Цзэдун подчеркивал, что цель пребывания в Советском Союзе его посланца Ван Цзясяна будет заключаться в выполнении обязанностей посла КНР в СССР; одновременно в качестве заместителя министра иностранных дел КНР Ван Цзясян будет решать основные вопросы в отношениях КНР с «новыми демократическими странами Восточной Европы»; в дополнение к этому в качестве представителя ЦК КПК Ван Цзяся-

ну, который являлся членом ЦК КПК, поручалось поддерживать контакты по вопросам связей между двумя партиями со Сталиным и с ЦК ВКП(б). [271]

Таким образом, связи между государствами и партиями были отделены друг от друга и в то же время Мао Цзэдун предложил поддерживать межпартийные контакты через членов ЦК, представителей партий, которые одновременно занимали посты полномочных послов своих государств в столицах обеих стран.

В начале 60-х годов, то есть после того, как, по мнению Мао Цзэдуна, СССР распространил на межгосударственные отношения разногласия между двумя партиями по вопросам идеологии, теории, Чжоу Эньлай, отражая взгляды Мао Цзэдуна, обобщил опыт и уроки отношений между двумя партиями и двумя странами за несколько десятилетий и сделал вывод о том, что революция и строительство «должны опираться на собственную практику народов различных стран», «должны опираться на самостоятельные соображения партий различных стран», «должны опираться на собственную независимость и самостоятельность и на свои силы во всех странах». [272]

При этом Чжоу Эньлай выступал против того, чтобы принцип суверенитета рассматривался только как привилегия «цивилизованного мира». Он также был против того, чтобы под вывеской «пролетарского интернационализма» «протаскивать» «теорию ограниченного суверенитета» или гегемонизм в любых других формах. [273] Это в КНР относили к действиям, которые СССР предпринимал как в Восточной Европе (в Чехословакии), так и на Востоке (в Афганистане).

Очевидно, можно представить себе развитие отношений между СССР и КНР сразу же после ее создания как процесс разграничения межгосударственных и межпартийных (идеологических) отношений.

Дело в том, что связи между двумя крупнейшими в мире коммунистическими партиями предшествовали появлению отношений между двумя государствами, которые провозгласили себя социалистическими или идущими по пути строительства социализма. Таким образом, межпартийные, окрашенные определенной идеологией, отношения существовали между двумя партнерами намного раньше, чем межгосударственные отноше-

ния. Конечно же, это сказывалось на Сталине и на Мао Цзэдуне, которые оказывались сразу в двух ипостасях: вождей своих партий и глав (фактических глав) своих государств.

Объективно после создания КНР возник вопрос о строительстве межгосударственных отношений двух социалистических государств — СССР и КНР. Опыта строительства таких отношений не было. Все связи СССР с другими социалистическими странами до той поры были отношениями действительно огромной партии и страны с несопоставимо меньшими по своим масштабам партиями и государствами. В тех случаях даже не возникал вопрос о строительстве межгосударственных отношений особого или иного типа, чем отношения главы социалистического лагеря с одним из своих отрядов.

С Китаем такой вопрос на практике возник сразу же, даже до образования КНР во время переговоров А. И. Микояна с китайскими руководителями в Сибайпо и Лю Шаоци со Сталиным — в Москве летом 1949 года.

Возникла задача разграничения, а с точки зрения Мао Цзэдуна, и отделения межгосударственных отношений от идеологических связей, связей между единомышленниками-коммунистами двух различных стран, каждая из которых представляла собой мощную самостоятельную силу на мировой арене.

Процесс разделения межгосударственных и межпартийных отношений был трудным и длительным. Логично, конечно, задаваться вопросами о том, возможно ли было обойтись без раскола, разрыва, вооруженных столкновений на границе и т. д. Однако все это произошло в реальной жизни и стало опытом, из которого можно и нужно выносить уроки.

Думается, однако, что взаимоотношения между нашими двумя нациями, между государствами наших наций имеют под собой, как их главную опорную часть, совпадающие интересы. Обе наши нации заинтересованы в выживании, в обеспечении мирных условий для развития и поддержания нормальных межгосударственных отношений на принципах равенства и независимости.

Что же касается того, что накопилось в багаже межпартийных идеологических отношений, то там было и то, что могло помочь формированию добрососедских межгосударственных отношений при правильном использовании этого багажа.

Процесс, однако, оказался болезненным. Это произошло и по объективным причинам (нации еще не пришли к взаимопониманию по вопросам территорий, границ и т. д.), и по субъективным причинам. Особенно виноваты в этом вожди обеих наций и их окружение, которые формировали политику обеих стран. Лидеры оказались в плену устаревших и устаревавших представлений и стереотипов; они стремились навязать один другому свое верховенство. Случилось так, что на практике обе стороны опасались одна другую, палка была перегнута в другую сторону, то есть отношения были доведены до разрыва, вооруженной конфронтации и лишь потом пришли в более или менее нормальное состояние.

Один урок истории ясен: нельзя ничего навязывать друг другу, нельзя в области двусторонних межгосударственных отношений исходить из презумпции общности, идейной общности или общности межгосударственных интересов; всегда следует говорить о себе, о своей стороне и ее интересах, разъясняя свои позиции и терпеливо ожидая того, что другая сторона, если она сочтет это необходимым, сама отзовется и заявит, что она хотела бы обсудить тот или иной вопрос, о котором партнер вел речь применительно к себе.

ВСТРЕЧИ СТАЛИНА И МАО ЦЗЭДУНА В МОСКВЕ

(декабрь 1949 года — февраль 1950 года)

В последние годы опубликованы некоторые документы из архивов, рассказывающие о том времени. Было немало свидетелей встреч Сталина и Мао Цзэдуна в Москве в конце 1949 года — начале 1950 года. Существуют рассказы представителей и одной и другой стороны об этих событиях. И все же прежде всего представляется логичным дать слово одному из тех, кому в то время Сталин многое поручал, когда дело касалось поддержания связей с Мао Цзэдуном.

Уполномоченный или представитель Сталина в тех районах Китая, где у власти находился Мао Цзэдун в 1948–1949 годах, Иван Владимирович Ковалев готовил визит Мао Цзэдуна в Москву в конце 1949-го — начале 1950 года и сопровождал его в этой поездке.

И. В. Ковалев вспоминал:

«Хочу прежде всего подчеркнуть, что, прежде чем Сталин и Мао впервые пожали друг другу руки, они уже долгие годы общались заочно, посредством телеграмм, переговоров между своими представителями и т. п. Не все в этих контактах было гладко, у обоих имелись основания для взаимного недоверия. В конце 1948 года, когда окончательно стали ясными перспективы военной победы КПК, оба лидера, наверное, окончательно поняли, что им придется встретиться, чтобы урегулировать взаимные отношения. С этого момента пошел процесс активной взаимной притирки, зондажа позиций друг друга по ключевым вопросам. Мне довелось активно участвовать в этом процессе.

Когда в декабре 1948 года я впервые прибыл в Москву для доклада Сталину, то обратил внимание на то, что он активно интересовался, чью сторону приняли китайские коммунисты по острой тогда югославской проблеме. Начиная с февраля 1949 года он не единожды спрашивал меня в своих радиogramмах о том, каково истинное отношение китайских товарищей к договору о Китайской Чанчуньской железной дороге, считают ли они его по-настоящему равноправным. Во время переговоров с Лю Шаоци он также в форме зондажа поставил вопрос о дальнейшей судьбе нашей базы в Порт-Артуре. Он тогда сказал: "Наше правительство считает, что после вывода американских войск из Японии Советский Союз мог бы подумать о выводе своих войск из Порт-Артура. Но если китайская компартия признает необходимым немедленный отвод советских войск из Порт-Артура, то для того, чтобы китайская компартия выиграла в политическом отношении, СССР готов сейчас же отвести войска из Порт-Артура"...

Мао, пожалуй, был еще более активным в зондаже позиций Сталина. Кроме того, он в придачу очень стремился рассеять возможные подозрения Сталина, связанные с историей их контактов.

Начиная с января 1949 года Мао неоднократно и подробно рассказывал мне о всех перипетиях истории внутрипартийной борьбы в КПК, которая неоднократно завершалась сменой генеральных секретарей ЦК. При этом он подчеркивал, что против его воли и желания борьба эта зачастую сопровождалась массовым избиением не только руководящих партийных кадров, но и основного ядра партии. Возможно, так он хотел отмежеваться от обвинений в репрессиях против тех деятелей, которых поддерживали в Москве.

В каждой из подобных бесед Мао Цзэдун в виде шутки говорил о том, что он один из тех людей, кому ЦК ВКП(б) не доверяет. Его, мол, в Москве считают правым "оппортунистом" и ярым противником той "московской" группировки, которая возглавлялась Ван Мином и в которую входили многие очень известные руководящие деятели. При этом Мао неизменно добавлял, что остался единственным из руководящих товарищей в ЦК КПК, кто не бывал еще в СССР, не встречался не только со Сталиным, но и с другими членами Политбюро, за исключением

Микояна, который прилетал в начале 1949 года. В связи с этим мне неоднократно приходилось высказывать свое мнение о том, что для устранения предубежденности Мао Цзэдуну следует установить личные контакты с ЦК нашей партии и со Сталиным.

Одновременно Мао активно прощупывал мнение советского руководства по важнейшим проблемам — например, связанным с районами, имеющими важное стратегическое значение для двух стран. Так, 10 марта 1949 года Мао составил следующую телеграмму в ответ на обращение из Москвы: “Об установке знаков на реке Амур. Согласны с мнением дружеской стороны и просим прислать техников, расходы на установку знаков китайская сторона берет на себя, и право на знаки будет принадлежать китайской стороне. Знаки будут на обоих берегах — просим дружескую сторону установить, какие правила должны соблюдаться обеими сторонами, а мы обязуемся строго выполнять правила. Просьба передать через тов. Ковалева”... Пожалуй, это была первая договоренность двух стран по пограничной проблеме.

Летом 1949 года Мао подробно излагал мне свои взгляды на Синьцзян, пограничный с нами район Северо-Западного Китая, населенный смешанным китайско-мусульманским населением. Он считал Синьцзян стратегически значимой провинцией на случай новой войны с империалистами, смотрел на него как на прямую и защищенную дорогу из СССР в Китай и заметил, что военные планируют освободить Синьцзян от гоминьдановцев в 1950—1951 годах. В июле того же года Сталин заявил Лю Шаоци о том, что мы готовы оказать прямое содействие в освобождении Синьцзяна. [274]

Получается, что некоторые сложные вопросы были согласованы еще до личной встречи. Однако не во всем дело шло столь гладко. Я уже упоминал о том, что еще во время визита Микояна Мао поднял вопрос о присоединении Монголии. После этого такой вопрос мне китайские товарищи задавали постоянно. Однажды, когда мы беседовали о государственных образованиях для национальных меньшинств Китая, Мао Цзэдун сказал: “А почему бы нам не пойти на объединение Внутренней и Внешней Монголии под знаком автономии, но в составе Китайской Демократической Республики?” Я ответил, как всегда, что не уполномочен решать этот вопрос, что это внутреннее дело

Монгольской Народной Республики, но что вряд ли монгольский народ пойдет на такую автономию. Мао согласился и продолжил разговор.

Определенные сложности возникли и по вопросу о нашем кредите Китаю. Вопрос об этом был поставлен в апреле 1949 года, и Сталин, отвечая на него, указывал в своей телеграмме: “Что касается вопроса о займе со стороны СССР, то мы должны сообщить Вам следующее.

Торговлю с Китаем по принципу товар за товар мы ведем и будем вести. Для этого не требуется разрешения Верховного Совета СССР. Что касается займа, то правительство само не может решить этого вопроса, так как вопрос о займе подлежит решению Верховного Совета, а он, не возражая против займа Китаю, все же должен иметь соответствующий документ, подписанный представителями государства, обращающегося с просьбой о помощи. Без этого Верховный Совет СССР не может дать согласие о займе”. [275]

Со своей стороны нам хотелось бы отметить, что отношения между Сталиным и Мао Цзэдуном развивались стремительно. В течение нескольких лет внутренней или гражданской войны в Китае, начиная с 1946 года и по 1949 год, эти отношения от межпартийных, включавших в себя в завуалированной или тайной форме и отношения по линии ряда государственных ведомств, становились отношениями партийно-государственными, постепенно преобразовывались в сложный симбиоз из партийных и государственных отношений, то есть формально разделялись на межгосударственные и параллельно существовавшие с ними по форме, но, по сути дела, все определявшие в двусторонних связях межпартийные отношения. При этом двусторонние отношения прошли через этап своеобразных региональных межгосударственных отношений: СССР — Маньчжурия. Ситуация осложнялась и тем, что со стороны Мао Цзэдуна проявлялись намерения заключать договоры между двумя партиями (это в одно и то же время, по замыслам Мао Цзэдуна, должно было на практике обеспечивать реальную помощь со стороны Сталина, втягивать его в противостояние с Чан Кайши и США и их союзниками и в то же время постепенно утверждать тезис о равноправии и самостоятельности, отдельности и независимости двух партий, да и двух стран, наций в их отно-

шениях) и в то же время втягивать СССР в войну против Гоминьдана, Китайской Республики и США. Что же касается кредитов или займов, то до образования КНР в указанный период Сталин предпочитал, считаясь с ситуацией в мире, не нарушать общепринятых норм межгосударственных отношений и не давать никакого повода обвинять его в прямом участии в гражданской войне в Китае, а Мао Цзэдун вынужденно соглашался с этим. Как следствие этого, обе стороны осуществляли такого рода связи по привычной и не раз возникавшей в двусторонних отношениях в XX веке формуле: центральное правительство одной из стран — местные власти, фактические местные власти одного из регионов другой страны. В данном случае такого рода отношения существовали между СССР и Маньчжурией, или Северо-Восточным Китаем. По этой линии и предоставлялись кредиты в ходе гражданской или внутренней войны в Китае до образования КНР”.

И. В. Ковалев продолжал:

«Мао, по-моему, больше всего боялся, что Сталин откажет в кредите, он понимал, в сколь тяжелом положении находится экономика СССР. В связи с этим за неделю до отъезда, 3 декабря 1949 года, он специально вызывал меня, чтобы рассказать о бедственном состоянии китайского народного хозяйства.

Еще одной причиной для беспокойства было сопротивление со стороны членов правительства из числа левых гоминьдановцев. На первом же заседании левые гоминьдановцы категорически воспротивились поездке, указывая, что, согласно традиции, “зарубежные варвары” всегда приезжали к императору Китая на поклон, но никогда не было наоборот. На том же заседании другие представители буржуазных кругов стали возражать против поездки на том основании, что она осложнит отношения Китая с Америкой, Англией, Францией и лишит страну экономической помощи с их стороны.

Так что, хоть перед поездкой многие вопросы и были утрясены, у Мао были основания для волнений. Характерно, что в эту московскую поездку, где предстояло решать важнейшие для Китая вопросы, Мао Цзэдун не взял с собой ни советников, ни руководящих работников ЦК и правительства, ни даже небольшой рабочий аппарат. В поездке его сопровождали только Чэнь Бода и переводчик Ши Чжэ (Карский).

По-моему, такое решение Мао можно рассматривать как желание провести встречи со Сталиным без свидетелей с китайской стороны. Это подтверждается и тем, что перед самым отъездом из Пекина Чжоу Энлай от имени Мао Цзэдуна обратился ко мне с просьбой взять с собой Н. Т. Федоренко специально для перевода его переговоров со Сталиным и другими советскими руководителями. Он тщательно оберегал свой авторитет и боялся его принизить в глазах товарищей по партии.

Теперь о непосредственной организационной подготовке к визиту. Впервые Мао Цзэдун заявил о своей готовности совершить визит в Москву в конце апреля 1949 года, и я передал его предложение Сталину одновременно с просьбой уточнить сроки визита. Выразив намерение совершить эту поездку, Мао очень волновался, опасаясь за свой авторитет. Уже тогда встреча со Сталиным его явно пугала.

В это время шли операции по форсированию Янцзы, наступление на Юге Китая. В связи с этим Сталин прислал на имя Мао телеграмму, где, в частности, говорилось: "Вам не следует спешить с поездкой в Москву. Вы не можете оставить сейчас Китай и руководство делами в связи со сложностью обстановки на Юге и в связи с тем, что Китай, по существу, не имеет правительства, а это сопряжено с определенной опасностью для дела революции". В телеграмме также содержались советы по организации будущего китайского правительства.

Прочитав это, Мао Цзэдун очень обрадовался. Вскочив с места, он поднял руки и трижды прокричал: "Десять тысяч лет жизни Сталину!" По-моему, он был обрадован тем, что поездка в Москву не будет связана с его отстранением от руководства на завершающем этапе революции, а также от образования правительства, которое он намеревался возглавить, он также понял, что Москва признает в нем лидера китайской революции.

Поздней осенью 1949 года мы снова и на сей раз всерьез занялись подготовкой к организации визита Мао. Мало кому известно, что первоначально Мао намеревался выехать за рубеж на целых три месяца — месяц в Москве, Ленинграде, Сталинграде с подписанием советско-китайского договора о дружбе, с беседами со Сталиным по коренным теоретическим и практическим проблемам коммунистического движения в мире (Мао

особенно тщательно готовился к этим беседам), второй месяц — поездка в Польшу, Чехословакию и Румынию, третий месяц Мао собирался провести в санатории в Сочи. По моему совету визит решили сделать закрытым.

Я специально уделил столько внимания подготовке визита, всему, что ему предшествовало, поскольку это, наверное, самая малоизвестная часть всей этой истории. А теперь несколько слов о том, как проходило пребывание Мао в Москве.

Поезд прибыл на Северный (ныне Ярославский) вокзал утром 16 декабря. В салон-вагоне Мао к этому времени был подготовлен стол, причем он сам помогал расставлять экзотические кушанья. Встречали его Булганин и Молотов, которые категорическим отказом ответили на его приглашение присесть к столу, сославшись на то, что это не положено по протоколу. Под тем же предлогом они отказались от приглашения Мао поехать на отведенную для него дачу в одной машине. Поместили его на сталинской дальней даче, в Усове. Мао был явно огорчен холодностью приема.

В тот же день Сталин принял Мао Цзэдуна, но доверительной беседы, на которую тот рассчитывал, не получилось. После этого Мао несколько дней томился на даче. К нему приезжали по очереди Молотов, Булганин, Микоян, но и с ними были только короткие официальные разговоры. Я был на связи с Мао, видел его каждый день, понимал, что он расстроен и беспокоится. Во время очередного доклада сказал об этом Сталину. Тот ответил мне: “К нам приехало много иностранных гостей. Не следует выделять из них товарища Мао”.

21 декабря Мао участвовал в праздновании 70-летия Сталина, которое проходило в Большом театре, а на следующий день он пригласил меня к себе для беседы, запись которой попросил передать Сталину. Вот эта запись:

“Сегодня, 22 декабря, Мао Цзэдун пригласил меня к себе. При встрече присутствовал в качестве переводчика тов. Федоренко. Мао Цзэдун сказал следующее:

1. Содержание Вашей беседы с Мао Цзэдуном от 16 декабря он сообщил в ЦК КПК и ожидает мнения членов ЦК по затронутым в беседе с Вами вопросам.

2. Очередную встречу Мао хотел бы иметь ориентировочно 23–24 декабря.

3. Мао Цзэдун намерен представить на Ваше решение два варианта программы дальнейших переговоров. Первый вариант предусматривает решение следующих вопросов: советско-китайский договор, соглашение о кредите, договор о торговле, соглашение об установлении авиасообщения и другие вопросы, в том числе вопрос о признании Китая Бирмой. По этому варианту предполагается вызвать Чжоу Эньлая в Москву для оформления подписания соглашений. Причем Мао Цзэдун отметил, что то время, которое понадобится Чжоу Эньлаю для приезда в Москву, он (Мао Цзэдун) использует для поездки в Сталинград и Ленинград.

Второй вариант предусматривает обсуждение во многом тех же вопросов, что и в первом варианте, но без оформления их соответствующими соглашениями. В этом случае в настоящее время не будет необходимости в приезде Чжоу Эньлая в Москву. Для оформления и подписания соглашений Чжоу Эньлай мог бы приехать в другое время.

Мао Цзэдун в беседе неоднократно подчеркивал, что решение всех вопросов, в том числе и вопроса о его отдыхе и лечении в Союзе, он полностью передает на Ваше усмотрение.

4. Мао Цзэдун выразил желание нанести визиты и поговорить с членами Политбюро ЦК ВКП(б) Молотовым, Микояном, Булганиным и Шверником”.

Запись я, конечно, передал Сталину, но особых изменений в положении Мао Цзедуна не наступило, он по-прежнему был практически в изоляции. В отместку он отказался принять нашего посла в Китае Рощина, который попросился на прием по делам, связанным с японской компартией.

В конце января 1950 года прибыл Чжоу Эньлай, и переговоры пошли успешнее. На этой стадии переговоров я уже не участвовал, поскольку лег в больницу с застарелой болезнью горла». [276]

* * *

16 декабря 1949 года Мао Цзэдун приехал в Москву. Поезд подошел к перрону в полдень. На вокзале его встречали заместитель председателя Совета Министров СССР Молотов, министр обороны маршал Булганин, министр внешней торговли Мень-

шиков, заместитель министра иностранных дел Громыко. При этом Молотов и Булганин выступали и в качестве членов Политбюро ЦК ВКП(б). Таким образом подчеркивался партийно-государственный характер визита.

На перроне был выстроен почетный караул. Мао Цзэдун произнес короткую речь: «Дорогие товарищи и друзья! Я рад представившемуся мне случаю посетить столицу первого в мире великого социалистического государства. Между народами двух великих стран, Китая и СССР, существует глубокая дружба. После Октябрьской социалистической революции Советское правительство, следуя политике Ленина, Сталина, прежде всего аннулировало неравноправные в отношении Китая договоры периода империалистической России. На протяжении почти 30 лет советский народ и Советское правительство многократно оказывали помощь делу освобождения народа Китая. Никогда не будет предано забвению то, что в трудные для себя времена народ Китая получал эту братскую помощь со стороны советского народа и Советского правительства». «В настоящее время важные задачи состоят в том, чтобы укреплять возглавляемый СССР лагерь мира во всем мире, выступать против поджигателей войны, укреплять союзнические отношения между двумя великими странами, Китаем и СССР, и развивать дружбу народов Китая и Советского Союза. Я верю, что благодаря победе народа Китая и образованию Китайской Народной Республики, благодаря общим усилиям государств новой демократии, а также миролюбивых народов мира, благодаря общим чаяниям и тесному сотрудничеству двух великих стран, Китая и СССР, и в особенности благодаря правильной политике маршала Сталина в сфере межгосударственных отношений, все эти задачи будут непременно и полностью выполнены и эта работа принесет прекрасные результаты».

В заключение Мао Цзэдун провозгласил: «Десять тысяч лет дружбе и сотрудничеству (совместной работе) Китая и СССР!» [277]

Итак, Мао Цзэдун по прибытии в Москву сразу же обозначил основные параметры своей позиции. Партнеров по предстоявшим беседам и переговорам он назвал «товарищами» и «друзьями». Иначе говоря, он ожидал и требовал от них отношения к себе, своей партии, своей нации как к другу и товарищу

по общему делу, товарищу, разделяющему одну и ту же идеологию, связанному известными теоретическими положениями и практическими делами.

Мао Цзэдун подчеркнул свою радость в связи с прибытием в столицу «первого в мире социалистического государства». Здесь был заложен намек на то, что, с его точки зрения, должна существовать разница между отношением к старой России, царской России, и к социалистической стране; эта разница может существовать и проявляться с его стороны лишь тогда, когда нынешняя Россия (СССР) докажет делами, что она не отождествляет себя и свою политику, свое отношение к Китаю с политикой царской России.

Далее Мао Цзэдун дал понять, что он разделяет понятия народа и государства применительно к нашей стране. При этом что касается народа, то тут он исходит из глубоких дружеских чувств, которые питал, питает и должен питать народ нашей страны к нему, его партии, его государству и его нации.

Весьма характерно, что при Мао Цзэдуне в КНР — КПК глубоко укоренилась и стала аксиомой мысль о том, что дружба между Китаем и другими странами должна пониматься исключительно как дружественное отношение к Китаю со стороны иностранцев, как горячая любовь к Китаю и китайцам со стороны зарубежных гостей. Только таких иностранцев в Китае Мао Цзэдун считали и именовали «международными друзьями». Такая дружба не предполагала равенства партнеров и ответных таких же дружеских чувств со стороны КПК — КНР, Китая и китайцев по отношению к иностранцам, включая и нас, нашу страну. Все словоизлияния дружественного характера со стороны официальных представителей КПК — КНР всегда были формальными и по сути своей весьма сдержанными; при этом чувства дружбы к Китаю со стороны наших людей и соответствующие чувства китайцев к нашей стране, к СССР, к России никогда не ставились при Мао Цзэдуне на равный уровень. Что же касается известного тезиса о «старшем брате» (нас в КНР называли «советскими старшими братьями»), а также повторяли формулу: «Сегодня СССР — это наше завтра»), то ее придумали не в Москве, не в ЦК КПСС, а в КПК — КНР и употребляли так и в таком смысле, что это, по сути дела, вызывало только протест в китайской душе, ибо при этом пропагандисты Мао Цзэдун намеренно создавали впечат-

ление, что этот термин изобретен в СССР специально для того, чтобы унижить китайцев как нацию, представить их в качестве всего-навсего «младших братьев» или «братьев меньших» России и СССР.

Мао Цзэдун своими высказываниями подчеркивал, что он требует соответствующей позиции и от советского государства, которое должно считаться с мнением своего народа, то есть «любить и уважать Китай», и не действовать во вред китайской стороне. Вот в чем состояла мысль Мао Цзэдуна, таившаяся за этими формулировками.

Мао Цзэдун сразу же поставил два наших народа и два наших государства, две наши страны, две наши нации в совершенно равное положение. Он назвал их равновеликими, с одной стороны, и великими по своему положению в сообществе мировых наций. Так Мао Цзэдун подчеркнул, что он считает себя представителем великой державы, которая допускает только отношения, основанные на полном равноправии.

Мао Цзэдун, переходя к характеристике политики советской стороны, прежде всего подчеркнул, что ему хотелось бы, чтобы эта политика отличалась от политики того, что он назвал «империалистической Россией» или «имперской Россией», а по сути дела «Российской империей». Таким образом, он осудил политику по отношению к Китаю со стороны России на протяжении всей истории, предшествовавшей Октябрю 1917 года. Мао Цзэдун провел четкую грань между своим отношением к политике России до появления во главе страны Ленина и Сталина и тем, что ему хотелось бы видеть в качестве политики нашей страны уже при Ленине, Сталине. Таким образом, Мао Цзэдун отметил какие бы то ни было положительные стороны в истории отношений двух наций до Октября 1917 года, полностью отрицал наличие положительных сторон в политике России по отношению к Китаю до Октября 1917 года. Мао Цзэдун поймал или считал, что он поймал, советских руководителей на их же собственной идеологии, из которой следовало отрицание всего положительного в политике царской России на протяжении всей истории России в ее взаимоотношениях с Китаем до Октября 1917 года.

Мао Цзэдун впервые прибыл в Россию, в Москву, впервые обратился с речью к нашему народу и к руководителям ВКП(б)

и СССР в их собственной столице и при этом позволил себе дать оценку нашей истории, делить ее на периоды, осуждать все и вся в нашей истории, имея в виду наше отношение к Китаю и наши взаимоотношения с Китаем. При этом он не делил историю Китая и отношение в Китае к России на периоды, не отделял свое государство, то есть КНР, от предшествующих китайских государств, когда речь шла об отношениях с нашей страной, и не осуждал ничего в политике предшествовавших китайских государств в отношении России (в том числе и СССР), не выделял положительные и отрицательные стороны в этой политике; Мао Цзэдун подчеркивал, что нам придется иметь дело с Китаем, с Новым Китаем, то есть с потенциально, да и уже, могучей великой мировой державой, и в то же время с Китаем тысячелетий. Мао Цзэдун выступал от имени, как он полагал, всей китайской нации, представляя ее во всей ее истории, а не отмежевываясь от всего или от негативного в истории китайской нации и в ее отношениях с Россией, с нашей страной. Так в речи Мао Цзэдуна сразу же обозначился главный мотив его политики: утверждение, что он всегда и во всем прав, а мы, Россия, всегда и во всем должны перед ним оправдываться, мы виноваты во всем прошлом, до Октября 1917 года во всяком случае, причем мы еще должны доказать, что на деле признаем нашу вину и готовы делом доказать свое желание повиниться перед ним и его нацией.

Мао Цзэдун объединил имена Ленина и Сталина, вводя далее в своей речи тезис о том, что именно они осуществляли политику, включавшую в себя аннулирование договоров, которые были неравноправными в отношении Китая. Таким образом, Мао Цзэдун внешне как бы похвалил, снисходительно и сверху, Ленина — Сталина за эти действия, исправлявшие несправедливость в отношении Китая, но в то же время за этой формулировкой скрывался намек на то, что Сталин несет в равной степени с Лениным ответственность за выполнение обещания, которое, с точки зрения и Мао Цзэдуна, было дано в свое время, а именно за обещание вернуть Китаю отторгнутые у него Россией территории. Во всяком случае, на первом этапе отношений между КНР и СССР Мао Цзэдун тем самым намекал на необходимость полностью покончить со всеми теми условиями и со всем тем, что он относил к сфере несправедливостей, несправедливых договоров России с Китаем. Сюда включались и договоры, заключенные до Октября

1917 года, и все остальные договоры, подписанные в дальнейшем, включая договор 1945 года, заключенный при Сталине и Чан Кайши. А это означало, в частности, что Мао Цзэдун снова поднимал вопрос о статусе Монголии. Более того, таким образом сразу же выбивалась основа из-под существовавшей тогда государственной границы между Россией (СССР) и Китаем (Китайской Народной Республикой), то есть Мао Цзэдун открывал возможность, при подходящих с его точки зрения условиях, как пересмотра существующей границы, так и выдвижения территориальных требований к нашей стране.

Наконец, Мао Цзэдун отмечал, что на протяжении почти тридцати лет советский народ и советское правительство неоднократно оказывали помощь делу освобождения народа Китая. Это была формулировка, имевшая не одно потайное дно. Ее можно было понять и как констатацию того, что наша страна и ее руководители оказывали помощь китайской нации, включая и помощь Гоминьдану в ходе гражданской войны за объединение страны, и помощь в Войне сопротивления Японии. Эту формулировку можно было понимать и как намек на то, что Мао Цзэдун хотел бы разграничивать действия советской стороны, выделяя в них то, что он соглашался называть помощью делу освобождения, то есть помощью только Компартии Китая, если говорить о ее взаимоотношениях с Гоминьданом, о ее борьбе против Гоминьдана.

Мао Цзэдун обещал никогда не забывать о братской, как он назвал ее, помощи со стороны нашего народа и нашего государства в трудные для народа Китая времена. Эта формула также была расплывчатой и допускала разные толкования; во всяком случае, здесь, очевидно намеренно, отдельно говорилось о государстве и народе нашей страны.

Считаясь с позицией Сталина, а главное, с международной обстановкой, с реально существовавшей угрозой для КПК — КНР, Мао Цзэдун выражал согласие в принципе помогать Сталину в укреплении его лагеря, в борьбе против его противников на мировой арене, которых он называл людьми, провоцирующими войну. Мао Цзэдун выражал также на словах готовность укреплять союзные отношения с нашим государством. С одной стороны, это явно была своего рода вынужденная уступка Сталину; однако, с другой стороны, это было признание Мао Цзэдуном в то время необходимости союза с нашей страной.

Мао Цзэдун выступал за развитие дружбы между двумя народами, что в его понимании означало, что он намерен настаивать на оказании с нашей стороны неэквивалентной помощи в восстановлении и развитии экономики и усилении армии его государства. Иначе говоря, Мао Цзэдун за моральную поддержку требовал конкретных экономических вложений.

Весьма характерно, что Мао Цзэдун ни словом не упомянул ни о вкладе нашей страны в победу над фашистской Германией и милитаристской Японией, ни о том, что эта победа была завоевана ценой десятков миллионов жизней наших людей. Мао Цзэдун не упомянул о том, что наша страна понесла самый большой ущерб во время Второй мировой войны среди держав-победительниц. Таким образом, Мао Цзэдун отводил тезис о необходимости считаться с трудностями экономического положения в СССР в момент, когда КНР выдвигала свои запросы относительно экономической помощи с нашей стороны. Мало того, такая позиция Мао Цзэдуна и в нравственном плане ущемляла чувства нашего народа.

Мао Цзэдун в этой речи позволил себе лишь два раза упомянуть имя Сталина, не отметив даже, что приехал в нашу страну по его приглашению и на его юбилей. Более того, упоминания имени Сталина были сделаны Мао Цзэдуном в контексте завуалированных претензий к политике Сталина, требований к нему идти навстречу желаниям китайской стороны во время предстоявших тогда переговоров. Мао Цзэдун даже именовал Сталина не «генералиссимусом Сталиным», а только «маршалом Сталиным», как бы понижая его в звании и авторитете на целую ступень и не признавая то воинское звание, которое было присвоено Сталину в СССР в результате победы над германским фашизмом в Великой Отечественной войне и во Второй мировой войне.

В целом эта речь не могла понравиться Сталину. Во всяком случае, она сразу же дала пищу для уточнения представления о Мао Цзэдуна и его позиции. Явление Мао Цзэдуна на Ярославском железнодорожном вокзале в Москве в декабре 1949 года было выходом на сцену опасного для Сталина товарища-соперника или союзника-соперника.

Погода в день приезда Мао Цзэдуна в Москву стояла очень холодная. К тому же по пути Мао Цзэдун простыл, ему нездорово-

вилось. Сразу же после краткой церемонии встречи Мао Цзэдун на автомашине в сопровождении Молотова отправился на дачу Сталина под Москвой, где его разместил хозяин. Это был многозначительный жест со стороны Сталина. Во-первых, Сталин уступал Мао Цзэдуну собственный «загородный дворец». Во-вторых, так обеспечивалась полная безопасность Мао Цзэдуна, который оказывался под опекой личной охраны Сталина. Наконец, тем самым создавались условия для конфиденциальных встреч и бесед со Сталиным. Мао Цзэдун получал уединенное пристанище, чего он, с точки зрения Сталина, желал. На этой даче никто не мог побывать у Мао Цзэдуна без ведома Сталина. Возникает даже мысль о том, что это была и своего рода «мягкая изоляция» Мао Цзэдуна от внешнего мира, хотя никто, разумеется, не препятствовал Мао Цзэдуну, сопровождавшим его лицам в их передвижении.

По дороге на дачу Молотов сообщил, что Сталин приглашает Мао Цзэдуна на первую встречу в Кремль в шесть часов вечера того же дня.

Мао Цзэдун, приехав на дачу, прежде всего поспал. Затем отдал распоряжения относительно подготовки визита к Сталину и задумался.

Можно попытаться себе представить, что он чувствовал. Все-таки это была его первая встреча со Сталиным. Сталин был одной из всемирно признанных тогда «великих фигур» первой половины двадцатого столетия. Сталин был вождем всего того идеологического и политического направления, к которому принадлежали Мао Цзэдун и его партия. Мао Цзэдун знал, что Сталин далеко не полностью доверяет ему. Даже накануне отъезда Мао Цзэдуна в СССР Сталин задавался вопросом, не пойдет ли КПК по югославскому пути и не станет ли Мао Цзэдун «вторым Тито» (Сталин полагал, что Тито и Югославия «предали» его, стали врагами СССР на международной арене). С другой стороны, Сталин не мог не учитывать того, что объективная действительность побуждала Мао Цзэдуна быть в целом ряде вопросов вместе со Сталиным, с СССР. Ведь Мао Цзэдуну пришлось сказать: «В плане межгосударственных отношений мы принадлежим к антиимпериалистическому фронту, возглавляемому Советским Союзом»...

Мао Цзэдун стремился к тому, чтобы с китайской стороны было как можно меньше свидетелей того, как будет происходить его первая встреча со Сталиным. Вероятно, Мао Цзэдуном владели очень противоречивые чувства. Он побаивался Сталина и был настроен на то, чтобы доказывать при встрече с ним свою лояльность, стараться развеивать подозрения Сталина. Однако при этом Мао Цзэдун исходил главным образом, во-первых, из необходимости сразу же поставить себя в совершенно независимое положение, заставить Сталина считаться с его позицией в КПК — КНР и, во-вторых, создать предпосылки для налаживания отношений со Сталиным, предполагавших получение КПК — КНР конкретной, прежде всего экономической и военной, а также политической помощи и поддержки со стороны Сталина.

Для Сталина первая личная встреча с Мао Цзэдуном также представлялась весьма важной. Возможно, что если он и не побаивался Мао Цзэдуна, то все-таки ему было несколько не по себе, в частности, и из-за того, что у него не было собственного опыта общения с Мао Цзэдуном. В великой соседней стране произошла смена власти, там появился новый общегосударственный и партийный лидер, а Сталин с ним никогда до той поры не встречался, несмотря на то что это был вождь Коммунистической партии Китая. Сталин, с одной стороны, прекрасно понимал необходимость налаживания союзных отношений с Китаем при Мао Цзэдуне и, с другой стороны, конечно, хотел, чтобы Мао Цзэдун считался с его волей. В целом Сталин был уверен в себе и в своем положении в своем государстве, в своей партии. На встречу с Мао Цзэдуном он пригласил целый ряд советских партийных и государственных деятелей, чтобы в их присутствии показать им, как следует вести дела с Мао Цзэдуном. Сталин не предпочел провести первую встречу с Мао Цзэдуном один на один.

С собой в Кремль на встречу со Сталиным Мао Цзэдун взял, не считая телохранителя, только одного человека — своего советника и личного переводчика Ши Чжэ.

Советский шофер доставил Мао Цзэдуна в Кремлевский дворец за три минуты до назначенного срока, то есть в 17 часов 57 минут. Мао Цзэдуноу докладывали, что Сталин любит точность, поэтому он был доволен, прибыв точно к назначенному часу.

Секретарь Сталина А. Н. Поскребышев пригласил Мао Цзэдуна чуть подождать, а сам вошел в кабинет Сталина, закрыв за собой дверь, чтобы доложить о приходе гостя. Так Мао Цзэдун перед первой встречей со Сталиным оказался в положении гостя, который вынужден пусть всего минуту, но ждать, пока его пригласит хозяин.

Ровно в шесть часов под бой напольных часов Мао Цзэдуна пригласили в кабинет Сталина в Кремлевском дворце: «Товарищ Сталин просит председателя Мао Цзэдуна войти».

Мао Цзэдун, как обычно в таких случаях, медленно и плавно направился в кабинет. За ним следовал Ши Чжэ.

В кабинете выстроились цепочкой члены советского руководства. Первым в их ряду стоял Сталин. Он был в форме генералиссимуса. За ним выстроились Молотов, Маленков, Берия, Булганин, Каганович, Вышинский. В качестве переводчика с советской стороны выступал Н. Т. Федоренко.

Как только Мао Цзэдун вошел в кабинет, Сталин выступил ему навстречу и улыбаясь протянул ему обе руки. Так он приветствовал Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун тоже протянул вперед обе руки. Состоялось рукопожатие. Итак, и наконец, и впервые лично встретились два крупнейших в мире коммунистических лидера. Рукопожатие было крепким.

«Здравствуйте!» — с подъемом произнес Сталин.

«Здравствуйте!» — с чувством ответил Мао Цзэдун.

«Рады вашему приезду!»

«Спасибо, товарищ Сталин!» Они продолжали пожимать друг другу руки.

Сталин, пристально разглядывая Мао Цзэдуна, сказал: «Замечательно, замечательно! Вы еще так молоды, у вас такой цветущий вид»...

Мао Цзэдун, в свою очередь, ответил: «Вы, товарищ Сталин, тоже в отменном здравии!»

Сталин поблагодарил кивком головы. Затем он представил Мао Цзэдуну своих коллег, начиная с Молотова. Мао Цзэдун обменялся с ними рукопожатиями и приветствиями. В свою очередь, он представил Сталину сопровождавшего его Ши Чжэ.

Сталин пригласил Мао Цзэдуна садиться.

Мао Цзэдун и Ши Чжэ сели по одну, а Сталин и его коллеги по другую сторону стола для заседаний.

Когда все уселись, Сталин сказал, глядя на Мао Цзэдуна: «Великое дело! Поистине сделано великое дело! Вы добились великой победы. Вы внесли очень большой вклад в дело китайского народа; вы — славный сын китайского народа! Мы от всей души желаем вам крепкого здоровья!»

Мао Цзэдун, зная о том, что Сталин неоднократно весьма критически относился к его политике в ходе внутривластной борьбы в Китае, высказывая в этой связи различного рода подозрения и сомнения, вероятно, не ожидал, что с самого начала встречи Сталин станет так хвалить его. Однако Мао Цзэдун не смутился и не стал возвращать любезность, а, покачив головой, сказал: «Да нет же, мне на протяжении длительного времени приходилось терпеть гонения, меня даже лишали права голоса; мне было что сказать, да не было случая и места, чтобы высказаться»...

Китайская пословица гласит: «За праздничным столом можно тысячу раз выпить с человеком и все равно не узнать, кто он такой; однако бывает, что для этого хватит и полсловечка, если оно сказано прямо, без экивоков».

Вот и в данном случае получилось так, что в кабинете Сталина до этих слов Мао Цзэдуна царила некая весьма приподнятая, подчеркнута дружественная, горячая атмосфера, все и каждый (с советской стороны) были на подъеме, взволнованы, и вдруг при таких торжественных обстоятельствах Мао Цзэдун своей полуфразой, несколькими словами, в которые он вкладывал глубокий смысл и которые предполагали несколько иную тональность разговора, гораздо большую откровенность и свободу собеседников в своих высказываниях, как бы заморозил всю эту праздничную атмосферу. Мао Цзэдуну удалось как бы мгновенно заставить застыть всю эту обстановку торжественности, священнодействия, предполагавшегося взаимного воспевания. Более того, психологически Мао Цзэдун сразу продемонстрировал свою обидчивость, а должно было предполагать, что это и обидчивость КПК, и обидчивость китайской нации в связи с реальными действиями и политикой Сталина, советской стороны в прошлом. Сталин и его коллеги оказались в ситуации, когда им как бы пришлось успокаивать обидевшегося гостя, то есть, с точки зрения Мао Цзэдуна, он занял активные позиции, а Сталина загнал в угол.

В КПК — КНР, в их пропаганде создавшуюся ситуацию характеризовали следующим образом: все находившиеся в кабинете не сговариваясь подняли головы и воззрились на вождя КПК, который сразу показал, что не намерен ни к кому приспосабливаться и ловчить, а, напротив, проявил себя собеседником, настроенным на обмен репликами, исполненными глубокого смысла, и на постановку острых вопросов. Мао Цзэдуну на секунду удалось удивить советских партнеров по переговорам. Сразу стало ясно, что перед ними политик, которому даже в мелочах, даже при обмене простыми любезностями лучше пальца в рот не класть.

Сталин с удивлением посмотрел на Мао Цзэдуна. Могло показаться, что он не сразу нашелся. На ходу приходилось менять начало того сценария первой встречи, который заранее сложился у Сталина в голове. Он привык к тому, что на протяжении нескольких десятилетий большинство лидеров, с которыми ему приходилось общаться, в беседах с ним предпочитали проявлять осторожность, ходить вокруг да около, выжидая, что скажет Сталин и ориентируясь на его позицию. Сталин крайне редко кого-либо хвалил; он вообще не привык приспосабливаться к собеседнику, навязывая ему свою манеру разговора и свою тактику беседы. На сей раз при первой же встрече с Мао Цзэдуном сразу же выяснилось, что этот китаец даже не желает соблюдать правила внешних приличий, не разводит «китайские церемонии», не высказывает радости, услышав пожелания здоровья, услышав даже похвалу из уст самого Сталина в свой адрес. Казалось бы, чего еще можно желать, встречаясь в первый раз, закладывая основы отношений? Сталин предполагал, что своими высказываниями в начале беседы он как бы обезоружит Мао Цзэдуна, поставит его в оборонительное и пассивное положение. Мао Цзэдун же предпочел сразу броситься в бой... Мао Цзэдун предложил сражение умов.

Мао Цзэдун продолжал говорить со своим тяжелым хунаньским акцентом: «Те, кто выступал против меня, многое позволяли себе; и кое-что остается не ясным, если говорить о том, кто прав и кто не прав, вплоть до настоящего времени это все еще не ясно»...

Сталин знал, что Мао Цзэдун имел в виду ряд руководящих деятелей внутри КПК, прежде всего Ван Мина. (Кстати сказать,

Ван Мин — это псевдоним Чэнь Шаоюя; а сам иероглиф «мин» из псевдонима Ван Мина означает по-китайски «ясность»; таким образом Мао Цзэдун намекнул на то, кого он имел в виду.) Сталин поддерживал Ван Мина, стремясь с его помощью заставить КПК быть более послушной воле Коминтерна, а по сути дела, воле Сталина. В то же время Сталин полагал, что такого рода вопросы были уже выяснены и сняты, ибо несколько месяцев тому назад, в середине 1949 года, во время пребывания в Москве делегации КПК во главе с Лю Шаоци Сталин в ходе беседы с Лю Шаоци осудил Ван Мина и даже прямо выступил с самокритикой. И вот теперь, при первой же встрече, Мао Цзэдун, ничтоже сумняшеся, прежде всего поставил именно этот вопрос.

Сталин мгновенно нашелся и ответил Мао Цзэдуну репликой, которая позволяла на данном этапе считать инцидент исчерпанным: «Нет, нет, ни в коем случае! Кто старое помянет, тому глаз вон!» Он сделал решительный жест правой рукой, в которой была зажата трубка, и добавил: «Победа поставила все точки над «i», прояснила, кто прав, кто виноват; победа — это все! Победителей не судят, это очевидная истина».

Такой ответ при данных обстоятельствах позволил на время закрыть практически важный и сложный вопрос, и атмосфера в кабинете снова стала теплой. Мао Цзэдун не мог не согласиться с логикой Сталина, предпочитая воспринимать его слова в том смысле, что тот признал его победу, а следовательно, неправоту его противников внутри КПК.

Выслушав перевод слов Сталина, Мао Цзэдун засмеялся. Засмеялись и все остальные.

Далее Сталин сказал со всей серьезностью: «Победа революции в Китае изменит соотношение сил в мировом масштабе. Чаша весов, на которую положена мировая революция, потяжелела. Мы искренне поздравляем вас с победой и надеемся, что вы добьетесь новых еще больших побед!»

Мао Цзэдун кивнул и ответил: «От имени народа Китая я сердечно благодарю советский народ за поддержку и помощь, которую он оказывал нам на протяжении длительного времени. Народ Китая не забудет друзей»... [278]

Прежде чем высказать свои соображения относительно описания в литературе, изданной в КНР, первой в истории встречи

Сталина и Мао Цзэдуна 16 декабря 1949 года в Кремле, представляется необходимым привести рассказ об этой же встрече ее очевидца Н. Т. Федоренко, который выступал во время этой беседы в качестве переводчика с советской стороны.

Н. Т. Федоренко писал: «Запомнилась обстановка первой встречи Сталина и Мао Цзэдуна. Она проходила в кабинете Сталина в Кремле. По долгу службы мне пришлось сопровождать Мао Цзэдуна, быть переводчиком.

Восприятие ситуации людьми разными, разумеется, бывает неодинаково, часто очень индивидуально. В моей памяти наиболее рельефно отобразился момент встречи этих двух фигур. Когда перед нами открылись двери, Сталин находился в глубине кабинета, и нужно было пройти всю комнату, чтобы подойти к нему. Неторопливо, характерным для него шагом, он медленно отдалялся от своего рабочего стола, за которым, похоже, до этого занимался делами. По крайней мере можно было так подумать. Сдержанность, спокойный его вид выражали уверенность. Сделав несколько шагов нам навстречу, он отнюдь не проявлял признаков поспешности.

Иным было поведение Мао Цзэдуна. Обычно неторопливый, медлительный, он вдруг перевоплотился на моих глазах. Стремительно зашагал по ковровой дорожке, и я едва успевал за ним. Был он заметно взволнован, во всем его облике проступала внутренняя озабоченность.

— Здравствуй, товарищ Сталин, — эмоционально произнес Мао Цзэдун и быстрым движением заключил руку Сталина в свои ладони. Он долго тряс ее, выражая глубокое удовлетворение по случаю встречи.

— Рад вашему приезду, товарищ Мао Цзэдун, — негромко произнес Сталин. И после небольшой паузы добавил:

— А выглядите вы моложе и крепче, чем я представлял.

Таким было первое соприкосновение этих двух людей. Можно сказать, что это была встреча овечьного ореолом славы наставника и верного его последователя.

Затем Сталин пригласил гостя к длинному столу для заседаний, стоявшему вдоль стены.

— Попросите товарища Мао Цзэдуна занять место с той стороны стола, чтобы мы сидели друг против друга, — обратился ко мне Сталин и показал рукой стул для гостя.

Когда Мао Цзэдун сел, а сопровождавший его помощник Ши Чжэ расположился рядом, Сталин, повернувшись ко мне, понизив голос, произнес:

— А вы садитесь в торце стола, на председательское место. Здесь вам будет удобно, да и нам не станете мешать.

Я без того сознавал, что был здесь лишним. Понимал, что и хозяин, и гость с радостью обошлись бы без моего присутствия, но вынуждены терпеть неизбежно это зло, соблюдая к тому же приличие, по крайней мере внешне.

...

И за столом также обнаружились особенности этих двух людей в манере держаться и говорить. У Сталина заметная настороженность, немногословие, короткие реплики, с привычным грузинским акцентом. Изредка он бросал скошенные взгляды на прибывшего издалека гостя. Сталин вообще редко смотрел на собеседника. Его взгляд обычно был обращен куда-то в сторону. Это, признаться, несколько осложняло быстрое и точное воспроизведение переводчиком его высказываний. Правда, когда он замечал мои затруднения, то тотчас повторял фразу с безупречной артикуляцией. Следует заметить, что Сталин с первой же встречи был неизменно предупредителен к своему *vis-a-vis*.

А с другой стороны — торопливый, поистине скоропалительный, но учтивый рапорт гостя, на хунаньском диалекте. И оттого слова у него, казалось мне, были какими-то рассыпчатыми. Мао Цзэдун докладывал обстановку в Китае, рассказывал о сражениях против гоминьдановцев, об экономической разрухе, земельной проблеме и бесконечных трудностях в стране. Довольно пространно говорил о том, что история Китая — это нескончаемые внутренние и внешние войны. Повторял, что народная революция, которая осуществлялась путем вооруженной борьбы, была неотвратима. Китайские коммунисты неколебимо в это верили и не останавливались ни перед какими жертвами. Победа революции дала возможность народу стать на ноги, выпрямиться во весь свой могучий рост.

Мао Цзэдун, разумеется, сердечно благодарил Сталина за братскую помощь китайским коммунистам. За великое бескорыстие, которое проявлял Советский Союз. За революционную верность. Сколько мне помнится, он не затрагивал вопроса о про-

шлых расхождениях с Коминтерном и лично со Сталиным о путях китайской революции. Не касался этого и Сталин.

Китайские коммунисты, по их утверждению, нашли свой собственный путь к победе, сочетая, как они говорят, всеобщую истину марксизма-ленинизма с конкретными условиями китайской революции. Известно также, что в июле 1949 года, когда Лю Шао-ци прибыл в Советский Союз в качестве представителя КПК; Сталин, как сообщают китайские источники, выразил сожаление, что он лично и другие в прошлом вмешивались в китайскую революцию своими советами и предложениями. При этом он сказал, что «мы были помехой для вас, и я очень об этом сожалею». [279] И хотя самокритичное это признание было сделано приватно, оно представляется очень необычным для Сталина.

Нет нужды подробно излагать весь ход той беседы Сталина и Мао Цзэдуна. Это была их первая встреча, и многое в разговоре носило общий характер. Отмечу лишь, что Сталин слушал Мао Цзэдуна с большим вниманием, переспрашивал его, а иногда задавал вопросы, чтобы прояснить то или иное положение. Был точен в своих формулировках и, похоже, стремился уловить оттенки фраз и слов при переводе. Все это постоянно держало меня в напряжении. К тому же не покидало чувство страха». [280]

Думается, что можно разделить это вступление к беседе Сталина и Мао Цзэдуна, с точки зрения психологии и логики каждого из собеседников, на три части.

Сначала Сталин попытался создать предпосылки для конструктивных переговоров, ограничившись простой констатацией того, что сделано великое дело и что Мао Цзэдуну принадлежит очень большая заслуга, он по праву может называться сыном народа Китая. Сталину представлялось, что это был максимум того, на что он мог пойти; он признал победу Мао Цзэдуна во внутривнутриполитической борьбе в Китае, отметил его личные заслуги. Сталин хотел бы оставаться в роли арбитра, который имеет верховную власть оценивать все сделанное другими. Сталин, очевидно, предполагал, что тем самым он сразу же заставит Мао Цзэдуна рассыпаться в благодарности или, по крайней мере, произойдет обмен любезностями, после чего можно будет перейти к беседе по существу вопросов.

Более того, Сталин, очевидно, также думал, что он учитывает восточный или китайский менталитет, начиная беседу с похвал и

тем самым позволяя ее участникам сохранять лицо. С формальной точки зрения Сталин, как ему казалось, хорошо продумал начало разговора, сделав его по форме как бы неожиданным и приятным сюрпризом для Мао Цзэдуна, а по сути дела, желая взять инициативу в свои руки.

Однако оказалось, что ни форма, ни существо высказываний Сталина не устраивали Мао Цзэдуна. Он тут же ринулся в атаку. Мао Цзэдун фактически сразу же выдвинул условия, которые советская сторона должна была выполнить, если она желала снять или устранить препятствия на пути нормального течения дальнейшей беседы, да и развития двусторонних отношений вообще. Такими препятствиями в глазах Мао Цзэдуна была позиция Сталина, который в прошлом поддерживал соперников Мао Цзэдуна внутри руководства КПК и вообще по многим вопросам внутривластного развития в Китае высказывал и навязывал мнения и решения, которые были неверными, с точки зрения Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун фактически потребовал, чтобы советская сторона признала, что в прошлом она была не права, а он, Мао Цзэдун, был прав в вопросах, которые касались внутривластной борьбы в Китае. Мао Цзэдун напомнил также, что его победа — это победа, которой он добился не благодаря, а в весьма значительной степени вопреки позиции Сталина.

Сталин нашел достойный ответ. Собственно говоря, и Мао Цзэдун, и Сталин в данном случае облекли свои позиции в такие формы, что прямо не были названы ни имена, ни факты, но это и позволило найти выход из затруднительного положения.

По сути дела, Сталин прибег в сложившейся ситуации к эффектному и эффективному приему, который позволил каждому из участников беседы считать, что он выиграл или, во всяком случае, сохранил лицо. Сталин применил формулу, которой впоследствии будут пользоваться и другие участники советско-китайских переговоров. Сталин привел пословицу «Кто старое помянет, тому глаз вон» и подкрепил ее крылатым выражением «Победителей не судят». (Собственно говоря, это напоминает и высказывание Дэн Сяопина в беседе с М. С. Горбачевым в 1989 году: «Завершить прошлое, открыть будущее».)

Так оказалось, что партнеры-соперники достойны один другого. И тот и другой показали, что они умеют применять нежиз-

данные приемы в ходе беседы. Если пользоваться шахматной терминологией, то складывается впечатление, что сначала Сталин объявил шах Мао Цзэдуну, на что Мао Цзэдун ответил шахом со своей стороны. После этого Сталин рокировался, что дало возможность обеим сторонам продолжить беседу; при этом каждый из партнеров считал себя победителем. Так завершилась вторая часть начала их беседы.

В третьей части оба собеседника создавали предпосылки для конструктивных бесед по вопросам налаживания отношений.

Здесь, пожалуй, уместно сказать несколько слов, которые могут в какой-то степени помочь раскрытию поведения Сталина и Мао Цзэдуна в ходе этой части беседы. Дело в том, что Сталин был как бы вынужден принять упреки Мао Цзэдуна, и в то же время высказывания Сталина не были полным признанием своей неправоты, скорее они предлагали выход из создавшегося положения, при котором обе стороны оставляют за собой право оставаться при своем мнении относительно некоторых вопросов истории, хотя и договариваются не поднимать эти вопросы. Таким образом, основа дальнейших отношений оказывалась довольно зыбкой. Ее можно было при желании взорвать напоминаниями о прошлом.

Мао Цзэдун был сосредоточен прежде всего на том, чтобы, во-первых, подтвердить и застолбить независимое положение свое и своей партии, своего государства и, во-вторых, заставить Сталина признать, что он считает ошибочной борьбу против Мао Цзэдуна внутри его партии и больше не будет поддерживать соперников Мао Цзэдуна внутри руководства КПК. Конечно, Мао Цзэдун имел в виду и отношение Сталина к Чан Кайши.

Однако тут позиции Мао Цзэдуна не были, в глазах Сталина, убедительными.

Дело в том, что Сталин беспокоился не столько о внутрикитайских делах, особенно о делах внутри КПК, хотя эти вопросы он рассматривал как важные, от решения которых зависело и состояние главного, то есть состояние отношений России (СССР) и Китая. Сталин был всегда заинтересован в том, чтобы обеспечить безопасность своей страны. Он не желал допускать, чтобы из Китая кто-то из китайских руководителей вонзил нож в спину его стране.

На протяжении многих лет Сталин имел своим партнером Чан Кайши и добился успехов в своих предприятиях.

В то же время Мао Цзэдун на протяжении почти десяти лет старался найти общий язык с американцами; при этом подразумевая, что он может в интересах налаживания дел с США пойти на охлаждение отношений со Сталиным, на некоторое отстояние от России, на то, чтобы не стоять с ней в одном лагере и не гарантировать союз с ней против третьих стран, включая и США. Особенно такую активность Мао Цзэдун усилил перед победой в гражданской войне против Чан Кайши. Сталину было известно, что в руководстве КПК существуют два крыла. Одно крыло, сердцевину которого составляли Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай, выступало за более тесные отношения с США. Другое крыло, в которое входил, в частности, Лю Шаоци, предпочитало иметь тесные союзные отношения с СССР. Только под давлением целого ряда обстоятельств Мао Цзэдун был вынужден, во всяком случае на словах и публично, объявить о том, что он склоняется на сторону СССР, на сторону Сталина. Это, по сути дела, было признанием со стороны Мао Цзэдуна его вины перед Сталиным, причем вины важнейшей, так как речь шла о попытках Мао Цзэдуна совершить то, что в глазах Сталина могло выглядеть как предательство.

Таким образом, если Сталин был вынужден каяться в своих ошибках применительно к внутренним делам в Китае, особенно в КПК, в поддержке соперников Мао Цзэдуна внутри КПК, то Мао Цзэдун был вынужден публично отмежевываться от своих же реальных попыток отойти от СССР и вступить в близкие отношения с США. При этом Мао Цзэдун не мог в такой ситуации предъявлять Сталину претензии в связи с его отношениями с Чан Кайши.

Одним словом, Мао Цзэдун напал на Сталина, намекнув на поддержку Сталиным его противников внутри Китая, а Сталин отвел это весьма ловко, указав на то, что о старом вспоминать не в интересах обеих сторон.

Так, вступление в беседу закончилось как бы вничью, если говорить о ее психологическом подтексте. В то же время оказывалось, что Мао Цзэдун уступал Сталину в сфере международной политики, в то время как Сталин вынужден был признавать некие свои поражения применительно к внутренним делам в КПК, в Китае.

При этом важно, что Сталин занимал безукоризненную позицию, если говорить о двусторонних межгосударственных отношениях России (СССР) и Китая (КНР), даже об их действиях в то время на мировой арене. Мао Цзэдун здесь выглядел как политик, позиции которого не мог сочувствовать народ России (СССР), да она не была и в интересах китайского народа в то время.

После своего рода разминки беседа вступила в новую фазу.

Далее в ходе беседы Сталин спросил Мао Цзэдуна: «Господин Мао Цзэдун, как по-вашему, что мы могли бы сделать на сей раз? Каковы ваши соображения и пожелания?»

Таким образом Сталин, завершив обмен репликами вводного характера, во время которых советская сторона дала свою оценку достижениям китайской стороны, Мао Цзэдуна, а далее обе стороны намекнули на то, что в прошлом каждая из них полагала действия партнера не вполне удовлетворительными, со своей точки зрения, перешел, так сказать, к текущим делам.

Своим вопросом он, во-первых, определил характер поездки Мао Цзэдуна в Москву. В глазах Сталина это была, прежде всего, встреча двух лидеров, персонально его самого и Мао Цзэдуна, следовательно, согласно логике Сталина, речь шла об обмене мнениями между ними двоими и о принятии ими же двоими решений в интересах обеих сторон. И здесь Сталин пожелал, в качестве, если угодно, хозяина, принимающей стороны, или старшего по возрасту, услышать мнение Мао Цзэдуна. По всем правилам этики, и русской и китайской, Сталин поступил корректно. Форма и приличия были соблюдены.

Сталин формально предоставлял теперь инициативу Мао Цзэдуну. Он ставил, казалось бы, самые нормальные и простые вопросы, на которые обычно и дается ясный ответ. Сталин, во всяком случае, желал поставить Мао Цзэдуна в положение политика, который первым высказывается, тем самым давая возможность партнеру получить определенные преимущества.

Однако Мао Цзэдун и на сей раз не стал следовать, так сказать, общепринятым этическим нормам и вновь постарался поставить партнера перед новой загадкой. Он посмотрел по сторонам и сказал: «На сей раз цель приезда состоит в том, чтобы кое-что сделать. Но вот то, что получится в результате, должно и радовать глаз, выглядеть приятно, и на вкус быть съедобным, даже вкусным!»

Буквальный перевод этих слов Мао Цзэдуна был сделан советским переводчиком. Сталин и его коллеги явно ожидали пояснений к этим словам.

Тогда Ши Чжэ пояснил: «Радовать глаз или приятно выглядеть — это означает, что форма должна быть внешне красивой, что все должно выглядеть привлекательно и внушительно. Быть съедобным или вкусным — это значит, что все должно быть содержательным, иметь совершенно реальное наполнение».

Для советских собеседников, коллег Сталина, высказывания, сделанные в такой форме, были непривычными. Берия даже приснул от смеха.

Сталин, напротив, не улыбался. Для него была важна суть дела. Он стал ставить целенаправленные дополнительные вопросы. Мао Цзэдун не стал прямо отвечать на них, но был, очевидно, вынужден пояснить, что он имеет в виду вызвать в Москву Чжоу Эньлая. Это позволило Сталину обострить ситуацию в ходе беседы. Он со всей решительностью подчеркнул, что желает иметь дело с Мао Цзэдуном, а не с его посредником: «Если уж мы не можем определить, что будем делать, то какой смысл приглашать Чжоу Эньлая?»

Однако Мао Цзэдун уклонился от дальнейшего разъяснения своей позиции. [281]

За этим обменом репликами скрывались глубокие и важные для каждого из собеседников расчеты и размышления.

Сталин полагал, что результатом визита Мао Цзэдуна в Москву должно было стать подписание договора, соответствующего документа, под которым, с точки зрения Сталина, должны были бы стоять подписи Сталина и Мао Цзэдуна. Такой документ, согласно расчетам Сталина, должен был явиться результатом договоренности персонально двух высших руководителей, то есть лично Сталина и Мао Цзэдуна. Сталин перед началом переговоров с Мао Цзэдуном был намерен получить подпись Мао Цзэдуна на документе, который прочно связал бы обе нации на длительное время. Собственно говоря, Сталин желал получить вместо договора с Чан Кайши договор с Мао Цзэдуном, или, иными словами, Сталин считал важнейшей задачей переговоров во время встречи с Мао Цзэдуном в Москве в 1949 году подготовку и подписание документа, который позволил бы обеим нациям в течение длительного времени (нескольких десятилетий) не опасаться за

свои тылы в сложной для каждой из них обстановке на мировой арене. Соображения Сталина в этом плане отвечали национальным интересам обеих наций в то время.

У Мао Цзэдуна были свои расчеты. Прежде всего, он был намерен в максимально возможной степени сохранить и подчеркнуть свою независимость, самостоятельность, отдельность от Сталина. Все, что давало повод слишком сильно связывать имена Сталина и Мао Цзэдуна, было неприемлемо с его точки зрения. Ведь в Китае, в КПК, он на протяжении многих лет создавал себе образ самого решительного борца за независимость своей страны, своей партии от всех и вся, особенно от Коминтерна, от ВКП(б), от Сталина. Мао Цзэдун не мог допустить того, чтобы всего-навсего один визит в Москву и одна встреча со Сталиным перечеркнули все его многолетние усилия. Он не желал допустить того, чтобы в Китае, в КПК кто бы то ни было имел повод сказать, что Мао Цзэдуну в результате встречи со Сталиным пришлось в Москве пойти на поводу у Сталина, стать вслед за ним в шеренге вождей международного коммунистического движения, да и, более того, просто признать вторичность Китая по отношению к России.

Для Сталина как бы само собой разумеющимся был такой реальный порядок вещей, при котором он сам и его нация были на первом месте, а Мао Цзэдун должен был следовать за ним. В то же время договор, который имел в виду Сталин, по сути дела, был в интересах обеих наций. Сталин вел свою линию таким образом, чтобы вопрос о приоритете, о том, кто за кем следует, как бы и не возникал. Для него вопрос о договоре оказывался более важным в тот момент. Хотя, конечно, Сталин исходил из того, что все договоры имеют значение лишь постольку, поскольку, но все-таки иметь договор в реальной жизни, с точки зрения Сталина, было лучше, чем не иметь его.

Мао Цзэдун хотел опустить вопрос о договоре на более низкий уровень. Для него главное было в том, чтобы всемерно подчеркивать, что не в договоре или другом документе дело, а надо, прежде всего, заставить Сталина признать принципы равенства и независимости в отношениях между двумя нациями, двумя вождями. У Мао Цзэдуна была своя логика. Она в определенной степени отвечала интересам обеих наций. В ней был, однако, изъян. А именно Мао Цзэдун не желал, даже в сложной для него и его

нации обстановке того времени, в глазах внешнего мира оказываться неразрывно связанным с Россией, со Сталиным. В перспективе Мао Цзэдун оставлял, таким образом, возможность для любого поворота в отношениях наших двух наций. Он не исключал и их противостояние.

Сталин же желал, по крайней мере, на десятилетия исключить такое развитие событий хотя бы с помощью таких формальных документов, как договор и примыкающие к нему соглашения. В этом была разница в позициях Сталина и Мао Цзэдуна во время их первой встречи в Кремле 16 декабря 1949 года.

Нельзя исключать и того, что разногласия между Сталиным и Мао Цзэдуном были еще глубже. В отличие от общепринятого в СССР на протяжении многих лет взгляда, согласно которому в определенном смысле фигуры Сталина и, уж во всяком случае, Ленина были самыми крупными фигурами в мировой истории XX столетия, Мао Цзэдун полагал, что он — фигура покрупнее и Ленина, и Сталина. Ведь ему удалось встать во главе значительно более населенной страны, чем Ленину и Сталину. Мало того, Мао Цзэдун был уверен и в том, что как мировая нация ханьцы, китайцы, значительно превосходят все остальные нации, в том числе и русских. Вообще Мао Цзэдун исходил из того, что в результате исторической случайности и только в результате временного (всего в полтора десятка лет) зигзага России удалось ущемить Китай территориально, политически, даже идеологически. Однако Мао Цзэдун стремился поставить Россию и русских на свое место, указать им на их место соотносительно с таким гигантом, как Китай. Мао Цзэдун в своей деятельности и высказываниях всегда исходил из необходимости исправить упомянутую (с его точки зрения) историческую случайность. Для Мао Цзэдуна поездка в Москву в результате победы и прихода к власти в Китае была не просто визитом младшего собрата по коммунистическому движению, визитом просителя экономической, военной и политической помощи и поддержки, а визитом победителя, визитом, все значение которого советским коллегам, в том числе и Сталину, еще предстояло познать. Мао Цзэдун ощущал себя представителем реально начавшей возрождаться нации Китая, нации Чжунхуа. Не случайно для Мао Цзэдуна главной в то время была мысль о том, что «человек Китая встал во весь рост». Мао Цзэдун мыслил такими историческими

категориями, как века и тысячелетия, вечность. Здесь он считал необходимым дать понять всем, прежде всего Сталину, что он, Мао Цзэдун, — это воплощение Китая, вечного Китая, то есть такого гиганта, с которым Сталину при всех его претензиях никогда не сравняться и с которым придется считаться уже сейчас.

Иными словами, Мао Цзэдун хотел заставить в максимально возможной тогда степени считаться с собой всех, прежде всего Сталина. Собственно говоря, Мао Цзэдун не желал опускаться до уровня Сталина, становиться на один уровень со Сталиным. Мао Цзэдун уже тогда, да, очевидно, уже давно, полагал, что его калибр превышает калибр Сталина.

Вопрос Сталина, по сути дела, ставил их обоих на равную ступень. Сталин шел тут, с его точки зрения, на максимальные уступки. Он признавал принцип равноправия в отношениях с Мао Цзэдуном и предлагал вместе обсудить вопросы и подписать соответствующие документы. Казалось, что Мао Цзэдун должен был быть весьма доволен такой позицией Сталина. Но не тут-то было.

Оказалось, что Мао Цзэдун и тут не идет навстречу Сталину. Он был готов наблюдать за подготовкой к подписанию неких документов, возможно, обмениваться мнениями или находить иные формы для того, чтобы, наблюдая за переговорами и подготовкой документов со стороны, следить за тем, чтобы они для всего мира, для Китая и для СССР, а с точки зрения Мао Цзэдуна, прежде всего и главным образом для Китая, имели достойный вид, то есть по своей форме были приемлемы, никак не ущемляли достоинство и суверенитет Китая, и в то же время чтобы по своему содержанию они принесли реальную выгоду Китаю. Мао Цзэдун желал оставаться в стороне от всей практической работы по переговорам и подписанию документов.

Сталин вынудил Мао Цзэдуна в первой же беседе заявить, что он предполагает вызвать в Москву Чжоу Эньлая.

С точки зрения Сталина это поведение Мао Цзэдуна было совершенно нелогичным. Более того, в глазах Сталина, это могло выглядеть как отказ Мао Цзэдуна «помериться силой» со Сталиным и вызвать в Москву для этой цели «своего меньшого брата» Чжоу Эньлая. Это было уже просто оскорбительно. Это показало Сталину, что Мао Цзэдун претендует на место более высокое по отношению к нему, к Сталину.

Но ларчик открывался, очевидно, просто. Мао Цзэдун не исключал любого варианта развития событий в ходе переговоров в Москве, в том числе и такого варианта, при котором сторонам не удалось бы согласовать соответствующие документы.

Более того, Мао Цзэдун предпочел бы, очевидно, просто побывать в Москве с визитом, который не включал бы в повестку дня переговоры и подписание документов.

В ходе первой же беседы в Кремле оказалось, однако, что Сталин настойчиво требует именно документа, венчающего визит, причем предполагает подписать его вместе с Мао Цзэдуном.

Поэтому-то Мао Цзэдуну пришлось сразу же заявить, что он вызовет в Москву Чжоу Энляя.

Это пришлось сделать потому, что Сталин заставил Мао Цзэдуна взять на себя ответственность. Сталин даже пригрозил, фактически поставив вопрос очень резко. С его точки зрения, ничто в отношениях не будет развиваться до тех пор, пока в принципе это не будет решено Сталиным и Мао Цзэдуном. Сталин решительно отвел попытку Мао Цзэдуна принизить его, поставить на один уровень с Чжоу Энляем.

Забегая вперед, скажем, что борьба по этому вопросу продолжалась. Когда стало ясно, что Мао Цзэдун отказывается подписывать договор в качестве главы правительства наряду со Сталиным (а такая возможность теоретически существовала, так как в тот момент формально или официально Сталин занимал пост председателя Совета Министров СССР, а Мао Цзэдун был председателем Центрального народного правительства КНР), тогда Сталин вынудил Мао Цзэдуна провести в Москве долгое время, вплоть до того момента, когда текст договора был полностью согласован, иначе говоря, когда для внешнего мира было очевидно, что подготовка договора проходила под руководством Сталина и Мао Цзэдуна и сомнения могли появляться лишь в связи с тем, что подготовка этого договора потребовала такого длительного времени, что давало некоторые основания предполагать, что Сталин «выжимает» договор из Мао Цзэдуна, и присутствовать при подписании договора, под которым свои подписи поставили министры иностранных дел.

Мао Цзэдун своим поведением стремился показать США и другим странам, что он снижает уровень отношений с СССР и

что он подчеркивает свою независимость, то есть, прежде всего, то, что сам он лично никакими соглашениями со Сталиным не связан. Будущий договор не становился таким образом «пактом Сталин — Мао Цзэдун».

Небольшая деталь помогает уяснить ситуацию. Во время пребывания в Москве летом того же 1949 года делегации во главе со вторым лицом в КПК Лю Шаоци Сталин в беседах с ним всегда называл его «товарищем». В то же время 16 декабря, когда Мао Цзэдун приехал в Москву, он обращался к Сталину словом «товарищ», но Сталин упорно и настойчиво именовал Мао Цзэдуна «господином». Таким образом, Сталин резервировал за собой возможность перехода или неперехода в дальнейшем на обращение «товарищ», привычное и обычное в среде руководителей компартий различных стран, при общении с Мао Цзедуном.

Собственно говоря, на этом обмене репликами первая беседа Сталина с Мао Цзедуном и закончилась.

Во всяком случае, такой вывод можно было бы сделать, основываясь только на том, что опубликовано к настоящему времени в КНР в этой связи.

Если же принять во внимание новые материалы, появившиеся в печати в нашей стране, тогда появляется возможность дополнить представление о первой личной встрече Сталина и Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун, оказывается, поставил перед Сталиным следующий вопрос: «Китай нуждается в мирной передышке продолжительностью в 3–5 лет... ЦК КПК поручил мне выяснить у Вас, каким образом и насколько обеспечен международный мир (очевидно, более точен перевод: мир в области межгосударственных отношений на мировой арене. — Ю. Г.)?»

Сталин ответил, что непосредственной угрозы для Китая в настоящее время не существует: «Япония еще не встала на ноги... Америка, хотя и кричит о войне, ее боится... В Европе запуганы войной... С Китаем некому воевать. Разве Ким Ир Сен, — засмеялся Сталин, — пойдет на Китай?» [282]

Описывая другие части беседы, русский историк Д. А. Волкогонов далее отмечал:

«Говорили о договоре дружбы, союзе и взаимопомощи между Китаем и СССР, о Порт-Артуре, о большом кредите для

Пекина, о помощи СССР в создании Китаем морского флота, военной промышленности, связи. Сталин щедро обещал большую помощь.

Затем Мао завел разговор о том, что они, китайцы, видят трудности в занятии острова Формозы Народно-освободительной армией. Нельзя ли использовать “советских летчиков-волонтеров или секретные воинские части для ускорения захвата Формозы?”

Сталин старается уклониться от этой шекотливой просьбы: может дать “повод американцам для вмешательства”. Но, как всегда, его дьявольски изощренный ум находит неожиданный выход: “Можно было бы отобрать роту десантников, забросить на Формозу и через них организовать восстание на острове”»... [283]

Таким образом, в первой беседе со Сталиным Мао Цзэдун сначала побудил Сталина высказать его мнение о возможностях противника, то есть США и их союзников, начать в ближайшее время, в ближайшие годы войну против КНР, СССР, а затем, получив заверения Сталина в том, что он такой возможности не видит (здесь Сталин, думается, далеко не случайно, как бы в шутку назвал имя Ким Ир Сена как возможного виновника будущей войны), попытался спровоцировать Сталина на оказание военной помощи Пекину в гражданской войне в Китае, в результате чего вероятным было и столкновение СССР и США. Из слов Мао Цзэдуна следовало, что он попытался представить Сталина, как политика, который боится войны, а себя самого выставить в образе смелого военного стратега и тактика, который готов пойти и на военное столкновение с США в случае, если Сталин окажет ему соответствующую военную поддержку, то есть пойдет в таком военном конфликте на поводу у Мао Цзэдуна, уступив Мао Цзэдуну место главнокомандующего в такой будущей войне. Здесь проявились и изощренный ум Мао Цзэдуна, и его спекулятивные настроения, и его демагогия, а в равной степени и трезвость Сталина тогда, когда речь шла о вероятной войне в эти годы. Мао Цзэдун продолжал свою неизменную линию на то, чтобы обострять отношения СССР и США, спекулировать внутри КПК и внутри КНР на тезисе о том, что он, Мао Цзэдун, как настоящий китаец, настоящий ханец и революционер, войны не боится, а Сталин боится войны. Тем самым Мао Цзэдун

все время стремился выставить себя в качестве политика, который на порядок выше Сталина.

Сталин и Мао Цзэдун, несмотря на все издержки, были в целом удовлетворены началом общения. Мао Цзэдуну особенно была по душе та почтительность, с которой к нему обращался Сталин.

По сути дела, первый день пребывания Мао Цзэдуна в Москве стал первым днем борьбы двух политиков.

В ходе этой борьбы выяснилось, что каждый из них хочет блюсти только свои интересы, предпочитая обеспечивать именно их, невзирая на то, что это ущемляет интересы партнера. С самого начала Сталин и Мао Цзэдун показали, что только непреодолимая сила может заставить каждого из них пойти на уступки и компромиссы.

Такой непреодолимой силой было только совпадение национальных интересов обеих стран, да и то лишь в тех случаях, когда Сталин и Мао Цзэдун субъективно воспринимали и принимали такую общность. Общность национальных и государственных интересов заставляла двух лидеров вступать в переговоры и вырабатывать документы. Однако все, чего при этом удавалось добиваться, было вынужденным компромиссом между их позициями.

Первая встреча Сталина и Мао Цзэдуна, состоявшаяся в Кремле 16 декабря 1949 года, позволила им впервые лично познакомиться друг с другом, но не положила начало обсуждению и решению деловых вопросов.

Спустя некоторое время Сталин предпринял новую попытку побудить Мао Цзэдуна приступить к дискуссиям по существу проблем.

Сталин позвонил Мао Цзэдуну по телефону, поинтересовался его здоровьем. Спросил, каковы его планы, пожелания, что он собирается предпринять.

Мао Цзэдун не торопился с ответами. Он поблагодарил Сталина за заботу о его здоровье и пропустил мимо ушей все вопросы Сталина.

Сталин повторил их еще дважды.

И тогда Мао Цзэдун, улыбаясь, сказал: «Ах, это. Давайте подождем, пока приедет товарищ Чжоу Эньлай, а тогда и обсудим!»

Сталину пришлось положить телефонную трубку. [284]

Мао Цзэдун намеренно не желал вступать в прямые переговоры со Сталиным. Из-за его позиции в первые дни его пребывания в Москве советско-китайские переговоры так и не начались.

Сталин оказался в положении, когда Мао Цзэдун, с точки зрения советской стороны, с точки зрения, казалось бы, общепринятой логики, вел себя совершенно нелогично. По сути дела, у сторон было много проблем, требовавших решения. Однако начать их обсуждение не удавалось. Мао Цзэдун не желал выступать в роли просителя и не ставил перед Сталиным никаких вопросов, не просил оказать помощь новорожденному государству, то есть Китайской Народной Республике. Мао Цзэдун на протяжении нескольких дней давал понять, что он ни в чем не зависит от Сталина.

Скорее всего Мао Цзэдун хотел показать Сталину насколько изменилась ситуация. Ведь Мао Цзэдун находился в Москве, то есть как бы в руках у Сталина; оказалось, однако, что Сталин не мог у себя в столице оказать никакого давления на Мао Цзэдуна.

Со своей стороны Мао Цзэдун исходил из нескольких соображений. Он желал показать всем, что приехал в Советский Союз прежде всего с той целью, чтобы проявить уважение и вежливость, приехал, чтобы поздравить Сталина с 70-летием. Наряду с этим он выражал желание немного отдохнуть в СССР, а также установить со Сталиным хорошие личные отношения.

Мао Цзэдун своими действиями и высказываниями подчеркивал, что в основном он приехал именно в вышеуказанных целях.

Что же до переговоров между двумя партиями, двумя государствами о разного рода соглашениях и договоре, то тут Мао Цзэдун доводил до советских собеседников мысль о том, что в соответствии с решением Политбюро ЦК КПК этим должен был заниматься премьер Государственного административного совета и по совместительству министр иностранных дел КНР Чжоу Энълай. Сам же Мао Цзэдун, выступая в качестве как бы главнокомандующего всеми силами своей нации, в качестве ее вождя, желал ограничиться только тем, чтобы взирать на переговоры с высот стратегии, охватывая взглядом обстановку в целом; он ни в коем случае не желал вникать в то, как вели конкретные дела его

помощники и подчиненные; Мао Цзэдун тем более не желал лично вступать в переговоры со Сталиным по конкретным проблемам, договору и соглашениям. При этом Мао Цзэдун исходил, в частности, из того, что Сталин бывает по временам весьма субъективен, то есть не желает принимать во внимание интересы партнера, а упрямо умеет настоять на своем, а потому если бы Мао Цзэдун вступил в прямые переговоры со Сталиным, то это могло обернуться не в пользу Мао Цзэдуна. Ведь Мао Цзэдун хорошо понимал, что ведение дипломатических переговоров — это не его конек. Здесь Мао Цзэдун уступал Чжоу Эн-ляю. С другой стороны, вполне могло случиться и так, что между Сталиным и Мао Цзэдуном могли бы возникнуть споры и разногласия по каким-либо конкретным вопросам, что могло повлечь за собой осложнения в двусторонних межпартийных и межгосударственных отношениях. По всем этим причинам Мао Цзэдун и уходил от неоднократных предложений Сталина вступить в непосредственные переговоры, так сказать, с глазу на глаз. Сталин, напротив, предпочитал именно такой характер и такую форму переговоров, так как был уверен, что в этих условиях сумеет добиться для себя наилучших результатов.

Здесь играло роль и еще одно обстоятельство. Мао Цзэдун хотел, чтобы Сталин сам предложил со своей стороны помощь Китайской Народной Республике. В этом случае у Мао Цзэдуна руки оказывались развязаны. Он имел бы тогда возможность, если бы счел это необходимым, во-первых, утверждать, что не он просил о помощи, а Сталин сам предложил (или навязал) эту помощь. Во-вторых, поведение Сталина, в зависимости от обстоятельств, в дальнейшем Мао Цзэдун мог бы трактовать как проявление советской стороной искреннего или неискреннего отношения к Китаю. Одним словом, Мао Цзэдун не желал бы выступать в роли просителя, но, напротив, стремился занять трон китайского властителя, принимающего дань или должное от иностранцев. Мао Цзэдун имел в виду и такое развитие событий, при котором Сталин так и не дал бы распоряжение начать переговоры с Чжоу Эн-ляем и не предложил бы Китаю помощь; в этом случае (который, пожалуй, был совершенно невероятным, но который в своих мыслях мог иметь в виду Мао Цзэдун) у Мао Цзэдуна появлялись бы возможность и предлог говорить своим коллегам, что Сталин неискренен по отношению к Китаю. Одним

словом, Мао Цзэдун строил свои расчеты, исходя из желания иметь возможность в будущем давать любую (от положительной до крайне отрицательной) оценку действиям Сталина в момент образования КНР.

По случаю приезда Мао Цзэдуна Сталин, конечно же, устроил прием в честь Мао Цзэдуна, так сказать, попытался приобщить его к традиционным уже тогда застольям у Сталина членов высшего руководства партии и государства. Кремлевское угощение было обильным. На столе перед каждым прибором были поставлены карточки с именами гостей. Перед местом Мао Цзэдуна на карточке значилось: «Господин Мао Цзэдун».

Стол был, как обычно у Сталина, продолговатым. В торце размещался сам Сталин. По одну сторону стола сидели Мао Цзэдун и Ши Чжэ, а по другую сторону стола — советские руководители: Молотов, Маленков, Берия, Булганин, Каганович, Вышинский. Переводчиком Сталину служил Н. Т. Федоренко.

Примечательно, что Сталин выдвинул в качестве второго лица при встречах с Мао Цзэдуном в Москве Молотова. Микоян, которого Сталин посылал в Китай перед образованием КНР для проведения переговоров с Мао Цзэдуном, даже не присутствовал при этих встречах с Мао Цзэдуном в Кремле.

Банкет начался с того, что Сталин предложил выпить за здоровье Мао Цзэдуна, сказав: «Вы одержали великую победу. За ваше дальнейшее движение вперед!» Так Сталин еще раз подчеркнул, что образование КНР он воспринимает как великую победу, но в то же время выражает пожелание, чтобы Мао Цзэдун двигался вперед, очевидно, к дальнейшему сближению с ним, Сталиным.

Во время банкета беседу вели только Сталин и Мао Цзэдун. Остальные ограничивались отдельными репликами. В разговоре Сталин и Мао Цзэдун затрагивали различные темы. Они говорили о действиях на фронтах сражений во время войн, о проблемах экономического строительства, о заготовках зерна, о земельной реформе, о методах работы в массах. Однако больше всего речь шла об истории борьбы китайских коммунистов и об истории революции в Китае; именно эти вопросы оказались в центре внимания в ходе этой беседы. [285]

Сталин вел себя при этом крайне осторожно. Он не высказывал своего мнения, не давал своей оценки, а как бы прислу-

шивался и присматривался к тому, что говорил Мао Цзэдун, проявляя при этом большой такт.

И в то же время в ходе всего приема в воздухе как бы витал дух взаимной подозрительности собеседников. Каждый из них был настороже и все время ждал подвоха со стороны партнера.

Это находило свое проявление даже в мелочах. Вот Мао Цзэдун, который также внимательно следил за каждым словом и жестом Сталина, стараясь поскорее сформировать свое собственное представление о нем, заметил, что Сталин смешал в стакане красное и белое вино и выпил эту смесь. Мао Цзэдун тут же, как бы в частном порядке, поинтересовался у Н. Т. Федоренко, почему Сталин смешал красное и белое вино.

Н. Т. Федоренко не нашелся, что ответить, и хотел было обратиться за разъяснением к самому Сталину, но Мао Цзэдун не желал даже в такой мелочи выступать в роли просителя, да и просто человека, задающего вопрос, показывающего, что ему что-то не ясно, а потому воспрепятствовал тому, чтобы Н. Т. Федоренко спросил об этом у Сталина.

Однако Сталин был начеку, он ни на секунду не выпускал Мао Цзэдуна из поля зрения. Увидев, что его переводчик шушукается с Мао Цзэдуном, Сталин грозно спросил: «О чем это вы там шепчетесь тайком? У кого это за спиной?»

Н. Т. Федоренко тут же вскочил и тихо доложил Сталину о вопросе Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдуну стало не по себе от такой подозрительности Сталина, но ему оставалось только затянуться сигаретой и от-малчиваться.

Сталин продолжал наседавать на переводчика: «А почему вы прямо не спросили у меня?»

Переводчик оправдывался: «Простите, этого мне не разрешил сделать товарищ Мао Цзэдун. Он полагает, что спрашивать вас об этом было бы невежливо».

Сталин понял ситуацию и пошутил. Он спросил у Н. Т. Федоренко: «А кого в таком случае ты как переводчик должен слушаться?»

Н. Т. Федоренко мгновенно вытянулся в струнку и отрапортовал: «Конечно, вас, товарищ Сталин!»

Сталин засмеялся и сказал, обращаясь к Мао Цзэдуну: «Знаете что? Эта привычка у меня с молодых лет. Я обычно пью

белое виноградное вино. Но у меня есть своего рода вера в красное виноградное вино. Дело в том, что, будучи в ссылке, я как-то простудился, а добрый доктор тайком дал мне немного красного вина и таким образом спас меня от смерти, когда я находился на волосок от гибели. Вот с тех пор я и поверил в то, что красное вино имеет лечебное значение, оно полезно для здоровья!»

Мао Цзэдун в ответ заметил: «Вот и вы говорите о вашем опыте, о тех знаниях, которые приходят в результате обобщения опыта». [286]

Мао Цзэдун говорил так потому, что до этого в ходе разговора, когда Сталин фактически хотел выяснить, является ли Мао Цзэдун марксистом, исходит ли он из основных положений марксистско-ленинской теории в своей деятельности, Мао Цзэдун разъяснял, что его марксистские позиции и его действия рождались в результате обобщения своего собственного практического опыта.

Во время очередного застолья у Сталина в честь Мао Цзэдуна гость пространно излагал историю своей борьбы за победу в Китае.

Вообще говоря, ситуация приобрела несколько странный, с точки зрения Сталина, характер. Руководитель Компартии Китая и новообразованного китайского государства Мао Цзэдун впервые приехал в Москву, а деловая часть визита не начиналась. Мао Цзэдун навязывал свой стиль общения, он решительно отказывался от того, что представлялось Сталину привычным, имея в виду опыт конференций «большой тройки» во время Второй мировой войны, то есть от дискуссий за круглым столом по существу вопросов и от принятия в этой связи принципиальных решений.

Мао Цзэдун не привез с собой ни видных партийных и государственных деятелей, ни экспертов, а приходил к Сталину только с переводчиком. Ведение переговоров явно откладывалось до прибытия в Москву Чжоу Эньлая. Сталину пришлось мириться с этим. Однако он не терял времени даром и приемы в честь Мао Цзэдуна стремился превратить в инструмент изучения личности своего гостя.

Мао Цзэдун любил вещать во время такого рода застолий. Он привык, чтобы такого рода собрания превращались в дей-

ство, где говорит практически только один или по преимуществу один оратор, то есть он сам. Вероятно, Мао Цзэдун полагал, что своими пространными речами он сумеет побудить Сталина считаться с собой.

Сталин же имел привычку в необходимых случаях внимательно и долго слушать собеседников. Он был чрезвычайно терпелив, никогда не прерывал разглагольствования Мао Цзэдуна. Более того, несмотря на то, что по ряду вопросов в истории у Сталина и Мао Цзэдуна были различные взгляды на то, как следовало вести борьбу за победу компартии в Китае и вообще дела в Китае, теперь, принимая Мао Цзэдуна в Москве, Сталин ни разу не позволил себе перевести выступления Мао Цзэдуна в дискуссию, не обострял вопросы и не вступал в спор. Он внимательно слушал, стремясь в результате извлечь для себя пользу из рассуждений Мао Цзэдуна, изучить собеседника, чтобы затем в практической деятельности использовать результаты такого изучения в своих интересах. Более того, Сталин, соглашаясь на форму общения, предложенную Мао Цзэдуном, соблюдая эти «китайские церемонии», упорно готовился к решению вопросов по существу в ходе предстоявших переговоров, в том числе и с учетом того, что вытекало, с точки зрения Сталина, из длинных рассказов Мао Цзэдуна за обеденным столом.

Одним словом, неожиданно для себя Мао Цзэдун нашел в Сталине терпеливого и внимательного слушателя, который никогда не перебивал его.

При этом Сталин действительно самым внимательным образом вслушивался в слова Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун, рассказывая о том, как его армию окружил противник и она попала в трудное положение, придавал большое значение тому, какой именно приказ он отдал, какими словами был выражен этот приказ. Мао Цзэдун сказал, что его приказ звучал следующим образом: «Не страшиться трудностей и опасностей, с отвагой и готовностью идти на смерть, не бояться ее и смотреть ей в глаза, считая, что смерть — это лишь окончание борьбы на жизненном пути на Земле, только возвращение на Небо». [287] При этом Мао Цзэдун употребил выражения, которые трудно было понять на слух; они были взяты из высказываний знаменитого полководца Юе Фэя, который жил в эпоху Сун, то есть несколько столетий тому назад.

Сталинский переводчик Н. Т. Федоренко, вполне естественно, не мог сразу и на слух понять слова из древнего китайского письменного языка, да еще и в трудном для понимания не только иностранцами, но и китайцами, если это только не земляки Мао Цзэдуна, его хунаньском произношении. Поэтому Н. Т. Федоренко попросил Мао Цзэдуна написать иероглифами эти слова. Мао Цзэдун написал и начал подробно разъяснять, что означает это выражение.

Сталин не понимал по-китайски. Увидев, что его переводчик и Мао Цзэдун что-то пишут и переговариваются между собой, а ему ничего не переводится, Сталин тут же, в силу своей подозрительности, сказал Н. Т. Федоренко: «Ну, что там у вас? Вы что, полагаете, что будете здесь долго секретничать?»

По свидетельству китайского переводчика Ши Чжэ, Н. Т. Федоренко мгновенно побледнел от страха и запинаясь сказал: «Нет... Нет... Иосиф Виссарионович, у меня возникли трудности с переводом этого слова».

«Но ваши трудности что-то очень затянулись!» Своим пронзительным взглядом Сталин буквально пригвоздил переводчика к месту. Тот просто смешался и не знал, что делать. После тяжелой паузы Сталин сказал: «Переведите по смыслу буквально!»

Н. Т. Федоренко снова попросил Мао Цзэдуна разъяснить это высказывание Юе Фэя и изложил Сталину смысл этих слов. Только тут Сталин смягчился и кивнул.

Сталин сказал Мао Цзэдуну о Юе Фэе: «Это был поистине талантливый полководец, который проявил дух бесстрашия, а также выдающийся ум и талант!»

Мао Цзэдун любил философствовать и писать стихи. Сталин считал себя авторитетом в области языкознания. В ходе беседы они коснулись и связи языка и мышления.

Сталин подробно разъяснил Мао Цзэдуну свои взгляды, изложенные в его работе по вопросам языкознания. А затем спросил Мао Цзэдуна: «Я полагаю, что язык, будучи орудием выражения мыслей, не носит классового характера. А как вы думаете, господин Мао Цзэдун?»

«Действительно, язык — это орудие выражения мыслей, — сказал Мао Цзэдун. — Между культурами и языками различных наций есть общее, есть и различия. Взять хотя бы ханьские (китайские) иероглифы и ханьский язык. Хотя ими и не просто

овладеть, однако на практике их может освоить любой. При желании и при непрерывном совершенствовании овладеть ими можно; в этом деле тоже нет никаких различий в зависимости от общественного и классового положения».

Н. Т. Федоренко очень заинтересовало то, каким образом Мао Цзэдун в данном случае увязал теорию и практику. «Он невольно перестал писать, поднял голову, и воззрился на Мао Цзэдуна» — отмечал китайский переводчик в своих воспоминаниях.

Сталин недовольно поглядел на своего переводчика и вдруг рявкнул: «Товарищ Федоренко!»

Н. Т. Федоренко сначала остолбенел, потом повернулся к Сталину, а тот приказал ему: «Возьмите вашу тарелку и подойдите сюда!»

Когда переводчик подошел, Сталин, не глядя на него, сказал: «Попробуйте это блюдо!»

Переводчик стоял не шевелясь, ни жив ни мертв.

Тогда Сталин сказал: «Это редкое блюдо. Возможно, вы отведаете его первый раз в жизни... Первый и последний, как говорится».

Переводчик продолжал стоять столбом.

«Берите же!» Хотя Сталин сказал это ровным тоном, но, по наблюдению китайского переводчика, это был приказ, тут не оставалось возможности сомневаться.

Китайский переводчик, описывая эту сцену, невольно передавал и свои собственные чувства, а возможно, и некоторые настроения Мао Цзэдуна. Ши Чжэ утверждал, что слова Сталина, особенно его слова «в последний раз», заставили советского переводчика покрыться холодным потом.

В обязанности Ши Чжэ, как и других китайских переводчиков и сотрудников, обслуживавших Мао Цзэдуна, входило не только на двух языках составлять запись всех бесед Мао Цзэдуна с советскими собеседниками, но и снабжать эту запись описанием мимики, жестов, эмоционального состояния всех советских людей, присутствовавших при беседах Мао Цзэдуна, в частности, со Сталиным.

Ши Чжэ и самому было прекрасно известно, что такое гнев Сталина и что такое гнев Мао Цзэдуна.

Ши Чжэ добавил, что он заметил также, что до начала банкета официантка что-то тихо сказала Сталину, после чего блюдо с этим

кушаньем поставила не перед ним, а сбоку от него. Ши Чжэ внимательно следил за тем, чтобы Мао Цзэдуна не отравили на банкете у Сталина.

Н. Т. Федоренко пришлось отведать предложенное ему блюдо.

Сталин поинтересовался, как оно ему понравилось.

Переводчик ответил, что оно очень деликатное.

Сталин рассмеялся.

Мао Цзэдун рассмеялся следом за Сталиным (кстати, во время всей этой сцены, как отмечал Ши Чжэ, Мао Цзэдуну оставалось только спокойно и молча сидеть и покуривать). Рассмеялись и все остальные присутствовавшие при этом участники банкета и с советской, и с китайской стороны. [288]

21 декабря в Москве торжественно праздновали 70-летие Сталина. В президиуме торжественного заседания, состоявшегося в Большом театре, Мао Цзэдун сидел по левую руку от Сталина (по правую руку находился Н. С. Хрущев). Текст выступления Мао Цзэдуна зачитал Н. Т. Федоренко. В этой короткой речи содержались и такие слова: «Товарищ Сталин — учитель и друг народов мира, а также учитель и друг народа Китая. Он развил революционную теорию марксизма-ленинизма, внес выдающийся и весомейший вклад в дело мирового коммунистического движения. Народ Китая в ходе своей тяжелой борьбы против угнетателей глубоко ощущал важность дружбы со стороны товарища Сталина». При этих словах зал взорвался аплодисментами. Сталин повернулся к Мао Цзэдуну, благодарно кивнул, улыбнулся и зааплодировал вместе с залом.

Далее в речи говорилось: «На этом торжественном заседании я имею честь от имени народа Китая и Коммунистической партии Китая поздравить товарища Сталина с семидесятилетием, пожелать ему здоровья и долголетия. Желаю счастья и процветания нашему великому другу и союзнику, Советскому Союзу, находящемуся под руководством товарища Сталина. Да здравствует великое небывалое единство мирового рабочего класса под руководством товарища Сталина». [289]

Оба руководителя по этому случаю демонстрировали друг другу и перед внешним миром свою заинтересованность в сохранении и развитии двусторонних отношений союза и дружбы. При этом Мао Цзэдун считал необходимым и был вынуж-

ден именовать Сталина не только «другом», но и «учителем» народа Китая.

Не учителем Мао Цзэдуна, а учителем народа Китая. (Кстати, в китайском языке понятие «учитель» выражается несколькими различными словами, использовавшимися в лексиконе Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун, поучая свою партию, неоднократно говорил об «учителях наоборот», то есть о тех, кто учит тому, как не следует поступать, кого следует расценивать только негативно.)

Как бы там ни было, а такого рода высказывания Мао Цзэдуна говорили Сталину, что, по сути дела, Мао Цзэдун заинтересован в грядущих переговорах и в оказании Советским Союзом помощи Китайской Народной Республике. Дело было, очевидно, в поисках формы, которая позволила бы обеим сторонам начать такие переговоры.

В то время играла роль и еще одна особенность ситуации. В такой стране, как Китай, которая едва-едва закончила гражданскую войну, где большинство населения предпочло новый режим, режим Мао Цзэдуна, старой власти, власти Чан Кайши, еще очень сильны были и чувства некой общности с идеологией Сталина, идеологией его партии. Поэтому Мао Цзэдун был вынужден тогда считаться и с этой своего рода инерцией положительного отношения к СССР, к Сталину, как к друзьям и союзникам в борьбе, которая шла в Китае на протяжении последних десятилетий. С другой стороны, и в Советском Союзе существовало тогда традиционное сочувствие большинства людей Китаю и лично Мао Цзэдуну, которого официальная пропаганда представила населению нашей страны тогда как верного последователя Сталина, как друга и союзника. Ни Сталин, ни Мао Цзэдун не были заинтересованы в разрушении этих стереотипов в сознании населения обеих стран и в какой-то степени считались с ними, поддерживали их.

После того как торжества в Москве по случаю 70-летия Сталина завершились и делегации компартий целого ряда стран разъехались по домам, Мао Цзэдун в соответствии с ранее намеченным планом остался в Москве. Считалось, что он продолжает знакомиться с нашей страной, отдыхает, совершает экскурсии.

Мао Цзэдун, конечно, жадно впитывал собственные впечатления о нашей стране. (В свое время более четверти века тому

назад то же самое делал Чан Кайши, который также провел тогда несколько месяцев в СССР.)

В феврале-марте 1920 года Мао Цзэдун в беседе с одним из основателей Коммунистической партии Китая Ли Дачжао высказал пожелание организовать «отряд для ознакомительной поездки в Россию», которую он при этом именовал тогда «первой по уровню культуры страной мира». Тогда же в письме одному из своих однокашников Мао Цзэдун отмечал, что эта идея «переполняет его радостью и надеждами». [290]

Прошло почти три десятилетия, и Мао Цзэдун прибыл в нашу страну не в качестве члена «отряда для ознакомительной поездки», а как глава государства и правящей в нем партии. Мао Цзэдун ставил своей целью использовать эту поездку для знакомства в максимально возможной степени с нашей страной. Во время первой же встречи со Сталиным, состоявшейся 16 декабря 1949 года, в ответ на вопрос Сталина о его пожеланиях Мао Цзэдун прямо заявил, что на сей раз он приехал, во-первых, для того, чтобы поздравить Сталина с 70-летием, и, во-вторых, для того, чтобы познакомиться с Советским Союзом, причем он хотел бы побывать в нашей стране везде: на севере и на юге, на западе и на востоке.

После окончания юбилейных торжеств по случаю 70-летия Сталина Мао Цзэдун совершил экскурсию. Он побывал на Московском автомобильном заводе, который тогда носил имя Сталина.

По поручению Мао Цзэдуна Ши Чжэ отобрал несколько кинофильмов, которые и были показаны Мао Цзэдуну. Это были фильмы, рассказывавшие об известных исторических личностях: Петре Первом, Наполеоне, Кутузове, Александре Невском.

Узнав об интересе Мао Цзэдуна к такого рода кинофильмам, Сталин сказал Ши Чжэ: «Мао Цзэдун поступает мудро. На отдыхе он просматривает кинофильмы, рассказывающие об исторических деятелях. Это самый экономичный способ узнать что-то об этих людях». [291]

22 декабря 1949 года Мао Цзэдун направил в ЦК КПК телеграмму, в которой говорилось: «В ходе подготовки договора о торговле с СССР вам надлежит исходить из оценки ситуации в целом, а это означает, что, конечно же, ставя СССР на первое место, надо, однако, готовиться к тому, чтобы вести торговлю с

Польшей, Германией, Англией, Японией, США и другими странами». Мао Цзэдун также сообщал, что он «уже условился со Сталиным о беседе 23 или 24 декабря». [292]

В этот момент, как утверждают китайские авторы, возникло осложнение в двусторонних отношениях.

24 декабря 1949 года прибывший вместе с Мао Цзэдуном в Москву И. В. Ковалев, в то время главный советский советник в КНР, представил Сталину доклад «О некоторых вопросах политики и практики ЦК КПК». В этом документе говорилось следующее: в КПК, в ее ЦК, кое-кто в прошлом был настроен проамерикански и антисоветски, а в настоящее время руководители ЦК поддерживают этих людей; Лю Шаоци организовал и возглавил необоснованную критику Гао Гана; в составе Центрального народного правительства деятели из демократических партий составили слишком большой процент, что на практике привело к тому, что правительство превратилось в коалиционное собрание различных партий и т. д. Китайские авторы также утверждали, что этот доклад составлен на основании материалов, которые были представлены Гао Ганом из Северо-Восточного Китая.

По мнению китайских авторов, Гао Ган начиная уже с того времени инициировал разногласия в партии и, кроме того, «стал передавать внутреннюю информацию за рубеж», то есть превратился в советского шпиона. Гао Ган пытался в опоре на поддержку со стороны Сталина узурпировать и захватить власть. Упомянутый доклад создавал, по мнению китайских авторов, неверное представление о политической жизни в высшем эшелоне руководства КПК. Можно даже сказать, считали китайские авторы, что этот доклад сыграл весьма негативную роль, провоцируя разлад как в отношениях внутри ЦК КПК, так и в отношениях между КНР и СССР. [293]

И. В. Ковалев по профессии был специалистом по железным дорогам. Техническим специалистом. Сталин говорил, что он в данном случае «влез в политику».

Уже упоминалось о том, что после окончания Второй мировой войны на Востоке Сталин направил И. В. Ковалева руководить работами по восстановлению железнодорожной сети в Маньчжурии. По совместительству он был назначен полномочным представителем СССР в правлении КВЖД.

После того как в начале 1949 года в Китае побывал А. И. Микоян, И. В. Ковалев стал старшим по рангу среди официальных лиц из СССР, работавших тогда в Китае, самым высоким представителем советского правительства.

В конце марта 1949 года вслед за тем, как Мао Цзэдун и другие руководители ЦК КПК разместились в пригороде Бэйпина Сяншане (в Душистых горах), И. В. Ковалев перебрался из Северо-Восточного Китая в Бэйпин (как тогда именовался Пекин) и тоже разместился по соседству с Душистыми горами. Через советскую военную радиостанцию, которой пользовался А. Я. Орлов, врач, лечивший Мао Цзэдуна и других руководителей КПК, И. В. Ковалев передавал сообщения в СССР о положении в Китае.

Обосновавшись в Душистых горах, И. В. Ковалев вызвал к себе советского консула в Бэйпине С. Л. Тихвинского и попросил о встрече с Мао Цзэдуном.

Вечером Мао Цзэдун принял И. В. Ковалева и С. Л. Тихвинского в своей резиденции «Шуанцин» и вкратце рассказал им о стратегии освободительной войны, о планах военных действий, о политике КПК.

Китайские авторы, рассказывая об этой встрече, делали особый упор на том, что, имея в виду опасения Сталина, заключавшиеся в том, что народная освободительная война в Китае может вызвать массированное вмешательство и агрессию со стороны вооруженных сил США, что может привести к военному столкновению США и СССР, может вызвать третью мировую войну, Мао Цзэдун особенно подчеркнул, что «победа будет за нами».

Мао Цзэдун тогда говорил, что «вскоре вы увидите результаты Хуайхайского сражения. Следующий шаг — это форсирование реки Янцзы и продвижение на юг. Освобождение территории к югу от реки Янцзы. Если не произойдет чего-либо экстраординарного, то у нас есть уверенность в победе. Кое-кто опасается того, что США могут непосредственно вмешаться в ход боевых действий, принять участие в этой войне. Однако вплоть до сегодняшнего дня так и не видно никаких признаков того, что это может произойти. Например, мы не позволили американской армии высадиться на берег в районе Циньхуандао; мы также не разрешили их кораблям пристать там к берегу, а в результате

они просто улизнули. В районе города Тяньцзиня американские военные вышли из города, попробовали провести разведку; произошло столкновение с нашими вооруженными силами, имели место несколько стычек; в результате они убрались восвояси, отступили в пределы городского района. В окрестностях города Циндао американская армия также предприняла несколько вылазок, причем блефовала, пыталась пустить пыль в глаза, производя при этом максимально возможный шум. Однако, получив удар, они убрались обратно в город, как черепаха спрятались в свой панцирь. Мало того, вскоре они отвели из Циндао свои боевые корабли. В других портах, например в Яньтае, Вэйхае, мы и не видели корабли США. Поэтому вплоть до настоящего времени мы так и не видели попыток американской армии действительно по-настоящему сразиться с нами; мы также не видели того, чтобы они проявляли признаки зондирования нашей реакции, пускали пробные шары с той целью, чтобы воспрепятствовать продвижению вперед нашей армии. Поэтому мы с достаточной степенью уверенности можем вести народную освободительную войну, проводить нашу политику. Можно со всей определенностью утверждать, что в конечном итоге победа будет за нами».

В ходе этой беседы Мао Цзэдун находился в приподнятом настроении, смеялся и шутил. Однако И. В. Ковалев все время ставил какие-то конкретные вопросы, просил разъяснений. Принимая это во внимание, Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ и другие руководители неоднократно дополнительно встречались и беседовали с ним, давали пояснения и разъясняли ситуацию в Китае и существо проблем; помогали ему составить относительно правильное представление о характере, особенностях и основных политических установках революции в Китае. Мао Цзэдун проявлял такое терпение только потому (хотя он прямо и не говорил об этом, но смысл его поведения и поступков был именно таков), что фактически он надеялся на то, что И. В. Ковалев сумеет «правильно» доложить об обстановке Сталину и руководителям ВКП(б), «правдиво» расскажет им о революции в Китае.

Вскоре Мао Цзэдун поручил Лю Шаоци во главе делегации отправиться в СССР для встречи со Сталиным. Вместе с этой делегацией поехал и И. В. Ковалев. Перед отъездом в СССР Мао

Цзэдун, Лю Шаоци специально приняли И. В. Ковалева в Чжуннаньхае, провели с ним довольно длительную беседу. Мао Цзэдун специально остановился на ходе и перспективах народной освободительной войны, на основных особенностях и задачах современного этапа революции в Китае; сказал, что освободительную войну непременно следует довести до конца, что он не остановит свою армию до тех пор, пока не будет одержана окончательная победа. Он подчеркнул следующий тезис: поскольку путь развития является извилистым, изобилует поворотами, постольку и нашу революцию тоже следует, соответственно этим извивам и поворотам, подразделять на этапы и осуществлять ее именно с учетом этого обстоятельства; и все-таки как бы там ни было, а мы уверены в конечной победе. Революция в Китае — это довольно длительный, протяженный по времени процесс. Для того чтобы с этапа народной демократии, или демократии народа, по различным революционным показателям вступить на этап социалистического строительства, или строительства социализма, необходимо довольно длительное время, и одновременно тут необходимы условия, а именно нужны люди, людские ресурсы и материальные ресурсы, причем никак нельзя обойтись без какого-нибудь из них. В настоящее время нам нужно подготовить и мы должны обеспечить наличие именно этих двух условий.

Мао Цзэдун также сказал И. В. Ковалеву, «проявляя определенную заботу о нем»: «Теперь ты, сопровождая делегацию, возвращаешься на родину. Хотя тебе и придется потрудиться, однако ты сможешь побыть вместе с нашими товарищами. Это ведь для тебя тоже хорошая возможность, благоприятный случай».

Кто же мог предположить, писали китайские авторы, что, сопровождая на сей раз Мао Цзэдуна в его поездке в СССР, И. В. Ковалев не только устно представил Сталину доклад, содержание которого не соответствовало действительности, но пошел на безграничную клевету, написав для Сталина письменный доклад, который был провокационным, вносящим раздоры. Прочитав доклад И. В. Ковалева, Сталин поверил тому, что в нем было написано, и не только направил документ на прочтение членам советского руководства, но это усилило его подозрительность в отношении Мао Цзэдуна, а потому Сталин на протяжении нескольких дней не виделся с Мао Цзэдуном, оставил того как бы в

забвении. А в силу того, что отношение Сталина к Мао Цзэдуну изменилось, изменилось и отношение к Мао Цзэдуну всех других советских руководителей. По этой причине Мао Цзэдун сидел на сталинской даче безвыездно и пребывал в скверном расположении духа.

И в эти-то дни И. В. Ковалев и переводчик с советской стороны Н. Т. Федоренко навестили Мао Цзэдуна. Осведомились о его самочувствии, спросили, привык ли он к условиям жизни в Москве, каковы его планы.

Мао Цзэдун был на пределе терпения, он взорвался и рассердился, сказав И. В. Ковалеву: «Вы вызвали меня в Москву, а я тут ничего не делаю; для чего вы все это сделали? Для чего я сюда приехал? Неужели же только для того, чтобы целыми днями только жрать, срать и спать?»

И. В. Ковалев страшно перепугался, вскочил и вытянулся в струнку, опустил голову. Китайские авторы подчеркивали, что он не решался даже голову поднять. Он лишь пробормотал: «Товарищ Сталин поручил мне навестить вас, осведомиться, каковы ваши планы»...

Не дожидаясь, пока И. В. Ковалев закончит фразу, Мао Цзэдун вклинился в его речь и сказал: «Какие планы, что я делаю? Да я целый день только и знаю, что делаю всего-навсего три вещи: жру, сру, сплю». «Разве я, Мао Цзэдун, приехал в Москву только для того, чтобы поздравить Сталина с юбилеем?» [294]

И. В. Ковалев был вынужден ретироваться.

После его ухода Мао Цзэдун сказал Ши Чжэ: «Таким людям надо давать жестокий урок! Только так можно заставить его пойти к Сталину и доложить, что происходит. Пусть доложит!»

Ши Чжэ попытался пояснить свое видение ситуации: «Ковалев всего-навсего заместитель министра; у него нет возможности увидеться со Сталиным. Он не может доложить о том уроке, который был ему дан. Он и не осмелится рассказать об этом. Если же он это скажет, то навлечет на себя гнев, осуждение и наказание!»

В ответ Мао Цзэдун только загадочно улыбнулся. [295]

В это время мировая печать распространяла разного рода слухи. Английские газеты писали, что Сталин поместил Мао Цзэдуна под домашний арест. [296]

Сталин не желал допустить того, чтобы получали подтверждение сообщения, которые свидетельствовали о разладе в отношениях.

Сталин спросил Мао Цзэдуна, нет ли у него желания поехать еще куда-нибудь помимо Москвы. Мао Цзэдун понимал, что Сталин нуждается в том, чтобы поместить в газетах какое-либо сообщение о программе пребывания Мао Цзэдуна в СССР и тем самым рассеять разного рода слухи. Поэтому Мао Цзэдун сказал, что он полагал бы возможным съездить в Ленинград на экскурсию. Кроме того, Мао Цзэдун сказал Сталину: «Я хотел бы вызвать сюда Чжоу Эньлая».

Сталин выразил в этой связи удивление и спросил: «Зачем Чжоу Эньлаю приезжать в Москву, с чем он приедет?»

Мао Цзэдун, услышав эти слова Сталина, помрачнел. Он полагал, что Сталин в данном случае недостаточно искренен.

В связи с тем, что Сталин не был осведомлен о намерениях Мао Цзэдуна, он в течение некоторого времени не знал, что делать. В этой связи Сталин пригласил к себе посла КНР в СССР Ван Цзясяна, чтобы осведомиться у него о планах и настроениях Мао Цзэдуна. Ван Цзясян неоднократно встречался ранее со Сталиным, и у них сложились хорошие отношения. Ван Цзясян при встрече со Сталиным постарался его успокоить и немедленно отправился доложить об этой встрече Мао Цзэдуну.

К тому времени Мао Цзэдун уже успокоился и сказал Ван Цзясяну следующее: «Если меня сюда побудили приехать только для того, чтобы участвовать в юбилейных мероприятиях, то это было бы слишком примитивно, нужно выработать политический документ».

Ван Цзясян, будучи искусным дипломатом, отправился после этого в МИД СССР, где в беседе поставил этот вопрос следующим образом. Ван Цзясян сказал, что председатель Мао находится в Москве уже на протяжении некоторого времени; не было бы целесообразным, исходя из международной обстановки, подумать о подписании документа между КНР и СССР.

Реакция советской стороны была скорой. На следующий же день был дан ответ. Было сказано, что советская сторона согласна подписать документ. Сталин по своей инициативе пригласил Мао Цзэдуна для новой беседы.

Мао Цзэдун согласился. Впоследствии он говорил Ши Чжэ, что «Сталин был великим марксистом, однако порой он прояв-

лял слабость к тем, кто ему наушничал; Сталин совершал ошибки, прислушиваясь к клевете и наветам. В результате он оказывался в дураках. В вопросах революции в Китае он много раз попадался на удочку Гоминьдана. Сначала попался на удочку Чан Кайши и потерпел ущерб. Потом снова попался на удочку, теперь уже Ван Мина, и снова потерпел ущерб. И наконец опять попался на удочку Чан Кайши. Видно, нельзя забывать о классовом анализе!» [297]

Вполне очевидно, что, с точки зрения Мао Цзэдуна, он считал себя «классово» «более чистым», чем Сталин.

Сталин исходил из видения ситуации в мире в целом. Реагируя на домыслы, появившиеся в зарубежной печати, которая утверждала, что Сталин поместил Мао Цзэдуна под домашний арест, и, не желая допустить провокаций, которые способны внести разноту в двусторонние отношения, Сталин тут же отреагировал на это.

Сталин выслушал также доклад И. В. Ковалева о том, что Мао Цзэдун рассердился и высказал критические замечания. Сталин все это хладнокровно обдумал. Принимая во внимание необходимость установления тесных добрососедских отношений с новым китайским государством, Сталин принял решение передать Мао Цзэдуну копию этого доклада И. В. Ковалева. Причем лично передать ее. Тем самым Сталин хотел показать Мао Цзэдуну, что он со всей искренностью и доверием относится к нему.

Мало того, Сталин, что случалось с ним очень редко, изменил свое мнение и дал согласие на приезд в Москву Чжоу Эньлая.

Такова пекинская трактовка развития событий во время пребывания Мао Цзэдуна в Москве с 16 декабря 1949 года по 2 января 1950 года. Со своей стороны хотелось высказать следующие соображения.

Сталин сразу же после прибытия Мао Цзэдуна в Москву предложил ему приступить к переговорам на высшем уровне для обсуждения всех вопросов, интересующих обе стороны. Мао Цзэдун уклонился от этого предложения, попытавшись спустить переговоры на более низкий уровень. Сталин на протяжении нескольких дней со всем вниманием выслушивал длинные речи Мао Цзэдуна во время застолий и в то же время продолжал настаивать на начале переговоров на высшем уровне. Мао Цзэдун до конца декабря никак не соглашался на это.

Затем Мао Цзэдун (возможно, и под давлением сгушавшейся атмосферы ожидания в Пекине развития событий в двусторонних отношениях) пошел на грубость, на оскорбительные действия в отношении советской стороны, применив в разговоре со связным Сталина И. В. Ковалевым неприличные выражения, в которых он высказал свое неудовлетворение тем, что стороны никак не могут приступить к делу. Это была попытка сделать хорошую мину при плохой игре, переложить вину с больной головы на здоровую.

Сталин узнал о грубости Мао Цзэдуна, но повел себя сдержанно. Он, однако, пригласил к себе посла КНР в СССР Ван Цзясяна и постарался успокоить Мао Цзэдуна, проявив все возможное расположение к нему.

Мао Цзэдун, выслушав доклад Ван Цзясяна об этом разговоре, был, очевидно, вынужден поручить Ван Цзясяну кружным путем через МИД СССР довести тогда до Сталина свое согласие приступить к переговорам.

В целом получилось так, что Сталин проявил большее терпение и выдержку, чем Мао Цзэдун, и добился согласия Мао Цзэдуна на начало переговоров на высшем уровне.

В восемь часов вечера 2 января 1950 года Сталин послал Молотова и Микояна на дачу с той целью, чтобы обсудить с Мао Цзэдуном вопросы, касающиеся заключения двустороннего советско-китайского договора.

Мао Цзэдун трактовал происходящее таким образом, как будто бы Сталин изменил свою позицию, проявил уважение к китайским товарищам. Тогда Мао Цзэдун и сам занял гибкую позицию и предложил не один, а даже несколько вариантов дальнейших действий, предоставив своим советским собеседникам выбрать один из них.

Мао Цзэдун в беседе с Молотовым и Микояном предложил следующие три варианта дальнейших действий:

Первый вариант. Подписать новый китайско-советский договор; «закрепить в новом договоре китайско-советские отношения, что вдохновит рабочих, крестьян, интеллигенцию, а также левое крыло национальной буржуазии Китая, даст возможность изолировать правое крыло национальной буржуазии; в международном плане мы сможем обрести еще более крупный политический капитал, чтобы противостоять империалистическим государствам, чтобы пере-

смотреть все те договоры, которые были в прошлом подписаны между Китаем и империалистическими государствами».

Второй вариант. Обе стороны выступают с кратким комментарием от имени своих информационных агентств, поясняя, что они обменялись мнениями по вопросу о старом или прежнем китайско-советском договоре.

Третий вариант. Подписывается заявление, в котором содержится характеристика основного содержания двусторонних межгосударственных отношений. Если предпочтительным окажется второй или третий вариант, то Чжоу Энълай может и не приезжать в Москву.

Молотов сказал: «Первый вариант представляется хорошим. Чжоу Энълай может приехать».

Мао Цзэдун тут же спросил: «Означает ли это, что новый договор заменит старый договор?» [298]

Молотов ответил: «Конечно». Однако он выразил сомнение в том, сможет ли Чжоу Энълай достаточно быстро прибыть в Москву.

В КНР этот эпизод описывали еще и следующим образом.

Молотов и Микоян во второй половине дня 2 января 1950 года приехали в резиденцию Мао Цзэдуна с той целью, чтобы конкретно посоветоваться относительно срока прибытия Чжоу Энълая в Москву и о времени подписания договора. При этом Молотов поставил вопрос следующим образом: в условиях, когда Новый Китай только что создан, у Чжоу Энълая дел по горло, сможет ли он в сжатые сроки прибыть в Москву? Мао Цзэдун с улыбкой сказал: «Нет проблем, сможет прибыть в нужное время».

До этого Сталин неоднократно выражал желание провести переговоры с Мао Цзэдуном и заключить договор. Мао Цзэдун, однако, настаивал на том, чтобы в Москву приехал Чжоу Энълай для ведения переговоров с советской стороной и для подписания договора. Мао Цзэдун, как считают китайские авторы, занял такую позицию после глубоких раздумий. Он полагал, что в сфере дипломатии Чжоу Энълао действовать сподручнее, чем ему, ибо Чжоу Энълай был выдающимся дипломатом. [299]

После создания Китайской Народной Республики при назначении Чжоу Энълая на пост премьер-министра Государственного административного совета и по совместительству министра иностран-

ных дел Мао Цзэдун многократно хвалил Чжоу Эньлая, говоря: «Чжоу Эньлай сильнее меня там, где речь идет о крупных вопросах деятельности в сфере межгосударственных отношений; у него имеются способности улаживать самые разнообразные сложные противоречия».

Таким образом, главной причиной того, что Мао Цзэдун снова и снова настойчиво добивался того, чтобы Чжоу Эньлай вышел на сцену и повел переговоры с советской стороной, было именно то, что Мао Цзэдун желал использовать мастера дипломатических дел Чжоу Эньлая на передовой линии в первой же крупной внешнеполитической акции Нового Китая.

Мао Цзэдун полагал, что, во-первых, руководитель не может быть глубоким знатоком во всех областях, не может претендовать на то, чтобы быть специалистом в любой области, но он обязан умело подбирать людей, кадры. Ответственность руководителя, говоря обобщенно, состоит главным образом в том, чтобы принимать решения, а также в том, чтобы умело подбирать кадры, которые бы точно выполняли эти решения. Всякого рода планы, решения, приказы, указания — все это относится к категории «принятия решений». Но для того, чтобы все эти решения, принципы, мысли претворить в жизнь, необходимо сплотить кадры, создать команду и побудить ее к действию; вся такого рода работа относится ко второй категории, то есть к тому, что можно назвать «использованием кадров».

В период его поездки в СССР Мао Цзэдун не только принял правильные решения, но и сам лично устно согласовал принципиальные позиции со Сталиным; следовательно, следующий шаг состоял в умелом подборе кадров; тут никак нельзя было все брать на себя, делать все одному; надо было дать некоторую свободу действий, позволив Чжоу Эньлаю, которого он считал дипломатом более сильным, чем он сам, провести переговоры и подписать договор.

Далее, Мао Цзэдун подчеркивал, что в любом деле нужно «оставлять резерв», поле для маневра, он не был согласен с теми, кто считал, что надо сразу же выкладывать все до конца или начинать прямо с максимума, то есть вступать в переговоры «на самом высоком уровне». Мао Цзэдун знал, что Сталин питает подозрения и относительно него самого и того пути революции в Китае, на котором настаивал Мао Цзэдун, знал, что у Сталина

были на все это свои взгляды критического характера. Мао Цзэдун учитывал также и то, что Сталин иной раз становился довольно «груб», «безапелляционен». В этой ситуации вступать самому в прямые переговоры со Сталиным по конкретным вопросам, касавшимся заключения договора, было нецелесообразно. Мао Цзэдун исходил из того, что, если паче чаяния по каким-то вопросам стороны не смогут прийти к договоренности и переговоры могут зайти в тупик или сорваться, вряд ли кто-либо иной, кроме двух первых лиц, сможет как-то уладить вопросы, выступить в роли посредника, и тогда могло оказаться, что поля для маневра, резерва для каких-то иных шагов уже могло и не оказаться. Если же направить Чжоу Энляя для ведения переговоров с руководителями советского правительства, то даже в случае возникновения неких разногласий или споров он сам, то есть Мао Цзэдун, и Сталин могли бы, находясь на более высоком уровне, принять надлежащие меры, внести коррективы, отладить механизм, достичь согласия и решить проблемы самым благоприятным образом.

В-третьих, Мао Цзэдун исходил из необходимости соблюдения принципа паритетности сторон, «соответствия калибров»; он хотел, чтобы все соответствовало законам и юридическим нормам, чтобы все «выглядело достойно, красиво, привлекательно». Обладая философским направлением ума, Мао Цзэдун был склонен к обобщениям высокой степени и зачастую чрезвычайно сложные вещи сводил к очень сжатым и внешне простым формулировкам, прибегал к весьма конкретным зримым образам; таким образом, при первом взгляде все становилось ясным. На сей раз он применил формулировку следующего содержания: будущий документ, то есть договор между КНР и СССР, должен был стать «приятным на вкус и на взгляд». Эта формула и относилась к категории такого рода высокой степени обобщений и в то же время была классическим образцом чрезвычайно конкретной образности. По мнению китайского автора, неудивительно, что Сталин так и не мог взять ее в толк, с начала и до конца. А ведь на самом-то деле после того, как сначала был выработан проект, а затем был подписан и сам китайско-советский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, все пришли в восхищение и только изумленно восклицали: «Ну, ты только посмотри! Разве это не та самая вещь, которая “приятна на вкус и на взгляд”?»

«Приятна на вкус» именно потому, что в нее вложено самое реальное содержание; роль этого договора заключалась в том, что он обеспечивал здоровое развитие Нового Китая в условиях, когда он не подвергался агрессии. «Приятна на взгляд» именно потому, что этот документ был прекрасен по форме, благодаря чему люди во всем мире могли увидеть, что Новый Китай и СССР, две великие социалистические страны, вступили между собой в союз, оказывали друг другу помощь и состояли в дружбе, выступали против агрессии, способствовали миру во всем мире, расширяли влияние социализма. Для того чтобы добиться этой цели, и было необходимо вести переговоры и заключать договор таким образом, чтобы калибр представителей с обеих сторон был одинаковым, чтобы все здесь соответствовало нормам международного права и международной практике, обычаям. Поэтому-то когда Сталин пошел на уступки и согласился заключить договор, предложив, чтобы свои подписи под ним поставили он сам и Мао Цзэдун, Мао Цзэдун все-таки не согласился с ним. Он улыбнулся, покачал головой и сказал: «Вы — председатель Совета Министров, а я — не премьер. Поэтому у нас с вами разные калибры. А что до подписания документа, то я хотел бы вызвать своего премьера». Сталин принял мнение Мао Цзэдуна. [300]

Главное, на что хотелось бы обратить внимание в данном случае, — это на то, что в КПК — КНР извращают положение дел, утверждая, что Мао Цзэдун был инициатором заключения советско-китайского договора 1950 года, что Мао Цзэдун сам предложил его основные принципы и заставил Сталина пойти на уступки и заключить договор.

На самом же деле Сталин был инициатором заключения договора между СССР и КНР, ему долго пришлось вынуждать Мао Цзэдуна согласиться на переговоры по этому договору и вообще на то, чтобы в принципе подписать такой договор, и в конце концов Сталин добился согласия Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун был вынужден Сталиным пойти на подписание в 1950 году договора между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи.

Вернемся, однако, к беседе Мао Цзэдуна с Молотовым и Микояном 2 января 1950 года.

Мао Цзэдун улыбнулся. Он зажег сигарету и, покуривая, стал загибать пальцы, производя свои подсчеты: «Я дам телеграмму,

которая будет в Пекине 3 января. Чжоу Энляо на подготовку пять дней. Следовательно, он выедет из Пекина 9 января. 11 дней будет ехать на поезде. 19 января прибудет в Москву. С 20 января до конца месяца, то есть примерно в течение десяти дней, будут проходить переговоры и будут подписываться разного рода договоры и соглашения. В начале февраля мы с Чжоу Энлаем возвратимся на родину». [301]

Молотов и Микоян приняли подсчеты Мао Цзэдуна. Затем они все вместе обсудили программу дальнейшего пребывания Мао Цзэдуна в СССР, которая предусматривала посещение Мавзолея Ленина, поездку в Ленинград, в город Горький, различные экскурсии. После этого Молотов и Микоян отправились докладывать о результатах беседы Сталину.

В высказываниях Мао Цзэдуна в ходе этой беседы был важный пункт, который либо не захотели заметить, либо не заметили и не поняли Молотов и Микоян. Неизвестно, существует ли запись беседы с Мао Цзэдуном, сделанная Молотовым и Микояном. Поэтому ответить на этот вопрос трудно.

Что же касается позиции Мао Цзэдуна, то думается, что он далеко не случайно подчеркнул тезис о том, что считает необходимым пересмотреть все те договоры, которые были подписаны Китаем с империалистическими государствами. Учитывая то, что к тому времени, когда Мао Цзэдун делал эти высказывания, все договоры (не носившие характер документов о территориальном размежевании и о границах), считавшиеся (и в Китае, и на Западе) неравноправными, были уже отменены, аннулированы и заменены новыми, нужно сказать, что, следовательно, Мао Цзэдун имел в виду существовавшие между Китаем и другими странами и подписанные обеими сторонами в прошлом договоры о границе, в том числе и о территориальном размежевании и о границе с Россией. Мао Цзэдуну такая постановка вопроса давала возможность в дальнейшем говорить, что он ставил территориальный вопрос и вопрос о границе перед Сталиным или его представителями, причем ставил его как условие подписания нового двустороннего договора о дружбе и союзе. Таким образом, Мао Цзэдун подтвердил позицию китайской стороны и на переговорах 1924 года, и при Чан Кайши. Более того, тем самым он, говоря о том, что новый договор должен будет заменить прежний договор, то есть договор 1945 года,

фактически ставил вопрос и о пересмотре принятого в 1945 году решения в отношении Монголии.

Молотов и Микоян предпочли не касаться всех этих вопросов. Они доложили о предложениях Мао Цзэдуна Сталину. Возможно, они даже не упомянули о тех тонкостях, которые содержала позиция Мао Цзэдуна и о которых речь шла выше. Сталин также не стал (нельзя исключать и того, что это было сделано намеренно) реагировать на эти высказывания Мао Цзэдуна.

На практике получилось следующее. Мао Цзэдун как бы зарезервировал свою позицию, позицию, которая дублировала тезисы китайской стороны, повторявшиеся на протяжении всей первой половины XX века. Фактически Сталин и Мао Цзэдун предпочли, учитывая реальную ситуацию и насущные интересы обеих наций, да и свои собственные интересы, сосредоточиться на подготовке нового договора о союзе и дружбе (не затрагивавшего позиций сторон по вопросу о принадлежности территорий и о границах), соответствующих частных соглашений, оставляя как бы на будущее сложные вопросы двусторонних отношений, касавшиеся территориального размежевания (в том числе и вопроса о статусе Монголии) и границ.

Сталин выслушал доклад Молотова и Микояна и был, очевидно, удовлетворен, так как позиция Мао Цзэдуна давала наконец возможность перейти к конкретной подготовке соответствующих документов, особенно договора о союзе и дружбе. Он решил, что он сумел вынудить Мао Цзэдуна пойти на подписание договора и других документов и что теперь есть все условия для того, чтобы ему лично посетить Мао Цзэдуна, имея своей целью закрепление достигнутого успеха и снятие недоразумений, углубление взаимного понимания, дружбы и доверия.

Через несколько дней, в начале января 1950 года, как-то вечером Сталин, а также Маленков, Молотов, Берия, Микоян и другие советские руководители приехали из Москвы на дачу навестить находившегося там вождя КПК и КНР Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун вышел им навстречу в гостиную, обменялся приветствиями и рукопожатиями со Сталиным и другими советскими руководителями, сопроводил их в столовую, и начался банкет.

Сталин любил ночные застолья. У Мао Цзэдуна также были весьма своеобразные привычки; он предпочитал работать по

ночам. Таким образом, это была их ночная беседа, беседа двух сов.

Сталин и Мао Цзэдун сидели в торце стола, а между ними находился переводчик. Советские руководители разместились по одну сторону стола, а китайские деятели по другую его сторону, рядом с Мао Цзэдуном.

Стол, естественно, ломился от угощений. На нем стояли бутылки с коньяком, водкой, грузинскими винами, минеральной водой.

Сначала Молотов от имени Сталина предложил выпить за здоровье Мао Цзэдуна.

Выпили, и воцарилась атмосфера взаимного расположения.

Сталин прежде всего поинтересовался здоровьем Мао Цзэдуна: в Москве холодно, привык ли Мао Цзэдун. Он выразил также пожелание, чтобы Мао Цзэдун хорошенько отдыхал и берег свое драгоценное здоровье.

Сталин сказал: «Все мы — люди Востока, понимаем друг друга. На протяжении более ста лет Китай обижали иностранные государства, его эксплуатировали и угнетали империалисты. Китай — великая страна; она оказывает очень большое влияние на весь мир. Китайцы — люди трудолюбивые, смелые, мудрые. Они обладают древней культурой. Компартия Китая — это зрелая партия, в которой много опытных работников. Особенно следует сказать о таком великом вожде, как Мао Цзэдун. Это он, руководя революцией, одержал победу. Эта победа истине далась нелегко! Теперь вам нужно оберегать интересы своего государства, своей страны, оберегать интересы своей нации, а также надо оберегать своего вождя. Беречь дружбу между народами».

Мао Цзэдун выразил благодарность Сталину и ЦК ВКП(б), правительству СССР за помощь, поддержку и понимание. Он также предложил, исходя из нынешней международной ситуации, подписать новый договор между КНР и СССР о дружбе и союзе; можно также заключить соглашения о кредите, о торговле, о воздушном сообщении и т. д. Сталин сказал: «В прошлом мы высказывали некоторые такие соображения критического характера относительно революции в Китае, которые не следовало делать. В этой связи мы чувствуем угрызения совести». «В настоящее время будет очень хорошо заключить новый советско-китайский до-

говор о дружбе и союзе. Причем есть конкретное предложение: под этим договором поставить свои подписи мне и господину Мао Цзэдуну».

Мао Цзэдун сказал со своей обычной улыбкой: «Вы — председатель Совета Министров, я же не являюсь премьером. У нас разный калибр. Если уж надо подписывать документ, то мне надо будет позвать своего премьера». [302]

Сталин согласился с этим. Он сказал, что Чжоу Энлай — выдающийся политический деятель и дипломат; он очень талантлив. Очень хорошо будет пригласить его, чтобы вместе и посоветоваться. Все остальные советские руководители согласились пригласить премьера Чжоу Энлая для проведения конкретных переговоров. (В то же время Сталин, как бы с трудом и после продолжительной борьбы, согласившись с приездом в Москву для выработки и подписания договора именно главы правительства, премьера ГАС КНР Чжоу Энлая, очевидно, имел в виду впоследствии сделать еще один шаг: не выступать в роли партнера Чжоу Энлая и не подписывать договор на уровне председателей правительств или глав правительств, а предложить подписать договор министрам иностранных дел, а в этом случае партнером Чжоу Энлая становился А. Я. Вышинский, занимавший в государственной и партийной иерархии пост, далеко не равнозначный постам Чжоу Энлая. Сам же Сталин не только сохранял равное положение с Мао Цзэдуном, но и в каком-то смысле ставил Чжоу Энлая (а опосредованно и Мао Цзэдуна) в приниженное положение, вынуждая его подписывать договор не с главой правительства, а с министром иностранных дел СССР.)

Очевидно, что Сталин очень хотел добиться своей главной цели, то есть заставить Мао Цзэдуна подписать договор между двумя государствами о союзе и дружбе. При этом Сталин предпочел бы подписать такой документ вместе с Мао Цзэдуном. Сталин желал как можно прочнее объединить две нации. Мао Цзэдун предпочитал не объединять их так прочно, как того хотел Сталин. Мао Цзэдун полагал, что пока Россия (СССР) еще не равня Китаю (КНР). За Россией (СССР) он видел долг, имея в виду территориальные претензии прежде всего. Мао Цзэдуну важно было сохранять тезис о вечной вине России перед Китаем.

Мао Цзэдун отказался поставить свою подпись под этим документом. В то же время он был вынужден пойти на заключение такого договора.

Формулировка, в которую Мао Цзэдун облек свой отказ поставить подпись под договором наряду со Сталиным, была формально безукоризненной, но, по существу, оскорбительной для Сталина и советской стороны. Прежде всего, вообще отказ от предложения Сталина выступить на мировой арене на одном уровне с ним сам по себе выглядел как неприличное действие. Во-вторых, Мао Цзэдун поставил вопрос таким образом, что он поручает подписать договор как бы своему «меньшому брату», своему подчиненному чиновнику; тем самым, кстати сказать, прозрачно намекая на то, что этот договор не является, с его точки зрения, документом первостепенной важности, документом о вечной и нерушимой дружбе, а лишь временным вынужденным договорным актом, который не может стать вечным и главнейшим до тех пор, пока Россия не признает свою «историческую вину» перед Китаем и не возвратит Китаю якобы принадлежащие ему территории, по крайней мере полтора миллиона квадратных километров. Это тоже было выражение шовинистической натуры и высокомерия со стороны Мао Цзэдуна. В-третьих, Мао Цзэдун, по сути дела, сказал, что полагает Сталина ровней только Чжоу Эньлаю, который у него, Мао Цзэдуна, является только распорядителем делами правительства. Мао Цзэдун позволил себе сказать, что он и Сталин — деятели разного калибра, имея в виду, конечно же, не только чисто формальные моменты, которые действительно существовали, но и то, что его собственный политический вес в истории тяжелее, чем вес Сталина, что он, Мао Цзэдун, орудие более крупного калибра, чем Сталин. А ведь, по сути дела, и Сталин, и Мао Цзэдун занимали равное положение в своих странах, для своих народов, будучи их вождями. С чисто формальной точки зрения, и мы об этом уже упоминали, Сталин был главой исполнительной власти, то есть председателем Совета министров СССР. Мао Цзэдун был главой законодательной власти, то есть председателем Центрального народного правительства. При желании, если бы Мао Цзэдун захотел принять предложение Сталина, он, очевидно, мог бы настоять на таком изменении или толковании соответствующих юридических актов в КНР, что это дало бы ему возможность предстать перед народами Китая и России (КНР и СССР), перед всем миром

в качестве мирового лидера, который по своему калибру равен Сталину и который подписал международный договор, имевший шанс получить известность в качестве «пакта Сталина — Мао Цзэдуна». Мао Цзэдун не хотел всего этого.

Одним словом, Сталин имел основания быть недовольным позицией Мао Цзэдуна по этому вопросу и его отношением к предложению вместе поставить подписи под двусторонним договором о союзе и дружбе.

Однако Сталин и в данном случае пошел на компромисс, поступился этими все-таки формальными и второстепенными моментами ради того, чтобы сделать главное, то есть добиться появления договора, связывающего СССР и КНР отношениями союза и дружбы.

Можно посмотреть на этот вопрос и по-иному. Вряд ли Сталин не знал о том, что Мао Цзэдун по должности — глава законодательной власти в КНР, а потому в его прерогативы не входит подписание международных договоров. Однако перед Сталиным стояла задача сохранить свой престиж и не дать возможности выступать с нападками на его позицию в Китае. Сталин предложил Мао Цзэдуну совместно подписать новый советско-китайский договор, зная, что Мао Цзэдун откажется от этого. Но честь была, как говорится, предложена. Кроме того, такое предложение Сталина свидетельствовало о том, что Сталин выступает за принцип равенства в отношениях. Он подчеркнул тем самым, что полагает Мао Цзэдуна фигурой, равной себе.

Далее, Сталин знал, что Мао Цзэдун предполагает призвать в Москву Чжоу Энляя, в частности, имея в виду, что именно Чжоу Энляй будет от имени КНР подписывать новый советско-китайский договор. Сталин, конечно же, не мог допустить того, чтобы под договором стояли подписи Чжоу Энляя и его самого, то есть Сталина. Это было бы своего рода неравноправие. Мао Цзэдун в этом случае оказывался формально и внешне как бы выше Сталина. Таким образом, Сталин формально предложил Мао Цзэдуну подписать договор вместе с ним. Отказ Мао Цзэдуна развязывал Сталину руки, давал ему предлог и повод не подписывать договор наряду с Чжоу Энляем. Сталин выдвинул на роль полномочного представителя с советской стороны А. Я. Вышинского, в то время министра иностранных дел СССР. Таким образом, и оказалось, что с советской стороны договор подписал государственный деятель

меньшего калибра, чем Чжоу Энълай. В то же время открыто или с полным основанием осуждать СССР за это Мао Цзэдун не имел возможности, ибо Сталин сам первым предложил ему подписать договор вместе с собой.

Так, в результате сложных маневров, сохраняя лицо, обе стороны вышли из трудного положения, создававшегося в связи с формальным вопросом о том, кто подпишет договор. При этом партнеры оказались изобретательны и изворотливы, пожалуй, действительно в равной степени. Они сыграли в данном случае, как говорится, вничью.

Такое впечатление могло создаваться, если знакомиться лишь с версией китайской стороны и находить объяснения фактам, о которых предпочитали писать сторонники Мао Цзэдуна.

При обращении к двустороннему документу оказывалось, что обе стороны формально были совершенно равноправны и сохраняли лицо. Более того, становилось ясно, что Сталину и в данном случае вполне удалось найти взаимоприемлемую формулировку, согласно которой «калибры» Сталина и Мао Цзэдуна уравнивались.

В двустороннем советско-китайском коммюнике о подписании 14 февраля 1950 года договора и соглашений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой было сказано следующее:

«В течение последнего времени в Москве имели место переговоры между Председателем Совета министров СССР И. В. Сталиным и министром иностранных дел СССР А. Я. Вышинским, с одной стороны, и Председателем Центрального народного правительства Китайской Народной Республики г-ном Мао Цзе-дуном и Премьером Государственного административного совета и министром иностранных дел г. Чжоу Энълаем, с другой, во время которых были рассмотрены важные политические и экономические вопросы отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой.

...

... Договор и соглашения были подписаны со стороны СССР А. Я. Вышинским и со стороны Китайской Народной Республики г. Чжоу Энълаем». [303]

Обращает на себя внимание то, что авторы этого документа стремились сделать его сугубо межгосударственным, а не партий-

но-государственным и что Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай в этом коммунике именовали «господами».

Далее в ходе беседы Мао Цзэдун сказал, что империалисты на Западе испытывают крайнее беспокойство в связи с созданием Нового Китая и особенно в связи с установлением китайско-советских дружественных отношений. Они распространяют клевету, клезуничают, бросают камешек в наш огород, занимаются провокациями и сеют раздоры, вбивают клин, провоцируют раскол и вносят разлад, тщетно и сумасбродно пытаются подорвать отношения дружбы между партиями, государствами КНР и СССР. В этом отношении мы непременно должны повышать бдительность, сорвать заговоры империалистов.

Сталин сказал, что Ленин вскрыл и показал закономерности развития последней стадии капитализма, то есть империализма, доказал, что революция пролетариата способна одержать победу в стране, которая представляет собой самое слабое звено империалистического фронта, и может построить в этой стране социализм. Основываясь на ленинизме, мы сорвали империалистическую блокаду, прорвали окружение и разгромили вооруженную агрессию, построили в СССР социализм. Конечно, империализм желал бы разрушить его. В настоящее время создан Новый Китай, силы мирового лагеря социализма намного возросли, дни империализма сочтены. Классовая борьба непременно будет обостряться, становиться все более сложной, враждебные, противостоящие нам силы с неизбежностью будут оказывать все более отчаянное сопротивление, будут вести подрывную работу. Провоцировать раздоры, стараться внести раскол, разложить революционные силы и лагерь социализма — вот те методы, которыми обычно пользуются враждебные силы.

При этих словах Сталин вручил Мао Цзэдуну экземпляр доклада И. В. Ковалева «О некоторых вопросах политики и практики ЦК КПК» и сказал: «Почитайте, возможно, вас это заинтересует». И добавил: «Ковалев — специалист в области железнодорожного транспорта, а не политик. Он полный профан в политике. Но он влез в политику. Почитайте только, что он понаписал?!»

Мао Цзэдун взял доклад, не стал его читать, а тут же передал сидевшему рядом с ним своему переводчику Ши Чжэ. Затем Мао Цзэдун заметил: «Ленинское учение — это развитие марксизма.

В чем же Ленин развил марксизм? Во-первых, в том, что касается мировоззрения, он развил его именно в области материализма и диалектики. Во-вторых, он развил марксизм в области теории революции, тактики революции, особенно в области классовой борьбы, диктатуры пролетариата и в вопросе о партии пролетариата. У Ленина есть также учение о строительстве социализма. Начиная с Октябрьской революции 1917 года революция включает в себя строительство. У Ленина был уже семилетний опыт, чего не было у Маркса. Мы изучаем именно эти основные принципы марксизма-ленинизма».

Сталин подчеркнул, что, по его мнению, Мао Цзэдун глубоко разобрался в основных принципах марксизма-ленинизма и в том, как он гибко на практике увязывает теоретические положения с действительностью, благодаря чему он сумел, руководя революцией в Китае, привести ее к победе. Он выразил надежду на то, что Мао Цзэдун серьезно обобщит опыт революции в Китае, с тем чтобы содействовать развитию международного коммунистического движения.

Далее Сталин и Мао Цзэдун обменивались мнениями о том, как в ходе революции в Китае была одержана победа, анализировали успешный опыт революции. Беседа продолжалась до глубокой ночи. В беседе царило полное единодушие.

2 января 1950 года Мао Цзэдун направил в ЦК КПК телеграмму следующего содержания: «В последние два дня в работе здесь имело место важное движение вперед. Товарищ Сталин уже дал согласие на приезд товарища Чжоу Эньлая в Москву, на заключение нового китайско-советского договора о дружбе и союзе, а также ряда соглашений: о кредите, о торговле, о воздушном сообщении». Мао Цзэдун дал указание Чжоу Эньлаю и его заместителю по Государственному административному совету Ли Фучуню как можно скорее прибыть в Москву.

Ши Чжэ перевел на китайский язык документ под грифом «совершенно секретно», то есть доклад И. В. Ковалева, врученный Мао Цзэдуну Сталиным, и, передавая его Мао Цзэдуну, сказал: «Это, по сути дела, тайный донос с жалобой на нас».

Мао Цзэдун прочитал документ и, улыбнувшись, сказал: «Вот уж действительно провоцирование раздоров! Однако тот факт, что Сталин смог передать нам такого рода документ, чтобы мы с ним ознакомились, показывает, что он хорошо разбирается

в обстановке в целом, правильно ее оценивает и выдвигает на первое место общие интересы, учитывает именно их. Это свидетельствует также о том, что он не только проявляет высокую степень бдительности и что его не так-то легко провести, он не попадает на чью-либо удочку, но и говорит о том, что хотя он и питает в отношении нас некоторые подозрения, но в целом он все же нам доверяет, он все же искренен, он хочет дружить и совместно работать, сотрудничать».

Ши Чжэ считал, что документ, о котором идет речь, был редким по своей ценности докладом. И то, что Сталин в данном случае поступил с такой прямоотой и откровенностью, не только мгновенно сорвало замыслы тех, кто хотел бы посеять вражду, внести разлад, спровоцировать раскол, но и усилило взаимопонимание и доверие, углубило дружбу и желание полагаться друг на друга партий и государств, то есть СССР и КНР. [304]

Важно отметить, что сам факт передачи доклада И. В. Ковалева Сталиным Мао Цзэдуну не имел немедленных последствий. И И. В. Ковалев, и Гао Ган оставались на своих постах еще на протяжении некоторого времени.

Правда, в результате маневров посла СССР в КНР Н. В. Рощина в Пекин прибыла группа товарищей из Москвы, которая проверила деятельность И. В. Ковалева, и в результате он был в 1950 году отозван в СССР.

После смерти Сталина Мао Цзэдун занял такую позицию, в результате которой Гао Ган был раскритикован внутри КПК и ушел из жизни.

И все же дать оценку поступку Сталина не так просто. Сталин сделал весьма необычный шаг. Но этот шаг давал ему возможность не только доказать свое намерение строить отношения с Мао Цзэдуном на основе взаимного доверия (в возможных пределах), но и показывал Мао Цзэдуну, что подлинная позиция Сталина, которую излагал в своем докладе И. В. Ковалев, тоже не была направлена во вред Мао Цзэдуну. Более того, Сталин, передавая этот доклад, шел навстречу пожеланию Мао Цзэдуна полностью прекратить какое бы то ни было вмешательство ВКП(б) во внутренние дела КПК. Сталин также косвенно показывал Мао Цзэдуну, что внутри КПК находились и могут находиться силы, которые ориентируются на Сталина, а потому и Мао Цзэдун должен учитывать это в своих взаимоотношениях

со Сталиным. Иными словами, характеризовать сам факт передачи доклада И. В. Ковалева Сталиным Мао Цзэдуну просто как акт предательства Сталина по отношению к его подчиненным и некоторым китайским деятелям — этого далеко не достаточно. Это был умелый ход в политической игре двух крупных политиков, игре, в результате которой в чем-то выигрывали, а в чем-то проигрывали не только отдельные лидеры и деятели, но целые страны и народы.

После того как Сталин передал Мао Цзэдуну доклад И. В. Ковалева, Мао Цзэдун, проявляя уважение к Сталину и к его трудам и мнению, сказал Ши Чжэ: «Сталин высказывал немало верных соображений, которые в свое время сыграли важную роль. Вот, например, в июле 1928 года, когда в Москве проходил VI съезд Компартии Китая, некоторые товарищи из руководства нашей партии не имели ясного представления о характере, задачах, движущих силах революции в Китае и споры по этим вопросам не утихали. Сталин указал на то, что в то время китайское общество по своему характеру по-прежнему было обществом полукOLONиальным, полуфеодальным. Он заявил, что “по своему характеру китайская революция на современном этапе своего развития является буржуазно-демократической революцией”. Политическая ситуация в то время представляла собой период между двумя подъемами революции, а потому генеральная задача партии состояла не в том, чтобы осуществлять наступление, а в том, чтобы завоевывать на свою сторону массы, готовить восстание. Вот все эти установки и сыграли важную роль в деле руководства революцией в Китае в то время». [305]

2 января 1950 года Мао Цзэдун ответил на вопросы корреспондента ТАСС.

Вопрос: Какова в настоящее время ситуация в Китае?

Ответ: Военные операции развиваются в Китае благоприятно. В настоящее время Коммунистическая партия Китая и Центральное народное правительство Китайской Народной Республики осуществляют поворот к мирному экономическому строительству.

Вопрос: Господин Мао Цзэдун, как долго вы рассчитываете пробыть в Советском Союзе?

Ответ: Я предполагаю, что несколько недель. Продолжительность моего пребывания в СССР частично определяется време-

нем, которое необходимо для решения ряда вопросов, затрагивающих интересы Китайской Народной Республики.

Вопрос: Не могли бы вы сказать, какие именно вопросы вы имеете в виду?

Ответ: Среди этих вопросов прежде всего вопросы относительно китайско-советского договора о дружбе и союзе, о предоставлении Советским Союзом кредита Китайской Народной Республике, о торговле между нашими двумя странами и о торговом соглашении, а также другие вопросы. [306]

Мао Цзэдун исходил из того, что в то время и КНР, и СССР были заинтересованы прежде всего в налаживании дружественных отношений между двумя партиями, двумя государствами.

На этом пути существовали многочисленные трудности.

С точки зрения Мао Цзэдуна, следовало учитывать то обстоятельство, что Сталин с подозрительностью относился к Мао Цзэдуну и к КПК; необходимо было, конечно же, принимать во внимание все то, что было связано с появлением секретного доклада И. В. Ковалева Сталину; Мао Цзэдун также считал нужным реагировать на высказывания западной печати относительно того, что «Сталин держит Мао Цзэдуна под домашним арестом в Москве».

Мао Цзэдун стремился, в определенной степени и при известных условиях, снимать эти трудные вопросы.

При этом он исходил из того, что противоречия, возникавшие и существовавшие между ним и Сталиным, порождены не только тем фактом, что ВКП(б) и КПК по-разному понимали целый ряд вопросов, не только тем, что играли свою роль действия целого ряда стран Запада, прилагавших большие усилия, чтобы добиться раскола между СССР и КНР; здесь играли роль и подозрения Сталина относительно Мао Цзэдуна и КПК. Мало того, с точки зрения Мао Цзэдуна, если копнуть глубже, то на характере советско-китайских отношений в то время, на характере отношений между Сталиным и Мао Цзэдуном отражалось и существование неравноправных, с точки зрения Мао Цзэдуна, договоров, оставленных тем, что Мао Цзэдун воспринимал и именовал как агрессию царской России против Китая; иначе говоря, речь шла о территориальных претензиях Китая к России и о границе между двумя странами. Мао Цзэдун также полагал, что существуют известные противоречия между великодержавным шовинизмом, в

котором он обвинял Сталина, его партию, его государство, да, собственно говоря, и Россию как нацию, и тем, что он именовал Новым Китаем. Здесь он имел в виду свое государство или свою партию-государство, которые должны были, с его точки зрения, повести бескомпромиссную в историческом плане борьбу против всех упомянутых отрицательных сторон в поведении, высказываниях и позиции России как нации, а Сталина как высшего руководителя этой нации в то время.

Мао Цзэдун желал дать понять Сталину, что речь шла не о беседах, переговорах и соглашениях между фактически неравными друг другу партнерами и даже не о соглашениях между братскими и дружественными партиями и государствами, а о нахождении компромисса в таких областях, где стороны еще не высказали одна другой все свои претензии, еще не пришли к каким-то устраивающим, во всяком случае китайскую сторону и Мао Цзэдуна, решениям и не поняли, что исторические претензии у Китая и Мао Цзэдуна не только существуют, но в принципе и в перспективе являются определяющими для характера отношений двух наций.

Отношения и ситуация сложились таким образом, что обе стороны в сложившейся для них на мировой арене обстановке были заинтересованы в том, чтобы пойти на демонстрацию перед всем миром своей дружбы и даже союза, но это вовсе не означало, что нет проблем, которые ждут решения и до решения которых искренние добрососедские отношения, по сути дела, невозможны.

Таким образом, перед Мао Цзэдуном стояла задача довести до сведения Сталина всю остроту и сложность ситуации, добиться от него уважения интересов Мао Цзэдуна, его нации, партии, государства.

Мао Цзэдун всю первую часть своего пребывания в СССР посвятил решению именно этой задачи. Он не желал выглядеть марионеткой в руках Сталина, да он и не был ею; он не желал также делать вид, что в двусторонних отношениях все хорошо, что Сталин, его партия-государство — это не только лидер и вождь всего лагеря социализма, но и правая сторона, сторона, у которой в принципе и в главном нет недостатков, в руках которой и высшая истина, и высшая власть, и главные материальные (в том числе и военные) силы.

По всем этим причинам Мао Цзэдун с первых же слов при общении со Сталиным заявил, что ему много лет не давали высказаться, а ему есть что сказать, и что он пока еще не высказал все свои обиды и претензии.

Далее, он довел до Сталина свою позицию в следующих словах: «Вы что же думаете, что я, Мао Цзэдун, приехал в Москву только для того, чтобы принести свои поздравления Сталину в связи с его юбилеем?» Здесь содержался намек на то, что еще неизвестно, кто и кого должен был бы поздравлять, кто и к кому должен был бы приехать, какое событие является более важным, а также кто перед кем должен извиняться за прежнее неверное поведение и действия. Мао Цзэдун особенно тем самым подчеркивал, что он приехал вовсе даже, по сути дела, и не за тем, чтобы приносить свои поздравления Сталину. Мао Цзэдун давал понять, что он ждет от Сталина признания вины за прошлые грехи, признания значения победы Мао Цзэдуна в Китае, материального содействия строительству в Китае, причем содействия, которое является по крайней мере равным, если вообще не должно восприниматься как выплата старых долгов Китаю.

Мао Цзэдун полагал, что он заставил Сталина не только неоднократно звонить ему, иностранцу, который занял и сам дом Сталина под Москвой, и не получать, по сути дела, ответа на вопросы, которые интересовали Сталина прежде всего, а затем узнать о грубых высказываниях Мао Цзэдуна и предпринять ряд шагов, которые Мао Цзэдун воспринимал как должное. Сталин был вынужден приехать к Мао Цзэдуну и стать его гостем. Сталин должен был неоднократно признавать, что в прошлом был не прав. Сталин был вынужден говорить, что он испытывает угрызения совести в связи с тем, что он виноват перед Мао Цзэдуном и неверно себя вел в том, что касается китайских или внутрикитайских дел. Наконец, Сталин был вынужден пойти на беспрецедентный шаг.

Стремясь искупить свою прежнюю вину, то есть покаяться, что он был не прав, высказывая подозрения в отношении Мао Цзэдуна, он не только фактически отмежевался от Ван Мина, от тех людей, которые стояли на его стороне в его разногласиях с Мао Цзэдуном в прошлом в Китае, в КПК, но и передал в руки Мао Цзэдуна Гао Гана как представителя тех сил внутри КПК, которые уже после создания КНР старались быть вместе со Ста-

линым и против Мао Цзэдуна. Сталин предал и своих приверженцев в Китае, и своего же собственного представителя при Мао Цзэдуне, то есть И. В. Ковалева.

Такое предательство, двойное предательство, было тем самым шагом Сталина, который и позволил Мао Цзэдуну несколько удовлетвориться и согласиться на подписание договора о дружбе и союзе между КНР и СССР. Так начала вырисовываться перспектива формирования того плода, который, по Мао Цзэдуну, должен был быть и привлекательно, солидно выглядеть, и быть по вкусу Мао Цзэдуну, если говорить о конкретных договоренностях по развитию двусторонних межгосударственных отношений.

Примечательно, что в запасе у Мао Цзэдуна, очевидно на тот случай, если бы Мао Цзэдуна продолжала не удовлетворять позиция Сталина, были и еще некоторые приемы воздействия на партнера.

Именно на рубеже 1949 и 1950 годов сторонники Мао Цзэдуна внутри КПК предлагали ему побеседовать со Сталиным по вопросу о великодержавном шовинизме Советского Союза.

В ответ Мао Цзэдун отрицательно покачал головой. С его точки зрения, так поступать было нехорошо. Ведь речь шла о вопросе, который касался, прежде всего, не Мао Цзэдуна, а СССР, самого Сталина; вот пусть, считал тогда Мао Цзэдун, он сам и разбирается в этом вопросе. А нам не следует слишком распускать свои руки, слишком далеко протягивать их. Тем более не следует из-за того, что мы победили, так зазнаваться и преисполняться таким высокомерием. Да, признавал и утверждал Мао Цзэдун, Сталин допустил ошибки в вопросе о подходе к революции в Китае, но ведь он признал свои ошибки. И не только на сей раз, когда он заговорил об «угрызениях совести». Он говорил об этом и в беседе с Лю Шаоци летом 1949 года. (Значит, Мао Цзэдун сознательно заставлял Сталина каяться в ошибках много раз.) Ведь тогда, в беседе с Лю Шаоци, Сталин говорил следующее: «В силу того, что мы не разобрались в ситуации, мы и предлагали вам (Китаю) плохие решения. Таким образом мы создали трудности в вашей работе. Мы просто помешали вам». Сталин фактически признал, что он ошибался, его слова — это принесение нам извинения. И тут мы не можем действовать по принципу: раз уж мы кого-то ухватили, то следует держать и давить дальше. Тем более мы не

можем исходить из тезиса: «Мы способны побеждать и обойдемся без помощи из-за рубежа».

Мао Цзэдун подчеркивал: «В эпоху империализма в любом государстве подлинная народная революция, если у нее не будет помощи в различных формах со стороны международных революционных сил, не сумеет сама одержать победу». «Прошу всех поразмыслить над следующим: если бы не было Советского Союза, если бы он, скажем, вообще не существовал, если бы не было победы во второй мировой войне, в войне против фашизма, если бы не появились все эти государства демократии народа (народной демократии), если бы не поднялись как раз в настоящее время на борьбу угнетенные народы Востока, если бы не было борьбы между народными массами и угнетателями внутри капиталистических стран, то есть в США, Англии, Франции, Германии, Италии, Японии и т. д., если бы не было всего этого в совокупности, тогда международные реакционные силы, которые давят на нас, усилили бы свое давление даже не знаю во сколько раз; спрашивается, смогли бы мы победить в этой ситуации? Очевидно, что не смогли бы. А если бы даже победили и хотели бы закрепить нашу победу, это бы нам тогда не удалось, это оказалось бы невозможным». [307]

Если попытаться перевести эти рассуждения Мао Цзэдуна на более простой и ясный язык, то окажется, что Мао Цзэдун, с одной стороны, солидаризировался с теми силами внутри КПК и КНР, внутри Китая, которые обвиняли Сталина, СССР, Россию в великодержавном шовинизме, и, с другой стороны, выступал за то, чтобы, оставив эту позицию в запасе, пока выжать все возможные выгоды из открывавшихся перспектив сотрудничества с СССР, то есть доить СССР, пока это будет возможно на практике, отложив выяснение отношений с ним и предъявление ему претензий на будущее, когда Китай будет достаточно силен, чтобы требовать удовлетворения этих претензий.

15 января 1950 года, почти месяц спустя после своего прибытия в Москву, Мао Цзэдун приехал на поезде в Ленинград.

Планировалось с вокзала направиться в Смольный и отдохнуть. Мао Цзэдун заявил, что он полон воодушевления и хотел бы сразу побывать на Балтийском море. Прямо с железнодорожного вокзала, уважая желание гостя, машины понеслись на берег Финского залива.

День был морозный. Снег покрывал все вокруг, не было видно даже границы между сушей и льдом в заливе.

Мао Цзэдун более часа ездил на машине по льду залива. Когда вдаль показался Кронштадт, Мао Цзэдун вышел из машины и сказал, глядя на снег и лед: «Революция делает природу еще более величественной! Смотрите, ведь тут все вокруг на тысячи ли сковано льдом!»

Сопровождавшие пояснили Мао Цзэдуну, что толщина льда в том месте Финского залива, где они стояли, достигает 1–1,5 метра.

Глядя вдаль на залив, Мао Цзэдун прочувствованно сказал: «У меня есть желание. Я хотел бы от Хайшэньвэя (так Мао Цзэдун именовал Владивосток, который Ленин называл “городом нашенским”. — Ю. Г.), то есть от западного берега Тихого океана, добраться до Балтийского моря, то есть до восточного берега Атлантического океана, а затем от берега Черного моря добраться до Северного полярного круга. Ведь только тогда я смог бы сказать, что прошел СССР вдоль и поперек, то есть побывал там везде: на Востоке, на Западе, на Юге, на Севере».

В Ленинграде Мао Цзэдун посетил Кировский механический завод, побывал в музейных залах Зимнего дворца, а также в бывших царских покоях: опочивальне, кабинете, гостиной, библиотеке. Сопровождавшие сказали ему, что в Зимнем дворце есть и Китайский зал, но ознакомиться с ним нельзя, так как там идут ремонтные работы.

Мао Цзэдун всегда считал необходимым подчеркивать свои чрезвычайно сильные чувства протеста против антикитайской деятельности империалистов, в том числе если не прежде всего России. Поэтому, услышав такие разъяснения, он тут же сказал находившемуся рядом с ним Ши Чжэ: «На самом-то деле им просто неудобно открывать этот зал; им стыдно показывать его нам! Ведь подумать только, сколько же награбила в Китае царская Россия!»

Мао Цзэдун специально совершил экскурсию на крейсер «Аврора», во время которой с восхищением подчеркнул, что именно с него был произведен выстрел по Зимнему дворцу во время Октябрьской революции.

Он осмотрел также памятные места обороны Ленинграда во время Великой Отечественной войны.

Вечером Мао Цзэдун смотрел в Кировском театре оперы и балета балет «Баядерка» с Лебедевой в главной роли. Спектакль был ярким, и по его окончании Мао Цзэдун послал Ван Цзясяна и Чэнь Бода на сцену преподнести Лебедевой цветы от имени его делегации. Лебедева начала аплодировать Мао Цзэдуну, за ней последовал зал.

Впоследствии Мао Цзэдун говорил: «Октябрьская революция 1917 года, народ Советского Союза под руководством Ленина и Сталина сверг царя и реакционное господство буржуазии, создал СССР — государство диктатуры пролетариата. Через 32 года народ Китая под руководством Коммунистической партии Китая сбросил с себя три огромных горы (имелись в виду империализм, феодализм и бюрократическая буржуазия. — Ю. Г.), которые давили на него и представителем которых был Чан Кайши, создал Новый Китай — государство диктатуры демократии народа. Возникает, однако, вопрос о том, как Сталин относился к Чан Кайши?» [308]

В связи с вышеупомянутым вопросом представляется необходимым отметить и то, как трактовали ответ на этот вопрос в КПК — КНР. В соответствующей литературе утверждалось, например, что в момент окончания Второй мировой войны Сталин связывал будущее Китая с Чан Кайши. При этом он полагал, что все жизненные артерии Китая, как в области политики и экономики, так и в военной сфере, находились в руках Чан Кайши, который при этом пользовался поддержкой и помощью со стороны США. В тот не очень продолжительный, но мирный промежуток в жизни Китая, когда Война сопротивления Японии была окончена, а гражданская война еще не началась, Сталин не считал Мао Цзэдуна лидером тех сил, которые в будущем могли стать правящей партией в континентальном Китае. Он говорил в беседе с представителем правительства США Г. Гопкинсом, что Китай, включая в это понятие и Коммунистическую партию Китая, в настоящее время пока не имеет такого руководителя, который был бы способен взять под свою власть страну в целом; исходя из того, что СССР не хотел бы вести переговоры с Китаем раздробленным, расколотым, Сталин был готов поддержать Чан Кайши и его правительство. В период Ялтинской конференции Сталин дал заверения, гарантии президенту США. Это зафиксировано в совершенно секретном меморандуме президента США Г. Труме-

на: «Во-первых, Сталин будет всемерно содействовать объединению Китая под руководством председателя Цзяна (Чан Кайши). Во-вторых, после окончания войны Китай должен продолжать находиться под руководством председателя Цзяна (Чан Кайши)». [309] В этой связи в КНР также подчеркивали, что, когда в Китае в 1946 году началась гражданская война, Сталин посылал телеграммы Мао Цзэдуну и ЦК КПК, требуя от них не вести эту войну, и утверждал, что такая война «грозит опасностью уничтожения китайской нации». [310]

Вполне очевидно, что политика Сталина в этом вопросе выглядит не только гибкой, но и безупречной с точки зрения обеспечения интересов КПК в сложившейся в то время обстановке; он учитывал в момент окончания Второй мировой войны позицию США и в то же время вел дело к переговорам между Чан Кайши и Мао Цзэдуном, чтобы закрепить позиции Мао Цзэдуна при определенных гарантиях и СССР, и США; одновременно он вынуждал США оказывать давление на Чан Кайши, заставляя его считаться со Сталиным. Что же касается точки зрения сторонников Мао Цзэдуна, то они делали упор на искажении и на измышлении позиции Сталина, отрывались от реалий; при этом на самом деле Мао Цзэдун и его сторонники пользовались всемерной и весьма существенной реальной поддержкой и помощью Москвы как в момент окончания Второй мировой войны, так и в годы гражданской войны в Китае, которую они вели против Чан Кайши.

По возвращении в Москву Мао Цзэдун находился в ожидании приезда Чжоу Эньлая. Чжоу Эньлай позвонил Мао Цзэдуну из Новосибирска, но слышимость была плохой. Пришлось перезвонить уже из Свердловска. Они беседовали более часа. Мао Цзэдун рассказал Чжоу Эньлаю о проделанной им работе, о своих пожеланиях в связи с содержанием договора, который предстояло подписать. Он поинтересовался мнением Чжоу Эньлая. Таким образом, Чжоу Эньлай узнал из первых рук о намерениях Мао Цзэдуна и стал готовиться к тому, чтобы сразу же по прибытии в Москву приступить к работе. [311]

20 января 1950 года премьер ГАС и по совместительству министр КНР Чжоу Эньлай прибыл в Москву. На железнодорожном вокзале ему была устроена торжественная встреча, во время которой он, в частности, заявил: «В данном случае я прибыл в

Москву согласно указанию председателя Центрального народного правительства КНР Мао Цзэдуна для участия в консультациях по вопросу об укреплении государственных связей между двумя великими государствами, КНР и СССР».

В прошлый раз Чжоу Эньлай приезжал в Москву десять лет назад. В июне 1939 года при падении с лошади он сломал руку и приехал из Яньани в СССР на лечение, проведя тогда в Москве более восьми месяцев.

Ныне он приехал уже в качестве руководителя правительства Нового Китая. Вместе с ним прибыли заместитель председателя народного правительства Северо-Восточного Китая Ли Фучунь, министр внешней торговли КНР Е Цзичжуан, заведующий отделом СССР и стран Восточной Европы МИД КНР У Сюцюань и другие.

Сразу же по прибытии Чжоу Эньлай направился к Мао Цзэдуну. Через день Чжоу Эньлай переехал с отдаленной дачи, на которой его разместили, в резиденцию Мао Цзэдуна и поселился над ним на втором этаже. Это облегчило возможность постоянно советоваться с Мао Цзэдуном по ходу переговоров.

Чжоу Эньлай мгновенно занялся делами. С одной стороны, он участвовал в переговорах, которые проходили в Кремле. С другой стороны, он руководил работой Ли Фучуна и других своих коллег, каждый из которых выполнял конкретные поручения. Чжоу Эньлай постоянно держал Мао Цзэдуна в курсе событий.

21 января, когда Чжоу Эньлай находился в Кремле, Мао Цзэдуну позвонил Сталин, осведомившись о его мнении относительно дальнейших переговоров.

Мао Цзэдун в ответ сказал: «У меня нет никакого мнения. Все мнения, какие имеются, там, у Чжоу Эньлая. А разве Чжоу Эньлай не ведет переговоры в Кремле?!»

Сталин и без того был чрезвычайно подозрительным человеком, а здесь у него и вовсе возникла уйма вопросов. Он пригласил в свой кремлевский кабинет Ши Чжэ и попросил снова передать его слова Мао Цзэдуну, стремясь понять мысль и пожелания Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун ответил, что он всего-навсего хотел, чтобы в переговоры вступил Чжоу Эньлай и у него нет никаких иных мнений или соображений.

Ши Чжэ перевел Сталину слова Мао Цзэдуна.

Сталин громко рассмеялся. Да, действительно, руководитель Китая хорошо знает своих людей, умеет их использовать. Сталин глубже понял характер Мао Цзэдуна, его стиль поведения.

По сути дела, Мао Цзэдун попытался после прибытия Чжоу Эньлая в Москву уйти от участия в переговорах относительно договора между СССР и КНР. Однако Сталин сумел настоять на том, чтобы эти переговоры вели лично он и Мао Цзэдун в присутствии своих коллег по руководству государствами и партиями.

В соответствии с договоренностью между Сталиным и Мао Цзэдуном 22 января 1950 года состоялась беседа Сталина с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем. При этом присутствовали советские руководители, в частности Молотов, Вышинский; с китайской стороны были Ли Фучунь, Ван Цзясян. В качестве переводчика выступал Ши Чжэ.

Перед началом беседы Молотов, согласно заведенному обычаю, предложил тост за здоровье Мао Цзэдуна, за здоровье Чжоу Эньлая, за здоровье всех присутствовавших.

После этого Сталин нарушил традицию. Он сам поднял рюмку и предложил выпить за Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, приветствовал их приезд в Москву, выразил надежду на то, что все будут, объединяя свои усилия, укреплять советско-китайскую дружбу; предложил выпить за советско-китайскую дружбу!

После того как Сталин выпил уже два бокала своего специально для него приготовленного вина, он пришел в прекрасное расположение духа и заговорил о том, что ранее ему не приходилось встречаться с Мао Цзэдуном. Но встретились они как старые знакомые и их беседы проходят замечательно. Сталин также сказал, что он с большим интересом относится к вопросам революции в Китае. В настоящее время революция в Китае победила. Это еще одна великая победа вслед за победой Октябрьской революции в России. Это великая победа пролетариата в стране, население которой составляет четверть всего населения Земли. Это великая победа марксизма-ленинизма на Востоке. Эта победа изменила расстановку сил в мире, склонила чашу весов в пользу революционных сил. Эту победу не только следует приветствовать, но тут имеется огромный ценный опыт, который нужно обобщать, который заслуживает изучения. «Не могли бы вы, господин Мао Цзэдун, — сказал Сталин, — поподробнее рассказать нам об этом?»

Мао Цзэдун зажег сигарету, глубоко затянулся и начал рассказывать. Он полагает, что Сталин был прав. Победа революции в Китае действительно великая победа марксизма-ленинизма на Востоке, еще одна великая победа мирового пролетариата, которая последовала за Октябрьской революцией в России. Он сказал, что в прошлом ему уже доводилось отмечать, что залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. Это образное обобщение характеризует начало революции. В реальной действительности очень и очень нелегко соединить общие истины марксизма-ленинизма и конкретную практику революции в Китае. Революция в Китае прошла через длительный и сложный извилистый процесс поисков. В Китае существует своя реальная ситуация. Кое-кто в прошлом не принимал во внимание реалии Китая, делал все в соответствии с советской моделью, а в результате дело довели почти до того, что революция в Китае зашла в тупик. Вот поэтому если говорить об опыте революции в Китае, то его можно, обобщая, свести к одному положению, а именно: необходимо в обязательном порядке настаивать на том, чтобы общие истины марксизма-ленинизма соединялись с конкретной практикой Китая, осуществлять руководство со стороны политической партии пролетариата (в буквальном переводе: класса, у которого нет имущества. — Ю. Г.), строить демократическую диктатуру народа, в которой руководящую роль играет пролетариат, а основой или базой которой является союз рабочих и крестьян, опрокинуть три большие горы, которые давят на голову народа Китая, постепенно осуществлять переход к социализму.

Сталин выразил удовлетворение изложением вопроса, сделанным Мао Цзэдуном. Однако намеренно или нет, но, упоминая имя Мао Цзэдуна, он снова назвал его «господин Мао Цзэдун».

И тут Ши Чжэ не сдержался. Переведя слова Сталина он поставил этот вопрос: «Товарищ Сталин, у меня есть вопрос, прошу ваших разъяснений. Можно?»

Сталин не знал, что это за вопрос. Улыбаясь, он кивнул: «Можно, можно, конечно, можно».

Ши Чжэ сказал: «Товарищ Сталин, мы, китайские товарищи, с огромным уважением относимся к Вам и к советским руководителям и всегда называем Вас и советских руководителей “товарищами”. Я, однако, не понимаю, почему Вы называете товарища Мао Цзэдуна господином?»

Сталин опешил. Вопрос был поставлен столь прямо и ясно, что уйти от ответа было невозможно. Причем это было сделано в присутствии Мао Цзэдуна.

Давненько никто Сталину вопросов не задавал!

Сталин посмотрел на Мао Цзэдуна, затем на Ши Чжэ и вдруг рассмеялся. Он сказал: «Верно, товарищ; действительно, товарищ!»

Затем Сталин повернулся к Молотову, Маленкову, Берия и другим руководителям и сказал: «Верно, товарищ, надо называть товарищем. Начиная с этого момента немедленно переходим на обращение товарищ».

Вслед за этим Сталин повернулся к Мао Цзэдуну и, подавая пример, улыбаясь сказал: «Товарищ Мао Цзэдун, давайте продолжим беседу»...

Разговор продолжался в весьма дружелюбной атмосфере.

Это было лишь небольшое вкрапление в беседу. Но этот эпизод показал, что Сталин был способен менять свое мнение. С точки зрения китайцев, близких к Мао Цзэдуну, Сталин в обращение «господин» вкладывал свое недоверие к Мао Цзэдуну, сомнения в том, является ли Мао Цзэдун настоящим марксистом, сомнения в том, не боится ли он рабочих, можно ли его считать настоящим «товарищем». В свое время Сталин пренебрегал живой душой марксизма, то есть принципом конкретного анализа конкретной ситуации, когда именовал Мао Цзэдуна господином. [312]

Представляется весьма примечательным, что Сталин продолжал называть Мао Цзэдуна господином даже после его прибытия в Москву.

Он согласился именовать Мао Цзэдуна товарищем только после того, как Мао Цзэдун дал согласие на разработку советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи.

Очевидно, что обращение «господин», с точки зрения Сталина, показывало внешнему миру, что двусторонние отношения СССР и КНР вписываются в общие рамки мировых межгосударственных отношений.

Для Сталина Чан Кайши и Мао Цзэдун, два руководителя Китая, на протяжении длительного времени оказывались при этом птицами одного полета.

Сталин действительно хотел подчеркнуть, что Мао Цзэдун еще должен своими действиями, а не только на словах доказать, что он может быть назван в Москве «товарищем».

Важно, что этот вопрос был вопросом во время пребывания Мао Цзэдуна в Москве и что этот вопрос был решен только тогда, когда были сделаны и со стороны Мао Цзэдуна реальные шаги в области осуществления двустороннего сотрудничества. Все это показывало, с какими сложностями продвигалось вперед дело развития взаимоотношений Сталина и Мао Цзэдуна. Их встречи и беседы в Москве в 1949–1950 годах не были на этом пути исключением.

СТАЛИН, МАО ЦЗЭДУН И В. М. МОЛОТОВ

В декабре 1949 года Сталин послал Молотова к Мао Цзэдуну, чтобы побольше выведать о Мао Цзэдуне.

Это произошло в те дни, когда Мао Цзэдун (в трактовке авторов из КНР) находился практически без дела на даче Сталина.

Мао Цзэдун вышел в переднюю и приветствовал Молотова, осведомившись о его здоровье.

Молотов отвечал, что он приехал по поручению Сталина навестить Мао Цзэдуна. Он добавил, что в Москве очень холодно, и посоветовал Мао Цзэдуну беречь здоровье и хорошенько отдохнуть.

Мао Цзэдун передал Сталину благодарность за его заботу.

Затем он пригласил Молотова в гостиную, где и состоялся их разговор.

Молотов, проявив дипломатический такт, начал с того, что Мао Цзэдун приехал издалека, не посчитался с трудностями с той целью, чтобы углубить взаимопонимание и дружбу между партиями и государствами, СССР и КНР. Он подчеркнул, что и Сталин, и он сам очень тронуты этим поступком Мао Цзэдуна и весьма признательны ему за это. Если председатель Мао, продолжил Молотов, предполагает приступить к работе, то к нему просьба высказать свои соображения; причем не только он сам будет всемерно содействовать этому, но и товарищ Сталин тоже выразил желание лично взять на себя такого рода работу и приложить к этому свои силы, чтобы углубить таким образом дружбу народов СССР и КНР.

Мао Цзэдун, улыбаясь, ответил, что его принимают замечательно, окружили гостеприимством, проявляют по отношению

к нему дружеские чувства. Он не испытывает никаких трудностей. Что же касается дел, которые надо будет сделать, то в прошлый раз он уже говорил об этом лично со Сталиным; лучше всего было бы дожидаться приезда в Москву товарища Чжоу Энлая и тогда заняться этими делами.

Конечно, Мао Цзэдун понимал, что Сталин через Молотова хотел бы выслушать его мнение о том, какие именно вопросы предлагает обсудить китайская сторона, иначе говоря, Сталин хотел услышать из уст Мао Цзэдуна просьбы относительно помощи и заключения договора, а также примыкающих к нему соглашений. Сталин предпочитал поставить Мао Цзэдуна в положение просителя, в зависимое положение. Мао Цзэдун не мог с этим согласиться. Во всяком случае, по форме он никак не желал допустить такого развития событий. Вот почему Мао Цзэдун не желал давать по этому поводу какие бы то ни было объяснения. Он исходил из того, что у советской стороны имелся опыт, и если уж она собиралась помочь КНР, то она и должна была сама первая выдвинуть свои предложения, что, по мнению Мао Цзэдуна, и могло бы послужить демонстрацией или проявлением, если хотите доказательством, как искренности отношения Сталина к Мао Цзэдуну и Китаю, так и их подлинно дружеских чувств; если же советская сторона не желает выдвигать предложения, не выдвигает их до сих пор и не выдвинет их и в дальнейшем, то это, по мнению Мао Цзэдуна, означало, что у нее нет искренности в отношении к КНР, а в такой ситуации, продолжал размышлять Мао Цзэдун, постановка вопроса нашей, то есть китайской, стороной делу не поможет, никакой пользы не принесет или поможет как мертвому припарки; более того, если дело обернется таким образом, то китайская сторона может очутиться в положении просителя, так сказать нищего, который молит о помощи. Мао Цзэдун не желал попадать в такое им самим в его собственном мозгу сконструированное положение, а потому он оставил без ответа этот вопрос Молотова, пропустил его снова мимо ушей.

Имея в голове все эти соображения, Мао Цзэдун предпочел доводить свои мысли до собеседника в своей обычной манере намеков и окружными путями. Он сказал, что Октябрьская революция (1917 года в России) принесла нам (китайцам) марксизм-ленинизм; вот это и была самая большая помощь Китаю.

В настоящее время революция в Китае одержала победу, и в этой связи есть очень многое в области опыта и уроков, что заслуживает обобщения.

Затем Мао Цзэдун начал рассуждать на тему об истории революции в Китае, о ходе борьбы внутри Компартии Китая.

Молотов слушал Мао Цзэдуна и поначалу даже кивал и время от времени произносил: «Да, да». Однако мало-помалу у него появилось отсутствующее выражение лица. Спустя некоторое время он уже только слушал с бесстрастным выражением лица и не задавал никаких вопросов.

Мао Цзэдун мог этому только удивляться. В его представлении Молотов был главным помощником Сталина в области внешней политики, в иностранных делах. Он занимался конкретными международными вопросами. С точки зрения Мао Цзэдуна, Молотов мало изучал вопросы революции в Китае, поэтому ему недоставало знаний по теории и философии международного коммунистического движения. Мао Цзэдун полагал, что Молотов не мог во всей полноте осознать смысл высказываний Мао Цзэдуна. Очевидно, что перед ним была поставлена иная задача, а именно попытаться получше узнать Мао Цзэдуна.

Действительно, сошлись два политических деятеля, каждый из которых был о себе очень высокого мнения и недооценивал, неверно оценивал собеседника. В глазах Молотова Мао Цзэдун был еще только начинающим марксистом государственным руководителем, в то время как он сам работал еще с Лениным, а затем со Сталиным, будучи вторым лицом в партии и государстве. Сталин поставил перед Молотовым две конкретные задачи: попытаться выяснить, во-первых, каковы запросы китайцев относительно подготовки договора, соглашений, объемов помощи и, во-вторых, что собой представляет Мао Цзэдун как личность, как политик.

Не получив ответа на первый вопрос, Молотов попытался хотя бы что-то узнать по второму вопросу. Молотов долго слушал Мао Цзэдуна, а затем как бы невпопад внезапно спросил: «А вы читали “Капитал” Маркса?» Мао Цзэдун откровенно сказал: «Нет, не читал». На лице Молотова выразилось изумление. [313] Очевидно, он не понял, что не все слова Мао Цзэдуна следует понимать буквально.

Впоследствии Молотов, вспоминая об этой беседе и отвечая на вопрос о том, как ему показался Мао Цзэдун, говорил: «Чаем поил. И разговаривал насчет того, что вот надо бы встретиться со Сталиным, когда удобнее... Сталин его не принимал несколько дней и попросил меня: “Поезжай к нему, посмотри, что за тип”. Жил он на даче Сталина, на Ближней.

Я поговорил с ним и сказал Сталину, что его стоит принять. Человек он умный, крестьянский вождь, такой китайский Пугачев. Конечно, до марксиста далековато — он мне признался, что “Капитал” Маркса не читал». [314]

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ ДОГОВОР О ДРУЖБЕ, СОЮЗЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ (1950)

У Сталина и Мао Цзэдуна имелись различные представления о том, каким был процесс согласования вопроса о советско-китайском договоре.

Сталин по прибытии Мао Цзэдуна в Москву предпочел предоставить ему инициативу, побудить его первым выдвинуть предложение о подписании договора и других документов по частным вопросам межгосударственных отношений. Конечно, Сталин исходил из того, что с появлением в континентальном Китае нового государства возникла необходимость установления и закрепления, в том числе и в форме межгосударственных договоров и соглашений, прочных добрососедских связей между Москвой и Пекином. Сталин последовательно, на протяжении всей второй четверти XX века, проводил курс на то, чтобы формально и официально наши две нации были связаны юридическими документами, которые, прежде всего, давали хотя бы видимость гарантии взаимного ненападения и, с другой стороны, предостерегали общих военных противников наших двух наций от нанесения удара по любому из двух партнеров без риска встретить объединенное сопротивление обоих союзных государств.

Другое дело, что в тактических целях Сталин в первых же беседах с Мао Цзэдуну сам не выступил в качестве инициатора заключения такого договора. Он не желал оказаться в роли просителя, полагая, что Мао Цзэдун должен признать свою определенную зависимость от него, Сталина, да и признавать Сталина и его государство в качестве главной силы на международной арене, бла-

годаря позиции и помощи которой Мао Цзэдун, его партия смогли одержать победу во внутривластительской и вооруженной борьбе в Китае.

Когда же Мао Цзэдун показал, что прямо ставить вопрос о договоре он тоже не желает, то есть не хочет оказываться в личной беседе со Сталиным в роли просителя, Сталин на протяжении некоторого времени предпринимал усилия с тем, чтобы вынудить Мао Цзэдуна признать свое место относительно его, Сталина.

Мао Цзэдун прозрачно намекнул, что он предпочел бы на высшем уровне не начинать прямых переговоров о договоре. Сталин, напротив, будучи уверен в себе и в том, что в переговорах лицом к лицу с Мао Цзэдуном он сумеет настоять на решениях, которые представлялись ему необходимыми, добивался именно проведения встречи на высшем уровне для обсуждения всех вопросов, в том числе и для принятия принципиальных решений по вопросу о договоре. Поэтому Сталин, услышав предложение Мао Цзэдуна вызвать в Москву для ведения переговоров Чжоу Энляя, дал резкий ответ, подчеркнув, что в конечном счете все вопросы могут быть решены только при личной встрече Сталина и Мао Цзэдуна.

В результате Сталин вынудил Мао Цзэдуна косвенно через посла КНР в СССР Ван Цзясяна первым поставить вопрос о заключении договора и соответствующих соглашениях.

Советская сторона, то есть Сталин, немедленно дала положительный ответ. Таким образом, Сталин и Мао Цзэдун, конечно же, понимали, что главным итогом поездки Мао Цзэдуна в Москву должен явиться договор об основах отношений между СССР и КНР. Исходя из тактических соображений ни один из них прямо в личной беседе не захотел быть инициатором выдвижения предложения о заключении такого договора.

После обмена прямо и косвенно грубоватыми и нервными репликами Мао Цзэдун был вынужден, очевидно и позицией Сталина, и давлением на него изнутри своей же собственной страны, предпринять инициативные шаги и через посредника предложил подписать договор. Весьма характерно при этом, что Сталин и Мао Цзэдун использовали при этом не межпартийные каналы, а государственные учреждения, то есть Министерство иностранных дел СССР и посла КНР в СССР.

Вслед за этим Сталин согласился на приезд в Москву Чжоу Эньлая для участия в переговорах о договоре.

Правда, при этом он предпринял изощренный маневр, предложив, чтобы он сам и Мао Цзэдун поставили свои подписи под этим договором. Таким образом, Сталин снова показал, что он, во-первых, не только за подписание договора, но за подписание его на высшем уровне и, во-вторых, что так или иначе, но главные решения будут принимать только первые лица.

Мао Цзэдун формально опять-таки ушел от предложения Сталина, передоверив подписание договора с китайской стороны Чжоу Эньлаю. Тем самым Мао Цзэдун, во-первых, как бы отмежевался от прямого участия в составлении и подписании договора и, во-вторых, как бы принизил значение договора, ибо подписи первых руководителей, сами имена Сталина и Мао Цзэдуна, значили, конечно, гораздо больше, чем подписи министров иностранных дел.

Однако, по сути дела, Сталин настоял на проведении ряда личных встреч с Мао Цзэдуном, которые не были абсолютно равнозначны ведению переговоров по тексту договора, но в ходе которых определялись основные принципы, на которых базировались отношения сторон, да и договор.

Таким образом, в целом, с точки зрения Сталина, он решил главную задачу и привел дело к переговорам и подписанию договора, несмотря на ухищрения Мао Цзэдуна. Сталин пошел на ряд уступок Мао Цзэдуну (однако все они носили формальный и частный характер) в ходе продвижения к началу реальных переговоров по вопросу о договоре между СССР и КНР. Сталин полагал, что именно он был той стороной, которая последовательно выступала за закрепление двусторонних отношений и заключение договора.

Иное мнение было у Мао Цзэдуна. Он также полагал, что центральным пунктом в его беседах со Сталиным был вопрос о заключении советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. С точки зрения Мао Цзэдуна, этот документ должен был стать проявлением на практике выдвинутой им формулы: «создать вещь, приятную на вкус и на взгляд». Мао Цзэдун принимал во внимание то, что к его встрече со Сталиным и к этому договору было тогда приковано всеобщее внимание во всем мире.

Однако Мао Цзэдун, толкуя позиции сторон перед началом переговоров о договоре, утверждал, что Сталин сначала не думал о заключении договора, однако после нескольких бесед с Мао Цзэдуном он не только согласился подписать договор, но и предложил, чтобы под ним «поставили свои подписи я и товарищ Мао Цзэдун». Мао Цзэдун не пожелал сам выходить в данном случае на авансцену и настоял на том, чтобы в Москву для ведения переговоров был вызван Чжоу Эньлай; советская сторона согласилась с мнением Мао Цзэдуна.

Уже после смерти Сталина и появления доклада Хрущева о Сталине на XX съезде КПСС Мао Цзэдун в беседе с послом СССР в КНР П. Ф. Юдиным высказал, в частности, свой взгляд на то, как проходили советско-китайские переговоры перед подписанием договора о дружбе, союзе и взаимной помощи 14 февраля 1950 года.

П. Ф. Юдин в записи беседы с Мао Цзэдуном отмечал следующее:

«Недоверие Сталина к КПК, продолжал далее Мао Цзэдун, проявилось и во время посещения Мао Цзэдуном Советского Союза. Одной из главных наших целей поездки в Москву было заключение китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи. Китайский народ спрашивал нас, будет ли подписан договор СССР с Новым Китаем, почему до сих пор продолжает юридически существовать договор с гоминьдановцами и т. д. Вопрос о договоре был чрезвычайно важным для нас моментом, который определял перспективы дальнейшего развития КНР.

На первой же беседе со Сталиным, сказал Мао Цзэдун, я внес предложение заключить договор по государственной линии, но Сталин уклонился от ответа. Во время второй беседы я вновь возвратился к этому вопросу, показав Сталину телеграмму ЦК КПК с подобной же просьбой о договоре. Я предложил для подписания договора вызвать в Москву Чжоу Эньлая, поскольку он является министром иностранных дел. Сталин воспользовался этим предложением в качестве предлога к отказу и сказал, что «так поступать неудобно, поскольку буржуазная печать будет кричать о том, что все китайское правительство находится в Москве». Впоследствии Сталин уклонялся от всяких встреч со мной. С моей стороны была попытка дозвониться к

нему на квартиру, но мне ответили, что Сталина нет дома, и рекомендовали встретиться с Микояном. Меня все это обидело, сказал Мао Цзэдун, и я решил ничего больше не предпринимать и отсиживаться на даче. Затем состоялся неприятный разговор с Ковалевым и Федоренко, которые предложили мне поехать в экскурсию по стране. Я резко отклонил это предложение и ответил, что предпочитаю "отсыпаться на даче".

Спустя некоторое время, продолжал Мао Цзэдун, мне вручили проект моего интервью для печати, который был подписан Сталиным. В этом документе сообщалось, что в Москве идут переговоры о заключении советско-китайского договора. Это уже был значительный шаг вперед. Возможно, что в изменении позиции Сталина, сказал Мао Цзэдун, нам помогли индусы и англичане, которые в январе 1950 г. признали КНР. Вслед за этим начались переговоры, в которых принимали участие Маленков, Молотов, Микоян, Булганин, Каганович, Берия. Во время переговоров по инициативе Сталина предпринималась попытка получить КЧЖД в единоличное владение Советского Союза. Впоследствии, однако, было принято решение о совместной эксплуатации КЧЖД, кроме того КНР предоставляла СССР военно-морскую базу в Порт-Артуре, в Китае открывались четыре смешанных общества. По инициативе Сталина, сказал Мао Цзэдун, Маньчжурия и Синьцзян практически превращались в сферы влияния СССР». [315]

Представляется, что эти высказывания Мао Цзэдуна были предназначены, прежде всего, для Хрущева, с которым Мао Цзэдун в то время имел дело. Мао Цзэдун рисовал ход событий перед подписанием договора 1950 года таким образом, чтобы получить основания впоследствии поднимать целый ряд проблем в переговорах с Хрущевым. Вместе с тем высказывания Мао Цзэдуна представляли собой смесь действительно имевших место фактов, а также их вольной интерпретации, вплоть до полного искажения того, что тогда происходило в действительности. Во всяком случае, мы считали необходимым привести здесь эти высказывания Мао Цзэдуна с той целью, чтобы дать читателю возможность лучше представить себе Мао Цзэдуна как политического деятеля, с которым приходилось иметь дело Сталину и другим руководителям нашей страны.

Немедленно после того, как Чжоу Энлай прибыл в Москву 20 января 1950 года, стороны начали переговоры. Они проходили в Кремле. Обе стороны старались создавать дружественную обстановку и атмосферу. При первой встрече речь шла об основных принципах и главном содержании договора.

Первым на этом заседании слово взял Мао Цзэдун. Он начал с анализа международной обстановки и заявил, что в новой ситуации отношения дружбы и сотрудничества между двумя государствами, КНР и СССР, должны быть закреплены в форме договора. Далее он указал на то, что японский империализм принес величайшие беды Востоку, Азии и особенно нации Китая. Он также в серьезной степени угрожал безопасности СССР на Востоке. Поэтому содержание договора должно быть направлено на усиление сотрудничества обоих государств в сфере политики, экономики, в военной области, в сфере культуры и внешних сношений. Договор должен предусматривать меры, ставящие заслон на пути как возрождения японского империализма, так и новой агрессии Японии в сговоре с другими странами.

Сталин серьезно слушал Мао Цзэдуна, куря свою трубку. Когда Мао Цзэдун закончил свое выступление, Сталин тут же с ним согласился и конкретно высказался и по ряду вопросов: о договоре о мире и дружбе, о КЧЖД, о Порт-Артуре, о Дальнем, о внешней торговле, о соглашении по внешней торговле, о предоставлении займа, о сотрудничестве в области воздушного сообщения.

Мао Цзэдун предложил объединить в одном соглашении три вопроса: о КЧЖД, о Порт-Артуре и о Дальнем.

Сталин согласился с этим предложением и сказал: «Советско-китайский договор должен быть новым договором. Что же касается Ялтинского соглашения, то его можно не принимать во внимание. При решении вопроса о Порт-Артуре можно было бы избрать одно из двух: либо возвратить его в установленные ограниченные сроки, имея в виду то, что Советский Союз выведет оттуда свои войска после того, как будет заключен мирный договор с Японией; либо можно сейчас вывести войска, однако формально временно не изменять прежний договор».

Мао Цзэдун согласился с первым предложением Сталина, то есть с тем, чтобы советские войска были выведены после подписания мирного договора с Японией.

Далее Сталин отметил, что вопрос о Дальнем — это внутреннее дело Китая и что «Китай может сам решать этот вопрос».

При обсуждении вопроса о КЧЖД китайская сторона, исходя из недостатка у нее опыта хозяйственного управления, а также представляя дело таким образом, что она, готовясь к переговорам, с самого начала не имела в виду изменять такую форму, как совместное хозяйственное управление советской и китайской сторонами этой железной дорогой, поставила вопрос только о сокращении сроков такого управления, а также предложила изменить пропорцию, в которой определялась принадлежность капитала. К моменту переговоров каждая из сторон владела 50 процентами имущества КЧЖД. Китайская сторона предложила, чтобы это соотношение было изменено на 51:49 в пользу китайской стороны. Она также выступила за то, чтобы начальником управления КЧЖД был китаец.

Советская сторона согласилась сократить сроки совместного управления дорогой, но не согласилась на изменение пропорций при распределении капитала. Она настаивала на том, чтобы имущество принадлежало сторонам в равных долях, то есть делилось в пропорции 50:50. Советская сторона также внесла предложение о том, чтобы представители обеих сторон периодически находились на постах начальника и заместителя начальника управления КЧЖД.

Тут Сталин поставил вопрос о том, чтобы гражданам третьих государств не разрешалось проживать на северо-востоке Китая, в Восточном Китае, в Синьцзяне.

Сталин исходил из того, что после Второй мировой войны США проявляли интерес к Китаю. Для Сталина вопрос о проникновении американцев в Северо-Восточный Китай представлялся наиболее болезненным.

В 1945 году во время переговоров Сталина с представителями правительства Китайской Республики Сун Цзывэнем и Цзян Цзинго Сталин уже выдвигал предложение о том, чтобы не допускать американцев в Северо-Восточный Китай, причем выдвинул это в качестве главного условия предоставления помощи правительству Китайской Республики.

При согласовании СССР и КНР договора о дружбе и союзе Сталин снова поставил этот вопрос. Мао Цзэдун твердо настаи-

вал на том, что КПК никогда не была настроена «проамерикански»; она никогда не позволяла американцам появляться на территории Северо-Восточного Китая, поэтому такая постановка вопроса Сталиным была воспринята китайской стороной как бесцеремонная и оскорбительная. У Мао Цзэдуна она вызвала неприязнь. На участников переговоров сразу же повеяло холодом.

Чжоу Энлай поставил контрвопросы: «Что имеется в виду под термином “граждане третьих стран”? В Северо-Восточном Китае проживает очень много корейцев; относятся ли они к категории граждан третьих стран? И тем более я уж и не говорю о монголах».

Сталин не сразу нашел ответ. Он стал раскуривать трубку, но никак не мог зажечь спичку. Трижды она не загоралась у него.

Сидевший рядом с ним Мао Цзэдун улыбнулся. Он зажег спичку, дал Сталину прикурить и лишь затем с юмором сказал: «Товарищ Сталин, Новый Китай и Старый Китай — это совсем разные вещи! Мы давным-давно выгнали американский империализм из Северо-Восточного Китая! А что до тех так называемых “граждан”, которые кормились за счет агрессии против Китая, то о них и говорить нечего; они давно уже сбежали, поэтому нет и никакого вопроса об их проживании там».

Сталин раскурил трубку и, снимая неловкость, улыбнулся: «Я не хотел бы вмешиваться во внутренние дела Китая. Ставя этот вопрос, мы имели в виду воспрепятствовать деятельности людей из империалистических стран, США, Японии, Англии, при их проникновении в Северо-Восточный Китай. В настоящее время китайские товарищи решили этот вопрос, и это, конечно же, хорошо».

Здесь столкнулись мнения Сталина и Мао Цзэдуна. Каждый из партнеров полагал, что он настоял на своем. Мао Цзэдун добился того, что в договорные документы соответствующие положения включены не были. Сталин мог предвидеть это. Ведь то же самое произошло и в 1945 году в результате переговоров с делегацией правительства Китайской Республики в Москве. В то же время для Сталина самым важным было довести до Мао Цзэдуна свою главную мысль. Он никак не мог согласиться с тем, чтобы Мао Цзэдун или любой другой его китайский партнер вступил в какие бы то ни было отношения с США, предус-

матривающие ущемление национальных интересов нашей страны. Сталин высказался достаточно ясно, и Мао Цзэдун понял его позицию. Он должен был уразуметь, что сможет получать выгоды от сотрудничества с СССР только до тех пор, пока не вступит в союзные отношения с США или в такие отношения, которые будут сочтены в Москве угрожающими интересам нашей страны.

Вслед за тем стороны перешли к вопросу о работе в КНР советских специалистов. С точки зрения Сталина, соглашаясь направить в КНР советских специалистов, он тем самым предлагал Мао Цзэдуну такую помощь, которая была бесценна, особенно в условиях того времени, учитывая то, что это были лучшие специалисты в разных областях, которые были в то время необычайно нужны в самом СССР, так как он далеко еще не оправился от ран Великой Отечественной войны.

Мао Цзэдун трактовал вопрос, во всяком случае для себя и для своих сторонников, иначе. Он видел в этом акте прежде всего вынужденное обстоятельствами приглашение в КНР иностранцев в качестве технических экспертов. Мао Цзэдун стремился всячески затушевать или принизить значение того факта, что Китай находился на более низкой ступени развития во многих областях экономики и относительно передовой опыт наших специалистов действительно помогал КНР выходить из отсталости и разрухи. С точки зрения Мао Цзэдуна, это была, прежде всего, временная мера. Кроме того, он полагал, что, вообще говоря, КНР могла бы приглашать любых иностранцев. То, что это оказались люди из СССР, было, в представлении Мао Цзэдуна, обусловлено только сложившимися временно неблагоприятными для КНР условиями. При этом Мао Цзэдун не делал акцента и даже старался вовсе не придавать значения тому, что знания, опыт этих специалистов представляли величайшую ценность. Он также никогда не принимал во внимание, что Сталин и его страна, идя на этот шаг, отрывали часть своих лучших специалистов от работы внутри СССР, от себя, замедляя темпы восстановления собственной страны после страшных разрушений Великой Отечественной войны.

Мао Цзэдун и его сторонники трактовали ситуацию таким образом, что КНР, находясь в самом начале своего пути, была намерена пригласить много советских специалистов, которые

могли помочь китайцам развернуть строительство в целом ряде областей.

Мао Цзэдун был заинтересован в приезде этих специалистов, он не мог обойтись без них. Однако он хотел, чтобы эта акция не укрепляла и в СССР, и в КНР мнение о том, что Советский Союз оказывает помощь КНР, находится в положении дающего, то есть того, кто дает, причем дает бесценные вещи.

Столкновение разного видения этого вопроса Сталиным и Мао Цзэдуном нашло свое выражение при обсуждении вопроса о том, будут ли иметь право китайские власти, в том числе суды, рассматривать дела и выносить приговоры в тех случаях, когда советские специалисты совершат какие-либо, возможно противоправные, действия на территории КНР. При обсуждении этого вопроса Сталин выдвинул условия, которые Мао Цзэдун счел кабальными: советские специалисты должны были пользоваться привилегиями, особыми правами; иначе говоря, если кто-либо из них совершил бы в Китае ошибку, китайская сторона не могла решать такого рода вопросы, а специалиста следовало передавать советской стороне для проведения расследования и решения вопроса.

Признавая, что позиция Сталина при этом не была лишена оснований, китайская сторона тем не менее представляла внутри КПК и КНР свое согласие с предложением Сталина не только просто как вынужденное определенными, в том числе и приемлемыми даже с точки зрения Пекина, обстоятельствами (речь шла о сохранении духа и атмосферы дружбы между двумя партиями, руководствовавшимися одной классовой идеологией, а при таких обстоятельствах представлялось неважным, классовый суд какой страны или коммунистическая партия какой страны разберется и накажет вероятного правонарушителя), но как позицию Сталина, недостойную руководителя социалистического государства, ибо он при этом, с точки зрения Пекина, подражал примеру, который показывали при оказании помощи зарубежным государствам империалистические страны; с точки зрения Мао Цзэдуна и его коллег, это не только шло вразрез с принципами пролетарского интернационализма, но и являлось проявлением тенденции к великодержавному шовинизму. При этом в Пекине даже вспоминали о том, что Сталин инородец, который оказывался, как это в свое время отмечал Ленин, большим

поборником русского шовинизма, чем чистокровный русак. В Пекине позицию Сталина толковали следующим образом: Сталин поступил таким образом с той целью, чтобы русский человек видел, что он, Сталин, заботится о его интересах, хотя, по сути дела, все получалось наоборот.

Думается, что на том этапе состояния государства и общества в КНР, особенно учитывая националистические и антирусские настроения Мао Цзэдуна, а также принимая во внимание то, что речь шла всего о нескольких годах работы советских специалистов в Китае, Сталин имел больше оснований для того, чтобы настаивать на таком решении этого вопроса (ведь благодаря этому действительно обеспечивались интересы советских людей, работавших в Китае в качестве советников, а угроза для них в тогдашней КНР существовала; подход к вопросу Сталина представляется меньшим злом, чем подход к этому же вопросу Мао Цзэдуна), чем Мао Цзэдун на том, чтобы возражать против такой постановки вопроса. Тем более что время показало, что именно Мао Цзэдун и его последователи постоянно стремились и стремятся к тому, чтобы китайцы, граждане КНР, не были подсудны властям других стран даже тогда, когда они находятся на их территории; особенно упорно Пекин настаивает на этом принципе, когда речь идет о преступлениях его граждан на территории России.

Китайская сторона также полагала, что стремление Сталина защищать интересы своей страны в ущерб уважению интересов КНР проявилось также при подготовке соглашений об учреждении двух смешанных советско-китайских акционерных обществ (по нефти и по цветным металлам) в Синьцзяне, а также в вопросе об обмене консульствами между двумя государствами.

В ходе переговоров обсуждались также вопросы: о передаче китайской стороне большого количества оружия, хранившегося в районе границы в Синьцзяне; об открытии консульств СССР в Северо-Восточном Китае и консульств КНР во Владивостоке, Чите и Хабаровске; о советских гражданах и вообще о россиянах, проживавших в Китае.

С конца прошлого, девятнадцатого, века в Маньчжурии в связи со строительством железных дорог и по другим причинам обоживались люди из России, которые внесли значительный

вклад в развитие этого региона, постепенно создавая вместе с китайцами район передового развития, по крайней мере части экономики Китая; при благоприятном развитии событий Маньчжурия могла бы стать большим Сянганом (Гонконгом) при одном весьма существенном различии, а именно в условиях, когда северо-восток Китая находился бы под властью только правительства Китая.

Кроме того, вследствие событий 1917 года в России в Северо-Восточный Китай, то есть в Маньчжурию, бежало довольно много людей из России. Россияне в Маньчжурии создали много промышленных и торговых предприятий. В 1949 году СССР принял решение конфисковать все эти предприятия и в едином порядке включить их в компанию «Чурин». Во время переговоров состоялась дискуссия принципиального характера по всем этим вопросам, после чего они были переданы для конкретного изучения и подготовки проекта решения рабочим группам. Руководителем рабочей группы китайской стороны был Ли Фучунь.

Что касается вопросов, касавшихся Синьцзяна, то Мао Цзедун принял решение впоследствии направить в Москву руководителя Синьцзяна для подписания этих соглашений. Так Мао Цзедун попытался еще раз принизить уровень такого рода соглашений, еще раз выразить таким образом свое несогласие в принципе с такой формой отношений между двумя государствами. Сталин не согласился с этим. В конечном счете соглашения, очевидно, принимая во внимание, что эти соглашения носили не региональный, а межгосударственный, межправительственный характер, были подписаны 27 марта в Москве министром иностранных дел СССР А. Я. Вышинским и чрезвычайным и полномочным послом КНР в СССР Ван Цзясяном (Мао Цзедун все-таки добился того, чтобы эти документы подписывал не министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай).

Характеризуя обмен мнениями в Москве, в КНР подчеркивали, что в ходе переговоров Чжоу Эньлай выступал в качестве главного оратора от имени китайской стороны. Мао Цзедун вставлял по ходу дела взвешенные реплики, содействуя тому, чтобы переговоры проходили в атмосфере дружелюбия, и придавая им плавный характер. При этом Мао Цзедун особенно подчеркивал мысли о необходимости сплочения и дружбы на-

родов двух стран, а также о том, что нужно внимательно следить за возрождением японского милитаризма. Он говорил, что японский милитаризм на протяжении длительного времени приносил горе и страдания китайскому народу. Первая мировая война предоставила японскому империализму возможность для того, чтобы навязывать свое господство Китаю, однако благодаря героической борьбе и мощным усилиям китайского народа двадцать одно требование, предъявленное Китаю Японией, хотя и обрело форму документа, подписанного Юань Шикаем, но их так и не удалось провести в жизнь. События 18 сентября 1931 года также явились началом этапа превращения Японией Китая в свою колонию. Тогда крупные мироеды, крупные милитаристы, крупные чиновники, крупные компрадоры, во главе со своим главарем Чан Кайши, создали лагерь компрадоров, людей, торгующих своей родиной. Они отступили от границ нации, сговорились с империализмом и стали утверждать, что, дескать, революция в любом случае хуже, чем империализм, а потому отдали приказ армии Северо-Восточного Китая не оказывать сопротивления и даже перебросили армию Северо-Восточного Китая с передней линии отражения японской агрессии в Северо-Западный Китай, чтобы она там осуществляла карательные походы против компартии; они также направили войска для того, чтобы подавить Фэн Юйсяна, Цай Тинкая, Ма Чжаньшаня, то есть всех тех генералов, которые оказывали сопротивление Японии. Если бы не было этой кучки компрадоров, то есть людей, торгующих своей родиной, японский империализм никак не смог бы действовать столь разнузданно на земле Китая.

Сталин внимательно слушал Мао Цзэдуна и иногда кивал в знак согласия. Однако Мао Цзэдун и сопровождавшие его лица отметили, что, когда Мао Цзэдун сказал, что во время Войны сопротивления Чан Кайши предавал интересы страны, стараясь при этом возвыситься, жестоко подавлял движение народного сопротивления Японии, Сталин нахмурился и особой радости не показывал.

Мао Цзэдун был не из тех людей, которые изменяют свою позицию в зависимости от выражения лица собеседника. Он закурил и продолжал свой рассказ.

Сталин тоже продолжал покуривать и внимательно слушать Мао Цзэдуна.

На этом заседании стороны очень быстро достигли согласия по всем основным принципиальным вопросам, касавшимся советско-китайского договора о дружбе и союзе. Молотов и Микоян, с одной стороны, и Чжоу Эньлай, с другой стороны, обменялись также соображениями по конкретным вопросам, касавшимся текста договора. [316]

Высказанные в данном разделе работы соображения основаны на анализе материалов, опубликованных в КНР. Для полноты картины представляется необходимым привести здесь и то, как отражено содержание встречи Сталина и Мао Цзэдуна 22 января 1950 года в документе советской стороны (с этим документом нас любезно ознакомил А. М. Ледовский):

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ И. В. СТАЛИНА
С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ЦЕНТРАЛЬНОГО НАРОДНОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
МАО ЦЗЭ-ДУНОМ

22 января 1950 г.

После приветствий и краткого разговора на общие темы состоялась беседа следующего содержания.

Сталин: Имеется две группы вопросов, которые необходимо обсудить: одна группа вопросов касается существующих соглашений между СССР и Китаем; вторая группа вопросов касается текущих дел о Маньчжурии, Синьцзяне и др.

Я думаю, что лучше начать не с текущих вопросов, а с обсуждения существующих соглашений. Мы считаем, что эти соглашения надо менять, хотя раньше мы думали, что их можно оставить. Существующие соглашения, в том числе договор, следует изменить, поскольку в основе договора лежит принцип войны против Японии. Поскольку война окончена и Япония оказалась разбитой, положение изменилось, и теперь договор приобрел характер анахронизма.

Прошу высказаться по вопросу о договоре о дружбе и союзе.

Мао Цзэ-дун: Мы еще не имеем конкретно разработанного проекта договора и имеем лишь некоторые наброски.

Сталин: Мы можем обменяться мнениями, а затем подготовить соответствующий проект.

Мао Цзэ-дун: Исходя из нынешней обстановки, мы считаем, что нам следовало бы закрепить существующие между нами дружественные отношения при помощи договоров и соглашений. Это имело бы положительный резонанс как в Китае, так и в области международных отношений. В договоре о союзе и дружбе должно быть зафиксировано все то, что гарантирует процветание наших государств, а также предусмотрена необходимость предотвращения повторения агрессии со стороны Японии. Поскольку существует заинтересованность в процветании обоих государств, постольку не исключено, что империалистические страны попытаются помешать этому.

Сталин: Верно. У японцев остались кадры, и они непременно поднимут голову, особенно при условии продолжения американцами их нынешней политики.

Мао Цзэ-дун: Указанные мною два момента кардинальным образом отличают наш будущий договор от существующего. Раньше гоминдан лишь на словах говорил о дружбе. Теперь положение изменилось, и имеются все условия для настоящей дружбы и сотрудничества.

Кроме того, если раньше говорилось о сотрудничестве в проведении войны против Японии, то теперь речь должна идти о предотвращении агрессии со стороны Японии. Новый договор должен включать вопросы политического, экономического, культурного и военного сотрудничества. Наиболее же важным вопросом будет экономическое сотрудничество.

Сталин: Нужно ли сохранять положение, зафиксированное в статье 3 существующего Договора о дружбе: «...Эта статья остается в силе до того времени, пока по просьбе обеих Высоких Договаривающихся Сторон на Организацию Объединенных Наций не будет возложена ответственность за предупреждение дальнейшей агрессии со стороны Японии»?

Мао Цзэ-дун: Думаю, что этого положения сохранять не следует.

Сталин: Мы тоже считаем, что не следует. Какие же положения нам нужно предусмотреть в новом договоре?

Мао Цзэ-дун: Мы считаем, что в новом договоре следовало бы предусмотреть пункт о консультации по международным вопросам. Включение этого пункта в договор усилило бы наши позиции, поскольку среди китайской национальной буржуазии

существуют возражения против политики сближения с Советским Союзом в вопросах международных отношений.

Сталин: Хорошо. При заключении договора о дружбе и сотрудничестве включение такого пункта само собою разумеется.

Мао Цзэ-дун: Правильно.

Сталин: Кому мы поручим подготовку проекта? Я думаю, что это нужно поручить Вышинскому и Чжоу Эн-лаю.

Мао Цзэ-дун: Согласен.

Сталин: Перейдем к соглашению о КЧЖД. Какие предложения имеются у Вас по этому вопросу?

Мао Цзэ-дун: Может быть, следует принять в качестве основы принцип о юридическом сохранении в силе соглашения о КЧЖД, как и соглашения о Порт-Артуре, а фактически допустить изменения?

Сталин: Значит, Вы согласны с тем, чтобы объявить о юридическом сохранении существующего положения, но прибегнуть к соответствующим фактическим изменениям.

Мао Цзэ-дун: Мы должны исходить из учета интересов двух сторон — как Китая, так и Советского Союза.

Сталин: Верно. Мы считаем, что договор о Порт-Артуре является неравноправным.

Мао Цзэ-дун: Но ведь изменение этого соглашения задевает решения Ялтинской Конференции?!

Сталин: Верно, задевает — ну и черт с ним! Раз мы стали на позицию изменения договоров, значит, нужно идти до конца. Правда, это сопряжено с некоторыми неудобствами для нас, и нам придется вести борьбу против американцев. Но мы уже с этим примирились.

Мао Цзэ-дун: В этом вопросе нас беспокоит лишь то, что это может повлечь нежелательные последствия для СССР.

Сталин: Как известно, мы заключили существующий договор во время войны с Японией. Мы не знали, что может выкинуть Чан Кай-ши. Мы исходили из того, что нахождение наших войск в Порт-Артуре будет в интересах Советского Союза и дела демократии в Китае.

Мао Цзэ-дун: Вопрос ясен.

Сталин: В таком случае не считаете ли Вы приемлемым такой вариант: объявить, что соглашение о Порт-Артуре остается в силе до подписания мирного договора с Японией, после

чего русские войска выводятся из Порт-Артура. Или может быть предложен другой вариант: объявить о сохранении существующего положения, а практически вывести войска из Порт-Артура. Какой из этих вариантов больше подходит, тот и примем. Мы согласны на любой вариант.

Мао Цзэ-дун: Этот вопрос следует обдумать. Мы согласны с мнением товарища Сталина и считаем, что соглашение о Порт-Артуре должно остаться в силе до подписания мирного договора с Японией, после подписания договор теряет силу и советские войска уходят. Однако нам хотелось бы, чтобы в Порт-Артуре осуществлялось наше военное сотрудничество и мы могли бы обучать свой военно-морской флот.

Сталин: Вопрос о Дальнем. Мы не намерены обеспечивать каких-либо прав Советского Союза в Дальнем.

Мао Цзэ-дун: Будет ли Дальний сохранен как свободный порт?

Сталин: Поскольку мы отказываемся от своих прав, Китай сам должен решить вопрос о Дальнем: будет ли он свободным портом или нет. В свое время Рузвельт настаивал на том, чтобы Дальний был свободным портом.

Мао Цзэ-дун: Таким образом, сохранение свободного порта было бы в интересах Америки и Англии?

Сталин: Конечно. Получается: дом с открытыми воротами.

Мао Цзэ-дун: Мы считаем, что Порт-Артур мог бы быть базой для нашего военного сотрудничества, а Дальний — для советско-китайского экономического сотрудничества. В Дальнем имеется целый ряд предприятий, которые мы не в силах эксплуатировать без помощи со стороны Советского Союза. Нам следует развивать там экономическое сотрудничество.

Сталин: Значит, соглашение о Порт-Артуре остается в силе до подписания мирного договора с Японией. После заключения мирного договора существующее соглашение теряет свою силу и русские выводят свои войска. Так ли я резюмировал высказанные мысли?

Мао Цзэ-дун: Такова основа, и именно это мы хотели бы изложить в новом договоре.

Сталин: Продолжим обсуждение вопроса о КЧЖД. Скажите нам, как полагается коммунистам, какие у вас имеются сомнения?

Мао Цзэ-дун: Основная мысль сводится к тому, чтобы в новом соглашении было отмечено, что совместная эксплуатация и управление будут продолжаться и впредь. Однако, что касается управления, то основную роль в нем должна играть китайская сторона. Далее, необходимо изучить вопрос о сокращении срока действия соглашения и определить размер капиталовложений сторон.

Молотов: При условии сотрудничества и совместного управления какого-либо предприятия двумя заинтересованными государствами обычно предусматривается паритетное участие сторон, а также чередование в замещении должностей. В старом соглашении управление дорогой принадлежало советской стороне, однако в дальнейшем мы считаем необходимым предусмотреть чередование в осуществлении функций управления. Скажем, такое чередование могло бы осуществляться через каждые два-три года.

Чжоу Эн-лай: Наши товарищи считают, что существующее правление КЧЖД и должность управляющего следует устранить и вместо них создать комиссию по управлению дорогой, причем предусмотреть, что должности председателя комиссии и управляющего будут замещаться китайцами. Однако, в связи с предложением товарища Молотова, над этим вопросом следует подумать.

Сталин: Если речь идет о совместном управлении, то нужно, чтобы замещение руководящих должностей менялось. Так было бы логичнее. Что касается срока действия соглашения, то мы не возражаем против его сокращения.

Чжоу Эн-лай: Не следует ли изменить соотношение капиталовложений сторон и, вместо существующих паритетных условий, увеличить капиталовложения китайской стороны до 51 %?

Молотов: Это пошло бы вразрез с существующим принципом о паритетности сторон.

Сталин: Мы, действительно, имеем соглашения с чехами и болгарами, по которым предусматривается паритетность, равенство сторон. Уж если совместное управление, то пусть будет и равное участие.

Мао Цзэ-дун: Нужно дополнительно изучить этот вопрос с таким расчетом, чтобы были обеспечены интересы обеих сторон.

Сталин: Давайте обсудим соглашение о кредите. Тому, о чем была достигнута договоренность, нужно придать форму соглашения между государствами. Имеются ли какие-нибудь замечания?

Мао Цзэ-дун: Входит ли поставка военного снаряжения в денежный кредит?

Сталин: Это Вы можете решить сами: можно отнести на счет кредита, можно оформить и торговым соглашением.

Мао Цзэ-дун: Если военные поставки отнести за счет кредита, то у нас останется мало средств для промышленности. Поэтому, видимо, часть военных поставок придется отнести за счет кредита, а часть — за счет товаров. Нельзя ли сократить срок поставок промышленного оборудования и военного снаряжения с 5 до 3–4 лет?

Сталин: Надо посмотреть, каковы наши возможности. Дело упирается в заказы для нашей промышленности. Тем не менее, срок действия соглашения о кредите можно было бы перенести на 1 января 1950 года, так как фактически поставки должны начаться теперь. Если бы в соглашении начало кредитования предусмотрено с июля 1949 года, то для международной общественности было бы непонятно, как могло быть достигнуто соглашение Советского Союза с китайцами, которые еще в то время не имели своего правительства. Думаю, что Вам следовало бы поспешить с представлением списка заказов для промышленного оборудования. Следует иметь в виду, что чем скорее такой список будет представлен, тем лучше для интересов дела.

Мао Цзэ-дун: Мы считаем, что условия кредитного соглашения весьма благоприятны для Китая. По этому кредиту мы платим всего лишь один процент.

Сталин: В наших соглашениях о предоставлении кредита для стран народной демократии предусматривается получение двух процентов. Мы могли бы, — говорит шутя тов. Сталин, — и для Вас повысить этот процент, если Вы этого желаете. Мы, конечно, исходили из того, что китайская экономика крайне разорена.

Как видно из получаемых телеграмм, китайское правительство готовится использовать свою армию в хозяйственном строительстве. Это очень хорошо. В свое время мы тоже практиковали использование армии в нашем экономическом строительстве и имели положительные результаты.

Мао Цзэ-дун: Правильно. Мы используем опыт советских товарищей.

Сталин: Вы ставили вопрос о получении Китаем некоторого количества зерна для Синьцзяна?

Мао Цзэ-дун: Пшеницы и текстиля.

Сталин: Для этого Вам нужно представить соответствующие заявки в цифрах.

Мао Цзэ-дун: Хорошо, мы это подготовим.

Как мы поступим с торговым договором?

Сталин: Каково Ваше мнение? До сих пор имелся договор о торговле лишь с Маньчжурией. Нам хотелось бы знать, каково положение будет в дальнейшем: будем ли мы заключать отдельные договоры с Синьцзяном, Маньчжурией и другими провинциями или единый договор с центром?

Мао Цзэ-дун: Мы хотели бы иметь единый договор с центром. Но Синьцзян, в свою очередь, может иметь отдельное соглашение.

Сталин: Только Синьцзян, а как Маньчжурия?

Чжоу Эн-лай: Для Маньчжурии заключение отдельного соглашения исключается, так как договор с центром в основном обеспечивается за счет поставок из Маньчжурии.

Сталин: Нам хотелось бы, чтобы соглашения с Синьцзяном или Маньчжурией утверждались центральным правительством и чтобы центральное правительство несло за них ответственность.

Мао Цзэ-дун: Нужно, чтобы договор с Синьцзяном был заключен от имени центрального правительства.

Сталин: Правильно, так как провинциальное правительство может многого не учитывать, а центральному правительству всегда виднее.

Какие еще имеются вопросы?

Мао Цзэ-дун: В настоящее время самым главным вопросом является экономическое сотрудничество — восстановление и развитие экономики в Маньчжурии.

Сталин: Я думаю, мы поручим подготовку этого вопроса Т. Т. Микояну, Вышинскому, Чжоу Эн-лаю и Ли Фу-чуню.

Какие еще вопросы?

Мао Цзэ-дун: Я хотел бы отметить, что присланный Вами в Китай авиаполк оказал нам большую помощь. Им перевезено

около 10 тыс. человек. Разрешите мне поблагодарить Вас, товарищ Сталин, за помощь и просить Вас задержать этот авиаполк в Китае с тем, чтобы он оказал помощь в переброске продовольствия войскам Лю Бо-чэна, готовящимся к наступлению в Тибет.

Сталин: Это хорошо, что вы готовитесь к наступлению. Тибетцев надо взять в руки. По поводу авиаполка поговорим с военными и дадим Вам ответ.

Беседа продолжалась два часа.

На беседе присутствовали тт. Молотов, Маленков, Микоян, Вышинский, Рошин, Федоренко и Мао Цзэ-дун, Чжоу Энь-лай, Ли Фу-чунь, Ван Цзя-сян, Чэнь Бо-да, и Ши Чжэ [Карский]. [317]

Пожалуй, здесь уместно отметить, что у Сталина и Мао Цзэдуна были расхождения в вопросе о Японии, а вернее о том положении договора, где упоминалась Япония и другие государства.

Дело в том, что в конце девятнадцатого и в первой половине двадцатого века Япония представляла собой главную угрозу не только национальным интересам и национальной безопасности Китая, но и, в известной степени и в известный период, самому существованию китайской нации. Китай стремился к тому, чтобы у него были союзники или хотя бы один союзник в противостоянии японской угрозе.

Поэтому Китай был заинтересован в том, чтобы, начиная с конца девятнадцатого века и, по крайней мере, по середину двадцатого века, или даже вообще в двадцатом веке, иметь договор или договоры с Россией как союзником Китая в оказании отпора японской агрессии.

Иначе говоря, случилось так, что в двадцатом столетии Россия (СССР) была той единственной страной в мире, которая выступала в качестве союзника Китая в его противостоянии с Японией, а также единственной страной, которая помогала определенным силам внутри Китая в ходе гражданских войн (сначала за объединение страны, а затем в Войне сопротивления японской агрессии и далее в гражданской войне).

Россия в конце позапрошлого и в первой половине прошлого столетия также оказалась в состоянии определенного противостояния с Японией. Однако для нее это была в большей степени искусственная конфронтация, во всяком случае, речь не шла

о самом существовании России (СССР) как нации, как государства.

В то же время Россия (СССР) была заинтересована в мире и покое на своей протяженной границе с Китаем. К тому же на протяжении длительного времени, когда Япония хозяйничала на части территории Китая, она создавала и непосредственную угрозу интересам нашей страны.

Таким образом, Россия (СССР) также была заинтересована в определенных союзных отношениях с Китаем в качестве противовеса опасности, грозившей со стороны японских милитаристов.

Иными словами, Мао Цзэдун был заинтересован в том, чтобы советско-китайский договор 1950 года был прямо обращен против Японии. Сталин, очевидно, мог бы и предпочел бы обойтись без упоминания Японии в тексте договора. Однако он был вынужден пойти на уступку Мао Цзэдуну, и поэтому известное положение было включено в текст договора, Япония была в нем упомянута. В то же время Сталин и в этом случае добился уступки от Мао Цзэдуна. В соответствующем положении договора виден компромисс между позициями Сталина и Мао Цзэдуна. Сталин предпочел бы не упоминать о Японии, а Мао Цзэдун о других государствах, то есть, прежде всего, о США. И то и другое упоминание было смягчено. Ведь речь шла и о Японии, и о японском империализме, а также не о США, а о каком-либо государстве, которое объединилось бы с Японией в актах агрессии.

В целом это положение договора явилось ослабленным и с точки зрения Сталина, и с точки зрения Мао Цзэдуна. Сталину не удалось сделать договор либо нейтральным (лишенным упоминания каких-либо третьих стран в качестве сил, угрожающих общим интересам СССР и КНР), либо антиамериканским и не допустить его антияпонскую направленность. Мао Цзэдуну не удалось сделать договор исключительно антияпонским и лишить его хотя бы косвенной антиамериканской направленности. И все же это был шаг на пути к полному отказу об упоминании третьих стран в двусторонних договорных документах, которые Москва подписывала с Пекином.

Встреча Сталина и Мао Цзэдуна в Москве, безусловно, успокоила руководителей других государств, и прежде всего США.

В тот момент, когда обе стороны уже договорились в принципе о проведении переговоров и о необходимости подписать договор о дружбе и союзе и когда Чжоу Энлай находился уже на пути в Москву, государственный секретарь США Д. Ачесон 12 января 1950 года выступил с речью о политике США в Азии, подчеркнув, что Советский Союз, по его мнению, стремится присоединить к себе северные районы Китая, что он почти преуспел в том, чтобы поступить с Маньчжурией так же, как он обошелся в свое время с МНР. Д. Ачесон намекал на то, что Советский Союз может воспользоваться настроениями, существовавшими, по мнению Д. Ачесона, в ряде районов Китая, особенно во Внутренней Монголии и в Синьцзяне, и заключавшимися в стремлении отделиться от Китая и стать частью СССР. При этом Д. Ачесон намекал на то, что это должно волновать руководителей КНР и что эта ситуация представляется очень важной и для США.

Иначе говоря, Д. Ачесон пытался вбить клин в отношения между Сталиным и Мао Цзэдуном, пользуясь известной подозрительностью каждого из них. В то время у американцев не было никаких надежд на нахождение компромиссов со Сталиным, поэтому все их усилия были сосредоточены на том, чтобы играть на настроениях Мао Цзэдуна.

Более того, нельзя исключать того, что Пекин намеренно допустил утечку информации о своей подлинной позиции в ходе переговоров Мао Цзэдуна со Сталиным с той целью, чтобы, с одной стороны, поставить Сталина в невыгодное положение в переговорах с Мао Цзэдуном, за спиной которого, косвенно поддерживая его, стояли США, и, с другой стороны, лишний раз продемонстрировать Вашингтону, что Пекин, даже ведя переговоры со Сталиным, оставляет возможность нахождения в будущем взаимопонимания с США на основе общего осуждения ряда сторон политики Сталина, нашей страны.

Сталин мог воспринимать появление этих высказываний государственного секретаря США, учитывая и имевшие место в последние годы заигрывания Мао Цзэдуна с Вашингтоном, и известный в среде коммунистов в СССР тезис о том, что на всякую ситуацию следует смотреть, прежде всего, под углом ответа на вопрос: кому это выгодно и кому это невыгодно? А Сталину могло представляться, что это невыгодно исключительно

Москве и ему самому, а выгодно, в различной степени, и Вашингтону, и Пекину, то есть Мао Цзэдуну. Возможно, что Сталин не исключал даже и того, что Мао Цзэдун сам, используя различные методы и каналы, инициировал заявление Д. Ачесона о том, что СССР намерен в ходе предстоявших переговоров закрепить за собой ряд районов Китая или превратить их в зоны своего преимущественного влияния, в свои фактические колонии: по мнению Мао Цзэдуна, таких районов было три — Маньчжурия, Монголия, Синьцзян, а Д. Ачесон говорил о четырех районах: МНР, Внутренняя Монголия, Маньчжурия, Синьцзян.

Как бы там ни было, а объективно демарш американцев привел к тому, что Сталин и Мао Цзэдун разъяснили один другому свои позиции по вопросу, прежде всего, о МНР, а также по вопросам, касавшимся в той или иной степени и других соответствующих районов: Маньчжурии и Синьцзяна. Речь Д. Ачесона показывала Мао Цзэдуну, что США могут при известных обстоятельствах и нахождении неких компромиссов между Вашингтоном и Пекином, посмотреть на вопрос о Монголии не так, как это было в Ялте в 1945 году.

Речь Д. Ачесона также поставила перед Сталиным вопрос о том, что ему совершенно необходимо заставить Мао Цзэдуна следовать за Москвой там, где речь идет о политике США, то есть демонстрировать единство позиций Сталина и Мао Цзэдуна перед лицом Вашингтона.

Однако отношение ко всем этим вопросам Мао Цзэдуна было, вполне очевидно, иным. Он желал даже в этом случае, с одной стороны, оставаясь в определенном едином лагере со Сталиным, в то же время подчеркивать, в том числе и перед самим Сталиным, что он намерен сохранять свою независимость и самостоятельность, а точнее, свою отдельность от Сталина и СССР, от России, в той мере, в какой это будет ему удаваться, и, с другой стороны, демонстрировать Соединенным Штатам Америки, что они имеют возможность надеяться на отсутствие полной монолитности в отношениях Сталина и Мао Цзэдуна, а следовательно, что в будущем возможны и дипломатические, а также политические игры Пекина и Вашингтона в пику Советскому Союзу.

Итак, Сталин воспринял речь Д. Ачесона как чрезвычайно серьезный повод для выяснения отношений с Мао Цзэдуну.

В этой связи 17 января Сталин направил на дачу к Мао Цзэду Молотова и Вышинского.

Советские собеседники поставили вопрос о том, в каком состоянии находятся внешние связи КНР.

Мао Цзэдун дал свои разъяснения: «Наша страна в прошлом находилась под железной пятой империалистов, которые своим кованым сапогом топтали китайскую землю. Однако после освобождения мы должны произвести уборку в своем доме, навести в нем порядок. А вот когда мы в нашем доме все приберем и вычистим, наведем порядок, расставим мебель, вот тогда мы и будем приглашать людей к нам в гости. Наши старые друзья могут появиться у нас несколько раньше; они могут также помочь нам в работе по уборке помещения. Вот, например, с Советским Союзом и социалистическими странами у нас уже установлены дипломатические отношения. Однако, что касается других гостей, то им придется подождать. Мы знаем, что есть и такие, кто хотел бы украдкой заглядывать в наш дом, кто хотел бы со своим копытом влезть к нам; пока мы временно еще не имеем возможности должным образом реагировать на это. Что же до империалистов, которые с неблагоприятными намерениями пытаются проникнуть в наш дом и что-то в нем ухватить, и более того, даже хотели бы замутить воду и выловить рыбку в этой мутной воде, то мы вынуждены проявлять бдительность и не спешить устанавливать с ними дипломатические отношения».

Высказывания Мао Цзэдуна, как обычно, были образными, но каждое слово несло политический смысл. Не оставляет мысль о том, что все, что формально было адресовано неким империалистам, могло относиться не только к США, но и, при определенном, с нашей точки зрения, с точки зрения китаевода, просто необходимом и базирующемся на знании истории и фактов воображении, к СССР. Во всяком случае, если принимать во внимание дальнейшее развитие событий и позицию Мао Цзэдуна по отношению к СССР в последующем, для такого восприятия его слов имелись основания. Очевидно, что его высказывания были рассчитаны на то, чтобы насторожить и советских собеседников, заставить их быть еще более осторожными и осмотрительными в делах с КНР.

Молотов, как и положено дипломату, отнес все высказывания Мао Цзэдуна относительно империалистов исключительно

к США и счел позицию Китая совершенно правильной. Он сказал: «Таким образом империализм не осмелится третировать Китай, он будет вынужден по-новому смотреть на Новый Китай». Далее Молотов передал Мао Цзэдуну текст речи Д. Ачесона. Он также предложил, чтобы СССР, КНР и МНР по отдельности выступили с официальными заявлениями с целью осуждения клеветнических утверждений государственного секретаря США. Молотов предложил, чтобы эти заявления были сделаны в соответствующих столицах и появились в один и тот же день, 21 января 1950 года.

Мао Цзэдун ознакомился с текстом речи Д. Ачесона, выразил свое возмущение ее содержанием и тут же согласился на предложение Молотова.

Однако, проводив гостей, Мао Цзэдун задумался. Он прекрасно понимал, что Сталин вынуждает его совместно выступить единым фронтом перед общим противником, то есть перед американским империализмом, перед США. Мао Цзэдун не хотел демонстрировать здесь свое полное единство со Сталиным, то есть, по сути дела, подтверждать, что в вопросе об отношениях с США он вынужден следовать за Сталиным. Мао Цзэдун понимал, что и Москва, и Вашингтон сделали свои сильные ходы, пытаясь заставить Пекин прояснить его позицию в треугольнике Москва — Вашингтон — Пекин, прямо ответить на вопрос о том, с кем и против кого он, Мао Цзэдун, выступает в результате встреч и бесед со Сталиным. В этой ситуации Мао Цзэдун решил уклониться от шага, предложенного Сталиным, и в то же время внешне как бы соблюсти приличия в отношениях со Сталиным. Мао Цзэдун принял решение перевести вопрос в плоскость различия в формах реакции на демарш Вашингтона, на высказывания государственного секретаря США. Это было прямое нарушение слова, данного Мао Цзэдуном в беседе с Молотовым и Вышинским, а фактически слова, данного Мао Цзэдуном Сталину. Однако Мао Цзэдун считал этот вопрос настолько важным, может быть, самым важным или одним из самых важных в своей внешней политике, что пошел на этот шаг.

Мао Цзэдун принял решение не делать одновременно с Москвой официального заявления, то есть не выступать в один и тот же день вместе с Москвой и Улан-Батором (Сталин хотел

тем самым и дать понять Вашингтону, что и в вопросе о МНР Мао Цзэдун вынужден идти за ним) с заявлениями министров иностранных дел, а просто ограничиться опубликованием статьи в своей центральной печати. 19 января текст такой статьи, написанной самим Мао Цзэдуном, был передан в Пекин для опубликования в форме ответов на вопросы корреспондента заведующего управлением информации Центрального народного правительства КНР Ху Цяому. Мао Цзэдун много раз применял такого рода прием, когда его соображения появлялись в печати за подписью его подчиненных. Однако все это имело место тогда, когда речь не шла еще о межгосударственных отношениях. Тем более что на сей раз акция Мао Цзэдуна была осуществлена, несмотря на явные грядущие серьезные осложнения в его отношениях со Сталиным, причем практически по главному вопросу мировой политики, по вопросу об отношениях с США.

Как и было обусловлено в беседе Молотова с Мао Цзэдуном, Советский Союз и Монгольская Народная Республика в один и тот же день, 21 января 1950 года, выступили с официальными заявлениями в связи с речью государственного секретаря США; это было сделано в форме заявлений министров иностранных дел каждого из этих двух государств в отдельности.

В заявлении министра иностранных дел СССР указывалось на то, что отношения между СССР и КНР имеют под собой прочную основу дружбы, взаимного уважения независимости и территориальной целостности, что МНР существует как независимое суверенное государство более 30 лет (и это отмечено в Ялтинском соглашении СССР, США и Великобритании), что правительство Китая еще в 1945 году признало МНР, а КНР и МНР установили между собой нормальные дипломатические отношения.

В Пекине в тот же день, 21 января, были опубликованы ответы на вопросы корреспондента заведующего управлением информации правительства КНР Ху Цяому. Заявления министра иностранных дел КНР не появилось.

Сталин придал случившемуся серьезное значение. Через несколько дней он пригласил к себе в Кремль Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая. При этом было подчеркнуто, что с советской стороны в беседе будут участвовать только Сталин и Молотов. В качестве

переводчика с Мао Цзэдуном и Чжоу Энляем был Ши Чжэ. Сталин заранее не предупредил Мао Цзэдуна, о чем пойдет речь.

По наблюдениям Ши Чжэ, Сталин и Молотов были настроены дружелюбно, однако в их поведении не было прежней теплоты.

После того как все уселись, Сталин сказал: «Я пригласил вас сегодня, чтобы обменяться мнениями в этом узком кругу. У Молотова есть кое-что сказать, давайте сначала выслушаем его».

Молотов изложил следующее: «В прошлый раз мы договорились о том, что в связи с речью Ачесона каждый выступит с официальным заявлением с осуждением клеветнических утверждений Ачесона. Мы также условились, что заявление осуждающего характера будет сделано от имени официальных властей. Хотелось бы спросить, опубликовало ли китайское правительство такое заявление?»

Мао Цзэдун тут же ответил: «Опубликовало. Оно опубликовано от имени Ху Цяому».

Сталин поинтересовался: «Кто такой этот Ху Цяому?»

Мао Цзэдун пояснил: «Заведующий управлением информации. В этом качестве он и выступил с заявлением».

Сталин сказал: «В соответствии с международной практикой любой журналист может высказать свое мнение по любому вопросу, опубликовать интервью или комментарий. Но никакие его слова никоим образом не выражают официальную позицию и точку зрения. Поэтому в заявлении частного лица (журналиста) может быть сказано что угодно, но это ничего не стоит».

Вслед за тем Молотов сказал: «Мы ранее условились о том, что Китай выступит с официальным заявлением, иначе говоря, речь шла о заявлении, которое носило бы представительный характер, было бы авторитетным. Однако управление информации — это никоим образом не авторитетная организация, оно не представляет правительство. Интервью заведующего управлением информации корреспонденту никоим образом не заменяет собой выражение официальной точки зрения. Китайская сторона поступила не в соответствии с нашей предварительной договоренностью и таким образом пошла вразрез с нашим соглашением. В результате мы не достигли того эффекта, на который рассчитывали. Что при этом думает китайская сторона, нам не ясно. Раз уж мы договорились, достигли единодушного согла-

шения, то его следует выполнять, соблюдать. Держать слово — важнейшая часть нашего сотрудничества. Таковы наши соображения. Сегодня мы хотели бы послушать мнения и разъяснения китайских товарищей».

Мао Цзэдун, слушая Молотова, менялся в лице. Легкая улыбка сменилась холодностью, затем презрением и наконец даже гневом.

Сталин добавил: «Таким образом, мы сбились с шага. Пошли не в ногу, а это ослабляет наши силы. Я полагаю, что все мы должны держать слово, тесно взаимодействовать, идти в ногу, только так мы будем сильны».

Тут Сталин посмотрел на Мао Цзэдуна и увидел, что тот весь кипит от возмущения и гнева; и тогда Сталин улыбнулся и дружелюбно сказал: «Товарищ Мао Цзэдун, впереди еще много времени; у нас будет еще очень много случаев и возможностей, когда мы будем взаимодействовать, сотрудничать. Пусть нынешний случай окажется только первым неудачным блином, давайте извлечем из этого опыт и уроки, усилим наше сотрудничество в дальнейшем. Именно это мы и должны сделать. Хотя в нынешнем случае нет ничего экстраординарного, однако мы все-таки действовали не в соответствии с первоначально определенным планом, мы сбились с ноги. Таким образом мы предоставили врагу возможность найти щель, которую он может использовать».

Мао Цзэдун только курил, глубоко затягиваясь. Он не произнес ни слова. Он был суров и холоден. Хотя Сталин улыбался и говорил, увещевал, на лице Мао Цзэдуна не было и тени улыбки, он не пошел навстречу ни в чем, он не выдал из себя ни единого слова.

Чжоу Энлай выступил с пояснениями и разъяснениями. Он сказал, что Китай поступил таким образом, исходя из исторического опыта. В прошлом очень хорошие результаты давал именно такой метод разоблачения измышлений Коммунистической партией Китая. Так она поступала и в отношении гоминьдановского правительства Чан Кайши, и в отношении японского империализма, и даже в отношении опубликованной Государственным департаментом США Белой книги. В 1949 году Госдепартамент США опубликовал Белую книгу, а КПК тогда раскритиковала ее в документе, подписанном редакцией агент-

ства Синьхуа. Спрашивается, почему нельзя было применить тот же самый метод при критике измышлений Ачесона?

Сталин, слушая его, отрицательно качал головой.

Разъяснения Чжоу Энляя результата не дали. Когда же Чжоу Энлай увидел, что Мао Цзэдун занимает все те же позиции и ни в чем не идет на уступки, он тоже стал суров и серьезен, он тоже по-прежнему ни в чем не уступал. Он был сдержан и немногословен, держался твердо.

Мао Цзэдун сидел рядом с ним; он ничего не опровергал, но ничего и не разъяснял. В глубокой задумчивости он курил одну сигарету за другой. [318]

О чем мог думать Мао Цзэдун? Совершенно очевидно, что молчание было с его стороны приемом, показывающим, что принципиальные позиции и подходы сторон к поднятому вопросу настолько различны, что тут не о чем и говорить. Каждая из сторон должна была, по мысли Мао Цзэдуна, задуматься над тем, что происходит и как она себя ведет, а также о том, в чем состоит принципиальный подход к такого рода вопросам со стороны партнера.

Мао Цзэдун исходил из того, что в данном случае Молотов выражал мнение Сталина, который, безусловно, изложил Молотову свои соображения перед этой беседой, и они распределили роли, высказывая одну и ту же принципиальную позицию.

Замысел Сталина был вполне очевиден. Он решил воспользоваться формальным поводом, когда Мао Цзэдун действительно отступил от прежней договоренности. Таким образом, представился случай, имея определенные и даже неопровержимые доказательства, упрекнуть Мао Цзэдуна в том, что он не держит слова, а это было, конечно, недопустимо в отношениях Сталина и Мао Цзэдуна.

Более того, Сталин был намерен упрекнуть Мао Цзэдуна в том, что тот не держит слова не только и не столько из-за того, что Мао Цзэдун хотел просто по форме поступить по-своему, проявить, так сказать, формальную самостоятельность, но и, и это главное, Сталину было необходимо бросить упрек Мао Цзэдуну именно в связи с тем, что он, по сути дела, отходил от того, что Сталин считал принципиальным сразу в нескольких отношениях.

Во-первых, слово Сталина должно было быть законом в его лагере. Во-вторых, с точки зрения классового подхода, ленин-

ского или даже ленинско-сталинского, да и маоцзэдуновского подхода к вопросам, следовало в сфере мировой политики на первое место ставить классовую солидарность (а не национальные интересы, хотя, по существу, Сталин хотел заставить Мао Цзэдуна согласиться с его подходом, в то время как Мао Цзэдун в перспективе хотел не только быть целиком и полностью самостоятельным, но и подчинить себе национальные интересы России) и выступать единым фронтом перед лицом классового врага, не давая этому врагу никаких оснований рассчитывать на то, чтобы найти трещину между классово едиными союзниками, СССР и КНР, Сталиным и Мао Цзэдуном.

В-третьих, Сталин исходил также из того, что Мао Цзэдун на протяжении ряда лет неоднократно, если не постоянно, предпринимал усилия для того, чтобы найти общий язык с американцами, в том числе и во время гражданской или внутренней войны против Чан Кайши в континентальном Китае, чтобы отмежеваться от Сталина и СССР, от ВКП(б) в области международных отношений, чтобы показывать, что он, Мао Цзэдун, ни в коем случае не будет всегда и во всем выступать на стороне Сталина и идти следом за Сталиным при решении вопросов на мировой арене. А это, с точки зрения Сталина, было тройным предательством или попыткой тройного предательства: предательством классовой ленинско-сталинско-маоцзэдуновской точки зрения, предательством лично Сталина, предательством общих интересов России и Китая.

Сталину представлялось, что в данном случае он наконец впервые за все уже довольно продолжительное время визита Мао Цзэдуна в СССР получил возможность заставить Мао Цзэдуна признать свою ошибку и признать верховенство Сталина.

Ведь ситуация сложилась таким образом, что, что бы ни сказал Мао Цзэдун в ответ на упреки Сталина и Молотова, мог быть создан прецедент признания КПК, КНР, Мао Цзэдуном ошибки, а следствием этого могла стать необходимость и в дальнейшем действовать исключительно по воле Сталина.

Мао Цзэдун предпочел выбраться из ловушки, расставленной Сталиным, весьма необычным путем. Он как бы испарился, вышел из игры; он просто сидел и молчал с отсутствующим видом; на некоторое время Мао Цзэдун, физически или материально продолжая находиться в одном помещении со Сталиным,

Молотовым, Чжоу Энляем и Ши Чжэ, духовно исчез, дух его унесся за пределы сталинского кабинета в Кремле; Мао Цзэдун, по сути дела, не участвовал в беседе со Сталиным с того самого момента, как только Сталин и Молотов выдвинули свои упреки в его адрес. (Вообще говоря, такой прием в своей политической карьере Мао Цзэдун использовал неоднократно; тем самым он хотел лишить оппонентов возможности в последующем утверждать, что Мао Цзэдун как-то реагировал на обвинения в его адрес; в дипломатической практике это соответствовало отказу принимать ноту или заявление партнера; Мао Цзэдун молчал, как у нас иногда говорят, как партизан на допросе.)

У Мао Цзэдуна был свой взгляд на случившееся. Этот взгляд в принципе расходился с пониманием вопроса Сталиным.

Мао Цзэдун полагал, что он представляет великую партию — КПК, независимое и суверенное государство — КНР. И эта партия, и это государство, с его точки зрения, ни в чем не были ниже, чем ВКП(б) и СССР, да если уж говорить начистоту, то даже и превосходили их, хотя прямо и громко говорить тогда об этом время, по его мнению, просто еще не пришло и не созрело. Однако на практике Мао Цзэдун стремился в ходе своих встреч со Сталиным в 1949–1950 годах всеми возможными способами утверждать именно принцип независимости и равенства, а по сути дела отдельности, в отношениях правящих политических партий в СССР и в КНР и этих двух государств. Сталину это не нравилось прежде всего потому, что Мао Цзэдун «отделялся» от него там, где речь шла, с точки зрения Сталина, о противостоянии общему противнику или классовому врагу; далее Сталину не нравилось, что при этом Мао Цзэдун был намерен, используя заинтересованность СССР в мирных и дружественных отношениях с КНР, «дойти» нашу страну, постепенно изыскивая пути к налаживанию связей с классовым противником, причем таких связей, которые могли привести к союзу США и КНР против СССР.

Когда Молотов поставил Мао Цзэдуна перед необходимостью реагировать на речь Ачесона, Мао Цзэдун был вынужден на словах осудить заявление государственного секретаря США. В то же время он формально согласился дать одновременно с СССР (и даже МНР, «даже», ибо Мао Цзэдун не считал окончательно решенным вопрос о Монголии) официальную

отповедь утверждениям Ачесона. По сути дела, помимо вышеуказанных соображений, Мао Цзэдун решил использовать на первый взгляд исключительно невыгодную для него ситуацию в своих интересах, обернуть проигрыш выигрышной стороной. Он нашел прием, благодаря применению которого решал, как ему представлялось, сразу несколько задач.

Во-первых, демонстрировал и Сталину, и всему миру свою самостоятельность и отдельность. Во-вторых, показывал США, что даже во время его продолжительного пребывания «в руках у Сталина», в Москве, он продолжает вести борьбу со Сталиным. В-третьих, он подтверждал, особенно в глазах своих сторонников, что у Китая (КНР) и у России (СССР) существуют различные взгляды и на вопрос о Монголии, и на вопрос об истории и современном состоянии советско-китайских отношений, особенно применительно к северным районам Китая.

Мао Цзэдун в принципе считал необходимым настоять на том, что в любом случае и при любых обстоятельствах он имеет право и будет действовать так, как считает нужным, своими методами.

Мао Цзэдун считал, что Сталин должен удовлетвориться тем, что его предложение было принято и китайская сторона осудила речь Ачесона.

Формально Мао Цзэдун даже подчеркнул, что китайская сторона в условленное время выступила с официальным заявлением. Если бы советская сторона сочла несущественным вопрос о форме официального заявления китайской стороны, стороны могли бы найти компромисс.

Мао Цзэдун понимал, что компромисса тут быть, однако, не могло. Вопросы были принципиальными: должны ли союзники держать слово, надежен ли союз наших двух стран в современном мире.

Здесь для Мао Цзэдуна становились несущественными доводы Молотова и Сталина о том, что международные обычаи, практика международных отношений считают официальным выражением позиции правительства только заявления от имени правительства, министерства иностранных дел или министра иностранных дел. Мао Цзэдун сознательно пошел на конфронтацию со Сталиным; более того, он вынес разногласия на показ для всего мира. По сути дела, Мао Цзэдун продемонстрировал,

что МНР является марионеткой СССР, а КНР ею не является, что по этому столь острому вопросу в истории русско-китайских отношений между Новым Китаем, то есть между КНР, и Россией, то есть СССР, продолжают сохраняться разногласия.

Сама постановка вопроса Сталиным и Молотовым о том, что выступления Москвы и Пекина на мировой арене должны быть согласованы и по своей форме, вызывала принципиальные возражения у Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун тесно увязывал межгосударственные и межпартийные отношения. Он, во всяком случае внутри своей партии, среди своих сторонников, настойчиво проводил мысль о том, что, с его точки зрения, после роспуска Коминтерна, явившегося чисто формальным актом, Сталин, ВКП(б) и «даже правительство СССР» по-прежнему в отношениях с компартиями других стран ведут себя как «партия-отец», как «старший брат», причем такие «отец» или «старший брат», которые не желают принимать во внимание соображения «младших братьев». Мао Цзэдун намеренно ввел в обращение в своей партии и попытался распространить на другие партии именно эти самые термины «партия-отец» и «старший брат» для того, чтобы создавать отрицательное отношение и к России (к СССР), и к Сталину как в Китае, так и за рубежом, чтобы готовить «бунт» «младших братьев» против «диктата» «отца» или «старшего брата». Это была не только борьба за равенство и самостоятельность со стороны Мао Цзэдуна, но борьба за то, чтобы со временем поставить Россию (СССР) в приниженное положение нации, кругом виноватой перед всем миром и особенно перед Китаем.

У Мао Цзэдуна был, естественно, и свой взгляд как на саму речь Ачесона, так и на реакцию на нее в Москве. Мао Цзэдун считал вполне естественными в условиях того времени попытки Вашингтона внести разлад в отношения Москвы и Пекина. В то же время Мао Цзэдун полагал, что в своей речи Ачесон указал на действительно имевшие место недостатки и ошибки в политике Сталина.

Мао Цзэдун имел в виду стремление Сталина не только сохранить МНР в качестве отдельного от КНР государства, но и заполучить особые права для СССР в ряде районов Китая, то есть в Маньчжурии и в Синьцзяне; с точки зрения Мао Цзэдуна,

это было требование Сталина передавать советским властям всех советских специалистов, которые проштрафились в Китае, а также не допускать американцев и граждан прочих фактически союзных с США стран на территорию ряда районов КНР (прежде всего Северо-Восточного Китая и Синьцзяна), а также сохранение за СССР преимущественных позиций в руководстве хозяйственной деятельностью и во владении долей капитала ряда смешанных компаний или акционерных обществ, действовавших на территории КНР.

Однако то, что Мао Цзэдун именовал особыми правами или привилегиями, было, с точки зрения Сталина, минимальной и даже заниженной платой за помощь КНР — КПК, которую предполагали оказывать и уже частично оказывали СССР — ВКП(б), помогая восстанавливать и развивать экономику КНР и особенно отдавая делу строительства в Китае бесценные знания прекрасных советских специалистов в различных областях. Сталин при этом как бы уже и не говорил о том, что он фактически соглашался ставить свою безопасность в зависимость от интересов КНР (это, конечно, имело и свои плюсы, и свои минусы) защищать интересы КНР, давал обещание вместе с Пекином отражать наскоки врагов, Японии и союзных с нею стран, а здесь слово СССР как военной державы в то время было нужно КНР, во всяком случае, в большей мере, чем поддержка со стороны КНР Советскому Союзу.

С точки зрения Мао Цзэдуна, в создавшейся ситуации Сталину следовало, с одной стороны, дать отповедь клеветническим наскокам со стороны Ачесона. Мао Цзэдун полагал, что здесь должен был найти свое выражение принцип «отделения своих от врагов», а потому был согласен пойти навстречу Сталину перед лицом общего врага и тоже осудить высказывания государственного секретаря США, назвав их клеветой.

Однако, в то же время и с другой стороны, Мао Цзэдун полагал, что Ачесон верно подметил и указал на определенные недостатки и ошибки в политике Сталина по отношению к КНР. Поэтому, полагал Мао Цзэдун, вместо того чтобы заставлять КНР просто идти вслед за СССР, из чего следовало, что Пекин признает, что Москва не допускала ошибок по отношению к КПК — КНР, Сталину следовало бы признать и самому исправить свои ошибки и недостатки, что могло бы содействовать сплочению,

в частности, с КНР. Мао Цзэдун считал недостатками Сталина его высокомерие, зазнайство, великодержавие, даже шовинизм.

Мао Цзэдун был недоволен тем, что Сталин не принял во внимание, что Мао Цзэдун пошел ему навстречу и вместе с ним формально осудил речь госсекретаря США. Мао Цзэдун сделал это, исходя из своего тезиса о необходимости «разграничения врагов и своих». Иначе говоря, Мао Цзэдун в то время полагал, что главную опасность для него в создавшихся и временно существовавших тогда условиях представляли США, поэтому их нужно и можно было относить к категории «врагов», а Сталина можно было также временно и в создавшихся условиях относить к числу относительно «своих». Из всего этого следовало, что, выбирая из двух зол меньшее (а для Мао Цзэдуна и США, и Сталин были «двумя злами»), Мао Цзэдун был вынужден кривить душой и делать снисхождение, то есть смотреть сквозь пальцы на ошибки и недостатки Сталина. Здесь ярко проявлялась натура Мао Цзэдуна, который всегда, по крайней мере в своих мыслях в то время, ставил себя выше Сталина, как, впрочем, и выше любого другого человека в Китае и за его пределами, во всем мире. Сталин тоже проявлял свою натуру в отношениях с Мао Цзэдуном, фактически на протяжении всего времени пребывания Мао Цзэдуна в Москве то так, то этак пытаясь заставить Мао Цзэдуна следовать за собой, навязать ему свою волю.

Мао Цзэдун полагал, что, выступив с осуждением речи Аче-сона, он выполнил формальности, то есть оказал поддержку Сталину перед лицом внешнего врага. Мао Цзэдун делал это, несмотря на то что, по существу, был не согласен с политикой Сталина, и, по сути дела, таким образом как бы снисходил к его трудностям в отношениях с американцами.

Мао Цзэдун всегда стремился отделять трудности Сталина в отношениях с американцами от своих трудностей в отношениях с американцами. В этом состояли, может быть, самые существенные разногласия между Сталиным и Мао Цзэдуном в период их встреч и бесед в Москве в 1949–1950 годах. Ведь Сталин хотел бы добиться признания Мао Цзэдуном того, что и он сам, и его партия, и его государство являются лишь составной частью единого военного лагеря, который существует на мировой арене в окружении врагов и в котором должна соблюдаться

военная дисциплина, должно существовать подчинение одному верховному главнокомандующему, то есть Сталину.

Мао Цзэдун никак не желал согласиться с такой позицией Сталина. Он фактически, на словах признавая, что США и их союзники являются противником и КНР, и СССР, по сути дела, желал оставлять дверь открытой для того, чтобы при первой же возможности самостоятельно и отдельно повести дела с Вашингтоном, не завися при этом от СССР; более того, с точки зрения Мао Цзэдуна, будущее взаимодействие в отношениях с США могло иметь одной из своих основ общее осуждение целого ряда сторон политики России (СССР).

Мао Цзэдун был крайне недоволен тем, что Сталин не принял во внимание такой важный шаг Мао Цзэдуна, как осуждение речи госсекретаря США, но и, более того, не отнесся к КНР как к равному в правах партнеру, а начал настаивать на том, чтобы само осуждение речи Ачесона было осуществлено в форме, копировавшей советскую модель такой акции. Мао Цзэдун видел в этом поступке Сталина и отсутствие уважения к принципу равноправия, и отсутствие уважения по отношению к «братской партии» и к «братской стране». Он полагал, что он не мог уступить ни в чем, так как это означало бы соглашательство в вопросе о государственном суверенитете и национальном самоуважении.

Таким образом, Сталин и Мао Цзэдун не могли достичь взаимопонимания по этому вопросу. Они расходились принципиально, они были несовместимы в очень многом.

Сталин и Мао Цзэдун — союзники поневоле. Сталин предпочел бы иметь не равноправного партнера и союзника, а зависящих от него во всем государство и его лидера. Однако силой обстоятельств Сталин был вынужден вступать в отношения союза и оформлять эти отношения с Мао Цзэдуном. Мао Цзэдун предпочел бы независимость и самостоятельность, отдельность. Однако точно так же, силой обстоятельств, он был вынужден вступать со Сталиным в отношения союза.

Оказалось, что в беседах Сталина и Мао Цзэдуна каждый из собеседников должен был внимательно анализировать не только общий смысл сказанного, но и каждую формулировку, фразу, слово, если хотите, каждый звук или даже незвук. Дело в том, что даже молчание, неотчет на вопрос тоже имели значение,

содержали в себе загадку, которую предстояло разгадать, представляли собой маневр, на который приходилось реагировать. Имели значение не только высказывание или молчание, но и выражение лица. Даже с этой точки зрения общение Сталина и Мао Цзэдуна было еще более сложным, чем общение, например, Сталина с Черчиллем или Рузвельтом.

Попутно отметим также, что Мао Цзэдун также подозрительно смотрел на своих подчиненных, как и Сталин на своих. В ходе бесед в Москве это проявилось применительно к Сталину в случаях, известных нам с Н. Т. Федоренко (см. выше), а применительно к Мао Цзэдуну — в случае с Чэнь Бода (см. ниже).

Молотов и Чжоу Энълай во время встреч Сталина и Мао Цзэдуна в Москве играли роль главных интерпретаторов и проводников сталинских и маоцзедуновских мыслей, разъяснения их партнерам по переговорам; они служили при необходимости передаточным звеном посланий от Сталина к Мао Цзэдуну и обратно; это был необходимый компонент механизма общения между собой Сталина и Мао Цзэдуна, без которого ни тот, ни другой обойтись просто не могли. При этом Сталин и Мао Цзэдун выдвинули на передний план своих самых доверенных и лучших дипломатов: Молотова и Чжоу Энълая. Другое дело, что Сталин считал нужным в ряде случаев подкреплять Молотова Микояном и Вышинским.

Что же касается вышеупомянутой беседы Сталина с Мао Цзэдуну по вопросу о форме реакции на речь госсекретаря США, то она так и закончилась размовкой. Стороны остались на своих позициях.

Сталин решил тут же исправить возникшую атмосферу. Он пригласил Мао Цзэдуна и Чжоу Энълая поехать тут же из Кремля на его дачу в Кунцево.

Мао Цзэдун ничего не сказал, но не возражал.

Сталин сделал необычный жест. Он предоставил заднее широкое сиденье в своем автомобиле Мао Цзэдуну и Чжоу Энълаю, а сам вместе с Ши Чжэ разместился на откидных сиденьях. Несмотря на радушие и гостеприимство Сталина и на то, что в автомобиле все они сидели близко друг к другу, в кабине сначала царило молчание. Ши Чжэ, ощущая неловкость, а также выдавая то, что он очень нервничал, попытался заговорить

со Сталиным. Он обратился к нему со словами: «Товарищ Сталин, помнится, что вы обещали побывать у нас в резиденции в гостях?» Сталин ответил: «Да, я говорил об этом. Я и сейчас не отказался от этого желания».

Ши Чжэ исходил из того, что в свое время Мао Цзэдун высказывал намерение пригласить Сталина в гости. На кухне даже была проведена подготовка. Сталина собирались потчевать уткой по-пекински, бараниной, которую варили прямо на столе в особом устройстве, так сказать в китайском самоваре, знаменитой водкой — маотаем. Ши Чжэ заговорил об этом, желая сгладить возникшую в ходе беседы неловкость и вывести отношения из некоего тупика.

Сталин тут же воспользовался благоприятной возможностью. Он живо откликнулся на слова Ши Чжэ, сказав, что он не только говорил об этом в свое время, но и сейчас не отказался от этого желания.

Мао Цзэдун, однако, тут же спросил Ши Чжэ: «О чем это ты с ним говоришь? Не приглашай его к нам в гости». В этом также проявилось нервическое состояние Мао Цзэдуна.

Ши Чжэ пришлось признать, что именно об этом он и заговорил со Сталиным. Мао Цзэдун решительно отрезал: «Берем свое слово назад, не будем приглашать его к нам».

Тут уже Сталин поинтересовался: «Что он говорит?»

Ши Чжэ ничего не оставалось, как ответить так: «Ничего особенного. Это мы просто так между собой говорили».

Сталин больше ни о чем не спросил.

Далее они в молчании ехали полчаса до дачи Сталина.

По приезде Сталин стал ухаживать за Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем.

Через полчаса приехали другие руководители ВКП(б) — СССР.

Начался банкет. Сталин был оживлен. Мао Цзэдун по-прежнему сидел и не произносил ни слова.

Настроение Мао Цзэдуна передалось окружающим.

Стремясь разрядить атмосферу, Сталин встал и завел патефон. Сначала он пригласил всех послушать музыку, а затем стал призывать танцевать. Маленков, Булганин, Молотов по призыву Сталина пошли плясать. Они приглашали и китайских коллег. Но ни Мао Цзэдун, ни Чжоу Эньлай не присоединились

к пляшущим. В конце концов радушные хозяева вытащили плясать Чжоу Энълая и Ши Чжэ.

Мао Цзэдун продолжал сидеть и молчать. Молотов, Маленков несколько раз пытались втянуть его в круг танцующих, но он отказывался, качал головой.

Чжоу Энълай пытался сгладить неловкость. Он разговаривал, шутил, ел, пел и даже пошел в пляс. Однако он делал все это, учитывая настроение Мао Цзэдуна.

Только глубокой ночью Мао Цзэдун и его спутники возвратились в свою резиденцию. [319]

Итак, между Сталиным и Мао Цзэдуном произошла размолвка.

Хотя, если вдуматься, дело было вовсе не таким простым. То, что случилось в этот вечер, представляется, может быть, главным столкновением в борьбе между Сталиным и Мао Цзэдуном.

Можно себе представить, о чем тогда думал Сталин.

Он был уязвлен до глубины души. По прибытии Мао Цзэдуна в Москву стало ясно, что Мао Цзэдун, прежде всего, выдвигает претензии к Сталину в связи с вмешательством во внутренние дела в Китае, в дела партии Мао Цзэдуна. Сталин после известных размышлений решил устранить это препятствие на пути налаживания отношений. Он пошел на такой шаг, который, с его точки зрения, в максимальной степени показывал его твердые намерения больше не вмешиваться во внутрикитайскую политическую борьбу. Сталин фактически предал и своего главного в то время доверенного человека при Мао Цзэдуне, то есть И. В. Ковалева, и некоторых видных деятелей самой Компартии Китая, которые фактически были склонны к тому, чтобы признавать верховенство Сталина в обмен на поддержку в их борьбе против Мао Цзэдуна и его команды. При этом Сталин знал, что Мао Цзэдун действительно предпринимал на протяжении целого ряда лет попытки наладить отношения с американцами и за Мао Цзэдуном шла значительная часть членов руководства партии, но в то же время находились люди, которые вставали практически в оппозицию Мао Цзэдуну, докладывали Сталину о настроениях и шагах Мао Цзэдуна и клялись в том, что уж они-то не будут действовать проамерикански, а будут ориентироваться только на Сталина. И все-таки

Сталин передал их (в частности, Гао Гана) в руки Мао Цзэдуна. Сталин рассчитывал, что благодаря его такому, как он полагал, неожиданному для Мао Цзэдуна смелому шагу все препятствия для решения вопросов, стоявших перед Сталиным и Мао Цзэдуном, будут сняты.

Сталин, очевидно, пришел к выводу о том, что внутри КПК Мао Цзэдун обеспечил себе к тому времени такую поддержку, что всякая борьба против него внутри его партии была в то время бесперспективна. Сталин своим таким шагом рассчитывал также выбить из рук Мао Цзэдуна его «старые козырные карты», то есть его утверждения о том, что Сталин продолжает пытаться внутри КПК опираться на кого-то из китайцев, которые выступают против Мао Цзэдуна.

К изумлению и негодованию Сталина, оказалось, что это совсем не так. Мао Цзэдун проглотил жертв, которые были предложены ему Сталиным. Он был действительно доволен. Но ему этого оказалось мало. В дальнейшем, совсем скоро, он поступил так, что это никак не укладывалось в ожидания Сталина; Мао Цзэдун продемонстрировал, что его отношения со Сталиным в настоящем и будущем — это непрерывная борьба.

Сталин исходил из того, что во внутрикитайских делах теперь, с образованием КНР, он может демонстрировать Мао Цзэдуну свое полное понимание и отдавать их полностью на откуп Мао Цзэдуну. Но в мировых делах Сталин требовал от Мао Цзэдуна по крайней мере подтверждения того, что в самом главном, в вопросе о том, чтобы занимать единые позиции там, где речь идет о противостоянии с США, Мао Цзэдун будет следовать за ним, за Сталиным, так как себя Сталин видел руководителем всего мирового лагеря борьбы против США. Подспудно Сталин имел в виду и следующее: борьба в мировом масштабе была столь острой, что все остальные вопросы, в том числе и трудные проблемы в двусторонних советско-китайских отношениях (вопросы территориального порядка и вопросы, касавшиеся границы), должны быть заморожены, стать на какое-то время «неприкасаемыми», если хотите, подчиненными относительно главного вопроса — противостояния с США.

И вдруг Сталин обнаружил, что Мао Цзэдун желает быть, как он это хотел бы называть, полностью независимым и самостоятельным от него не только в том, что касалось внутрикитайских

дел, но и по вопросам мировой политики. Да дело было даже не в независимости и самостоятельности в мировых вопросах, а в том, что Мао Цзэдун фактически отказывался становиться надежным союзником Сталина в этих вопросах. Иначе говоря, со стороны Мао Цзэдуна можно было ожидать подвоха. Мао Цзэдун, как стало ясно Сталину, был способен при подходящих условиях, то есть тогда, когда СССР не сможет силой защищать свои границы и территории, а впрочем, в той или иной степени и гораздо раньше, поставить свои требования к СССР (касавшиеся вопросов о территории и о границе) на первый план, невзирая на существование США; да даже более того, именно такая постановка вопроса Мао Цзэдуном переводила его со временем и по сути дела в положение силы, с которой должны были считаться и СССР, и США. Мир становился или мог стать не биполярным (СССР — США), а по крайней мере триполярным (СССР — США — КНР), а до той поры и в конкретных условиях того времени позиция Мао Цзэдуна была выгодна США и не выгодна Сталину, следовательно, для Сталина шаг Мао Цзэдуна был предательством по отношению к нему со стороны Мао Цзэдуна на мировой арене.

Однако Сталин был вынужден спасать то, что можно было спасти из двусторонних советско-китайских отношений, и в то же время использовать реальную заинтересованность КНР в помощи со стороны СССР в военном и экономическом плане, поэтому он был вынужден в ответ на молчание Мао Цзэдуна тоже промолчать, затаить в себе свои мысли и попытаться на практике двинуть вперед дело обсуждения текста советско-китайского договора.

Что же касается характера Сталина, то весьма примечательно, что он, с одной стороны, проявил недюжинную выдержку и силу и постарался сохранить хотя бы внешне теплую атмосферу в двусторонних отношениях; попутно заметим, что власти и харизмы Сталина в тот вечер и в ту ночь хватило для того, чтобы заставить пить и плясать перед собой не только своих подчиненных, но и подданных Мао Цзэдуна, то есть всех, кроме самого Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун, со своей стороны, видел ситуацию как чрезвычайно серьезную. Упор на формальные моменты, на международные обычаи, ссылки на международное право и практику,

которые делали фактически и Сталин, и Молотов, не были убедительны для Мао Цзэдуна.

Да и вообще необходимо сказать, что и Сталин, и Мао Цзэдун, когда кому-либо из них это было выгодно, ссылались на международное право, прямо и громогласно или в своих оценках для внутреннего пользования. Так, Мао Цзэдуну не нравилось нарушение Сталиным норм международного права, когда он поставил вопрос о неподсудности советских граждан, советских специалистов китайским властям и законам в тех случаях, когда они нарушили бы законы и правила, действовавшие на территории КНР. Со своей стороны, Сталин ссылался тоже на нормы международного права, на международные обычаи, когда речь шла о согласованном общем демарше официальных властей обеих стран перед лицом США и всего мира. И в то же время и Сталин, и Мао Цзэдун не считались с позицией партнера-соперника, если полагали это для себя выгодным и необходимым.

Сталин и Мао Цзэдун действовали в конечном счете как два «самодержца», как те, для кого иной раз вынужденно существовали некие «законы», а иной раз такие «законы» для них и не существовали, как те, кто способен на нарушение всякого «закона», на «беспредел». Для Сталина и Мао Цзэдуна любой «договор» или «соглашение», любая даже уже согласованная международная акция, даже уже осуществленное дипломатическое признание другого государства (СССР, МНР в одном случае; КНР или Китайской Республики в другом случае) — это только «бумажка», которую при необходимости можно не заметить и обойти.

Сталин и Мао Цзэдун внешне прикрывались положениями как бы общей для них «теории», то есть марксизма-ленинизма, а именно ссылались на интернациональный долг, на классовую солидарность, хотя сутью их политики была всегда смертельная борьба против всех тех, кого они в данный момент считали своими противниками; речь шла о борьбе не на жизнь, а на смерть, острием против острия, то есть о борьбе с целью уничтожения противника всеми доступными средствами; при этом предполагалось, что разрешены все приемы: и те, что уже использует против тебя противник, и те, до применения которых противник еще не додумался.

Сталин и Мао Цзэдун исходили при этом как бы из интересов своих наций. Сталин защищал интересы русских, как утвержда-

ли в КНР, когда хотели уязвить Сталина в отступничестве от интернационализма. Мао Цзэдун защищал интересы китайцев, как говорили в СССР, упрекая Мао Цзэдуна в великоханьском национализме. В общем, стороны обвиняли одна другую в великодержавном шовинизме. Частично это было и так, и вообще анализ с точки зрения национальных, а не классовых интересов больше объясняет в политике Сталина и Мао Цзэдуна. Однако на самом деле все решалось или определялось для каждого из них тем, что было еще более важным, самым важным и для Сталина, и для Мао Цзэдуна, а именно борьбой каждого из них за сохранение власти, за приобретение еще большей власти, то есть их собственными эгоистическими интересами, которые фактически превалировали над всем остальным.

Мао Цзэдун, размышляя о том, что тогда происходило, мог сопоставлять содержание дипломатического демарша СССР, то есть заявления министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского, с тезисами своей собственной статьи, которая была опубликована в виде интервью руководителя управления информации Ху Цяому китайскому корреспонденту.

В своей статье (в интервью Ху Цяому) Мао Цзэдун называл утверждения Д. Ачесона «клеветническими». Однако если попытаться разобраться в том, что именно не нравилось Мао Цзэдуну, то оказывалось, что он упрекал США в том, что основой их политики было стремление превратить Китай в свою колонию, что они оказали за несколько последних лет помощь Чан Кайши в размере 6 млрд долларов, что США неверно понимали и свои собственные интересы, и интересы Китая. Из всех тезисов Мао Цзэдуна в данном случае следовало, что он выдвигает те условия, при принятии которых США могли бы надеяться на благоприятное развитие двусторонних отношений с КНР; более того, в этом случае по-иному стоял бы, очевидно, с точки зрения Мао Цзэдуна, и вопрос об отношениях между КНР и СССР. Особенно привлекала внимание цифра американской помощи Чан Кайши. Нельзя исключать того, что Мао Цзэдун заранее хотел принизить размеры той помощи в виде займа, которую в то время Сталин мог оказать Мао Цзэдуну (этот заем составил 300 млн долларов и был рассчитан на пять лет (1950–1954); в КНР — КПК демонстративно выражали недовольство столь «скромным» займом). Это был и намек на то, что нормализация отношений

КНР и США потребовала бы от США отказа от односторонней помощи Чан Кайши и новых миллиардных вложений в военную и гражданскую экономику КНР.

Что же касается утверждений Д. Ачесона относительно намерений СССР поставить Китай под свой контроль, оккупировать четыре района в северной части Китая (Маньчжурию, обе Монголии — Внутреннюю и Внешнюю, Синьцзян), то Мао Цзэдун лишь объяснял, почему США так или иначе ставили эти вопросы, исходя из своих интересов в тот или иной момент. Более того, Мао Цзэдун, ссылаясь на казус с американским дипломатом, которого китайские коммунисты сначала арестовали, так как он оставался на занятой ими территории, а затем отпустили или, говоря формально, выдворили за пределы территории КНР именно в то время, когда Мао Цзэдун находился в Москве, доказывал, что в Маньчжурии за СССР осталось лишь право участвовать в совместном хозяйственном управлении КВЖД, что Маньчжурия находится исключительно под контролем китайцев. Мао Цзэдун считал необходимым довести до сведения американцев, что он не пойдет на требования Сталина дать гарантии не пускать в ряд регионов Китая граждан США, других западных государств.

Мао Цзэдун в своей статье не говорил специально о состоянии советско-китайских отношений, он не говорил о «бескорыстном друге — СССР»: он не критиковал следующее утверждение Д. Ачесона: «Интересы русских в Северном Китае и в других районах страны существовали задолго до появления коммунизма. Это все началось не с появлением коммунизма. Это существовало задолго до появления коммунизма». Таким образом, Мао Цзэдун в ответ на речь Д. Ачесона, с одной стороны, показывал, что он желает проводить свою политику в отношении любой страны, будь то США или СССР. Во-вторых он перечислял свои исторические претензии к США: стремление Вашингтона добиваться своей политикой превращения Китая в американскую колонию, помощь сопернику Мао Цзэдуна в политической и военной борьбе в Китае, то есть помощь Чан Кайши. Мао Цзэдун также ставил в вину американцам их непоследовательность, в частности то, что они в зависимости от обстоятельств по-разному толковали характер отношений СССР и КПК, что объяснялось ориентацией Вашингтона на Чан Кайши.

Мао Цзэдун делал особый упор на доказательство того, что США могут не волноваться: Мао Цзэдун не допустит господства русских в Маньчжурии.

Наконец, Мао Цзэдун намеренно и специально не реагировал на ряд высказываний Д. Ачесона, утверждавшего, что Россия действовала в истории, задолго до появления СССР, в своих интересах, то есть во вред интересам Китая. Мао Цзэдун полагал, что эти слова государственного секретаря США отражали факты; более, главное тут было в том, что Мао Цзэдуну был близок взгляд на Сталина как на преемника политики прежней России в отношении Китая, политики, которую Мао Цзэдун если не огульно, то почти полностью считал вредной для Китая.

Итак, Мао Цзэдун, возможно, сам же и спровоцировав речь государственного секретаря США, использовал ее появление и ситуацию, когда он знал о предстоящем появлении официального заявления Министерства иностранных дел СССР (то есть фактически заявления Сталина) по этому поводу, для того чтобы выступить с разъяснением американцам своей политики в отношении США и СССР в момент, когда приближалось подписание договора между СССР и КНР; фактически Мао Цзэдун раскрыл перед Вашингтоном свою принципиальную позицию по вопросам советско-китайских и китайско-американских отношений в ходе бесед со Сталиным в Москве.

Мао Цзэдун в этом своем выступлении практически лишь формально осудил высказывания Д. Ачесона как клевету, но, по сути дела, не только не выступил в едином строю со Сталиным против утверждений Вашингтона, но как бы молчаливо солидаризировался с антирусскими и антисоветскими высказываниями американца по вопросу о характере политики России (а вслед за ней и СССР) по отношению к Китаю. Таким образом, Мао Цзэдун показал американцам, что им не следует опасаться союза Москвы и Пекина.

Далее, Мао Цзэдун использовал эту возможность для того, чтобы довести до Вашингтона свои условия движения по пути налаживания нормальных отношений с Вашингтоном в будущем.

Министр иностранных дел СССР А. Я. Вышинский (а по сути дела, сам Сталин) делал особый упор именно на осуждении высказываний Д. Ачесона по вопросу о Монгольской Народной

Республике. При этом министр иностранных дел СССР напоминал о том, что МНР существует уже три десятилетия, что ее статус оговаривался в Ялтинском соглашении, а следовательно, США тогда соглашались с ним. Он также напоминал, что в 1945 году Китайская Республика признала МНР, а КНР в 1949 году установила с ней дипломатические отношения.

В своей статье (в интервью Ху Цяому) Мао Цзэдун ни словом не затронул эту проблему. Иными словами, он не осудил высказывания Д. Ачесона.

Мао Цзэдун сделал это совершенно сознательно. Он хотел показать и своим коллегам по руководству КПК — КНР, и американцам, всему внешнему миру, включая и СССР, Сталина, что КПК и КНР не будут подстраиваться в этом вопросе под мнение Сталина, идти за ним. Мао Цзэдун пошел в данном случае наперекор Сталину не только потому, что Сталин позволил себе осуждать такую форму демарша Пекина, как опубликование интервью Ху Цяому вместо заявления министра иностранных дел, и не только потому, что упреки Сталина и Молотова затрагивали суверенитет и самоуважение КПК и КНР, но и потому, что упреки со стороны Сталина, в которых Мао Цзэдун усмотрел проявление великодержавного шовинизма, вызвали у него глубокое возмущение, гнев и размышления.

Мао Цзэдун полагал, что, с одной стороны, важно не забывать, что Россия сыграла неблагоприятную роль в истории двусторонних отношений, но, с другой стороны, следует помнить о том, что Ленин и Сталин оказывали помощь Китаю, вследствие чего и стали звучать лозунги: «Россия — наш учитель!», «Идти по пути русских!»

Однако, с точки зрения Мао Цзэдуна, еще более важным было то, что в конце Второй мировой войны или Войны сопротивления Японии Сталин оказал давление на Чан Кайши и заставил его принять позорные условия, подписать, с точки зрения Мао Цзэдуна, так называемый или пресловутый «Советско-китайский договор о дружбе и союзе». Во время переговоров в Москве в 1945 году Сталин дал представителям гоминьдановского правительства Сун Цзывэню и Цзян Цзинго заверения в том, что «СССР поможет гоминьдановскому правительству объединить Китай». Сталин заставил в 1945 году делегацию правительства Китайской Республики подписать четыре соглашения:

упомянутый договор о дружбе и союзе, а также документы о Восточно-Маньчжурской и Южно-Маньчжурской железных дорогах, о Порт-Артуре и Дальнем, а также о МНР или, в терминологии Мао Цзэдуна, о «так называемой независимости Внешней Монголии».

Мао Цзэдун реагировал на это. В июле 1949 года делегация КПК во главе с Лю Шаоци вела переговоры со Сталиным в Москве. Произошел обмен мнениями и по этому вопросу. Тогда позиция Сталина была предельно ясной. Он сказал: «Как только будет создано правительство Нового Китая, так СССР немедленно признает его. Советско-китайский договор 1945 года — это неравноправный договор, так как в то время мы имели дело с Гоминьданом. Тогда мы не могли поступить иначе». [320]

Мао Цзэдун не мог согласиться с тем, что теперь, давая ответ Д. Ачесону, Сталин представил этот договор снова как равноправный. Очевидно, что Мао Цзэдун не желал в данном случае считаться с тем, что высказывания, содержащиеся в заявлении советского министра иностранных дел, были предназначены, прежде всего, для Вашингтона, то есть Мао Цзэдун не соглашался с тем, что у Сталина есть право в дипломатических целях говорить Вашингтону одно, а в закрытом порядке заверять Мао Цзэдуна в другом. Ведь Сталин полагал, что он таким образом защищает общие интересы всех коммунистов планеты, единые интересы социалистического лагеря перед лицом общего противника, что же касается взаимоотношений внутри этого лагеря, то Сталин предпочитал рассматривать этот вопрос отдельно и относить его возможные решения на будущее. Для Сталина вопросы отношений между нациями были подчиненными относительно вопросов отношений в мире между классовыми врагами. Мао Цзэдун же выдвигал на первый план именно вопросы отношений между нациями, а если говорить точнее, то территориальные и прочие исторические претензии Китая к другим странам.

С другой стороны, сам Мао Цзэдун стремился разграничить два вопроса. Один — вопрос об установлении дипломатических отношений с МНР. Другой — вопрос о неравноправных договорах и об ошибочных методах Сталина, который исходил, с точки зрения Мао Цзэдуна, из позиций великодержавного шовинизма. Поэтому в интервью Ху Цяому, то есть в статье Мао Цзэдуна, по вопросу о Монголии и не было сказано ни слова.

Сталин, учитывая позицию Мао Цзэдуна, больше не стал возвращаться к этому вопросу.

Тем не менее Сталин нашел пути косвенного выражения своего мнения по следам случившейся между ними размолвки.

В одном из последующих разговоров с Мао Цзэдуном Сталин, осознавая, что между ним и Мао Цзэдуном недостает взаимопонимания, что существуют особенности культуры Китая, подробно выяснял для себя смысл многих китайских вещей и явлений, в том числе и самых повседневных.

Выслушав подробные разъяснения Мао Цзэдуна, Сталин сказал своим коллегам, что китайский язык, китайская письменность имеют свой особый национальный характер; тут все совершенно не похоже на представления, имеющиеся в языках Европы и Америки. При этом Сталин заявил, что китайская нация — это великая нация, а Мао Цзэдун — великий сын китайской нации! «Слышали, надо уважать культуру Китая, уважать Мао Цзэдуна!» — сказал Сталин. [321]

Сталин был в достаточной степени дипломатичен, чтобы подчеркнуть свое внимание к культуре Китая, к китайцам, лично к Мао Цзэдуну. Во всяком случае, Сталин подчеркивал свое уважение к культуре и особенностям Китая, стремясь тем самым и нащупывать общую почву в переговорах и отношениях с Мао Цзэдуном.

Мао Цзэдуну никогда не приходила в голову мысль о том, что взаимное недопонимание существует и потому, что он сам, Мао Цзэдун, не ценил культуру России, не призывал своих сторонников понимать, что это культура им неизвестна, что она самобытна и оригинальна, что в ней есть чему поучиться, что это не китайская культура, а потому следует учиться уважать и понимать и культуру России, и людей России. Словом, одним из важнейших недостатков Мао Цзэдуна было то, что он, очевидно органически, был неспособен относиться к другим народам, их культурам как к равным своему народу и культуре своего народа. Неравноправие в отношениях к другим народам — неотъемлемое качество Мао Цзэдуна.

Сталину был присущ великодержавный шовинизм. Мао Цзэдун тоже был болен этой болезнью. При этом Сталин хотя бы на словах проявлял уважение к культуре другого народа, а Мао Цзэдун этого не делал никогда; его шовинизм и презрение к другим

народам были по сравнению со сталинским великодержавным шовинизмом в квадрате. Весьма примечательно, что Мао Цзэдун практически совершенно не интересовался ни нашей страной, ни ее культурой, ни фактически даже историей ВКП(б) и не задавал в этой связи никаких вопросов Сталину.

Сталин во время пребывания Мао Цзэдуна в Москве проявлял инициативу для того, чтобы беседовать с Мао Цзэдуном, расспрашивать его о Китае, в том числе и о китайской революции.

Однажды, когда переговоры относительно текста договора были очень затяжными и напряженными, Сталин пригласил Мао Цзэдуна, Чжоу Энляя, Ван Цзясяна в соседнюю комнату и попросил Мао Цзэдуна откровенно высказать то, что у него лежало на сердце.

Мао Цзэдун снова начал рассказывать о том, как в период аграрной революции в Китае он подвергся нападкам со стороны тех, кто проводил ошибочную линию, тогда его даже оттеснили от руководства. «Они отняли у меня право высказывать свое мнение, не позволяли мне участвовать в работе»...

Сталин, как обычно, серьезно и внимательно слушал Мао Цзэдуна. Судя по выражению его лица, отмечал китайский переводчик, Сталин и симпатизировал Мао Цзэдуну, и испытывал некую неловкость.

Мао Цзэдун же все более воодушевлялся. Внезапно он даже встал с кресла и, указывая на Ван Цзясяна, сказал: «Он, они, именно они и наносили по мне удары, вытесняли и оттесняли меня! Вот он и есть тот самый человек, который в Советских районах [Китая] и совершал эти ошибки!»

Чжоу Энлай и Ван Цзясян просто места себе не находили, не знали, как реагировать, как остановить Мао Цзэдуна.

Сталин же сказал с удивлением: «Ну, посол Ван, ну ты и силен; значит, ты тоже совершал такие ошибки?!»

Ван Цзясян искренне ответил: «Да, совершал».

Мао Цзэдун почувствовал, что он слишком разошелся, и исправил положение: «Он давно уже исправился. А теперь он у нас сильный работник. После проведения нами движения за исправление стиля работы в Яньани мы осуществляли курс на то, чтобы извлекать урок из ошибок прошлого в назидание на будущее и относиться к тем, кто ошибался, как к больным, лечить и вылечивать их. Совершил ошибку, исправь ее, и дело с концом.

А уж если исправился, тогда мы больше не будем и вспоминать о прошлом, как говорится, прошлое тут в вину не ставится, за прошлое не взыскивается. Я и сам совершал ошибки, но я осознавал и исправлял их, исправлял втихомолку, украдкой!» [322]

Думается, что эта сцена говорит об уровне культурности Мао Цзэдуна, а также о том, что в беседах со Сталиным Мао Цзэдун никак не выглядел великим мыслителем. Более того, поведение Мао Цзэдуна наводит на мысли о его неуравновешенности и об отклонениях в его психике; ведь он повторялся в беседах со Сталиным и заклинивался на вопросе о своих обидах.

Конечно, Сталин не давал Мао Цзэдуну почувствовать свои подлинные настроения. Более того, Сталин понял, что следует проявлением внимания к рассказам Мао Цзэдуна создавать определенную атмосферу в ходе переговоров и встреч.

Исследователь, знакомившийся с архивом президента Российской Федерации, Д. А. Волкогонов писал, что на Сталина произвела большое впечатление старинная китайская притча, рассказанная однажды ему в беседе Мао Цзэдуну.

... На севере Китая жил старик по имени Юй-гун («глупый дед»). Дорогу от его дома на юг преграждали две большие горы. Юй-гун решил вместе с сыновьями срыть эти горы мотыгами. Увидев это, другой старик, Чжи-соу («мудрый старец»), рассмеялся и сказал: «Где же вам срыть такие горы? Глупостями занимаетесь»... Юй-гун ответил: «Я умру — останутся дети, дети умрут — останутся внуки, и так поколения будут сменять друг друга бесконечной чередой. Горы высоки, но выше уже стать не могут: сколько сроем, настолько они и уменьшатся. Почему же нам не под силу их срыть?» Юй-гун продолжал рыть горы... Это растрогало бога, и он унес эти горы...

Сталин помолчал и негромко прокомментировал: «диалектика». А Мао заключил: сейчас две большие горы давят на Китай: феодализм и империализм. [323]

Сталин любил при случае и такого рода философствования. Это было ему по душе, особенно когда рассказывал такие притчи он сам или, на худой конец, кто-то вроде Мао Цзэдуна, то есть политический деятель, с которым приходилось считаться.

Сталин был осторожен в оценке этого рассказа. Он всего-навсего расценил это как проявление диалектики в мышлении.

Вероятно, он понимал, что, как и обычно, все такого рода истории в устах Мао Цзэдуна имели двойное и тройное дно. Мао Цзэдун в данном случае, конечно же, имел в виду необходимость диалектического подхода к проблемам, но, помимо того, он намекал на то, что кое-кто мнит себя «мудрецом», считая его, Мао Цзэдуна, «туповатой деревенщиной, китайским Пугачевым», причем сильно ошибается в своих оценках. Далее Мао Цзэдун отметил, что он имел в виду борьбу против феодализма и империализма; политике Сталина, по мнению Мао Цзэдуна, в частности, были присущи и черты феодализма, и свойства империализма. Вполне очевидно, что Мао Цзэдун намекал и на то, что он собирается долго и упорно работать с той целью, чтобы проложить себе, своей нации путь на юг, то есть намерен добиться изменения отношений с другими странами, помимо Советского Союза, который находился к северу от Китая; здесь, пожалуй, таилась и мысль Мао Цзэдуна об установлении, несмотря на противодействие Сталина, в конечном счете отношений и с США. Можно предположить и то, что Мао Цзэдун под «двумя горами», которые пока застыт свет Китаю, имел в виду Россию (СССР) и США. Согласно мысли Мао Цзэдуна, когда-нибудь настанет такое время, когда китайцы «сроят» эти «две горы» на своем пути. Вполне вероятно, что это еще далеко не все задумки, которые имелись у Мао Цзэдуна тогда, когда он рассказывал Сталину эту притчу.

Д. А. Волкогонов также указывал на то, что 22 января 1950 года в беседе со Сталиным Мао Цзэдун засомневался, что их договоренность «задевает решения Ялтинской конференции»... Сталин же ответил: «Верно, задевает, ну и черт с ним! Раз мы стали на позицию изменения договоров, значит, нужно идти до конца»... [324]

Этот момент во взаимоотношениях Сталина и Мао Цзэдуна представляется весьма любопытным. Ведь тут, по сути дела, Сталин выступает в роли «возмутителя спокойствия» в мире, то есть ради налаживания отношений с Мао Цзэдуном он готов идти и на какое-то обострение отношений с США; в то же время Мао Цзэдун, с одной стороны, выглядит как человек осторожный, советующий Сталину бережно относиться к сохранению баланса сил в мире, но, с другой стороны, позиция Мао Цзэдуна в данном случае, как нам представляется, это не более

чем провокация, толкающая Сталина на еще большую «неосторожность» в отношениях с США.

Спустя два года Сталин в беседах с Чжоу Энляем, который посещал его в Москве по поручению Мао Цзэдуна, не раз высказывался на темы мировой политики.

Так, 3 сентября 1952 года Сталин сказал Чжоу Энляю: «Хорошо, если бы в Бирме было прокитайское правительство. В бирманском правительстве немало жуликов, изображающих из себя каких-то деятелей»...

Узнав, что Мао Цзэдун подавил восстание в Тибете, Сталин посоветовал Чжоу Энляю: «Надо туда строить дорогу. Без дороги трудно поддерживать в Тибете должный порядок. Тибетские ламы продаются кому угодно — и американцам, и англичанам, и индусам, всем, кто больше заплатит»... [325]

Политический цинизм, в котором Сталин и Мао Цзэдун время от времени как бы стремились перешеголять один другого, был постоянным спутником политики и того и другого из этих вождей. При этом весьма характерно то, что в этих случаях обычно Мао Цзэдун сразу или повременив следовал советам Сталина. Сталин же не получал и не принимал никаких советов такого рода от кого бы то ни было, включая Мао Цзэдуна.

14 февраля 1950 года в Кремле состоялась торжественная церемония подписания советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи.

Сталин и Мао Цзэдун прибыли на церемонию, обменялись рукопожатиями, осведомились взаимно о здоровье друг друга, и торжество началось.

От имени КНР договор подписал премьер Государственного административного совета и по совместительству министр иностранных дел КНР Чжоу Энлай. От имени СССР под документом поставил свою подпись министр иностранных дел СССР А. Я. Вышинский. Чжоу Энлай и Вышинский обменялись речами.

В тот день одновременно были подписаны несколько документов: договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, соглашение о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем, соглашение о предоставлении кредита Китайской Народной Республике, а также соглашение о предоставлении Советским Союзом помощи КНР в строительстве 50 промышленных объектов.

Первоначально предполагалось подписать также и соглашение о внешней торговле. Однако оно оказалось не готово к подписанию, как утверждали в КНР в литературе, посвященной этим событиям, из-за небрежности, допущенной работниками советской стороны. Когда же Сталин, недоумевая в связи с отсутствием этого документа, осведомился, в чем дело, ему доложили, что «не готов китайский текст».

Ши Чжэ услышал эти слова и перевел их Мао Цзэдуну, который был весьма недоволен и с иронией сказал: «Ну, конечно, как ни крути, а у них во всех ошибках всегда мы виноваты!»

Сталин, не понимая по-китайски, обратил внимание на выражение лица Мао Цзэдуна и поинтересовался: «Что сказал председатель Мао?»

Ши Чжэ уклонился от прямого ответа, сказав лишь, что они с Мао Цзэдуном обменялись мнениями «в частном порядке».

Сталин с сомнением покачал головой, но больше ничего не спросил.

Сталин был чуть ниже ростом, чем Мао Цзэдун. Во время фотографирования участников официальной церемонии подписания советско-китайского договора Сталин чуть подался вперед и поэтому на снимке оказался одного роста с Мао Цзэдуном.

После церемонии Сталин дал банкет в честь Мао Цзэдуна и китайской делегации. Банкет был непродолжительным, но атмосфера была теплой. Сталин предложил тост: «Товарищ Мао Цзэдун, за полный успех Вашего визита к нам!»

Мао Цзэдун осушил рюмку и поблагодарил Сталина за радужный прием и за помощь, пожелал Сталину здоровья.

Молотов, Микоян, Вышинский по поручению Сталина вели конкретные переговоры относительно текста подписанного договора с Чжоу Энляем, Ли Фучунем и Ван Цзясяном. В ходе переговоров они лучше узнали друг друга.

Микоян, намекая на дипломатический талант Чжоу Энлая и поднимая бокал за его здоровье, с юмором сказал: «Теперь я наконец понял, почему Коммунистическая партия Китая пришла к власти».

Чжоу Энлай в ответ заметил: «Товарищ Микоян, скоро вы сможете увидеть, что Коммунистическая партия Китая способна, руководя народом, построить процветающий Новый Китай».

Прежде чем рассматривать некоторые особенности нового советско-китайского договора, представляется естественным привести здесь его полный текст; тем более что это позволит сопоставлять тексты договоров 1950 года и 1945 года (этот текст включен в монографию автора «Два генералиссимуса Сталин и Чан Кайши»):

«ДОГОВОР

о дружбе, союзе и взаимной помощи
между Союзом Советских Социалистических Республик
и Китайской Народной Республикой

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и Центральное народное правительство Китайской Народной Республики,

исполненные решимости путем укрепления дружбы и сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой совместно воспрепятствовать возрождению японского империализма и повторению агрессии со стороны Японии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы в любой форме с Японией в актах агрессии,

исполненные желания укреплять длительный мир и всеобщую безопасность на Дальнем Востоке и во всем мире в соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций,

глубоко уверенные, что укрепление отношений доброго соседства и дружбы между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой отвечает коренным интересам народов Советского Союза и Китая,

решили с этой целью заключить настоящий договор и назначили в качестве своих уполномоченных:

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик — Андрея Януарьевича Вышинского, министра иностранных дел Союза ССР,

Центральное народное правительство Китайской Народной Республики — Чжоу Эньлая, Премьера Государственного административного совета и министра иностранных дел Китая.

Оба полномочных представителя после обмена своими полномочиями, найденными в должной форме и полном порядке, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются, что ими совместно будут предприниматься все имеющиеся в их распоряжении необходимые меры в целях недопущения повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или любого другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с Японией в актах агрессии. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны Японии или союзных с ней государств, и она окажется, таким образом, в состоянии войны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

Договаривающиеся Стороны также заявляют о своей готовности в духе искреннего сотрудничества участвовать во всех международных действиях, имеющих своей целью обеспечение мира и безопасности во всем мире и будут полностью отдавать свои силы скорейшему осуществлению этих целей.

Статья 2

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются в порядке взаимного согласия добиваться заключения в возможно более короткий срок совместно с другими союзными во время второй мировой войны державами мирного договора с Японией.

Статья 3

Обе Договаривающиеся Стороны не будут заключать какого-либо союза, направленного против другой Стороны, а также не будут участвовать в каких-либо коалициях, а также в действиях или мероприятиях, направленных против другой Стороны.

Статья 4

Обе Договаривающиеся Стороны будут консультироваться друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим общие интересы Советского Союза и Китая, руководствуясь интересами укрепления мира и всеобщей безопасности.

Статья 5

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются в духе дружбы и сотрудничества и в соответствии с принципами равноправия,

взаимных интересов, а также взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела другой Стороны — развивать и укреплять экономические и культурные связи между Советским Союзом и Китаем, оказывать друг другу всякую возможную экономическую помощь и осуществлять необходимое экономическое сотрудничество.

Статья 6

Настоящий договор вступает в силу немедленно со дня его ратификации; обмен ратификационными грамотами будет произведен в Пекине.

Настоящий договор остается в силе в течение 30 лет, причем если одна из Договаривающихся Сторон за год до истечения срока не заявит о желании денонсировать договор, то он будет продолжать оставаться в силе в течение 5 лет и в соответствии с этим правилом будет пролонгироваться.

Составлено в г. Москве 14 февраля 1950 года в двух экземплярах, каждый на русском и китайском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

По уполномочию Президиума
Верховного Совета Союза
Советских Социалистических
Республик
А. Вышинский

По уполномочию Центрального
народного правительства
Китайской Народной
Республики
Чжоу Эньлай). [326]

В литературе, изданной в КНР, утверждалось, что проект советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи был составлен на основе принципов, определенных в ходе обмена мнениями между Сталиным и Мао Цзэдуном, а также Чжоу Эньлаем. Работа над самим документом началась с того, что советская сторона, учитывая основные идеи, выдвинутые Чжоу Эньлаем, и его мнение относительно основного содержания договора, изложенное в его выступлении, представила на рассмотрение китайской делегации свой проект договора.

Чжоу Эньлай, ознакомившись с этим проектом, сказал: «Так не пойдет. Сюда не включено многое из того, о чем я говорил. Надо будет вносить поправки».

Чжоу Энълай сначала посоветовался с Ван Цзясяном, Ли Фучунем, Чэнь Бода, а затем доложил о ситуации Мао Цзэдуну.

Мао Цзэдун прочитал проект договора, представленный советской стороной, и отрицательно покачал головой: «Это не годится. Давайте мы сами составим свой проект!»

После этого Чжоу Энълай за два дня подготовил новый проект договора, который Ши Чжэ быстро перевел на русский язык. Затем проект был передан советской стороне для внесения поправок. Советская сторона, ознакомившись с проектом, выразила удовлетворение. Представленный китайской стороной проект, после внесения в него небольших изменений, был одобрен советской стороной.

Первоначально договор носил следующее наименование: «Договор о дружбе и союзе между СССР и КНР». Иначе говоря, советская сторона предложила то же самое наименование, которое носил и договор, подписанный СССР и Китайской Республикой в 1945 году. Чжоу Энълай предложил внести в наименование договора слова «и взаимной помощи». Мао Цзэдун одобрил мысль Чжоу Энълая: «Было бы хорошо добавить слова “и взаимной помощи”, потому что здесь выражена идея равенства, равноправия и взаимной выгоды, интересов обеих сторон; речь идет о взаимно оказываемой помощи!» В результате, так как советская сторона приняла эту поправку, договор и получил свое окончательное официальное наименование: «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР».

Китайская сторона в работах, посвященных истории подписания договора, утверждает, что именно благодаря настойчивости Мао Цзэдуна и китайской стороны был заключен и сам договор и был определен тридцатилетний срок его действия. Китайская сторона также признавала, что этот договор сыграл позитивную роль и в сдерживании возрождения японского милитаризма, и в защите независимости Нового Китая.

Спустя некоторое время после подписания договора Сталин дал в Кремле банкет в узком составе. На банкет были приглашены Мао Цзэдун, Чжоу Энълай, другие китайские гости, а также руководитель Вьетнама Хо Ши Мин.

Во время банкета Хо Ши Мин обратился к Сталину: «Товарищ Сталин, мне бы хотелось получить ваши указания».

Сталин улыбнулся: «Почему это вы у меня просите указаний. Я всего-навсего председатель Совета Министров, а вы — глава государства. Вы по чину выше, чем я. Это мне следует просить у вас указаний».

Хо Ши Мин как бы в шутку продолжил: «Вот вы подписали договор с китайскими товарищами. Давайте воспользуемся тем случаем, что я нахожусь здесь, и давайте мы с вами подпишем тоже договор!»

Сталин сказал: «Вы прибыли к нам тайно. Как же мы можем с вами подписывать договор? Ведь люди могут спросить, а этот откуда свалился?»

Хо Ши Мин с юмором ответил: «Ну, это просто. Давайте самолет, грузите меня на него, поднимайте в небо; пусть он там сделает круг, а вы пошлите на аэродром кого-нибудь встречать меня. А потом опубликуйте в газетах сообщение об этом. Разве мы таким образом не сможем легализовать мой визит? А уж затем наши два государства могли бы и договор подписать!»

Сталин ничего не сказал на это. Он затянулся дымом, улыбнулся и промолвил: «Да, у вас, людей Востока, большая сила воображения».

Так Сталин в присутствии Мао Цзэдуна прозрачно намекнул на условность рассуждений о «калибре» первых руководителей компартий и соответствующих стран, а также на то, что сам он прочно стоит на почве реальности, но вынужден иметь дело с такими руководителями стран Востока, которых отличает «большая сила воображения» и которые иной раз просто живут в воображаемом мире своих размышлений.

Подчеркнем, что первая статья советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи гласила: «Обе Договаривающиеся Стороны обязуются, что ими совместно будут предприниматься все имеющиеся в их распоряжении необходимые меры в целях недопущения повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или любого другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с Японией в актах агрессии. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны Японии или союзных с ней государств, и она окажется, таким образом, в состоянии войны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами».

После возвращения из СССР Мао Цзэдун председательствовал на заседании правительства КНР, которое состоялось 11 апреля 1950 года. На этом заседании Чжоу Энлай выступил с докладом о советско-китайском договоре. На заседании после обсуждения договор был утвержден или ратифицирован. (Кстати, кинодокументы свидетельствуют о том, что Мао Цзэдун поставил на голосование этот вопрос. Все присутствовавшие подняли руки, кроме Мао Цзэдуна.) На этом заседании Мао Цзэдун, в частности, отметил следующее:

«Можно задаться вопросом о том, находясь в каком именно положении, мы подписали этот договор? А вот в каком именно положении: мы одержали победу над одним врагом, то есть над реакцией внутри нашей страны; мы свергли нашу внутреннюю реакцию, во главе которой стоял Чан Кайши и которая пользовалась поддержкой зарубежных реакционеров. Зарубежных реакционеров мы также изгнали из пределов нашей страны, в основном изгнали. Однако в мире есть и еще реакционные силы, я имею в виду зарубежный империализм. Ну и внутри нашей страны у нас еще очень много трудностей. ...Вот в этих-то условиях мы и испытываем необходимость в друге. ...Наши отношения с СССР, нашу дружбу с СССР мы должны были закрепить на правовой основе, то есть в договоре. Мы должны были скрепить договором дружбу двух государств — КНР и СССР, должны были установить между нашими двумя государствами союзные отношения. ...Если империалисты будут готовы нанести по нам удар, воевать против нас, на этот случай мы и договорились, пригласили себе помощника, подручного».

Говоря о главном смысле и договора, и соответствующих соглашений, Мао Цзэдун также указывал на следующее:

«Заклучая в настоящее время китайско-советский договор и соглашения, мы тем самым юридически закрепляем дружбу между нашими двумя государствами, КНР и СССР. Тем самым мы приобретаем надежного союзника, что позволяет нам свободно действовать, разворачивая строительство внутри нашей страны, и содействует тому, чтобы совместными усилиями отражать возможную агрессию со стороны империализма, добиваться мира во всем мире». Одним словом, «эта акция позволяет нашей Республике занять более выгодное положение, заставить капитализм действовать так, как нам это нужно, это

благоприятствует тому, чтобы все государства без каких бы то ни было условий признали Китай... эта акция имеет своим следствием то, что капитализм не отважится на опрометчивые, безрассудные действия». [327]

Мао Цзэдун в дальнейшем полагал, что подписание этого договора имело и некоторые негативные последствия. США и Япония, например, сочли, что, вступив в этот договор, СССР и КНР стали рассматривать Японию и ее защитника и покровителя США в качестве своего вероятного противника. В результате государственный секретарь США Д. Ачесон, выступая в Вашингтоне 15 марта 1950 года, выразил сожаление и недовольство тем, что Пекин вступил на путь союза с СССР. Под этим предлогом Запад в дальнейшем в 1951 году оформил свои союзнические отношения с Японией. Вскоре был заключен «Американо-японский договор о взаимной безопасности».

Мао Цзэдун и его сторонники утверждали, что Сталин ранее, то есть до приезда Мао Цзэдуна в Москву, высказывал подозрения относительно Мао Цзэдуна и специфического китайского революционного пути; однако во время переговоров в Москве Сталин проявил полное уважение к Мао Цзэдуну и возглавлявшейся им делегации Нового Китая и не только согласился с предложением Мао Цзэдуна и пошел на заключение советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, но и сделал целый ряд явных уступок в вопросах двусторонних отношений. Русские согласились до конца 1952 года безвозмездно передать КНР КЧЖД, а после заключения мирного договора с Японией не позднее конца 1952 года вывести советские войска из Порт-Артура, а также передать КНР все оборонительные сооружения в этом районе. СССР пошел на это при следующем условии: в случае войны этими оборонительными сооружениями могли пользоваться совместно обе стороны. СССР также безвозмездно передавал китайской стороне свое имущество, находившееся в Пекине. СССР согласился в течение пяти лет предоставить КНР заем в сумме 300 миллионов американских долларов (в дальнейшем китайская сторона подчеркивала незначительность этой суммы, с ее точки зрения, а также то, что заем был предоставлен под проценты; советская сторона указывала на то, что проценты были самые низкие в мировой практике того времени). Все это представляло собой резкий контраст по сравнению с тем договором, ко-

торый был подписан в 1945 году СССР и Китайской Республикой. [328]

Думается, что имелись нюансы в толковании сути договора 1950 года подписавшими его сторонами. Обе стороны были заинтересованы в обеспечении мирных условий для развития своих государств; отсюда обе стороны гарантировали друг другу мир в двусторонних отношениях; более того, они в известной степени предупреждали внешние потенциально враждебные им силы, что могут совместно оказывать отпор нападению на каждую из них. Для СССР, для Сталина было, очевидно, самым важным связать оба государства взаимоотношениями дружбы и союза, или, иными словами, заставить Мао Цзэдуна оказаться привязанным к Советскому Союзу в качестве его военного союзника, что закреплялось в договорной форме. Для Мао Цзэдуна важно было такой гранью повернуть толкование этого документа, чтобы внешний мир увидел в нем, прежде всего, проявление стремления Мао Цзэдуна, КПК — КНР к независимости и самостоятельности, отдельности от СССР и понял, что для только что образованной тогда КНР важно было обеспечить невступление любой страны, в том числе, и в данном случае особенно, Советского Союза, в какие-либо союзы, альянсы, направленные против КНР. Для Мао Цзэдуна важным представлялось подчеркивать в качестве основной мысли советско-китайского договора идею равноправия сторон, лишь на втором месте оказывалось (фактически как вынужденное) принятие предложения Сталина о взаимной военной и иной помощи друг другу, если одна из договаривавшихся сторон подверглась бы агрессии, которую развязало бы третье государство, в одиночку или со своими союзниками.

Возможно, что Мао Цзэдун уже тогда сделал для себя вывод о том, что для КНР практически не существует серьезной угрозы извне (не случайно в начале корейской войны Мао Цзэдун подчеркивал, что эта война будет носить лишь сугубо локальный характер); во всяком случае, при том условии, что КНР не будет находиться в союзных отношениях с СССР или что эти отношения, как станет ясным внешнему миру, существуют только на бумаге. Для Мао Цзэдуна договор 1950 года был только бумажкой в части военного союза с Советским Союзом; Мао Цзэдун не собирался действовать в военном союзе с СССР,

во всяком случае, не желал следовать за военной политикой СССР. Об этом свидетельствовала политика, которую Мао Цзэдун проводил уже в 50-х годах. Да и Сталин своей осторожностью в ходе корейской войны, своим нежеланием ставить СССР под угрозу прямого военного столкновения с США, продемонстрировал, что и он не намерен подвергать безопасность СССР угрозе ради рискованных действий Мао Цзэдуна; в этом смысле договор 1950 года был «бумажкой» и для Сталина, и для Мао Цзэдуна. В целом же Мао Цзэдун с самого начала, с момента образования КНР, на словах будучи вынужден говорить о том, что он «склоняется в одну сторону», то есть встает на сторону СССР в его противостоянии с США и Западом в целом, по сути дела, взял твердый курс на то, чтобы в военном отношении не находиться ни в какой форме обязательного союза, а далее и сотрудничества с СССР, исключая заимствование у Советского Союза новой и новейшей технологии и вооружений, и прежде всего изобретений в области ядерной и ракетной военной техники. Не случайно обмены и сотрудничество в этой области прекратились позднее всего, то есть в 1965 году. Мао Цзэдун ставил перед своими специалистами и учеными задачу вынуждать Советский Союз оказывать помощь КНР, одновременно активно и упорно добиваясь того, чтобы как можно быстрее стать и в этих областях независимым от СССР государством. Итак, очевидно можно сказать, что Сталин стремился заставить Мао Цзэдуна хотя бы формально и хотя бы на протяжении двух-трех десятилетий состоять в едином военном лагере с Советским Союзом, а Мао Цзэдун предпочитал быть совершенно отдельным государством, не имеющим со Сталиным, с СССР союзных отношений и в то же время использующим ситуацию для того, чтобы вынуждать и ставить себе на службу военнотехнические секреты СССР.

14 февраля 1950 года посол КНР в СССР Ван Цзясян устроил в московской гостинице «Метрополь» прием по случаю подписания советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи.

В литературе, изданной в КНР, это событие описано следующим образом.

Прием был назначен на 6 часов вечера. Были приглашены более 500 человек.

Обычно Сталин никогда не посещал такого рода приемы. Поэтому присутствовавших волновал вопрос о том, будет ли он на сей раз гостем посла КНР.

Ровно в 6 часов 30 минут Сталин приехал на прием вместе с членами Политбюро ЦК ВКП(б).

Мао Цзэдун встретил Сталина в дверях зала, где проходил прием. Они обменялись рукопожатиями, осведомились о здоровье друг друга, затем прошли на свои места за столом.

Решение о присутствии Сталина на этом приеме было принято на заседании Политбюро.

За банкетным столом Сталин сказал с улыбкой Мао Цзэдуну: «Мне сказали, что вы выразили пожелание о том, чтобы я присутствовал на этом приеме. Это против правил, принятых в Советском Союзе. Мы обсудили этот вопрос на заседании Политбюро и согласились нарушить обычай. Поэтому я с радостью буду с вами на этом банкете».

Мао Цзэдун сказал: «В вашем возрасте, учитывая состояние здоровья, вы могли бы просто для вида побыть здесь немного; вам не обязательно быть здесь до конца».

Сталин ответил: «Вам ведь тоже не просто было приехать сюда к нам. Да и Политбюро согласилось. Я с радостью буду вашим гостем».

Практически помещение, где проходил прием, было поделено стеклянной перегородкой на две части. В той, что поменьше, сидели Сталин, Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, члены Политбюро ЦК ВКП(б). Остальные гости находились за перегородкой и сначала не имели возможности слышать то, что говорилось за главным столом. Однако вскоре по указанию Чжоу Эньлая стеклянную перегородку убрали, и получился один большой зал.

Чжоу Эньлай выступил на банкете первым. Он пожелал, чтобы советско-китайская дружба продолжалась из поколения в поколение, отметил, что братское единение двух партий и государств является величайшим вкладом в дело мировой революции, поблагодарил СССР за бескорыстную помощь, сказал, что Китай хочет учиться у старшего брата.

Сталин выступил на приеме, будучи в прекрасном расположении духа. Он призвал хранить дружбу и братские чувства, связывающие Советский Союз и КНР, отметив, что об этом уже говорил Чжоу Эньлай, выразив и его мысль. Конечно, продол-

жил Сталин, социалистический лагерь должен быть таким, каким его обрисовал Чжоу Энлай; к сожалению, сегодня здесь не хватает одного из членов социалистического лагеря; не была приглашена Югославия по той причине, что она сама себя отрезала и поставила вне социалистического лагеря. В этой связи Сталин выразил сожаление, сказав далее, что наша сила в сплоченности.

Сталин и Мао Цзэдун в ходе банкета желали друг другу здоровья. Прием продолжался допоздна. [329]

Существует свидетельство историка, изучавшего архивные документы, что прием 14 февраля 1950 года устраивал в гостинице «Метрополь» в Москве не посол КНР Ван Цзясян, а премьер ГАС КНР Чжоу Энлай. При этом Чжоу Энлай приглашал Сталина на свой прием «вместе с супругой». [330]

Вряд ли можно предположить, что Мао Цзэдун и Чжоу Энлай не знали о семейном положении Сталина. Нельзя исключать и того, что это был мелкий укол с их стороны, проявление желания хотя бы немного и тут уязвить Сталина (тем более что Чжоу Энлай, устраивая другой прием от своего имени в Москве 18 сентября 1952 года, также приглашал на него Сталина «с супругой»).

Уже упоминавшийся выше Н. Т. Федоренко в своих воспоминаниях привел тоже описание этого приема и того, что ему предшествовало.

Н. Т. Федоренко писал:

«— Нам хотелось бы, товарищ Сталин, устроить небольшой прием после подписания договора, — обратился Мао Цзэдун с просьбой во время очередной встречи.

— Естественно, — сказал хозяин.

— Но не в Кремле, а в другом месте, например в «Метрополе».

— А почему не в Кремле?

— Видите ли, товарищ Сталин, Кремль — это место государственных приемов Советского правительства. Это не совсем подходит для нашей страны — суверенного государства...

— Да, но я никогда не бываю на приемах в ресторанах и не посещаю иностранных посольств. Никогда...

— Наш прием без вас, товарищ Сталин... Нет, нет, просто немыслимо. Мы вас просим, очень просим, пожалуйста, согласитесь, — настаивал Мао Цзэдун.

Наступила пауза. Сталин не спешил с ответом. Он как бы сосредоточивался. Мао Цзэдун исповедально ждал согласия хозяина, не сводя с него глаз.

— Хорошо, товарищ Мао Цзэдун, я приду, если вы этого так хотите, — произнес наконец Сталин и заговорил на другую тему».

Н. Т. Федоренко по указанию охраны встречал Сталина у гардероба при входе в зал ресторана «Метрополь».

Сталин разделся и спросил:

«— Как тут дела, все в сборе?

— Да, товарищ Мао Цзэдун и другие китайские друзья уже давно на месте, ожидают вас.

— В таком случае — ведите меня, — сказал он и прикоснулся рукой к моему плечу.

Я сопроводил Сталина в банкетный зал, где его встретили громкими рукоплесканиями и шумными возгласами восторга. Это было всеобщее ликование — и мрачных пессимистов, и очень осторожных оптимистов.

На какой-то миг Сталин остановился, окинул взглядом собравшихся, затем попросил провести его к Мао Цзэдуну, который стоял за длинным столом “президиума”. Они поздоровались, пожали друг другу руки и обменялись общими фразами относительно здоровья и дел. Затем китайские товарищи во главе с Чжоу Энлаем начали подходить к Сталину, чтобы поздороваться и обменяться рукопожатиями. Настроение у всех было приподнятое. В некотором отдалении стояли Берия, Маленков, Хрущев, Ворошилов, Микоян, Шверник, Суслов, Булганин.

...

Все с нетерпением ждали самого главного — слова Сталина. Именно он должен и может сказать нечто сокровенное, что выразит истину момента, глубокий смысл исторического события. И это мгновение наступило. Прикоснувшись к бокалу с вином, Сталин сделал жест рукой — внимание:

— Дорогие товарищи, мы должны быть благодарны истории за то, что она дала нам такого выдающегося марксиста-ленинца, неустрашимого коммуниста Мао Цзэдуна. За его здоровье и успехи, до дна, товарищи!» [331]

Вероятно, что в этот день или несколько ранее Мао Цзэдун получил от Сталина и некоторые советы по ведению дел внутри

страны. Об этом говорит тот факт, что Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай в телеграмме от 17 февраля 1950 года, адресованной Лю Шаоци, передали предложение, высказанное Сталиным в беседе с ними и состоявшее в том, что, во-первых, было бы целесообразно разделить на два этапа процесс распределения помещичьей земли и имущества и распределения имущества богатых крестьян и, во-вторых, что в настоящее время не следует конфисковывать землю и имущество богатых крестьян. [332]

Очевидно, что остается скрытым характер отношений Сталина и Мао Цзэдуна там, где речь шла о «золоте партии», о финансовых взаимоотношениях. Здесь пока известно немного.

В свое время Сталин на протяжении многих лет оказывал прямую помощь Мао Цзэдуну, Киткомпартии, причем деньги передавались и непосредственно Мао Цзэдуну в Яньани, и, в частности, Чжоу Эньлаю в Чунцине наличными.

После образования КНР произошли изменения. Теперь уже Мао Цзэдун был обязан вносить наличные деньги, валюту, в фонд помощи зарубежным компартиям, причем этим фондом на практике распоряжался Сталин.

В частности, в письме к Мао Цзэдуну в феврале 1953 года (одно из последних при жизни Сталина в Пекин) утверждалось: «Работа западноевропейских компартий, вроде французской, итальянской, английской, слишком усложнилась. Эти компартии требуют гораздо большей помощи, чем до сих пор... Компартия Советского Союза решила увеличить свой взнос в фонд (поддержки мирового коммунистического движения. — Ю. Г.) и считает необходимым внести вместо 800 тысяч долларов в год 1 млн 300 тыс.

Если КПК внесет на 1953 год 1 млн 100 тыс. долларов, то можно будет удовлетворить потребности указанных партий. Ждем ответа». Мао тут же дал согласие: «Передадим Панюшкину наличными». [333]

17 февраля Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и китайская делегация отбыли из Москвы. Их провожал Молотов. Он говорил, что Мао Цзэдуну следует обратить особое внимание на необходимость беречь свое здоровье; беречь здоровье везде: и в дороге, и по возвращении на родину. Молотов подчеркнул, что Сталин несколько раз наказывал ему сказать это Мао Цзэдуну. Молотов также заметил, что следовало бы должным образом обеспе-

чивать охрану Мао Цзэдуна. Это, сказал он, наше вам напутствие. [334]

Советская сторона действительно оказала содействие китайской стороне в организации охраны Мао Цзэдуна. Эта помощь носила всесторонний характер и касалась даже мелочей. В результате при организации охраны Мао Цзэдуна было обеспечено сочетание собственно китайских методов с методами, заимствованными в СССР. Возможно, что именно благодаря этому в работе охраны Мао Цзэдуна вплоть до его кончины не было сбоев.

На перроне при отъезде Мао Цзэдун в своей речи сказал следующее:

«Я и делегация Китая, а также товарищ Чжоу Эньлай и другие провели встречи в Москве с генералиссимусом Сталиным и другими ответственными товарищами из правительства Советского Союза. Трудно даже подобрать такие слова, которыми можно было бы должным образом охарактеризовать установившиеся между нами полное взаимопонимание и глубокую дружбу, основывающиеся на коренных интересах народов двух наших великих стран. Все смогут быть свидетелями того, что закрепленная в уже подписанном договоре сплоченность народов двух наших великих стран, Китая и Советского Союза, является вечной и нерушимой, никто не может нас разделить. Причем эта сплоченность будет не только с неизбежностью оказывать свое влияние, способствуя расцвету обоих наших государств, Китая и Советского Союза, СССР и КНР, но она будет также с неизбежностью оказывать влияние на будущее человечества, будет оказывать влияние на победу дела мира и справедливости во всем мире».

«Находясь в Советском Союзе, мы посетили целый ряд промышленных и сельскохозяйственных предприятий, увидели те великие успехи, которых добились советские рабочие, крестьяне и интеллигенция в строительстве социализма; мы видели то сочетание революционного духа и практической сметки, которое присуще советскому народу и которое воспитано товарищем Сталиным и ВКП(б); все это в еще большей степени укрепило изначально присущую членам Коммунистической партии Китая веру в то, что важный опыт строительства СССР в экономике, культуре и в других областях станет примером для строительства в Новом Китае». [335]

26 февраля поезд, в котором ехал Мао Цзэдун, прибыл на пограничную станцию КНР Маньчжурия. Отсюда Мао Цзэдун направил Сталину телеграмму, выразив благодарность за прием. Такую же телеграмму Чжоу Эньлай отправил А. Я. Вышинскому. Сопровождавшие Мао Цзэдуна заместитель министра иностранных дел СССР Лаврентьев и сотрудники охраны на станции Маньчжурия передали от Сталина в подарок Мао Цзэдуну и Чжоу Эньлаю два легковых автомобиля.

Вечером 4 марта 1950 года Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай возвратились в Пекин.

СТАЛИН И ИЗДАНИЕ РАБОТ МАО ЦЗЭДУНА

8 февраля 1950 года при встрече с Мао Цзэдуном Сталин предложил отредактировать и издать в Советском Союзе все работы Мао Цзэдуна. Тем самым Сталин хотел, прежде всего, снять упреки в том, что он с подозрением относится и к самому Мао Цзэдуну, и к его сочинениям. В истории это было первое предложение Сталина издать в СССР труды руководителя зарубежной коммунистической партии.

Сталин назвал «важным делом» редактирование и издание работ Мао Цзэдуна.

Эта мысль возникла у Сталина далеко не случайно. Такое решение стало представляться ему необходимым тогда, когда стало совершенно ясно, что Мао Цзэдун придет к власти в континентальном Китае.

Уже упоминалось о том, что в июле 1949 года в ходе встречи с Лю Шаоци в Москве Сталин предложил тост, сказав, что центр мировой революции сначала переместился из Европы в Советский Союз, а в будущем переместится в Китай. При этом Сталин пояснил, что, по его мнению, с перемещением центра мировой революции должна увеличиться и мера ответственности перед историей, которая падает на Китай.

Мао Цзэдун, конечно же, знал об этих высказываниях и мог предполагать, что предложение Сталина о редактировании и издании его трудов внутренне связано с мыслью Сталина о перемещении центра мировой революции в Китай. Мао Цзэдун кивнул, соглашаясь с предложением Сталина, и выразил пожелание о том, чтобы Сталин направил в Китай специалиста для редактирования его трудов.

Сталин рекомендовал советского философа П. Ф. Юдина. Мао Цзэдун выразил благодарность.

Вернувшись в КНР в апреле 1950 года, Мао Цзэдун направил Сталину телеграмму, в которой официально попросил П. Ф. Юдина прибыть в КНР для проведения этой работы.

В начале мая 1950 года Мао Цзэдун в своей резиденции Фэнцзюань в Пекине созвал заседание Политбюро ЦК КПК для того, чтобы обсудить это предложение Сталина.

Политбюро пришло к заключению, что предложение Сталина представляется очень важным. На заседании было решено создать комиссию по редактированию избранных произведений Мао Цзэдуна. Секретарям Мао Цзэдуна Чэнь Бода и Тянь Цзяину было поручено собрать и подготовить соответствующие работы Мао Цзэдуна на китайском языке, которые подлежали окончательному отбору и утверждению Мао Цзэдуном. Работа по переводу этих работ на русский язык была поручена Ши Чжэ и Н. Т. Федоренко.

В июле 1950 года П. Ф. Юдин прибыл в Пекин. Он начал читать и редактировать работы Мао Цзэдуна. В сентябре стало ясно, что переводчики не справляются с огромным объемом работы и отстают от тех, кто собирал и готовил труды Мао Цзэдуна на китайском языке. Тогда Мао Цзэдун, видя, что П. Ф. Юдин простаивает, предложил ему прочесть ряд лекций в различных организациях Пекина. 21 сентября по приглашению Общества китайско-советской дружбы Лю Шаоци председательствовал на большом собрании, посвященном началу таких чтений; П. Ф. Юдин выступил тогда с докладом на тему: «Переходный период от капитализма к социализму в СССР». Доклад был встречен овацией. В конце сентября заканчивался срок пребывания П. Ф. Юдина в КНР. 30 сентября 1950 года Мао Цзэдун направил Сталину телеграмму следующего содержания:

«Юдин работает здесь уже более двух месяцев. Однако в силу того, что он до сего времени еще не завершил работу по оказанию помощи при редактировании “Избранных произведений Мао Цзэдуна”, ему необходимо еще некоторое время для окончания этой работы. Кроме того, желательно, чтобы он совершил экскурсии в Шаньдун, Нанкин, Шанхай, Ханчжоу, Чанша, Гуанчжоу, Ханькоу, Сиань, Яньань, Шэньян, Харбин и выступил с политико-теоретическими докладами и лекциями

перед нашими кадровыми работниками. Выполнение двух вышеуказанных задач требует в общей сложности более четырех месяцев. В этой связи прошу вас дать разрешение на продление срока работы товарища Юдина в Китае до конца января или до конца февраля 1951 года. Прошу телеграфировать ваше согласие».

9 октября Сталин ответил:

«...Настоящим уведомляю вас, что Юдин может остаться в Китае до конца сего года для завершения работы по подготовке к изданию “Избранных произведений Мао Цзэдуна” и для выступлений перед партийными работниками в различных городах Китая».

Вслед за тем, как это и планировал Мао Цзэдун, П. Ф. Юдин отправился в поездку по КНР для чтения лекций и с экскурсионными целями. Тезисы его выступлений публиковались в газете «Жэньминь жибао» в начале декабря 1950 года.

После возвращения из поездки П. Ф. Юдин прочитал перевод на русский язык работы Мао Цзэдуна «Относительно практики» и «выразил свое восхищение». В беседе с Мао Цзэдуном он отмечал ее достоинства и просил согласия на сокращение некоторых выражений, которые могли шокировать иностранцев. Мао Цзэдун согласился с небольшими поправками П. Ф. Юдина.

Русский текст этой работы был направлен в Москву. Сталин ознакомился с ним, и по его указанию эта работа Мао Цзэдуна в декабре 1950 года была опубликована в журнале «Большевик», а также в газете «Правда»; затем в январе 1951 года ее издали в СССР отдельной брошюрой.

В 1952 году в СССР был издан в переводе на русский язык первый том «Избранных произведений Мао Цзэдуна». В 1953 году был издан третий том.

Во время своего пребывания в КНР П. Ф. Юдин много раз имел ночные беседы с Мао Цзэдуном. Они обсуждали вопросы философии, редактирования «Избранных произведений Мао Цзэдуна». Мао Цзэдун хорошо отзывался о работе П. Ф. Юдина. Очевидно, он ставил и вопрос о назначении его послом в КНР. Однако Сталин, исходя из того, что П. Ф. Юдин был кабинетным ученым и ему не доставало опыта в области практической политической деятельности, так и не назначил его послом в КНР. [336]

После смерти Сталина в 1953 году Хрущев согласился с предложением Мао Цзэдуна и направил П. Ф. Юдина послом в КНР. (Кстати сказать, Мао Цзэдун в те годы направил в Советский Союз послом военного разведчика Лю Сяо.)

Попутно можно упомянуть, что П. Ф. Юдин был не согласен с критикой Хрущевым деятельности Сталина. Более того, он полагал, что Хрущев «должен нести ответственность за советско-китайскую ссору».

Н. Т. Федоренко в качестве очевидца опубликовал свидетельства того, «как академик П. Ф. Юдин редактировал Мао Цзэдуна».

В своих воспоминаниях Н. Т. Федоренко отмечал, что по прибытии П. Ф. Юдина в Пекин «он тотчас был приглашен Мао Цзэдуном, который предавался воспоминаниям о ранних выступлениях Юдина, беспощадно обличавшего противников марксизма и материалистической диалектики. Не скупился на комплименты и заранее благодарил за “просвещенную” помощь при подготовке текстов его работ, которые, конечно же, страдают “невежеством” и полны “грубых ошибок”».

Спустя некоторое время состоялась встреча с Мао Цзэдуном для разбора замечаний и рекомендаций академика. По мнению присутствовавшего при этой встрече Н. Т. Федоренко, разбор теоретических работ Мао Цзэдуна «скорее демонстрировал хорошо организованную деятельность Комиссии ЦК КПК и ее руководителя (Чэнь Бода), весьма компетентную их работу, которая в сущности как бы предвосхитила замечания советского философа и свела разговор о них к простой формальности». Комиссия Чэнь Бода «внесла в первоначальный текст значительно больше корректив, чем об этом говорилось во время упомянутой встречи с Мао Цзэдуном. Более того, многие замечания Юдина либо не были приняты, либо изложены в иной редакции». В результате «дело свелось все к тем же “китайским церемониям”. Ничего критического по содержанию избранных работ Мао Цзэдуна высказано не было. Напротив, одни фразы в превосходной степени». [337]

После того как Мао Цзэдун принял предложение Сталина издать его сочинения в Советском Союзе, в Москву поступило официальное предложение ЦК КПК об издании «сочинений товарища Сталина на китайском языке». [338]

Итак, Сталин первым предложил издать труды Мао Цзэдуна в Советском Союзе. Мао Цзэдун был фактически вынужден сделать ответный шаг. Ни труды Сталина не оказали особого воздействия на китайцев, ни труды Мао Цзэдуна не произвели сенсации в Советском Союзе. Такого рода «обмен любезностями» остался одним из жестов в сложной игре, во взаимоотношениях Сталина и Мао Цзэдуна.

Одним из, пожалуй, отрицательных последствий этого шага было назначение Хрущевым послом в КНР в угоду Мао Цзэдуну советского философа академика П. Ф. Юдина, в то время как здесь нужен был такой же китаевед, каким был П. П. Владимиров.

КИТАЙСКАЯ ЧАНЧУНЬСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА (КЧЖД)

Одновременно с договором о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР 14 февраля 1950 года стороны подписали также соглашение о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем.

Эта дорога была построена в начале XX века на территории Северо-Восточного Китая, или в Маньчжурии, на средства России. В свое время Россия и Китай, по предложению российской стороны, пришли к соглашению о сооружении этой железной дороги как частного предприятия российских коммерческих структур на территории Китая. Обе стороны были заинтересованы в сооружении Китайской Чанчуньской железной дороги (КЧЖД), или Китайской Восточной железной дороги (КВЖД).

Прежде всего, это делалось в рамках союза обеих стран в целях противодействия захватническим планам Японии, иначе говоря, сооружение железной дороги подкрепляло тайный договор России и Китая о взаимной помощи и союзе в отражении агрессии Японии, направленной против интересов России и Китая на Дальнем Востоке; при этом следует отметить, что в то время у Китая не было иного союзника в противостоянии Японии, чем Россия. Россия также была заинтересована в такого рода отношениях с Китаем.

Далее, эта железная дорога обещала внести свой вклад в экономическое развитие как российских дальневосточных земель, так и Китая, который в то время сам не имел ни средств, ни сил, чтобы осуществить такой проект. Россия же благодаря сооружению этой дороги получала относительно короткий рельсовый путь во Владивосток и выход по железной дороге к неза-

мерзающим портам на Желтом море, то есть к Порт-Артуру и Дальнему.

Сталин представлял себе вопрос о КЧЖД как проблему, доставшуюся в наследство от взаимоотношений России и Китая, как овеществленный труд и капитал России, русских людей, который можно было передать КНР немедленно или со временем на определенных условиях.

Что же касается этих условий, то, с точки зрения Сталина, и после Второй мировой войны, особенно после образования КНР, обстановка в этой части земного шара, то есть в регионах Дальнего Востока СССР и северо-востока КНР, характеризовалась прежде всего напряженностью в отношениях СССР и КНР, с одной стороны, и США и их союзников, с другой стороны. С точки зрения Сталина, необходимо было продемонстрировать единство позиций СССР и КНР, чтобы добиваться подписания мирного договора с Японией, урегулирования ситуации и смягчения военного противостояния.

Мао Цзэдун видел ситуацию по-своему. Он соглашался на ряд практических предложений Сталина, суть которых сводилась к тому, что в принципе СССР уходит и со временем (либо незамедлительно) обязательно уйдет из Маньчжурии, но пока (пока это будут считать необходимым власти КНР, пока они будут просить об этом) советские войска останутся в Порт-Артуре, чтобы защищать и СССР, и КНР, а железная дорога пока будет функционировать в интересах и СССР, и КНР. Мао Цзэдун считал такие шаги необходимыми и неизбежными в сложившейся обстановке, то есть Мао Цзэдун хотел использовать в интересах усиления военного потенциала КНР Советскую армию и флот, а советские навыки в эксплуатации железной дороги использовать в интересах восстановления и налаживания разрушенного войной хозяйства КНР; иначе говоря, Мао Цзэдун был намерен использовать довольно существенную военную и экономическую помощь со стороны Сталина.

Складывалось положение, при котором Сталин и Мао Цзэдун взаимно имели выгоду от такого решения вопросов о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем. При разумном и объективном подходе к делу возникала возможность для обеих сторон толковать ситуацию таким образом, что этот сложный вопрос в двусторонних отношениях России и Китая находил таким образом такое

решение, которое не только отвечало интересам и СССР, и КНР, но и позволяло объективно, без предвзятого, односторонне негативного отношения к политике России, толковать действия обоих государств на рубеже XIX и XX веков, а также в первой половине XX века как обусловленные их взаимными интересами.

Все дело было, однако, в том, что Мао Цзэдун был нацелен исключительно на то, чтобы не только сохранять в КНР унаследованное от Цинской монархии и от Китайской Республики предвзятое, однозначно отрицательное отношение к России (в равной степени и к советской России, и к царской России) и ее политике в отношении Китая, но и навечно внедрить в умы китайцев мысль об историческом долге России перед Китаем, который рано или поздно придется вернуть, а также об исторической несправедливости России как нации перед Китаем, в чем России придется рано или поздно повиниться перед Китаем.

Мао Цзэдун полагал, что КПК — КНР следовало твердо и последовательно утверждать, что Китайская Чанчуньская железная дорога, Порт-Артур (Люйшунькоу) и Дальний (Далянь) были сооружены Россией, находились в ее ведении, находились в аренде у России в результате того, что она вынудила правительство династии Цин дать на это «согласие». По мнению Мао Цзэдуна, ситуация с КЧЖД явилась результатом раздела Китая сильными империалистическими державами, в том числе Россией.

Далее, взгляды Мао Цзэдуна на ситуацию, выраженные одним из высокопоставленных работников дипломатического ведомства КПК — КНР, состояли в том, что вплоть до образования КНР Советский Союз «все еще выступал в качестве хозяина КЧЖД, а Китай лишь принимал участие в ее управлении; в Люйшунькоу и Даляне были расквартированы советские войска, построены военные сооружения и т. д.».

Да, Мао Цзэдун был вынужден и считал для себя выгодным временно считаться с тем, что ситуация, сложившаяся после окончания Второй мировой войны, не только отражала характер отношений между правительством Китайской Республики и правительством СССР, но и давала и дала возможность вооруженным силам Мао Цзэдуна развернуть приведшие к его победе военные действия против Чан Кайши с территории Северо-Восточного Китая как своей военной базы, причем армия Мао Цзэдуна получила и вооружение от СССР, от Советской армии.

Однако при всем при том Мао Цзэдун придавал главенствующее значение самому факту присутствия СССР на территории Китая, несмотря на то что это присутствие отвечало насущным интересам его самого и его вооруженных сил.

Сталин внимательно относился к такого рода вопросам. Вполне естественной для Сталина была позиция, о которой Мао Цзэдуну в присутствии членов руководства КПК сообщил представитель Сталина А. И. Микоян в Сибайпо еще до образования КНР, а именно мнение Сталина о том, что договор, который был заключен правительством СССР и правительством Китайской Республики в 1945 году, то есть договор о дружбе и союзе между Сталиным и Чан Кайши, являлся, по мнению Сталина, неравноправным договором, договором, ущемлявшим интересы Китая. Сталин считал этот договор вынужденным и для СССР в условиях, когда ему приходилось иметь дело с государством, во главе которого стоял Чан Кайши. Сталин по своей инициативе предложил изменить и выправить создавшееся положение.

Позиция Сталина была, с одной стороны, простой и ясной, а с другой — совсем непростой. Проста и ясна она была потому, что Сталин явно предлагал не считать действующим неравноправный договор 1945 года. Непроста она была потому, что тем самым Сталин как бы вынуждал Мао Цзэдуна исправить несправедливость и взамен неравноправного договора подписать равноправный договор в то время, как Мао Цзэдун предпочел бы вообще не связывать себя со Сталиным договором. Ситуация, однако, сложилась таким образом, что сторонам пришлось пойти и на подписание нового договора, и на подписание ряда соглашений, в том числе и о КЧЖД. Этого требовали национальные интересы обеих стран, требовала реальная жизнь.

В феврале 1950 года в соответствии с новым соглашением Советский Союз должен был полностью передать права на эксплуатацию и управление Китайской Чанчуньской железной дорогой, военно-морскую базу советских войск в Порт-Артуре и торговый порт Дальний, а также все другие сооружения правительству Китайской Народной Республики.

Сталин и Мао Цзэдун при этом пришли к обоюдному соглашению (причем по настоянию Мао Цзэдуна, так как Сталин был готов немедленно вывести советские войска из Северо-Восточ-

ного Китая) передать все вышеупомянутое Китайской Народной Республике после заключения мирного договора с Японией, но не позже конца 1952 года. [339]

Найденное в то время Сталиным и Мао Цзэдуном решение отвечало и национальным интересам обеих стран, и интересам самих Сталина и Мао Цзэдуна. Во всяком случае, на практике оно только укрепляло позиции каждой из сторон в регионе в тот период. Повторим, что в принципе Сталин по своей инициативе предложил завершить период советского присутствия на территории Северо-Восточного Китая, а Мао Цзэдун согласился с этим.

Казалось бы, обе стороны имели основания констатировать, что при наличии доброй воли можно решать сложные проблемы истории двусторонних отношений, закладывать прочную основу этих отношений, во всяком случае применительно к Маньчжурии.

Сталин в общем и целом занимал именно такую позицию.

Однако Мао Цзэдун считал необходимым и этот положительный пример в деле решения сложных вопросов в двусторонних отношениях трактовать так, чтобы он навсегда оставался основанием для предъявления претензий с китайской стороны российской стороне, для упреков в адрес России в неравноправии, несправедливости, обидах, ущербе, нанесенном ею Китаю. Создавалось впечатление, что Мао Цзэдун был недоволен позицией Сталина, предложившего развязать этот узел и практически развязавшего его. Мао Цзэдун хотел бы проигнорировать позицию Сталина, добиться того, чтобы люди в Китае о ней забыли. Мао Цзэдун на практике был вынужден действовать в соответствии с достигнутой договоренностью, получая при этом выгоду для себя. В то же время он постарался отделить конкретное решение проблемы от принципиальной постановки вопроса об исторических несправедливостях России в отношении Китая, о вечной задолженности России Китаю. Мао Цзэдун никак не хотел снять вопросы в двусторонних отношениях. Даже тогда, когда они практически не существовали, Мао Цзэдун намеренно создавал впечатление, что «исторический долг» Россией Китаю «не выплачен».

В качестве примера такого подхода можно рассмотреть то, как в КПК — КНР трактовали вопрос о КЧЖД уже после того,

как на практике этот вопрос был решен, причем по инициативе Сталина.

С точки зрения Мао Цзэдуна, Япония в период оккупации Северо-Восточного Китая уже выплатила Советскому Союзу стоимость КЧЖД и купила суверенное право на эту железную дорогу. Хотя этих денег оказалось маловато, признавали сторонники Мао Цзэдуна (а сумма эта действительно была не просто мизерной, но чисто условной), однако, подчеркивалось в КПК, «при Мао Цзэдуне, так или иначе деньги были выплачены. После вступления советских войск в Северо-Восточный Китай» (именно такова официальная оценка Мао Цзэдуном и его сторонниками участия СССР в разгроме Японии на последнем этапе Второй мировой войны, что, с точки зрения нашей страны, несправедливо, ибо так или иначе, а мы отдали более тридцати тысяч жизней в вооруженной борьбе против японских войск тогда на территории Маньчжурии) и капитуляции Японии Советский Союз снова стал обладать суверенным правом на Китайскую Чанчуньскую железную дорогу. После создания КНР СССР, считали сторонники Мао Цзэдуна, вообще говоря, должен был безоговорочно передать свое суверенное право на железную дорогу, однако ввиду того, что Советский Союз по Китайской Восточной железной дороге был связан с городом Хайшэньцзем (так сторонники Мао Цзэдуна называют Владивосток с той целью, чтобы подчеркивать временную принадлежность этого «китайского поселения» России), а это был значительно более короткий путь по сравнению с передвижением по Дальневосточной железнодорожной магистрали, проходящей по советской (российской) территории, Советский Союз попросил разрешения в течение определенного периода времени совместно пользоваться суверенным правом и выгодой от Китайской Чанчуньской железной дороги... Вследствие того, что у КНР в то время еще не было возможностей (приходилось признавать сторонникам Мао Цзэдуна) для ее эксплуатации и управления ею, а также технических возможностей, временное совместное управление и использование этой дороги двумя государствами при таких обстоятельствах для КНР все-таки приносило пользу, поэтому, как и раньше, было дано согласие на совместное использование двумя государствами права и выгод от эксплуатации Китайской Чанчуньской железной дороги. [340]

ИМУЩЕСТВО В МАНЬЧЖУРИИ

В советско-китайском коммюнике о подписании 14 февраля 1950 года договора и соглашений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, в частности, отмечалось следующее:

«Одновременно г. Чжоу Энлай и А. Я. Вышинский обменялись также нотами о решении Советского правительства передать безвозмездно правительству Китайской Народной Республики имущество, приобретенное советскими хозяйственными организациями у японских собственников в Маньчжурии, а также о решении Советского правительства передать безвозмездно правительству Китайской Народной Республики все здания бывшего военного городка в Пекине». [341]

Существует и односторонняя трактовка этих договоренностей, отражающая позицию Мао Цзэдуна. Известный дипломат У Сюцюань, принимавший участие в переговорах 1950 года в Москве, в своих воспоминаниях отмечал, что «обе стороны достигли договоренности о том, что Советский Союз полностью и безвозмездно передаст Китаю имущество, захваченное им у Японии в Северо-Восточном Китае, а также казармы военного городка Советского Союза в Пекине и прочее, также оставшееся от царской России. Все эти соглашения и договоренности были совершенно необходимы для защиты независимости и суверенитета нашего государства»... [342]

У Сюцюань также отмечал: «По договоренности кроме того предусматривалось, что Советский Союз должен был безвозмездно передать Китаю захваченное им у японцев на Северо-Востоке нашей страны имущество, а именно — целый ряд заводов, фабрик и рудников, а также их машинное оборудование

и прочее. Однако в действительности советские войска, когда они покидали Северо-Восточный Китай, все машинное оборудование, которое можно было демонтировать и перевезти, а также инвентарь, материальные ресурсы и прочее почти полностью перевезли в Советский Союз. На Аньшаньском металлургическом комбинате, в Шэньянском арсенале, на Сяофэньюманьской электростанции и в других местах “безвозмездно” было передано только несколько пустых домов; даже фортепьяно, диваны, предметы хорошей обстановки и т. п. из квартир японских чиновников и офицеров, а также большое количество всевозможных материальных ресурсов, захваченных у противника, были ими вывезены в СССР. В этом отношении их стиль оказался невысоким, обнажал тяготение к национальному эгоизму и отнюдь не соответствовал тому, что они заявляли на словах. Впрочем, в то время мы учитывали главным образом обстановку в целом, обращали внимание на самое главное и основное и по этим конкретным вопросам не собирались затевать с ними спор. Отношение к нам со стороны Сталина и других руководителей совкомпартии все-таки было довольно сердечным, они к тому же оказывали помощь строительству в нашей стране». [343]

Прежде всего, отметим, что У Сюцюань, вполне очевидно отражая позицию Мао Цзэдуна, намеренно смешивал два исторических периода, два вопроса.

Один период — это время сразу же по окончании Второй мировой войны на Востоке, то есть 1945–1946 годах. Это ситуация, когда Советская армия разгромила японские войска и принимала их капитуляцию в Маньчжурии, что было сопряжено с большими сложностями, так как Сталину пришлось иметь дело и с японцами, и с Чан Кайши, и с Мао Цзэдуном. При этом у Сталина, у СССР, у России был свой счет к японской армии, к Японии как агрессору. По всем этим причинам и возник вопрос о разграничении в Маньчжурии китайского и трофейного японского имущества, на которое претендовал СССР в качестве победителя в войне, понесшего максимальные (среди союзных держав) человеческие жертвы в своей Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Вопрос об этом имуществе, о промышленных предприятиях, принадлежавших японцам, тесно переплетался с вопросом о позиции Сталина в отношении борьбы внутри Китая между

Мао Цзэдуном и Чан Кайши. Сталин действовал таким образом, чтобы не укреплять позиции Чан Кайши в его противостоянии с Мао Цзэдуном, прежде всего в Маньчжурии. Поэтому Сталин не хотел оставлять бывшее японское промышленное оборудование в руках Чан Кайши, предпочитая вывезти его из Северо-Восточного Китая, пусть даже и без применения в СССР, где оно по большей части превратилось в груды металлолома, а то и вовсе оказалось никому не нужным мусором.

Итак, один вопрос — это вопрос о ситуации, возникшей сразу же по окончании Второй мировой войны на Востоке в 1945 году.

Другой вопрос — это вопрос о ситуации, возникшей в 1949 году после образования КНР. С момента окончания войны прошло уже четыре года. Положение в Маньчжурии значительно отличалось от существовавшего в 1945 году. Оно характеризовалось, если говорить о советско-китайских связях, об отношениях Сталина и Мао Цзэдуна, прежде всего тем, что Сталин в максимально возможной степени оказывал помощь Мао Цзэдуну, причем помощь глубоко материальную, военную и экономическую; помощь уникальную, так как никто больше из-за рубежа не помогал тогда Мао Цзэдуну. Сталин помогал вооружить войска Мао Цзэдуна, благодаря чему в значительной степени удавалось успешно вести войну внутри Китая против Чан Кайши. По указанию Сталина была в необычайно сжатые сроки налажена работа железнодорожной сети в Северо-Восточном Китае, что дало возможность развернуть восстановление экономики этой самой в то время промышленно развитой части Китая. В этих условиях вопрос о японском имуществе выглядел и на самом деле был весьма второстепенным. Вывезенное в СССР промышленное оборудование вернуть в Китай было физически невозможно, да и нечего было возвращать. Вывозилось оно еще при власти Чан Кайши. Повторим, что вывозили его главным образом не для того, чтобы сохранить, а для того, чтобы вырвать из рук Чан Кайши, действуя в интересах Мао Цзэдуна.

Претензии в этой связи к Сталину, к СССР, к России со стороны Мао Цзэдуна и его сторонников и последователей выглядят как стремление намеренно создать на пустом месте предлог для раздувания ненависти к России, для создания извращенного представления о двусторонних отношениях.

Необходимо также сказать, что, с точки зрения Сталина и СССР, вопрос о трофеях, захваченных у японцев в ходе Второй мировой войны, был далеко непростым. С одной стороны, речь шла, конечно, о трофеях, захваченных Советской армией в ходе военных действий в 1945 году на территории Китая, союзника СССР в войне против японской агрессии. Здесь следовало в максимально возможной степени с уважением относиться к суверенитету Китая. С другой стороны, речь шла о войне и о последствиях вооруженной борьбы против такого сильного и жестокого военного врага, как японский милитаризм, который изматывал СССР в течение многих лет. Здесь мог даже частично вставать вопрос о компенсации за счет японского имущества того ущерба, который понес СССР. Наконец, важно еще раз отметить, что промышленное оборудование вывозилось из Северо-Восточного Китая Советским Союзом в такое время и в таких условиях, когда оно, будучи оставлено на месте, могло попасть в руки противника Компартии Китая Гоминьдана и могло быть использовано в вооруженной борьбе Гоминьдана против КПК. В 1945–1946 годах никто не мог предсказать, насколько длительной и трудной будет эта борьба. Кстати сказать, тогда претензии в связи с японским имуществом и действиями СССР в его отношении предъявлял Сталину только Чан Кайши, но никак не Мао Цзэдун.

Одним словом, Сталин решал вопросы, касавшиеся упомянутого промышленного оборудования, таким образом, чтобы это отвечало его общим с Мао Цзэдуном классовым и партийным интересам.

Формально можно найти основания упрекать ряд военнослужащих Советской армии в том, что они вывезли к себе домой, в СССР, из домов, принадлежавших японцам в Маньчжурии, обстановку, предметы быта и т. п. Да, такими тогда были эти люди, многие из которых уже прошли перед этим трудные годы сражений против гитлеровской армии на Западе и не видели особой разницы между врагом в Германии, в других европейских странах, оккупированных гитлеровской армией, и на территории Китая, занятой японцами, к которым счет у русских людей тех поколений был солидным, вплоть до претензий в связи с оккупацией части территории нашей страны японской армией в 20-х годах. Представляется также, что тут можно было бы принимать во внимание, что речь шла о поступках людей, которые

рисковали и жертвовали своей жизнью и кровью, освобождая Северо-Восточный Китай от японских захватчиков. Трудно согласиться с тем, что тут имели место не индивидуализм, жадность, низкая культура отдельных людей, а национальный эгоизм, якобы присущий нашему народу.

Здесь представляется уместным сказать о том, что в КНР при Мао Цзэдуна и при его преемниках при оценке внешней политики СССР, начиная чуть ли не с Октябрьской революции 1917 года, главным ее мотивом довольно часто называли национальный эгоизм. Возможно, необходимо принимать во внимание и то обстоятельство, что о национальном эгоизме сторонники Мао Цзэдуна говорили только применительно к политике СССР, когда речь шла о двусторонних советско-китайских отношениях. Упрек в национальном эгоизме представляется не только совершенно незаслуженным, но и намеренно обидным, направленным на разжигание вражды в отношениях двух наций. Этот упрек был порожден прежде всего настроениями Мао Цзэдуна, который патологически ненавидел Россию и был несправедлив в оценке ее политики и ее людей.

КРЕДИТ ПЕКИНУ

Одним из результатов встреч и переговоров Сталина и Мао Цзэдуна в Москве было подписание 14 февраля 1950 года соглашения о предоставлении Советским Союзом кредита Китайской Народной Республике. В соответствии с этим соглашением СССР удовлетворял просьбу Центрального народного правительства КНР о предоставлении Китаю кредита для оплаты оборудования и других материалов, которые СССР согласился поставить Китаю.

Правительство СССР предоставило правительству КНР кредит в долларовом исчислении в сумме 300 млн ам. долларов из расчета 35 ам. долларов за унцию чистого золота.

Ввиду чрезвычайной разоренности Китая, вследствие длительных военных действий на его территории советское правительство согласилось предоставить кредит на льготных условиях в расчете из 1% годовых.

Кредит предоставлялся в течение пяти лет, начиная с 1 января 1950 года, равными частями по 1/5 кредита в течение каждого года для оплаты поставок из СССР оборудования и материалов, в том числе оборудования для электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, оборудования шахт для добычи угля и руд, железнодорожного и другого транспортного оборудования, рельсов и других материалов для восстановления и развития китайской экономики. Цены на оборудование и материалы должны были определяться на основе цен мировых рынков.

Правительство КНР обязалось погашать кредит, а также проценты по нему поставками сырья, чая, золотом, ам. долла-

рами. Цены на сырье и чай должны были определяться на основе цен мировых рынков.

Погашение кредита должно было осуществляться в течение 10 лет равными ежегодными долями по 1/10 суммы полученного кредита не позднее 31 декабря каждого года. Первый очередной платеж должен был быть произведен не позднее 31 декабря 1954 года, а последний — 31 декабря 1963 года. [344]

Предоставляя такой кредит, Сталин был, очевидно, удовлетворен тем, что таким путем закреплялись экономические взаимосвязи двух стран, создавалась взаимная заинтересованность в продолжении сотрудничества. Сталин был также удовлетворен тем, что кредит предоставлен на столь льготных условиях. В целом ему представлялось, что предоставление кредита служит делу укрепления тесных отношений между сторонами, может вызывать у Мао Цзедуна, в КПК — КНР, добрососедские чувства в отношении СССР.

Однако Мао Цзедун был настроен в этой связи совсем по-иному.

Мао Цзедун был, очевидно, и доволен, и недоволен предоставлением кредита. Доволен, прежде всего, потому, что эта финансовая помощь была тогда совершенно необходима КНР; нигде в мире Мао Цзедун не мог ее тогда получить, кроме как в СССР. При этом кредит был предоставлен на самых выгодных условиях, под самый низкий процент.

Мао Цзедун считал необходимым стремиться извлечь из отношений со Сталиным максимально возможную материальную выгоду для себя, своего государства и партии.

В то же время Мао Цзедун внушал своим сторонникам в КПК — КНР, что Сталин выделил для КНР смехотворно малую сумму кредита и при этом вынудил КНР предоставлять Советскому Союзу важное стратегическое сырье.

Сторонники Мао Цзедуна, вторя своему вождю, также старались создавать впечатление об СССР как о государстве, руководствующемся национальным эгоизмом, богатым и процветающем, но не желающем должным образом поделиться своими лишними деньгами с КНР.

Уже упоминавшийся У Сюцюань писал, что в 1950 году, то есть спустя всего пять лет после окончания Отечественной войны, в нашей стране, «хотя... [и] было пережито бедствие столь

великой войны, однако в Москве уже нельзя было заметить каких-либо явных следов военного времени, можно было отметить высокие темпы восстановления, что свидетельствовало об очень хорошем положении в области экономического развития». [345]

Комментируя эти высказывания У Сюцюаня, представляется необходимым сказать, что помощь, в том числе и в виде предоставления кредита Китайской Народной Республике, не была просто выгодной сделкой для СССР, не была выделением части ненужных средств богатым и полностью оправившимся от войны государством и народом стране, которая испытывала громадные трудности, нуждаясь в восстановлении хозяйства, разрушенного в ходе антияпонской и гражданской войн. Нет, Советский Союз в 1950 году никак нельзя было отнести к числу стран с благоприятным экономическим положением; помощь, в том числе и заем, которая оказывалась тогда Китайской Народной Республике, была дележом своих скромных ресурсов с китайцами.

БАЛЕТ «КРАСНЫЙ МАК»

Во время пребывания Мао Цзэдуна в Москве имел место небольшой, но весьма показательный для характеристики степени взаимного недопонимания инцидент.

Рассказ о самом этом инциденте уместно предварить некоторыми пояснениями.

Сталин и Мао Цзэдун жили каждый в своей реальности. Реалии нашей страны и Китая очень сильно разнились. Это, естественно, сказывалось на миропредставлениях и каждой из двух наших наций, народов в целом, и каждого конкретного представителя и той и другой нации, в том числе Сталина и Мао Цзэдуна.

Даже по такому, казалось бы, наиболее близкому и понятному для них вопросу, как вопрос о том, что такое революция, между Сталиным и Мао Цзэдуном существовали расхождения и имелось недопонимание.

Для Сталина революция была прежде всего событиями Октября 1917 года, которые происходили в городах при участии городского населения, рабочих; деревня в этом случае как бы следовала за городом. Кроме того, для Сталина его партия и государство были первооткрывателями нового пути, первопроходцами, чей опыт мог и должен был использоваться в других странах. Что, собственно говоря, мог посоветовать, предложить или навязать Сталин другим странам, кроме своего опыта в первую очередь? Это был опыт вооруженных восстаний в городах, восстаний, в которых ведущую роль играла его партия.

В этой связи, если говорить упрощенно, Сталин считал необходимым использовать и применять опыт своей страны в ходе революции в Китае.

В Китае ситуация для сил, к которым принадлежал и которые затем возглавил Мао Цзэдун, складывалась таким образом, что они организационно оформились, сформировались и начали развиваться, не только имея тесные связи с руководством правящей партии в СССР, но и в весьма значительной степени с большой материальной помощью этой партии, ее представителей, находившихся в Китае и выполнявших указания Сталина.

Развитие ситуации в ходе внутривластной борьбы в Китае, сама китайская действительность, основными характерными чертами которой оказались слабость опоры коммунистической партии в городах и реальная возможность для нее организовывать очаги своей деятельности, причем вооруженной деятельности, в глухих сельских районах страны, создавали реалии революции в Китае, из которых так или иначе исходил Мао Цзэдун.

Сталин иной раз был способен правильно увидеть внутривластную ситуацию в Китае, но в других случаях неверно оценивал ее. То же, кстати сказать, относится и к Мао Цзэдуну и его взглядам на внутривластную ситуацию в СССР.

У Сталина были свои взгляды на то, как необходимо вести дела в Китае. При этом он полагал, что кто-кто, а уж родственная ему Коммунистическая партия Китая должна прислушиваться к его мнению и выполнять его указания. Однако в КПК были политики, придерживавшиеся различных взглядов на этот вопрос. Часть из них шла за Сталиным. Другая часть желала все делать по-своему. К этой части принадлежал Мао Цзэдун.

Примером недопонимания между Сталиным и Мао Цзэдун может служить эпизод, имевший место в одной из бесед между ними в Москве.

В ходе этой беседы Сталин спросил: «Товарищ Мао Цзэдун, я вот никак не могу понять, почему вы не взяли в свои руки Шанхай сразу же, как только войска Чан Кайши утратили контроль над этим городом?» Таким образом, с точки зрения Сталина, если город падает тебе в руки, то его нужно сразу же взять. Осуществление революции для Сталина начиналось с захвата в свои руки больших городов.

Мао Цзэдун, отвечая Сталину, прежде всего высказал ряд предварительных замечаний. Он отметил, что в каждой стране имеются свои особенности, складывается своя реальная ситуация, у каждой партии имеется своя практика решения вопросов; в Китае кое-кто, продолжил Мао Цзэдун, старался все делать по советской модели, во весь голос кричал о необходимости видеть города центрами работы партии, призывал поднимать восстания рабочих, но в результате отрыва от китайской действительности были понесены тяжелые потери. Стало очевидным, что одержать победу в революции можно только при сочетании основных принципов марксизма с практикой революции в Китае.

Далее в ходе этой беседы Мао Цзэдун планировал, начав с рассказа о том, как он вел борьбу против Чан Кайши, пояснить свою мысль и ответить на вопрос Сталина. Нужно сказать, что при этой беседе Сталина и Мао Цзэдуна присутствовал личный политический секретарь Мао Цзэдуна Чэнь Бода. Он сидел рядом с Мао Цзэдуном, внимательно слушал, вел запись беседы и держался невидимкой, скромно.

Однако случилось так, что, как только Мао Цзэдун упомянул имя Чан Кайши, в глазах Сталина промелькнул огонек, он обратился к Чэнь Бода: «Кстати, я читал книгу товарища Чэнь Бода "Чан Кайши — общий враг китайского народа"».

На Чэнь Бода эти слова Сталина, само обращение Сталина к нему произвели столь сильное впечатление, что он тут же оживился. В свое время Чэнь Бода учился в СССР и овладел русским языком. Поэтому, не дожидаясь окончания перевода высказывания Сталина на китайский язык для Мао Цзэдуна, Чэнь Бода уже закивал и начал поддакивать Сталину.

Чэнь Бода настолько забылся, что невольно стал тянуть одеяло на себя, ощутил себя в центре беседы.

А ведь, по сути дела, деталь, которая привлекла внимание Сталина, не принадлежала перу Чэнь Бода, так как он просто имел в виду случай, о котором рассказал в своих воспоминаниях Рузвельт-младший.

Сын президента США Франклина Делано Рузвельта, сопровождавший отца во время Каирской конференции 1943 года, описывал действительно имевший место случай. Во время Каирской конференции Чан Кайши с супругой устроили коктейль.

Резиденция Чан Кайши находилась на расстоянии около одного километра от резиденции Рузвельта. По поручению отца Рузвельт-младший должен был представлять его на этом коктейле. Когда Рузвельт-младший вошел в резиденцию Чан Кайши, жена Чан Кайши мадам Сун Мэйлин буквально вцепилась в него, усадила на стул рядом с собой и на протяжении получаса искусно вела беседу, во всем соглашаясь с гостем, поглаживая его по колену и стреляя глазками. Рузвельт-младший вспоминал, что он тогда в полной мере ощутил ее очарование как женщины и ее привлекательность, особенно для мужчин.

Именно этот случай и вызвал живой интерес у Сталина.

Он на некоторое время переключил свое внимание с Мао Цзэдуна на Чэнь Бода и, улыбаясь, сказал: «В вашей книге содержится весьма, весьма интересная история о Сун Мэйлин и Рузвельте-младшем!» [346]

Невольно Чэнь Бода стал центром разговора, а Мао Цзэдун оказался несколько в стороне.

Это не вызвало особой радости у Мао Цзэдуна, который пристально посмотрел на своего секретаря.

Сталин же воодушевился, разговорился и вдруг поднял бокал с вином, встал, подошел к Чэнь Бода и предложил тост: «За китайского ученого, историка и философа товарища Чэнь Бода!»

Чэнь Бода это настолько потрясло, что он даже перестал как обычно заикаться, поспешно поднял бокал и сказал, кивая и обращаясь к Сталину: «За здоровье самого выдающегося в мире историка и философа товарища Сталина!» [347]

Мао Цзэдун был в полном изумлении. Чэнь Бода к тому времени уже довольно давно работал при нем. Он всегда держался скромно, был честен и не гнался за славой. Даже черновики проектов документов, которые он готовил для Мао Цзэдуна, Чэнь Бода после их использования никогда не сохранял, а при встречах и беседах с другими людьми всегда подчеркивал, что все идеи, высказывавшиеся Мао Цзэдуном, все его статьи принадлежат лично Мао Цзэдуну. Однако в присутствии Сталина он потерял самообладание, забыл даже о том, что сидит рядом с Мао Цзэдуном, сам заговорил со Сталиным об истории и философии, да еще и выпил со Сталиным, обменявшись с ним тостами.

В ходе беседы создалась весьма необычная ситуация. Мао Цзэдун налился гневом, но в присутствии Сталина сдержался. Ему представлялось чудовищным, что кто-то осмелился оказаться в центре беседы на высшем уровне. Причем это был человек из его команды, Мао Цзэдун тогда, очевидно, с еще большей силой ощутил, какой магией личного воздействия обладал Сталин, как слабы оказывались многие китайцы при беседах с ним; это тем более укрепило Мао Цзэдуна в решимости отстаивать свою самостоятельность в беседах со Сталиным и в практических действиях. Очевидно, Мао Цзэдун решил также испытать Чэнь Бода, поставив его в положение, когда он будет вынужден говорить советским партнерам неприятные для них вещи.

Более всего Мао Цзэдун был возмущен и раздосадован тем, что эпизод с Чэнь Бода помешал ему в полной мере развернуть свою аргументацию и выполнить план беседы со Сталиным, который Мао Цзэдун наметил заранее.

Чэнь Бода же даже после окончания беседы и возвращения в резиденцию делегации, в отведенную ему комнату, находился на вершине блаженства. Он переживал свой триумф: его похвалил сам Сталин. В этот момент раздался стук в дверь, и Чэнь Бода передали записку Мао Цзэдуна: «Ты не будешь присутствовать при следующей беседе!»

Чэнь Бода был поражен как громом, у него искры посыпались из глаз, и он рухнул на кровать.

На этом злоключения Чэнь Бода не кончились.

Спустя несколько дней Мао Цзэдуну потребовалось составить проект документа. Он послал за Чэнь Бода, но оказалось, что того нет на месте.

Секретарь по секретному делопроизводству Е Цзылун доложил Мао Цзэдуну, что Чэнь Бода переехал в посольство.

Мао Цзэдун никак не мог успокоиться: «Как это он переехал? Зачем он уехал в посольство?». «Он мой секретарь, здесь его место работы, подле меня! Почему он мне ничего не сказал прежде, чем перебраться в посольство?»

Мао Цзэдун приказал вернуть Чэнь Бода из посольства.

Его немедленно доставили. Чэнь Бода повинился перед Мао Цзэдуном. Оказалось, что у Чэнь Бода в Москве учился сын, которому было 16 лет и с которым Чэнь Бода не виделся много лет; вот он и решил провести с сыном в посольстве несколько дней...

Мао Цзэдун никак не утихал: «А почему ты переехал, не получив моего согласия? Где у тебя, в конце-то концов, место работы? Да ты понимаешь, что такое дисциплина?»

Увидев Мао Цзэдуна в гневе, Чэнь Бода понял, что дело серьезное, результаты его могут быть непредсказуемыми. Чэнь Бода опустил голову и начал каяться во всех смертных грехах. Обещал, что такое больше никогда не повторится.

Мао Цзэдун любил, чтобы люди каялись перед ним в ошибках. Тогда он, исходя из того, что человек оказывался, как говорится, у него на крючке, то есть в полной зависимости от него, подчеркивал, что он желает проявить великодушие, и обычно давал провинившемуся возможность исправиться, иначе говоря, доказать свою преданность Мао Цзэдуну.

Вот и на этот раз Мао Цзэдун поступил точно так же. Он оставил Чэнь Бода при себе. А через несколько дней и произошел эпизод с балетом «Красный мак», в котором Чэнь Бода пришлось сыграть свою роль.

Дело в том, что советская сторона пригласила Мао Цзэдуна на просмотр балета Р. М. Глиэра «Красный мак» в Большом театре.

Очевидно, что это ни в коей мере не был шаг, которым Мао Цзэдуну пытались навязывать трактовку событий в Китае, советско-китайских отношений и т. п. Во всяком случае, сознательно такая задача не ставилась. Советские хозяева, в том числе высшие кураторы советского искусства в ЦК ВКП(б), действительно полагали, что постановка балета «Красный мак» — это вклад в дело развития дружбы советского и китайского народов, проявление симпатий к Китаю; это был единственный в балетном искусстве спектакль на китайскую тему.

Одним словом, в Москве думали, что посещение Мао Цзэдуну спектакля Большого театра, а именно балета «Красный мак», выльется в очередную демонстрацию советско-китайской дружбы.

На практике все получилось по-иному.

Мао Цзэдун, очевидно прислушавшись к словам своих экспертов, а возможно, и потому, что при его изощренно подозрительном взгляде на все действия и слова советских партнеров он с самого начала, только узнав, что ему предлагают посмотреть спектакль на китайскую тему, да еще с названием «Красный мак», решил проявить осторожность.

Мао Цзэдун исходил, очевидно, прежде всего из того, что в СССР вообще не понимают Китай и, следовательно, не могут правильно отобразить китайские реалии. В этом смысле он даже интуитивно, а возможно и сознательно, решил на этом примере еще раз дать почувствовать Сталину, что он, Мао Цзэдун, является единственным человеком, который правильно толкует события в Китае, что все, что делается в этом плане в ВКП(б) и в СССР, в том числе и в руководстве партии и государства, да и деятелями литературы и искусства, все это проявление предвзятого и неверного взгляда на Китай, который он, Мао Цзэдун, будет исправлять при всякой возникающей для него возможности.

Кстати сказать, Мао Цзэдун не мог себе представить, что балет «Красный мак» мог быть поставлен в Москве не специально для того, чтобы пропагандировать неверные, в том числе и прежде всего сталинские, взгляды на взаимоотношения России и Китая, русских и китайцев, русской и китайской революции. Для Мао Цзэдуна это было мелкое проявление большой политики. Конечно же, он не мог просто поддаться на такого рода «провокацию» и сразу же принять приглашение посетить спектакль в Большом театре.

Мао Цзэдун отправил на предварительный или испытательный, разведочного характера просмотр именно Чэнь Бода и своего советника-переводчика Ши Чжэ, то есть тех двух людей из своего окружения, которые знали русский язык.

Воспоминания Чэнь Бода об этом случае, вероятно, отражают не только его собственный настрой, не только те мысли и чувства, которые испытывал Чэнь Бода в те дни, когда он едва-едва избежал наказания со стороны Мао Цзэдуна за свои преступления, свое «низкопоклонство» перед Сталиным, но и, что вполне вероятно, часть настроений, с которыми Мао Цзэдун отрядил Чэнь Бода для этой миссии.

Чэнь Бода учился в нашей стране, но он никогда в своей жизни не видел балетного спектакля до этого вечера.

Его сразу же поразило, что балерины бегают по сцене на пуантах. Он писал в своих воспоминаниях, что одно это сразу же насторожило его, ибо он понял это таким образом, что в Советском Союзе хотят тем самым просто показать, что в Китае существует варварский обычай бинтовать девочкам ножки, оставляя их уродливыми и маленькими.

Далее Чэнь Бода начал тут же, в ложе, изводить своими вопросами сопровождавшего его Н. Т. Федоренко. Чэнь Бода представлялось, что в этом балете его авторы хотели бы представить дело таким образом, что революцией в Китае руководили члены команды советского торгового судна, пришедшего в китайский портовый город, что именно им китайская революция обязана и своим развитием, и своей победой. [348]

Н. Т. Федоренко также вспоминал, что Чэнь Бода в ходе представления стал задавать множество вопросов, да все с подковырками. Он утверждал, что таких китайцев, которые показаны на сцене, в действительности не существует. Чэнь Бода говорил, что, очевидно, в СССР именно такими уродливыми хотели бы представлять себе китайцев.

Чэнь Бода хотел уйти из театра, не дожидаясь конца спектакля. Его с трудом удалось удержать от этого шага.

После окончания балета Чэнь Бода был вынужден встретиться с руководителями театра, с автором музыки и с артистами. Вместо слов восхищения и благодарности он, однако, заявил, что от просмотра у него осталось тягостное впечатление. Дело в том, разъяснил Чэнь Бода, что в Китае под красным маком обычно разумеют опиум, а опиум — злейший враг китайского народа, опиумом отравлены поколения людей в Китае. [349]

К слову сказать, у Чэнь Бода, хотя он, как уже упоминалось, и учился в Москве, и владел в известной степени русским языком, и, как предполагалось, был знаком с жизнью в нашей стране, с ее культурой в частности, на деле были несколько странные представления о, казалось бы, очевидных вещах.

Например, сопровождая Мао Цзэдуна во время его пребывания в Москве, Чэнь Бода смотрел в присутствии Н. Т. Федоренко по телевизору балет «Лебединое озеро».

«— Как вам понравился балет? — спросил я [писал Н. Т. Федоренко] Чэнь Бода.

— Очень забавно, но скажите, почему все женщины голые? — в свою очередь спросил он меня, имея в виду, что в китайском традиционном театре актрисы выступают в тщательно задрапированных костюмах. Иными словами, традиции у нас здесь разные. Китайская актриса всегда появляется на сцене в наряде, который скрывает ее фигуру и формы.

Не менее примечательный случай имел место и во время трансляции по телевидению оперы с участием нашего знаменитого баса.

— Как вам его исполнение? — поинтересовался я у Чэнь Бода.

— Скажите, а почему он ревет, как бугай? — в свою очередь спросил меня профессор.

— Это наш знаменитый бас, он поет не чужим, а своим могучим голосом. Нам, русским, его пение очень по душе. Примерно так же, как вам нравится пекинская опера, где поют не своими голосами, как нам представляется, а так сказать, козлетоном... — дерзнул я парировать Чэнь Бода.

— Ах так? Неужели? — воскликнул мой просвещенный собеседник. [350]

Но вернемся к балету «Красный мак». Чэнь Бода и Ши Чжэ доложили обо всем увиденном Мао Цзэдуну, который полностью разделял их мнение о вредности идей этого спектакля.

Советская сторона тем не менее и в дальнейшем настойчиво предлагала Мао Цзэдуну посетить этот балетный спектакль в Большом театре. Мао Цзэдун не пожелал этого сделать.

В свое время в этой связи в Москве было довольно много разговоров.

Можно лишь отметить, что взаимное непонимание, в том числе и по вопросам, связанным с этим спектаклем, не исчезло. Балет «Красный мак» еще несколько лет сохранялся в репертуаре Большого театра. Его, правда, после посещения спектакля Чэнь Бода переименовали в балет «Красный цветок». [351]

В целом очевидно, что действительно у Сталина и Мао Цзэдуна было разное понимание многих вопросов; причем они упорно оставались при своем мнении, хотя в иных случаях шли на компромиссы.

Применительно к обстоятельствам, связанным с балетом «Красный мак», с точки зрения Сталина, речь шла о том, как подавать внутри СССР революционные события в Китае. Его устраивала версия, на основе которой и был сделан балет «Красный мак». Сталин, очевидно, считал, что балет играл исключительно позитивную роль в нашей стране, ибо только укреплял

сочувствие к борьбе китайцев, укреплял мысль о нашем совместном с ними деле.

Мао Цзэдун не желал соглашаться с тем, чтобы в произведениях искусства в СССР китайцев изображали следующими за их советскими товарищами. Сталин же, как это вполне понятно, хотел, чтобы он и его силы играли главную роль везде, в том числе и в Китае; во всяком случае, чтобы именно такое представление воспитывалось у людей в СССР.

Столкновение мнений по этому вопросу было неизбежным следствием расхождений между Сталиным и Мао Цзэдуном по существу взаимоотношений наших двух стран.

СООТНОШЕНИЕ ВАЛЮТ И РЕАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ОТНОШЕНИЙ

Сталин и Мао Цзэдун достигли в начале 1950 года согласия по ряду вопросов. Интересы обеих наций заставили их пойти на заключение договора и нескольких соглашений.

При этом в тех случаях, когда речь шла о совершенно конкретных материальных интересах сторон, приходиться к согласию или даже к компромиссу оказывалось далеко не просто. Очевидно, конкретные исполнители действовали, руководствуясь общими принципиальными указаниями Сталина и Мао Цзэдуна, каждый из которых с недоверием относился к партнеру и ревностно отстаивал интересы своей нации, государства, партии.

Одним из таких конкретных, но весьма важных вопросов был вопрос о соотношении валют. У Сюцюань в этой связи писал: «На этот раз как только приступили к практическим вопросам, имеющим отношение к интересам обоих государств, переговоры сразу же стали не такими успешными и гармоничными. По целому ряду вопросов стали возникать разногласия и споры, и среди них наиболее важным оказался вопрос о валютах двух государств, а именно — как правильно определить соотношение между “жэньминь би” (“народной банкнотой” КНР. — Ю. Г.) и советским рублем. ...Советские деятели стремились, опираясь на свою силу, оказать на нас давление, курс своего рубля они определяли очень высоко, а курс нашего “жэньминь би” сравнительно низко. Мы по этому поводу представили свои соображения, не совпадающие с их мнением, но они упорно придерживались своей позиции, что вызвало споры между сторонами; и все те из нас, кто принимал участие в переговорах, отнюдь не испытывали радости. Однако, принимая во внима-

ние обстановку того времени, действительно вести дело к ссоре представлялось не очень выгодным. В конце концов, после того, как мы обратились к внутригосударственным инстанциям за указаниями и получили их согласие, нам ничего не оставалось делать, как идти на уступки и компромиссы, и фактически соотношение валют двух государств было определено в условиях относительного неравноправия. В ходе этих споров мы в полной мере ощутили великодержавный шовинизм и национальный эгоизм, существующие в Советском Союзе, когда во имя интересов собственной страны они навязывают свою волю другим и не считаются с интересами других стран, пусть даже это будет братское государство, с которым они поддерживают отношения сердечной дружбы. Советский Союз впоследствии превратился в агрессивную, экспансионистскую сверхдержаву и на международной арене стал проводить гегемонизм, причем это не было случайным, поскольку первые признаки этого существовали еще в период Сталина. В начале 50-х годов, хотя в ходе усиленной пропаганды на все лады проповедовалась великая и нерушимая дружба между двумя странами — Китаем и Советским Союзом, в действительности уже возникли некоторые неприятные явления, которые закладывали семена разрыва отношений между двумя государствами». [352]

Давая общую оценку советско-китайским отношениям в начале 50-х годов, то есть в тот период, когда во главе своих партий и государств находились Сталин и Мао Цзэдун, У Сюцюань писал: «Наши отношения с Советским Союзом в то время были в целом равноправными и взаимовыгодными, но одновременно с этим если говорить о дружбе, то она не обходилась без противоречий, а если говорить о единении, то оно не обходилось без борьбы». [353]

И далее: «Вообще говоря, китайско-советские отношения в начале 50-х годов все еще были отношениями сплоченности и дружбы, однако уже тогда существовали факторы разногласий и разрыва». [354]

Вполне очевидно, что между Сталиным и Мао Цзэдуном имелись существенные расхождения во взглядах на двусторонние советско-китайские отношения.

С точки зрения Сталина, во взаимоотношениях двух коммунистических партий (ВКП(б) и КПК) и руководимых ими госу-

дарств (СССР и КНР) следовало бы исходить из того, что эти отношения в обоих случаях с образованием КНР начинаются как бы с чистой страницы; при этом ни один из нынешних партнеров не несет ответственности за предыдущую историю двусторонних отношений, хотя извинения частного порядка и могут быть принесены. Далее, Сталин полагал, что если уж руководители материкового Китая провозгласили свое намерение идти по пути социализма, если уж Компартия Китая является правящей политической партией в стране, то у такого китайского государства не только не может быть никаких серьезных вопросов к СССР и его политике, касающихся прошлого и настоящего двусторонних отношений, но сама постановка такого рода вопросов должна рассматриваться как проявление классово чуждых коммунистам (Советского Союза, а также, следуя этой логике, и Китайской Народной Республики) взглядов.

В истории отношений двух наций в 1949 году возникла ситуация, в определенном смысле сходная с той, которая уже была в их отношениях после появления советской России в 1917 году. Тогда советская сторона (Ленин) тоже попыталась исходить из того, что отношения между советской Россией и китайским государством начинаются с новой страницы на том основании, что Советское государство не отвечает за политику прежней России и что существует такая общая надежная и прочная основа наших отношений, как классовая солидарность советских и китайских трудящихся.

У китайских партнеров взгляд на ситуацию был несколько иным. Они не стремились начинать писать историю отношений с чистой страницы, но всегда подчеркивали, что в истории двусторонних связей существуют нерешенные вопросы. Кроме того, Мао Цзэдун в 1949 году полагал, что Сталин намеренно не придает должного значения победе компартии в материковом Китае, а также тому факту, что эта победа достигнута главным образом благодаря собственным усилиям Киткомпартии. Национальные и личные амбиции лидеров двух партий и стран приходили при этом в столкновение. Разногласий было довольно много. Они были следствием взаимного непонимания сторон.

Действительно существовали вопросы, которые остались от прошлого и которые нужно было либо решать, либо договориться

о том, чтобы отложить их решение. Однако такого рода переговоры тогда не имели и не могли иметь места. Слишком разными были представления сторон: каждой о себе и о партнере.

В 1949 году Сталин намеренно преувеличивал тезис о дружбе между СССР и КНР, а Мао Цзэдун намеренно преувеличивал тезис о противоречиях и борьбе между ними. Что же касается противоречий, то они существовали и объективно, и в миропредставлениях и обеих партий, и обоих народов, и обоих государств, и обоих лидеров. Однако объективно существовавшие противоречия можно было разрешить либо договориться о том, чтобы отложить их решение на исторически длительный срок. К сожалению, дело было, прежде всего, в том, что неразрешимый характер носили субъективные и временные противоречия, то есть противоречия между Сталиным и Мао Цзэдуном, между их взглядами и миропредставлениями. Значительную часть таких противоречий составляли претензии на руководящее положение, на власть; другая их часть представляла отражение в мышлении каждого из лидеров интересов обеих стран и народов, обеих партий. Здесь зачастую имело место сочетание объективно существовавших вопросов и ошибочных мнений, искусственно создававшихся обоими лидерами проблем.

Предстояли годы урегулирования позиций обеих сторон. Путь к этому был непростым. На этом пути постоянно возникали те или иные трудности.

СИНЬЦЗЯНСКАЯ НЕФТЬ

С одной стороны, в первые годы существования КНР отношения между СССР и КНР были широкими и тесными. По подсчетам У Сюцюаня, в первой половине 50-х годов КНР заключила с Советским Союзом и странами Восточной Европы свыше 110 различных соглашений, в то время как со всеми остальными государствами не более двух-трех десятков соглашений.

С другой стороны, по словам того же У Сюцюаня, «именно в то время, однако, у нас с Советским Союзом не по всем вопросам всегда существовало такое полное единодушие, неизбежно наряду с этим возникали определенные разногласия. Так, например, в китайско-советской акционерной нефтяной компании в Синьцзяне Советский Союз в одностороннем порядке выступил с требованием расширить границы районов, где велась разведка нефтяных месторождений. В соответствии с соглашением капиталовложения в участки нефтяных месторождений производит наша страна, поэтому, если расширить границы нефтяных месторождений, это будет равнозначно тому, чтобы наша страна увеличила свои капиталовложения в них, а СССР соответствующим образом также должен был бы дополнительно поставить оборудование для нефтяных промыслов. Мы вместе с товарищем Ван Чжэнем, ответственным за работу в Синьцзяне, поставили этот вопрос перед послом СССР, но они тем не менее не собирались увеличивать поставки оборудования, а стремились всего лишь к тому, чтобы мы в одностороннем порядке расширили границы нефтяных месторождений. Мы, само собой разумеется, не могли пойти на это и вели дела, твердо придерживаясь принципов соглашения». [355]

Эта ситуация представляется типичным примером того, как действовали исполнители, исходя из принципиальных позиций, определенных для них Сталиным и Мао Цзэдуном.

В СССР исходили из широкого научного взгляда на этот вопрос и стремились, начав нефтеразведку в Синьцзяне, осуществить ее во всей полноте, добиться максимального охвата площадей потенциальных нефтяных районов и тем самым полностью решить задачи нефтеразведки в интересах, прежде всего, китайской стороны. Из этого и исходили в своих предложениях советские геологи.

Оказывалось, однако, что обе стороны были стеснены в средствах и не выделяли их на расширение соответствующих работ.

Советские геологи не предъявляли в этой связи никаких, тем более политических, претензий китайской стороне.

Китайские же чиновники, исходя из духа отношения Мао Цзэдуна к СССР, поднимали такого рода вопросы на уровень политических обобщений, подчеркивая тезис о наличии разногласий и о том, что советская сторона хотела якобы ущемить материально китайскую сторону.

КИНОФИЛЬМ «ПУТЕШЕСТВЕННИК ПРЖЕВАЛЬСКИЙ»

В первые годы после образования КНР в Китае демонстрировалось много советских кинофильмов. Китайские кинокартины также шли в Советском Союзе.

Стороны предоставляли друг другу для широкого показа практически почти все свои фильмы. На практике не возникало никаких вопросов, то есть все, что предлагала одна из сторон, другая сторона брала и показывала у себя.

Однако и тут имело место одно исключение. Оно носило сугубо политический характер, который придавала ему китайская сторона.

В Советском Союзе в последние годы жизни Сталина была выпущена на экран целая обойма кинофильмов об известных русских ученых, деятелях искусства и т. д. В том числе появился цветной художественный фильм о знаменитом русском географе, путешественнике по Центральной Азии и Дальнему Востоку Николае Михайловиче Пржевальском (1839–1888). Кинофильм так и назывался — «Путешественник Пржевальский». Для своего времени он был относительно заметным явлением. Вполне естественно, что фильм был предложен к прокату в КНР. Советская сторона даже полагала, что этот фильм может послужить делу укрепления и развития дружбы между народами Советского Союза и КНР, так как в нем участвовали в качестве действующих лиц представители обоих народов.

Н. М. Пржевальский был прежде всего и главным образом ученым, одним из самых знаменитых путешественников XIX века, когда еще существовали белые пятна на нашей планете.

Н. М. Пржевальский получил возможность осуществлять свои экспедиции благодаря тому, что он состоял на службе в русской армии, в ее Генеральном штабе. При его финансовой поддержке он и отправлялся в путешествия; перед ним же, а также перед Русским географическим обществом он отчитывался по возвращении. В каждой из экспедиций Н. М. Пржевальского участвовали от 4 до 21 человека; в том числе лишь сам начальник экспедиции и один-два его помощника были среди них образованными людьми; остальные были казаками или проводниками. Научные результаты этих путешествий совершенно ясно свидетельствовали о том, что Н. М. Пржевальский проводил изыскания совершенно открытого научного характера, обогащал мировую науку, в том числе и науку Китая, данными о тех районах земного шара, куда до него не ступала нога ни одного из ученых. Н. М. Пржевальский всегда имел самые добрые отношения со всеми местными жителями во время своих экспедиций. Его научные заслуги ценились столь высоко, что в Петербурге ему был поставлен памятник на добровольные пожертвования членов Русского географического общества.

Реакция представителей КПК — КНР на предложение продемонстрировать в континентальном Китае кинофильм «Путешественник Пржевальский» была неожиданной для советской стороны.

Очевидно, все случившееся в этой связи было следствием отношения Мао Цзэдуна к Сталину, Советскому Союзу, России. Отражая настроения Мао Цзэдуна, чиновники его партийно-государственного аппарата проявляли особую подозрительность, бдительность и настороженность, когда речь шла о советско-китайских, русско-китайских отношениях, когда в произведениях советской литературы или искусства каким-либо образом затрагивался Китай.

Нельзя исключать и того, что, получив для просмотра копию кинофильма «Путешественник Пржевальский», ее показала Мао Цзэдуну.

Представляется допустимым и еще одно предположение. Известно, что в КПК очень тщательно собирали и изучали любые крохи информации о руководителях других, важных, с точки зрения Мао Цзэдуна, стран, и прежде всего о Сталине и иных руководителях ВКП(б) — СССР.

Вполне возможно, что пекинским советологам была известна легенда о том, что Н. М. Пржевальский — это родной отец Сталина. Кстати сказать, внешнее сходство Н. М. Пржевальского и Сталина поразительно. Эксперты могли доложить Мао Цзэду-ну и об этой версии.

Как бы там ни было, а в ответ на рядовое, с точки зрения советской стороны, предложение демонстрировать в КНР кинофильм «Путешественник Пржевальский» последовала далеко не обычная реакция, а вернее даже сказать, дипломатический или политико-дипломатический демарш со стороны Пекина.

Вот как характеризовал события высокопоставленный чиновник МИД КНР У Сюцюань: «...Советский Союз рекомендовал нам для демонстрации свой кинофильм под названием “Путешественник Пржевальский”, содержание которого сводилось к показу истории некоего русского “путешественника”, совершившего “экспедицию” в Китай. Мы предварительно просмотрели этот кинофильм и обнаружили, что в данной картине народ нашей страны изображается в состоянии крайней бедности, темноты и невежества, чиновники маньчжурско-цинского правительства в кинофильме тем более выглядели подобострастными уродинами перед лицом русских, которые в отношении китайцев совершали некие “благотворительные” акции, делали мелкие подачки, одаривали их небольшими порциями жидкой каши и т. д. и т. п., то есть они в полной мере использовали приемы империалистов. Мы считали, что это по сути дела кинофильм, который открыто поддерживал экспансионистов царской эпохи и оскорблял народ нашей страны, поэтому было решено не принимать эту кинокартину. Руководство поручило мне вместе с товарищем Чжоу Яном (одним из руководителей пропагандистского аппарата ЦК КПК. — Ю. Г.) встретиться с послом СССР Рошиным и заявить ему, что, по нашему мнению, эта кинокартина может вредно отразиться на чувствах китайского народа, оказаться неблагоприятной для дружбы и сплоченности народов Китая и Советского Союза. Мы поставили их в известность о том, что правительство нашей страны не согласно импортировать эту кинокартину. Рошин выслушал нас, но ничего не сказал. Это... свидетельствует о том, что между Китаем и СССР в период дружбы имелись противоречия и велась борьба». [356]

Итак, в КПК — КНР Н. М. Пржевальского сочли русским военным шпионом, действовавшим на китайской территории, выполнявшим экспансионистские планы и пренебрежительно относившимся к китайцам. В Пекине на самом высоком уровне, на уровне правительства КНР, иначе говоря, вполне вероятно, на уровне Мао Цзэдуна, рассматривали и отношение к Н. М. Пржевальскому в СССР, и создание фильма о нем как оскорбление национального достоинства китайцев, как антикитайскую акцию, как проявление великорусского шовинизма и экспансионизма, как доказательство того, что и Сталин продолжал поддерживать экспансионистские настроения в СССР в отношении китайских земель.

Казалось бы, что это — мелкий эпизод, который заслуживает только улыбки и забвения. Однако все дело в том, что позиция пекинских чиновников в данном случае отражала мнение Мао Цзэдуна, показывала, что враждебность по отношению даже к лучшим представителям русского народа, русской науки, общавшимся с китайцами в ходе своих научных изысканий, причем в довольно отдаленном уже прошлом, в крови у Мао Цзэдуна; все это свидетельствовало о том, что иррациональное восприятие России как вечного и главного врага Китая являлось у Мао Цзэдуна настолько сильным, что это могло со временем проявиться в самых невероятных на первый взгляд политических и военных шагах с его стороны. Патологическая ненависть к Сталину, к России затмевала глаза и разум Мао Цзэдуна.

СТАЛИН, МАО ЦЗЭДУН И Н. С. ХРУЩЕВ

Н. С. Хрущев во времена Сталина был одним из членов советского руководства. Сталин поручал тогда Н. С. Хрущеву решение некоторых вопросов внутренней, но не внешней политики. Таким образом, Н. С. Хрущев имел возможность наблюдать довольно близко некоторые эпизоды, характеризовавшие практическое поведение Сталина при решении вопросов в отношениях с Мао Цзэдуном, с КПК — КНР.

В своих воспоминаниях Н. С. Хрущев оставил описания некоторых подробностей китайской политики Сталина. В то же время необходимо, очевидно, принимать во внимание то, что практически к проведению политики в отношении Китая Сталин привлекал в большей степени В. М. Молотова, А. И. Микояна и в меньшей степени Н. А. Булганина, но не других членов Политбюро, в том числе и не Н. С. Хрущева.

И все же у Н. С. Хрущева сложилось свое представление о взаимоотношениях Сталина и Мао Цзэдуна. Оно имело определенное значение в связи с тем, что Н. С. Хрущев стал преемником Сталина на посту первого лица в КПСС — СССР.

Хрущев вспоминал, в частности, что во время ночных застолий у Сталина в присутствии узкого круга своих ближайших соратников Сталин постоянно возвращался к такому вопросу: «Что же за человек такой, в конце-то концов, этот Мао Цзэдун? Мне о нем ничего не известно. Он никогда не бывал в Советском Союзе». По свидетельству Хрущева, Сталин подозревал, что Мао

Цзэдун занимает узкокрестьянские позиции, что он боится рабочих, пренебрегает рабочим движением и изолированно создает базы для Красной армии. Хрущев полагал, что «Сталин всегда был очень недоволен Мао Цзэдуном. Он наклеил ему ярлык; дал ему определение с точки зрения ортодоксального марксиста. Сталин часто называл Мао Цзэдуна “(не настоящим, а) маргариновым марксистом”». [357]

МОНГОЛИЯ

Уже упоминавшийся работник внешнеполитического фронта КПК — КНР У Сюцюань в своих воспоминаниях отмечал, что «после подписания вышеуказанных договора и соглашений (14 февраля 1950 г. — Ю. Г.) два государства к тому же сделали совместное заявление о том, что договор и соглашения, заключенные Советским Союзом в августе 1945 г. с бывшим гоминьдановским правительством Китая, все без исключения утратили свою силу». [358]

Из этого следовало, что Мао Цзэдун желал представить дело таким образом, что КНР свободна от обязательств, которые взяли на себя Китайская Республика и Чан Кайши в отношении вопроса о МНР, согласившись с тем, что вопрос о ее независимости будет решаться путем всенародного плебисцита.

В 1945 году Советский Союз, Сталин, беря на себя обязательства вступить в военные действия против Японии, по существу, соглашался пожертвовать жизнями своих бойцов ради разгрома японского милитаризма — общего врага СССР, Китая, других союзных держав. В то же время в качестве одного из условий вступления в войну против Японии Сталин потребовал признать независимость и самостоятельность такого государства монгольской нации, как Монгольская Народная Республика, учитывая ее вклад в дело общей борьбы против милитаристской Японии и во Вторую мировую войну в целом. Здесь, очевидно, нашла свое проявление последовательная линия в политике Сталина на то, чтобы закрепить в международных юридических документах сам факт национального самоопределения монгольской нации, о чем в принципе шла речь еще в Обращении СНК РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и

Северного Китая, датированном 25 июля 1919 года. Сталин воспользовался возможностью добиться от США и Великобритании признания статус-кво МНР; он также сумел получить согласие президента США Рузвельта на то, чтобы США воздействовали на Чан Кайши и Китайскую Республику, практически заставив их смириться со статус-кво МНР. В условиях 1945 года, будучи заинтересован в разгроме Японии с помощью Советской армии, а также будучи вынужден считаться с позицией президента США, Чан Кайши в конечном счете пошел на удовлетворение требования Сталина, исходя, прежде всего, из того, что без вступления СССР в войну против Японии Китаю, США, другим союзным державам пришлось бы на протяжении довольно длительного времени (месяцами, если не целый год) вести войну и жертвовать жизнями миллионов своих, а не русских (советских) солдат.

Мао Цзэдун в качестве главы нового государства, то есть в качестве председателя правительства КНР, судя по заявлению У Сюцюаня, безусловно отражавшего мнение Мао Цзэдуна, стремился по-своему интерпретировать высказывание Сталина о том, что договор 1945 года был неравноправным, и утверждать в сознании людей в КНР, а также за ее рубежами, что договоренности Сталина и Чан Кайши в 1945 году «все без исключения» «утратили свою силу».

С точки зрения Мао Цзэдуна, это, возможно, в первую очередь означало, что он снова ставит в повестку дня при обсуждении двусторонних отношений вопрос о Монголии.

Очевидно, что именно исходя из такого толкования этого вопроса в 1954 году Чжоу Энлай, выражая мнение Мао Цзэдуна, вновь поднимал перед Н. С. Хрущевым и другими советскими руководителями, преемниками Сталина, вопрос о вхождении МНР в состав КНР. Здесь Мао Цзэдун и Чжоу Энлай проделывали нечто подобное своему же пируэту в отношении того, что ими трактовалось как «обещание Ленина вернуть Китаю незаконно отторгнутые у него Россией китайские земли»; согласно трактовке Мао Цзэдуна, Ленин обещал это сделать, но не успел выполнить свое обещание, а Сталин не пожелал выполнить обещание Ленина. Что же касается Монголии, то по логике Мао Цзэдуна получалось, что Сталин в 1949 году признал договоренности с Чан Кайши в 1945 году неравноправными, а следовательно, обе-

щал пересмотреть вопрос о Монголии, то есть обещал вернуть ее Пекину; Сталин умер, не успев выполнить свое обещание, а его преемники, прежде всего Н. С. Хрущев, не захотели выполнить обещание Сталина относительно судьбы Монголии.

Это характерный пример причудливости мышления Мао Цзэдуна, который постоянно стремился умозрительно фабриковать позицию партнера, в данном случае Сталина, а затем по-своему толковать ее, особенно тогда, когда партнера либо уже не было в живых, либо когда по объективным причинам открытое публичное сопоставление точек зрения сторон оказывалось невозможным.

В данном случае все дело в том, что Сталин действительно говорил о неравноправном характере договора 1945 года, имея при этом в виду те его части, которые относились к КЧЖД, Порт-Артуру и Дальнему. Что же касается высказываний У Сюцюаня, отражавших позицию Мао Цзэдуна и его преемников, то обращение к документам, по крайней мере опубликованным в СССР, представляет эту картину в ином свете. Сталин был вполне последователен в своей позиции.

В советско-китайском коммюнике о подписании 14 февраля 1950 года договора и соглашений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, в частности, содержалось следующее положение:

«В связи с подписанием договора о дружбе, союзе и взаимной помощи и соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем г. Чжоу Эньлай и А. Я. Вышинский обменялись нотами о том, что заключенные 14 августа 1945 года между Китаем и Советским Союзом соответствующие договор и соглашения потеряли силу, а также, что оба правительства констатируют полную обеспеченность независимого положения Монгольской Народной Республики в результате референдума 1945 года и установления с ней дипломатических отношений Китайской Народной Республикой». [359]

СИНЬЦЗЯН

В своих воспоминаниях Н. С. Хрущев отмечал следующее: «Приблизительно в то же время (1949–1950 годы. — Ю. Г.) встал вопрос о Синьцзяне. Я не могу вспомнить, обсуждал ли эту проблему Сталин непосредственно с Мао, когда тот находился в Москве, или вопрос обговаривался через товарища Микояна, который был нашим первым представителем, направленным в Китай иметь дело с Мао.

Во время войны мы заняли и укрепили Синьцзян, закрыв его для Чан Кайши. Занятие Синьцзяна нами было в интересах Советского Союза и китайских коммунистов. К тому времени, когда коммунисты нанесли поражение Чан Кайши, мы распоряжались в Синьцзяне. У нас там были наши люди, и вся провинция работала на нас. Однако после победы китайской Красной Армии Сталин подтвердил Мао Цзэдуну, что Синьцзян принадлежит Китаю.

Затем Сталин совершил серьезную ошибку: он предложил Мао, чтобы мы организовали смешанную компанию для эксплуатации природных ресурсов в Синьцзяне. Китайцы приняли предложение без возражений, но, вне всяких сомнений, им не понравилась сама эта идея. Они должны были чувствовать, что у СССР есть определенные виды на Синьцзян и что смешанная компания представляла собой покушение на китайскую территорию и независимость. Так Сталин посеял семена вражды и антисоветских, антирусских чувств в Китае». [360]

К сожалению, Н. С. Хрущев выражал мнение, в котором были смешаны и факты, и его представления о фактах и о том, что происходило в действительности в связи с вопросом о Синьцзяне во времена Сталина.

Если говорить о том, какова была позиция Сталина по вопросу о Синьцзяне тогда, когда ему впервые пришлось обсуждать ее с Мао Цзэдуном, то она, на наш взгляд, выглядит безукоризненно относительно интересов наших двух стран.

Прежде всего, Сталин твердо исходил из того, что Синьцзян — это неотъемлемая часть Китая. На практике он не только не предпринимал никаких шагов для того, чтобы как-то урезать суверенитет Китая и власть Мао Цзэдуна над Синьцзяном, но пошел далеко вперед в сравнении с Мао Цзэдуном в вопросе об установлении власти Мао Цзэдуна над Синьцзяном.

Именно Сталин, услышав во время бесед с Лю Шаоци летом 1949 года о том, что Мао Цзэдун собирается ставить Синьцзян под свой контроль только в 1950 году, обратил внимание Мао Цзэдуна и его представителей на то, что нельзя оставлять Синьцзян в подвешенном состоянии, так как туда могут дотянуться чужие руки из-за рубежа. В этой связи Сталин предложил оказать помощь в переброске военных сил Мао Цзэдуна на советских транспортных самолетах в Синьцзян. Мао Цзэдун согласился с этим, и эта операция была осуществлена.

Далее Сталин предложил оказать помощь в переброске представителей Мао Цзэдуна в Синьцзян для налаживания связей с соответствующими политическими силами на месте. И это было осуществлено.

Да, Сталин стремился к тому, чтобы в Синьцзяне не было присутствия и влияния американцев, однако, во всяком случае на том этапе развития ситуации, это было в обоюдных интересах и Сталина, и Мао Цзэдуна.

Что же касается создания смешанных предприятий в Синьцзяне, то при Сталине они давали выгоду обеим сторонам. При этом необходимо учитывать и то, что китайская сторона не могла сделать тогда для развития Синьцзяна того, что оказывалось возможным выполнить благодаря участию Советского Союза. С другой стороны, нет никаких признаков того, что у Сталина имелись планы навечно закрепить Синьцзян в качестве «сферы влияния» СССР.

В целом история советско-китайских отношений применительно к Синьцзяну, в том числе и в 30-х годах, может служить примером такого решения вопросов двусторонних отношений, которое шло на пользу и той и другой стороне.

ХАЙНАНЬСКИЙ КАУЧУК

Н. С. Хрущев вспоминал, продолжая свою мысль об ошибочном предложении Сталина создать в Синьцзяне смешанную советско-китайскую компанию для эксплуатации природных ресурсов: «Я сказал Сталину, что китайцы будут, вероятно, возражать против наших попыток получить торговые концессии от них таким же образом, как это делали в прошлом англичане, португальцы и другие иностранцы. “Ты чего суешь свой нос в это дело? — огрызнулся Сталин. — Это не твоего ума дело”. И с этим он продиктовал послание Мао, запрашивая подходящую территорию, на которой предполагалось устроить каучуковую плантацию.

Некоторое время спустя мы получили телеграмму от Мао, содержавшую его ответ. Несколько человек присутствовали, когда мы прочли ответ Мао на предложение Сталина: “Мы согласны создать каучуковую плантацию для вас на острове Хайнань у берегов Вьетнама, но мы делаем это на определенных условиях. В частности, мы предлагаем, чтобы вы предоставили нам кредиты, машины и техническую помощь, необходимую для того, чтобы создать и развивать плантацию нашими собственными силами. Мы возместим вам затраты на эту помощь поставками каучука”.

После того, как Сталин закончил читать послание Мао, наступило длительное молчание. Я избегал взгляда Сталина, потому что знал, что он не позабыл о моем предостережении против того, чтобы выступить с таким предложением. Теперь ответ Мао пришел, как горькая пилюля, которую пришлось проглотить.

Мао, конечно, был абсолютно прав, отвечая именно так, как он это сделал. Он не пытался быть нападающей стороной; он просто подчеркивал гордость и права Китая.

Мы согласились с встречным предложением китайцев и предоставили им помощь, которую они просили, чтобы создать плантацию каучуконосов, но, в конце концов, ничего из этого не получилось. Я не думаю, что китайцы с энтузиазмом отнеслись к этому проекту. Они заплатили нам за наши тракторы и займы, но мы не получили от этой сделки никакого каучука.

Этот инцидент должен был оставить свой след в душе у Мао. Как и Сталин, Мао был не из тех, кто забывает. Опыт его общения со Сталиным сначала по вопросу о Синьцзяне, а теперь по вопросу о плантации каучуконосов был вполне достаточным, чтобы убедить его в том, что политика Сталина в отношении Китая имела много общего с империалистической политикой капиталистических стран. Точно так же, как и Сталин, Мао был глубоко недоверчивым человеком. Поэтому конкретные свидетельства того, что Сталину не следует доверять, во много раз увеличились в силу его подозрительности». [361]

Сталин ставил перед Мао Цзэдуном вопрос о каучуке, сохраняя лицо и, во всяком случае внешне, исходя из интересов и СССР, и КНР. В начале 1952 года Сталин направил телеграмму Мао Цзэдуну, внося предложение, которое, по его мнению, могло положить конец зависимости от империалистов в таком стратегическом сырье, как каучук: «вам следует осуществить насаждение в Китае каучуковых деревьев, обеспечив по крайней мере 200 тысяч тонн натурального каучука в год. Остров Хайнань — база для каучука. ...Техникой поможем». [362]

СТАЛИН, МАО ЦЗЭДУН И ГАО ГАН

Во время пребывания Мао Цзэдуна в Москве в конце 1949 года — начале 1950 года Сталин, стремясь на деле продемонстрировать и свое доверие к Мао Цзэдуну, и желание способствовать упрочению двусторонних личных отношений со своим китайским партнером, вручил ему копию секретного доклада своего доверенного представителя в то время при Мао Цзэдуне в КНР И. В. Ковалева. В этом документе содержались собранные И. В. Ковалевым, в том числе в беседах с некоторыми руководителями КПК и КНР, в частности с членом Политбюро ЦК КПК и заместителем председателя Центрального народного правительства КНР Гао Ганом, сведения о настроениях руководителей КПК, об их отношении к СССР.

Личный переводчик и консультант Мао Цзэдуна по советским делам Ши Чжэ тогда же ознакомил Мао Цзэдуна с содержанием этого документа. В то время этот жест Сталина сыграл свою роль, помог успешному ведению переговоров в Москве. Мао Цзэдун тогда не предпринял никаких мер ни вообще в связи с этим документом, ни по отношению к Гао Гану. Вероятно, он хотел, во-первых, сохранить в тайне практически от всех своих коллег по руководству КПК содержание документа, переданного ему Сталиным, а в равной степени и сам факт передачи такого документа. Во-вторых, Мао Цзэдун не считал возможным в то время, в ситуации, когда КНР во многом зависела от помощи со стороны СССР, развернуть в КПК борьбу против людей, так или иначе сотрудничавших с советскими коллегами. В-третьих, Мао Цзэдун желал усыпить бдительность Гао Гана. В-четвертых, при жизни Сталина Мао Цзэдун считал нецелесо-

образным, а вероятно и невозможным, открыто наказывать Гао Гана.

Такая позиция Мао Цзэдуна, с одной стороны, показывала, что он все-таки, очевидно, побаивался возможной реакции Сталина на свое выступление против Гао Гана, а с другой стороны, Мао Цзэдун исходил из того, что умолчание, выдержка позволяли ему в данном случае не попасть в некую зависимость от Сталина, которому он в таком случае оказывался как бы обязанным за помощь в борьбе против врагов Мао Цзэдуна внутри КПК. Мао Цзэдун сохранял при этом и свою независимость в этом плане, и, наконец, он хотел в ответ на неожиданный жест Сталина (передачу секретных сведений о действиях советской стороны, то есть И. В. Ковалева, и о действиях некоторых китайских высокопоставленных лиц, раскрывавших взаимоотношения внутри руководства КПК), со своей стороны, продемонстрировать неожиданное отношение к докладу И. В. Ковалева, то есть сделать вид, что эта «бумажка» для него ничего не значит, не имеет особой цены, что сведения, содержащиеся в ней, вроде как бы или были ранее известны Мао Цзэдуну, или расценивались им по-своему. В общем, Мао Цзэдун в ответ на хитроумный и коварный ход Сталина применил фигуру умолчания и недействия, которая, с его точки зрения, была тогда самым выгодным и также хитроумным и коварным ходом с его стороны.

По возвращении в Пекин в начале 1950 года Ши Чжэ сделал полный перевод этого документа на китайский язык. Передавая перевод Мао Цзэдуну, Ши Чжэ сказал: «Председатель, я перевел доклад, переданный вам Сталиным. Почитайте его! Там, в частности, говорится, что товарищи Лю Шаоци, Чжоу Эньлай выражали недовольство Советским Союзом; право, уж и не знаю, кто мог дать такую информацию?»

Мао Цзэдун ознакомился с текстом доклада и с презрением, как показалось Ши Чжэ, произнес: «Пока его трогать не будем. Подождем, посмотрим, а там видно будет!»

Прошло время. Умер Сталин.

Летом 1953 года Гао Ган и секретарь Бюро ЦК КПК по Восточному Китаю Жао Шуши проявляли большую активность в ходе проводившегося тогда всекитайского совещания по финансово-экономическим вопросам. Они критиковали Бо Ибо, однако,

по сути дела, направляли острие своих ударов против Лю Шаоци. Обстановка на совещании накалилась.

Ши Чжэ вспоминал, что он тогда спросил Мао Цзэдуна: «Что это они делают? Почему все время нападают на Бо Ибо?»

Мао Цзэдун улыбнулся и разъяснил, что эти нападки обращены не против Бо Ибо, а против Лю Шаоци и Чжоу Эньлая. При этом Мао Цзэдун велел Ши Чжэ снова представить ему доклад И. В. Ковалева.

И тут Ши Чжэ снова вспомнил голос Сталина: «Почитайте, возможно, это вам пригодится!»

Мао Цзэдун заново ознакомился с докладом, в котором, в частности, утверждалось, что в КПК имеется «проамериканская фракция» во главе с Лю Шаоци. Эти заявления Мао Цзэдун, очевидно, сопоставлял с тем фактом, что после визита Гао Гана в СССР в КПК начали распространяться слухи о том, что Сталину не понравился Лю Шаоци, что он также не ценит Чжоу Эньлая, но больше всего ему по нраву Гао Ган. Именно вследствие этого Мао Цзэдун и стал обращать особое внимание на деятельность Гао Гана. При этом Мао Цзэдун применил коварный прием: он стал выдвигать Гао Гана, косвенно демонстрируя свою поддержку Гао Гану в противовес Лю Шаоци. Гао Ган же, со своей стороны, предпринял внутри руководства партии переговоры с рядом высокопоставленных деятелей, предлагая произвести изменения или в составе руководства, или в распределении обязанностей, снизив положение Лю Шаоци. Дэн Сяопин, с которым, в частности, говорил Гао Ган, немедленно доложил об этом Мао Цзэдуну. (Следует сказать, что одним из приемов, которыми постоянно пользовался Мао Цзэдун, был следующий. Мао Цзэдун не имел ни дружеских, ни приятельских отношений с кем бы то ни было в руководстве партии. Он поощрял при этом всех своих младших коллег на то, чтобы они в беседах с ним жаловались один на другого, рассказывали ему все, что знали, о других членах руководства. Так Мао Цзэдун сглаживал всех руководителей партии между собой, всегда оставаясь в положении высшего арбитра.)

Трудно сказать совершенно определенно, каковы были тогда намерения Мао Цзэдуна. С одной стороны, он никогда не помогал кому бы то ни было твердо занимать пост второго человека в партии и в стране. Если это и случалось, то либо (очень

редко и фактически в виде исключения) помимо воли Мао Цзедуна, либо (по большей части) временно, согласно расчетам того же Мао Цзедуна. Следовательно, Мао Цзедун проводил многоходовую комбинацию. Он, по сути дела, поощрял Гао Гана на борьбу против Лю Шаоци, занимавшего положение второго человека в партии. Ведь Гао Ган получил повышение при переводе его с периферии в Пекин. При этом его назначили на пост, который фактически заставлял Гао Гана бороться за власть, прежде всего в сфере экономики, финансов, главным образом с Лю Шаоци. И перевод Гао Гана из Северо-Восточного Китая, и назначение его на высшие посты были осуществлены по инициативе Мао Цзедуна.

Мао Цзедун далеко рассчитал свою комбинацию. Как он и предвидел, Гао Ган, оказавшись в Пекине и надеясь на поддержку со стороны Мао Цзедуна в борьбе против его главного соперника в руководстве партии, то есть против Лю Шаоци, начал вести беседы с рядом руководителей партии, уговаривая их выступить против Лю Шаоци. Они же побежали с докладами к тому же Мао Цзедуну. Так, Дэн Сяопин доложил Мао Цзедуну о действиях Гао Гана. У Мао Цзедуна в руках оказался выбор: выступить против Гао Гана или допустить отстранение Лю Шаоци.

Нельзя исключать того, что большую роль сыграло то обстоятельство, что все это имело место после смерти Сталина. Мао Цзедун считал момент подходящим для того, чтобы заставить своих коллег еще больше, чем раньше, не доверять СССР, КПСС, Н. С. Хрущеву. При этом он учитывал, что из всех членов руководства партии больше всех был в определенной степени связан с Москвой именно Гао Ган, а Лю Шаоци тоже был в числе тех руководителей, которые предпочитали пока, на многие годы, иметь дело и взаимовыгодные связи также с Советским Союзом; во всяком случае, Лю Шаоци на практике не вел дело к военной конфронтации с Советским Союзом, чего постепенно добивался Мао Цзедун. Одним словом, если говорить об отношении к СССР, то ни Гао Ган, ни Лю Шаоци не рассматривались Мао Цзедуну как его надежные союзники. Мао Цзедун предпочел в создавшейся ситуации устранить Гао Гана, но при этом так обставить дело, чтобы заставить и Лю Шаоци, и остальных членов руководства, во-первых, оказаться в зависимости от Мао Цзедуна, который на

сей раз устранил не их, а Гао Гана от власти, и, во-вторых, выступать вместе с Мао Цзэдуном в его все усиливавшемся противостоянии с советскими руководителями, в частности с Н. С. Хрущевым.

Итак, Мао Цзэдун пошел на устранение Гао Гана, которого он фактически представил своим коллегам по руководству партии как «советского агента». Это, в частности, означало, что немедленно после смерти Сталина Мао Цзэдун стал активно поворачивать КПК, приводить ее в состояние оппозиции по отношению к КПСС и СССР. Мао Цзэдун поднял внутри партии поветрие подозрительности и вылавливания «советских агентов», китайцев, которые работают на «заграницу», то есть на СССР, передают советским гражданам «секретные сведения» о положении в КНР. Мао Цзэдун уже тогда, сразу же после смерти Сталина в 1953 году, практически сделал первый и весьма значительный шаг, опуская «бамбуковый занавес» между КНР и СССР, между людьми двух стран. С советской стороны такой занавес ни тогда, ни вплоть до событий на границе в 1969 году не опускался.

«Агенты Москвы», по Мао Цзэдуну, оказывались тогда первыми и главными врагами КПК и КНР. Это было в 1953–1955 годах, когда в СССР превалировало отношение к КНР как если не к самому надежному союзнику, то, во всяком случае, не как к той стране, «агентов» которой следовало опасаться.

Мао Цзэдун счел необходимым довести до сведения высших руководителей КПСС и СССР свою оценку ситуации внутри руководства КПК. Это было сделано столь изощренно, что складывается впечатление, что в Москве тогда так и не поняли не только глубины замыслов Мао Цзэдуна, но даже вообще о чем идет речь и в какой связи происходившее в КНР соотносилось с политикой Мао Цзэдуна в отношении Советского Союза.

В третьей декаде декабря 1953 года в КНР для участия в торжественной церемонии открытия Аньшаньского металлургического комбината прибыл заместитель председателя Совета министров, министр металлургической промышленности СССР Тевосян.

В то время Гао Ган занимал посты секретаря Бюро ЦК КПК по Северо-Восточному Китаю и политического комиссара военного округа Северо-Восточного Китая. Во время пребывания

Тевосяна в Северо-Восточном Китае Гао Ган не только лично сопровождал его, но и, используя этот случай, перевозносил самого себя и чернил других китайских руководителей, особенно он нападал на Лю Шаоци, Чжоу Эньлая.

Мао Цзедуну, естественно, немедленно доложили об этом. Он еще более насторожился. Возможно, это и была та последняя капля или тот случай, когда Мао Цзедун счел необходимым вернуться к вопросу о Гао Гане, вновь ввести этот сюжет, не упоминая прямо имя Гао Гана, в отношения с новым тогда советским руководством, пришедшим на смену Сталину. Мао Цзедун, очевидно, решил напомнить Н. С. Хрущеву о том, что советская сторона, наследница Сталина и его политики, виновата еще и в том, что внутри КПК и КНР находятся силы, которые, в опоре на Москву, на ее прямую или косвенную помощь или сочувствие, пытаются вмешиваться во внутренние дела КПК и КНР, свергнуть самого Мао Цзедуна. Мао Цзедун таким образом хотел сразу же после смерти Сталина, на похороны которого он демонстративно не поехал, поставить новых советских руководителей в оборонительное положение людей, вынужденных при первых же контактах с Мао Цзедуну оправдываться и идти на уступки, чтобы угодить вождя КПК.

В то время Мао Цзедун отдыхал в Ханчжоу. После прибытия Тевосяна в Пекин Мао Цзедун пригласил его и посла СССР Юдина к себе в Ханчжоу. Ши Чжэ было поручено сопровождать советских гостей.

2 января 1954 года Ши Чжэ, сопровождая Тевосяна и Юдина, приехал в Ханчжоу. На железнодорожном вокзале Ши Чжэ с удивлением увидел начальника управления безопасности Шанхая Ван Фаня. Ши Чжэ и Ван Фань были знакомы со времен Яньани, поэтому Ши Чжэ позволил себе пошутить: «Ты что же это, бросил Шанхай и приехал сюда?»

Ван Фань ответил: «Я прибыл для того, чтобы охранять председателя Мао!»

Ван Фань произнес эти слова совершенно серьезно, без улыбки.

Ши Чжэ недоумевал, но ответ на его вопросы скоро стал очевиден. Мао Цзедун действительно требовал в то время повышения бдительности по всем линиям, причем бдительности, вызванной необходимостью противодействовать работе «советской агентуры».

На следующий день Мао Цзэдун принял Тевосяна и Юдина. Ши Чжэ служил при этом в качестве переводчика. Атмосфера во время этой встречи была напряженной. Вскоре после начала разговора Мао Цзэдун, вскользь осведомившись у собеседников о том, как идет их работа, круто повернул направление беседы и совершенно серьезно заговорил о проблемах, которые существовали тогда, по его мнению, и в КПК, и в КНР.

Мао Цзэдун сказал: «У нас в партии, а можно сказать и в стране, возникла смута. Естественно, что то, о чем я вам сегодня рассказываю, это лишь одна из возможностей, одно из возможных направлений развития событий. Как повернется дело в дальнейшем, нужно будет посмотреть. Если попытаться кратко охарактеризовать эту смуту, то можно сказать, что дело в том, что нашелся кое-кто, кто хотел бы свалить меня. В истории нашей страны, в истории Китая, известна ситуация, когда княжество Цинь вознамерилось уничтожить Шесть княжеств и даже уничтожило одно из них, то есть княжество Чу. Княжество Цинь — это вот его родная провинция Шэньси (тут Мао Цзэдун показал пальцем на Ши Чжэ), а княжество Чу — это не что иное, как провинция Хунань (говоря это, Мао Цзэдун показал пальцем на себя самого). Так случилось в истории, таковы факты. Как же обстоят дела в настоящее время? Тут еще надо будет посмотреть».

(Конечно, вряд ли советские собеседники Мао Цзэдуна могли понять, что, говоря о провинции Шэньси, Мао Цзэдун имел в виду Гао Гана, уроженца именно этой провинции, а говоря о провинции Хунань, он мог иметь в виду и себя самого, и Лю Шаоци, также уроженца провинции Хунань. Иначе говоря, Мао Цзэдун намекал на то, что Гао Ган предпринимал тогда попытки отстранить от власти, по крайней мере, Лю Шаоци. Мао Цзэдун при этом предполагал, что в Москве, во всяком случае на уровне Н. С. Хрущева, сразу сопоставят эти его слова с известными им фактами, то есть с тем, что Гао Ган снабжал секретной информацией Сталина и был в глазах Мао Цзэдуна советским агентом, с помощью которого Москва хотела бы после ухода из жизни Сталина заставить и Мао Цзэдуна отойти от власти. Мао Цзэдун мог также предполагать, что его намек будет понят Москвой следующим образом: Мао Цзэдун намерен убрать Гао Гана, но он оставлял у власти Лю Шаоци, который, как это было на

самом деле и это было известно Москве, накануне образования КНР выступал против стремления Мао Цзэдуна, мнение которого, как и всегда, разделял Чжоу Эньлай, формально и официально иметь обычные нормальные отношения и с СССР, и с США, но фактически вступить в более близкие отношения с США.)

Ши Чжэ слушал Мао Цзэдуна, улыбался и переводил его слова. Он действительно был родом из провинции Шэньси, то есть его можно было назвать и человеком из княжества Цинь, но у него не было намерений уничтожить Шесть княжеств и тем более он не уничтожал никогда княжества Чу. Он был благонамеренным членом КПК, и никогда у него не было и в мыслях кого бы то ни было свергать. Хотя Мао Цзэдун и указал на него пальцем, но имел он в виду совсем не то, о чем было сказано буквально. Он имел в виду вовсе не Ши Чжэ. Поэтому Ши Чжэ переводил слова Мао Цзэдуна, ведя себя совершенно спокойно и естественно; он улыбался и переводил точно, не смешался и не потерялся, не упустил ни одного слова, ни полслова при переводе.

Тевосян и Юдин, слушая Мао Цзэдуна и перевод его слов, поднимали головы, заинтересовались и с удивлением посмотрели на Мао Цзэдуна и на Ши Чжэ.

Мао Цзэдун рассмеялся. У него были тут свои расчеты. Он не собирался раскрывать карты. Иначе говоря, Мао Цзэдун сказал только то, что сказал, предоставив собеседникам возможность разгадывать очередной ребус Мао Цзэдуна.

Ши Чжэ же понимал, что Мао Цзэдун, говоря о провинции Шэньси, имел в виду Гао Гана. Гао Ган был родом из уезда Хэншань провинции Шэньси. В 1926 году Гао Ган вступил в КПК. Последовательно занимал посты политкомиссара, секретаря Бюро ЦК КПК по Северо-Западному Китаю, политкомиссара военного округа Северо-Восточного Китая, секретаря Бюро ЦК КПК по Северо-Восточному Китаю, заместителя председателя Центрального народного правительства КНР и пр. На седьмом съезде КПК он был избран членом ЦК КПК, а на первом пленуме ЦК КПК седьмого созыва членом Политбюро ЦК КПК. В 1953 году с санкции Мао Цзэдуна он был переведен на работу в Пекин, где стал председателем Государственного планового комитета. Гао Гана обвинили в том, что он вступил в сговор с руководителем Восточного Китая Жао Шуши и они якобы замыс-

лили расколоть партию, захватить и узурпировать власть в партии и в государстве; при этом утверждалось, что Гао Ган хотел стать генеральным секретарем ЦК КПК или премьером Госсовета КНР. (Кстати сказать, Гао Ган никогда не посягал на власть самого Мао Цзэдуна.)

Ши Чжэ признавался впоследствии, что тогда он все-таки никак не мог понять, зачем Мао Цзэдуну нужно было не называть прямо Гао Гана, а говорить о провинции Шэньси, да еще и показывать пальцем на Ши Чжэ.

(Можно предположить, что Мао Цзэдун решил не трогать Гао Гана при жизни Сталина, а после его смерти он сначала попытался именно в такой иносказательной форме, дававшей возможность маневра при любом повороте событий, выяснить возможную реакцию Н. С. Хрущева на вероятное смещение Гао Гана. Кстати сказать, Н. С. Хрущев, во-первых, вряд ли понял смысл высказываний Мао Цзэдуна [а Тевосян и Юдин вряд ли сами смогли понять, в чем тут дело, и растолковать это Н. С. Хрущеву] и, во-вторых, вряд ли понимал, что Мао Цзэдун тогда проверял его способность на решительные шаги, особенно когда речь шла или о людях, близких к Москве, или о политике Мао Цзэдуна в отношении СССР и КПСС; Мао Цзэдун мог тогда предполагать, что Н. С. Хрущев, будучи, как это было общеизвестно, человеком импульсивным, мог пойти на решительное противодействие планам Мао Цзэдуна. На практике оказалось, что Н. С. Хрущев хотя и осуждал поступок Сталина в отношении доклада И. В. Ковалева и в отношении Гао Гана, но пальцем не пошевелил, чтобы защитить Гао Гана. Так Н. С. Хрущев своим поведением открыл путь для быстрого продвижения Мао Цзэдуна по пути противоборства с Москвой.)

Вся эта сцена в Ханчжоу выглядела весьма странно. Перед лицом людей из СССР показывать пальцем на Ши Чжэ, говорить, что он уроженец Шэньси, а затем утверждать, что уроженец Шэньси хочет свалить, отстранить от власти самого Мао Цзэдуна.

Ши Чжэ значительно позже, вспоминая об этой беседе, выражал недоумение. Хотя он и знал, что Мао Цзэдун имел в виду Гао Гана, но советские гости этого не знали.

Когда Мао Цзэдун замолчал и не стал больше ничего говорить, а было видно, что ни Тевосян, ни Юдин ничего не поняли,

Ши Чжэ (осталось неясным, по своему почину или заранее получив указания Мао Цзэдуна) рассказал советским гостям о том, как дело было в истории, как княжество Цинь уничтожило княжество Чу.

Вот рассказ Ши Чжэ. Когда это случилось, то есть когда княжество Цинь уничтожило княжество Чу, у людей из княжества Цинь не было единого мнения, они не были сплочены воедино. В исторических записках знаменитого китайского историка Сыма Цяня говорилось о том, что в то время внутри княжества Цинь существовали очень сильные противоречия. Властитель княжества Цинь, которого звали Цинь Шихуан, хотел уничтожить княжество Чу и спросил своего главного военачальника Ван Цзяня: сколько нужно воинов, чтобы уничтожить княжество Чу? Ван Цзянь ответил, что необходимы 600 тысяч воинов.

Тогда Цинь Шихуан подумал, что все население княжества Цинь составляет 600–700 тысяч человек. Если всех их отдать под команду Ван Цзяня и тот с ними уйдет в поход, тогда страна опустеет, не так ли? А если по пути войска Ван Цзяня поднимут бунт, если это войско повернет копьё против своего властителя, разве нельзя предположить, что тогда Ван Цзянь сможет завладеть всем княжеством Цинь?

Другой полководец, Ван Лин, сказал, что он уничтожит княжество Чу с войском численностью в 200 тысяч воинов. Этого ему, дескать, достаточно. Что же, ладно, быть по сему! Цинь Шихуан принял решение и дал Ван Лину 200 тысяч солдат.

Но кто же мог предположить, что Ван Лин окажется совершенно неспособным полководцем. Его двухсоттысячное войско было весьма скоро окружено и уничтожено армией княжества Чу. Более того, княжество Чу всей своей военной мощью нависло над границами княжества Цинь и стало реально угрожать ему.

Делать было нечего, Цинь Шихуан был вынужден проявить твердость и снова попросил Ван Цзяня взяться за дело. Однако Ван Цзянь, имея свидетельства того, что Цинь Шихуан проявлял в отношении его самого и его предложений слишком большую подозрительность, не пожелал вернуться из своей добровольной отставки. Пришлось Цинь Шихуану сесть в колесницу и лично отправиться туда, где жил Ван Цзянь, то есть в Пиньян,

чтобы просить его взять дело в свои руки. Ван Цзянь сказал, что, если мы хотим покорить и уничтожить царство Чу, нам не обойтись без шестисоттысячной армии! Цинь Шихуану пришлось стиснув зубы промолвить: «Ладно! Вот тебе шестисоттысячное войско!»

И тогда Ван Цзянь выступил в поход во главе 600 тысяч воинов. Цинь Шихуан лично провожал войско в поход. При этом он спросил у полководца, не нужно ли ему что-нибудь еще. Ван Цзянь, увидев, что властитель никак не может успокоиться и полностью довериться ему, сказал тогда: «Вот после того, как царство Чу будет покорено и уничтожено, я хотел бы получить надел в тысячу цинов прекрасной земли (около 700 гектаров. — Ю. Г.), куда бы я мог, уйдя в отставку, удалиться, чтобы дожить свой век». Цинь Шихуан понял тогда, что у Ван Цзяня нет никаких коварных планов, и поспешил заверить его в том, что все его пожелания будут исполнены. И вот тогда-то, имея за собой прочный тыл, Ван Цзянь очень быстро уничтожил княжество Чу, после чего подал прошение об отставке и о желании вернуться в родные места, чтобы жить на покое в старости.

Эта полная смысла и интересная история с двойным, а может быть и тройным, дном была выслушана гостями с большим вниманием. Они смеялись в ходе рассказа Ши Чжэ. Трудно сказать наверняка, однако думается, что и посол Юдин, и заместитель председателя Совета министров Тевосян и не поняли смысла высказываний Мао Цзэдуна, и не захотели брать на себя толкования его слов. Мы подробно рассказали здесь обо всем этом с той целью, чтобы показать, как сложно иметь дело с руководителями Китая и как важно посылать знатоков Китая в качестве доверенных представителей в эту страну, а также как важно руководителям нашей страны полагаться на мнение китаеведов.

Только впоследствии Ши Чжэ узнал, что в то время, когда состоялась эта беседа в Ханчжоу, Мао Цзэдун уже внес свои коррективы в проект резолюции и готовился созвать четвертый пленум ЦК КПК седьмого созыва.

С 6 по 10 февраля 1954 года в Пекине работал четвертый пленум ЦК КПК седьмого созыва. В китайской печати утверждалось, что на этом форуме было вскрыто и раскритиковано то, что было названо антипартийной деятельностью Гао Гана и Жао Шуши. Было единогласно принято «Решение об укреплении

сплоченности партии». Проект этого документа был подготовлен Мао Цзэдуном. В марте 1955 года ЦК КПК созвал всекитайскую конференцию, на которой было принято «Решение об антипартийном союзе Гао Гана, Жао Шуши». Гао Ган и Жао Шуши были исключены из партии и сняты со всех постов как в партии, так и вне ее.

На этой конференции Мао Цзэдун сказал, в частности, следующее:

«Появление антипартийного союза Гао Гана, Жао Шуши — это не случайное явление. Это острое проявление напряженной классовой борьбы, которая разворачивается на современном этапе развития нашей страны. Преступная цель этого антипартийного союза состояла в том, чтобы расколоть нашу партию, заговорщическими методами захватить в свои руки высшую власть в партии и в государстве и тем самым проложить путь к контрреволюционной реставрации. Вся наша партия под руководством своего сплоченного воедино Центрального Комитета уже целиком и полностью разгромила этот антипартийный союз, благодаря чему наша партия еще более сплотилась и окрепла. Это важная и великая победа в ходе той ожесточенной борьбы, которую мы ведем ради дела социализма».

Мао Цзэдун не говорил в этой речи о документе, который передал ему Сталин, а в этом документе содержались записи высказываний Гао Гана. Однако вполне очевидно, что Мао Цзэдун и Н. С. Хрущев по-разному и даже с противоположных позиций смотрели на этот поступок Сталина. Так считали в КПК.

Н. С. Хрущев, конечно же, симпатизировал Гао Гану, критикуя Сталина. Он писал: «Из-за того, что Сталин предал Гао Гана, мы лишились человека, который был настоящим другом и который мог предоставлять Советскому Союзу правдивую информацию о положении в руководстве Китая». Далее Н. С. Хрущев следующим образом анализировал ситуацию: «Почему же Сталин предал Гао Гана? Мне думается, что его на это толкнула собственная подозрительность. Как он сам говорил, он никому не верил, даже самому себе. Он считал, что рано или поздно, но Мао Цзэдун узнает о том, что Гао Ган по секрету жаловался на него, поэтому, если это всплывет, Мао сможет бросить Сталину упрек в том, что он подстрекал к выступлению против прави-

тельства Китая. Вот тогда Сталин принял решение: лучше пожертвовать Гао Ганом, чтобы завоевать доверие Мао».

Мао Цзэдун всегда следил за тем, чтобы не допустить интриг против себя. Он был недоверчив и всех подозревал. Он всегда искал предателей в своих рядах. Искал тех, кто способен передать секреты КПК и КНР иностранцам. В марте 1955 года в своей речи на упоминавшейся всекитайской партийной конференции Мао Цзэдун говорил:

«Для нашей партии дело Гао Гана, Жао Шуши — это важный наглядный урок и хорошее предостережение. Вся партия должна повысить бдительность и непременно добиться того, чтобы в партии больше не возникали такого рода явления. Гао Ган, Жао Шуши внутри партии занимались заговорщической тайной деятельностью; за спиной у своих же товарищей они вносили раздор и занимались провокациями, но публично они притворялись и маскировали свою деятельность. Они использовали совершенно гнусные методы; в истории весьма часто так действовали классы помещиков и буржуазии. Маркс, Энгельс в “Коммунистическом манифесте” говорили: “Коммунист считает для себя постыдным скрывать свою точку зрения и свои намерения”. Мы — члены коммунистической партии, не говоря уже о том, что мы партийные работники высшего звена, поэтому наша политическая деятельность должна быть кристально честной; мы должны всегда открыто говорить о своих политических взглядах; по каждому важному и большому политическому вопросу выражать свое согласие или несогласие; мы ни в коем случае не должны учиться тут у Гао Гана, Жао Шуши, то есть не должны следовать их примеру и заниматься интригами, строить заговоры». [363]

В КПК полагали, что у Мао Цзэдуна и Н. С. Хрущева были разные взгляды на вопрос о Гао Гане. Их позиции были противоположными. Мао Цзэдун считал, что настоящий коммунист не должен подражать Гао Гану и Жао Шуши и заниматься интригами, действовать заговорщическими методами. Н. С. Хрущев же проявлял полное сочувствие к Гао Гану, жалел о том, что Сталин «предал» его, жалел о «потере» «настоящего друга», который мог снабжать СССР «ценной информацией».

Спустя полтора года, 15 ноября 1956 года (то есть уже после доклада Н. С. Хрущева с критикой Сталина на XX съезде КПСС),

Мао Цзэдун в своей речи на втором пленуме ЦК КПК восьмого созыва остановился на вопросе о Гао Гане. Мао Цзэдун при этом сказал: «Теперь по вопросу о поддержании тайных связей с границей, о передаче секретных сведений иностранцам, за границу. Есть ли у нас в Китае такие люди, которые за спиной ЦК партии сообщают информацию иностранцам? На мой взгляд, есть такие. Например, один из них — это Гао Ган. Это подтверждают многочисленные факты».

Мао Цзэдун не стал конкретно рассказывать о материале, который передал ему Сталин; вслед за тем он сказал: «24 декабря 1953 года на конференции, когда был вскрыт вопрос о Гао Гане, я объявил о том, что в городе Пекине существуют два штаба. Один штаб — это мы с вами, этот штаб действует, так сказать, на свету, при солнечном свете, открыто, он раздувает праведное пламя и поднимает чистый ветер. Что же такое второй штаб? Его можно назвать подпольным штабом или штабом в подземелье. Он тоже действует, но действует скрыто, в темноте; он раздувает несправедливое пламя и поднимает нечистый ветер. Известный исторический персонаж Линь Дайюй (из романа «Сон в Красном тереме». — Ю. Г.) говорила, что дело всегда обстоит таким образом: либо ветер с Востока возьмет верх над ветром с Запада, либо, наоборот, ветер с Запада возьмет верх над ветром с Востока. (Кстати сказать, в романе «Сон в Красном тереме» под ветром с Востока имелась в виду законная жена китайского императора или первая законная жена в традиционной китайской семье, а под ветром с Запада — наложницы императора или наложницы в традиционной китайской семье; в императорском дворце в Пекине законная жена жила в восточной части дворца, а наложницы — в его западной части. — Ю. Г.) Как же обстоят наши дела в настоящее время, сейчас? Да вот как: либо тот ветер, что дует, так сказать, на свету, при солнечном свете, открыто, подавит другой ветер, который дует в темноте, скрыто; либо, в противном случае, все получится наоборот и ветер, дующий в темноте и скрыто, может подавить ветер, дующий открыто и при солнечном свете. Ведь когда эти люди раздувают свои меха и дует ветер в темноте, скрытый ветер, они имеют своей целью именно погасить, придавить наш ветер, дующий при солнечном свете; они хотят свергнуть очень многих людей».

Мао Цзэдун предостерег партийных и государственных руководящих работников высшего и среднего звена от того, чтобы они передавали секретные сведения иностранцам, за границу. Он со всей ясностью указал на то, что «так поступать нехорошо». Вслед за тем он пояснил свою мысль: «Вот мы не согласны кое с чем из того, что делается в Советском Союзе, Советским Союзом. ЦК нашей партии уже неоднократно доводил наше мнение до их сведения. Кое о чем мы еще не говорили. Мы еще скажем об этом в будущем. Но если что-то необходимо сказать, это должно делаться только через Центральный Комитет нашей партии. Что же касается того, что именуется информацией, информацией секретного характера, то ее передавать за границу никоим образом нельзя. Передача такого рода информации не принесет никакой пользы; более того, она обернется вредом. Ведь все это только разрушает отношения между двумя партиями, двумя странами. А те, кто этим занимается, сами на себя навлекают неприятности, осложнения, беду. Ведь если ты, например, действуешь за спиной у своей партии, то это всегда означает, что совесть у тебя нечиста. Если ты передал информацию секретного характера и доложил об этом, тогда и дело с концом. Но если не доложил, тогда нужно будет провести расследование, а когда расследование будет проведено и все будет выяснено, тогда тебе придется понести соответствующее наказание».

В этом выступлении Мао Цзэдун изложил свое мнение, обосновав запрет передавать информацию иностранцам, а также рассказал о том, какими методами следует исправлять положение. В КПК считали, что, сказав об этом с предельной ясностью, Мао Цзэдун не уподобился Н. С. Хрущеву. Позицию Н. С. Хрущева в Пекине расценивали как исходящую исключительно из национального эгоизма, из желания добиться положения гегемона, к чему, собственно говоря, стремилась КПСС, то есть «руководящая партия», «партия-отец»; Н. С. Хрущев, полагали в Пекине, исходил из своего темного замысла поставить братские партии под свой контроль и манипулировать ими.

В КПК также подчеркивали, что случайность — проявление закономерности; выступление Мао Цзэдуна имело в виду обобщение опыта и извлечение уроков из ошибок Гао Гана; при этом, по сути дела, Мао Цзэдун не только дал необходимые, с его

точки зрения, пояснения относительно поступка Сталина, но и развернул необходимую, также с его точки зрения, критику Н. С. Хрущева. [364]

Подход Сталина и Мао Цзэдуна к вопросу о Гао Гане проясняет целый ряд аспектов политики обеих сторон по отношению друг к другу.

Начать с того, что в свое время фраза Мао Цзэдуна относительно ветра с Востока и ветра с Запада, которые ведут между собой непримиримую борьбу вплоть до гибели одного из соперников, трактовалась в СССР (а вполне возможно, эту установку в Москве так и не поняли тогда) исключительно как оценка Мао Цзэдуном классовой ситуации в мире, борьбы сил социализма, то есть СССР и КНР, КПСС и КПК совместно, против империализма, прежде всего против США.

На самом же деле оказывается, что Мао Цзэдун настраивал тогда свою партию и свое государство на бескомпромиссную, а при необходимости даже смертельную, борьбу против СССР и КПСС, против России. Под ветром с Востока он понимал КПК и КНР, Китай, а под ветром с Запада он понимал КПСС, СССР, Россию.

Мао Цзэдун не имел тут в виду США.

Далее, Сталин, передав Мао Цзэдуну секретный доклад И. В. Ковалева, стремился решить ряд задач: развеять подозрительность Мао Цзэдуна (или, по крайней мере, выбить из рук Мао Цзэдуна козыри, позволявшие тому говорить о закулисной борьбе Сталина, КПСС и СССР против Мао Цзэдуна, КПК и КНР), дать понять, что он может пойти на многое для того, чтобы успокоить партнера (и действительно, вскоре вся советская агентура, работавшая до 1949 года в Китае, была передана спецорганам КНР); Сталин показывал также своим жестом, что он предлагает строить отношения на основе взаимного доверия. Он также демонстрировал Мао Цзэдуну и то, что у него есть возможности знать о подлинных настроениях Мао Цзэдуна, в том числе и о том, что ряд близких к Мао Цзэдуну руководителей КПК, а возможно и сам Мао Цзэдун, склонялись к налаживанию отношений с США в ущерб налаживанию отношений с СССР накануне образования КНР (Мао Цзэдуну пришлось переориентироваться на СССР только потому, что Вашингтон не ответил на заигрывания КПК в то время). Тем самым Сталин давал по-

нять Мао Цзэдуну, что у того тоже совесть нечиста, если говорить о его подлинном отношении к СССР, к России.

Сталин вынудил Мао Цзэдуна до поры до времени молчать.

Мао Цзэдун затаил свое недовольство Сталиным и стал изливать его только после смерти Сталина.

Важно также отметить, что Н. С. Хрущев, на словах осуждая поступок Сталина в отношении Гао Гана, на деле даже пальцем не пошевелил для того, чтобы спасти Гао Гана, которого Мао Цзэдун репрессировал не при жизни Сталина, а тогда, когда во главе КПСС находился Н. С. Хрущев; другой вопрос, что у Н. С. Хрущева тогда практически не было рычагов воздействия на Мао Цзэдуна.

После смерти Сталина Мао Цзэдун именно на примере Гао Гана начал в партии кампанию открытого пересмотра отношения к СССР. Мао Цзэдун отвел СССР место такой же заслуживавшей подозрения зарубежной страны, как и прочие государства, потребовав повышать бдительность именно и особенно в отношении СССР. По Мао Цзэдуну, оказывалось, что подозрительность в отношении социалистической страны должна была быть еще выше, чем подозрительность в отношении капиталистической страны; социалистическая страна, в данном случае СССР, оказывалась, с точки зрения Мао Цзэдуна, еще более опасным, первым по счету, врагом Китая, КНР, КПК. Так Мао Цзэдун, вынужденно молчавший при жизни Сталина, после его смерти начал различными методами отдалять одну от другой и две партии, КПСС и КПК, и два государства, КНР и СССР.

Некоторые сведения о «деле Гао Гана» содержатся в беседе китаеведа С. Н. Гончарова с представителем Сталина при Мао Цзэдуне И. В. Ковалевым.

С. Н. Гончаров задал вопрос:

«Следующий вопрос связан не с большой политикой, а с загадочными перипетиями одной человеческой судьбы. Речь пойдет о судьбе Гао Гана. Этот человек сыграл выдающуюся роль в руководстве Маньчжурской революционной базой, послужившей основным опорным пунктом, обеспечившим победу коммунистов в гражданской войне; не менее значительной была роль Гао Гана и во время войны в Корее, когда он отвечал за тыловое обеспечение китайских добровольцев; он также занимал ряд самых ответственных постов в центральном прави-

тельстве страны и в партии. Тем большим шоком для многих явились появившиеся в 1954 году, вскоре после смерти Сталина, сообщения о том, что Гао Ган помещен под домашний арест; затем последовала информация о том, что Гао Ган покончил жизнь самоубийством. Официально Гао Ган обвинялся в «антипартийной раскольнической деятельности», однако ходили упорные слухи о том, что подлинная причина состояла в слишком близких и доверительных связях Гао Гана с СССР, используя которые он рассчитывал упрочить свои позиции в борьбе за власть. Известны ли Вам какие-либо факты, позволяющие пролить свет на причины столь трагического конца этого деятеля?»

И. В. Ковалев ответил на этот вопрос следующим образом:

«В период работы в Китае я поддерживал с Гао Ганом самые тесные рабочие контакты, у нас с ним были доверительные, более того, даже товарищеские отношения. Гао запомнился как человек незаурядный, обладавший задатками крупного руководителя. В 1954 году я уже не работал в Китае и потому не хочу строить догадки относительно того, что тогда произошло. Хочу рассказать о некоторых эпизодах, которых я лично был свидетелем и которые позволяют пролить свет на дальнейшую участь Гао Гана.

Первый из них произошел 27 июля 1949 года на том самом заседании Политбюро ЦК ВКП(б), где Лю Шаоци снял вопрос о Тайване. (Согласно сообщению того же И. В. Ковалева, Мао Цзэдун и его коллеги по руководству КПК до этого просили Сталина поддержать планировавшееся ими наступление на Тайвань советскими авиацией и подводными лодками. — Ю. Г.) После этого, заметно взволнованный, слово взял Гао Ган. Полностью поддержав выступление Лю, Гао затем сообщил, что хотел бы высказать свое личное предложение.

Гао заявил, что предлагает объявить Маньчжурию 17-й советской социалистической республикой в составе СССР (тогда в СССР насчитывалось 16 республик — Карело-Финская тоже имела союзный статус). По мнению Гао Гана, это обезопасило бы Маньчжурию от нападений со стороны американцев и превратило бы ее в еще более надежную базу для продолжения наступления на юг с целью окончательного разгрома Чан Кайши. Кроме того, Гао Ган предложил разместить в порту Циндао советский военный флот, укрепить советские войска в Дальнем и

увеличить их численность, обосновывая это примерно такими же соображениями. После завершения выступления Гао присутствовавшие разразились аплодисментами, однако по лицу Лю Шаоци было видно, что он взбешен.

Тут встал Сталин и, обращаясь к Гао, сидевшему в первом ряду, сказал: «Товарищ Чжан Цзолинь!» Все присутствовавшие были буквально потрясены таким обращением, ибо Чжан Цзолинь был бандитом, который стал диктатором Маньчжурии, опираясь на поддержку японцев, и был ими уничтожен, когда попытался переметнуться на сторону американцев.

После завершения заседания мы с Гао и Лю сели в машину и поехали в их резиденцию. Лю сразу же набросился на Гао с обвинениями в предательстве, Гао огрызнулся в ответ. Когда приехали, Лю Шаоци тут же дал Мао шифrogramму с требованием немедленно отозвать Гао Гана домой за предательский поступок. Гао же, подойдя ко мне, сказал, медленно подбирая русские слова, что хотел бы в конфиденциальном порядке и через советского переводчика сообщить мне информацию о положении в руководстве КПК. По его мнению, многие соратники Мао были заражены правотроцкистским уклоном. Он также сказал, что хочет сделать важное заявление по поводу неискреннего и антисоветского поведения некоторых китайских руководителей в отношении ЦК ВКП(б).

Я немедленно поднялся на второй этаж и по телефону-вертушке доложил обо всем происходящем Сталину. Тот признал, что чрезвычайно резко раскритиковал Гао, однако подчеркнул, что это было необходимым, ибо в противном случае ситуация могла быть неправильно понята китайским руководством. Он также запретил мне выслушивать информацию от Гао Гана, мотивируя это тем, что мне предстоит возвращаться для работы в Китай и потому нельзя втягиваться в распри в китайском руководстве. Насколько мне известно, выслушать эту информацию от Гао Гана было поручено другому товарищу и запись беседы была передана Сталину. Сталин также заявил, что нельзя немедленно отпускать Гао домой, нужно задержать его на несколько дней.

Через три дня на своей даче в Кунцево Сталин устроил специальный прием в честь отъезда Гао Гана. На нем Сталин активно пытался помирить Гао и Лю, даже заставил их выпить

друг с другом за дружбу. Лю сделал это с явной неохотой, только чтобы удовлетворить просьбу гостеприимного хозяина.

Утром следующего дня Гао Ган улетал на родину. Настроение у него было подавленное, никто из членов китайской делегации его не провожал. Я понял, что вчерашнее примирение было формальным, и немедленно доложил об этом Сталину. В тот же день во время беседы с Лю Шаоци Сталин заявил: “Я тогда сгустил краски насчет товарища Гао, вы тоже, и без всяких оснований. Доложите мое мнение товарищу Мао”.

Лю, очевидно, выполнил эту просьбу — вскоре Гао Ган получил ответственные посты во вновь образуемом Центральном народном правительстве Китая. Надо сказать, что в это время в разговорах со мной Мао Цзедун постоянно подчеркивал, что он всегда поддерживал Гао Гана и, в частности, спас его от попытки уничтожить со стороны бывшего секретаря ЦК КПК Бо Гу. Это, однако, не означало, что все тучи над головой Гао Гана рассеялись.

В сентябре 1949 года к Мао Цзедуну прибыла делегация миллионеров из Гонконга и стала его просить дозволить совершить поездку в Маньчжурию. Мао согласился, и после поездки миллионеры снова прибыли к нему доложить о впечатлениях. В Маньчжурии им, в общем, понравилось, говорили, что там порядок в отличие от хаоса гоминьдановского юга.

Вместе с тем гонконгцы заявили, что хоть в Маньчжурии и порядок, но все-таки там как-то не по-китайски, а скорее как у северного соседа. Больше всего их поразило то, что совсем не увидели на северо-востоке портретов Мао, а только одни портреты Сталина. Мао, услышав это, страшно разгневался и в тот же день вызвал Гао Гана для участия в заседании Политбюро ЦК КПК. Единственным вопросом повестки дня стал “вопрос о портретах”.

Следует признать, что гонконгские капиталисты сказали правду — во всех учреждениях, на предприятиях, на фасадах домов в Маньчжурии висели портреты Сталина, а портретов Мао почти не было видно. Сталинские изображения во многих случаях были совсем на него не похожи, он там был изображен с восточными, китайскими чертами лица — но все, конечно, знали, кто это такой.

История этого вопроса такова. Еще в конце 1948 года группа работников советского документального кино, посетивших перед

этим Албанию, а затем прибывших в Китай, высказывала свое разочарование в связи с тем, что в Мукдене после прихода к власти коммунистов не видно портретов Сталина. Под влиянием подобных замечаний Гао Ган велел изготовить портреты Сталина и вывесить их на зданиях в Мукдене и других городах Маньчжурии. Возможно, одновременно так он выражал свое недовольство Мао, сейчас трудно сказать.

Заседание Политбюро продолжалось до поздней ночи, и примерно часу в четвертом зашел ко мне Гао Ган, с возмущением стал рассказывать о том, что там произошло. Первым выступил Лю Шаоци и обрушился на Гао с резкой критикой. Он напомнил о московском предложении Гао Гана сделать Маньчжурию 17-й советской республикой и соединил это с отсутствием портретов Мао. После этого выступил Чжоу Энлай, который обвинил Гао в предательстве китайского народа и стремлении передать Маньчжурию СССР. Он предложил вывести Гао из состава членов Политбюро и вообще из ЦК КПК. Помню, Гао Ган тогда особенно был огорчен позицией Чжоу, которого он считал своим лучшим другом. Мао Цзэдун своего личного мнения не высказывал и просто проголосовал за резолюцию, в которой осуждалась "линия Гао Гана" и предлагалось снять сталинские портреты по всему Китаю.

После ухода Гао я долго не мог уснуть, настроение у меня резко испортилось. В конце концов решил срочно доложить об этом в Москву.

На следующий день стали ко мне ходить китайские представители, в том числе Лю Шаоци, с объяснениями по поводу портретов. Говорили, что решили их снять по причине плохого качества. В конце концов, хоть я и не хотел, пришлось по этому поводу объясняться с Мао Цзэдуном. Мы с ним договорились, что портреты Сталина не будут снимать в советских воинских учреждениях, в смешанных советско-китайских учреждениях, а также в китайских партийных и комсомольских комитетах.

На другой день пришла телеграмма от Сталина. Он поддержал линию Мао Цзэдуна и Лю Шаоци, осудил Гао Гана. Меня это тогда очень поразило. Потом, по прошествии времени, я лучше стал понимать происшедшее. Я ведь отлично по своему опыту знал, что Сталин людей, или, лучше сказать, по его мнению, людишек, воспринимал только кучно, как муравьиную

массу, а не как личностей. Для него люди были только средством в политической игре. Поэтому он и бросил тогда Гао Гана, который искренне был ему предан, на произвол судьбы, что в тот момент считал более важными для себя хорошие отношения с Мао.

Я с этой телеграммой пошел к Мао Цзэдуну, однако ту ее часть, где Сталин осуждал Гао Гана, читать ему не стал. Каким-то образом кто-то об этом пронюхал и сообщил в Москву. День спустя поступил оттуда грозный запрос, мне снова пришлось идти к Мао и на сей раз довести до него весь текст. Мао был очень доволен подобным дополнением. К сожалению, и на этом не закончилась история с портретами.

В начале декабря 1949 года, когда мы с Мао Цзэдуном ехали в Москву для переговоров со Сталиным, Мао приказал сделать остановку в Мукдене (Шэньяне) и пригласил меня осмотреть город. Вскоре я понял причину этой непредвиденной остановки — он хотел убедиться в том, как выполняется решение Политбюро о портретах. На всех больших домах в Мукдене были большие портреты Сталина в форме генералиссимуса, а портретов Мао Цзэдуна нигде не было. Мао был явно раздосадован. Когда вернулись на вокзал, секретарь горкома ему доложил, что трудящиеся северо-восточных провинций и лично товарищи Гао Ган и Линь Бяо подготовили целый вагон подарков к 70-летию товарища Сталина и этот вагон уже прицеплен к его поезду. Мао в ответ заявил: “Вагон отцепить, подарки выгрузить. Половину отвезете на квартиру к Гао Гану, другую половину — к Линь Бяо. И сообщите этим товарищам, что мы везем подарки товарищу Сталину от всего Китая и что Маньчжурия пока что принадлежит Китаю”...

Последний смертельный удар был нанесен по Гао Гану во время визита Мао в Москву. Накануне визита я начал писать для Сталина подробный доклад о положении в Китае и завершил его уже в поезде. Там я сравнивал реальные действия Мао и его соратников по основным вопросам внутренней и внешней политики с теми советами, которые давал им Сталин. В этой связи я высказывал довольно острые критические замечания в адрес китайских руководителей. В феврале 1950 года, незадолго до отъезда Мао Цзэдуна из Москвы обратно в Пекин, я узнал о том, что Сталин передал Мао этот мой доклад, а также другие шифровки, где тоже были критические сообщения в адрес ЦК

КПК. Это было бы еще полбеда, но он одновременно вручил Мао папки с информацией Гао Гана, которые тот посылал лично ему.

Много позже факт передачи Сталиным Мао Цзэдуну этих документов подтвердил и А. И. Микоян. 25 июля 1967 года в беседе со мной он сказал, что до сих пор не может найти объяснения и оправдания этому поступку Сталина, безусловно ставшему одной из причин для последующих гонений на Гао Гана. Мне же с самого начала было ясно, что этот поступок Сталина фактически предreshает участь Гао Гана.

С точки зрения Мао, Гао Ган был человеком ненадежным, пытавшимся опереться на Сталина для укрепления собственных позиций. Пока Сталин был жив, он его еще терпел, а как только Сталин умер — рассчитался с ним». [365] — 91.)

Комментируя высказывания И. В. Ковалева, С. Н. Гончаров, в частности, отмечал следующее:

«В 1958 г. во время конференции в Чэнду Мао Цзэдун заявил: “Сталин очень любил Гао Гана и специально подарил ему автомобиль. Гао Ган каждый год 15 августа (дата начала боевых действий Красной Армии в Маньчжурии) отправлял Сталину поздравительную телеграмму”. [366] В этой фразе сквозит едва скрываемая неприязнь Мао к “особым отношениям” между Гао и Сталиным».

И далее:

«Сведения о передаче Сталиным материалов И. В. Ковалева и Гао Гана Мао Цзэдуну содержатся в воспоминаниях Н. С. Хрущева. При этом следует иметь в виду, что американские издатели воспоминаний допустили серьезную ошибку, указав, что “советским представителем в Китае”, о котором идет речь в данном фрагменте, был А. С. Панюшкин. На самом деле здесь Хрущев безусловно имеет в виду И. В. Ковалева. Хрущев сообщает следующее: “...В то время Сталин назначил специалиста-железнодорожника, который во время войны был народным комиссаром. Я забыл, как его зовут, но помню, что после того, как японцы были разбиты в Северном Китае, Сталин отправил этого человека, чтобы руководил восстановлением железных дорог на северо-востоке Китая, а также был нашим полномочным представителем на Северо-Востоке. Мы доверяли ему. Сталин рассматривал его как свое доверенное лицо.

Этот наш представитель начал присылать нам большое количество сообщений, где говорилось о том, что среди членов китайского руководства многие испытывают сильную неудовлетворенность в отношении Советского Союза и нашей партии. Он, однако же, сообщал, что открыто выступают против нас Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и другие люди. Мао не было среди тех, на кого он указывал, но он и не предпринимал никаких мер для пресечения распространявшихся в Китае антисоветских настроений. Сталин передавал нам некоторые присылаемые этим послом материалы, поэтому мы знали об их содержании.

Совершенно ясно, что очень многие сведения о настроениях в КПК присылались нам Гао Ганом, тогда он был членом Политбюро и Председателем Северо-Востока. Там у него были самые тесные связи с нашими представителями. Однажды в штаб-квартире Гао Гана в Шэньяне проводили праздничный военный парад. Некоторые китайские руководители были возмущены тем, что мы вооружали армию Мао советскими танками, побывавшими в ремонте. Они возмущенно заявляли: "Русские сбывают нам старые, поломанные танки". ...Сталин задумал снискать доверие и дружбу Мао, поэтому передал Мао его (т. е. И. В. Ковалева) доклады относительно его бесед с Гао Ганом и заявил: "Вот, возьмите, возможно, вас заинтересуют эти вещи". [367] В общем, воспоминания Хрущева совпадают со сведениями И. В. Ковалева. Следует только отметить, что в них есть отдельные мелкие неточности. Так, например, по сообщению А. М. Ледовского, который в то время был советским генконсулом в Шэньяне, он был свидетелем упомянутого в сообщении инцидента с танковым парадом. По его словам, критика в адрес состояния советской военной техники раздалась не со стороны китайцев, а со стороны советского военного специалиста, полковника, который в связи с этим немедленно был отозван в Москву.

Китайская версия этого эпизода приводится Бо Ибо: "Как раз в это время (24 декабря 1949 года) Главный советник в Китае, сопровождавший председателя Мао, Ковалев зачитал Сталину свой письменный доклад "Относительно некоторых направлений политики ЦК КПК и практических проблем". В докладе говорилось: внутри КПК, среди членов ЦК есть некоторые люди, которые в прошлом были проамериканцами, антисоветчиками, сейчас

руководство ЦК поддерживает их. Лю Шаоци организовал и возглавил безосновательную критику Гао Гана. В составе Центрального Народного правительства слишком велик удельный вес демократических деятелей, на самом-то деле оно превратилось в ассоциацию различных партий и т. п. Говорят, что этот доклад был составлен на Северо-Востоке по материалам, представленным Гао Ганом. (Это поясняет, что уже начиная с тех времен Гао Ган начал творить смуту внутри партии — комментарий Бо Ибо). Этот доклад неверно отражал политическую жизнь в высшем эшелоне нашей партии, можно даже сказать, что вносил разброд в ЦК нашей партии, сыграл очень негативную роль. Возможно, в связи с этим, после того как председатель Мао приехал в Китай (очевидно, ошибка; должно быть, по смыслу, в Москву. — *Ю. Г.*), на протяжении определенного времени советская сторона не слишком проявляла инициативу, а председатель Мао безвылазно сидел за закрытыми дверями. Председатель Мао излил свой гнев перед советскими сопровождающими лицами, заявив: “Мы прибыли в Советский Союз отнюдь не специально для того, чтобы поздравить (Сталина) с днем рождения, нужно еще обсудить важные проблемы двусторонних отношений”. После того как Сталин об этом узнал, сразу провел с председателем Мао переговоры, а также передал председателю Мао этот доклад Главного советника Ковалева, увеличив тем самым взаимопонимание и взаимное доверие (хотя некоторые подозрения и не были рассеяны окончательно)». [368]

КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА

В первое время после подписания советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи у многих в СССР и КНР создавалось впечатление о том, что отношения двух наций, двух народов, двух стран, двух государств (СССР и КНР), двух партий (ВКП(б) и КПК) как бы перешли на новый этап, этап товарищеских и братских отношений, этап нерушимой дружбы. Представлялось, что после личной встречи Сталина и Мао Цзедунa между ними установились отношения взаимного уважения и тесного сотрудничества. Лишь сами вожди и узкий круг близких к ним функционеров понимали, что речь идет о сотрудничестве и борьбе или о борьбе и сотрудничестве в одно и то же время, что Сталин и Мао Цзедун — это соратники поневоле или товарищи-соперники.

Очень скоро реалии в двусторонних отношениях, а особенно на мировой арене, заставили осознать, что согласовывать мнения, особенно по острым и новым вопросам, не говоря уже об оставшихся подвешенными старых проблемах, вовсе не так просто.

Особенно явно это проявилось в связи с начавшейся летом 1950 года войной на Корейском полуострове, или корейской войной.

После окончания Второй мировой войны на Востоке корейская нация оказалась разделенной. Были созданы два корейских государства, два государства одной нации. На юге полуострова Корейская Республика, или Республика Корея, а на севере Корейского полуострова — Корейская Народно-Демократическая Республика.

Каждое из этих двух корейских государств претендовало на то, чтобы поглотить и уничтожить другое корейское государ-

ство, занять территорию всего полуострова и иметь лишь одно корейское государство, государство корейской нации.

Без решения руководителей каждой из частей корейской нации, каждого из двух корейских государств война на полуострове не могла бы начаться. К сожалению, и в северной, и в южной части Кореи такую войну считали допустимой. Более того, корейские руководители и в той и в другой части Корейского полуострова привлекали в свою защиту, себе в поддержку сильные государства: КНДР обратилась за помощью к КНР и СССР, а Корейская Республика воззвала к США.

Корейская война имела свою предысторию.

5 марта 1949 года в Кремле состоялась встреча Сталина с Ким Ир Сеном по его просьбе. При этой встрече с корейской стороны присутствовали министр иностранных дел КНДР Пак Хен Ен и др. С советской стороны — министр иностранных дел СССР А. Я. Вышинский и посол СССР в КНДР Т. Ф. Штыков.

По свидетельству знакомого с архивными документами русского военного историка Д. А. Волкогонова, после довольно долгого получасового ожидания в приемной Сталин наконец принял делегацию. Выйдя из-за письменного стола, советский вождь своей неторопливой походкой подошел к взволнованным встречей корейцам, по очереди пожал им руки, жестом пригласил занять места за длинным столом. Беседа длилась один час пятьдесят минут. Собственно, говорили только Сталин и Ким Ир Сен. Несколько раз лишь Штыков и Пак Хен Ен подавали голос, чтобы дать необходимые справки.

После протокольных любезностей о дороге и самочувствии Сталин, сразу приступив к делу, спросил, какая помощь нужна Корейской Народно-Демократической Республике.

КИМ ИР СЕН: Мы утвердили двухлетний план восстановления и развития народного хозяйства. Нам нужны машины, оборудование и запасные части для промышленности, связи и транспорта, а также других отраслей народного хозяйства. Нужны советские специалисты для проектирования новых заводов и фабрик, проведения геологоразведочных работ...

СТАЛИН: Всю эту помощь окажем, дадим и специалистов.

КИМ ИР СЕН: Экспорт из Кореи не покрывает импорта, и страна нуждается в кредите от советского правительства.

СТАЛИН: В каких размерах требуется кредит?

КИМ ИР СЕН: В пределах от 40 до 50 миллионов американских долларов.

СТАЛИН: Дадим кредит в сумме 200 миллионов рублей, то есть 40 миллионов долларов...

В таком ключе шла беседа: Ким Ир Сен вежливо просит, а Сталин, как правило, говорит: «дадим», «сделаем», «пошлем специалистов», «примем на учебу». Лишь иногда произносит «подумаем», когда, например, Ким Ир Сен просит построить железнодорожную ветку протяженностью 58 километров от Краскино (СССР) до Аоди (КНДР). Затем корейский лидер переходит к военным вопросам.

КИМ ИР СЕН: На юге Кореи еще находятся американские войска, усиливаются происки против Северной Кореи, которая имеет сухопутную армию, но морская оборона отсутствует. Нужна помощь Советского Союза.

СТАЛИН: Сколько американских войск в Южной Корее?

КИМ ИР СЕН: Около 20 тысяч человек.

ШТЫКОВ (*уточняет*): Примерно 15–20 тысяч человек.

СТАЛИН: Имеется ли на юге национальная корейская армия?

КИМ ИР СЕН: Имеется численностью около 60 тысяч человек.

СТАЛИН (*шутя*): И вы боитесь их?

КИМ ИР СЕН: Нет, не боимся, но хотели бы иметь морские боевые единицы.

СТАЛИН: Какая армия сильнее — северная или южная?

ПАК ХЕН ЕН: Северная армия сильнее.

СТАЛИН: Во всех военных вопросах окажем помощь. Корее нужно иметь военные самолеты.

Затем СТАЛИН спрашивает, проникают ли они в южнокорейскую армию, имеют ли там своих людей.

ПАК ХЕН ЕН: Наши люди проникают туда, но пока себя там не проявляют.

СТАЛИН: Правильно, что не проявляют. Сейчас проявлять себя и не нужно. Но южане тоже, видимо, засылают на север своих людей, и нужна осторожность и бдительность.

После этого собеседники договорились о характере военной помощи, подготовке корейских офицеров в Советском Союзе, о развитии экономических отношений и по другим вопросам. [369]

Д. А. Волкогонов отмечает далее, что речь пока прямо не идет о военном объединении двух частей Кореи. Но Сталин, по донесениям Штыкова, знает: в Пхеньяне уже живут этой идеей... Надо все взвесить, отвечает вождь.

Сталин поддержал военную тему, поднятую Ким Ир Сеном, лишь до определенного рубежа, присматриваясь к собеседнику, оценивая перспективы дальнейшего развития севера и событий на полуострове.

В течение всего 1949 года продолжались интенсивные поставки вооружения и боевой техники, боеприпасов, другого военного снаряжения в Северную Корею. Сталину докладывали об объеме и темпах поставок, вождь ставил свою закорючку «И» (которую можно расценить как «Иосиф» или «ознакомился», «согласен»). Северокорейцы прощупывали прочность позиций южан: нарушали разделительную линию, проводили «разведку боем». После одной из таких вылазок Штыкову из Москвы 27 октября 1949 года пришла грозная шифровка от Сталина: «Вам было запрещено без разрешения центра рекомендовать правительству Северной Кореи проводить активные действия против южных корейцев... Вы не донесли о подготовке крупных наступательных действий 2-й полицейской бригады и фактически допустили участие в этих действиях наших военных советников... Обязываем дать объяснение»... [370]

По мнению Д. А. Волкогонова, пожалуй, ключевой документ появился на свет 19 января 1950 года. Написал его Т. Ф. Штыков в Пхеньяне. Вот его содержание:

«Особая. Вне очереди.

...Вечером 17 января министр иностранных дел Пак Хен Ен устроил прием в честь отъезда корейского посла в Пекин. Во время него Ким Ир Сен сказал мне следующее: “Теперь, когда освобождение Китая завершается, на очереди стоит вопрос освобождения Кореи на юге страны... Партизаны не решат дела... Я не сплю ночами, думая, как решить вопрос объединения всей страны”. Затем, говорится в телеграмме, Ким Ир Сен заявил, что когда он был в Москве, товарищ Сталин ему сказал о том, что наступать на юг не надо; в случае же наступления армии Ли Сын Мана на север страны можно переходить в контрнаступление на юг Кореи. Но так как Ли Сын Ман до сих пор не начинает

наступление, а значит, освобождение народа южной части страны, и ее объединение затягивается. ...Ему, Ким Ир Сену, нужно побывать у Сталина и спросить разрешения на наступление для освобождения Южной Кореи. Ким Ир Сен говорил о том, что сам он начать наступление не может потому, что он коммунист, человек дисциплинированный и указания товарища Сталина для него являются законом. Мао обещал помощь, и он, Ким Ир Сен, с ним тоже встретится.

Ким Ир Сен настаивал на личном докладе Сталину о разрешении наступать на Юг с Севера...

Ким Ир Сен был в состоянии некоторого опьянения и вел разговор в возбужденном состоянии.

Штыков». [371]

Д. А. Волкогонов отмечает, что Сталин раздумывал над сообщением Штыкова больше недели. Мао еще был в Москве и, как полагал Д. А. Волкогонов, лечился, отдыхал. Сталин встретился с ним. Стенограмма этой встречи, видимо, не велась. Два вождя были осторожны. Скорее всего, судя по дальнейшим их шагам, они решили окончательно ответить Ким Ир Сену после новой встречи и изучения вопроса военными специалистами...

Сталин, все взвесив, в конце концов собственноручно написал в Пхеньян шифрованную телеграмму для Ким Ир Сена:

«Штыкову, особая.

Сообщение от 19 января 1950 года получил. Такое большое дело нуждается в подготовке. Дело надо организовать так, чтобы не было большого риска. Готов принять...

Мы хотели бы ежегодно получать 25 тысяч тонн свинца. Готовы оказать техническую помощь.

30.01.50.

И. Сталин» [372]

По мнению Д. А. Волкогонова, в Пхеньяне телеграмму расценили как фактическое согласие на операцию с условием достижения гарантированного успеха. Через два-три дня после встречи с Ким Ир Сеном Штыков 4 февраля вновь шлет через министра иностранных дел А. Я. Вышинского Сталину сообщение, в котором передает просьбы корейского лидера решить воп-

рос ускорения выплат по займу, а также получить новый кредит из СССР для закупок вооружения. Ким Ир Сен испрашивает разрешения довести количество пехотных дивизий до десяти, для чего нужно сформировать еще три соединения. [373]

После еще одной консультации с Пекином Сталин, как отмечал Д. А. Волкогонов, 9 февраля 1950 года разрешает начать подготовку широкомасштабной операции на Корейском полуострове, одобрив, таким образом, намерение Пхеньяна военным путем «объединить» родину. Эта дата фактически является официальным началом подготовки КНДР к наступательной войне с целью насильственного воссоединения двух государств. Активизируются поставки из СССР в Северную Корею танков, артиллерии, стрелкового вооружения, боеприпасов, медикаментов, нефти. Одновременно Сталин, как явствует из его переписки, хотел бы получить оттуда свинец, серебро, золото. Ким Ир Сен с готовностью сообщает, что «КНДР поставит в 1950 году в Советский Союз

моноцитового концентрата — 15 000 тонн
серебра — 40 тонн». [374]

Дается согласие и на поставку значительного количества золота, взамен же запрашиваются крупные партии техники и оружия из СССР. Сталин благодарит за готовность к поставкам стратегического сырья и материалов и обещает полностью выполнить заявки Ким Ир Сена в военной области.

А тем временем подготовка к боевым действиям шла полным ходом: в КНДР поступали военная техника, снаряжение, оружие. В штабе корейской армии с участием советских советников велась в глубокой тайне разработка плана широкомасштабной операции. Шло ускоренное формирование нескольких новых корейских соединений. Мир еще не знает, что скоро он станет свидетелем одной из самых кровопролитных локальных войн XX века.

По всем имеющимся данным, продолжает Д. А. Волкогонов, в начале апреля 1950 года Ким Ир Сен еще раз, теперь тайно, посетил Москву, где имел встречу со Сталиным. Стенограммы беседы и другие документы обнаружить не удалось. Однако еще 30 января, за два месяца до апрельской встречи, Сталин дал согласие на приезд Ким Ир Сена. Об этом есть документальное свидетельство. Затем в ряде последующих (после встречи в апреле)

шифровок есть ссылки на договоренности, достигнутые во время ЛИЧНЫХ бесед «в начале 1950 года». [375]

Когда подготовка была в разгаре, Сталин решил еще раз посоветоваться с Пекином, отмечал Д. А. Волкогонов. Будучи чрезвычайно осторожным политиком, он все свои особые депеши шлет, подписываясь, как и в годы войны, вымышленными именами. Так, в переписке с Мао Цзэдуном, с Тольятти и некоторыми другими лицами Сталин стал «Филипповым». В мае 1950 года 14-го числа Сталин продиктовал Поскребышеву:

«Особая. Для Мао Цзе Дуна.

Тов. Мао Цзе Дун!

В беседе с корейскими товарищами Филиппов и его друзья высказали мнение, что в силу изменившейся международной обстановки они согласны с предложением корейцев приступить к объединению. При этом было оговорено, что вопрос должен быть решен окончательно китайскими и корейскими товарищами совместно, а в случае несогласия китайских товарищей решение вопроса должно быть отложено до нового обсуждения. Подробности беседы могут рассказать Вам корейские товарищи...

Филиппов». [376]

Типично сталинский стиль, отмечает далее Д. А. Волкогонов: в телеграмме, подписанной «Филипповым», говорится, что «в беседе с корейскими товарищами Филиппов»... Сталин осторожен; по сути, уже несколько раз давший согласие на военное «объединение» Кореи, он все время оставляет «запасной предохранитель», который бы мог, в случае особых обстоятельств, задержать или даже отменить одобренную операцию.

В Пекине быстро согласились со Сталиным, писал Д. А. Волкогонов, вероятно на основании архивных материалов. Подготовка к операции стала вестись форсированно, и уже 30 мая Штыков докладывал в Москву, что Ким Ир Сен сообщил, что начальник генерального штаба закончил разработку принципиального оперативного решения (вместе с советским советником Васильевым) на наступление. Он, Ким Ир Сен, его одобрил. Организационная подготовка заканчивается к 1 июня. Из 10 дивизий 7 готовы для наступательных действий. В июле нач-

нутся дожди. «Мне генералы Васильев и Постников доложили, что тогда потребуется больше времени на сосредоточение. Генштаб предлагает начать в конце июня». Штыков сообщал, что для маскировки северокорейцы намерены «от имени Отечественного фронта предложить южанам мирное объединение страны».

МОЕ МНЕНИЕ. (Сталин, читая, подчеркнул эти два слова.) «Поскольку Ким Ир Сен настроен начать операцию в конце июня, а к этому времени подготовку войск можно закончить, следовательно, можно согласиться с этим сроком. Корейцы просят бензин и медикаменты. Прошу срочных указаний». [377]

Сталин собственноручно написал на телеграмме: «Инстанция одобряет Ваши предложения. Получение медикаментов и нефти будет ускорено». Подумав, советский лидер, все еще «маскируясь», поставил подпись: «Громыко». Отчеркнув жирной чертой текст, внизу приписал для исполнителей:

«Сообщено т. Громыко для передачи т. Штыкову». [378]

В этом государстве для поддержания режима чрезвычайной секретности, подчеркивал Д. А. Волкогонов, вожди могли подписываться не только вымышленными фамилиями, но и именами своих подчиненных. К слову, А. А. Громыко работал тогда первым заместителем Вышинского.

Сталин очень не хотел, чтобы американцы уличили его в прямом участии в подготовке войны, хотя это сделать было не просто. Буквально накануне начала боевых действий совпосол в Пхеньяне шлет еще одну депешу непосредственно вождю.

«Вне очереди. Особая.

Тов. Сталину.

Ким Ир Сен просил передать: для наступления и десанта нужны корабли. Два корабля прибыли, но экипажи не успели подготовить. Просит десять советских советников использовать на кораблях. Считаю, просьбу удовлетворить надо.

20 июня 1950 г.

Штыков». [379]

Ответ пришел быстро: «Ваше предложение отклоняется. Это дает повод для вмешательства. Громыко. 22-VI-50». Сталин лично дирижировал разворачивающимися событиями. Кроме полученных телеграмм из Пхеньяна, ему несколько раз доклады-

вал о ходе подготовки к «объединению» начальник Генерального штаба Советской армии.

Радио Пхеньяна на рассвете 25 июня передало давно подготовленное сообщение: «Сегодня рано утром войска марионеточного правительства Южной Кореи начали внезапное наступление на территорию Северной Кореи по линии 38-й параллели. Противник вторгся на глубину от одного до двух километров»...

Сталинский сценарий соблюдался строго. Помните его «хитрые» указания Ким Ир Сёну: «Наступать на юг не надо; но в случае наступления армии Ли Сын Мана на север страны, тогда можно переходить в контр наступление на юг Кореи»...

Однако Совет Безопасности, собравшийся на свое 473-е заседание 25 июня 1950 года, безошибочно констатировал «вооруженное нападение на Корейскую Республику войск Северной Кореи».

С началом боевых действий, когда северокорейцы вторглись в Южную Корею, Ким Ир Сен вновь попросил направить советских советников непосредственно в части, ведущие бои на передовой. Штыков в разговоре с корейским вождем пообещал, что уговорит Москву согласиться. Но тут же последовал жесткий окрик из Кремля. Стиль — сталинский.

«Пхеньян. Совпосол.

Как видно, Вы ведете себя неправильно, так как пообещали корейцам дать советников, а нас не спросили. Вам нужно помнить, что Вы являетесь представителем СССР, а не Кореи.

Пусть наши советники пойдут в штаб фронта и в армейские группы в гражданской форме в качестве корреспондентов «Правды» в требуемом количестве. Вы будете лично отвечать перед советским правительством за то, чтобы они не попали в плен.

Фын Си». [380]

Впервые Сталин в зашифрованном сообщении подписывается загадочным китайским именем Фын Си. Но, как показывает опыт истории, истину нельзя обречь на пожизненное заключение. Рано или поздно тайное становится очевидным, общедоступным. Так и теперь, прочтя эту книгу, читатели могут добавить к длинному списку сталинских псевдонимов восточное Фын Си. [381]

(Возможно, что этот псевдоним родился, отражая мысль Сталина о том, что корейская война — это не его авантюра, а стратегема вождей КНР и КНДР. — Ю. Г.)

Д. А. Волкогонов далее отмечает, что уже после того, как северокорейцы в первые же дни войны взяли Сеул и казалось, что общий успех рядом, одно усилие — и обещание Ким Ир Сена сбудется, Сталин не разрешил генералу Васильеву переехать в захваченный город, чтобы помогать военному руководству управлять войсками из непосредственной близости фронта. Фын Си очень не хотел, чтобы США, ООН, мировое общественное мнение уличили его в прямом участии. Хотя уже тогда ни у кого не оставалось сомнений в степени и характере причастности Москвы к этой войне. Для Сталина же важно было поддержать версию не только об «оборонительном» характере войны для Северной Кореи, но и о чисто «техническом» участии в ней Советского Союза. Во всяком случае, его соотечественники из СССР были в этом уверены долгие десятилетия.

В «Советской военной энциклопедии» говорится: корейская война 1950–1953 годов «развязана южнокорейской военщиной и правящими кругами США с целью ликвидировать Корейскую Народно-Демократическую Республику и превратить Корею в плацдарм для нападения на КНР и СССР.

План нападения был разработан американской военной миссией и южнокорейским военным командованием в мае 1949 года... К началу лета 1950 года марионеточному режиму во главе с Ли Сын Маном удалось с помощью США подготовить более чем 100-тысячную армию, вооруженную американским оружием и боевой техникой». [382]

Как «готовился марионеточный режим» Ли Сын Мана, автор книги (то есть Д. А. Волкогонов. — Ю. Г.) знает меньше, но ему доподлинно известно о том, как готовился режим Пхеньяна, и о решающей роли Москвы в инициировании войны на Корейском полуострове.

По официальной советской и северокорейской версии, «25 июня южнокорейские войска перешли в наступление. Им удалось потеснить охранные отряды и вторгнуться на 1–2 км на территорию КНДР. Ее правительство немедленно отдало распоряжение отбросить противника и разгромить его основные силы». [383] «Может быть, потому, что южнокорейцы готови-

лись к “агрессии”, они уже через три дня после начала войны сдали свою столицу Сеул?» — с иронией спрашивает Д. А. Волко-гонов.

Сталинская ложь долгие десятилетия монопольно господствовала в советской историографии. Лишь спустя десятилетия стало возможным сказать правду об истоках и характере тех событий.

Победоносно начав войну, Ким Ир Сен был окрылен. В «освобожденных» районах создавались «народные комитеты». (Кстати, Ким Ир Сен применял в данном случае терминологию Мао Цзэдуна. — Ю. Г.) Победа, казалось, находилась совсем рядом... Советники настаивали на быстром развитии успеха, мобилизации всех сил для достижения полной военной победы. Ведь Сталину обещали гарантированную победу... А для этого, правда, требовалась все новая и новая помощь со стороны СССР. 30 июня Штыков шлет новую телеграмму, в которой передает Сталину просьбу Ким Ир Сена поставить в июле миллионы патронов, сотни тысяч снарядов и гранат, а также средства связи, запасные части к самолетам, горючее, смазочные материалы, снаряжение... В конце лаконичное: «Просьбу Ким Ир Сена поддерживаю. Прошу Ваших указаний о поставке хотя бы 50 % указанного количества до 10 июля 1950 года. Штыков». [384]

В углу телеграммы-списка сталинское размашистое синим карандашом: «Удовлетворить». Единодержец обычно ни с кем не советовался. Он знал возможности страны. Что-что, а военный потенциал ее был велик. Только после Великой Отечественной войны сколько вооружений и боевой техники осталось... Многие его решения сугубо единоличны и безапелляционны. Ведь он был земным богом... Правда, Сталин в этой войне пытался поделить ее тяготы с Китаем. Так, по его настоянию, Китайской Народной Республике была передана боевая техника для двух авиационных дивизий, с тем чтобы прикрыть транспортные коммуникации в Корею. [385]

Война, как известно, не раз резко качнулась, словно кровавый маятник, то в одну, то в другую сторону. В первом периоде войны, до середины сентября, северокорейские войска, воспользовавшись внезапностью, добились больших оперативных успехов. Кроме Сеула в их руках оказались города Чхунчхон, Каннин, Пхэнтхэк, Оксон, Инчхон, Вонджу, Чхунджу, Самчхон и многие

другие. Казалось, исход войны предрешен. Сталин уже поздравлял Ким Ир Сена. Рукой вождя написана шифровка в его типичном стиле:

«Совершенно секретно.

Пхеньян. Совпосол.

Передайте Ким Ир Сену на словах нижеследующее. Если он потребует в письменном виде, передайте ему в письменном виде, но без моей подписи.

ЦК ВКП(б) приветствует товарища Ким Ир Сена и его друзей за великую освободительную борьбу корейского народа, которую ведет т. Ким Ир Сен с блестящим успехом. ЦК ВКП(б) не сомневается в том, что в скором времени интервенты будут изгнаны из Кореи с позором...

28 августа 1950 г.

Фын Си». [386]

Ответ Ким Ир Сена был весьма скорым:

«Дорогому товарищу Сталину И. В.

Мы глубоко тронуты Вашим вниманием. Приносим Вам, дорогому нашему учителю, благодарность за теплое участие и совет... Преисполнены решимости завоевать окончательную победу в борьбе против американских интервентов, стремящихся вновь закабалить Корею...

Желаем Вам многих лет жизни и здоровья.

Преданный Вам —

Ким Ир Сен.

(По поручению Политсовета ЦК Трудовой партии Кореи.)
31 августа 1950 года». [387]

Но скоро Сталину пришлось «засомневаться», вопреки высказанной им в телеграмме Ким Ир Сену уверенности. 16 сентября «южные» вместе с американцами нанесли мощный контрудар. Операция включала в себя высадку в районе Инчхона крупного, в составе 10-го армейского корпуса США, морского десанта. Одновременно началось наступление и с Пусанского плацдарма. Южные корейцы и американцы стремительно двинулись на север. Войска Ким Ир Сена понесли тяжелое поражение.

ние, потеряв огромное число убитыми и плененными, большую часть артиллерии, танков. Авиация американцев господствовала в воздухе, уничтожая на земле в стане противника все, что передвигалось, что подавало признаки жизни. От радужных надежд на быструю победу не осталось и следа. Стало ясно с грозной очевидностью, что без непосредственной, прямой помощи китайских или советских войск северу не устоять. Все повисло на волоске.

Спустя четыре дня Сталин, ознакомившись с докладом военных у себя в кабинете, осознал серьезность ситуации, но не уловил ее угрожающего характера. Он сообщил в Пекин свое решение: «Ликвидация создавшейся опасности может быть решена немедленным выводом в район Сеула значительных сил с основного фронта и созданием в районе Сеула, севернее и восточнее его, крепкого фронта»... [388]

Но положение было не просто угрожающим, а катастрофическим, а сталинское указание совершенно нереальным. «Полководец» вновь переоценил себя.

1 октября министр иностранных дел КНДР Пак Хен Ен вручил Штыкову для передачи Сталину срочное послание Ким Ир Сена. В пространном письме, которое помогали сочинять советские советники, северокорейский лидер обрисовал эволюцию борьбы на фронте. «Противник, терпя поражение за поражением, был загнан на небольшую территорию самой южной оконечности Южной Кореи, и мы имели большой шанс на победу в последних решающих сражениях... Но США, мобилизовав почти все сухопутные, морские и воздушные силы, находящиеся на Тихом океане, 16 сентября 1950 года осуществили десантную операцию в районе Инчхона. Овладев Инчхоном, противник ведет уличные бои в городе Сеуле... Вражеская авиация, не встречая никакого сопротивления с нашей стороны, полностью хозяйничает в воздухе... Некоторая часть наших войск окружена противником...

Дорогой товарищ Сталин! Если противник будет форсировать наступательные операции на Северную Корею, то мы не в состоянии будем собственными силами приостановить противника. Поэтому, дорогой Иосиф Виссарионович, мы не можем не просить от Вас особой помощи. Иными словами, в момент перехода вражеских войск через 38-ю параллель нам очень

необходима непосредственная военная помощь со стороны Советского Союза.

Если по каким-либо причинам это невозможно, то окажите нам помощь по созданию международных добровольных частей в Китае и в других странах народной демократии для оказания военной помощи нашей борьбе.

С уважением ЦК Трудовой партии

Кореи, Ким Ир Сен, Пак Хен Ен.

29 сентября 1950 года». [389]

Сталин находился на отдыхе на одной из своих многочисленных дач на побережье Черного моря. Ему доложили паническую телеграмму Ким Ир Сена в два часа ночи 1 октября 1950 года. Уже через час Сталин подписал свое «Филиппов» под шифровой следующей содержания:

«Пекин. Совпосол. Для немедленной передачи Мао Цзе Дуну или Чжоу Энъ Лаю.

Я нахожусь далеко от Москвы в отпуску и несколько оторван от событий в Корее. Однако по поступившим сегодня мне сведениям из Москвы я вижу, что положение у корейских товарищей становится отчаянным...

Следовало бы немедленно двинуть к 38-й параллели хотя бы 5–6 дивизий. Китайские дивизии могли бы фигурировать как добровольные»... [390]

В телеграммах Матвееву и Штыкову в Пхеньян, отправленных днем, Сталин грозно выговаривает о «крупных ошибках “в управлении войсками”». Вождь, рассматривавший море сквозь стройные силуэты кипарисов на своей даче, дает целую страницу советов, как действовать арьергардам, где использовать танки и при всем этом не допустить, «чтобы хотя бы один военный советник попал в плен». [391]

Итак, 25 июня 1950 года вспыхнула война на Корейском полуострове, или корейская война. 27 июля президент США Г. Трумэн принял решение направить войска США для участия в этой войне, а также ввел американский Седьмой флот в Тайваньский пролив в целях ограждения острова от высадки войск материкового Китая, то есть КНР; одновременно ООН приняла решение о направлении на Корейский полуостров вооруженных сил ООН для участия в войне на стороне корейцев-южан.

28 июня Мао Цзэдун выступил на заседании правительства КНР, осудив действия США и заявив, что «дела, касающиеся тех или иных государств, должны решаться народами самих этих государств, тут нечего делать США»; «сочувствие народа всего Китая должно быть на стороне тех, кто подвергся агрессии». [392]

В тот же день Чжоу Энлай, выступая в качестве премьер-министра иностранных дел КНР, осудил США за их агрессию в Корее и на Тайване, а также за вмешательство в азиатские дела.

После своего выступления на заседании правительства КНР Мао Цзэдун и Центральный военный совет КПК приняли решение о срочной передислокации 13-го корпуса НОАК на северо-восток КНР с целью укрепления обороны этого региона.

Мао Цзэдун осудил действия президента США, отметив при этом, что прежняя позиция Вашингтона, заявлявшего о невмешательстве в дела, связанные с Тайванем, оказалась «фальшью». При этом Мао Цзэдун заявил, что США лишь внешне выглядят сильными, и призвал народ Китая и народы всего мира «разгромить любые провокации американского империализма». [393]

Сталин и правительство СССР осудили агрессивные действия США.

События на Корейском полуострове развивались драматически. Сначала северные корейцы пошли в наступление, заняли значительную часть юга Кореи. Однако затем, главным образом американцы, хотя формально международные вооруженные силы ООН, нанесли поражение северным корейцам, заставили их отступить в пределы КНДР.

США отправили в Корею 40-тысячную армию, которая повела наступление на север полуострова, в связи чем, как полагали в Пекине, была создана угроза для границ КНР. Американские самолеты стали летать над территорией КНР. Чан Кайши предложил направить 33 тысячи своих солдат для участия в войне в Корее. США не согласились на это.

Перед Мао Цзэдуном встал вопрос: направить ли войска из КНР в Корею для участия в войне?

Мао Цзэдун понимал, что участие в корейской войне ставит под угрозу только что созданное государство, Китайскую Народную Республику. Нужно было также учитывать, что китайский

народ получил мирную передышку всего на год или даже меньше чем на год.

С другой стороны, Мао Цзэдун считал, что характер отношений с корейцами требует участия в этой войне.

Мао Цзэдун видел Корейский полуостров, во всяком случае в перспективе, как сферу преимущественного влияния или воздействия КПК и КНР.

Мао Цзэдун помнил о том, что США не решились прямо вмешаться в гражданскую войну в Китае.

Мао Цзэдун полагал себя стратегом именно вооруженной борьбы в масштабах огромных территорий.

Мао Цзэдун, очевидно, был рад, когда обнаружил, что его отношение к войне как к допустимому и почти «рядовому» шагу, как к «естественному» продолжению политики разделяет Ким Ир Сен. Мао Цзэдун занял позицию твердой поддержки намерений Ким Ир Сена ликвидировать Республику Корея, или Корейскую Республику (государство корейцев в южной части Корейского полуострова), и распространить свою власть на весь полуостров. При этом Мао Цзэдун рассчитывал постепенно добиться того, чтобы Корея Ким Ир Сена (или другого корейского руководителя из Трудовой партии Кореи) вошла в орбиту влияния или воздействия Мао Цзедуна.

Мао Цзэдун также был намерен в своих расчетах отделять одни регионы мира от других. Ему всегда представлялось, что США слишком далеки географически от Северо-Восточной Азии. Возможно, что Мао Цзэдун не верил в то, что США действительно будут жизнями своих солдат защищать Республику Корея.

Настроившись на участие в войне на Корейском полуострове, во всяком случае на то, чтобы быть твердым тылом для Ким Ир Сена, Мао Цзэдун рассчитывал также фактически поставить Сталина в пассивное положение, собственно заставить Сталина пропустить себя вперед, признать ведущее положение Мао Цзедуна — как более смелого и воинственного политика.

Мао Цзедуна несколько не волновали предстоявшие людские потери в войне на Корейском полуострове.

Большое отличие положения и позиции Сталина по сравнению с Мао Цзедуном состояло в том, что Сталин был готов всеми средствами оборонять то, что он считал принадлежавшим

ему или входившим в сферу его влияния (КНР и КНДР Сталин не мог считать входившими или хотя бы по преимуществу входившими в сферу своего влияния: Мао Цзэдун и Ким Ир Сен оказались более самостоятельными фигурами, чем этого хотелось бы Сталину), но он был решительно против того, чтобы расширять в обозримом будущем сферу своего воздействия или влияния военными мерами, путем войны. Сталин был вынужден считаться с общими настроениями и ситуацией в своей стране, в СССР, то есть он был вынужден и на словах, а в общем, и в значительной части на деле не заниматься военными авантюрами после окончания Второй мировой войны. Корейская война была навязана Сталину Ким Ир Сеном и Мао Цзэдуном. Он не мог не принять в ней ограниченного участия, стараясь все делать таким образом, чтобы СССР не оказался вновь втянут в войну. В этом смысле Сталин был против войны, а Мао Цзэдун был за войну. Сталин достаточно навоевался во время Великой Отечественной войны, а Мао Цзэдун недостаточно навоевался и во время Войны сопротивления Японии, и во время войны против Чан Кайши. Война для Сталина, то есть Великая Отечественная война, и война для Мао Цзэдуна, то есть яньаньское отсиживание далеко от войны, а затем хотя и довольно массовые, но, в общем-то, почти бескровные, относительно и соотносительно с войной между СССР и Германией, передвижения войск по территории Китая, очень сильно отличались одна от другой.

Представляется также, что просматривается некий параллелизм ситуаций в Китае и Корее. И там и там вожди, то есть Мао Цзэдун и Ким Ир Сен, были нацелены на объединение всей территории страны под своей властью. При этом они рассчитывали, что Сталин, во всяком случае, будет их надежным тылом, но и, кроме того, окажет им всю возможную и необходимую помощь вооружением, советниками и т. д.; иначе говоря, Мао Цзэдун и Ким Ир Сен постоянно стремились к тому, чтобы создавать напряженность и остроту в отношениях СССР и США, чтобы благодаря этому самим уходить в тень и пользоваться плодами советско-американской конфронтации; предпочтительнее всего для Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена было бы вообще состояние войны или затянувшегося вялотекущего военного конфликта между Москвой и Вашингтоном. При этом Ким Ир Сен, очевидно под воздействием Мао Цзэдуна, разделял его мысль

о том, что лидеры Китая и Кореи смелее и мудрее Сталина, что Сталин вообще должен быть поставлен в положение робкого политика, чрезмерно опасавшегося США, в то время как Мао Цзэдун и Ким Ир Сен якобы их нисколько не боялись, и фактически «не позволяющего» Мао Цзэдуну и Ким Ир Сену «вершить революцию» в их странах, то есть пытавшегося остановить наступление Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена на юг их стран, добиться увековечения раскола Китая и Кореи на два государства, что, с точки зрения Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена, соответствовало корыстным эгоистическим интересам Сталина и его государства, но шло во вред Мао Цзэдуну, Ким Ир Сену и их государствам. В этой ситуации, когда Мао Цзэдун и Ким Ир Сен, в общем-то, как лидер меньший по калибру и следовавший за Мао Цзэдун, были просто одержимы идеей войны до победного конца в целях объединения национальных территорий своих стран и стремились обязательно устранить раскол своих наций на «южные и северные царства», Сталин был вынужден приспособиться к требованиям Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена. Единственное, что ему удалось, — это избежать прямого и непосредственного участия своей армии, флота (но не авиации) в боях, которые повели Мао Цзэдун в 1949 году в Китае и Ким Ир Сен в 1950 году в Корее.

Но вернемся к развитию событий в ходе корейской войны. Когда первое наступление Ким Ир Сена вдруг обернулось не только его поражением, но и участием в боях американской армии, вооруженных сил ООН, перед Мао Цзэдун встал вопрос теперь уже не о поддержке — политической и материальной — действий Ким Ир Сена по военному разгрому Республики Корея, а о том, как остановить американцев на границах КНР и как сохранить воздействие на Ким Ир Сена.

Мао Цзэдун был вынужден, заботясь о своем престиже и о своем положении у власти, решиться на ввод своих войск в Корею, но уже не с наступательными целями, а для того, чтобы сдерживать американцев.

Мао Цзэдун вызвал в Пекин из Северо-Западного Китая Пэн Дэхуая, которому он предполагал поручить командование войсками, направлявшимися в Корею.

1 октября 1950 года американские войска перешли 38-ю параллель и начали продвижение уже по северной части Корейского полуострова.

2 октября Мао Цзэдун послал Сталину следующую телеграмму: «Мы приняли решение направить части нашей армии под именем Добровольческой армии в Корею для ведения боевых действий против войск США и их прихвостня Ли Сын Мана, оказав тем самым помощь корейским товарищам. Мы считаем такие действия необходимыми. Если США захватят всю Корею и силам революции в Корее будет нанесено серьезное поражение, тогда американские захватчики еще больше распояшутся, что грозит неприятностями Востоку в целом».

«В создавшейся ситуации мы решили 15 октября ввести в бой 12 дивизий, переброшенных в Маньчжурию, разместив их в соответствующих районах Северной Кореи (не обязательно на 38-й параллели) с тем, чтобы они, с одной стороны, вели бои с врагом, который пересек в ходе своего наступления 38-ю параллель, причем в первый период вести только оборонительные бои, уничтожать отдельные подразделения противника, всесторонне выясняя ситуацию; с другой стороны, дождавшись, когда прибудет советское оружие, вооружить им наши войска, а затем во взаимодействии с корейскими товарищами перейти в контрнаступление и уничтожить армию американских агрессоров!» [394]

По сути дела, это был призыв к Сталину спасти Мао Цзэдуна, а заодно и Ким Ир Сена, так как без поддержки со стороны Сталина военное поражение потерпели бы и Ким Ир Сен, и Мао Цзэдун. Таким образом, война, в которой Сталин не хотел участвовать, обернулась таким образом, что те деятели, которые хотели сами выдвинуться вперед и отодвинуть Сталина на задний план, то есть Мао Цзэдун и Ким Ир Сен, были теперь вынуждены снова «знать свое место» и просить СССР, Сталина о помощи для того, чтобы хотя бы сохранить статус-кво.

Характеризуя создавшуюся ситуацию, русский военный историк Д. А. Волкогонов писал, что маятник войны резко качнулся на север. Теперь на веса политического престижа были поставлены не только амбиции Ким Ир Сена, как «полководца-освободителя», но и Сталина вместе с Мао Цзэдуном, благословивших корейского вождя на эту войну. Советский диктатор в энергичных выражениях составил еще одно письмо Мао Цзэдуну, где, в частности, есть строки, от которых и сегодня веет смертельным холодком. По существу, рассматривается

возможность и вероятность третьей мировой войны. Сталин пишет в Пекин:

«...США из-за престижа могут втянуться в большую войну; будет, следовательно, втянут в войну Китай, а вместе с тем втянется в войну и СССР, который связан с Китаем пактом о взаимопомощи. Следует ли этого бояться? По-моему, не следует, так как мы вместе будем сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может сейчас оказать США какой-либо помощи, не представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен, как союзник США»... [395]

Д. А. Волкогонов далее подчеркивает, что становится страшно, когда осознаешь, что третья мировая война стала почти реальностью во время противостояния блоков в Корее (ситуация, граничащая с таким же риском мировой ядерной войны, повторилась и во время Карибского кризиса). И эту войну могли «организовать» те, кто по-прежнему мыслил по-коминтерновски: коммунистические вожди. Известно, что в самый критический момент для американских войск в Вашингтоне действительно рассматривался вариант дальнейшего ведения войны с использованием ядерного оружия. Об этом писала американская печать. [396]

Мао ответил весьма быстро: «Очень рад, что в Вашем ответе говорится о совместной борьбе Китая и СССР против американцев... Безусловно, если воевать, то воевать нужно теперь... Целесообразно направить не пять-шесть дивизий, а по крайней мере девять»... [397]

Однако после получения этой депеши поступило новое сообщение, что в Пекине все еще обсуждают не только детали, но и саму возможность китайского военного вмешательства. Сталин серьезно забеспокоился, тем более что из Пекина пришла очередная телеграмма. Там выражали опасение в связи с возможностью «открытого столкновения с США». Мао Цзэдун допускал, что даже «если Северная Корея потерпит поражение, она изменит форму борьбы на партизанскую войну». Сообщал, что высылает к Сталину для обсуждения ситуации Чжоу Эньлай и маршала Линь Бяо. [398]

Хотелось бы обратить внимание на растерянность Мао Цзэдуна в связи с развитием событий. Нерешительность и трусость вообще были присущи Мао Цзэдуну тогда, когда он получал ощущение возможности военного разгрома его войск или войск его союзников в Корее. Мао Цзэдун метался, колебался. Он пытался оказать воздействие на Сталина, предрекая «неприятности Востоку в целом», то есть и восточным или дальневосточным районам СССР, в результате возможного развития событий в ходе войны, начатой с его благословения на Корейском полуострове.

Сталин ответил, как нам представляется, с учетом психологии Мао Цзэдуна. Сталин при этом, очевидно, исходил из уверенности в том, что если не будет иметься никаких существенных доказательств прямого участия СССР в военных действиях в Корее, то американцы не пойдут на войну против СССР. В то же время Сталин в ответ на упоминание в телеграмме Мао Цзэдуна об угрозе Востоку в целом, по сути дела, выдвинул тезис о том, что надо смотреть на дело с глобальной точки зрения и видеть, что возможна мировая война, в которой могут пострадать, если не погибнуть, и весь Советский Союз, и весь континентальный Китай. Тем самым Сталин показал Мао Цзэдуну, к чему привели амбиции его и его союзника Ким Ир Сена, и посоветовал с помощью войск Мао Цзэдуна восстановить статус-кво, то есть ситуацию, при которой продолжали бы существовать два корейских государства, разделенных по 38-й параллели.

Получив мнение Сталина, Мао Цзэдун и его коллеги по Политбюро ЦК КПК заволновались. Они испугались того, что американская военная мощь обрушится, прежде всего, на Китай, и в какой-то момент были даже готовы бросить Ким Ир Сена, предложив ему продолжать войну в Корее партизанскими методами.

4 октября 1950 года в Пекине с участием прилетевшего из Северо-Западного Китая Пэн Дэхуая начало заседать Политбюро ЦК КПК. Обсуждался вопрос о направлении войск в Корею. Пэн Дэхуай исходил при этом из того, что вторжение американцев в Корею и выход американских войск на реку Ялуцзян, по которой проходила китайско-корейская граница, создавали опасность для Северо-Восточного Китая; в то же время установление американцами контроля над Тайванем создавало угрозу

Шанхаю, Восточному Китаю. США могли в создавшихся условиях использовать любой предлог для того, чтобы начать войну против КНР. По мнению Пэн Дэхуая, если тигр был намерен сожрать человека, то только сам тигр и решал, когда это сделать. КНР не должна была идти на уступки США. Если американцы отважились на агрессию, КНР придется отражать эту агрессию. Ситуация, по мнению Пэн Дэхуая, складывалась таким образом, что трудно было приступать к строительству социализма, не померившись силами с США.

Свои соображения Пэн Дэхуай изложил на заседании Политбюро в Пекине 5 октября. Он, в частности, сказал также следующее: «Направить войска в Корею необходимо; если мы сплонуем в этой войне, это будет равнозначно тому, что мы на несколько лет позже одержим победу в войне за Освобождение. Если американцы встанут на реке Ялуцзян и на Тайване, тогда они смогут в любой момент найти предлог для начала агрессивной войны». [399]

Пэн Дэхуай понимал необходимость вступления для КНР в войну в Корею в создавшихся условиях. Он видел в этом единственный шаг, который был способен сохранить плоды победы Мао Цзэдуна над Чан Кайши на континенте Китая.

Возможно, Пэн Дэхуай был одним из немногих, во всяком случае одним из меньшинства, членов Политбюро ЦК КПК, которые были настроены столь решительно и поддержали первоначальное предложение Мао Цзэдуна о вводе войск в Корею (может быть, Пэн Дэхуай в то время оказался даже смелее Мао Цзэдуна при принятии такого решения, чего ему впоследствии не мог простить Мао Цзэдун). Большинство же членов Политбюро были настроены по-иному. Они больше не хотели войн и считали, что следовало бы сосредоточить усилия на восстановлении и развитии экономики КНР.

Если провести рискованную, как мы хорошо понимаем, параллель с позицией Ленина в момент заключения Брестского мира, то можно сказать, что Мао Цзэдун, как в свое время Ленин (правда, разница была в том, что Ленин выступал за капитуляцию перед военным противником, а Мао Цзэдун за вступление в войну против военных сил, которые фактически давали отпор военной провокации Ким Ир Сена и наказывали Ким Ир Сена и стоявших за его спиной Мао Цзэдуна, да и, в определен-

ной степени, Сталина, за эту провокацию; между Лениным и Мао Цзэдуном было тут и общее: оба действовали во вред интересам своих народов в этих ситуациях), видя, что он остался в меньшинстве по вопросу о войне и мире в связи с войной в Корее, очевидно, пригрозил, что он создаст новую партию и новую армию, и только так, предъявив ультиматум, заставил большинство членов Политбюро в конечном итоге согласиться с вводом войск в Корею.

На упомянутом заседании Политбюро ЦК КПК при обсуждении вопроса о вступлении в войну войск КНР, чему было дано название движения за оказание сопротивления США и предоставление помощи Корее (сам этот термин был обманом: США не нападали, а давали отпор провокации с применением военных сил; помощь оказывалась не Корее, а только части корейцев, которые выступали на стороне Ким Ир Сена и частично Мао Цзэдуна, ибо в то время внутри Трудовой партии Кореи еще были люди, ориентировавшиеся на Мао Цзэдуна), были высказаны и иные соображения, отличные от тех, которые предлагали, в частности, Мао Цзэдун и Пэн Дэхуай. При этом члены Политбюро ЦК КПК говорили, что тут следовало бы соблюдать осторожность, так как речь шла о ситуации в целом, об интересах партии и страны в их совокупности. Прежде всего, возникал вопрос о том, окажется ли по силам армии КНР противостоять войскам США, находившимся на территории Кореи, и сумеет ли НОАК эффективно решить корейскую проблему. Во-вторых, хотя и предполагалось, что армия КНР должна была вступить в схватку с американцами не на территории КНР, а в Корее (пусть даже и под именем Добровольческой армии), все равно следовало быть готовыми к тому, что США объявят о вступлении в войну против КНР, а в этой связи американцы по крайней мере могли бомбардировать с воздуха и крупные города КНР, и ее промышленные базы, а также могли нанести силами своих ВМС удар по прибрежной полосе, из-за чего пошло бы прахом выполнение уже вступившего в действие плана экономического строительства. Кроме того, у КНР еще не было ВВС, а США обладали преимуществом в воздухе. Члены Политбюро также утверждали, что в данном случае, принимая решение о вводе войск в Корею, следовало бы заручиться поддержкой и помощью со стороны Советского Союза (оказывалось, что рваться в аван-

тью Мао Цзэдун мог и сам, и даже вопреки осторожности Сталина, а вылезать из ямы, в которую Мао Цзэдун сам угодил, он не мог без помощи Сталина). А потому желательно было бы выслушать мнение Сталина. В этой обстановке, еще до завершения заседания Политбюро ЦК КПК, Мао Цзэдун отправил Чжоу Эньлая с секретной миссией к Сталину.

Как видно, Мао Цзэдун в этот момент проявлял большие колебания. Сначала он принял решение в начале октября направить войска в Корею, даже сообщил об этом Сталину. Затем он, возможно, сам не будучи уверен в правильности такого решения, а может быть, под давлением большинства членов Политбюро ЦК КПК, изменил свое мнение, решил не направлять войска в Корею и, для того чтобы объяснить свою непоследовательность Сталину, послал в Советский Союз с секретной миссией Чжоу Эньлая, который должен был сообщить Сталину, что Мао Цзэдун во изменение ранее принятого им решения теперь предпочитает не вступать в войну на Корейском полуострове. По сути дела, Мао Цзэдун поручил Чжоу Эньлаю весьма деликатную миссию. Чжоу Эньлай должен был упросить Сталина взять на себя и только на себя, без участия армии Мао Цзэдуна, решение проблемы, возникшей в связи с военной авантюрой, начатой на Корейском полуострове главным образом Ким Ир Сеном и Мао Цзэдуном, правда с вынужденного согласия и Сталина.

События развивались стремительно и в большой тайне. Чжоу Эньлай с переводчиком Ши Чжэ и шифровальщиком Кан Иминем 8 октября вылетел из Пекина и прибыл в Москву. В то время в Москве находился на лечении Линь Бяо. На следующий же день, то есть 9 октября, Линь Бяо вместе с Чжоу Эньлаем вылетел в Абхазию на дачу Сталина под Адлером. Там их ждали члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Переговоры начались во второй половине дня 9 октября 1950 года. С китайской стороны их вели Чжоу Эньлай и Линь Бяо; переводчиком выступал Ши Чжэ. С советской стороны в переговорах участвовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) во главе со Сталиным.

Сталин прежде всего пояснил ситуацию на фронте войны в Корее. Он указал на то, что к тому времени северные корейцы уже потерпели крупнейшее поражение; серьезная обстановка, сложившаяся в Корее, весьма неблагоприятна для всех нас.

Чжоу Энлай, как утверждают авторы из КНР, сразу же расставил все точки над «і», сказав следующее:

«Что касается обстановки в целом, то она в Китае известна. Принимая во внимание главным образом реалии ситуации внутри своей страны и субъективные факторы, мы полагаем, что лучше было бы не посылать наши войска в Корею. Так следовало бы поступить по той причине, что в результате многолетней длительной войны, которая год за годом приносила тяжелые разрушения, оказывается невозможным выполнить целый ряд задач, касающихся налаживания жизни государства и народа. Если мы сейчас снова втянемся в войну, мы не только лишимся возможности улучшить жизнь народа, справиться с соответствующими трудностями, но тогда не может быть и речи и о восстановлении экономики страны. При таких обстоятельствах нам пришлось бы взвалить на себя тяжелый груз расходов на войну; это действительно трудно; к этому следовало бы добавить решение такого вопроса, как снабжение армии вооружением и пополнение ее боеприпасами; трудностей тут неувпроворот. А если такая война затянется и станет тупиковой, тогда это затронет интересы и других братских стран. Вот по всем этим соображениям и представляется, что лучше было бы не посылать войска».

Сталин выслушал Чжоу Энлая и сказал:

«На данный момент американские войска уже пересекли 38-ю параллель, вторглись в северную часть Кореи. Если корейцы не получают из тыла помощи, они смогут продержаться максимум только неделю. В этой ситуации вместо того, чтобы оказывать безнадежное сопротивление и в конечном счете оказаться уничтоженным врагом, лучше было бы как можно раньше по своей инициативе отступить».

Сталин, видя, что Чжоу Энлай молчит, улыбнулся и сказал:

«Самим отступить или быть уничтоженным врагом, все равно все это означает только одно: позволить врагу оккупировать всю Корею, а тогда американская армия и армия их марионеток выйдет на реки Ялу (то есть на китайско-корейскую границу) и Туманную (то есть на советско-корейскую границу). В этом случае, как нам представляется, особенно северо-восток Китая лишится возможности жить спокойно. Конечно, внутри собственно

Китая ситуация несколько иная, однако тогда, пожалуй, вряд ли можно будет говорить о восстановлении экономики Северо-Восточного Китая. Тогда они (американцы) получают возможность совершать провокации в любое время, смогут заявиться и с неба, и с суши, и с моря.

Далее, если уж корейские товарищи сами продержаться не могут и находятся на краю гибели, то не лучше ли было бы тогда немедленно сказать им, чтобы они в организованном порядке начали бы планомерный отход, и согласиться на то, чтобы они могли свои главные силы, оружие, материальные ценности и часть своих людей отвести в пределы Северо-Восточного Китая, а своих пожилых людей, ослабевших и больных, людей, получивших увечья, и раненых по большей части отправить в Советский Союз. Надо было бы живую силу отвести в Северо-Восточный Китай для того, чтобы впоследствии содействовать новому наступлению в Корею. Из Северо-Восточного Китая наступать на Корею гораздо легче, чем из Советского Союза. Одним словом, мы оба, обе наши страны, должны взять на себя эту ношу. Предлагаю о том, о чем мы договорились в ходе переговоров, то есть наше мнение относительно отступления, немедленно сообщить телеграммой Ким Ир Сёну; нельзя тянуть время».

В это время Линь Бяо вставил реплику. Он сказал:

«Нет необходимости отводить живую силу; пусть они останутся на территории Кореи. Там много гор, есть леса; они могли бы уйти в лесные чащи и ущелья и вести длительную партизанскую войну. Причем можно было бы распространить боевые действия и на Юг, и на Север Кореи и выжидать удобного момента». (Возможно, Линь Бяо полагал, что он высказывает мнение, которое разделял и Мао Цзэдун.)

Сталин не проявил интереса к этому предложению. Он ответил так:

«Пожалуй, враг не позволит партизанам действовать. А быстро их уничтожит. Поскольку нет намерений направить войска, у нас есть конкретный план по размещению корейских товарищей и их вооруженных людей, по сохранению живой силы для использования ее, когда придет время».

Далее Сталин высказал и свои соображения относительно предположений о введении в Корею войск КНР и осуществления

того, что в КНР именовалось движением за оказание отпора США и помощи Корее. Иначе говоря, он дал свою оценку планов Мао Цзэдуна, которые в начале октября были сообщены ему из Пекина соответствующей телеграммой за подписью Мао Цзэдуна.

Сталин сказал:

«В соответствии с тем, о чем мы (то есть Советский Союз) давно уже заявили, наши войска уже полностью выведены из Кореи. Для нас было бы трудно в настоящее время снова вводить войска в Корею, так как это означало бы, что мы вступаем в прямое военное столкновение с США. Поэтому предположим, что Китай сможет направить известную часть своих войск, а мы должны будем в этом случае поставить оружие и боеприпасы; в ходе боевых действий мы могли бы также обеспечить прикрытие с воздуха нашей авиацией. Естественно, что ее действия были бы ограничены работой в тылу и на линии фронта; наши самолеты не могут проникать в глубь вражеской территории; мы не можем допустить того, чтобы враг сбивал наши самолеты над своей территорией и брал в плен наших летчиков, так как это имело бы неблагоприятный международный резонанс. В свое время предполагалось оснастить сухопутные войска Китая (пехоту, артиллерию, инженерные, танковые, механизированные войска), авиацию, а также изыскать возможности с той целью, чтобы помочь создать военно-морской флот (это потребует очень больших денежных средств и много времени)».

Сказав это, Сталин, касаясь планов направления войск в Корею, выдвинул целый ряд конкретных предложений. Например, относительно количества дивизий, которые должны быть оснащены вооружением; относительно того, сколько танков Советский Союз мог бы предоставить в виде помощи; сколько артиллерийских орудий, самолетов, сколько вооружения для оснащения механизированных частей и специализированных частей и т. д.

Китайская сторона все это воспринимала и толковала в беседах в своем кругу, не в присутствии представителей СССР, как отражение той ситуации, что после Второй мировой войны у Сталина, у Советского Союза оставалось очень много вооружения.

Сталин также сказал:

«Китай планирует реорганизовать свою армию с той целью, чтобы все рода войск стали регулярными, приобрели единообразие, осовременились. И этот подход совершенно правилен; он представляется разумным. Однако наш опыт говорит о том, что в ходе войны выполнять такого рода планы нужно гораздо быстрее и гораздо эффективнее, чем в мирное время. Одновременно, в связи с тем что войска будут участвовать в боях, можно будет своевременно обнаруживать недостатки и своевременно же исправлять их, чтобы добиваться дальнейшего совершенствования. Китайская сторона выдвинула предложения относительно реорганизации вооруженных сил. Мы передали их товарищу Булганину для того, чтобы он изучил эти предложения с нашими военными и с китайскими товарищами и чтобы были приняты соответствующие меры. А теперь все же необходимо немедленно довести до сведения корейских товарищей результаты нашего обсуждения и наши предложения. Прошу вас, не теряя времени, как можно раньше провести подготовку к отступлению». [400]

Таким образом, было очевидно, что Сталин, с одной стороны, учитывал вариант ввода войск КНР на территорию Кореи, выдвинутый в начале октября Мао Цзэдуном, и был готов к его практической реализации; с другой стороны, Сталин был также готов согласиться и на предложение китайской стороны не вводить войска КНР в Корею, а отвести живую силу Ким Ир Сена на территорию КНР и частично СССР. Представляется, что, с точки зрения Сталина, в этом случае возникали потенциальные очаги напряженности в регионе, однако все или почти все участники событий оказывались в зависимости от позиции Сталина.

Очевидно, здесь необходимо лишний раз подчеркнуть, что Сталин не был инициатором начала войны в Корее. Пожалуй, он был вынужден соглашаться с предложениями Ким Ир Сена начать войну против южных корейцев под давлением и самого Ким Ир Сена, и, косвенно, учитывая благосклонное отношение к этой идее Пекина, то есть Мао Цзэдуна. Вообще следует сказать, что ни Мао Цзэдун, ни Ким Ир Сен после прихода к власти в соответствующих государствах (в отличие от ситуации в Восточной Европе) не были марионетками в руках Сталина. Да, они в определенной степени зависели от Сталина, были вынуждены

считаться с его мнением, но в то же время они не только обладали достаточной самостоятельностью для того, чтобы принимать целый ряд важных и не всегда нравившихся Сталину решений, но и заставляли Сталина мириться с их политикой в регионе.

За развязывание корейской войны в первую очередь несут ответственность Ким Ир Сен и Мао Цзэдун и лишь во вторую очередь Сталин. Само собой, что свою долю ответственности несут и руководители юга Кореи и их союзники в США, которые, обладая информацией о возможности начала корейской войны, не вступили в контакты со Сталиным в целях разрешения назревавшего кризиса.

Сталин, очевидно, не имел особых возражений и против того, чтобы появилось (если к тому вынуждали обстоятельства временно непреодолимой силы) единое корейское государство, пусть на основе государства южных корейцев, так как существование такого государства, с точки зрения Сталина, могло укреплять позиции СССР на Дальнем Востоке, ибо практически все государства региона — КНР, Япония, Корея — в этом случае были бы заинтересованы в том, чтобы СССР поддерживал стабильность в Северо-Восточной Азии и помогал им противостоять своим потенциальным противникам в том же регионе. Важно подчеркнуть, что после Второй мировой войны политика Сталина на Дальнем Востоке была исключительно мирной, направленной на оборону, в ней не было провокационных элементов, которые могли бы поставить под угрозу мирное развитие СССР. Только действия Мао Цзэдуна, Ким Ир Сена (если говорить только о партнерах и союзниках Сталина) создавали такого рода угрозы, и Сталин стремился тушить эти пожары либо в зародыше, либо со временем.

Наконец, из анализа беседы Сталина с Чжоу Эньлаем, состоявшейся 9 октября 1950 года на даче Сталина на Кавказе, очевидно на озере Рица, следовало, что Сталин имел планы активно содействовать реорганизации и перевооружению армии КНР, рассчитывая, очевидно, на то, что в результате у него могут появиться реальные союзники в КНР, а также самым эффективным образом связывая СССР и КНР как военных союзников. Что же касается Мао Цзэдуна, то он был вынужден идти на развитие военного сотрудничества со Сталиным, но всемерно старался воспитывать своих коллег по руководству КПК и КНР в том духе,

что за всеми действиями Сталина следовало видеть только козни лидера, заботившегося лишь о себе и о своем государстве. Значение помощи, которая оказывалась КНР со стороны Сталина, намеренно снижалось пропагандистскими утверждениями партии Мао Цзэдуна о том, что Сталин просто сбывал в КНР то вооружение, которое ему было совершенно не нужно в СССР. Мао Цзэдун также всемерно стремился спекулировать на тезисе о том, что Сталин боится столкновения, особенно прямого военного столкновения с США, в то время как он, то есть Мао Цзэдун, в отличие от Сталина, не боится этого. Нельзя исключать того, что в конечном счете и такого рода соображения подвели Мао Цзэдуна к принятию решения о направлении своих войск в Корею.

После окончания переговоров со Сталиным Чжоу Энълай и другие китайцы вместе с Булганиным возвратились в Москву на самолете. Вскоре по прибытии в свою резиденцию Чжоу Энълай получил телеграмму от Мао Цзэдуна. Ее первые слова были такими: «После вашего отъезда мы продолжали заседание (Политбюро ЦК КПК). Большинство членов Политбюро выступили за направление войск». Далее в телеграмме анализировалась ситуация, определялась дислокация войск, их перемещения и план ввода их в боевые действия, а также высказывались соображения тактического порядка. Прочитав эту телеграмму, Чжоу Энълай ничего не сказал и погрузился в раздумья.

Вечером Чжоу Энълай встретился с Молотовым и прежде всего довел до него содержание телеграммы, выразив пожелание, чтобы об этом было доложено Сталину. Кроме того, Молотов и Чжоу Энълай обсудили конкретные вопросы, касавшиеся поставки Советским Союзом танков и артиллерийских орудий. [401]

Таким образом, в отношениях Сталина и Мао Цзэдуна возникла ситуация, в которой Мао Цзэдун снова сначала говорил и писал одно, а затем другое. Чжоу Энълай при этом оказался в положении посредника, на которого и свалил Мао Цзэдун все шишки.

Отправив Чжоу Энълая в Москву для того, чтобы поставить Сталина в известность о своем решении не направлять войска КНР на Корейский полуостров для участия в войне против США, южных корейцев и международных вооруженных сил, Мао Цзэ-

дун в тот же день, то есть 8 октября 1950 года, дал следующую телеграмму:

«Пэн Дэхуаю (командующему и по совместительству политкомиссару Добровольческой армии народа Китая),

Гао Гану (командующему и по совместительству политкомиссару Военного округа Северо-Восточного Китая),

Хэ Цзиньняню (заместителю командующего Военным округом Северо-Восточного Китая);

Дэн Хуа (командующему 13-м корпусом),

Хун Сюечжи (первому заместителю командующего 13-м корпусом),

Се Пэйжаню (политкомиссару 13-го корпуса).

(1) В целях оказания помощи народу Кореи в его войне за освобождение, оказания отпора наступлению американского империализма и его прихвостней, защищая интересы народа Кореи, народа Китая и народов стран Востока, приказываю Добровольческой армии народа Китая немедленно вступить в пределы Кореи и во взаимодействии с корейскими товарищами предпринять военные действия против агрессоров и добиться славной победы. (Представляется весьма характерным для мышления Мао Цзэдуна, что в его приказе не было даже намека или ссылки на то, что КПК — КНР посылают свои войска в Корею по просьбе корейцев. — Ю. Г.)

(2) В состав Добровольческой армии народа Китая включить 13-й корпус и приданные ему 38-ю, 39-ю, 40-ю, 42-ю армии, а также штаб погранартиллерии и приданные ему 1-ю, 2-ю, 8-ю артиллерийские дивизии. Все вышеупомянутые части немедленно привести в боевую готовность и выступить по получении приказа. (Судя по всему, такой приказ Мао Цзэдун отдал 9 октября 1950 года. — Ю. Г.)

(3) Назначить товарища Пэн Дэхуаю командующим и по совместительству политкомиссаром Добровольческой армии народа Китая.

(4) Определить административный район Северо-Восточного Китая в качестве тыловой базы нашей Добровольческой армии народа Китая; в этой связи и осуществлять все необходимое тыловое снабжение, а также выполнять обязательства по помощи корейским товарищам; возложить ответственность за координацию, руководство и обеспечение работы по вы-

полнению обязательств по оказанию помощи корейским товарищам на командующего и по совместительству политкомиссара Военного округа Северо-Восточного Китая товарища Гао Гана.

(5) Наша Добровольческая армия народа Китая, будучи введена в пределы Кореи, обязана проявлять чувства дружбы, любви и уважения по отношению к народу Кореи, народной армии Кореи, демократическому правительству Кореи, Трудовой партии Кореи (то есть к Коммунистической партии), а также к другим демократическим партиям и группировкам и к вождю народа Кореи товарищу Ким Ир Сёну, строго соблюдать воинскую и политическую дисциплину; именно это и представляет собой крайне важную политическую основу, гарантирующую выполнение военных задач.

(6) Необходимо со всей глубиной оценивать всевозможные трудности, которые могут возникать и несомненно возникнут, а также быть готовыми преодолевать эти трудности, проявляя высокой степени энтузиазм, смелость, скрупулезность, терпение, упорство в труде.

В настоящее время и обстановка в межгосударственных отношениях в целом, и ситуация внутри нашей страны благоприятны для нас и не благоприятны для агрессоров, и если только товарищи проявят решительность и смелость и сумеют должным образом сплотить народ, будут умело вести боевые действия против агрессоров, победа в конечном счете будет за нами.

Председатель Революционного военного
совета народа Китая

Мао Цзэдун

8 октября 1950 года. Пекин». [402]

Таким образом, 2 октября Мао Цзэдун, очевидно, ни с кем не посоветовавшись, во всяком случае до созыва заседания Политбюро (а возможно, заседание Политбюро Мао Цзэдуну пришлось созвать по требованию его членов, узнавших о том, что практически без согласия большинства членов Политбюро ЦК КПК Мао Цзэдун принял решение о вступлении страны в войну, причем в войну против США; хотя, скорее всего, Мао Цзэдун, уже приняв решение, созвал заседание Политбюро, чтобы посмотреть, как его члены отнесутся

к его новой идее, и заставить их затем проштамповать его решение), принял решение направить войска в Корею; затем на заседании Политбюро ЦК КПК было принято решение не направлять войска, и 8 октября Мао Цзэдун отправил Чжоу Энляя к Сталину для того, чтобы разъяснить принятое решение; в тот же день, то есть 8 октября, Мао Цзэдун отдал приказ войскам вступить на территорию Кореи (осталось неясным, было это сделано до того, как такое решение было принято большинством членов Политбюро, или после этого; скорее всего, это было сделано уже во исполнение решения Политбюро); это решение было принято уже после отлета Чжоу Энляя в СССР, либо в тот же день, либо на следующий день, то есть 9 октября. Во всяком случае, телеграмма с уведомлением о решении направить войска в Корею была представлена, Чжоу Энляю в Москве 9 октября. Судя по поведению Чжоу Энляя, сам он ранее выступал против ввода войск в Корею; во всяком случае, Чжоу Энлай, будучи в СССР, не принимал участия в голосовании членов Политбюро ЦК КПК по этому вопросу (скорее всего, Чжоу Энлай изменял свою позицию точно в соответствии с менявшимися мнениями Мао Цзэдуна).

Итак, Сталин сначала, 2 октября, получил решение Мао Цзэдуна вступить в войну и направить войска в Корею. Затем, 8 октября, Чжоу Энлай от имени того же Мао Цзэдуна сообщил Сталину, что войска в Корею направляться не будут. Тем не менее Сталин высказал Чжоу Энляю свои соображения в связи с вероятностью ввода войск КНР в Корею. Очевидно, что Сталин имел в виду возможность дальнейших колебаний Мао Цзэдуна.

9 октября Чжоу Энлай сообщил о решении ввести войска в Корею Молотову, а следовательно, об этом тотчас же было доложено Сталину.

В общем, Сталину было очевидно, что в руководстве КПК — КНР происходила серьезная борьба по этому вопросу (еще бы, речь шла о войне!) и существовали столь серьезные разногласия, что Мао Цзэдуну приходилось сначала в срочном порядке и практически единолично принимать решение, а затем, вероятно под давлением членов Политбюро, по крайней мере временно отменять или приостанавливать выполнение уже принятого им решения.

Это заставляло и Сталина не торопиться и проявлять сугубую осторожность. Даже учитывая необходимость поддерживать любые действия Мао Цзедуна в создавшейся ситуации, Сталин должен был принимать во внимание возможность изменения уже принятых в Пекине решений, а потому выжидал, прежде чем предпринимать практические действия.

Сталин в принципе соглашался прикрыть действия китайской армии с воздуха силами советской военной авиации.

Китайская сторона упрекала Сталина за колебания при осуществлении этого обещания и намерения, толкуя поведение Сталина, а вернее мотивы его действий, следующим образом.

8 октября 1950 года Мао Цзедун официально сформировал Добровольческую армию народа Китая, назначил Пэн Дэхуа ее командующим, дал указания о передислокации войск. Таким образом, 8 октября 1950 года, с точки зрения Мао Цзедуна, все было готово к практическому вводу войск в Корею.

Сталин же тогда уведомил Мао Цзедуна о том, что советская авиация еще не готова, в связи с чем необходимо временно отложить введение войск в Корею.

Именно эта просьба Сталина и была расценена в Пекине как проявление колебаний.

Думается, что и Сталин, и Мао Цзедун долго взвешивали последствия, колебались, принимая решения, связанные с участием в той или иной форме своих военных (да, собственно, своих государств) в войне в Корее.

В Пекине полагали, что Сталин кривил душой, когда писал о том, что его авиация еще не готова, и видели подлинную причину колебаний Сталина в том, что он сомневался в способности армии Мао Цзедуна противостоять вооруженным силам США. При этом в Пекине также полагали, что Сталин также опасался того, что развитие событий может вовлечь СССР в прямое военное столкновение с США, что, в свою очередь, может привести к третьей мировой войне. Таким образом, Мао Цзедун и в этой ситуации продолжал внушать своим коллегам мысли о том, что Сталин не верит в силы КПК — КНР, а следовательно, с подозрительностью относится к ним, из чего вытекала, с точки зрения Мао Цзедуна, обоснованность подозрительного отношения к Сталину со стороны Мао Цзедуна и его сторонников, и далее о том, что Сталин, в отличие от «смело-

го» Мао Цзэдуна, «трусит» перед лицом США. Все это говорит о том, сколь непростыми были отношения Сталина и Мао Цзэдуна, что особенно ярко проявлялось именно в те моменты истории, когда речь шла о войне, о военной опасности. Здесь Сталин никогда не мог положиться на Мао Цзэдуна как на надежного военного союзника, в то же время практически во всех такого рода ситуациях Сталин в конечном счете оказывал реальную помощь Мао Цзэдуну.

Доказывая противоречивость позиции Сталина, в Пекине указывали на то, что на следующий же день после начала войны в Корее, то есть 26 июня 1950 года, в московской газете «Правда» появилась статья в поддержку заявления Ким Ир Сена о начале войны; в этой статье подчеркивалось, что первыми атаку предприняли корейцы-южане, а армия корейцев-северян была вынуждена нанести ответный удар.

Следовательно, и в период подготовки к военным действиям, и сразу же после их начала Сталин и Мао Цзэдун практически одинаково трактовали для мирового общественного мнения ситуацию и поддерживали действия и заявление Ким Ир Сена.

Когда же период военных успехов армии Ким Ир Сена окончился и она оказалась под угрозой неминуемого полного поражения в случае, если бы ей не была оказана военная помощь из-за рубежа, то есть когда встал вопрос об участии СССР и КНР, в той или иной форме, в войне на Корейском полуострове, Сталин и Мао Цзэдун очутились в положении политиков, которым пришлось пожинать последствия их предшествующей политики по отношению к планам Ким Ир Сена. Сталин и Мао Цзэдун оказались перед лицом угрозы втягивания своих стран в войну.

15 сентября 1950 года американские войска и вооруженные силы ООН высадились на Корейском полуострове и начали продвижение на север Кореи. Сталин был настроен пессимистически и уведомил Пекин о том, что Ким Ир Сен будет вынужден создать правительство в изгнании на территории КНР.

Это, очевидно, отражало упрек Сталина и Ким Ир Сэну, и Мао Цзэдуну, которые, с точки зрения Сталина, должны были нести главную ответственность за начало военной авантюры на Корейском полуострове и пожинать ее плоды. Вместе с тем Сталин, который в свое время сыграл главную роль в появлении

Ким Ир Сена в качестве руководителя Северной Кореи, фактически соглашался на то, чтобы и Ким Ир Сен, и Северная Корея, северные корейцы, перешли в зону влияния Мао Цзэдуна. Нельзя исключать того, что, с одной стороны, Сталин при этом продолжал последовательно проводить свою линию на то, чтобы предоставить в распоряжение Мао Цзэдуна другие отряды их общего коммунистического движения в определенном географическом регионе, и, с другой стороны, благодаря этому маневру прямо столкнуть Мао Цзэдуна с Ким Ир Сеном, чтобы затем извлекать из их противоречий свою выгоду; наконец, тем самым Сталин косвенно подчеркивал мысль о том, что два зачинщика корейской авантюры должны остаться наедине друг с другом.

В Пекине подчеркивали в связи с этим заявлением Сталина, что позиция Мао Цзэдуна в этот напряженный и трагический момент была, в отличие от позиции Сталина, весьма решительной. Мао Цзэдун был настроен на то, чтобы помериться силами с американцами на территории Корейского полуострова. Если же отвлечься от этих пропагандистских утверждений, то выходило, что Сталин поневоле оказался втянут в войну на Корейском полуострове, а Ким Ир Сен и Мао Цзэдун практически по своей воле стали инициаторами этой войны.

То, что в Пекине именовали испугом Сталина, было, по сути дела, его нежеланием допустить втягивания СССР в новую войну всего пять лет спустя после окончания Великой Отечественной войны. То, что представляли в Пекине как смелость и решительность Мао Цзэдуна, было ненужной военной авантюрой, стоившей китайскому народу многих и многих жизней.

В Пекине в этой же связи утверждали, что Сталин вообще на протяжении весьма длительного времени питал подозрения и сомнения в отношении Мао Цзэдуна, не будучи уверен, что армия Мао Цзэдуна способна воевать против американцев.

За этим скрывались, вероятно, размышления и Сталина, и Мао Цзэдуна о перспективах отношений и той и другой страны, то есть и СССР, и КНР, с США.

Сталин был заинтересован в том, чтобы, не допуская военного противостояния и особенно войны с США, в то же время использовать в своих интересах противостояние КНР и США; возможно, что Сталин хотел, чтобы такое противостояние было длительным и даже доходящим до балансирования на грани вой-

ны, но так, чтобы это не угрожало втягиванием СССР в войну с США на стороне КНР.

Мао Цзэдун понимал, что в связи с образованием КНР между США и КНР на протяжении довольно продолжительного времени будет сохраняться противостояние в разных формах. Мао Цзэдун был намерен доказать США, что КНР никогда не пойдет на поклон к Вашингтону, который должен был понять, по мнению Мао Цзэдуна, что ему придется иметь дело с независимым и самостоятельным Китаем, пусть даже с Китаем, руководимым коммунистами, как бы это ни было неприятно американцам. Поэтому Мао Цзэдун был готов на острые, в том числе и на ограниченные, военные действия против США, чтобы заставить их со временем отказаться от всяких надежд на возможность оказания военного давления на Пекин с целью изменить его внутреннюю политику. Итак, война на Корейском полуострове представлялась Мао Цзэдуну ограниченной локальной войной, в результате которой ему удастся доказать американцам, что они должны считаться с КНР в регионах, прилегающих непосредственно к ее границам. Мао Цзэдун, поддерживая военные планы Ким Ир Сена, практически вел линию на самостоятельность во внешней политике и в отношении Москвы, и в отношении Вашингтона.

В Пекине также утверждали, что Сталин опасался того, что сам факт воздушного прикрытия китайских войск в Корее в случае их поражения может вовлечь СССР в прямой военный конфликт с США, что может привести к третьей мировой войне. Поэтому-то, писали в Пекине, в решающий момент Сталин и отступил, заявив о необходимости временно отсрочить вступление в войну в Корее.

Мао Цзэдун расценил это сообщение Сталина как неожиданное, не отвечающее принципам отношений между дружественными государствами. Мао Цзэдун осуждал Сталина за то, что тот не держит своего слова, не выполняет уже достигнутую договоренность.

В то же время, исходя из реально сложившейся ситуации, то есть учитывая тот факт, что Мао Цзэдун не мог без поддержки Сталина вступить в войну на Корейском полуострове, хотя шел он на это по своей инициативе и вопреки желанию Сталина, Мао Цзэдун в 8 часов вечера 12 октября 1950 года дал телеграмму Пэн

Дэхуаю, приказав временно приостановить выполнение приказа, датированного 9 октября (очевидно, имелся в виду приказ о начале ввода войск в Корею); Мао Цзэдун также предписал Пэн Дэ-хуаю и Гао Гану 13 или 14 октября прибыть в Пекин на совещание. [403]

В эти дни ситуация на фронте была весьма опасной для Ким Ир Сена. 12 октября 1950 года он обратился к Мао Цзэдуну через Пэн Дэхуая с просьбой ускорить ввод в Корею войск КНР. При этом Ким Ир Сен сообщал, что три американских дивизии, английская бригада и южнокорейская дивизия готовят наступление на Пхеньян. Ким Ир Сэну к тому времени удалось вывести из южной части Корейского полуострова только 50 тысяч своих бойцов, значительная часть его армии оказалась в мешке.

Пэн Дэхуай немедленно передал Мао Цзэдуну просьбу Ким Ир Сена.

Мао Цзэдун тут же отправил телеграмму в Москву Чжоу Энляю, дав указания продолжить переговоры со Сталиным. В КНР, упоминая об этом, особенно подчеркивали, что Мао Цзэдун наказал Чжоу Энляю добиваться выполнения Сталиным обещания обеспечить прикрытие с воздуха. (Не имея подлинных текстов как телеграммы Мао Цзэдуна, так и записей бесед Чжоу Энлая со Сталиным, трудно с уверенностью сказать, что вопрос со стороны Мао Цзэдуна ставился именно таким образом; особые сомнения вызывает и сама формулировка относительно необходимости добиваться выполнения Сталиным своего обещания, и вообще ограничения роли СССР только как бы некоторым участием в войне в воздухе. Не исключено, что речь могла идти как в целом о ситуации и шагах, которые могли предпринять все стороны, имевшие отношение к событиям, так и о масштабах участия ВВС СССР в боевых действиях в небе над Корейской Народно-Демократической Республикой и над Китайской Народной Республикой.)

Мао Цзэдун также вызвал в Пекин Пэн Дэхуая и Гао Гана. (Попутно отметим, что во время войны в Корею Мао Цзэдун был вынужден полагаться на Пэн Дэхуая и Гао Гана, то есть на тех, кому симпатизировал Сталин, ибо они делали, с его точки зрения, реальное дело; возможно, что в связи с этими обстоятельствами Мао Цзэдун и уничтожил впоследствии и Гао Гана, и Пэн Дэхуая, считая их своими врагами.)

Чжоу Энълай переправил Сталину телеграмму Мао Цзэдуна с просьбой о помощи.

Получив ответ Сталина, Чжоу Энълай направил ему еще одну телеграмму, в которой, сославшись на телеграмму Мао Цзэдуна, датированную 13 октября, ставил вопрос следующим образом: «Не окажется ли возможным после того, как будут направлены 16 авиаполков реактивных самолетов советской добровольческой авиации, продолжить направление в Корею в целях взаимодействия с китайской армией еще и бомбардировочной авиации?» [404]

Таким образом, Сталин сначала (уже 13 октября 1950 года) дал согласие направить для прикрытия китайских сухопутных сил в Корею советских летчиков на реактивных истребителях. Мао Цзэдун просил направить и бомбардировщики.

Проведя совещание с Лю Шаоци, Чжу Дэ, Пэн Дэхуаем и прочими, Мао Цзэдун принял решения и уведомил о них Чжоу Энълая телеграммой следующего содержания:

(1) В результате обсуждения члены Политбюро пришли к единогласному мнению о том, что все-таки целесообразно ввести наши войска в Корею. На первом этапе направить наши войска против марионеточных сил (то есть против южных корейцев), так как есть уверенность в том, что они справятся с марионеточными силами; при этом предполагается создать опорную базу севернее Пхеньяна; эти наши действия вдохновят народ Кореи. Если на первом этапе удастся разгромить и уничтожить несколько частей марионеточных войск, то в обстановке в Корею произойдут изменения в нашу пользу.

(2) Такого рода активный шаг с нашей стороны отвечает интересам Китая, Кореи, Востока, всего мира. Если же мы не введем в Корею свои войска, враг придвинется к реке Ялуцзян, реакционеры и внутри нашей страны, и вообще в мире будут торжествовать, иначе говоря, это будет невыгодно со всех сторон. В этом случае отвлечены будут все наши войска, расположенные у границ в Северо-Восточном Китае, враг будет контролировать источники электроэнергии всего юга Маньчжурии.

Подводя итоги, мы полагаем, что следует принять участие в войне, необходимо принять участие в войне; участие в войне принесет большую пользу; неучастие в войне нанесет большой вред. [405]

Русский военный историк Д. А. Волкогонов полагал, что пока в Пекине продолжали просчитывать все «за» и «против» прямого использования своих войск, Сталин с тревогой ждал вестей от Мао Цзэдуна. Китайцы могли спасти положение. Диктатор для себя решил: свои войска он бросит на чашу весов лишь в самый последний момент, в самом крайнем случае. Хотя уже принял решение «проработать» вопрос об использовании советской авиации с китайских аэродромов. Наконец пришла долгожданная телеграмма. Мао Цзэдун дал согласие на прямую военную поддержку северокорейцев и сообщил об этом советскому лидеру. Сталин быстро продиктовал:

«Пхеньян. Штыкову для товарища Ким Ир Сена.

Только что получил телеграмму от Мао Цзе Дуна, где он сообщает, что ЦК КПК вновь обсудил положение и решил все же оказать военную помощь корейским товарищам, несмотря на недостаточное вооружение китайских войск. Жду подробных сообщений от Мао Цзе Дуна...

13 октября 1950 г.

Фын Си». [406]

На следующий день наступила полная определенность, и Фын Си еще раз передал в Пхеньян: «Передать Ким Ир Сэну следующее. После колебаний и ряда временных решений китайские товарищи наконец приняли окончательное решение об оказании Кореи помощи войсками. Я рад, что принято наконец окончательное и благоприятное для Кореи решение... Конкретные вопросы, связанные с выступлением китайских войск, придется Вам решать совместно с китайскими товарищами. Необходимая техника для китайских войск будет поставлена из СССР.

Желаю Вам успехов.

Фын Си». [407]

Получив эту телеграмму Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлай встретился со Сталиным.

После этой встречи Чжоу Эньлай отправил Сталину телеграмму, в которой сообщил, что вне зависимости от решения, которое примет СССР относительно поддержки действий

китайских войск с воздуха, Мао Цзэдун уже принял решение и направит войска в Корею.

Сталин в ответ дал согласие обеспечить прикрытие действий китайских войск с воздуха силами советской авиации.

Чжоу Энлай уведомил об этом Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун дал указание передовым частям быть готовыми к вводу в Корею 17 октября.

Затем он отдал приказ, в котором предусматривался ввод войск 19 октября.

Мао Цзэдун приказал Пэн Дэхуаю и Гао Гану снова прибыть в Пекин 18 октября.

Наконец, 18 октября в 9 часов вечера Мао Цзэдун отдал официальный приказ о начале ввода войск 19 октября.

В это время прямая угроза захвата нависла над Пхеньяном.

Американцы колебались в оценке возможности ввода в Корею китайских войск. 15 октября Макартур уведомил президента США Г. Трумэна, что КНР не сможет направить свои войска в Корею. Вероятность этого, с точки зрения командующего американскими войсками и вооруженными силами ООН в Корее генерала Макарута, была невелика.

19 октября 1950 года войска КНР по приказу Мао Цзэдуна были введены на территорию КНДР.

В ответ Макартур планировал бомбардировки Северо-Восточного Китая, однако ни президент Г. Трумэн, ни союзники США не согласились на это.

Сталин оказывал Мао Цзэдуну самую разнообразную помощь (в том числе поставляя грузовые автомобили для армии КНР).

В ходе боев Пэн Дэхуай добился первых успехов. В этой связи раздавались советы преследовать противника, сбросить американцев в море, изгнав их полностью с Корейского полуострова. Пэн Дэхуай считал такие предложения необоснованными и не преследовал противника. Посол СССР в КНДР дал Пэн Дэхуаю совет преследовать врага.

Пэн Дэхуай не прислушался к советам посла СССР.

Посол доложил о ситуации Сталину.

Пэн Дэхуай уведомил о положении Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун переслал телеграмму Пэн Дэхуаю Сталину.

Сталин полностью согласился с доводами Пэн Дэхуаю. Сталин похвалил Пэн Дэхуаю (чем вызвал, вероятно, ревность и не-

довольство Мао Цзэдуна) и отозвал посла СССР в КНДР на родину.

Учитывая развитие ситуации, Сталин также ускорил выполнение договоренностей 1950 года. В этой связи 16 января 1951 года было опубликовано совместное сообщение Москвы и Пекина о том, что китайской стороне переданы в 1950 году КЧЖД, имущество, которым СССР временно владел в Порт-Артуре и Дальнем, а также имущество, взятое СССР в Северо-Восточном Китае у японцев в 1945 году, и все имущество военного городка в Пекине, которое в прошлом принадлежало России и СССР. [408]

Таким образом, после ввода войск КНР в Корею Пэн Дэхуау удалось добиться успехов. Однако затем, в начале 1951 года, американцы и их союзники снова овладели Сеулом, то есть отбросили Пэн Дэхуау из южной части Кореи.

Знакомившийся с архивными материалами сталинского правления русский военный историк Д. А. Волкогонов так описывал происходившие тогда события, особое внимание уделяя при этом деятельности Сталина.

Бесконечными колоннами китайские войска двинулись к границе с Кореей и дальше на фронт. Из Пекина сообщали, что в первом эшелоне движется 12 дивизий (скоро будут в Корее). Второй эшелон, тоже 12 дивизий, готовится в Китае. Есть войска и третьего эшелона. Всего союзники Сталина могут задействовать 9 армий (до 30 дивизий).

В телеграмме Чжоу Энлай попросил 10 тысяч тонн автобензина. Сталин тут же приказал ответить: «Будет поставлено 17 тысяч тонн горючего»...

Я думаю, продолжает Д. А. Волкогонов, что Сталин вздохнул с облегчением. Легкой войны не получилось. Для него стало ясно: победы не будет ни для кого. Но поражения он избежал. Главная ноша войны ляжет теперь на китайцев, которым он будет всячески помогать авиационным прикрытием, оружием, техникой, горючим, боеприпасами, но не людьми... Нет, в нем говорила не жалость к ним, а то, что американцы могут его «уличить» в прямом участии в войне. Несмотря на выраженную готовность к большой войне, Сталин сомневался... Атомные бомбы только начали производить, а как их доставлять за океан? Американцы на тот момент имели в этом компоненте

решающее преимущество. Диктатор, все чаще испытывая в конце жизни приступы противной слабости и головокружений, устал воевать...

Когда 25 октября 1950 года китайцы начали мощное широкое контрнаступление по всему фронту, Сталин понял, что, по крайней мере, почетная «ничья» в войне обеспечена. Наступление огромных масс китайских войск, которые в социалистической печати назывались «добровольцами», было долгим, трудным, вымученным. Господству в воздухе «добровольцы» противопоставили траншейную и галерейную борьбу, когда целые роты, батальоны и полки так зарывались в землю, что ни бомбы, ни напалм не достигали в полной мере того результата, что в начале войны. (Добавим от себя, что на корейскую войну Мао Цзэдун отправил своего старшего сына, который вскоре погиб, сгорел в пламени американской напалмовой бомбы в самом начале войны, когда китайцы, даже штаб Пэн Дэхуая, еще не зарылись в землю. Таким образом, у Сталина старший сын погиб во время войны с немцами, а у Мао Цзэдуна во время войны с американцами в Корее. — Ю. Г.) Был освобожден Пхеньян, еще раз взяты Сеул, Инчхон, Вокеджу и другие города. Маятник войны пошел в другую, южную сторону. Однако затем последовали удары южных, и диафрагма фронта почти застыла, напрягаясь и колеблясь все у той же 38-й параллели...

Сталин, многому научившийся в Великой Отечественной войне, понимал, что даже огромное численное превосходство «китайских добровольцев» без надежного прикрытия с воздуха не гарантирует успеха. После некоторых размышлений и бесед с военными 14 ноября 1950 года он отдал распоряжение сформировать специальный корпус для прикрытия китайцев и северокорейцев. Номер этому соединению дали: 64-й истребительно-авиационный корпус. Состав его был необычным: две истребительно-авиационные дивизии, две зенитно-артиллерийские и одна авиационно-техническая.

Состав корпуса постоянно обновлялся; дивизии участвовали в боевых действиях 8–10 месяцев, некоторые, с небольшим перерывом, до года. Всего за время войны в Корее получили боевую практику 15 советских авиационных и несколько зенитно-артиллерийских дивизий.

Оперативное расположение корпуса было довольно выгодным — аэродромы Северного Китая (Северо-Восточного Китая. — Ю. Г.). Истребительная авиация корпуса, по получении сигналов о появлении американских бомбардировщиков и штурмовиков над Северной Кореей, наносила по ним неожиданные и стремительные удары. Нередко американцы преследовали советские истребители, израсходовавшие запас топлива, и над китайской территорией. К тому же советские летчики имели ряд существенных ограничений: даже близко не приближаться к линии фронта и тем более оказываться на «той» его стороне, не летать над морем. Действовал строжайший приказ Сталина: ни один советник или летчик не должен попасть в плен. Повторюсь, не забота о людях двигала Сталиным, а желание не дать американцам веских аргументов прямого участия советских войск в этой войне. Опознавательные знаки на самолетах МиГ-15б были китайские, форма летчиков китайской или корейской. Даже носили значки с изображением Мао... Так или иначе, но не известно ни одного случая попадания советского военнослужащего в плен к американцам. Несколько экземпляров американских боевых машин, которые удалось приземлить целыми, были отправлены в СССР для изучения в авиационных конструкторских бюро.

В составе корпуса в основном были летчики, прошедшие школу Великой Отечественной войны, и эффективность боевых действий истребительной авиации была очень высокой. Командир полка полковник Е. Г. Пепеляев сбил 19 американских самолетов, крупные личные боевые счета имели также капитан Н. Г. Докашенко, подполковник Г. И. Пулов, майор А. С. Бойцов, капитан М. И. Михин, майор А. П. Сморгков и другие летчики-истребители, ставшие Героями Советского Союза. Достаточно сказать, что с конца 1950 года и до завершения активной фазы войны корпус сбил 1309 американских самолетов, из которых около 18 процентов приходится на зенитные части. За то же время соединения корпуса потеряли 319 боевых машин.

В корпусе (в зависимости от количества частей, входивших в него в разное время) насчитывалось 10–15 тысяч человек. Все верили, что воюют с «агрессором». Воевали они мастерски, однако Сталин поначалу вообще не хотел награждать людей. Он боялся огласки и в собственной стране. Лишь позже он разре-

шил награждать отличившихся боевыми наградами, и тысячи людей были отмечены орденами и медалями.

С ноября 1950-го и до окончания войны в июле 1953 года 64-м корпусом последовательно командовали генералы И. В. Белов, Г. А. Лобов, С. В. Слюсарев.

После осенней неудачи 1950 года Сталин не ограничился выдвижением к границам Кореи своего авиационно-истребительного корпуса. По согласованию с Мао Цзэдуном и Ким Ир Сеном общее командование сухопутными войсками было передано китайцам («корейцы не выполняют приказы», отметил Сталин в шифровке). Московский вожь сместил советского генерала Васильева с поста военного советника. Несколько корейских генералов также лишились своих постов, а некоторые после поражения в октябре 1950 года попали под суд. Видна рука Сталина; в минувшей войне он привык «тасовать» командный состав, когда лишь одна военная неудача могла навсегда перечеркнуть карьеру того или иного военачальника.

До середины 1951 года, пока не установилось неустойчивое равновесие на фронте, Сталин лично «вел» контроль за исполнением его директив в корейской войне. Его обмен телеграммами с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Ким Ир Сеном весьма внушителен. Интересная деталь: обсуждая с союзниками по войне оперативные и технические вопросы, Сталин не забывает решать попутно и некоторые свои «дела».

Так, в октябре 1950 года, когда в Корею все висело на волоске, он напоминает Чжоу Эньлаю о его обещании передать ему, Сталину, в Москву 10 миллионов американских долларов, как он пишет, «для поддержки левых организаций в Европе и Америке». [409]

Видимо, даже у Сталина, способного частенько направлять «преданным собеседникам» по 600 тысяч долларов, специальный фонд «поддержки» требовал постоянного пополнения.

В другой телеграмме Мао Цзэду, где Сталин сообщал о дополнительной поставке китайцам бензина, он попросил у них 50 тысяч тонн натурального каучука. Как каучук, американские доллары от китайцев, так и золото, серебро и моноцитовый концентрат из Северной Кореи Сталин, конечно, получил. Идеи идеями, а «табачок врозь».

Сталин, продолжает Д. А. Волкогонов, постепенно утратил интерес к корейской войне, поняв, что это битва без победителей. Общей победы не будет для какой-либо из сторон. Правда, он еще несколько раз советовал Ким Ир Сёну «использовать авиацию и артиллерию массированно», «беспощадными и немедленными мерами сломить голову реакции и обеспечить порядок в своем тылу», «иметь в месте расположения правительства сильный и надежный военный кулак» [410], но действовал уже как бы по инерции. Он дал указание Вышинскому не противиться мирным предложениям, однако и не форсировать их. «Американцы сейчас мира хотят больше, чем мы».

Встречаясь 19 декабря 1952 года в Москве с Чжоу Эньлаем, Сталин обсуждает с китайским премьером пути сохранения позиций Китая и Северной Кореи в войне, формы обмена военнопленными. Сталин и здесь остался верен себе, напомнив китайскому руководителю, что «американцы постараются часть военнопленных завербовать, чтобы использовать их для шпионажа... Так было и с нашими военнопленными в прошлой войне, а теперь мы каждый день ловим по несколько человек военнопленных, которых американцы перебрасывают на нашу сторону»... [411]

Сталин подтвердил свою готовность предоставить Китаю вооружение для 60 китайских пехотных дивизий. Ведя переговоры о мире в Корее, Сталин не исключал и продолжения военного конфликта. В заключение беседы он подарил членам китайской делегации (для членов руководства ЦК КПК. — Ю. Г.) новые советские автомашины ЗИМ, выражая свое высокое уважение к лидерам из Пекина... Ведь именно они в критический момент сыграли такую важную роль.

Встречаясь с Чжоу Эньлаем месяцем раньше, 20 августа 1952 года, в Москве Сталин спросил собеседника: как быть с корейской войной? идти на мир или продолжать ее? Чжоу Эньлай сказал: Мао полагает, что «продолжение войны выгодно нам» (в этой фразе весь Мао Цзэдун. — Ю. Г.). Китай готов к тому, что война будет продолжаться еще 2–3 года.

Сталин, глядя на собеседника, всегда подтянутого, собранного, согласился: «Война портит кровь американцам». Подумав, добавил: «Северокорейцы ничего не проиграли, кроме жертв в этой войне (?! В этой фразе весь Сталин)... Нужны

выдержка и терпение. Надо корейцам разъяснить, что это дело большое (надо полагать, советский диктатор думал: пусть продолжают приносить жертвы во имя “большого дела”). Для Кореи мы ничего не пожалеем». И Сталин действительно не жалел своих ресурсов для тех, кто продолжал жертвовать жизнями сотен тысяч людей, чтобы «портить кровь американцам». В телеграмме, отправленной в апреле 1952 года Ким Ир Сёну, говорится: «Мне стало известно, что корейский народ нуждается в хлебе. У нас есть в Сибири 50 тысяч тонн готовой пшеничной муки. Мы можем послать эту муку в подарок корейскому народу»...

Ким Ир Сён рассыпается в любезностях за щедрый подарок Сталина и желает ему «многих лет жизни и здоровья на счастье человечества». [412]

Но вернемся к беседе Сталина и Чжоу Эньлая, продолжает Д. А. Волкогонов.

Диалог любопытен и дальше.

ЧЖОУ: Если американцы не хотят мира, то мы должны быть готовы продолжить войну хотя бы год...

СТАЛИН: Правильно. Америка не способна вести большую войну.

Вся их сила — в налетах, атомной бомбе... Американцы — купцы. Немцы в 20 дней завоевали Францию: США уже два года не могут справиться с маленькой Кореей. Какая же это сила? Атомной бомбой войну не выиграть...

Не отсюда ли и у Мао отношение к ядерной угрозе, как к «бумажному тигру»? (Так ставит вопрос Д. А. Волкогонов. — Ю. Г.)

Собеседники выяснили, что у Ли Сын Мана всего 116 тысяч военнопленных, в том числе 20 тысяч китайцев. (14 тысяч китайцев не вернулись в КНР, а отправились на остров Тайвань. — Ю. Г.) Переговаривающиеся стороны не очень озаботились этим, и Сталин лишь спросил: сколько американцев в плену?

Чжоу заглянул в бумажку и прояснил ситуацию: примерно 3–4 тысячи. Вместе с ооновцами.

Война продолжалась, а лидеры уже смотрели в будущее. Военное будущее. Когда Чжоу сказал: Китай после войны намерен иметь 102 дивизии, а всю армию в 3 млн 200 тысяч человек, то Сталин поморщился:

— Но это минимум. Вы хотите иметь 150 авиаполков. Это мало. Надо 200 авиаполков... [413]

Таким был Сталин «в деле», отмечает Д. А. Волкогонов и продолжает:

На первом плане — глобальные интересы системы, державы, «лагеря». На десятом — какие-то там «жертвы», лишения, потери. Даже ради того, что «война портит кровь американцам», ее можно продолжать... Сталин словно забыл, как всего несколько лет назад писал в телеграмме президенту Ф. Рузвельту (7 апреля 1945 года), выражая свои глубокие союзнические чувства: «Я никогда не сомневался в Вашей честности и надежности, так же как и в честности и в надежности г-на Черчилля». [414] Похожие теплые слова выражал и президенту Трумэну, как, впрочем, и он Сталину...

Кстати, о Трумэне, продолжает Д. А. Волкогонов. (Думается, что это важно, так как Сталин и Мао Цзэдун во время корейской войны имели своим основным противником именно Г. Трумэна. — Ю. Г.). Сталин помнит не только его послевоенные любезности, но и жесткость.

После разгрома Японии 16 августа 1945 года Сталин направил президенту Трумэну телеграмму, в которой предложил «включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо... Это последнее предложение имеет особое значение для русского общественного мнения. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории. Я бы очень хотел, чтобы изложенные выше мои скромные пожелания не встретили возражений».

Через два дня Сталин получил ответ от Трумэна с жестким отказом без каких-либо объяснений. Одновременно американский президент сообщал, что «правительство США желает располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолетов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе»...

Сталин умел постоять за державу. Ответ его был не просто жестким, но и морализаторским. «...Должен сказать, что я и мои коллеги не ожидали от Вас такого ответа»... Далее Сталин, касаясь Курил, прочитал «мораль»: «Требования такого рода обыч-

но предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории. Я не думаю, чтобы Советский Союз можно было причислить к разряду таких государств... Ни я, ни мои коллеги не понимаем, ввиду каких обстоятельств могло возникнуть подобное требование к Советскому Союзу». [415]

Атомные закулисные «аргументы» не помогли Трумэну. Свое достоинство Сталин сохранил. А советский десант на Хоккайдо (частью уже посаженный на корабли) пришлось отменить... Но вернемся к войне в Корее, продолжает Д. А. Волкогонов.

Сколь эфемерны слова, обещания, декларации, если интересы глубоко различны. Для Сталина, чуть не ставшего в молодости священником, никогда не существовало ничего святого. Даже Ленин, коммунистическая доктрина были для него лишь средством, безотказным средством укрепления великодержавности советского гегемонизма и личного всевластия. Война в Корее лишь дополнительно высветила Сталина с некоторых новых сторон: его умения использовать зависимых от него союзников, умения идти на риск большой войны, не сжигая одновременно за собой всех «мостов», «умения» политический цинизм превращать в государственные принципы. Достигнув апогея власти, Сталин в корейской войне тем не менее обозначил свое грядущее историческое поражение.

Сталину осталось жить совсем немного. Он никогда не узнает, что одобренная им война в Корее завершится 27 июня в Паньмыньжоне соглашением о прекращении огня. Бесплодная, страшная затея решить проблему силой оружия стоила многих, многих сотен тысяч жизней, многих миллиардов рублей и долларов, тысяч разрушенных деревень и городов, промышленных предприятий.

Муки совести никогда не грызли кремлевского диктатора... Он давно поверил в свое право вершить судьбы миллионов людей. Корейская война была лишь последним страшным военным эпизодом в его политической биографии. Так завершает свой анализ деятельности Сталина в этот период Д. А. Волкогонов. [416]

К середине 1952 года у всех участников конфликта появилось ощущение, что война становится затяжной, будет продол-

жаться годами, что это война на истощение и что бои будут вестись локально, в районе 38-й параллели, то есть прежней разделительной линии между северной и южной частями Кореи.

К весне 1951 года обе стороны перешли фактически к стратегическому противостоянию.

Практически, при объективном взгляде на ситуацию, было очевидно, что война в Корее оказалась авантюрой, ненужной особенно и прежде всего народу самой Кореи. Эта война принесла человеческие жертвы и самим корейцам, и китайцам, и тем людям из СССР, США, других стран, которые служили в армиях на этой войне.

Ким Ир Сен сначала рванулся в южную часть полуострова, затем был отброшен на свою территорию, потом с участием и главным образом силами и жертвами китайцев были проведены некоторые бои, в результате которых линия фронта колебалась, но в конечном счете обе стороны остались на тех же позициях, на которых они находились до начала войны.

Таким образом, авантюра Ким Ир Сена, Мао Цзэдуна и их невольного союзника Сталина провалилась. Авантюрные замыслы руководителя Южной Кореи Ли Сын Мана, его сторонников в США тоже не осуществились. США и их южнокорейские союзники, другие страны, участвовавшие в войне в Корее, направившие своих солдат в состав вооруженных сил ООН, выступили за то, чтобы сохранять статус-кво. У них не было сил, а потому и серьезных намерений ни захватывать КНДР, ни вторгаться в КНР. Отдельные попытки расширять масштабы войны и даже применять ядерное оружие, предпринимавшиеся Макартуром, не нашли поддержки у президента США Г. Трумэна.

Запасная позиция Мао Цзэдуна сработала: Мао Цзэдун предполагал, что в конечном итоге эта война так и останется локальной, не выйдет за рамки Корейского полуострова (очевидно, что США после победы Мао Цзэдуна в материковом Китае твердо взяли курс на то, чтобы больше не влезать в войну на китайском материке). Правда, Мао Цзэдун ошибся, ибо он все-таки надеялся, что окажется возможным захватить Южную Корею.

Одним словом, корейская авантюра закончилась тем, что обе стороны практически остались при своих интересах. Хотя ответ-

ственность за вред, нанесенный этой войной, особенно и прежде всего за унесенные войной человеческие жизни, лежит прежде всего на Ким Ир Сене, Мао Цзэдуна, да и на Сталине. Если говорить об уроках этой войны, то это была, прежде всего, убежденность Пэн Дэхуая, ряда других руководителей КПК — КНР, но не Мао Цзэдуна в том, что КНР не должна больше начинать такого рода войны или участвовать в таких авантюрах; другим уроком была убежденность Пэн Дэхуая, некоторых других политических деятелей в КНР, что не может быть и речи о применении оружия против СССР, каким бы острым ни было идеологическое или политическое противостояние с ним.

Свою долю ответственности несут руководители Южной Кореи и США, их союзники. Они, во всяком случае, допустили эту войну.

Сталин тоже допустил эту войну. Вина за это лежит и на нем.

Что же касается Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена, то эти два политика несут главную ответственность, так как они были, хотя и в разной степени, инициаторами этой войны.

После того как армии обеих сторон на Корейском полуострове перешли к стратегическому противостоянию вдоль 38-й параллели, США обратились к Сталину с просьбой, чтобы он выступил в качестве посредника и оказал США помощь, передав КНР и КНДР, что США готовы немедленно прекратить огонь, остановить военные действия и затем начать переговоры о мире. Такая ситуация сложилась уже к апрелю 1951 года. Иными словами, активные военные действия в ходе корейской войны продолжались менее года.

Итак, весьма характерно, что именно Сталин оказался в 1951 году в роли посредника между Мао Цзэдуном (и Ким Ир Сеном), с одной стороны, и Вашингтоном, с другой стороны.

Получив послание американцев, Сталин немедленно передал его Мао Цзэдуну, сопроводив своими соображениями и предложениями. По мнению Сталина, к этому документу следовало относиться как к важным размышлениям США в стратегическом плане; в то же время Сталин полагал, что предложение американской стороны свидетельствовало о том, что Вашингтон испытывал озабоченность в связи с перспективами войны.

Оказывалось, что ни Москва, ни Вашингтон, в общем-то, либо с самого начала, либо, по крайней мере, спустя несколько меся-

цев после начала конфликта на Корейском полуострове не были намерены поддерживать огонь этой войны.

В мае 1951 года Мао Цзэдун направил указание в Корею главнокомандующему войск и КНР, и КНДР Пэн Дэхуаю (и в копии Сталину). В нем говорилось: «...В настоящее время на передовой линии мы имеем 8 корпусов. Если каждый корпус уничтожит по 1 батальону, то всего противник потеряет восемь регулярных батальонов. Этим самым противнику будет нанесен сильный удар. Если каждый корпус уничтожит по 2 батальона, то это уже 16 батальонов.

...Ставить задачу в каждой операции уничтожить по одному батальону. В ходе 3–4 операций будет уничтожаться по 4 батальона регулярных войск, что приведет к понижению духа и поколеблет самоуверенность противника»...

По мнению русского военного историка Д. А. Волкогонова, Сталин с большим скепсисом прочел эту «арифметическую стратегию» и ответил, но... столь же примитивно и поверхностно. «Мне кажется, это план рискованный. Один-два раза можно. Но этот план англы-американцы легко разгадают... Вы имеете дело не с войсками Чан Кайши»... [417]

К этому можно добавить, что Сталин в данном случае также как бы приспособлялся к уровню стратегического мышления Мао Цзэдуна, намеренно снижался до него. Вообще же это еще один пример расхождений между Сталиным и Мао Цзэдуном в вопросах, касавшихся войны.

Получив сообщение Сталина, Мао Цзэдун и Ким Ир Сен в начале июня 1951 года собрались в Пекине, чтобы обсудить реакцию на предложения из Вашингтона. Прежде всего было решено в ближайшие два месяца не вести никаких масштабных боевых действий.

Было также принято решение направить в Москву к Сталину Ким Ир Сена в сопровождении Гао Гана (представляется характерным, что Мао Цзэдун не допустил встречи Сталина с Пэн Дэхуаем, очевидно, не желая, чтобы вследствие такой встречи углубилось бы и влияние Сталина на Пэн Дэхуая, и их взаимное уважение, и, что вполне вероятно, авторитет Пэн Дэхуая в КПК — КНР). Предполагалось обсудить вопросы, касавшиеся прекращения огня в Корее. Делегации из КНР и КНДР прибыли в Москву в середине июня 1951 года.

Сталин незамедлительно принял Ким Ир Сена и Гао Гана. Прежде всего, он уточнил ситуацию на фронте, поинтересовавшись рядом вопросов:

(1) Каково реальное положение на фронте; продолжаются ли боевые действия? (2) Что можно было бы сказать, сравнивая позиции, которые занимают в Корее северяне и южане; могут ли военные силы китайцев и корейцев удержать занимаемые позиции и не дрогнут ли они? (3) Каков потенциал и возможности для контрнаступления у противника? Если противник начнет контрнаступление, окажется ли возможным сдержать его? Одним словом, находятся ли силы китайцев и корейцев в данный момент в благоприятном положении или нет? Наконец, Сталин поставил следующий вопрос: что лучше — немедленно прекратить огонь, начать перемирие или предпочтительнее еще продолжить в течение некоторого времени боевые действия, изменить в свою пользу линию фронта, а затем уже переходить к переговорам о перемирии?

В то время китайская и корейская стороны еще не различали такие термины, как прекращение огня, перемирие, мирное разрешение вопроса, передышка в ходе военных действий, мирная договоренность. Пока обо всем этом у корейцев и китайцев было смутное представление.

Сталин в этой связи сказал:

«Мы должны четко определить понятия, о которых мы советуемся с вами, то есть нам необходимо уточнить терминологию. В противном случае, если в ходе переговоров вы будете пользоваться разными терминами, может возникнуть неясность. Вам будет удобнее вести переговоры с партнером только тогда, когда вы четко определите термины».

Корейская сторона высказалась так: «Для нас было бы желательно перемирие».

Сталин сказал: «То есть вы имеете в виду прекращение войны на нынешних позициях? Или же вы предпочитаете, чтобы обе стороны после определенного согласования своих позиций (то есть проведя некоторое уточнение линии фронта или уточнения на местности) затем прекратили бы военные действия; нет ли в настоящее время у какой-либо стороны частей, находящихся в окружении?»

На этот вопрос никто не смог дать четкий ответ. Карты, которые представили китайская и корейская сторона, оказались устаревшими.

По приказу Сталина из Генштаба Советской армии тут же доставили карту, на которой была показана дислокация войск.

После этого обсуждался вопрос о сроках перемирия.

Когда переговоры были в основном завершены, все перешли в комнату отдыха. И тут Сталин поинтересовался: «А каковы ваши планы после достижения перемирия?» Он также спросил, как предполагалось стабилизировать обстановку в Корее, восстанавливать и развивать экономику.

В ходе переговоров Сталин не забыл высказать слова одобрения в адрес Мао Цзэдуна, КПК и китайских добровольцев, их боевой подготовки, а также того, как они сражались с американцами. При этом Сталин отметил, что в ходе движения за оказание отпора США и помощи Корее КНР стоит на передовой линии борьбы против империализма, сражается очень хорошо; что же касается поставок вооружения и боеприпасов, то «мы (СССР) должны это делать и делать бесплатно».

В этот момент кто-то из участвовавших в разговоре высказал критические замечания в адрес Пэн Дэхуая, сказав, что Пэн Дэхуай в порядке очередности вводит в Корею китайских добровольцев, через определенное время заменяя одни части другими; сначала направляет несколько дивизий, а затем, после ряда боев, заменяет их другими дивизиями, причем новым дивизиям снова требуются поставки советского оружия; таким образом Пэн Дэхуай намеренно увеличивает количество советского оружия, которое приходится поставлять для китайских добровольцев.

Сталин на это сказал: «Это хорошо! Молодец! Пэн Дэхуай — это действительно толковый человек! Благодаря такому методу он поочередно осуществляет закалку войск, улучшает их вооружение, повышает боеспособность войск. Это прекрасно!» [418]

23 июня представитель СССР в ООН Я. А. Малик в выступлении по радио внес предложение о мирном разрешении вопроса о войне в Корее. (Следовательно, таким образом, была подчеркнута роль СССР, роль Сталина, в прекращении военных действий на Корейском полуострове; Сталин, очевидно, желал

выступать перед мировым общественным мнением в качестве политика, который способен действовать разумно и готов содействовать мирному решению военного конфликта на Дальнем Востоке.) При этом он сказал, что первым шагом на этом пути должно быть прекращение обеими сторонами огня и отвод обеими сторонами своих войск от 38-й параллели.

25 июня и 3 июля 1951 года в газете «Жэньминь жибао» были опубликованы статьи, в которых поддерживались предложения, выдвинутые А. Я. Маликом. (По сути дела, все это означало, что Сталин выступил посредником и даже своего рода инициатором начала мирного процесса, процесса мирных переговоров на Корейском полуострове, а Мао Цзэдун вслед за Сталиным согласился с прекращением военных действий и с началом переговоров о перемирии. Итак, в войну на Корейском полуострове Мао Цзэдун втащил Сталина, а из войны на Корейском полуострове Сталин вытаскивал Мао Цзедуна.)

10 июля 1951 года начались переговоры о перемирии. Американцы вслед за тем предприняли несколько попыток наступления, которые закончились для них неудачей.

27 ноября 1951 года американцы согласились с предложением китайско-корейской стороны признать военной разграничительной линией линию фактического соприкосновения.

Соглашение о перемирии в Корее было подписано только 7 июля 1953 года, уже после смерти Сталина. Этому предшествовали столкновения вооруженных сил обеих сторон, то, что получило в КНР название бактериологической войны американцев в Корее, а также бомбардировки территории КНР американской авиацией.

В КНР отношения Мао Цзедуна и Сталина в связи с корейской войной толковали как смелый шаг Мао Цзедуна в борьбе за утверждение высокого авторитета КПК и КНР, отстаивания ими права принимать самостоятельные решения, как решительную борьбу с применением оружия против американцев, как помощь братскому корейскому народу; позицию Сталина трактовали как боязливую, Сталина похваливали за то, что он, не понимая первоначально Мао Цзедуна, безосновательно сомневаясь в его силах и смелости, потом все-таки сумел понять правоту Мао Цзедуна и стал помогать ему в его политике в связи с войной на Корейском полуострове.

Центральная мысль такого рода рассуждений состояла в том, что Мао Цзэдун оказывался выше Сталина как политик, как военный стратег.

Факты, приведенные выше, никак не дают возможности согласиться с этими утверждениями.

Мао Цзэдун действительно самостоятельно (верно, конечно, что без Ким Ир Сена этой войны могло бы и не быть, но и Мао Цзэдун не просто пошел за Ким Ир Сеном, но активная позиция Мао Цзэдуна сыграла важнейшую роль и оказала на Ким Ир Сена решающее воздействие, подстегнув его на начало военных действий на Корейском полуострове, так что и без Мао Цзэдуна войны в Корее могло и не быть) влез в эту войну, влез, с одной стороны, как бы и охотно, ибо такого рода действия отвечали его натуре, его представлениям о мировой политике, но и, с другой стороны, после мучительных колебаний; при этом он не смог бы воевать в Корее, если бы не имел за собой поддержки Сталина. В целом Сталин, с одной стороны, допустил начало этой войны и несет ответственность за это, но, с другой стороны, он проявлял в связи с этой войной большую дальновидность и осторожность, чем Мао Цзэдун (во всяком случае, Сталин не допустил, чтобы СССР выглядел ни как инициатор этой войны, ни как ее активный участник), хотя оба они, и Сталин, и Мао Цзэдун, совершили непростительные ошибки и даже преступления, ибо в результате их политики погибли люди, много людей.

Осмысление всего случившегося в связи с появлением самой идеи о корейской войне, ходом ее подготовки и ее осуществлением приводит к мысли о том, что мышление Сталина и Мао Цзэдуна было однотипным, в главном они были подобны один другому, находили взаимопонимание. Можно отметить, что высказывания Сталина дали толчок развитию целого ряда политических установок Мао Цзэдуна. Но можно сказать и так: сама внутренняя природа мышления Сталина и Мао Цзэдуна была во многом, причем в главном, одинакова, поэтому их мысли перекликались, как птицы из одной стаи.

И сам советско-китайский договор 1950 года, или пакт о взаимной помощи, как характеризовал его Сталин, в этом смысле, при всех его особенностях, связанных с межгосударственными отношениями, отражал общее направление мыслей и того,

и другого. Оба полагали, что должны, прежде всего, крепко держать власть в своих руках каждый в своем государстве и в то же время реально продвигать на остальную часть земного шара границы своего «лагеря».

Война при этом представлялась и Сталину, и Мао Цзэдуну делом допустимым и даже одним из орудий осуществления ими своих замыслов. Поэтому они с первых же встреч искали общий язык именно по вопросу о месте войны в современном им мире и, что неудивительно, нашли такой общий язык. (В данном случае мы сосредоточиваемся на позициях Сталина и Мао Цзэдуна, не затрагивая позиции руководителей враждебного для них лагеря, хотя в принципе в любом межгосударственном вопросе всегда существуют, по крайней мере, две стороны и сам вопрос возникает и решается только при учете позиций обеих сторон; здесь прекраснодушие одной стороны оказывается недостаточным для решения вопроса.)

Применительно к корейской войне всплывает и еще одно обстоятельство. Оно несколько разнило Сталина и Мао Цзэдуна в подходах к этой войне.

Ведь речь шла о Дальнем Востоке, или о Северо-Восточной Азии, о регионе или районе, где существовали свои представления об истории, о взаимоотношениях наций и о войне. Нет, они не отличались целиком и полностью от представлений в других регионах мира, более того, по сути, если бы дело дошло до крайности, они оказались бы примерно одинаковыми, но пока до этой крайности дело не доходило, то есть пока этот регион, его лидеры не дошли в своем понимании места и времени существования их самих и их наций до общечеловеческих вершин, оказывались возможными странные, на взгляд иных людей из иных главным образом регионов, действия или политические, а также военно-политические акции, в частности, оказывалась возможной корейская война.

В данном случае Сталин оказался втянут ходом событий в перипетии исторических взаимоотношений в регионе, который не был ему близким и понятным, хотя сам он полагал, что его стратегическое видение мира позволяет ему принимать наиболее правильные решения.

Итак, Сталин, если бы на то была только его воля, вряд ли бы сам оказался инициатором корейской войны; будучи вынужден

дать на нее согласие и будучи втянут в ее перипетии, он постарался извлечь из этого то, что он считал пользой для себя, своего государства, и, во всяком случае, уменьшить возможный ущерб для своих интересов, интересов своего государства на мировой арене; все это у него плохо получилось. И Сталин, и Мао Цзэдун, и Ким Ир Сен в историческом плане оказались авантюристами и потерпели поражение в этой своей совместной затее, хотя географически они сохранили прежнюю разграничительную линию между своим «лагерем» и «лагерем» своих противников на мировой арене.

В этом регионе Сталин встретился с лидерами КНР и КНДР, с Мао Цзэдуном и Ким Ир Сеном, которые имели кое-что общее: оба они каждый по-своему, но отсиделись во время Второй мировой войны вдали от реальных сражений. Они крепко усвоили, что в результате Второй мировой войны и некоторых последующих событий они оказались победителями и диктаторами в своих государствах; они гордились этим и переоценивали свои силы. Но у них не было внутреннего главного представления о том, что такое война, современная война. Сталин, при всем его желании укреплять и расширять границы и пределы своей власти, своего влияния в целом на планете и в регионе Северо-Восточной Азии в частности, все-таки сдерживался в своих военных планах и пониманием того, что такое настоящая война, и пониманием того, каким сильным является вероятный противник, и, в определенной степени, учетом настроений и состояния населения в своем государстве. Таких сдерживающих факторов не было ни у Ким Ир Сена, ни у Мао Цзэдуна. Народы Кореи и Китая, конечно, перенесли тяготы Второй мировой войны, многолетней японской оккупации, но все-таки это был совсем не тот опыт, какой пришлось взять в свой багаж народам нашей страны, стран Европы.

Для многих корейцев в Северной Корее, возможно, перед началом корейской войны вполне естественной представлялась вооруженная борьба за то, чтобы в границах одного государства находилась вся Корея; собственно, здесь объединялись и коммунистические, и националистические идеи.

Вообще корейский вопрос — это сложный вопрос и с точки зрения истории самой корейской нации, и с точки зрения взаимоотношений корейской нации с ее соседями. Что касается самих

корейцев, то история страны сложилась таким образом, что и в середине XX века, да и в наше время, на рубеже XXI века, представляется, что еще могут на протяжении какого-то неопределенно длительного времени существовать несколько государств корейской нации и это приемлемо для корейцев. Для корейцев не существует в качестве первоочередной задача непереносимого и насильственного вооруженного объединения всего Корейского полуострова в одно государство.

Китай до сих пор, особенно при Мао Цзэдуне и его последователях и сторонниках, никак не может понять, что одно дело — говорить о близком соседстве с корейцами и о нерасторжимости исторических связей между народами, и совсем другое — уважать полную независимость и суверенитет корейцев, ни в коем случае не вмешиваться во внутренние дела корейцев. А Мао Цзэдун исходил из того, что он не только имеет исторические основания для такого вмешательства, но и обязан это делать; он видел себя как политика, который должен выполнить общий долг перед китайцами и корейцами (к тому же в некотором смысле Мао Цзэдун полагал, что корейцы, как ни крути, исторически не отдельная самостоятельная нация, а часть единой китайской нации, часть, которую временно отнесло в сторону). Иначе говоря, Мао Цзэдун хотел сохранять особые отношения между китайцами и корейцами, которые позволяли бы ему, при возможности, более тесно соединять китайцев и корейцев, возможно, и в составе некоего союза, федерации, конфедерации, единого государства или чего-либо подобного. Корейская война в значительной степени разрушила такого рода представления и планы.

Корейская война, начатая Ким Ир Сеном и активно поддержанная Мао Цзэдуном, была, с их точки зрения, продолжением взаимоотношений между Китаем и Кореей с древних времен.

Сталин при всем при том, что он действительно несет ответственность за попустительство и даже, пусть в определенной степени пассивное, содействие подготовке и началу войны в Корее, все-таки оставался на вполне определенной позиции: он не мог допустить прямого втягивания своего государства в эту войну. Колебания здесь у него были, но они оказались временными, даже кратковременными, и скорее эмоциональными. Возможно, выс-

казывания Сталина о возможности и вероятности большой войны в союзе с Мао Цзэдуном против США, были сделаны им и для того, чтобы крепче привязать к себе Мао Цзэдуна и идейно, и материально. Сталин оказался под своего рода определенным нажимом Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена и был вынужден согласиться на корейскую войну.

Представляется необходимым обратить внимание на одну из сторон отношения Сталина к прямым исполнителям его воли в Корее — военным советникам. С одной стороны, Сталин ценил их опыт и военное мастерство, использовал их для решения своих политических задач; институт военных советников был привычным для Сталина в этом регионе. И в общем-то, генералы работали во всю мощь, применяя опыт Великой Отечественной и Второй мировой войны. С другой стороны, Сталин резко осаживал их, напоминая о том, что существуют интересы своего государства, воля Сталина, и все военные советники, и посол СССР в КНДР, то есть, по сути дела, главный военно-политический советник Сталина при Ким Ир Сене, должны были исходить из того, что они служат не какому-то иному государству, а государству Сталина.

Об этом надо сказать потому, что зачастую при службе в Китае, в странах этого региона и при Сталине, и после, вплоть до настоящего времени, чиновникам нашего государства приходится выбирать: или, рекомендуясь единственными специалистами, действительно понимающими китайцев, фактически занимать позиции адвокатов или сторонников, скажем, Пекина или Пхеньяна и представлять дело таким образом, что интересы своей страны они, дескать, лучше всего защищают тогда, когда во всем идут навстречу пожеланиям руководителей страны пребывания, даже в ущерб интересам своей родины, или отстаивать интересы своего отечества, что весьма часто вызывает недовольство властей страны пребывания, которое те умело доводят до руководителей нашей страны, вследствие чего эти руководители, обычно не разбираясь глубоко, скажем, в проблемах русско-китайских отношений или русско-корейских отношений, идя по наиболее простому пути, разрушают карьеру преданных посланцев своего отечества в соседней стране, отзывают их на родину и идут на очередные уступки руководителям соседней страны, ущемляя немедленно или в исторической перспективе интересы своего народа и страны.

Важным представляется и то, что весьма активная фаза подготовки корейской войны пришлось на те месяцы, когда Мао Цзэдун находился в Москве в конце 1949-го — начале 1950 года. Может быть, когда-то обнаружатся и архивные материалы, которые позволят больше узнать о беседах Сталина и Мао Цзэдуна на эту тему. Ведь корейская война началась всего четыре месяца спустя после подписания советско-китайского договора 1950 года в Москве и началась в условиях оформившегося юридически союза Сталина и Мао Цзэдуна. Корейская война в каком-то смысле может видаться и как продолжение или следствие встреч Сталина и Мао Цзэдуна, а также Ким Ир Сена в Москве в 1949–1950 годах.

Пока нет значительных сведений и о том, как развивались контакты Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена по этому вопросу. А это также со временем может внести довольно существенные штрихи в общую картину развития событий.

Наконец, еще одним уроком корейской войны могло бы служить понимание того, что существуют, в том числе в отношениях нашей страны с Китаем, такие проблемы, которые целесообразно было бы рассматривать следующим образом: если предпринимались попытки решить, в том числе и с помощью силы, некие проблемы в двусторонних отношениях, но эти попытки не привели к успеху, то следовало бы отложить решение такого рода проблем на неопределенно длительное время, заморозить на века, до той поры, пока иные поколения, может быть, будут способны найти решение этих проблем; во всяком случае, метод бессрочных мирных переговоров, своего рода забвения проблем, при том условии, что историческая ненависть в поколениях новых людей не подогревается с первых лет обучения в школах и в сочинениях политиков и ученых, существует и может оказаться наиболее приемлемым в такого рода обстоятельствах. Как говорится, лучше пусть дипломаты бесконечно скрипят перышками, чем будут говорить артиллерийские орудия.

Из сказанного ранее можно сделать вывод о том, что Мао Цзэдун в 1949–1950 годах, накануне прихода к власти и сразу же после этого, дважды предпринимал попытки втянуть нашу страну, Сталина в новую мировую войну.

В первый раз, желая привлечь Сталина к участию в подготовке высадки войск на Тайване. Во второй раз, рассчитывая, что

ему удастся столкнуть нашу страну с США в войне на Корейском полуострове.

В обоих случаях это Мао Цзэдуну не удалось. Здесь проявилось принципиальное различие между Сталиным и Мао Цзэдуном в подходе к вопросу о войне.

Мао Цзэдун стремился ввязываться в авантюры, провоцировать нашу страну на военное столкновение с США.

Сталин после окончания Великой Отечественной войны и Второй мировой войны на Дальнем Востоке, исходил из необходимости сохранять мир для нашей страны и никоим образом не допускал ее вовлечения в новую мировую войну.

Мао Цзэдун в этих случаях лишний раз предстал в роли тирана, готового жертвовать жизнями людей и своей, и нашей страны.

ПОСМЕРТНАЯ ОЦЕНКА СТАЛИНА И МАО ЦЗЭДУН

Хрущев вспоминал: «На XX съезде КПСС мы осудили Сталина за его эксцессы, за то, что он произвольно репрессировал миллионы честных людей, и за его единоличное правление, которое нарушало принципы коллективного руководства. Сначала Мао Цзэдун оправдывал нас, когда мы осуждали Сталина за превышение им власти. Он сказал, что решения, принятые на XX съезде партии, показали великую “мудрость”.

В определенном смысле Мао был прав, выступая за то, чтобы не недооценивать роль известных людей в руководстве, которые настаивали на том, чтобы выставлять на всеобщее обозрение преступления эры Сталина. Сохранять молчание в отношении злоупотреблений Сталина, на чем настаивали Ворошилов, Молотов и Каганович, было бы неправильно. Однако какую бы мудрость мы ни проявили на XX съезде партии, это была не наша мудрость — это была мудрость Ленина, к источнику которой мы, выражая нашу преданность, приникли вновь. Отдавая нам всю заслугу, Мао просто пытался привлечь нас лестью на свою сторону.

Мао тут же начал перечислять свои собственные жалобы на Сталина. Например, он упрекал Сталина в том, что тот поддерживал Чан Кайши. Он привел конкретные доказательства того, что Сталин наносил ущерб интересам КПК. Я не помню точного содержания, но мне помнится, что Мао ссыался на некие письма, которые Сталин посылал Чан Кайши. Мао также осудил Сталина за непонимание характера китайской революции. Более конкретно, Мао сказал, что Сталин недооценивал и, сле-

довательно, ограничил революционный потенциал китайского рабочего класса.

Мао особенно критиковал отношение Коминтерна к Китаю.

Поздравив нас с решениями XX съезда партии и высыпав целую гору своих собственных критических соображений относительно Сталина, Мао позднее повернул на 180 градусов и начал восхвалять Сталина. Он понял, что лесть не сработает в применении к нам. Я думаю, что втайне он не одобрил все то, что мы сделали, чтобы осудить Сталина за его преступления. Почему я так думаю? Потому, что я уверен, что Мао всю жизнь страдал той же манией величия, что и Сталин. Он так же болезненно относился к другим людям». [419]

Сталин умер в 1953 году. После его смерти Мао Цзэдун продолжал находиться у власти еще 23 года. Он умер в 1976 году.

Когда Сталин ушел из жизни, Мао Цзэдун получил возможность высказываться о Сталине в «аудитории одного оратора».

При этом сначала у Мао Цзэдуна возобладало желание наконец-то осудить Сталина. Мао Цзэдун считал для себя важным внушать людям в Китае, что он возражал Сталину и якобы не допускал навязывания Сталиным своей воли КПК и КНР. Факты, однако, говорят о том, что Сталин никогда, во всяком случае с 1949 года, не навязывал своего мнения. Наоборот, он со всей решительностью отводил предложения «давать указания» КПК.

Спустя некоторое время Мао Цзэдун и попытался частично обелить Сталина с той целью, чтобы подкрепить свое утверждение о необходимости культа личности и в Китае, и в СССР.

Посмертная оценка Сталина Мао Цзэдуном свидетельствует о том, что мысли о своей абсолютной власти занимали главное место в мировоззрении Мао Цзэдуна.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Можно бесконечно рассуждать о Сталине, которому нравилось, когда в песнях его называли «великим», а также «мудрым, родным и любимым», и о Мао Цзэдуна, который полагал правильным и необходимым, что его именовали «самым-самым-самым красным солнцем», «великим вождем, великим учителем, великим главнокомандующим, великим кормчим». Эта тема неисчерпаема.

В начале XXI века их взаимоотношения видятся иначе, чем при их правлении и жизни. После смерти Сталина прошло более полувека; после смерти Мао Цзэдуна — более трех десятилетий.

Люди каждого поколения по-своему оценивают прошлое.

В частности, об этом еще могут говорить те, кто жил при правлении Сталина и Мао Цзэдуна и кто вздохнул более или менее свободно после их ухода в мир иной.

Судьбы России и Китая в XX веке сходны в том, что они на десятилетия попали под власть этих тиранов, когда людям приходилось жить в страхе за свою жизнь даже в мирное время.

Если в двух словах подвести итог правления Сталина и Мао Цзэдуна, то можно сказать: «Людей жалко».

Сталину и Мао Цзэдуну людей было не жаль.

Для каждого из них ценность представляла только их собственная жизнь и власть.

Добравшись до ее вершин, Сталин и Мао Цзэдун свои ум и волю подчинили тому, чтобы любой ценой удерживать в своих руках власть над как можно большим количеством людей.

Сталин и Мао Цзэдун пришли к власти тогда, когда Россия и Китай переживали лихолетье, оказались втянуты в междоусобную борьбу, когда царил смут.

При этом большинство людей, поддавшись своим слабостям, своему невежеству или идеализму, допустили господство над собой сил тоталитаризма, разрушения и зла, враждебных самой природе человека как разумного и доброго существа.

Во главе этих сил застыли на десятки лет Сталин и Мао Цзэдун.

Каждый народ с течением времени по-разному оценивает своих правителей.

Мы обращаемся к взаимоотношениям Сталина и Мао Цзэдуна постольку, поскольку речь идет о том, как складывались взаимоотношения и как соотносились интересы наших стран и народов при их правлении.

При этом фигуры Сталина и Мао Цзэдуна предстают одновременно и как своего рода символы наций, и как личности всемирно-исторического масштаба.

Очень сложным при этом выглядит вопрос о том, в какой степени Сталин и Мао Цзэдун могут считаться выразителями коренных интересов своих наций.

Естественно, что под давлением народов они были вынуждены выражать и такие интересы.

В то же время в еще большей степени каждый из них руководствовался своими желаниями.

Сталин и Мао Цзэдун не доверяли один другому.

При этом «простой человек» в обеих странах находился под воздействием идейно-политического воспитания в духе «братской и нерушимой дружбы».

На самом деле ложь выступала как форма поддержания равновесия в отношениях Сталина и Мао Цзэдуна, наших стран и народов.

Мао Цзэдун, обуянный подозрительностью и ненавистью к врагам внутри своей страны и за ее рубежами, был постоянно настроен на то, чтобы бросать вызов всем и вся, всегда быть готовым к атаке.

Сталин учитывал агрессивный настрой Мао Цзэдуна, его гипертрофированную обиженность и задиристость и предпринимал все возможное с тем, чтобы унять, утихомирить партнера, сохраняя нормальные взаимоотношения.

Основная забота Сталина при этом состояла в том, чтобы Россия и Китай оставались при своих интересах и в союзных, а не враждебных отношениях.

Мао Цзэдун фактически вел дело к противостоянию.

Сталину удалось «обуздать» Мао Цзэдуна на основе совпадения коренных интересов обеих наций.

Внешне, будучи вынужден смириться с позицией Сталина, а также будучи заинтересован в получении бесценной помощи и поддержки с его стороны, со стороны его страны, Мао Цзэдун «держал свой камень за пазухой», то есть готовился предъявить «счет» по территориальному «реестру».

В представлении Мао Цзэдуна и была «ничья» в его «схватке» со Сталиным.

Иначе говоря, Мао Цзэдун в своем воображении тешил себя мыслью о дружбе, союзе и взаимной помощи в 1950 году, «вырвал кое-что из пасти тигра» (под которым он подразумевал нашу страну и Сталина).

Сталин же стоял на твердой почве совпадения национальных интересов наших двух стран.

Благодаря этому середина двадцатого столетия оказалась мирным временем во взаимоотношениях России и Китая.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Москва — Пекин. Музыка В. Мурадели, стихи М. Вершинина. Москва — Пекин: репертуарный сборник // Ред. Фельдман Е. М. — М.: Сов. Россия, 1959. — С. 7–8.
2. Далин С. А. Китайские мемуары. 1921–1927. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. — С. 180–181.
3. Лю Цзечэн. Мао Цзэдун юй Сыдалинь — Мао Цзэдун и Сталин. Пекин: Чжун Гун Чжунъян дан сяо чубаньшэ, 1993. — С. 294. (Далее: Лю Цзечэн...)
4. Речь Мао Цзэдуна по вопросу о выборах на седьмом съезде КПК 10 июня 1945 г. — см.: Гуанмин жибао. 16.08.1986.
5. Гуанмин жибао. 16.08.1986.
6. Там же.
7. Синьхуа юебао. 1950. Новогодний номер.
8. Там же.
9. Волкогонов Д. А. Семь вождей. — М., 1995. — С. 251.
10. Мао Цзэдун. Избр. произведения. — Т. 3. — 1953. — С. 189.
11. Лю Цзечэн... С. 406–409.
12. Там же. С. 410.
13. Там же. С. 413.
14. Чжоу Энлай сюаньцзи — Избранные произведения Чжоу Энлая. — Т. 1. — С. 139.
15. Лю Цзечэн... С. 419–420.
16. Там же. С. 421.
17. Там же. С. 422.
18. Там же.
19. Там же. С. 422–423.
20. Там же. С. 424–425.

21. Там же. С. 425.
22. Там же. С. 430–431.
23. Там же. С. 431–433.
24. *Ши Чжэ*. Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь — Рядом с гигантом истории. — Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 1991. — С. 412.
25. *Лю Цзечэн*... С. 401.
26. *Владимиров П. П.* Особый район Китая. 1942–1945. — М., 1973. — С. 5. (Далее: Владимир П. П. ...)
27. *Владимиров П. П.* ... С. 47.
28. Там же. С. 56.
29. Там же. С. 57.
30. Там же. С. 58.
31. Там же. С. 63.
32. Там же. С. 80.
33. Там же. С. 87.
34. Там же. С. 89–90.
35. Там же. С. 93–95.
36. Там же. С. 96.
37. Там же. С. 97.
38. Там же. С. 100–101.
39. Там же. С. 103.
40. Там же. С. 118.
41. Там же. С. 119–120.
42. Там же. С. 122.
43. Там же. С. 131.
44. Там же. С. 175.
45. Там же. С. 187.
46. Там же. С. 201.
47. Там же. С. 206.
48. Воспоминания Н. Н. Риммара (машинопись в обработке Ю. П. Власова). — С. 57. (Далее: Риммар Н. Н. ...)
49. *Владимиров П. П.* ... С. 211–212.
50. Там же. С. 213.
51. Там же. С. 219.
52. Там же. С. 236–237.
53. Там же. С. 220–221.
54. Там же. С. 249–250.
55. Там же. С. 251–253.

56. Там же. С. 255–256.
57. *Риммар Н. Н.* ... С. 68.
58. Там же. С. 69.
59. *Владимиров П. П.* ... С. 256.
60. Там же. С. 261–262.
61. Там же. С. 265–266.
62. Там же. С. 284–285.
63. Там же. С. 301–303.
64. Там же. С. 304.
65. Там же. С. 306–307.
66. Там же. С. 311.
67. *Риммар Н. Н.* ... С. 71–72.
68. *Владимиров П. П.* ... С. 315.
69. Там же. С. 316.
70. Там же. С. 319.
71. Там же. С. 324.
72. Там же. С. 324–325.
73. *Риммар Н. Н.* ... С. 81–82.
74. *Владимиров П. П.* ... С. 342–343.
75. Там же. С. 345.
76. Там же. С. 349–350.
77. Там же. С. 360–361.
78. Там же. С. 363.
79. Там же. С. 366–367.
80. Там же. С. 383.
81. Там же. С. 393–394.
82. Там же. С. 404–405.
83. Там же. С. 406–408.
84. Там же. С. 409.
85. Там же. С. 409.
86. Там же. С. 409–410.
87. Там же. С. 413.
88. Там же. С. 413.
89. Там же. С. 415.
90. Там же. С. 419.
91. Там же. С. 422.
92. Там же. С. 423–425.
93. Там же. С. 432.
94. Там же. С. 442–443.

-
95. Там же. С. 444–445.
  96. Там же. С. 448–449.
  97. Там же. С. 451.
  98. *Риммар Н. Н.* ... С. 64–66.
  99. *Владимиров П. П.* ... С. 452.
  100. Там же. С. 452–457.
  101. Там же. С. 459–460.
  102. Там же. С. 461.
  103. Там же. С. 462.
  104. Там же. С. 463–464.
  105. Там же. С. 468.
  106. Там же. С. 466.
  107. Там же. С. 469.
  108. Там же. С. 471.
  109. Там же. С. 489.
  110. Там же. С. 500–501.
  111. Там же. С. 502.
  112. Там же. С. 548–549.
  113. Там же. С. 580.
  114. Там же. С. 584.
  115. Там же. С. 588.
  116. Там же. С. 609.
  117. Там же. С. 614–615.
  118. Там же. С. 615.
  119. Там же. С. 616.
  120. Там же. С. 618.
  121. Там же. С. 619.
  122. Там же. С. 622.
  123. Там же. С. 629.
  124. Там же. С. 633.
  125. Там же.
  126. Там же. С. 634.
  127. Там же. С. 634–636.
  128. Там же. С. 639.
  129. Там же. С. 639.
  130. Там же. С. 640.
  131. Там же. С. 641.
  132. Там же. С. 645–647.
  133. Там же. С. 648.

134. Там же. С. 652.
135. Там же. С. 653.
136. Там же. С. 654–655.
137. *Риммар Н. Н.* ... С. 114–115.
138. См.: Проблемы Дальнего Востока. — 1990. — № 6. — С. 124–134; 1991. — № 1. — С. 171–181.
139. Проблемы Дальнего Востока. — 1990. — № 6. — С. 125.
140. Там же.
141. Там же.
142. Там же. С. 125–126.
143. Там же. С. 127–128.
144. Там же. С. 128.
145. Там же.
146. Там же.
147. Там же. С. 128–129.
148. Там же. С. 129.
149. Там же. С. 127–129.
150. Там же. С. 129.
151. Там же. С. 129–130.
152. Там же. С. 131.
153. Там же.
154. Там же. С. 131–132.
155. Там же. С. 132.
156. Там же. С. 131–133.
157. Там же. С. 133–134.
158. Там же. С. 134.
159. Там же.
160. Проблемы Дальнего Востока. — 1991. — № 1. — С. 171–173.
161. Там же. С. 173–175.
162. *Хлебодаров Н.* Особые миссии генерала Ковалева // Социалистическая индустрия. — 1989. — 9 мая; его же: Чествование юбиляра // Гудок. — 1991. — 28 июня.
163. Проблемы Дальнего Востока. — 1991. — № 6. — С. 84–85.
164. *Ли Юежань.* Вайцзяо утайшан ды Синь Чжунго линсю — Вожди Нового Китая на дипломатической арене. — Пекин, 1989. — С. 10–15.
165. См.: Premier Zhou's Criticism of Liu Shaoqi, Weng Tongxun. 1967. October 6 // Survey of China Mainland Press. — Hong Kong. — 4060. — 1967. November 15. — P. 7.

166. См.: Проблемы Дальнего Востока. — 1991. — № 6. — С. 87.
167. Подробнее о ходе инцидента с английскими военными кораблями см.: *Кан Маочжао*. Инцидент с английским военным кораблем «Аметист» // Синь Чжунго вайцзяо фэньюнь. — С. 33–47.
168. См.: Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Феликса Чуева. — 1991. — С. 81–85.
169. Там же. С. 85–86, 92–93, 93–94 и далее.
170. См.: *Бо Ибо*. Жогань Да Цзюецз юй шицзянь ды Хоугу — Воспоминания о некоторых важных решениях и событиях. — Т. 1. — Пекин, 1991. — С. 37.
171. См., например: *Чжоу Цзюнь*. Первоначальное исследование причин, по которым НОАК не смогла осуществить план Тайваньской кампании в первый период после основания государства // Чжун Гун дан ши яньцзю. — Пекин, 1991. — № 11. — С. 67–75.
172. Проблемы Дальнего Востока. — 1991. — № 6. — С. 86–88.
173. См.: *Ши Чжэ*. С председателем Мао в Москву // Проблемы Дальнего Востока. — 1989. — № 1; его же: Что я видел и слышал во время визита председателя Мао в Москву // 1946–1976 Мао Цзэдун шэнхо шилу — Правдивая хроника жизни Мао Цзедуна с 1946 по 1976 год. — Нанкин, 1989. — С. 24–26.
174. Проблемы Дальнего Востока. — 1992. — № 1–3. — С. 90.
175. См.: *Владимиров О.* Из истории советско-китайских отношений в 50-х годах // К дискуссии в КНР о Мао Цзэдуне. — М., 1981. — С. 55.
176. Проблемы Дальнего Востока. — 1992. — № 1–3. — С. 90.
177. Там же. С. 77–80.
178. Там же. С. 90–91.
179. См.: *Чжао Сяолу*. Усилия в критический момент: анализ политики КПК в отношении США в 1949 г. // Шэхой кэсюе чжаньсянь. — Чанчунь, 1990. — № 4. — С. 213.
180. См.: Foreign relations of the United States, 1949. Vol. 8. — P. 367–370, 766–769; Russel D. Buhite. Soviet-American Relations in Asia, 1945–1954. Oklahoma, 1981. — P. 85; *Хуан Хуа*. Несколько моих встреч с Лейтоном Стюартом вскоре после освобождения Нанкина // Синь Чжунго вайцзяо фэньюнь. — С. 22–32.

181. Проблемы Дальнего Востока. — 1992. — № 1–3. — С. 80–85.
182. Архив Президента РФ (Далее: АПРФ). Ф. 39. Оп. 1. Д. 31. Л. 23. Здесь и далее в этом разделе работы все архивные документы цитируются по: *Ледовский А. М. Секретная миссия А. И. Микояна в Китай // Проблемы Дальнего Востока. — 1995. — № 2. — С. 98.*
183. Там же. Л. 24.
184. Там же. Л. 30–31.
185. Там же. Л. 32.
186. Там же. Л. 33.
187. Там же. Л. 34.
188. Там же. Л. 35–36.
189. Там же. Л. 37.
190. Там же. Л. 38.
191. Там же. Л. 40.
192. Там же. Л. 41.
193. Там же. Л. 42.
194. Там же. Л. 44.
195. Проблемы Дальнего Востока. — 1995. — № 2. — С. 100–110.
196. См. также: *Тихвинский С. Л. Переписка И. В. Сталина с Мао Цзэдуном в январе 1949 г. // Новая и новейшая история. — М., 1994. — № 4–5. — С. 132–140.* Там, в частности, отмечено следующее: «В воспоминаниях китайского дипломата и публициста Ши Чжэ ошибочно указывается: “В декабре 1948 г. советская сторона направила нам письмо, полученное советским правительством от гоминьдановского правительства. Оно просило Советский Союз урегулировать спор между ГМД и КПК, прекратить гражданскую войну, уговорить коммунистов не воевать... Советское правительство передало нам оригинал (русский текст) письма без каких-либо комментариев”». (Воспоминания Ши Чжэ напечатаны: Жэнь. — 1988. — № 1. — С. 139–148. Приведенную цитату см. на с. 141.)
197. Имеется в виду работа Мао Цзэдуна «Как определять классовую принадлежность в деревне (октябрь 1933 года)», см.: *Мао Цзэдун. Избранные произведения. — М., 1952. — Т. 1. — С. 229–234.* Эта работа, а также ряд документов были переизданы КПК в конце 40-х годов.

198. АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 606. Л. 1–17. Машинописный текст, копия.
199. Правда. — 1949. — 18 янв.
200. FRUS. 1949. China. — Vol. VIII. — P. 547.
201. Ibid. P. 25. Цит. по: *Ледовский А. М. Секретная миссия А. И. Микояна в Китай // Проблемы Дальнего Востока.* — 1995. — № 3. — С. 94–105.
202. АПРФ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 39. Л. 47.
203. Там же. Цитируется по: *Ледовский А. М. Секретная миссия А. И. Микояна в Китай // Проблемы Дальнего Востока.* — 1995. — № 3. — С. 95.
204. Там же. Л. 20.
205. Там же. Л. 2.
206. Там же.
207. Там же. Л. 37.
208. Там же. Л. 58.
209. Там же. Л. 57.
210. Там же.
211. Там же. Л. 57–58.
212. Там же. Л. 58.
213. По словам А. М. Ледовского, после образования КНР И. В. Ковалев продолжал некоторое время возглавлять группу советских специалистов. Однако, имея прямую связь с Москвой, он по-прежнему считал себя личным представителем И. В. Сталина, не согласовывал свои действия с послом Н. В. Рошиным. Это побудило Рощина доложить об этом в Москву. Сталин направил в Китай комиссию для проверки деятельности И. В. Ковалева и советских специалистов, по итогам работы которой И. В. Ковалев был отозван из Китая. (*Ледовский А. М. Секретная миссия А. И. Микояна в Китай // Проблемы Дальнего Востока.* — 1995. — № 3. — С. 98, 105.)
214. АПРФ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
215. АПРФ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 39. Л. 29.
216. Там же. Л. 37.
217. Там же. Л. 44.
218. Там же. Л. 85–86.
219. Там же.
220. Там же.

221. Там же. Л. 86.
222. Там же. Л. 78–79.
223. АПРФ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 31. Л. 28–29.
224. АПРФ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 39. Л. 69.
225. Там же. Л. 92.
226. Там же. Л. 74.
227. Там же. Л. 69.
228. Там же. Л. 41.
229. Там же. Л. 42–43.
230. Там же. Л. 46.
231. Там же. Л. 54.
232. Там же. Л. 95.
233. Там же. Л. 89–90.
234. *Ледовский А. М.* Секретная миссия А. И. Микояна в Китае // Проблемы Дальнего Востока. — 1995. — № 3. — С. 104–105.
235. Среди работ, где утверждается, что Сталин через Микояна передал указание не пересекать Янцзы и не развивать наступление на юг, можно назвать: *Лю Сяо*. Посольская миссия в Советском Союзе [часть 1] // Шицзе чжиши. — Пекин. — 1987. — № 3. — С. 15; *Цюй Син*. Политика Советского Союза в отношении Китая накануне и после его основания // Гоцзи гун инь. — Пекин. — 1986. — № 6. — С. 4. Эти работы основаны на высказываниях Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая о том, что Сталин не верил в силы китайской революции и стремился раздробить страну на «южную и северную династии», где юг контролировался бы Чан Кайши, а север — коммунистами. Косвенно подтверждает подобную версию в своих воспоминаниях и видный военачальник Не Жунчжэнь. См.: Nie Rongzhen. Inside the Red Star: The Memoirs of Marshal Nie Rongzhen. — Beijing, 1988. — P. 585. Вместе с тем Ши Чжэ, который был переводчиком во время переговоров с Микояном, категорически утверждает, что ничего подобного он не говорил. См.: *Ши Чжэ*. Вместе с председателем Мао от Яньани до Бэйпина // Жэньу. — Пекин. — 1989. — № 5. — С. 152; *Ши Чжэ*. Первый визит председателя Мао в Советский Союз // Синь Чжунго вайцзяо фэньюнь — Рассказы о дипломатии Нового Китая. — Пекин, 1990. — С. 8–9. К аналогичному выводу пришли

- два авторитетных китайских специалиста, которые провели разыскания в архивах и опросили очевидцев событий. См.: Юй Чжань, Чжан Гуанью. Разыскание о том, отговаривал ли нас Сталин от переправы через Чанцзян // Синь Чжунго вайцзяо фэньюнь. — С. 15–21.
236. Проблемы Дальнего Востока. — 1991. — № 6. — С. 85–86.
237. Лю Цзечэн... С. 524.
238. Там же. С. 525.
239. Попутно отметим, что А. И. Микоян, очевидно, совершил три поездки в Китай. Один раз в 1949 году по поручению Сталина и два раза, в 1956 году и в 1957 году, по просьбе Н. С. Хрущева. В 1956 году он разъяснял китайским руководителям выступление в Москве против культа личности Сталина, а в 1957 году рассказывал Мао Цзэду о «деле антипартийной группы» Маленкова, Кагановича, Молотова; в тот раз между советской и китайской сторонами возникли также разногласия в связи с вопросом о производстве атомного оружия в КНР: А. И. Микоян пытался уговорить Мао Цзэда не настаивать на изготовлении атомных бомб в КНР, обосновывая это наличием в руках СССР «ядерного зонтика», однако Мао Цзэдун непременно желал иметь свое ядерное оружие.
240. Лю Цзечэн... С. 524–531.
241. Там же. С. 616–617.
242. В 1956 году мне довелось в течение целого дня работать с А. И. Микояном во время его пребывания в Ухане. Действительно, даже некоторые его жесты были картинными, да и вообще он давал понять свою значительность окружающим. В то же время А. И. Микоян был одним из наиболее дипломатичных и обходительных людей в советском руководстве, во всяком случае с иностранцами, с китайцами. Что же касается руководителей КПК — КНР, и прежде всего Мао Цзэда, то и они вели себя не менее претенциозно, чем советские руководители, в том числе А. И. Микоян. Одним словом, эти политики друг друга стоили. К этому необходимо присовокупить следующее замечание. Вполне очевидно, что для Мао Цзэда не существовало и априори не могло существовать симпатичного советского человека, в том числе и прежде всего советского руководителя; его антипатия

- к советским (к русским, к тем, кто был из России) была изначально заданной ему, казалось, генетически, она была просто патологической. — Ю. Г.
243. Цзай Мао Цзэдун шэньбянь ши у нянь — 15 лет рядом с Мао Цзэдуном. — Хэбэй жэньминь чубаньшэ, 1991. — С. 98.
244. Лю Цзечэн... С. 618.
245. Там же. С. 536.
246. Там же. С. 536–537.
247. Там же. С. 540.
248. Там же.
249. Там же.
250. Там же. С. 541.
251. Цитируется со ссылкой на «неопубликованные воспоминания» И. В. Ковалева. См.: Sergei N. Goncharov, John W. Lewis, Xue Litai. *Uncertain Partners. Stalin, Mao, and the Korean War.* — Stanford University Press, 1993. — P. 233–234.
252. Лю Цзечэн... С. 542–543.
- А. М. Ледовский обнаружил в Архиве Президента Российской Федерации доклад главы делегации ЦК Китайской компартии Лю Шаоци, адресованный «ЦК ВКП(б) товарищу Сталину И. В.», и датированный 4 июля 1949 года. В этом документе содержатся сведения, в основном совпадающие с приведенными в тексте данной работы на основе публикации автора из КНР Лю Цзечэна.
- В то же время необходимо отметить, что на полях упомянутого доклада Лю Шаоци имеются пометки Сталина. В частности, в связи с упоминанием о том, что в авиации НОАК имеется 7500 человек, а в военно-морском флоте — 7700 человек, Сталин задал вопросы: «А летчики есть? Морьяки есть?»
- В связи с заявлением, что Мао Цзэдун «назначен председателем Центрального Правительства» Сталин спросил: «Это что: президент (*подчеркнуто*) на деле?»
- Сталин далее также задал вопрос: «Что такое бюрократический капитал?»
- Он согласился с положениями доклада, где говорилось, что «народно-демократическая диктатура не является диктатурой буржуазии, но также она не является диктатурой про-

летариата», а также с тем, что эта диктатура не является формой буржуазного парламентаризма. Сталин соглашается с необходимостью сотрудничать с национальной буржуазией. Он также допускал заключение «колдоговоров, исключая стачки».

Сталин подчеркнул положение о «неправильности и вредности проведения в жизнь системы чрезмерного централизма», соглашаясь с этим.

В связи с тезисом доклада о том, что «в Китае пока что нет таких реакционных буржуазных партий, которые имеются в европейских странах», Сталин задал вопрос: «А группа компрадоров?» Сталина интересовал вопрос о том, какие ограничения собирались осуществлять в Китае в отношении «работы экономических предприятий империалистов». Сталин соглашался с конфискацией земель религиозных миссий и церквей и с распределением этих земель с согласия верующих.

Сталин советовал проводить дифференцированную внешнюю политику и писал: «Кто не признает Китпра (китайское правительство. — Ю. Г.), — тому не давать каких-либо облегчений по торговле с Китаем (кризис в США заставит США заняться торговлей с Китаем). Использовать китайских купцов для этого».

Сталин соглашался с предложением не торопиться с получением признания со стороны иностранных государств. В то же время он дал утвердительный ответ на вопрос о том, «смогут ли СССР и страны новой демократии поскорее признать новое правительство Китая, даже если империалистические страны в своей политике будут игнорировать нас?» В докладе содержалось заявление: «Советско-китайский договор о дружбе и союзе в прошлом уже принес большую пользу китайскому народу. Новое правительство Китая примет этот договор, и это будет еще большим вкладом для народов Китая и СССР и особенно для китайского народа. Мы полностью желаем принять этот договор. Во время установления дипломатических отношений между СССР и новым Китаем потребуются заниматься этим договором. В общем, в отношении этого договора можно будет действовать по одному из следующих трех вариантов:

1. Новое правительство Китая заявит о своем полном принятии этого договора и продолжении его действия без каких бы то ни было изменений.

2. В духе первоначального текста договора представители обоих правительств снова заключат новый договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем для того, чтобы на основе новой обстановки были внесены некоторые стилистические изменения и изменения по содержанию.

3. Представители правительств обеих стран обменяются нотами о том, что данный договор временно остается таким, каким он и есть, но они готовы в соответствующий момент вновь его пересмотреть.

Какой вариант из трех является хорошим?»

В этой связи Сталин заметил: «Решить вопрос с приездом Мао в Москву».

В связи с упоминаем в докладе о том, что Советский Союз вывез машинное оборудование из Маньчжурии, Сталин заметил: «Из Маньчжурии вывезли мы японский капитал частично, и далеко не полностью».

В докладе также было сказано следующее:

«Когда мы не в состоянии сами оборонять свое побережье, то если бы мы не согласились на расположение советских войск в Порт-Артуре, то это было бы помощью для империалистов. По вопросу о МНР мы говорили, что монгольский народ в соответствии с принципом самоопределения наций потребовал независимости и мы должны признать независимость Монголии. Однако если МНР пожелает соединиться с Китаем, то мы приветствовали бы это. Лишь только народ Монголии имеет право решить этот вопрос.

По вопросу о вывозе Советским Союзом машинного оборудования из Маньчжурии мы говорили, что эти машины принадлежали японцам и Советский Союз вывез оборудование в качестве трофейного имущества для использования в своем социалистическом строительстве и из соображений, чтобы это оборудование не попало в руки китайской реакционной партии, которая использовала бы его в борьбе против китайского народа. СССР действовал совершенно правильно.

Правильны ли эти наши объяснения?»

Сталин соглашался с таким толкованием вопросов, особо подчеркнув мысль о том, что «лишь только народ Монголии имеет право решать этот вопрос».

В докладе предлагалось создать Советско-Китайскую смешанную авиационную компанию. Сталин согласился с этим. В докладе также ставился вопрос о том, как лучше решить вопрос об установлении отношений со странами народной демократии Восточной Европы и о торговле с ними. Сталин писал в этой связи: «Путем прямых переговоров с ними. Мы поможем».

В докладе ставился вопрос о направлении в Китай советских специалистов. Сталин согласился удовлетворить эту просьбу.

В докладе было также сказано следующее:

«По вопросу об отношениях между ВКП(б) и КПК т. Мао Цзэ-дун и ЦК КПК считают:

ВКП(б) является главным штабом международного коммунистического движения, а КПК представляет лишь только штаб одного направления. Интересы части должны быть подчинены интернациональным интересам, а поэтому КПК подчиняется решениям ВКП(б), хотя Коминтерн не существует и КПК не входит в состав Информбюро европейских компартий».

Комментируя это положение, Сталин пишет решительное: «Нет!»

Далее в докладе сказано: «Если по некоторым вопросам между КПК и ВКП(б) возникнут разногласия, то КПК, изложив свою точку зрения, подчинится и решительно будет выполнять решения ВКП(б)».

И здесь Сталин заявил решительное: «Нет!»

Далее в докладе говорилось: «Мы считаем, что необходимо установить как можно более тесные взаимные связи между двумя партиями, взаимно обмениваться подходящими политическими ответственными представителями для того, чтобы решать вопросы, интересующие наши две партии и, кроме того, достигать большего взаимного понимания между нашими партиями».

Сталин подчеркнул эти формулировки и написал решительное: «Да!»

Наконец в докладе просили совета о «времени приезда Мао Цзэ-дуна в Москву, и каким образом это лучше сделать». Сталин написал: «Да. В конце 1949 года, после установления дипотношений».

В докладе высказывалось также «полное согласие с условиями, выставленными тов. Сталиным И. В. в отношении займа Советского Союза Китаю в сумме 300 000 000 ам. долларов» и «благодарность Советскому Союзу за его помощь китайскому народу». «Мы желаем, чтобы ЦК ВКП(б) и товарищ Сталин постоянно и без всяких стеснений давали бы свои указания и критиковали бы работу и политику КПК» — так заканчивался этот документ. (АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 328. Л. 32–50.)

253. Там же. Л. 544–545.

254. Там же. Л. 543–548.

255. *Ши Чжэ. Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь* — Рядом с гигантом истории. — Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 1991. — С. 414.

256. Там же.

257. *Лю Цзечэн...* С. 551–555.

258. *Мао Цзэдун. Лунь ши да гуаньси* — О десяти важнейших взаимоотношениях. См.: *Лю Цзечэн...* С. 619.

259. *Мао Цзэдун. Цзай шэн ши цзычжищюй данвэй шуцзи хойи шан ды цзянхуа* — Речь на совещании секретарей парткомов провинций, городов, автономных районов. См.: *Лю Цзечэн...* С. 619.

260. *Бянь Яньцзюнь, Гун Юйчжи, Ван Юйшао, Фэн Хой. Синь Чжун-го ды ци бу. Цзянь го илай Мао Цзэдун вэньгао яньцзю синь дэ чжии* — Мао Цзэдун и первые шаги нового Китая. Один из итогов изучения рукописей Мао Цзэдуна со времени создания КНР // Хунци. — 1988. — № 8. — С. 22.

261. Хунци. — 1988. — № 6. — С. 27.

262. Там же.

263. Там же.

264. Там же. С. 28.

265. Чжун Гун дан ши яньцзю. — 1988. — № 2. — С. 3.

266. Там же.

267. Там же. С. 4.

268. Там же.

269. Там же. С. 4–5.
270. Там же. С. 4.
271. Jianguo Yilai Mao Zedong Wengao Diyi Ce (1949.9 — 1950.12) [Документы Мао Цзэдуна со времени образования КНР. — Т. 1 (сентябрь 1949 — декабрь 1950)]. — Пекин, 1987. — С. 71.
272. Чжун Гун дан ши яньцзю. — 1988. — № 2. — С. 5.
273. Там же.
274. Подробнее см.: *Дэн Лицзюнь*. До и после мирного освобождения Синьцзяна. Страница из истории китайско-советских отношений // Цзиньдай ши яньцзю. — Пекин, 1989. — № 5. — С. 143–150.
275. Комментируя эту ситуацию, российский историк С. Н. Гончаров писал о том, что в своих воспоминаниях Бо Ибо отмечает, что «30 (июля) товарищ (Лю) Шаоци подписал в Кремле с Маленковым соглашение о кредите». — *Бо Ибо*. Указ. соч. С. 37. [См. примечание 170.] Здесь речь идет скорее не о межгосударственном кредите, который имел в виду Сталин, а о кредите в счет оплаты текущей советской помощи. В своей телеграмме из Москвы от 3 января 1950 г. Мао Цзэдун, в частности, отмечал, что только что согласовал вопрос о советском кредите и что «...мы запросили 300 миллионов долларов, оплачивать будем постепенно в течение нескольких лет. Мы потому не выдвинули более значительную просьбу, что ныне в течение нескольких лет для нас лучше побольше экономить»... (*Мао Цзэдун*. Телеграмма в ЦК относительно вопроса об отъезде Чжоу Эньлая в Советский Союз для участия в переговорах // Цзянь го илай Мао Цзэдун вэньгао — Рукописи Мао Цзэдуна со времени основания государства. — Пекин, 1987. — Т. 1. — С. 213.) Это говорит о том, что до момента приезда Мао в Москву вопрос о межгосударственном кредите еще не был согласован.
276. Проблемы Дальнего Востока. — 1992. — № 1–3. — С. 85–90.
277. Синьхуа юебао. 1950. Новогодний номер.
278. Лю Цзечэн... С. 12–18.
279. У Сюцюань. Мемуары дипломата. — Пекин, 1985. — С. 9–10 (на кит. яз.).
280. Федоренко Н. Т. Сталин и Мао: беседы в Москве // Проблемы Дальнего Востока. — 1989. — № 1. — С. 151–153.
281. Лю Цзечэн... С. 18–19.

282. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 8–17. Цит. по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 250.
283. Там же. С. 250–251.
284. *Лю Цзечэн...* С. 40.
285. Там же. С. 43.
286. Там же. С. 62–63.
287. Н. Т. Федоренко отмечал, что речь шла о понятии «возвращение в первосостояние» или «возвращение в первообитель». (*Федоренко Н. Т. Сталин и Мао: беседы в Москве // Проблемы Дальнего Востока.* — 1989. — № 1. — С. 155.)
288. *Лю Цзечэн...* С. 102–104.
289. Жэньминь жибао. — 1949. — 23 дек.
290. *Лю Цзечэн...* С. 128.
291. Там же. С. 128.
292. Там же. С. 128–129. (Жогань чжунда цзюецэ юй шицзянь ды вэньти — О некоторых важных вопросах политики и практики. — Т. 1. — Чжун Гун Чжунъян дан сяо чубаньшэ. — Июль 1991. — С. 40.)
293. *Лю Цзечэн...* С. 129.
294. Синь Чжунго вайцзяо фэньюнь лу — О перипетиях внешней политики Нового Китая. — Шицзе чжиши чубаньшэ. — Май 1990. — С. 11.
295. *Лю Цзечэн...* С. 131–132.
296. Там же. С. 132.
297. Там же. С. 132–133.
298. *Ши Чжэ.* Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь — Рядом с гигантом истории. — Чжунъян вэньсянь чубаньшэ. — Декабрь 1992. — С. 440.
299. *Лю Цзечэн...* С. 196.
300. Там же. С. 196–198.
301. *Ши Чжэ.* Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь — Рядом с гигантом истории. — Чжунъян вэньсянь чубаньшэ. — Декабрь 1991. — С. 440.
302. *У Сюцюань.* «Чжун Су юхао тунмэн хучжу тяюе» цзяньдин ды цзинго — О том, как был заключен «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР». (*Лю Цзечэн...* С. 155.)
303. Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. — М., 1959. — С. 217–218.

304. Лю Цзечэн... С. 152–157.
305. Там же. С. 157–158.
306. Жэньминь жибао. — 1950. — 3 янв.
307. Лю Цзечэн... С. 176.
308. Там же. С. 199–200.
309. Цзян Цзунтун ми лу — Секретные записи президента Цзяна. — Т. 1. — С. 41–42.
310. Лю Цзечэн... С. 7–8.
311. Там же. С. 216.
312. Там же. С. 217–220.
313. Там же. С. 85–86.
314. Чув Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. — М., 1991. — С. 111–114.
315. Проблемы Дальнего Востока. — 1994. — № 5. — С. 105–106.
316. Лю Цзечэн... С. 296–300.
317. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 29–38.
318. Ши Чжэ. Цай лиши цзюйжэнь шэньбянь — Рядом с гигантом истории. — Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 1991. — С. 456.
319. Лю Цзечэн... С. 354–356.
320. Там же. С. 362.
321. Там же. С. 362–363.
322. Там же. С. 363.
323. Эту притчу Мао впервые использовал еще в июне 1945 года, когда выступал с речью при закрытии седьмого съезда КПК. Цит. по: Волкогонов Д. А. Семь вождей. М., 1995. С. 252.
324. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 32. Цит. по: Волкогонов Д. А. Семь вождей. — М., 1995. — С. 252–253.
325. Там же. Л. 86–87.
326. Известия. — 1950. — № 39. — 15 февр.
327. Лю Цзечэн... С. 366–370.
328. Там же. С. 370.
329. Там же. С. 450–451.
330. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 51. Цит. по: Волкогонов Д. А. Семь вождей. — М., 1995. — С. 253.
331. Федоренко Н. Т. Сталин и Мао: беседы в Москве // Вопросы Дальнего Востока. — 1989. — № 1. — С. 162–164.
332. Хунци. — 1988. — № 6. — С. 25.

333. АПРФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 343. Л. 41. Цит. по: *Валкогонов Д. А.* Семь вождей. — М., 1995. — С. 267.
334. *Лю Цзечэн...* С. 451.
335. Жэньминь жибао. — 1950. — 20 февр.
336. *Лю Цзечэн...* С. 388–392.
337. Проблемы Дальнего Востока. — 1992. — № 6. — С. 74–78.
338. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 338. Л. 48. Цит. по: *Валкогонов Д. А.* Семь вождей. — М., 1995. — С. 251.
339. Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. — М., 1959. — С. 221–222.
340. *У Сюцюань.* Вайцзяобу ба нянь (1950 нянь и юе — 1958 нянь ши юе) — Восемь лет в Министерстве иностранных дел [январь 1950 — октябрь 1958 гг.] // *Шицзе чжиши.* — 1983. — № 16. — С. 10.
341. Известия. — 1950. — № 39. — 15 февр.; Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. — М., 1959. — С. 218.
342. *Шицзе чжиши.* — 1983. — № 16. — С. 10.
343. Там же. С. 10–11.
344. Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. — М., 1959. — С. 223–224.
345. *Шицзе чжиши.* — 1983. — № 16. — С. 11.
346. *Е Юнле.* Чэнь Бода ци жэнь — Чэнь Бода как человеческая личность // *Наньфан чжоумо.* — 1991. — 5 апр. — С. 2.
347. Там же.
348. *Лю Цзечэн...* С. 258–260.
349. *Федоренко Н. Т.* Ночные беседы (Переговоры о советско-китайских отношениях) // *Открывая новые страницы.* — М., 1989. — С. 135–148.
350. *Федоренко Н. Т.* Сталин и Мао: беседы в Москве // *Проблемы Дальнего Востока.* — 1989. — № 1. — С. 159.
351. В 1959 году мне довелось сопровождать видного политического и военного деятеля КПК и КНР маршала Е Цзяньина во время просмотра в Большом театре СССР именно балета «Красный мак». Мне запомнилось, что Е Цзяньин в антракте счел нужным подчеркнуть, что в этом спектакле есть музыкальный фрагмент: вкрапление известной китайской мелодии, песни со словами «Дунфан хун. Тайян шэн. Чжунго чула гэ Мао Цзэдун (Восток заалел. Солнце взошло. В Китае родил-

- ся Мао Цзэдун)». По мнению Е Цзяньина, этот музыкальный фрагмент в балет «не вписывался». — Ю. Г.
352. Шицзе чжиши. — 1983. — № 16. — С. 12.
353. Там же.
354. Там же. С. 15.
355. Там же. С. 13.
356. Там же.
357. *Лю Цзечэн...* С. 66–67.
358. Шицзе чжиши. — 1983. — № 16. — С. 10.
359. Известия. — 1950. — № 39. — 15 февр. Советско-китайские отношения. 1917–1957. — М., 1959. — С. 218.
360. Khrushchev remembers. The Last Testament. — Bantam Books, Inc. New York, 1976 (Хрущев вспоминает. Последний завет. — «Бентам букс». Нью-Йорк, 1976). — Р. 273.
361. Ibid. Р. 274–275.
362. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 341. Л. 114. Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Семь вождей. — М., 1995. — С. 270.
363. Мао Цзэдун сюаньцзи — Избранные произведения Мао Цзэдуна. — Т. 5. — С. 140.
364. *Лю Цзечэн...* С. 453–459.
365. Проблемы Дальнего Востока. — 1991. — № 6. — С. 88–91.
366. Мао Цзэдун сысян ваньсуй! — Да здравствуют идеи Мао Цзэдуна! — Токио, 1969. — С. 163.
367. *Хрущев Н. С.* Цзуйхоу иянь. Хэлусяофу хойи лу суйцзи — Последний завет. Продолжение воспоминаний Хрущева. — Пекин, 1988. — Т. 1. — С. 246–247.
368. *Бо Ибо.* Жогань Да Цзюецз юй Шицзянь ды Хойгу — Воспоминания о некоторых важных решениях и событиях). — Пекин, 1991. — Т. 1. — С. 40–41. По мнению С. Н. Гончарова, «версия Бо Ибо в общем не противоречит сообщению И. В. Ковалева, хотя некоторые моменты в ней вызывают сомнения. Например, вряд ли правомерно приписывать недоверие Сталина к Мао только влиянию доклада И. В. Ковалева. Корни этого недоверия лежат весьма глубоко, и проявилось оно не после 24 декабря 1949 г., когда Сталин ознакомился с докладом, а с момента первой встречи двух лидеров 16 декабря». (Проблемы Дальнего Востока. — 1991. — № 6. — С. 92–93.)

369. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 24–35. В этом разделе работы все архивные документы (из АПРФ) цитируются по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. В данном случае: С. 282–285.
370. Там же. Л. 1.
371. Там же. Л. 7.
372. Там же. Л. 8.
373. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Цит. по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 287.
374. Там же. Л. 80.
375. Там же. Л. 8.
376. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 55. Цит. по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 288.
377. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 94. Цит. по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 288–289.
378. Там же. Л. 96.
379. Там же. Л. 109.
380. Там же. Л. 145–147. Цит. по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 290.
381. *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 290–291.
382. Советская военная энциклопедия. — Т. 4. — С. 35. Цит. по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 291.
383. Там же.
384. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 100–103. Цит. по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 292–293.
385. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 88–89.
386. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 5–8. Цит. по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 293.
387. Там же. Л. 14–15.
388. Там же. Л. 24. Цит. по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 294.
389. Там же. Л. 41–45. Цит. по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 294–295.
390. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 97. Цит. по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 295.
391. *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 295–296.
392. *Лю Цзечэн...* С. 557.

393. *Мао Цзэдун*. Дигочжуи хэ ице фандунпай ши чжи лаоху — Империалисты и все реакционеры — это бумажные тигры. — Жэньминь чубаньшэ, 1958. — С. 27.
394. *Ши Чжэ*. Цзай чжаньчжэн ды бэйхоу — За кулисами войны // Цзюньши ши линь. — 1992. — № 3.
395. АПРФ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 334. Л. 110–111. Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Семь вождей. — М., 1995. — С. 296.
396. *Волкогонов Д. А.* Семь вождей. — М., 1995. — С. 295.
397. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 126. Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Семь вождей. — М., 1995. — С. 296–297.
398. Там же. Л. 105–106. Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Семь вождей. — М., 1995. — С. 297.
399. Пэн Дэхуай цышу — Автобиография Пэн Дэхуая. — Жэньминь чубаньшэ, 1981. — С. 258.
400. *Лю Цзечэн...* С. 561–563.
401. Там же. С. 564.
402. *Хун Сюечжи*. Кан Мэй Юань Чао чжаньчжэн хойи — Воспоминания о войне в целях оказания отпора США и помощи Корее. — Цзефанцзюнь вэньи чубаньшэ, 1990. — С. 15.
403. *Лю Цзечэн...* С. 566.
404. *Ши Чжэ*. Цзай чжаньчжэн ды хоубэй. Чжоу Энълай юй Сыдалинь хойи чжуйи — За кулисами войны. Воспоминания о переговорах Чжоу Энълая со Сталиным. — Цзюньши ши линь. — 1992. — № 3. — С. 4.
405. *Хун Сюечжи*. Кан Мэй Юань Чао чжаньчжэн хойи — Воспоминания о войне в целях оказания отпора США и помощи Корее. — Цзефанцзюнь вэньи чубаньшэ, 1990. — С. 27. Цит. по: *Лю Цзечэн...* С. 568.
406. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 4. Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Семь вождей. — М., 1995. — С. 297.
407. Там же. Л. 77.
408. *Лю Цзечэн...* С. 576.
409. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 335. Л. 38. Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Семь вождей. — М., 1995. — С. 298–301.
410. АПРФ. Ф. 45. Оп. 12. Д. 347. Л. 57–58. Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Семь вождей. — М., 1995. — С. 301.
411. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 93. Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Семь вождей. — М., 1995. — С. 301.

412. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 348. Л. 58, 61. Цит. по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 301–302.
413. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 54–70. Цит. по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 302–303.
414. Переписка Председателя Совета Министров СССР... Документы (август 1941 — декабрь 1945). — М., 1976. — С. 223. Цит. по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 303.
415. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 372. Л. 109–112, 114–115. Цит. по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 303–304.
416. *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 304.
417. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 338. Л. 95–99. Цит. по: *Волкогонов Д. А. Семь вождей.* — М., 1995. — С. 269–270.
418. *Лю Цзечэн...* С. 578–579.
419. *Khrushchev Remembers...* P. 285–287.

Эта монография входит в серию трудов автора под общим названием «Россия и Китай в XX веке. Нации и их лидеры», наряду со следующими работами:

«От императора Николая II и императрицы Цыси до Ленина и Сунь Ятсена»;

«Два генералиссимуса: Сталин и Чан Кайши»;

«Два первых лица: “первый секретарь Хрущев” и “председатель Мао”»;

«От Брежнева и Мао Цзэдуна до Горбачева и Дэн Сяопина»;

«Москва — Пекин, Москва — Тайбэй».

Кроме того, отношения России и Китая посвящены монографии автора:

«“Белые пятна” и “болевые точки” в истории советско-китайских отношений (1917–1991 гг.)»;

«Россия и Китай в XX веке: граница»;

«Россия — Китай: шесть договоров»;

«Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая»;

«Россия — Китай — Америка. От соперничества к гармонии интересов?».

Научное издание

Галенович Юрий Михайлович

СТАЛИН И МАО

Два вождя

Корректор
Е. А. Соседова

Верстка
О. Б. Русакова

Дизайн обложки
О. С. Гушанская

«Восточная книга»

(495) 921-36-29

E-mail: muravei@muravei.ru

ООО «Восточная книга»
127273, Москва, Олонецкая ул., д. 23

Подписано в печать 12.08.2009.
Формат 84х108 1/32. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 30,24. Тираж 1000 экз.
Заказ № 1897

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Иосиф Сталин и Мао Цзэдун... Два тирана, два диктатора двадцатого столетия. Уникальные это были лидеры, и уникальными были их отношения. Каждый из них был непоколебим в своем убеждении, что именно он и его партия, его идеология отражают коренные интересы не только его собственного народа, но и всего человечества, во всяком случае его трудящейся части. Они думали: все, что они делают, делается в интересах большинства простых людей. На самом же деле и тот и другой создали в своих странах тоталитарные режимы, партийно-государственные властные структуры, которые погубили миллионы и миллионы сограждан, исторически отбросили свои страны и народы назад, задержали их развитие.

Политические и государственные деятели, формально объединенные одной идеологией — марксизмом-ленинизмом — и фактически разъединенные, более того, поставленные один против другого самой сутью своих воззрений и претензий на лидерство, на господство как в области идеологии, так и в геополитике, Сталин и Мао Цзэдун — это, так сказать, товарищи-соперники, союзники поневоле. Компромиссы и соглашения между ними были взаимовынужденными, появлялись как результат упорной борьбы. И всю тяжесть этой борьбы пришлось нести народам обеих стран — Советского Союза и Китайской Народной Республики...